

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского и международного права

Том 16, № 1А, 2026.

С. 1-589.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

January 2026, Volume 16, Issue 1A.

Pages 1-589.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 16, № 1А, 2026

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия* – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, *Оренбургский государственный университет* – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: 42934 «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 75,75. Формат 60х90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2026.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 5192.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию».

127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

January 2026, Volume 16, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the **Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences** (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, **Saratov State Law Academy** (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, **Orenburg State University** (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 75.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2026.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 5192.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностранный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

Козлова Валерия Михайловна

Представитель потерпевшего в уголовном судопроизводстве: история и перспективы развития 11

Храмышин Сергей Николаевич

Концепция приоритета справедливости над позитивным правом в политико-правовом учении Августина Блаженного: теоретико-методологические основы и современная актуальность 17

Романова Наталья Владимировна

Историко-правовой анализ вопроса экспроприации земель в период первой земельной реформы в Чехословакии (1918–1935 гг.)..... 33

Климочкина Валентина Николаевна

Никишкин Александр Владимирович

Газимагомедов Магомед Аминович

Информационная безопасность государства в современных геополитических реалиях 43

Владимиров Игорь Викторович

Эволюция правовой формы абсолютизма Саудовской Аравии 50

Тутарищева Светлана Муратовна

Багова Инна Руслановна

Читаов Азамат Капланович

Соотношение охраны окружающей среды и экономического развития в Республике Адыгея (на примере курорта «Лагонаки»)..... 58

Азангулова Зарифа Хамитовна

Развитие института федеративного устройства Российской Федерации: на примере присоединения Республики Крым и города Севастополь 64

Доценко Николай Николаевич

Працко Геннадий Святославович

Личность как предел и цель правового развития: концепт общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте современной теории прав человека 70

Доценко Николай Николаевич

Працко Геннадий Святославович

Общественный идеал и правовое государство в учении П.И. Новгородцева: нравственный критерий легитимности публичной власти..... 77

Хуан Сянъи

Римско-правовые истоки основных принципов Гражданского кодекса Китая 83

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Пешехонов Александр Владимирович

Эффективность государственно-правового регулирования маркировки полимерной трубной продукции как средства борьбы с фальсификатом 90

Галахов Егор Николаевич

Правовые коллизии при осуществлении Федеральной инспекцией труда полномочий по реализации конституционной гарантии защиты права на труд..... 98

Мишуков Вадим Олегович

Правовые основы взаимодействия между административным ресурсом и избирателями с учетом особенностей дистанционного электронного голосования 107

Лепилин Артем Сергеевич	
Лепилин Сергей Валерьевич	
Агрегаторы информации о товарах и услугах: проблемы квалификации правовой природы и механизмы правового регулирования	114
Базазян Розалия Меружановна	
Григорянц Сергей Анушаванович	
Незаконная предпринимательская деятельность как угроза экономической безопасности государства	124
Юсифова Эльвира Рауф кызы	
Порядок обращения в Конституционный Суд Азербайджанской Республики: конституционная жалоба и иные формы инициирования конституционного контроля	131
Мельников Даниил Геннадьевич	
Безопасность как категория современного права: тенденции развития законодательства РФ и стран СНГ	137
Аликина Светлана Викторовна	
Охотников Илья Викторович	
Спектор Асия Ахметовна	
Правовое регулирование использования цифровых технологий при обеспечении кибербезопасности цепочек поставок.....	142
Дмитриев Игорь Олегович	
Хусаинов Зуфар Фаатович	
Система налогового контроля в Российской Федерации: эволюция форм и методов в условиях налоговой реформы 2025–2026 годов	150
Егорова Юлия Александровна	
Причины и особенности будущей реформы полиции в Великобритании.....	160
Кулажников Вадим Владимирович	
Цель и содержание операций финансового контроля в организации: историко-правовой ракурс.....	169
Загуменный Кирилл Ильич	
Понятие и особенности государственного принуждения	177
Морозова Галина Михайловна	
Шайбакова Людмила Фаритовна	
Собственность и возмездные договоры: правовые и экономические аспекты.....	186
Михеев Сергей Дмитриевич	
Роль государственных органов в регулировании информационных цифровых технологий в нефтегазовой промышленности.....	193
Бесчастнова Ольга Валерьевна	
Новиков Алексей Валерьевич	
Кособоков Андрей Львович	
Ведение беременности при диагностированном отсутствии витальных функций организма женщины. Правовое регулирование фетальных прав в рубежных странах	207

Частно-правовые (цивилистические) науки

Платонов Давид Миралиевич	
Первухина Светлана Игоревна	
Обязательность как институциональный принцип арбитражного процесса	216
Банний Денис Сергеевич	
Отсрочка от службы в армии как правовая мера стимулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации	222

Струнова Ксения Ивановна	
Вопросы устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей: отечественное и международное правовое регулирование	235
Цао Синь	
Сравнительное исследование предварительного нарушения и права на защиту от небезопасных обстоятельств с точки зрения китайского права	247
Годованик Евгений Валентинович	
Квач Сергей Сергеевич	
Квач Ирина Валерьевна	
Принцип взаимности в правовой помощи как институт международного частного права: от политической декларации к эффективному механизму сотрудничества.....	260
Васильева Анастасия Валерьевна	
Ланкова Виталина Алексеевна	
Место наследования по праву представления в системе способов призвания к наследованию: теоретический аспект.....	267
Водопьянов Никита Александрович	
Специфика обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае: проблемы и пути их решения	275
Втюрин Виталий Дмитриевич	
Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц и критерии установления фактического контроля в арбитражном процессе	284
Демченко Виктория Викторовна	
Межведомственная координация МВД, ФСБ и МИД в условиях цифровизации визового и миграционного контроля и развития электронных виз	294
Сурилов Меир Нисонович	
Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности.....	305
Синицын Алексей Сергеевич	
Ценообразование в неконтролируемой сделке: поиск «рынка» в налоговом споре	316
Фефелов Георгий Валентинович	
Особенности гражданско-правового статуса спортивных организаций в Италии	331
Романова Елена Владимировна	
Хлебникова Анна Андреевна	
Мирзоян Регина Эдуардовна	
Цеев Джамал Магаматович	
Защита трудовых прав медицинских работников: проблемы и особенности.....	338
Лобченко Людмила Николаевна	
Адилова Арзу Ариф кызы	
Основные проблемы развития жилищной сферы в Арктической зоне и пути их решения	345
Ястремский Иван Анатольевич	
Правовые особенности ведения бухгалтерского учета в клинике пластической хирургии.....	353
Зарецкая Марина Гаруновна	
Селивёрстова Ирина Григорьевна	
Цеев Джамал Магаматович	
Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда при оказании медицинской помощи	359
Фарзалиев Махач Раюдинович	
Трансформация государственного управления финансами в условиях цифровизации: теоретико-правовой анализ внедрения блокчейн-технологий и машиночитаемого права	367

Спесивцева Алина Викторовна Дёмкина Алеся Вячеславовна	
Правовое регулирование мошенничества с недвижимостью: на примере Определения ВС РФ № 5-КГ25-174-К2.....	379
Ягунова Екатерина Евгеньевна Ноздрина Наталья Александровна	
Международный опыт развития института защиты интеллектуальных прав	387
Емельянов Евгений Александрович	
Теоретико-методологические основы межотраслевого регулирования земельного оборота.....	397

Уголовно-правовые науки

Гонтарь Сергей Николаевич Настуев Алан Салихович Саиян Борис Арменович Данилова Елизавета Витальевна	
Проблемы признания допустимости и достоверности доказательств в условиях цифровизации	408
Сидорова Екатерина Закариевна	
Характеристика угроз, посягающих на криминологическую безопасность цифровой образовательной среды	418
Новиков Алексей Валерьевич	
Мета-анализ зарубежных исследований в пенитенциарной системе: детерминанты суицидального поведения	424
Самсонова Анна Владимировна Павлова Вероника Ростиславовна	
Экстремизм как социально-психологический феномен: анализ экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США.....	432
Кальтенбергер Никита Александрович	
Перехват информации: правовые проблемы разграничения с неправомерным доступом	440
Тащилин Роман Игоревич	
Методологический порядок в уголовном судопроизводстве: математическая формализация как инструмент достижения истинного и справедливого приговора	450
Коротких Наталья Николаевна Губин Артем Андреевич	
Правовые механизмы противодействия экстремизму в международном и национальном измерении	456
Олещенко Илья Александрович	
К вопросу об оптимальной модели описания в уголовном законе признаков незаконного вооруженного формирования (опыт компаративистского исследования)	466
Абдуллаева Виктория Сергеевна Долбня Мария Витальевна	
Приготовление к преступлению в уголовном праве России: проблемы теории и судебной практики.....	474
Исламова Эльнара Рафисовна	
Эффективные прокурорские проверки исполнения законов о противодействии коррупции: критерии, цель и задачи, принципы их проведения	481
Спирин Павел Николаевич	
Правовая природа ущерба, наносимого преступным уклонением от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица	491

Гусев Алексей Васильевич	
Нудьга Екатерина Александровна	
Некоторые проблемы назначения мер пресечения, избираемых судом.....	499
Сакун Андрей Николаевич	
Насонов Сергей Александрович	
К вопросу об оценке достоверности заключения эксперта-автотехника в уголовном судопроизводстве по делам о дорожно-транспортным происшествиям	507
Манивлец Элина Евгеньевна	
Манивлец Николай Николаевич	
Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию фальсификации истории о Великой Отечественной войне.....	523
Казанов Александр Алексеевич	
Андреев Александр Сергеевич	
Систематизация способов содействия раскрытию и расследованию преступлений	530
Багрецов Дмитрий Николаевич	
Исакова Ирина Викторовна	
Киберпреступность: актуальность угрозы и перспективы борьбы с ней	541
Магомедов Давди Бадавинович	
Магомедова Заира Руслановна	
Индивидуализация наказания как принцип уголовного права и роль специальных правил в ее обеспечении	549
Килин Александр Григорьевич	
Котов Василий Васильевич	
Балеевских Федор Валентинович	
Особенности составления портрета преступника в криминалистике	557
Новиков Алексей Валерьевич	
Эволюция применения альтернативных изоляции от общества мер наказания: европейский опыт	563
Слабкая Диана Николаевна	
Доктринальное толкование категории «тяжести» уголовного наказания в зарубежных правовых системах.....	571
<i>Международно-правовые науки</i>	
Ивлюшкин Александр Сергеевич	
Некоторые аспекты развития международно-правового регулирования борьбы с колониализмом в рамках деятельности Лиги Наций и ООН	580

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Valeriya M. Kozlova

Representative of the Victim in Criminal Proceedings: History and Development Prospects 11

Sergei N. Khrameshin

The Concept of the Priority of Justice over Positive Law in the Political and Legal Doctrine of Augustine of Hippo: Theoretical and Methodological Foundations and Contemporary Relevance..... 17

Natal'ya V. Romanova

Historical and Legal Analysis of the Issue of Land Expropriation During the First Land Reform in Czechoslovakia (1918–1935) 33

Valentina N. Klimochkina

Aleksandr V. Nikishkin

Magomed A. Gazimagomedov

Information Security of the State in Modern Geopolitical Realities 43

Igor' V. Vladimirov

Evolution of the Legal Form of Absolutism in Saudi Arabia 50

Svetlana M. Tutarishcheva

Inna R. Bagova

Azamat K. Chitaov

Correlation between Environmental Protection and Economic Development in the Republic of Adygea (Case Study of the Lagonaki Resort) 58

Zarifa Kh. Azangulova

Development of the Institute of Federal Structure of the Russian Federation: On the Example of the Accession of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol..... 64

Nikolai N. Dotsenko

Gennadii S. Pratsko

Personality as the Limit and Goal of Legal Development: The Concept of Social Ideal of P.I. Novgorodtsev in the Context of Modern Theory of Human Rights 70

Nikolai N. Dotsenko

Gennadii S. Pratsko

Social Ideal and the Rule of Law in P.I. Novgorodtsev's Doctrine: The Moral Criterion of Public Authority Legitimacy 77

Huang Xiangyi

Roman Legal Origins of the Fundamental Principles of the Civil Code of China 83

Public law (state and law) sciences

Aleksandr V. Peshekhonov

Effectiveness of State-Legal Regulation of Labeling of Polymer Pipe Products as a Means of Combating Counterfeit Goods..... 90

Egor N. Galakhov

Legal Conflicts in the Exercise of Powers by the Federal Labor Inspectorate to Implement the Constitutional Guarantee of Protecting the Right to Work 98

Vadim O. Mishukov

Legal Foundations of Interaction Between Administrative Resources and Voters Taking into Account the Specifics of Remote Electronic Voting.....107

Artem S. Lepilin	
Sergei V. Lepilin	
Information Aggregators of Goods and Services: Problems of Qualifying the Legal Nature and Mechanisms of Legal Regulation	114
Rozaliya M. Bazazyan	
Sergei A. Grigoryants	
Illegal Entrepreneurial Activity as a Threat to the Economic Security of the State	124
El'vira R. Yusifova	
Procedure for Applying to the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan: Constitutional Complaint and Other Forms of Initiating Constitutional Review	131
Daniil G. Mel'nikov	
Security as a Category of Modern Law: Trends in the Development of Legislation of the Russian Federation and CIS Countries	137
Svetlana V. Alikina	
Il'ya V. Okhotnikov	
Asiya A. Spector	
Legal Regulation of the Use of Digital Technologies in Ensuring Cybersecurity of Supply Chains	142
Igor' O. Dmitriev	
Zufar F. Khusainov	
The System of Tax Control in the Russian Federation: Evolution of Forms and Methods in the Context of the Tax Reform of 2025–2026	150
Yuliya A. Egorova	
Reasons and Specifics of the Future Police Reform in the United Kingdom	160
Vadim V. Kulazhnikov	
Purpose and Content of Financial Control Operations in an Organization: Historical and Legal Perspective	169
Kirill I. Zagumennyi	
The Concept and Features of State Coercion	177
Galina M. Morozova	
Lyudmila F. Shaibakova	
Property and Compensatory Contracts: Legal and Economic Aspects	186
Sergei D. Mikhnev	
The Role of State Bodies in Regulating Information Digital Technologies in the Oil and Gas Industry	193
Ol'ga V. Beschastnova	
Aleksei V. Novikov	
Andrei L. Kosobokov	
Pregnancy Management Upon Diagnosed Absence of Vital Functions of a Woman's Body. Legal Regulation of Fetal Rights in Foreign Countries	207

Private law (civilistic) sciences

David M. Platonov	
Svetlana I. Pervukhina	
Mandatory Nature as an Institutional Principle of Arbitration Process	216
Denis S. Bannyi	
Deferment from Military Service as a Legal Measure to Stimulate Entrepreneurial Activity in the Russian Federation	222
Kseniya I. Strunova	
Issues of Placement of Children Left Without Parental Care When Parents Are Deprived of Liberty: Domestic and International Legal Regulation	235

Cao Xin	
A Comparative Study of Anticipatory Breach and Unsicherheitseinrede from the Perspective of Chinese Law.....	247
Evgenii V. Godovanik	
Sergei S. Kvach	
Irina V. Kvach	
The Principle of Reciprocity in Legal Assistance as an Institution of Private International Law: From Political Declaration to an Effective Mechanism of Cooperation	260
Anastasiya V. Vasil'eva	
Vitalina A. Lankova	
The Place of Inheritance by Right of Representation in the System of Methods of Calling to Inheritance: Theoretical Aspect.....	267
Nikita A. Vodop'yanov	
Specifics of Providing Residential Premises to Orphans and Children Without Parental Care in Khabarovsk Krai: Problems and Solutions	275
Vitalii D. Vtyurin	
Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy of Legal Entities and Criteria for Establishing Actual Control in Arbitration Process.....	284
Viktoriya V. Demchenko	
Interagency Coordination of the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service, and the Ministry of Foreign Affairs in the Context of Digitalization of Visa and Migration Control and the Development of Electronic Visas.....	294
Meir N. Surilov	
Evolution of Anti-Corruption Legislation of the Russian Federation in the Context of Constitutional Principles of the Rule of Law and Public Responsibility	305
Aleksei S. Sinitsyn	
Pricing in Uncontrolled Transactions: The Search for "Market" in a Tax Dispute	316
Georgii V. Fefelov	
Features of the Civil Law Status of Sports Organizations in Italy.....	331
Elena V. Romanova	
Anna A. Khlebnikova	
Regina E. Mirzoyan	
Dzhamal M. Tseev	
Protection of Labor Rights of Medical Workers: Problems and Peculiarities	338
Lyudmila N. Lobchenko	
Arzu A. Adilova	
Main Problems of Housing Sector Development in the Arctic Zone and Ways to Solve Them.....	345
Ivan A. Yastremskii	
Legal Features of Accounting in a Plastic Surgery Clinic	353
Marina G. Zaretskaya	
Irina G. Seliverstova	
Dzhamal M. Tseev	
Civil Law Aspects of Compensation for Harm in the Provision of Medical Care	359
Makhach R. Farzaliev	
Transformation of Public Financial Management in the Context of Digitalization: Theoretical and Legal Analysis of the Implementation of Blockchain Technologies and Machine-Readable Law.....	367
Alina V. Spesivtseva	
Alesya V. Demkina	
Legal Regulation of Real Estate Fraud: A Case Study of the Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG25-174-K2.....	379

Ekaterina E. Yagunova

Natal'ya A. Nozdrina

International Experience in the Development of the Institution for the Protection of Intellectual Rights.....387

Evgenii A. Emel'yanov

Theoretical and Methodological Foundations of Intersectoral Regulation of Land Turnover 397

Criminal law sciences

Sergei N. Gontar'

Alan S. Nastuev

Boris A. Saiyan

Elizaveta V. Danilova

Problems of Recognizing the Admissibility and Reliability of Evidence in the Context of Digitalization 408

Ekaterina Z. Sidorova

Characteristics of Threats Encroaching on the Criminological Security of the Digital Educational Environment.....418

Aleksei V. Novikov

Meta-Analysis of Foreign Research in the Penitentiary System: Determinants of Suicidal Behavior 424

Anna V. Samsonova

Veronika R. Pavlova

Extremism as a Socio-Psychological Phenomenon: Analysis of Extremist Narratives in the US Online Space 432

Nikita A. Kal'tenberger

Information Interception: Legal Problems of Distinguishing from Unauthorized Access 440

Roman I. Tashchilin

Methodological Order in Criminal Proceedings: Mathematical Formalization as a Tool for Achieving a True and Fair Verdict 450

Natal'ya N. Korotkikh

Artem A. Gubin

Legal Mechanisms for Countering Extremism in the International and National Dimension 456

Il'ya A. Oleshchenko

On the Question of the Optimal Model for Describing the Characteristics of an Illegal Armed Group in Criminal Law (Experience of a Comparative Study) 466

Viktoriya S. Abdullaeva

Mariya V. Dolbnya

Preparation for a Crime in the Criminal Law of Russia: Problems of Theory and Judicial Practice 474

El'nara R. Islamova

Effective Prosecutor's Inspections of Compliance with Anti-Corruption Legislation: Criteria, Goal and Objectives, Principles of Their Conduct 481

Pavel N. Spirin

Legal Nature of Damage Caused by Criminal Evasion of Customs Duties, Special, Anti-Dumping, and (or) Countervailing Duties Levied on an Organization or an Individual 491

Aleksei V. Gusev

Ekaterina A. Nud'ga

Some Problems of Imposing Preventive Measures Selected by the Court.....499

Andrei N. Sakun	
Sergei A. Nasonov	
On the Issue of Assessing the Reliability of an Auto-Technical Expert's Opinion in Criminal Proceedings in Cases of Traffic Accidents	507
Elina E. Manivlets	
Nikolai N. Manivlets	
Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering the Falsification of the History of the Great Patriotic War.....	523
Aleksandr A. Kazanov	
Aleksandr S. Andreev	
Systematization of Methods of Assistance in the Detection and Investigation of Crimes	530
Dmitrii N. Bagretsov	
Irina V. Isakova	
Cybercrime: The Relevance of the Threat and Prospects for Combating It	541
Davdi B. Magomedov	
Zaira R. Magomedova	
Individualization of Punishment as a Principle of Criminal Law and the Role of Special Rules in Its Implementation.....	549
Aleksandr G. Kilin	
Vasilii V. Kotov	
Fedor V. Baleevskikh	
Peculiarities of Compiling a Criminal Profile in Criminalistics	557
Aleksei V. Novikov	
Evolution of the Application of Alternative Measures to Isolation from Society: European Experience.....	563
Diana N. Slabkaya	
Doctrinal Interpretation of the Category of "Severity" of Criminal Punishment in Foreign Legal Systems.....	571
<i>International legal sciences</i>	
Aleksandr S. Ivlyushkin	
Some aspects of the development of international legal regulation of the fight against colonialism within the framework of the activities of the League of Nations and the United Nations.....	580

УДК 343.121.5

DOI: 10.34670/AR.2026.60.43.003

Представитель потерпевшего в уголовном судопроизводстве: история и перспективы развития

Козлова Валерия Михайловна

Аспирант,
Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69;
Адвокат,
Московская коллегия адвокатов «Кузьмин и партнеры»,
107023, Российская Федерация, Москва, Барабанный переулок, 4;
e-mail: advokat-k2009@yandex.ru

Аннотация

Целью исследования выступает выявление закономерностей нормативной трансформации фигуры представителя потерпевшего через призму взаимодействия частного и публичного интересов на каждом историческом этапе отечественного уголовного процесса. Методология основана на сочетании формально-юридического, историко-правового и сравнительно-правового методов, а также авторского инструментария «парадигмы частно-публичных интересов», позволяющего раскрыть логику чередования диспозитивного и императивного регулирования допуска представителей. Результаты свидетельствуют о циклическом характере развития: диспозитивность пореформенного периода (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) уступила место императивности советских кодексов, затем — компромиссному дуализму действующей статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, расширенному практикой Конституционного Суда Российской Федерации. Основной вывод состоит в том, что законопроект Министерства юстиции Российской Федерации 2025 г. об адвокатской монополии противоречит конституционно-правовому толкованию свободы выбора представителя; альтернативой выступает отраслевая специализация в сочетании с расширением государственного обеспечения юридической помощи потерпевшим от преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Козлова В.М. Представитель потерпевшего в уголовном судопроизводстве: история и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 11-16. DOI: 10.34670/AR.2026.60.43.003

Ключевые слова

представитель потерпевшего, парадигма частно-публичных интересов, судебное представительство, адвокатская монополия, отраслевая специализация, доступ к правосудию, Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

Введение

Защита прав и интересов потерпевших находит выражение в конституционной гарантии судебной защиты и компенсации причинённого ущерба. Одним из ключевых механизмов практической реализации этих гарантий служит институт представительства потерпевшего, позволяющий лицу, пострадавшему от преступления, делегировать осуществление процессуальных прав своему представителю (адвокату). Правовое регулирование института представительства на протяжении отечественной правовой истории неоднократно менялся, причём направление изменений определялось сдвигами в соотношении частного и публичного интересов — тем, что в рамках настоящего исследования обозначается как «парадигма частно-публичных интересов» [Тарло, 2004, с. 15]. Частный интерес потерпевшего заключается в выборе лица, которое обеспечит защиту его интересов. Публичный интерес государства сводится к поддержанию стандарта качества юридической помощи и контролю над субъектами уголовного процесса со стороны обвинения.

Актуальность темы обострена опубликованием в 2025 г. законопроекта Министерства юстиции об ограничении судебного представительства лицами, обладающими статусом адвоката, вызвавшим критику судейского сообщества и правозащитных организаций [Адвокатская монополия: законопроект и реакция профсообщества, 2025].

Цель исследования — проследить эволюцию нормативной конструкции представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве, установить закономерности чередования диспозитивного и императивного регулирования и оценить перспективы реформирования с позиций парадигмы частно-публичных интересов.

Фундаментальное значение для настоящей работы имеет диссертация Е.Г. Тарло, в которой обосновывается тезис о двойственной — частной и публичной — природе мандата судебного представителя [Тарло, 2004, с. 210]. В действительности проблема до настоящего времени не решена. Несмотря на то, что круг участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, кроме потерпевшего и его представителя, входят прокурор, дознаватель и следователь, суд зачастую игнорирует интересы потерпевшего, оставляя его гражданский иск без рассмотрения, ограничиваясь вынесением обвинительного приговора, без реального восстановления нарушенной справедливости.

Специальному исследованию представительства потерпевшего посвящены диссертации С.А. Мельникова, определившего производный характер процессуальных полномочий представителя [Мельников, 2002, с. 42], и С.В. Юношева, комплексно исследовавшего фигуру адвоката-представителя потерпевшего [Юношев, 2000, с. 8]. Однако в силу сложившегося в судебной практике субъективного усмотрения в отношении пострадавшего может быть не принято процессуальное решение о признании его потерпевшим и его представитель не допускается к участию по расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде.

Историко-правовой аспект раскрыт С.В. Юношевым применительно к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. [Юношев, 2014, с. 594] и Д.В. Шаровым, проанализировавшим понятие потерпевшего в пореформенном процессе [Шаров, 2015, с. 168], в то же время необходимость процессуальной защиты интересов потерпевшего никем не оспаривается.

Основная часть

Эволюция процессуального положения потерпевшего в советский период прослежена Л.А. Зашляпиным, выявившим тенденцию к нейтрализации субъективных прав потерпевшего при их

формальном расширении [Зашляпин, 2024, с. 44], в угоду догматического постулата искоренения преступности в целом.

Необходимо выделить работу О.П. Копыловой и М.А. Ментюковой, обнаруживших структурную асимметрию в регулировании представительства на стороне обвинения и защиты [Копылова, Ментюкова, 2012, с. 55]. Несмотря на то, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, он зачастую игнорирует процессуальные права как обвиняемого, так и потерпевшего.

Вместе с тем целостное исследование, интерпретирующее эволюцию фигуры представителя потерпевшего через призму парадигмы частно-публичных интересов с учётом новейших инициатив (адвокатской монополии) 2025 г., в научной литературе отсутствует.

Методологической рамкой служит авторская «парадигма частно-публичных интересов», раскрываемая через три параметра: (а) субъектный состав лиц, допускаемых к представительству; (б) основание допуска (автоматический, по ходатайству, по решению суда); (в) механизм государственного обеспечения юридической помощи потерпевшему.

Применение данной рамки к каждому этапу позволяет установить, какой полюс — частный или публичный — доминирует в нормативной конструкции.

Исследование эволюции института представительства в уголовном процессе приводят к следующим результатам.

1. Диспозитивная модель: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Судебная реформа впервые ввела нормативно оформленную возможность потерпевшего действовать через «поверенного». Предусматривалось право обращения к мировому судье «самими потерпевшими вред или убытки, или теми, коим по закону предоставлено право ходатайства за них, или же через поверенных». Устав делегировал обвинителю или гражданскому истцу «поручать защиту своих прав поверенным». Как показал М.Г. Коротких, допуск поверенных устанавливал цензы (дееспособность, отсутствие судимости), но не требовал принадлежности к корпусу присяжных поверенных [Коротких, 1994, с. 113].

Частные поверенные — в отличие от присяжных — не обязаны были иметь высшее юридическое образование [Институт поверенных в гражданско-процессуальном законодательстве дореволюционной России, 2022, с. 86].

Объём процессуальных возможностей потерпевшего зависел от обвинения. С.В. Юношев установил, что по делам частного обвинения потерпевший обладал рядом возможностей (представление доказательств, заявление отводов, обжалование приговора), тогда как по делам публичного обвинения его возможности ограничивались жалобой и иском [Юношев, 2014, с. 595].

2. Императивная модель: советские кодексы (1922–1991) УПК РСФСР 1923 г. (ст. 51) сформировали перечень лиц, допускаемых к представительству потерпевшего: члены коллегии защитников, близкие родственники, уполномоченные профсоюзов, инспектора труда. По мнению Л.А. Зашляпина, потерпевший рассматривался не как автономный субъект, а как элемент трудового коллектива [Зашляпин, 2024, с. 45].

Расширение обвинительной функции прокурором привела к тому, что потерпевший фактически растворился в стороне обвинения. УПК РСФСР 1960 г. формально расширил права потерпевшего: статья 53 наделяла его правом представлять доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела. По мнению Копыловой О.П., институт общественного обвинения создает особую форму коллективного представительства [Копылова, Ментюкова, 2012, с. 53].

Применительно к параметрам парадигмы: субъектный состав представителей регламентирован императивно; основание допуска — принадлежность к коллегии или родственная связь; государственное обеспечение юридической помощи потерпевшему отсутствует. Данный набор признаков свидетельствует о доминировании публичного интереса.

3. Компромиссный дуализм: статья 45 УПК Российской Федерации. Действующий кодекс закрепил двойственную конструкцию: представителями потерпевшего «могут быть адвокаты» (ч. 1 ст. 45 УПК РФ); одновременно в качестве представителя «могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший». Адвокат допускается автоматически, а иное лицо — дискреционным решением суда по ходатайству потерпевшего. О.П. Копылова и М.А. Ментюкова обнаружили структурную асимметрию: аналогичная норма о защитнике обвиняемого (ч. 2 ст. 49 УПК РФ) допускает «иных лиц» наряду с адвокатом в судах всех уровней, а у мирового судьи — и вместо адвоката. Обвиняемый располагает более широкими возможностями привлечения представителя, нежели потерпевший [Копылова, Ментюкова, 2012, с. 55].

В контексте парадигмы это означает, что публичный интерес в обеспечении качества помощи реализуется за счёт непропорционального ограничения частного интереса стороны, пострадавшей от преступления. В нарушение принципа равенства потерпевший не может воспользоваться помощью адвоката по назначению, то есть бесплатно.

4. Конституционная коррекция: Конституционный Суд определением от 5 декабря 2003 г. № 446-О признал «альтернативу выбора представителя, иначе «приводило бы к ограничению свободы выбора и противоречило бы статье 52 Конституции Российской Федерации».

Практическое закрепление — пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда от 29 июня 2010 г. № 17: представителями потерпевшего «могут выступать не только адвокаты, но и иные лица, способные, оказать им квалифицированную юридическую помощь».

Полученные результаты позволяют сформулировать ряд выводов. Эволюция института обнаруживает циклический характер: диспозитивная модель УУС 1864 г. → императивность советских кодексов → компромиссный дуализм УПК РФ → конституционная коррекция от частного к публичному интересу в настоящее время.

Каждый переход обусловлен не автономным развитием процессуального права, а сдвигом в соотношении частного и публичного интересов [Тарло, 2004, с. 350]. Структурная асимметрия статей 45 и 49 УПК РФ [Копылова, Ментюкова, 2012, с. 55] нуждается в законодательном устранении. Ситуация, при которой обвиняемый обладает более широкими возможностями привлечения представителя, чем потерпевший, противоречит принципу состязательности и равноправия сторон.

Законопроект Минюста 2025 г. об адвокатской монополии вступает в противоречие с конституционно-правовым смыслом статьи 45 УПК РФ. С точки зрения публичных интересов оказание бесплатной юридической помощи потерпевшим важнее, чем безальтернативно монопольный вариант, стоимость которой будет недостижимой для значительного числа пострадавших.

Заключение

1. Институт представительства потерпевшего подчинён циклической динамике «частный интерес — публичный интерес». Действующая нормативная модель, скорректированная конституционной практикой, тяготеет к балансу, однако содержит внутренние противоречия.

2. Структурную асимметрию статей 45 и 49 УПК РФ целесообразно устранить закреплением права потерпевшего ходатайствовать о допуске «иного лица» наряду с адвокатом во всех инстанциях по аналогии с нормой о защитнике обвиняемого.

3. Адвокатская монополия на судебное представительство противоречит конституционно-правовому смыслу действующего законодательства и ограничивает доступ потерпевших к правосудию.

4. Альтернативой выступает комплекс мер: оказание бесплатной юридической помощи потерпевшим по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях; развитие отраслевой специализации, при которой допуск определяется профессиональной компетентностью в конкретной области права; обеспечение равных процессуальных возможностей потерпевшего и обвиняемого в выборе представителя.

Библиография

1. Адвокатская монополия: законопроект и реакция профсообщества // probankrotstvo.ru. 2025. 31 окт. URL: <https://www.probankrotstvo.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoi-monopolii-zastoporilsia-posle-kritiki-profsoobshhestva-9585>.
2. Защляпин Л.А. Эволюционирование статуса потерпевшего в советском уголовном процессе // Legal Bulletin. 2024. № 2. С. 42-58.
3. Институт поверенных в гражданско-процессуальном законодательстве дореволюционной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. С. 85-90.
4. Копылова О.П., Ментюкова М.А. О равноправии сторон в российском уголовном процессе // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. Спец. выпуск (38). С. 52-56.
5. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. 240 с.
6. Мельников С.А. Представительство в современном российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ижевск, 2002. 185 с.
7. Тарло Е.Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 430 с.
8. Шаров Д.В. Понятие потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 167-172.
9. Юношев С.В. Адвокат — представитель потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2000. 190 с.
10. Юношев С.В. Регламентация статуса потерпевшего и его представителя в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 593-599.

Representative of the Victim in Criminal Proceedings: History and Development Prospects

Valeriya M. Kozlova

Postgraduate Student,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
Attorney, Moscow Bar Association "Kuzmin and Partners",
107023, 4, Barabanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: advokat-k2009@yandex.ru

Abstract

The aim of the study is to identify patterns of normative transformation of the figure of the victim's representative through the prism of the interaction of private and public interests at each

historical stage of the domestic criminal process. The methodology is based on a combination of formal-legal, historical-legal, and comparative-legal methods, as well as the author's toolkit of the "paradigm of private-public interests," which allows revealing the logic of the alternation of dispositive and imperative regulation of the admission of representatives. The results indicate the cyclical nature of development: the dispositivity of the post-reform period (Charter of Criminal Procedure of 1864) gave way to the imperativeness of the Soviet codes, then to the compromise dualism of the current Article 45 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, expanded by the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The main conclusion is that the 2025 draft law of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the attorney monopoly contradicts the constitutional-legal interpretation of the freedom to choose a representative; the alternative is sectoral specialization combined with the expansion of state provision of legal assistance to victims of crimes.

For citation

Kozlova V.M. (2026) *Predstavitel' poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve: istoriya i perspektivy razvitiya* [Representative of the Victim in Criminal Proceedings: History and Development Prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 11-16. DOI: 10.34670/AR.2026.60.43.003

Keywords

Representative of the victim, paradigm of private-public interests, judicial representation, attorney monopoly, sectoral specialization, access to justice, Charter of Criminal Procedure of 1864.

References

1. *Advokatskaya monopoliya: zakonoproekt i reaktsiya profsoobshchestva* [Advocate monopoly: draft law and professional community reaction]. (2025, October 31). probankrotstvo.ru. <https://www.probankrotstvo.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoi-monopolii-zastoporilsia-posle-kritiki-profsoobshchestva-9585>
2. Institut poverennykh v grazhdansko-protsessualnom zakonodatelstve dorevolutsionnoy Rossii [The institution of attorneys-in-fact in pre-revolutionary Russian civil procedural legislation]. (2022). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 85-90.
3. Kopylova, O.P., & Ment'yukova, M.A. (2012). O ravnopravii storon v rossiyskom ugolovnom protsesse [On equality of parties in Russian criminal trial]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*, Special Issue (38), 52-56.
4. Korotkikh, M.G. (1994). *Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii* [The judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh State University Publishing.
5. Melnikov, S.A. (2002). *Predstavitelstvo v sovremennom rossiyskom ugolovnom protsesse* [Representation in modern Russian criminal proceedings] [PhD dissertation]. Udmurt State University.
6. Sharov, D.V. (2015). Ponyatiye poterpevshego po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. [The concept of the victim under the Charter of Criminal Proceedings of 1864]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, 6, 167-172.
7. Tarlo, E.G. (2004). *Problemy professionalnogo predstavitelstva v sudoproizvodstve Rossii* [Problems of professional representation in Russian court proceedings] [Doctoral dissertation]. Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Yunoshev, S.V. (2000). *Advokat — predstavitel poterpevshego* [Advocate — representative of the victim] [PhD dissertation]. Samara State University.
9. Yunoshev, S.V. (2014). Reglamentatsiya statusa poterpevshego i yego predstavatelya v Ustave ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. [Regulation of the status of the victim and his representative in the Charter of Criminal Proceedings of 1864]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, 4, 593-599.
10. Zashlyapin, L.A. (2024). Evolyutsionirovaniye statusa poterpevshego v sovetskom ugolovnom protsesse [Evolution of the victim's status in Soviet criminal proceedings]. *Legal Bulletin*, 2, 42-58.

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.34.50.004

Концепция приоритета справедливости над позитивным правом в политико-правовом учении Августина Блаженного: теоретико-методологические основы и современная актуальность**Храмешин Сергей Николаевич**

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры теологии,
Славяно-Греко-Латинская Академия,
105037, Российская Федерация, Москва, тер. Городок Им. Баумана, 2/3;
профессор кафедры философии и теологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: rector@sgla.ru

Аннотация

В статье предпринято комплексное исследование одного из ключевых аспектов политико-правовой доктрины Аврелия Августина — принципа приоритета божественной справедливости над позитивным (человеческим) законом. Автор анализирует знаменитую формулу Августина «несправедливый закон не является законом» (*lex iniusta non est lex*) в контексте его учения о четырехступенчатой иерархии законов (вечный, естественный, человеческий, божественный). Рассматривается диалектическая связь между Градом Божиим (*Civitas Dei*) как идеалом абсолютной справедливости и Градом Земным (*Civitas Terrena*) как несовершенным политическим образованием, чье право должно стремиться к реализации высших моральных принципов. Особое внимание уделяется влиянию августиновской концепции на последующее развитие европейской естественно-правовой мысли, в частности на философию Фомы Аквинского и правовые доктрины эпохи Возрождения. В статье также анализируется современная актуальность учения Августина, особенно в контексте дискуссий о пределах государственного суверенитета, легитимности власти и соотношении права и морали, включая рассмотрение «формулы Радбруха». Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и герменевтический методы. Автор приходит к выводу, что идеи Августина, основанные на синтезе античной философии и христианской теологии, заложили фундаментальные основы для непозитивистского правопонимания и продолжают оставаться эвристически ценными для современной теории государства и права. Исследование базируется на анализе первоисточников, в первую очередь трактата «О граде Божием», а также на широком круге современных научных публикаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Храмешин С.Н. Концепция приоритета справедливости над позитивным правом в политико-правовом учении Августина Блаженного: теоретико-методологические основы и современная актуальность // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 17-32. DOI: 10.34670/AR.2026.34.50.004

Ключевые слова

Августин Блаженный, теория государства и права, справедливость, позитивное право, естественное право, *lex iniusta non est lex*, Град Божий, Град Земной, иерархия законов, формула Радбруха, непозитивизм, философия права, история политических и правовых учений.

Введение

Проблема соотношения права и справедливости принадлежит к числу тех вечных вопросов, которые не утрачивают своей остроты на протяжении всей истории политико-правовой мысли. Дискуссия между сторонниками юридического позитивизма, отождествляющими право с законом, и представителями естественно-правовой доктрины, настаивающими на существовании высших, надпозитивных критериев правового, находит свое отражение в самых разных областях юридической науки и практики. Как справедливо отмечает Д.И. Луковская, этот «конфликт интерпретаций» между позитивизмом и естественным правом далеко не исчерпан и продолжает определять основные линии напряжения в современной философии права [Луковская, 2020]. В этом контексте обращение к истокам европейской правовой традиции, к трудам мыслителей, заложивших фундамент для многовековых споров, приобретает особую теоретическую и методологическую значимость.

Одной из центральных фигур, чье наследие оказало колоссальное влияние на всю последующую западно-христианскую цивилизацию, является Аврелий Августин, епископ Гиппонский (354–430). Его политико-правовые воззрения, сформировавшиеся на переломе эпох, в период крушения Римской империи и становления христианства в качестве государственной религии, стали тем горнилом, в котором переплавлялись идеи античной философии и принципы христианского вероучения. Как показано в исследовании Х.Д. Рузиева, социально-политические воззрения Августина представляли собой принципиально новый синтез, не имевший аналогов в предшествующей традиции [Рузиев, 2023]. Этот синтез определил вектор развития европейской мысли на столетия вперед, а его значение для формирования правовой культуры Запада трудно переоценить [Алонцева, 2020].

Центральным нервом политико-правовой доктрины Августина является его глубоко отрефлексированная концепция справедливости (*iustitia*) как основополагающего принципа, придающего смысл и легитимность самому существованию государства и его правовой системы. Именно Августину принадлежит знаменитая и многократно цитируемая формула: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки?» (*Remota itaque iustitia, quid sunt regna nisi magna latrocinia?*) [Августин Аврелий, *www...*, кн. IV, гл. 4]. Этот тезис, по сути, провозглашает приоритет морального содержания над формальной легальностью и ставит под сомнение саму правовую природу закона, который не соответствует высшим критериям божественной справедливости. Данная идея, выраженная также в принципе «несправедливый закон не является законом» (*lex iniusta non est lex*), стала краеугольным камнем для всей последующей традиции естественного права, как убедительно показано в работах К.А. Туганаева [Туганаев, 2015] и Г.Г. Абасова [Абасов, Мамченко, 2021].

Актуальность исследования концепции Августина в XXI веке обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях глобализации и кризиса вестфальской модели

международных отношений вновь обостряются вопросы о пределах государственного суверенитета и возможности его ограничения во имя защиты фундаментальных прав человека, что напрямую отсылает к августиновской проблематике соотношения «града земного» и «града божьего» [Алонцева, 2019]. Во-вторых, возрождение интереса к естественно-правовой теории после Второй мировой войны, наиболее ярко проявившееся в «формуле Радбруха», показало, что в периоды глубоких социальных потрясений и столкновения с «законным неправом» юридическое сообщество вынуждено искать опору в надпозитивных ценностях [Ефремова, 2017]. В-третьих, для отечественной теории государства и права, находящейся в поиске собственной парадигмы развития, осмысление классического наследия, в том числе и патристики, является важным условием для формирования целостной и исторически обоснованной правовой доктрины. Как показал А.Л. Табаков, проблема соотношения справедливости и позитивного права занимала центральное место в русской философии права второй половины XIX — первой половины XX века, и эта традиция нуждается в продолжении [Табаков, 2017].

Научная новизна настоящей работы заключается в попытке комплексного анализа учения Августина о приоритете справедливости над законом с привлечением широкого круга современных исследований, доступных в открытых научных базах данных. В отличие от многих работ, рассматривающих лишь отдельные аспекты его доктрины, данная статья стремится представить целостную картину, прослеживая связь между онтологией, теологией и политико-правовыми взглядами Августина, и показать, как его концепция повлияла на последующее развитие права и сохраняет свою эвристическую ценность в современном мире.

Целью статьи является теоретико-правовая реконструкция концепции приоритета справедливости над позитивным правом в учении Августина Блаженного и определение ее значения для современной юриспруденции. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: рассмотреть теоретико-методологические основы учения Августина; проанализировать разработанную им иерархию законов; раскрыть содержание принципа «*lex iniusta non est lex*»; показать влияние идей Августина на последующую правовую мысль; и, наконец, оценить их актуальность для современной теории права.

Теоретико-методологические основы учения Августина: синтез античной философии и христианской теологии

Политико-правовые воззрения Августина невозможно понять вне общего контекста его мировоззрения, которое представляет собой грандиозный синтез античной философской мысли, прежде всего платонизма и неоплатонизма, и христианского откровения. Будучи блестяще образованным ритором, Августин в молодости прошел через увлечение манихейством и скептицизмом, прежде чем обрести веру в христианство. Этот интеллектуальный путь, подробно описанный им самим в «Исповеди» [Августин Аврелий, [www...](#)], во многом определил характер его философии: он не отвергал античное наследие, но стремился переосмыслить его и поставить на службу христианской теологии. Как отмечает Х.Д. Рузиев, именно этот синтез позволил Августину создать политико-правовое учение, которое оказалось способным пережить крушение той цивилизации, в рамках которой оно было создано [Рузиев, 2023].

Ключевое влияние на формирование его представлений о справедливости и праве оказал

Платон с его учением об идеях как вечных и неизменных образцах, которым должен соответствовать изменчивый мир явлений. Подобно тому, как у Платона существует идеальное государство, описанное в одноименном диалоге, так и у Августина появляется образ Града Божия (*Civitas Dei*) — совершенного общества, основанного на любви к Богу и абсолютной справедливости. С.Н. Большаков в своем исследовании подробно анализирует, как Августин выстраивает оппозицию двух градов: Град Божий не является земным политическим образованием, но представляет собой духовную общность праведников, странствующих по земле, тогда как Град Земной (*Civitas Terrena*) — сообщество людей, объединенных любовью к себе и презрением к Богу, воплощением которого являются реальные государства с их несовершенными законами и институтами [Большаков, 2025]. Эта оппозиция, как показано в учебных материалах по истории политических и правовых учений, стала одной из наиболее влиятельных политических метафор в истории западной мысли [Нерсисянц (ред.), 2004].

Однако, в отличие от Платона, для которого справедливость была прежде всего гармонией частей души и государства, для Августина справедливость немыслима без правильного отношения к Богу. «Истинной справедливости, — пишет он, — нет нигде, кроме как в том государстве, основателем и правителем которого — Христос» [Августин Аврелий, *www...*, кн. II, гл. 21]. Таким образом, античное понятие справедливости наполняется у него новым, теологическим содержанием. Справедливость — это не просто «воздаяние каждому своего», как учили римские юристы, а в первую очередь — должное служение Богу. Если этого нет, то и вся система социальных отношений, включая правовую, оказывается порочной и лишенной истинного основания. Т.В. Елифанова и А.А. Буреев убедительно показали, что именно божественный закон выступает у Августина в качестве высшего критерия оценки всех иных форм нормативного регулирования [Елифанова, Буреев, 2015].

Следует при этом отметить, что место блаженного Августина в православной традиции оценивается неоднозначно. Как указывает иеромонах Серафим (Роуз) в своем известном исследовании, Православная Церковь почитает Августина как блаженного, признавая его заслуги в борьбе с ересями и в развитии христианского богословия, однако не все аспекты его учения были восприняты восточной патристикой безоговорочно [Серафим (Роуз), иером., *www...*]. Тем не менее его политико-правовые идеи, и в особенности концепция приоритета справедливости, оказались в значительной степени созвучны православному пониманию соотношения Церкви и государства, основанному на принципе симфонии властей.

Методологически Августин использует телеологический подход: все сущее имеет свою цель (*telos*), предопределенную Богом. Цель человеческой жизни — достижение вечного блаженства в Граде Божием. Цель земного государства, в свою очередь, носит подчиненный характер: оно призвано обеспечивать временный мир и порядок (*пак земная*), необходимые для того, чтобы праведники могли спокойно совершать свое земное странствие. Государство, таким образом, имеет инструментальную ценность. Оно не является самоцелью, но лишь средством для достижения высших, духовных целей. Эта идея, как отмечает Д.В. Алонцева, коренным образом отличалась от античного полисного патриотизма, где государство рассматривалось как высшая форма человеческого общежития [Алонцева, 2020].

Теоретико-методологической базой для учения Августина о праве и справедливости служит христианский платонизм, в рамках которого мир удваивается, разделяясь на совершенный, вечный мир божественных идей и несовершенный, временный мир земного существования; справедливость определяется не через формальное равенство или соответствие закону, а через

правильное отношение к Богу; а государство и право оцениваются с точки зрения их соответствия высшей, божественной справедливости. Этот подход, как показывают исследования в области патристического обоснования естественного права, заложил основы для многовековой традиции непозитивистского правопонимания [Водяной, 2011].

Иерархия законов в учении Августина: от вечного к человеческому

Концепция приоритета справедливости над правом находит свое системное выражение в разработанной Августином иерархической теории законов. Эта теория, также восходящая к античным стоическим и платоническим идеям, была им христианизирована и адаптирована к его учению о двух градах. Как отмечают Т.В. Епифанова и А.А. Буреев, Августин выделяет несколько видов закона, которые находятся в строгом соподчинении, и именно эта иерархия позволяет ему обосновать приоритет справедливости над формальной легальностью [Епифанова, Буреев, 2015]. Рассмотрим эту иерархию подробнее.

Вечный закон (*lex aeterna*) занимает высшую ступень в иерархии. Это неизменный и универсальный закон, представляющий собой сам божественный разум и волю. «Вечный закон, — определяет Августин в трактате «О свободе воли», — есть божественный разум или воля Бога, повелевающая сохранять естественный порядок и запрещающая его нарушать» [Августин Аврелий, *www...*, кн. I, гл. 6]. Этот закон является источником всякой справедливости и порядка во вселенной. Он абсолютен и распространяется на все творения, от небесных светил до человеческой души. Человек не может познать вечный закон во всей его полноте, но он запечатлен в его душе в виде естественного закона. Как подчеркивает К.А. Туганаев, именно теологическая интерпретация вечного закона позволила Августину обосновать абсолютный характер справедливости, не зависящий от воли земного законодателя [Туганаев, 2015].

Естественный закон (*lex naturalis*) представляет собой отражение вечного закона в разуме и совести человека. В отличие от вечного закона, который существует объективно, естественный закон субъективен, он «записан в сердцах людей». Благодаря естественному закону человек, даже не зная Священного Писания, способен интуитивно различать добро и зло, справедливое и несправедливое. Это тот внутренний моральный компас, который дан каждому от природы. Как показал Д.В. Галкин, естественное право в христианской интерпретации Августина приобретает особое значение: оно является мостом между вечным божественным порядком и временным человеческим законодательством, обеспечивая возможность морального суждения о позитивном праве [Галкин, 2019]. Именно через естественный закон человек способен оценивать справедливость или несправедливость тех норм, которые устанавливает государственная власть.

Человеческий закон (*lex humana* или *lex temporalis*) — это позитивный, временный закон, создаваемый государственной властью для регулирования внешней жизни людей в «граде земном». Его главная задача — поддержание мира и порядка (*pacem terrena*). В отличие от вечного и естественного законов, человеческий закон изменчив, несовершенен и ограничен в своей сфере действия. Он касается лишь внешних поступков людей, а не их внутренних мотивов. Однако свою легитимность и обязательную силу человеческий закон черпает только из своего соответствия высшим законам — естественному и вечному. «То, что не справедливо, не может быть и законом», — утверждает Августин [Августин Аврелий, *www...*, кн. I, гл. 5]. Г.Г. Абасов и Н.В. Мамченко справедливо отмечают, что именно этот тезис о производности и подчиненности позитивного права стал ключевым вкладом Августина в развитие дуалистической концепции

соотношения естественного и позитивного права [Абасов, Мамченко, 2021].

Божественный закон (*lex divina*) — это закон, данный людям в божественном откровении, прежде всего в Священном Писании (Ветхом и Новом Заветах). Он дополняет и разъясняет естественный закон, указывая человеку путь к спасению и достижению вечной жизни в Граде Божием. Если человеческий закон регулирует жизнь земную, то божественный закон — жизнь небесную. В Новом Завете он достигает своей полноты в заповеди любви к Богу и ближнему, которая, по Августину, является квинтэссенцией всякой справедливости. Как подчеркивает М.И. Тимохина, философское учение о справедливости, восходящее к Августину, устанавливает неразрывную связь между моральным идеалом и правовой нормой, что имеет принципиальное значение для понимания природы права [Тимохина, 2020].

Эта четырехуровневая иерархия имеет принципиальное значение для всей политико-правовой доктрины Августина. Она устанавливает четкую систему координат, в которой любой позитивный закон может и должен быть оценен с точки зрения его соответствия высшим, надпозитивным нормам. Законность не тождественна справедливости. Закон, даже принятый легитимной властью, но противоречащий естественному и вечному закону, лишается своей правовой природы и превращается в акт произвола. Н.И. Малышева, анализируя соотношение справедливости и определенности в естественном праве, приходит к выводу, что именно августиновская модель иерархии законов задала тот концептуальный каркас, в рамках которого до сих пор ведутся дискуссии о пределах позитивного права [Малышева, 2021]. Эта идея стала мощным оружием в руках критиков юридического позитивизма на протяжении всей последующей истории права.

Принцип «*Lex Iniusta Non Est Lex*» и его значение для теории права

Квинтэссенцией учения Августина о приоритете справедливости над правом является его знаменитый принцип «несправедливый закон не является законом» (*lex iniusta non est lex*). Этот тезис, хотя и не сформулированный им в виде отдельного афоризма, красной нитью проходит через все его рассуждения о праве и государстве. Наиболее четко эта мысль выражена в диалоге «О свободе воли», где Августин утверждает: «Ибо мне кажется, что то, что не справедливо, не есть закон» (*nam mihi lex esse non videtur, quae iusta non fuerit*) [Августин Аврелий, *www...*, кн. I, гл. 5]. С.Н. Храмешин в своем специальном исследовании, посвященном взглядам Августина на соотношение справедливости и права, подробно анализирует генезис и содержание этого принципа, показывая, что он является логическим следствием всей теологической системы гиппонского мыслителя [Храмешин, 2025].

Что же означает этот принцип в контексте теории права? Он означает, что правовая норма (человеческий закон) обладает обязательной силой не в силу формальных признаков — то есть не потому, что она принята уполномоченным органом в установленном порядке, — а в силу своего внутреннего, морального достоинства, то есть соответствия высшей справедливости, заложенной в вечном и естественном законах. Если закон несправедлив, он утрачивает свою правовую природу и становится лишь актом произвола, облеченным в юридическую форму. С.Н. Черных, исследуя источники противоречия между правом и справедливостью, отмечает, что именно Августин впервые с такой определенностью поставил вопрос о возможности «неправового закона» — нормативного акта, который формально является законом, но по существу представляет собой отрицание права [Черных, 2019].

Именно в этом контексте следует понимать и другую знаменитую фразу Августина о государстве как «шайке разбойников». Если государство издает законы, попирающие справедливость, оно, с точки зрения Августина, ничем не отличается от банды преступников, которая также устанавливает свои внутренние правила, но эти правила не являются правом. «При отсутствии справедливости, — спрашивает он, — что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и самые разбойничьи шайки что такое, как не государства в миниатюре?» [Августин Аврелий, *www...*, кн. IV, гл. 4]. Легитимность власти и ее законов напрямую зависит от их служения справедливости. В.Г. Графский, анализируя соотношение справедливости и права в историко-правовой перспективе, подчеркивает, что эта августиновская формула стала одним из наиболее мощных аргументов в арсенале естественно-правовой традиции, к которому обращались мыслители самых разных эпох [Графский, 2009].

Однако здесь возникает сложный практический вопрос: кто и как определяет, является ли закон справедливым? И что делать, если закон признан несправедливым? Должен ли гражданин ему подчиняться? Августин, будучи не революционером, а церковным иерархом, ответственным за мир в своей пастве, подходит к этому вопросу с большой осторожностью. Он не призывает к массовому гражданскому неповиновению. В большинстве случаев, когда закон касается лишь временных, земных дел (налоги, собственность, военная служба), христианин должен подчиняться даже несправедливым, с его точки зрения, законам ради сохранения земного мира (*pac terrena*) [Алонцева, 2019]. Повиновение властям рассматривается как часть божественного порядка. Августин часто цитирует апостола Павла: «Нет власти не от Бога» (Рим. 13:1).

Исключение составляют лишь те случаи, когда человеческий закон прямо предписывает совершить грех, то есть нарушить божественный закон (например, отречься от Христа). Только в этой ситуации христианин имеет право и даже обязан не подчиниться закону, следуя принципу «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29). Но и в этом случае речь идет не о вооруженном восстании, а о пассивном сопротивлении, готовности принять мученическую смерть за веру. А.Р. Антонян, исследуя идею справедливой войны в богословии Августина, показывает, что даже в вопросах применения силы гиппонский мыслитель исходил из приоритета справедливости: война допустима лишь тогда, когда она ведется ради восстановления попорченной справедливости и защиты невинных [Антонян, 2019].

Таким образом, принцип «*lex iniusta non est lex*» у Августина имеет скорее морально-теологическое, чем юридико-политическое измерение. Он служит не столько руководством к действию для свержения тирании, сколько внутренним критерием для оценки права и власти. Этот принцип утверждает, что в основе правопорядка лежит не принуждение, а моральный авторитет, и если этот авторитет утрачен, то и вся правовая система теряет свое внутреннее оправдание. Как отмечают исследователи, связь между правом и справедливостью, обоснованная Августином, стала одним из фундаментальных принципов, определивших развитие всей европейской правовой цивилизации [Табаков, 2019].

Влияние концепции Августина на развитие теории естественного права

Политико-правовое учение Августина, и в особенности его концепция приоритета справедливости над законом, оказало формирующее воздействие на всю последующую

традицию европейской естественно-правовой мысли. Хотя сам Августин не создал систематической теории естественного права в современном понимании, его идеи стали тем фундаментом, на котором строили свои доктрины мыслители Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. Исследование патристических и схоластических оснований естественного права показывает, что именно Августин заложил те теологические предпосылки, которые были впоследствии систематизированы средневековой схоластикой [Водяной, 2011].

Наиболее значительным и прямым было влияние Августина на величайшего систематизатора средневековой схоластики — Фому Аквинского (1225–1274). Аквинат воспринял и развил августиновскую иерархию законов, придав ей еще большую стройность и логическую завершенность. В своем «Трактате о законе» (часть «Суммы теологии») Фома также выделяет вечный, естественный, человеческий и божественный законы. Как показано в исследовании, посвященном закону и праву в философии Фомы Аквинского, он полностью разделяет ключевой тезис Августина о том, что «всякий человеческий закон постольку имеет природу закона, поскольку он соответствует правому разуму», а если он «в чем-либо уклоняется от естественного закона, то это будет уже не закон, а искажение закона» [Батиев, 2012]. Фактически, Фома Аквинский облек идеи Августина в более строгую аристотелевскую форму, но суть осталась прежней: позитивный закон черпает свою легитимность из соответствия высшему, моральному порядку. Современные исследования аргументов Фомы Аквинского подтверждают, что его концепция естественного права как способа достижения общего блага является прямым развитием августиновских идей [Дидикин, 2020].

В эпоху Средневековья идеи Августина использовались для обоснования верховенства церковной власти над светской. Если справедливость исходит от Бога, а ее хранителем на земле является Церковь, то именно Церковь имеет право судить о справедливости или несправедливости законов, издаваемых королями и императорами. Д.В. Алонцева в своем исследовании теократических идей Августина и их средневековой имплементации подробно показывает, как эта логика легла в основу политической доктрины папализма, достигшей своего апогея в понтификат Григория VII и Иннокентия III [Алонцева, 2020]. При этом следует отметить, что средневековые юристы, прежде всего представители болонской школы глоссаторов, также обращались к наследию Августина при разработке своих правовых концепций. А.Д. Струнский показывает, что идея права в учении глоссаторов во многом опиралась на патристическую традицию, включая августиновское понимание соотношения справедливости и закона [Струнский, 2019].

В период Реформации и последующих религиозных войн концепция естественного права, уходящая корнями в учение Августина, стала использоваться для обоснования права на сопротивление тирании, в том числе и со стороны протестантских мыслителей (монархомахов). Если правитель издает законы, противоречащие божественным установлениям и попирающие естественные права подданных, он превращается в тирана, и народ имеет право на его свержение. М.И. Рухмаков, анализируя рецепцию идей Августина в русской правовой мысли, показывает, что Б.Н. Чичерин в своем университетском курсе уделял значительное внимание учению гиппонского мыслителя, рассматривая его как важнейший этап в развитии идеи правового государства [Рухмаков, 2024]].

В Новое время, в трудах представителей школы «секулярного» естественного права (Гуго Гроций, Джон Локк), происходит рационализация и «обезбоживание» естественно-правовой доктрины. Источником естественного права объявляется уже не божественная воля, а разум

самого человека. Однако сама структура мышления, предполагающая наличие неких вечных, неизменных и универсальных прав, предшествующих государству и ограничивающих его власть, во многом является секуляризированной версией августиновской модели. Н.А. Шавеко, исследуя соотношение понятий права и морали, отмечает, что вопрос о моральных основаниях правовой нормы, впервые поставленный с такой определенностью именно Августином, продолжает оставаться центральным для современной философии права [Шавеко, 2023]. О.А. Горбунова также подчеркивает, что проблема соотношения права и морали, восходящая к патристической традиции, является одной из наиболее дискуссионных в современной юриспруденции [Горбунова, 2018].

Таким образом, можно утверждать, что концепция Августина о приоритете справедливости над законом стала тем генетическим кодом, который определил развитие западной правовой мысли на многие столетия. Менялись философские и теологические обоснования, но сама идея о том, что право не может быть сведено к приказу суверена и должно соответствовать высшим моральным критериям, оставалась неизменной, являясь стержнем естественно-правовой традиции [Абасов, Мамченко, 2021, Малышева, 2021].

Современная актуальность концепции приоритета справедливости

В XX и XXI веках, после трагического опыта тоталитарных режимов, продемонстрировавших, к каким катастрофическим последствиям может привести принцип «закон есть закон» (*Gesetz ist Gesetz*), учение Августина о приоритете справедливости обрело новую актуальность. Юридический позитивизм, доминировавший в XIX веке, оказался бессилем дать моральную оценку «законному неправу» нацистской Германии или других диктатур. В этой ситуации возрождение естественно-правовой мысли стало закономерной реакцией юридического сообщества. Д.И. Луковская справедливо отмечает, что конфликт между позитивизмом и естественным правом, обострившийся после Второй мировой войны, по существу воспроизводит ту же проблематику, которая была поставлена Августином полторы тысячи лет назад [Луковская, 2020].

Наиболее ярким проявлением этого «ренессанса естественного права» стала так называемая «формула Радбруха», выдвинутая немецким философом права Густавом Радбрухом после Второй мировой войны. Н.А. Шавеко в своем исследовании идеи права по Радбруху подробно анализирует эволюцию его взглядов: в своей знаменитой статье «Законное неправое и надзаконное право» (1946) Радбрух, который до войны был сторонником позитивизма, пришел к выводу, что конфликт между справедливостью и правовой стабильностью должен решаться в пользу последней, даже если закон несправедлив по своему содержанию [Шавеко, 2017]. Однако, если позитивный закон становится «вопиюще несовместим со справедливостью», если он «отрицает равенство, составляющее ядро справедливости», то такой закон «не является лишь "несправедливым правом", он в принципе правом не может являться». В.А. Ефремова, исследуя ренессанс естественного права в контексте философии Радбруха, показывает, что его формула стала поворотным моментом в истории правовой мысли XX века [Ефремова, 2017]. К.С. Гришин, сравнивая довоенную и послевоенную концепции права в философии Радбруха, убедительно демонстрирует, как опыт нацизма заставил крупнейшего немецкого правоведа пересмотреть свои позитивистские убеждения и обратиться к естественно-правовой традиции, восходящей к Августину [Гришин, 2024].

Нетрудно заметить, что «формула Радбруха» является, по сути, современной секуляризированной версией августиновского принципа «*lex iniusta non est lex*». Радбрух заменяет теологическое обоснование (соответствие божественной воле) на аксиологическое (соответствие идее права, включающей справедливость, целесообразность и правовую стабильность), но логика остается той же: существует некий порог несправедливости, за которым закон утрачивает свою правовую природу. Эта формула была положена в основу решений немецких судов по делам о преступлениях, совершенных в нацистский период, а также по делам о пограничниках ГДР, стрелявших в беженцев через Берлинскую стену.

Помимо проблемы «законного неправа», идеи Августина оказываются востребованными и в других областях современной юриспруденции. В сфере международного права и прав человека концепция «града божьего» как универсальной общности, стоящей над отдельными государствами, может быть интерпретирована как прообраз идеи мирового сообщества и универсальных прав человека, которые ограничивают суверенитет национальных государств. В области конституционного права идея иерархии законов, где конституция как носитель высших ценностей (справедливости, свободы, гуманизма) стоит над обычными законами, структурно повторяет модель Августина. Наконец, в философии права дискуссии о соотношении права и морали, о роли правосознания и моральных ценностей в правоприменении напрямую отсылают к проблематике, поставленной Августином. Как показывает анализ идеи справедливости в философском понимании права, эта проблематика сохраняет свою актуальность и в современных контекстах [Оботурова, 2018].

Конечно, современная юриспруденция не может напрямую заимствовать теологические аргументы Августина. Однако его учение о необходимости морального измерения права, о том, что правовая система, игнорирующая фундаментальные принципы справедливости, рискует превратиться в инструмент произвола, сохраняет свою непреходящую ценность. Августин напоминает нам, что право — это не только техника и процедура, но и служение высшим ценностям, без которого оно теряет свой смысл и достоинство. В.Г. Графский, подводя итоги многовековой дискуссии о соотношении справедливости и права, приходит к выводу, что эта проблема остается одной из центральных для современной теории государства и права [Графский, 2009].

Заключение

Политико-правовое учение Августина Блаженного о приоритете справедливости над позитивным правом представляет собой один из важнейших столпов европейской правовой цивилизации. Сформулировав в условиях кризиса античного мира принципиально новый, теоцентричный подход к праву, Августин заложил основы для многовековой традиции непозитивистского, ценностно-ориентированного правопонимания. Его знаменитая формула о государстве как «шайке разбойников» при отсутствии справедливости и принцип «*lex iniusta non est lex*» стали символом протеста против сведения права к силе и произволу власти.

Проведенное исследование показало, что концепция Августина является целостной и системной. Она базируется на синтезе платонической метафизики и христианской теологии, находит свое выражение в иерархической теории законов и определяет как критерии оценки существующего правопорядка, так и пределы обязанности ему подчиняться. Несмотря на то, что практические выводы Августина были весьма осторожными и не призывали к

революционным действиям, заложенный им теоретический фундамент оказался чрезвычайно продуктивным для последующего развития естественно-правовой мысли от Фомы Аквинского до современных доктрин прав человека.

Актуальность учения Августина в XXI веке подтверждается возрождением интереса к естественно-правовой проблематике после трагического опыта тоталитаризма, что нашло свое выражение, в частности, в «формуле Радбруха». Идеи гиппонского мыслителя продолжают влиять на современные дискуссии о соотношении права и морали, о пределах государственного суверенитета и о поиске универсальных критериев справедливости в глобализирующемся мире.

Обращение к наследию Августина Блаженного является не просто экскурсом в историю политических и правовых учений, но и важным методологическим инструментом для осмысления фундаментальных проблем современной теории государства и права. Его мысль напоминает о том, что право, лишенное морального измерения и связи с высшими ценностями, рискует вырождаться в свою противоположность — в легализованное беззаконие.

Библиография

1. Августин Аврелий. О граде Божием. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 01.03.2026).
2. Августин Аврелий. Исповедь. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/ispoved/ (дата обращения: 01.03.2026).
3. Августин Аврелий. О свободе воли (De libero arbitrio). [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-svobode-voli/ (дата обращения: 01.03.2026).
4. Серафим (Роуз), иером. Место блаженного Августина в Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/prinoshenie-pravoslavnogo-amerikantsa/10 (дата обращения: 01.03.2026).
5. Епифанова Т.В., Буреєв А.А. Божественный закон в De civitate Dei Августина Блаженного (354–430 г.г.) // Юристы-Правоведы. – 2015. – № 4 (71). – С. 5–9. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bozhestvennyy-zakon-v-de-civitate-dei-avgustina-blazhennogo-354-430-g-g> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Рузиев Х.Д. Социально-политические воззрения Аврелия Августина // Вестник Таджикского национального университета. – 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-vozzreniya-avreliya-avgustina> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Алонцева Д.В. Взгляды Августина Блаженного на теократию, государство и церковь // Закон и право. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-avgustina-blazhennogo-na-teokratiyu-gosudarstvo-i-tserkov> (дата обращения: 01.03.2026).
8. Алонцева Д.В. Августин Блаженный об истоках теократической государственности в Византийской империи // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avgustin-blazhennyi-ob-istokah-teokraticeskoy-gosudarstvennosti-v-vizantiyskoy-imperii> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Алонцева Д.В. Теократические идеи Августина Блаженного и их средневековая имплементация // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 23–26. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teokraticeskie-idei-avgustina-blazhennogo-i-ih-srednevekovaya-implementatsiya> (дата обращения: 01.03.2026).
10. Туганаев К.А. Теологические интерпретации естественного права: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2015. – № 2-4. – С. 157–160. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologicheskie-interpretatsii-estestvennogo-prava-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Абасов Г.Г. оглы, Мамченко Н.В. Дуализм естественного и позитивного права: период античности и средневековья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 3–9. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-estestvennogo-i-pozitivnogo-prava-period-antichnosti-i-srednekovyya> (дата обращения: 01.03.2026).
12. Тимохина М.И. Философское учение о справедливости и его связь с принципом справедливости в уголовном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-3 (50). – С. 143–145. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-uchenie-o-spravedlivosti-i-ego-svyaz-s>

- printsipom-spravedlivosti-v-ugolovnom-prave (дата обращения: 01.03.2026).
13. Луковская Д.И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций? // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 226–231. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivizm-i-estestvennoe-pravo-konflikt-interpretatsiy> (дата обращения: 01.03.2026).
 14. Табаков А.Л. Справедливость и позитивное право: проблемы соотношения в русской философии права второй половины XIX – первой половины XX в. // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1 (74). – С. 21–28. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pozitivnoe-pravo-problemy-sootnosheniya-v-russkoy-filosofii-prava-vtoroy-pолоviny-xix-pervoy-pолоviny-xx-v> (дата обращения: 01.03.2026).
 15. Рухмаков М.И. Блаженный Августин в университетском курсе Б.Н. Чичерина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – № 1. – С. 104–115. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blazhennyy-avgustin-v-universitetskom-kurse-b-n-chicherina> (дата обращения: 01.03.2026).
 16. Малышева Н.И. Естественное право: справедливость versus определенность? // Государственно-правовые исследования. – 2021. – № 4. – С. 147–152. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennoe-pravo-spravedlivost-versus-opredelennost> (дата обращения: 01.03.2026).
 17. Оботурова Н.С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 287–302. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-spravedlivosti-v-filosofskom-ponimanii-prava-istoriya-i-sovremennyye-konteksty> (дата обращения: 01.03.2026).
 18. Большаков С.Н. Аврелий Августин о социальном и политическом порядке града земного и града Божьего // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25. – № 1. – С. 4–11. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avreliy-avgustin-o-sotsialnom-i-politicheskom-poryadke-grada-zemnogo-i-grada-bozhiego> (дата обращения: 01.03.2026).
 19. Водяной С.С. Патристика и схоластика как теологическое обоснование естественного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 3 (28). – С. 5–11. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrystika-i-sholastika-kak-teologicheskoe-obosnovanie-estestvennogo-prava> (дата обращения: 01.03.2026).
 20. Шавеко Н.А. Идея права по Густаву Радбруху // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 12. – С. 59–63. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-prava-po-gustavu-radbruhu> (дата обращения: 01.03.2026).
 21. Ефремова В.А. Ренессанс естественного права (Г. Радбрух) // Экономика и социум. – 2017. – № 1-1 (32). – С. 625–628. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/renessans-estestvennogo-prava-g-radbruh> (дата обращения: 01.03.2026).
 22. Гришин К.С. Довоенная и послевоенная концепции права в философии Густава Радбруха // Studia Humanitatis. – 2024. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dovoennaya-i-poslevoennaya-kontseptsii-prava-v-filosofii-gustava-radbruha> (дата обращения: 01.03.2026).
 23. Антонян А.Р. Идея справедливой войны и образ благочестивого воина в богословии блаженного Августина // Vox medii aevi. – 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-spravedlivoi-voyny-i-obraz-blagochestivogo-voina-v-bogoslovii-blazhennogo-avgustina> (дата обращения: 01.03.2026).
 24. Батиев Л.В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2012. – Т. 13. – № 4. – С. 84–91. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-i-pravo-v-filosofii-fomy-akvinskogo> (дата обращения: 01.03.2026).
 25. Дидикин А.Б. Естественное право как способ достижения общего блага: интерпретация аргументов Фомы Аквинского и Дж. Финниса // Вестник Томского государственного университета. – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennoe-pravo-kak-sposob-dostizheniya-obshchego-bлага-interpretatsiya-argumentov-fomy-akvinskogo-i-dzh-finnisa> (дата обращения: 01.03.2026).
 26. Струнский А.Д. Идея права в учении болонской школы глоссаторов (правоинтерпретационный аспект) // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 39–42. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-prava-v-uchenii-bolonskoy-shkoly-glossatorov-pravointerpretatsionnyy-aspekt> (дата обращения: 01.03.2026).
 27. Шавеко Н.А. К вопросу о соотношении понятий права и морали // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 90–91. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-prava-i-morali> (дата обращения: 01.03.2026).
 28. Горбунова О.А. Право и мораль // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 5 (21). – С. 733–736. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-moral> (дата обращения: 01.03.2026).
 29. Храмешин С.Н. Взгляды Блаженного Августина на соотношение справедливости и права // Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 68–73. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.eco-vector.com/1026->

- 9452/article/view/678451 (дата обращения: 01.03.2026). DOI: 10.31857/S1026945225010058.
30. Галкин Д.В. Естественное право в христианской интерпретации Августина // Молодой ученый. – 2019. – № 4 (242). – С. 242–244. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/242/55982/> (дата обращения: 01.03.2026).
31. История политических и правовых учений: учебник / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 944 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://virmk.ru/read/HISTORY/NERSESIANS/000.htm> (дата обращения: 01.03.2026).
32. Графский В.Г. Справедливость и право // Государство и право. – 2009. – № 12. – С. 5–13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravo> (дата обращения: 01.03.2026).
33. Черных С.Н. Право и справедливость: источники противоречия // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 4. – С. 67–77. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-spravedlivost-istochniki-protivorechiya> (дата обращения: 01.03.2026).
34. Табаков А.Л. Понятие справедливости в философии права И.А. Ильина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2019. – № 5. – С. 82–95. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-spravedlivosti-v-filosofii-prava-i-a-ilina> (дата обращения: 01.03.2026).

The Concept of the Priority of Justice over Positive Law in the Political and Legal Doctrine of Augustine of Hippo: Theoretical and Methodological Foundations and Contemporary Relevance

Sergei N. Khrameshin

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Theology,
Slavic-Greek-Latin Academy,
105037, 2/3, Territoriya Gorodok Im. Baumana, Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Philosophy and Theology,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: rector@sgla.ru

Abstract

The article undertakes a comprehensive study of one of the key aspects of the political and legal doctrine of Aurelius Augustine — the principle of the priority of divine justice over positive (human) law. The author analyzes Augustine's famous formula "an unjust law is not a law" (*lex iniusta non est lex*) in the context of his teaching on the four-tiered hierarchy of laws (eternal, natural, human, divine). The dialectical connection between the City of God (*Civitas Dei*) as an ideal of absolute justice and the Earthly City (*Civitas Terrena*) as an imperfect political entity, whose law must strive to realize higher moral principles, is examined. Special attention is paid to the influence of the Augustinian concept on the subsequent development of European natural law thought, particularly on the philosophy of Thomas Aquinas and the legal doctrines of the Renaissance. The article also analyzes the contemporary relevance of Augustine's teaching, especially in the context of discussions about the limits of state sovereignty, the legitimacy of power, and the relationship between law and morality, including consideration of the "Radbruch formula." The methodological basis of the research comprises historical-legal, comparative-legal, and hermeneutical methods. The author concludes that Augustine's ideas, based on a synthesis of ancient philosophy and Christian theology, laid the fundamental foundations for non-positivist legal understanding and continue to

remain heuristically valuable for modern theory of state and law. The research is based on the analysis of primary sources, primarily the treatise "The City of God," as well as a wide range of contemporary scientific publications.

For citation

Khrameshin S.N. (2026) Kontsepsiya prioriteta spravedlivosti nad pozitivnym pravom v politiko-pravovom uchenii Avgustina Blazhennogo: teoretiko-metodologicheskiye osnovy i sovremennaya aktual'nost [The Concept of the Priority of Justice over Positive Law in the Political and Legal Doctrine of Augustine of Hippo: Theoretical and Methodological Foundations and Contemporary Relevance]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 17-32. DOI: 10.34670/AR.2026.34.50.004

Keywords

Augustine of Hippo, theory of state and law, justice, positive law, natural law, *lex iniusta non est lex*, City of God, Earthly City, hierarchy of laws, Radbruch formula, non-positivism, philosophy of law, history of political and legal doctrines.

References

1. Augustine, Aurelius. (n.d.). *O grade Bozhiem* [The City of God]. Retrieved March 1, 2026, from https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
2. Augustine, Aurelius. (n.d.). *Ispoved'* [Confessions]. Retrieved March 1, 2026, from https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/ispoved/
3. Augustine, Aurelius. (n.d.). *O svobode voli (De libero arbitrio)* [On Free Will (De libero arbitrio)]. Retrieved March 1, 2026, from https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o_svobode_voli/
4. Seraphim (Rose), Hieromonk. (n.d.). *Mesto blazhennogo Avgustina v Pravoslavnoi Tserkvi* [The Place of Blessed Augustine in the Orthodox Church]. Retrieved March 1, 2026, from https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Rouz/prinoshenie-pravoslavnogo-amerikantsa/10
5. Epifanova, T.V., & Bureev, A.A. (2015). *Bozhestvennyy zakon v De civitate Dei Avgustina Blazhennogo (354–430 g.g.)* [Divine law in De civitate Dei of Augustine the Blessed (354–430)]. *Iurist'-Pravoved'* [Jurist-Lawyer], (4 (71)), 5–9. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/bozhestvennyy-zakon-v-de-civitate-dei-avgustina-blazhennogo-354-430-g-g>
6. Ruziev, Kh.D. (2023). *Sotsial'no-politicheskie vozzreniia Avreliia Avgustina* [Socio-political views of Aurelius Augustine]. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University]. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-vozzreniya-avreliya-avgustina>
7. Alontseva, D.V. (2020). *Vzgliady Avgustina Blazhennogo na teokratiyu, gosudarstvo i tserkov'* [Views of Augustine the Blessed on theocracy, state and church]. *Zakon i pravo* [Law and Legislation]. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-avgustina-blazhennogo-na-teokratiyu-gosudarstvo-i-tserkov>
8. Alontseva, D.V. (2019). *Avgustin Blazhennyi ob istokakh teokraticeskoi gosudarstvennosti v Vizantiiskoi imperii* [Augustine the Blessed on the origins of theocratic statehood in the Byzantine Empire]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/avgustin-blazhennyi-ob-istokah-teokraticeskoy-gosudarstvennosti-v-vizantiyskoy-imperii>
9. Alontseva, D.V. (2020). *Teokraticheskie idei Avgustina Blazhennogo i ikh srednevekovaya implementatsiia* [Theocratic ideas of Augustine the Blessed and their medieval implementation]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], (2), 23–26. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/teokraticheskie-idei-avgustina-blazhennogo-i-ikh-srednevekovaya-implementatsiya>
10. Tuganaev, K.A. (2015). *Teologicheskie interpretatsii estestvennogo prava: istoriia i sovremennost'* [Theological interpretations of natural law: history and modernity]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law"], (2-4), 157–160. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/teologicheskie-interpretatsii-estestvennogo-prava-istoriya-i-sovremennost>
11. Abasov, G.G. ogly, & Mamchenko, N.V. (2021). *Dualizm estestvennogo i pozitivnogo prava: period antichnosti i srednevekov'ia* [Dualism of natural and positive law: the period of antiquity and the Middle Ages]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky

- Crimean Federal University. Legal Sciences], 7 (73)(4), 3–9. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/dualizm-estestvennogo-i-pozitivnogo-prava-period-antichnosti-i-srednevekovyya>
12. Timokhina, M.I. (2020). Filosofskoe uchenie o spravedlivosti i ego svyaz' s printsipom spravedlivosti v ugolovnom prave [The philosophical doctrine of justice and its connection with the principle of justice in criminal law]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], (11-3 (50)), 143–145. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-uchenie-o-spravedlivosti-i-ego-svyaz-s-printsipom-spravedlivosti-v-ugolovnom-prave>
13. Lukovskaya, D.I. (2020). Pozitivizm i estestvennoe pravo: konflikt interpretatsii? [Positivism and natural law: a conflict of interpretations?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], (450), 226–231. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivizm-i-estestvennoe-pravo-konflikt-interpretatsii>
14. Tabakov, A.L. (2017). Spravedlivost' i pozitivnoe pravo: problemy sootnosheniia v russkoi filosofii prava vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX v. [Justice and positive law: problems of correlation in Russian philosophy of law of the second half of the 19th - first half of the 20th centuries]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], (1 (74)), 21–28. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pozitivnoe-pravo-problemy-sootnosheniya-v-russkoy-filosofii-prava-vtoroy-poloviny-xix-pervoy-poloviny-xx-v>
15. Rukhnikov, M.I. (2024). Blazhennyi Avgustin v universitetskom kurse B.N. Chicherina [Blessed Augustine in the university course of B.N. Chicherin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], (1), 104–115. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/blazhennyi-avgustin-v-universitetskom-kurse-b-n-chicherina>
16. Malysheva, N.I. (2021). Estestvennoe pravo: spravedlivost' versus opredelennost'? [Natural law: justice versus certainty?]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniia* [State-Legal Studies], (4), 147–152. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennoe-pravo-spravedlivost-versus-opredelennost>
17. Oboturova, N.S. (2018). Ideia spravedlivosti v filosofskom ponimani prava: istoriia i sovremennye konteksty [The idea of justice in the philosophical understanding of law: history and modern contexts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 9(3), 287–302. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-spravedlivosti-v-filosofskom-ponimani-prava-istoriya-i-sovremennye-konteksty>
18. Bolshakov, S.N. (2025) Avrelii Avgustin o sotsial'nom i politicheskom poriadke grada zemnogo i grada Bozh'ego [Aurelius Augustine on the social and political order of the earthly city and the city of God]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 25(1), 4–11. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/avrelii-avgustin-o-sotsialnom-i-politicheskom-poryadke-grada-zemnogo-i-grada-bozhiego>
19. Vodiano, S.S. (2011). Patristika i skholastika kak teologicheskoe obosnovanie estestvennogo prava [Patristics and scholasticism as a theological justification of natural law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. Series "Law"], (3 (28)), 5–11. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/patristika-i-skholastika-kak-teologicheskoe-obosnovanie-estestvennogo-prava>
20. Shaveko, N.A. (2017). Ideia prava po Gustavu Radbrukhu [The idea of law according to Gustav Radbruch]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], (12), 59–63. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-prava-po-gustavu-radbrukhu>
21. Efremova, V.A. (2017). Renessans estestvennogo prava (G. Radbruch) [The renaissance of natural law (G. Radbruch)]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and Society], (1-1 (32)), 625–628. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/renessans-estestvennogo-prava-g-radbruch>
22. Grishin, K.S. (2024). Dovoennaia i poslevoennaia kontseptsii prava v filosofii Gustava Radbrukha [Pre-war and post-war concepts of law in the philosophy of Gustav Radbruch]. *Studia Humanitatis*, (1). Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/dovoennaya-i-poslevoennaya-kontseptsii-prava-v-filosofii-gustava-radbrukha>
23. Antonyan, A.R. (2019). Ideia spravedlivoi voyny i obraz blagochestivogo voina v bogoslovii blazhennogo Avgustina [The idea of just war and the image of the pious warrior in the theology of Blessed Augustine]. *Vox medii aevi*. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-spravedlivoy-voyny-i-obraz-blagochestivogo-voina-v-bogoslovii-blazhennogo-avgustina>
24. Batiev, L.V. (2012). Zakon i pravo v filosofii Fomy Akvinskogo [Law and right in the philosophy of Thomas Aquinas]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 13(4), 84–91. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-i-pravo-v-filosofii-fomy-akvinskogo>
25. Didikin, A.B. (2020). Estestvennoe pravo kak sposob dostizheniia obshchego blaga: interpretatsiia argumentov Fomy Akvinskogo i Dzh. Finnis [Natural law as a way to achieve the common good: interpretation of the arguments of Thomas Aquinas and J. Finnis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennoe-pravo-kak-sposob-dostizheniya-obshchego-blaga-interpretatsiya-argumentov-fomy-akvinskogo-i-dzh-finnisa>

26. Strunsky, A.D. (2019). Ideia prava v uchenii bolonskoi shkoly glossatorov (pravointerpretatsionnyi aspekt) [The idea of law in the doctrine of the Bologna school of glossators (legal interpretation aspect)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], (5), 39–42. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-prava-v-uchenii-bolonskoy-shkoly-glossatorov-pravointerpretatsionnyy-aspekt>
27. Shaveko, N.A. (2023). K voprosu o sootnoshenii poniatii prava i morali [On the question of the correlation between the concepts of law and morality]. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], (1 (176)), 90–91. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-prava-i-morali>
28. Gorbunova, O.A. (2018). Pravo i moral' [Law and morality]. *Alleia nauki* [Alley of Science], 2(5 (21)), 733–736. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-moral>
29. Khrameshin, S.N. (2025) Vzgliady Blazhennogo Avgustina na sootnoshenie spravedlivosti i prava [Views of Blessed Augustine on the correlation of justice and law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (1), 68–73. Retrieved March 1, 2026, from <https://journals.eco-vector.com/1026-9452/article/view/678451>. <https://doi.org/10.31857/S1026945225010058>
30. Galkin, D.V. (2019). Estestvennoe pravo v khristianskoi interpretatsii Avgustina [Natural law in the Christian interpretation of Augustine]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], (4 (242)), 242–244. Retrieved March 1, 2026, from <https://moluch.ru/archive/242/55982/>
31. Nersesians, V.S. (Ed.). (2004). *Istoriia politicheskikh i pravovykh uchenii* [History of political and legal doctrines]. Moscow: Norma. Retrieved March 1, 2026, from <https://virmk.ru/read/HISTORY/NERSESIANS/000.htm>
32. Grafsky, V.G. (2009). Spravedlivost' i pravo [Justice and law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (12), 5–13. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravo>
33. Chernykh, S.N. (2019). Pravo i spravedlivost': istochniki protivorechiia [Law and justice: sources of contradiction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], (4), 67–77. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-spravedlivost-istochniki-protivorechiya>
34. Tabakov, A.L. (2019). Poniattie spravedlivosti v filosofii prava I.A. Il'ina [The concept of justice in the philosophy of law of I.A. Ilyin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofia* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], (5), 82–95. Retrieved March 1, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-spravedlivosti-v-filosofii-prava-i-a-ilina>

УДК 94(437)+349.4

DOI: 10.34670/AR.2026.60.45.005

Историко-правовой анализ вопроса экспроприации земель в период первой земельной реформы в Чехословакии (1918–1935 гг.)

Романова Наталья Владимировна

Старший преподаватель,
кафедра теории и истории права и государства,
кафедра гражданского и трудового права,
Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43;
e-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Аннотация

Социальные и экономические преобразования чешского общества после 1918 года привели, с одной стороны, к многочисленным вызовам и новым возможностям, с другой стороны, возник ряд проблем, которые были решены недостаточно, не полностью, и что называется «на скорую руку». Изменение социальных условий неизбежно потребовало существенного изменения в правовой системе, которая предлагает исследователям огромные возможности для оценки, анализа и сравнения. В статье анализируется правовое регулирование земельной реформы в Чехословакии, исследуются ключевые нормативные акты, определившие процесс экспроприации земель, включая дворянские и церковные владения, а также рассматриваются социально-экономические и политические последствия проведенных преобразований.

Для цитирования в научных исследованиях

Романова Н.В. Историко-правовой анализ вопроса экспроприации земель в период первой земельной реформы в Чехословакии (1918–1935 гг.) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 33-42. DOI: 10.34670/AR.2026.60.45.005

Ключевые слова

История государства и права, история права зарубежных стран, земельная реформа Чехословакии, экспроприация земель, экспроприация дворянской собственности, экспроприация церковных земель, рецепция права.

Введение

В данной статье анализируется правовое регулирование имущественных отношений на землю во время создания Чехословакии и речь пойдет о земельной реформе в Чехословакии после 1918 года, ведь появление нового государства на геополитической карте мира, которое возникло сразу после окончания Первой мировой войны, связано с огромными проблемами обеспечения функционирования основных государственных институтов. Для аграрной страны, такой как Чехословакия земельный вопрос стоял очень остро.

Исследование

С большим трудом чешскими юристами того времени был создан Закон № 354/1921, о включении в государственную собственность имущества бывшей Австро-Венгрии, который вступил в силу 15 сентября 1921 года, и в котором § 7 был установлен срок для передачи в государственную собственность имущества - 28 октября 1918 года, а также указано какое именно имущество инкорпорируется согласно положениям § 1, а именно: все имущество, которое находится на территории бывшей Австро-венгерской монархии, принадлежавшее бывшей Австрийской империи, бывшему Королевству Венгрии, общее имущество бывшей Австрийской и Венгерской монархий, а также Корона Австрии и Венгрии; имущество, которое находится на Валчицку и Витразску, в Нижней Австрии; имущество, которые находятся на территориях бывшей Германской империи, принадлежавшее германской короне и империи германских и немецких государств, а также бывшему императору Германии и другим лицам королевской семьи, после 28 октября 1918 инкорпорируется Чехословацкой Республикой [Adamová, 2000, s. 119].

По мнению некоторых авторов, именно включение указанного выше имущества (земель, ценностей, недвижимого имущества, культурного наследия, производств и т.д.) послужило основой для реваншистских идей Гитлера при решении вопроса аннексии «судетских» областей Чехословакии, так как по сути закон носил характер принудительной экспроприации имущества немцев и венгров, проживающих на территориях, вошедших в состав Чехословакии [Vondruška, 1934, s. 362-363].

Непосредственно «земельная реформа» началась чуть ранее, в именно с весны 1919 года с принятием Закона № 215/1919 о экспроприации крупных земельных владений с поправками (далее именуемого «Закон о экспроприации»). Однако нельзя не упомянуть, что буквально за несколько месяцев до этого события, т.е. 9 ноября 1918 года Национальный комитет принял Закон № 32/1918 о экспроприации крупных имений, который предусматривал: любое отчуждение имущества между частными лицами, а также арест и иное вещное обременение имущества, зарегистрированного в земельных реестрах без разрешения органов сельскохозяйственного управления, являются недействительными. Записи в земельных реестрах о сделках, которые возникали из договоров, заключенных до вступления в силу настоящего Закона, считались недействительными.

Хотя историки и не уделяют ему особого внимания, но именно этот закон, фактически положил начало земельной реформе, поскольку затронул дворянскую собственность, которая регистрировалась, или, скорее, право собственности на нее фиксировалось в земельных реестрах. В феврале и марте 1919 года политические партии активизировали переговоры

относительно будущей земельной реформы, и примечательно, как, несмотря на различные мнения по этому вопросу, правовое регулирование было быстро подготовлено и принято.

Принцип, согласно которому крупные поместья должны быть отведены под внутреннюю колонизацию, также был включен в декларацию первого президента Чехословакии Томаша Гарика Масарика от 18 октября 1918 года, известную как «Вашингтонская декларация независимости Чехии», так как именно в декларации говорилось в социальных, экономических реформах и в том числе о отмене дворянских титулов, в которой к слову сказать впервые был использован термин «чехословацкий народ».

Указанные выше правовые акты о экспроприации оцениваются специалистами по-разному: с одной стороны, они должны были быть «искуплением за Белую Гору», так как поражение в 1620 году протестантов приведшее к потере чешской независимости почти на 300 лет считалось символом национальной катастрофы, с другой — речь шла о ликвидации дворянского и церковного имущества, начале социализации и т. д., так как Земельная реформа, как предполагалось, подразумевала раздел крупных имений.

Земельная реформа после Первой мировой войны проводилась не только в новообразованной Чехословакии, но и была осуществлена в России и 12 других европейских государствах, а именно в Болгарии, Эстонии, Финляндии, Югославии, Литве, Латвии, Венгрии, Германии, Польше, Австрии, Румынии и Греции.

Таким образом, послевоенные земельные реформы были вызваны экономическими и социальными причинами. Последствия земельных реформ также носили экономический и социальный характер и проявились и в самом сельскохозяйственном производстве. Практически все — даже крупные землевладельцы — сходились во мнении, что земельная реформа необходима, поскольку неравномерное распределение земли, унаследованное от Габсбургской монархии, являлось источником значительного недовольства и нестабильности в сельской местности.

Основная идея земельной реформы заключалась в передаче части земель крупных землевладельцев средним и мелким землевладельцам. К сожалению, изучение первоисточников ясно показывает, что такой фундаментальный вопрос о том, как следует понимать земельную реформу, в конечном итоге не был решен обдуманно, а был навязан политической ситуацией. Политическое решение о разделении крупных владений и распределении земли между большим числом частных собственников, вероятно, было неудачным решением, и первая земельная реформа подверглась критике еще в начале 1920-х годов.

Несмотря на то, что земельная реформа носила не только экспроприационный характер, но и компенсационный, о чем говорится в Законе № 329/1920 «о экспроприации и компенсации за изъятые земли» (далее именуемый «Закон о компенсации») размер компенсации подвергался критике, так как основывался на ценах на землю в 1913-1915 годах, а именно в статье 41 указано: «Компенсация за конфискованную землю — это ее цена, полученная путем усреднения цен, достигнутых в 1913-1915 годах при продаже прав собственности на землю площадью более 100 гектаров» [Vondruška, 1934, s. 368-372].

О земельной реформе 1919-1938 годов в Чехословакии написано не так много научных статей российскими учеными и практически нет полномасштабных исследований в виде монографий и диссертаций, поэтому можно сказать, что наши знания о земельной реформе недостаточны и поэтому не хватает ответов на ряд вопросов. Главный вопрос заключается в том, действительно ли земельная реформа имела какое-либо позитивное значение и удалось ли

ей оправдать возложенные на нее ожидания. Иными словами: необходимо задаться вопросом о том, как земельная реформа 1918-1935 годов повлияла на дальнейшее развитие чехословацкого сельского хозяйства и как она изменила социальную структуру деревни. Эти вопросы, конечно, довольно сложны, и в рамках статьи невозможно дать на них исчерпывающий ответ, но попытаемся найти хотя бы частичный ответ.

Существующую литературу по земельной реформе можно разделить на две основные группы: с одной стороны, это работы, написанные непосредственно во время реформы, а с другой — исследования, опубликованные позже европейскими исследователями, в основном после Второй мировой войны. Общей чертой всех этих работ является то, что они носят скорее информативный, чем научный характер. Довоенные работы часто публиковались непосредственно Государственным земельным управлением или заинтересованными членами аграрной партии Чехословакии. Цель этих публикаций заключалась в защите земельной реформы как от нападков «справа», особенно со стороны национал-демократической партии и партий иностранных землевладельцев, так и от критики «слева», возглавляемой сначала левым крылом социал-демократии, а затем, главным образом, коммунистами. Тем не менее работы ценны своими статистическими данными, в основном полученными непосредственно из архивов земельного управления. Следует упомянуть работу второго председателя СПУ Я. Воженилека, по предварительным результатам земельной реформы, которая стала продолжением его более ранней работы «Земельная реформа в Чехословацкой Республике» [Voženílek, 1924; Voženílek, 1930-1932], а затем аналогичный обзор другого чиновника СПУ, А. Павла, опубликованный в 1937 году под названием «Земельная реформа в Чехословакии», а годом позже дополненный данными от 1 января 1938 года в статье «Чехословацкая земельная реформа» [Pavel, 1937; Pavel, 1938, s. 33-39]. Среди более ранних полемических работ профессионального характера стоит упомянуть монографию Ворличека «Grundlagen, Grundgedanken und Kritik der tschechoslowakischen Bodenreform» [Worliczek, 1925], в которой подробно рассматривается позиция отдельных политических партий по реформе, отдельные законы о ней и статистические данные. Ворличек видит провал земельной реформы в ее националистической направленности и партийных критериях [Worliczek, 1925, s. 232]. Пожалуй, единственной исследовательской работой, которую можно было бы назвать таковой, является монография историка Йозефа Пекаржа «Ошибки и последствия земельной реформы», в которой он высказал критику со стороны правых [Pekař, 1923].

На наш взгляд, земельная реформа 1918-1935 гг. в Чехословакии должна рассматриваться в более широком контексте, а именно в историко-правовом, так как революционные движения в Европе после первой мировой войны вынуждали реформировать земельные отношения практически по всей Европе и цель этих реформ частично состояла в наделении землей широких крестьянских слоев и безземельных, чтобы таким образом, предотвратить «российскую модель», т.е. экспроприацию земельных участков без компенсации. Другими словами: земельные реформы были направлены на снижение социальной напряженности в сельской местности и снижению «революционных настроений», а также - укрепление аграрной буржуазии [Madajczyk, 1956]. Неравномерное распределение земли как на чешских землях, так и в Словакии были предметом споров и до первой мировой войны. После создания Республики в 1918 году было выявлено, что обрабатывается 70,7% всех сельскохозяйственных земель, из которых 27,71% земель принадлежат крупным землевладельцам, т.е. более четверти от общей площади земельного фонда. Еще более неблагоприятным было разделение земли в Словакии с

Подкарпатской Русью, где крупные землевладельцы владели 35,6% всей земли [Venkov, 1918; Modráček, 1919; Modráček, 1921].

Создание независимой Чехословакии 28 октября 1918 года привело к националистическим движениям, которые имели социальное содержание. Национализм масс особенно остро ощущался в сельской местности, где он отклонился от самой сути проблемы социального неравенства. На чешских землях эта националистическая волна приняла форму призыва к «искуплению Белой Горы». В частности, появилось требование о экспроприации иностранных имений без компенсации. Первым подготовительным шагом в этом направлении стало издание Закона № 32/1918 о экспроприации крупных имений от 9 ноября 1918 года, согласно которому экспроприация, отчуждение или иное обременение земель, зарегистрированных в земельных реестрах, требовало разрешения государственного административного органа. Закон был явно направлен против дворянского владения, поскольку обременялся даже самый маленький земельный участок. После экспроприации земель возник спор о дальнейших действиях. Аграрная партия хотела использовать реформу для разрушения аристократической собственности и укрепления крупных и средних предприятий, в то время как социал-демократы требовали передачи земель сельскохозяйственным кооперативам, тем самым удовлетворяя призыв к социализации [Venkov, 1918; Modráček, 1919; Modráček, 1921].

Клерикальные партии и, конечно же, партии, объединяющие землевладельцев, в той или иной степени выступали против земельной реформы. Это особенно касалось Чешской народной партии и Словацкой народной партии (позже Словацкой народной партии Глинки – ГСН), которые были обеспокоены судьбой церковной собственности, национальной демократии, некоторых немецких партий и Венгерской христианско-социальной партии. Однако ни одна из упомянутых политических групп не могла открыто высказаться против реформы, поскольку это поставило бы их в неловкое положение перед сельскими избирателями. Поэтому была выбрана тактика постепенной критики реализации реформы, в надежде, что революционная волна со временем утихнет и наиболее жесткие положения реформы будут каким-то образом обойдены. Поскольку законопроект имел большинство в Национальном собрании, депутаты вышеупомянутых партий также не голосовали против него.

Рамочной мерой земельной реформы стал закон о экспроприации, принятый в качестве Закона № 215/1919 от 16 апреля 1919 года. Сам термин «экспроприация» был использован в то время впервые и означал определенный компромисс между социал-демократией, которая требовала экспроприации собственности, и правым крылом Национального собрания, которое требовало выкупа. Экспроприация означала, что государство оставляло за собой право изъять землю в будущем за компенсацию, и в то же время ограничивало право собственника распоряжаться землей, который мог распоряжаться ею только с разрешения Государственного земельного управления (ГЗУ). Некоторые объекты исключались из экспроприации, если они не использовались для ведения сельского хозяйства на конфискованной недвижимости; экспроприация распространялась только на имущество одного собственника или его совладельцев, но не на государственную, районную или муниципальную землю. Распределение земли должно было регулироваться специальным законом о распределении, поэтому статья 10 закона о экспроприации лишь в общих чертах предусматривала, что государство, если оно не оставляет землю для себя в общественно полезных целях, будет распределять ее либо между кооперативами, либо между отдельными лицами. Распределение земли было второй частью земельной реформы. Поскольку подготовка закона о распределении несколько затянулась, а

социальная напряженность в Чехословакии оставалась высокой, правительство решило прибегнуть к определенной временной мере. 27 мая 1919 года был утвержден Закон № 318/1919 о предоставлении земли мелким арендаторам, согласно которому арендатор имел право на выделение в качестве своей собственности конфискованной, церковной или изъятой земли, если он обрабатывал ее по договору аренды с 1 октября 1901 года и если выделенная таким образом земля, включая собственную землю арендатора, не превышала площади 8 гектаров. Фактический закон о распределении земель был утвержден Национальным собранием только 30 января 1920 года: земля могла быть выделена отдельным лицам или ассоциациям, пастбища — ассоциациям или муниципалитетам, лесные угодья — муниципалитетам и общественным объединениям, отдельным лицам — только в исключительных случаях. Сельскохозяйственные земли распределялись таким образом, чтобы создать сельскохозяйственное предприятие, способное обеспечить владельца и его семью. Никто не имел законных прав на землю, § 3 лишь определял, кто принципиально исключался из числа получателей земельного наделения (лица, не имевшие чехословацкого гражданства, но которые приобрели бы его в течение двух лет, лица, осужденные за преступления, повлекшие за собой лишение права голоса, и лица, неспособные выполнять цели, для которых выделялась земля) и поскольку за выделение земли необходимо было платить, что, кроме того, явно вытекало из положений закона о приобретении земли в счет компенсации (компенсация могла быть выплачена только из денег, полученных от продажи выделенной земли), было ясно, что совершенно нищие крестьяне и безземельные люди приобретали землю только в крайнем случае в аренду, а не в собственность [Rychlík, 1987, s. 73].

Эта процедура стала результатом общего сдвига аграрной партии вправо и компромисса этой партии с церковью и национальной демократией. Именно в это время эти группы выступали против чрезмерно радикального осуществления реформы; Союз чехословацких землевладельцев, например, требовал повышения замещающих цен и сохранения большей площади земли [Pozemková reforma a politické strany na Slovensku, 1925, s. 15]. Землевладельцы называли реформу неконституционной, поскольку она противоречила свободе собственности; с экономической точки зрения они указывали на то, что большие имения являются градообразующими для небольших городов и источником сырья для пищевой промышленности. Венгерская христианско-социальная партия выдвинула еще более «примитивный» аргумент, обусловленный отсталыми условиями в словацкой сельской местности. Хотя аграрии были готовы на практике действовать либерально по отношению к крупным землевладениям в интересах совместных действий с национальной и христианской демократией, они не могли и, что вполне понятно, не хотели отказываться от реформы как таковой, поскольку это подорвало бы их собственные экономические и политические позиции. С другой стороны, попытки церковной иерархии отвлечь реформу от церковных земель увенчались успехом, как и попытки различных заинтересованных групп предотвратить экспроприацию части земель «врагов нации» без компенсации, как это предусматривалось законом о экспроприации.

Что касается вопроса о экспроприации земель так называемых «врагов нации» без компенсации, то весь этот вопрос встретил сопротивление со стороны иностранных государств, поскольку так называемыми врагами нации (имеется в виду: со времен Первой мировой войны) обычно являлись граждане Германии, Австрии или Венгрии. Согласно мирным договорам, Чехословацкая Республика обязалась не обращаться с гражданами иностранных государств

хуже, чем со своими собственными гражданами, что исключало возможность экспроприации их имущества без компенсации. Законом № 354/1921 о экспроприации имений и имущества, перешедших в собственность Чехословацкого государства по мирным договорам, Чехословакия приняла на себя имущество бывшей королевской семьи, а также австрийское и венгерское государственное имущество, не упомянув при этом прямо о компенсации. Государство также передало имущество фондов, основанных на правах дворянства [Sidor, 1943, s. 54; Labaj, 1925]. В этом контексте хочется отметить, что положения закона о экспроприации могли быть гораздо радикальнее, что подтверждается тем фактом, что после Второй мировой войны были введены еще более строгие критерии, когда освобожденные от экспроприации земли были подвергнуты пересмотру [Bartlová, 1977, s. 95; Sidor, 1943, s. 235; Włodarczyk, 1980, s. 280], это коснулось и Подкарпатской Руси (как следует из отчета Ужгородского областного управления от 8 января 1932 года) [Krofta, 1949, s. 428-429].

Заключение

Вопрос о национальном характере реформы сложен. Венгерские, немецкие и польские землевладельцы неоднократно заявляли, что реформа носила чехословацкий или словацкий характер, поскольку в первую очередь наносила вред крупным «дворянским латифундиям» немцев, венгров, а с другой стороны, дискриминировала представителей национальных меньшинств в процессе распределения земель. Венгерские власти, в частности, утверждали, что Чехословакия целенаправленно осуществляла словацкую и, в меньшей степени, чешскую колонизацию в южной Словакии, то есть в районах с венгерским населением [Worliczek, 1925, s. 232].

Хотя в 1918-1920 годах подчеркивался национальный характер реформы, позже Социалистическая партия Германии заявила, что реформа носила антинациональный характер. Венгерские и немецкие заявляли о «национальном» характере реформы потому, что в среднем владели большими поместьями, чем чешские и словацкие землевладельцы. Гражданство заявителя якобы «также не учитывается в процедуре распределения земли, и если немцы получают меньше земли, то это потому, что они проживают в горных приграничных районах, где земли практически нет», а в районах с польским и венгерским меньшинствами еще меньше. Истина, как это часто бывает в подобных случаях, находилась где-то посередине [Pavel, 1938, s. 33-39].

Инвентаризация, проведенная после Мюнхенского и Венского арбитражных разбирательств, показывает, что после аннексии Германией из 843 земельных участков только 7 находились в руках лиц, не являющихся чехами, и, следовательно, вероятно, принадлежали немцам, а из 466 владельцев оставшихся участков только 41 были немцами [Chmelař, 1935, s. 91-93]. В то же время почти половина покупателей небольших участков имели национальность, отличную от чешской или словацкой, и, следовательно, вероятно, были поляками. Однако следует учитывать, что Тешинский регион не имел большого значения для сельского хозяйства, так как в этом районе малый процент сельскохозяйственных земель. Кроме того, относительно большая часть польского меньшинства не имела чехословацкого гражданства и, следовательно, была исключена из числа получателей земельных участков [Chmelař, 1935, s. 91-93].

Что касается венгерской аннексии, нельзя отрицать, что правительство действительно осуществляло здесь словацкую или чешскую колонизацию. Однако, экспроприация не была

масштабной: из 340 остаточных поместий, 2208 земельных участков и 85699 небольших участков венгерское население получило здесь землю только в 8245 случаях [Chmelař, 1935, s. 96].

В целом можно сказать, что, хотя определенную дискриминацию национальных меньшинств в ходе распределения земель нельзя отрицать, утверждение о чехизации или словакизации, присущей реформе преувеличено.

Последним пунктом в оценке земельной реформы является вопрос производства. За короткий Чехословакия дважды пережила экономический кризис, поэтому имеющиеся данные трудно оценить. Результаты, полученные в периоды 1920-1922 и 1923-1925 годов, показывают, что интенсивность производства после разделения земель увеличилась, хотя трудно сказать, было ли это связано с реформой. В указанный период СПУ исследовала среднюю площадь уборки и средний годовой урожай для двадцати видов культур, при этом в девятнадцати случаях урожайность с гектара увеличилась, и только у льна, выращиваемого для волокна, она осталась на прежнем уровне. В любом случае, в 1938 году А. Павел смог сделать вывод, основываясь на статистических данных, что разделение земель не сказалось отрицательно на сельском хозяйстве страны в целом [Pavel, 1938, s. 37].

Первая чехословацкая земельная реформа имела огромное значение. Удельный вес земель дворянских сословий действительно был ограничен, и в то же время укрепилось положение крупных и средних крестьян, что в политической сфере означало консолидацию власти аграрной партии. С точки зрения права был введен большой массив правовых актов, касающихся такой «чувствительной» темы для аграрной и многонациональной страны, однако, не смотря на все усилия реформа не смогла решить аграрный вопрос, так как, во-первых, это было невозможно в условиях того времени, а во-вторых, многие правовые пробелы восполнялись «на скорую руку» чтобы снять социальную напряженность.

Библиография

1. Adamová K. Dějiny veřejného práva ve střední Evropě. Přehled vybraných otázek. 1. vyd. Praha: C.H.Beck, 2000. 119 s.
2. Bartlová A. Programová línia klerikalizmu na Slovensku (1905-1938) // Historické štúdie. 1977. Č. 22. S. 95.
3. Chmelař J. Polská menšina v Československu. Praha, 1935. S. 91-96.
4. Krofta K. Dějiny selského stavu. III. vyd. Praha, 1949. S. 428-429.
5. Labaj L. Čo je povinnosťou každého ľudáka pri prevádzaní pozemkovej reformy. Ružomberok, 1925.
6. Madajczyk C. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918-1939. Warszawa, 1956.
7. Modráček F. Družstevní velkostatek a pozemková reforma. Praha, 1921.
8. Modráček F. Zabrání velkostatků a jejich osídlení. Praha, 1919.
9. Pavel A. Československá pozemková reforma // Pozemková reforma. 1938. Roč. XIX. S. 33-39.
10. Pavel A. Pozemková reforma československá. Zvl. otisk z dodatků Ottova slovníku naučného. Praha, 1937.
11. Pekař J. Omyly a nebezpečí pozemkové reformy. Praha, 1923.
12. Pozemková reforma a politické strany na Slovensku. Bratislava, 1925. S. 15.
13. Rychlík J. Vývoj pozemkové držby na území Československa v letech 1938-1945 // Sociologie zemědělství. 1987. Č. 1. S. 73.
14. Sidor K. Slovenská politika na pôde pražského snemu. I. Bratislava, 1943. S. 54, 235.
15. Venkov. 30. 1. 1918.
16. Vondruška E. Pozemková reforma // Slovník veřejného práva československého. Svazek III. Brno, 1934. S. 362-372.
17. Voženilek J. Pozemková reforma v Československé republice. Praha, 1924.
18. Voženilek J. Předběžné výsledky pozemkové reformy. I.-II. Praha, 1930-1932.
19. Włodarczyk T. Konkordaty. 2. wyd. T. I. Warszawa, 1980. S. 280.
20. Worliczek C. Die tschechoslowakische Bodenreform // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1925/26. LXXX. Heft 3. S. 447-499.

21. Worliczek C. Grundlagen, Grundgedanken und Kritik der tschechoslowakische Bodenreform. Reichenberg, 1925. S. 232.

Historical and Legal Analysis of the Issue of Land Expropriation During the First Land Reform in Czechoslovakia (1918–1935)

Natal'ya V. Romanova

Senior Lecturer,
Department of Theory and History of Law and State,
Department of Civil and Labor Law,
North-Western Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43, Sredny ave. V.O., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Abstract

The social and economic transformations of Czech society after 1918 led, on the one hand, to numerous challenges and new opportunities; on the other hand, a number of problems arose that were insufficiently, incompletely, and, so to speak, "hastily" resolved. The change in social conditions inevitably required a substantial change in the legal system, which offers researchers vast opportunities for assessment, analysis, and comparison. The article analyzes the legal regulation of the land reform in Czechoslovakia, examines the key normative acts that determined the process of land expropriation, including noble and church holdings, and also considers the socio-economic and political consequences of the implemented transformations.

For citation

Romanova N.V. (2026) Istoriko-pravovoy analiz voprosa ekspropriatsii zemel' v period pervoy zemel'noy reformy v Chekhoslovakii (1918–1935 gg.) [Historical and Legal Analysis of the Issue of Land Expropriation During the First Land Reform in Czechoslovakia (1918–1935)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 33–42. DOI: 10.34670/AR.2026.60.45.005

Keywords

History of state and law, history of law of foreign countries, land reform in Czechoslovakia, land expropriation, expropriation of noble property, expropriation of church lands, reception of law.

References

1. Adamová, K. (2000). Dějiny veřejného práva ve střední Evropě. Přehled vybraných otázek [History of public law in Central Europe. Overview of selected issues]. C.H.Beck.
2. Bartlová, A. (1977). Programová línia klerikalizmu na Slovensku (1905-1938) [The program line of clericalism in Slovakia (1905-1938)]. Historické štúdie, 22, 95.
3. Chmelař, J. (1935). Polská menšina v Československu [The Polish minority in Czechoslovakia]. Author.
4. Krofta, K. (1949). Dějiny selského stavu [History of the peasantry] (3rd ed.). Author.
5. Labaj, L. (1925). Čo je povinnosťou každého ľudáka pri prevádzaní pozemkovej reformy [What is the duty of every member of the People's Party in implementing the land reform]. Author.

6. Madajczyk, C. (1956). *Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918-1939* [Bourgeois-landowner agricultural reform in Poland 1918-1939]. Książka i Wiedza.
7. Modráček, F. (1919). Zabraní velkostatků a jejich osídlení [Seizure of estates and their settlement]. Author.
8. Modráček, F. (1921). Družstevní velkostatek a pozemková reforma [Cooperative large estate and land reform]. Author.
9. Pavel, A. (1937). Pozemková reforma československá [Czechoslovak land reform] (Special offprint from the supplements to Otto's Encyclopedia). Author.
10. Pavel, A. (1938). Československá pozemková reforma [Czechoslovak land reform]. Pozemková reforma, 19, 33-39.
11. Pekař, J. (1923). Omyly a nebezpečí pozemkové reformy [Mistakes and dangers of the land reform]. Author.
12. Pozemková reforma a politické strany na Slovensku [Land reform and political parties in Slovakia]. (1925). Author.
13. Rychlík, J. (1987). Vývoj pozemkové držby na území Československa v letech 1938-1945 [Development of land ownership in Czechoslovakia in the years 1938-1945]. Sociologie zemědělství, 1, 73.
14. Sidor, K. (1943). Slovenská politika na pôde pražského snemu [Slovak politics in the Prague Parliament] (Vol. 1). Author.
15. Venkov [The Countryside]. (1918, January 30).
16. Vondruška, E. (1934). Pozemková reforma [Land reform]. In Slovník veřejného práva československého [Dictionary of Czechoslovak public law] (Vol. 3, pp. 362-372). Author.
17. Voženílek, J. (1924). Pozemková reforma v Československé republice [Land reform in the Czechoslovak Republic]. Author.
18. Voženílek, J. (1930-1932). Předběžné výsledky pozemkové reformy [Preliminary results of the land reform] (Vols. 1-2). Author.
19. Włodarczyk, T. (1980). Konkordaty [Concordats] (2nd ed., Vol. 1). Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
20. Worliczek, C. (1925). Grundlagen, Grundgedanken und Kritik der tschechoslowakische Bodenreform [Foundations, basic ideas and critique of the Czechoslovak land reform]. Gebrüder Stiepel.
21. Worliczek, C. (1925/26). Die tschechoslowakische Bodenreform [The Czechoslovak land reform]. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 80(3), 447-499.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.58.49.006

Информационная безопасность государства в современных геополитических реалиях

Климочкина Валентина Николаевна

Начальник,
Кафедра защиты государственной тайны
центра подготовки специалистов специальной
связи и режимно-секретных подразделений органов внутренних дел,
Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации,
142007, Российская Федерация, Домодедово, мкр. Авиационный, ул. Пихтовая, 3;
e-mail: valentina170475@mail.ru

Никишкин Александр Владимирович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры физической подготовки и прикладных единоборств,
Санкт-Петербургский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: niksa78@yandex.ru

Газимагомедов Магомед Аминович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале,
367002, Российская Федерация, г. Махачкала, пр. Имама Шамиля, 38-А;
e-mail: professor.dstu@mail.ru

Аннотация

В данной статье раскрывается проблема информационной безопасности, являющаяся основной задачей государства в современной геополитической действительности, затрагивающая многие сферы жизнедеятельности и обеспечения не только внутригосударственных вопросов, но и многосторонних международных отношений. Авторы обосновывают, что с помощью информационно-коммуникативных технологий можно оказать существенное влияние на достоверность и оценку информации, что может послужить ее неправильному трактованию и, в последующем, принятию ошибочных решений, ведущих к тяжелым осложнениям политических отношений между государствами. В статье подчеркивается необходимость для современных государств

более тщательного изучения комплекса данных проблем и формирования эффективной системы защиты от посягательств в информационной сфере. Отмечается, что в Российской Федерации в настоящее время создана довольно обширная структура обеспечения национальной информационной безопасности, однако сегодня она требует дальнейшего развития. В существующей системе авторы выявляют отсутствие комплексности и системности, недостаточную проработанность методов по недопущению деструктивного воздействия на информационную безопасность и путей ее охраны. На основе анализа современных угроз, включая распространение ложной информации, деструктивное влияние на гражданское общество и человеческие ценности, авторами предлагаются направления совершенствования государственной политики в области информационной безопасности, учитывающие текущие геополитические вызовы.

Для цитирования в научных исследованиях

Климочкина В.Н., Никишкин А.В., Газимагомедов М.А. Информационная безопасность государства в современных геополитических реалиях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 43-49. DOI: 10.34670/AR.2026.58.49.006

Ключевые слова

Информационная безопасность, информационно-коммуникативные технологии, национальная безопасность, недостоверная информация, информатизация общества, гражданское общество, защита информации, государственная политика.

Введение

В настоящее время информация играет важную роль в современном обществе, ведь её искажение или неправильная трактовка создаёт угрозу не только личности и обществу, но и государству в целом. История носит немало примеров того, как неправильное преподнесение информации служило огромным риском для безопасности государственного строя и международных отношений. Проблемы в сфере обеспечения информационной безопасности множественны, разноплановы и требуют комплексного решения. Период XX-XXI веков характеризовался ярким расцветом новых информационно-технологических коммуникаций и реализация их практически во все сферы жизнедеятельности общества и государства. На государственном уровне в Российской Федерации поэтапно и постепенно определялись, и разрабатывались задачи информатизации общества и обеспечения информационной безопасности.

Основное содержание

Сегодня средства массовой информации – телевидение, корреспонденция, Интернет, радиовещание – все в большей степени оказывают влияние на население всех стран мира, формируя различное отношение к тем или иным событиям, порой создавая угрозу для здоровья как самого человека, так и общества в целом. В данный момент очень остро стоит вопрос обеспечения информационной безопасности. Рассматривая данную проблему и анализируя геополитическое состояние современного мира, следует выявить несколько актуальных

проблем, стоящих перед современными государствами, затрагивающих многие сферы жизнедеятельности и обеспечения не только международных отношений, но и внутригосударственных вопросов. Одной из наиболее значимых и требующих внимания проблем является изменение геополитической обстановки в мире, характеризующейся ведением «информационных» и «гибридных» войн. Для понятия и решения данной проблемы следуют пояснить и определить, что под собой понимает термин «информационная война». И.Н. Панарин под информационной войной понимает комплексное воздействие (совокупность информационных процессов) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на её военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного вмешательства решения. Н.В. Лопатина, О.Б. Сладкова рассматривают информационную войну как совокупность информационно-социальных методов, в основе которых лежит целенаправленное изменение массового сознания и общественных настроений посредством манипулирования потоками новостной информации любого общественно значимого содержания. Информационная война используется для искажения информации, новой реализации её. Следует отметить, что тактической задачей информационной войны является затруднение доступа к достоверной информации и вмешательство в данные сведения, подменой понятий. Важность, в данном случае, подчёркивается оперативностью и анализом полученной информации, с последующим принятием решения. Именно эти показатели дают чёткую оценку и характер действий, связанных не только с быстрым реагированием, но и реализацией данной информации. Только полнота и достоверность сведений могут обеспечить правильную реакцию на информацию с последующим её осмыслением. Это может быть использовано не только в отношении правящий членов «верхушки», но и в отношении населения. Следующей проблемой выступает желание различных стран укрепить своё политическое значение, за счёт получения информации по средствам проведения разведывательных операций на территории других государств, в целях дестабилизации общества и разрушения установленного государственного строя. Расширяются масштабы применения спецслужбами отдельных государств технологий информационно-психологического воздействия с целью дестабилизации внутрисполитической и социальной ситуации в различных регионах мира, что ведёт к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств, цветным революциям. В данном случае речь идёт, о вмешательстве разведывательных спецслужб практически на все процессы, происходящие в государстве, в самых разных сферах общества. Методами такого вмешательства, как правило, выступают: как искажение информации, так и её подмена; возможна выдача ложных аргументов за правдивые факты; отвлечения внимания на малозначимые события; подача негативных сведений, воспринимаемых намного лучше нежели позитивных и т.д. Искражение информации в средствах массовой информации в целях подрыва авторитета государственной власти перед населением, а также попытки создания переворота и дискредитации всех членов аппаратов управления, как отдельная проблема в обеспечении информационной безопасности тоже должна быть по своему освещена. Результаты изучения информатизации как угрозы общества, проведённых Ш.Ф. Фарахутдиновым, С.В. Дейнеко, О.В. Устиновой показали, что одну из значимых ролей в тенденции изменения духовно-нравственного развития общества играют средства массовой информации, сила влияния которых соразмерна с институтом семьи и педагогическим воздействием. Учёные отмечают, что

общество под воздействием сторонних СМИ претерпевает изменение и подмену «настоящих человеческих ценностей». Потеря государственного суверенитета и гражданского единства является целью любого конфликта, но теперь на смену обычным и уже достаточно привычным вооружённым, пришли «мягкие, более лояльные», но не менее опасные «информационные» споры. Как отмечает Н.В. Лопатина: «информация и её технологии способны осуществлять ситуации, когда даже ребёнок может оказывать влияние на мировое восприятие обществом. Чем не оружие массового поражения?». СМИ играют важную роль в международных отношениях и внутригосударственных вопросах. Их значимость давно заняла своё место в современном мире. В наше время СМИ – называют четвёртой ветвью власти, имеющий свой определённый авторитет, обусловленный демократизацией современного общества, отличающегося попыткой прийти к правовому государству и построению гражданского общества. Поэтому средства массовой информации имеют сильное воздействие на население. Самая подержанная влиянию искажённых информационных источников и неправдивой информации является молодёжь, которая имеет менее чёткое понимание устройство мира и общества в целом, а также является наиболее внушаемой категорией. Молодёжь более подвергнута воздействию СМИ, так как в силу возраста не обладает необходимыми сведениями и жизненным опытом в определении и оценки действительной информации от лживых и ничем не подкреплённых сведений. Все вышеуказанные проблемы являются наиболее актуальными для современных стран. Нужда в решении их, более чем обусловлена, в первую очередь, защитой своего государства и недопущение проникновения и навязывания не надёжной ложной информации. В настоящее время на политической арене имеется множество разногласий между политическими блоками.

Заключение

С помощью информационно-коммуникативных технологий можно оказать большое влияние на достоверность и оценку информации, что может послужить неправильному трактованию и в последующем неправильному принятию решения, что в последующем приведёт к тяжёлым осложнениям политических отношений между государствами. Также современным государствам следуют более тщательно изучить ряд данных проблем и сформировать защиту своего государства от посягательств в данной области. В Российской Федерации в настоящее время создана довольно обширная структура обеспечения национальной информационной безопасности. Однако сегодня она требует развития, в её описании отсутствуют комплексность и системность, а также методов по недопущению воздействия на информационную безопасность и путей её охраны, что требует более тщательном изучении.

Библиография

1. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
2. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 428 с.
3. Марков С.А. – «Гибридная война» против России. – М.: Алгоритм, 2015. – 208 с. – (Враги России).
4. Мельников, Н.М. Технические средства защиты информации: Учебное пособие / Н.М. Мельников, А.В. Никишкин, Е.В. Ветрова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 304 с.

5. Никишкин, А.В. Понятие и особенности объектов интеллектуальной собственности в сети интернет / А.В. Никишкин, А.А. Никишкина, А.Л. Саченко // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 10 декабря 2024 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2024. – С. 317-320.
6. Саченко, А.Л. Некоторые проблемы правового регулирования объектов интеллектуальной собственности в сети интернет / А.Л. Саченко, А.А. Никишкина, А.В. Никишкин // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: Материалы Национальной научно-практической конференции, Гатчина, 20 декабря 2024 года. – Гатчина: Гатчинский государственный университет, 2025. – С. 772-776.
7. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025621020 Российская Федерация. Электронный учебник «Теоретические основания и практика создания учебников нового поколения в области организации процесса обучения в информационной образовательной среде по дисциплине «Специальная техника органов внутренних дел» на тему: «Технические средства защиты информации»: заявл. 25.02.2025: опублик. 05.03.2025 / А.В. Никишкин, Н.М. Мельников; заявитель Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».
8. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2025621276 Российская Федерация. Электронное учебное пособие «Обновление содержания учебной дисциплины «Основы специальной техники» по теме: «Технические средства поиска, выявления и фиксации информации»: заявл. 03.03.2025: опублик. 20.03.2025 / А.В. Никишкин, Н.М. Мельников; заявитель Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».
9. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
10. Элдид А.М. Фактор молодежных движений в развитии «цветной революции» в Египте 2011 года // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 126-130.

Information Security of the State in Modern Geopolitical Realities

Valentina N. Klimochkina

Head,

Department of State Secret Protection,
Center for Training Specialists in Special Communication
and Secret Divisions of Internal Affairs Bodies,
All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
142007, 3, Pikhtovaya str., Aviatzionnyy District, Domodedovo, Russian Federation;
e-mail: valentina170475@mail.ru

Aleksandr V. Nikishkin

PhD in Law,

Associate Professor of the Department
of Physical Training and Applied Martial Arts,
Saint Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: niksa78@yandex.ru

Magomed A. Gazimagomedov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala,
367002, 38-A, Imam Shamil'ya ave., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: professor.dstu@mail.ru

Abstract

This article reveals the problem of information security, which is the main task of the state in modern geopolitical reality, affecting many spheres of life and ensuring not only domestic issues but also multilateral international relations. The authors substantiate that with the help of information and communication technologies, it is possible to exert a significant influence on the reliability and assessment of information, which can lead to its incorrect interpretation and, subsequently, the adoption of erroneous decisions leading to severe complications in political relations between states. The article emphasizes the need for modern states to more thoroughly study the complex of these problems and form an effective system of protection against encroachments in the information sphere. It is noted that the Russian Federation has currently created a fairly extensive structure for ensuring national information security, however, today it requires further development. In the existing system, the authors identify a lack of comprehensiveness and consistency, insufficient development of methods to prevent destructive impact on information security and ways to protect it. Based on the analysis of modern threats, including the spread of false information, destructive influence on civil society and human values, the authors propose directions for improving state policy in the field of information security, taking into account current geopolitical challenges.

For citation

Klimochkina V.N., Nikishkin A.V., Gazimagomedov M.A. (2026) *Informatsionnaya bezopasnost' gosudarstva v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh* [Information Security of the State in Modern Geopolitical Realities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 43-49. DOI: 10.34670/AR.2026.58.49.006

Keywords

Information security, information and communication technologies, national security, unreliable information, informatization of society, civil society, information protection, state policy.

References

1. Zakhartsev, S.I., & Sal'nikov, V.P. (2018). Zashchita prav cheloveka v informatsionnom prostranstve [Protection of human rights in the information space]. *Strategicheskie priority* [Strategic Priorities], (1(17)), 62–70.
2. Lopatin, V.N. (2000). *Informatsionnaya bezopasnost' Rossii: Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Information security of Russia: The individual. Society. The state]. St. Petersburg: Fond "Universitet".
3. Markov, S.A. (2015). «Gibridnaya voyna» protiv Rossii ["Hybrid war" against Russia]. Moscow: Algoritm.
4. Mel'nikov, N.M., Nikishkin, A.V., & Vetrova, E.V. (2024). *Tekhnicheskie sredstva zashchity informatsii: Uchebnoe posobie* [Technical means of information protection: A textbook]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii.
5. Nikishkin, A.V., Nikishkina, A.A., & Sachenko, A.L. (2024). Poniatie i osobennosti ob"ektov intellektual'noi

- sobstvennosti v seti internet [The concept and features of intellectual property objects on the Internet]. In *Aktual'nye voprosy ekonomiki, prava i sotsiologii: Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current issues of economics, law and sociology: A collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference] (pp. 317–320). Cheboksary: OOO "Izdatel'skii dom "Sreda".
6. Sachenko, A.L., Nikishkina, A.A., & Nikishkin, A.V. (2025) Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniia ob"ektov intellektual'noi sobstvennosti v seti internet [Some problems of legal regulation of intellectual property objects on the Internet]. In *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem: innovatsionnyi i strategicheskii podkhody: Materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Management of socio-economic development: innovative and strategic approaches: Materials of the National Scientific and Practical Conference] (pp. 772–776). Gatchina: Gatchinskii gosudarstvennyi universitet.
7. Nikishkin, A.V., & Mel'nikov, N.M. (2025) Elektronnyi uchebnik «Teoreticheskie osnovaniia i praktika sozdaniia uchebnikov novogo pokoleniia v oblasti organizatsii protsessa obucheniia v informatsionnoi obrazovatel'noi srede po distsipline «Spetsial'naia tekhnika organov vnutrennikh del» na temu: «Tekhnicheskie sredstva zashchity informatsii» [Electronic textbook "Theoretical foundations and practice of creating new generation textbooks in the field of organizing the learning process in the information educational environment for the discipline 'Special equipment of internal affairs agencies' on the topic: 'Technical means of information protection'"]. Certificate of State Registration of a Database No. 2025621020, Russian Federation. Applicant: Federal State Governmental Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". Application: 25.02.2025, Publication: 05.03.2025.
8. Nikishkin, A.V., & Mel'nikov, N.M. (2025) Elektronnoe uchebnoe posobie «Obnovlenie sodержaniia uchebnoi distsipliny «Osnovy spetsial'noi tekhniki» po teme: «Tekhnicheskie sredstva poiska, vyivleniia i fiksatsii informatsii» [Electronic textbook "Updating the content of the academic discipline 'Fundamentals of special equipment' on the topic: 'Technical means of searching, detecting and recording information'"]. Certificate of State Registration of a Database No. 2025621276, Russian Federation. Applicant: Federal State Governmental Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". Application: 03.03.2025, Publication: 20.03.2025.
9. Khabibulin, A.G., & Abdrakhmanov, A.I. (2015). MVD v informatsionnom pole narastaiushchei global'noi napriazhennosti [The Ministry of Internal Affairs in the information field of increasing global tension]. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], (1), 23–31.
10. Eldiib, A.M. (2018). Faktor molodezhnykh dvizhenii v razvitii "tsvetnoi revoliutsii" v Egipte 2011 goda [The factor of youth movements in the development of the "color revolution" in Egypt in 2011]. *Mir politiki i sotsiologii* [World of Politics and Sociology], (2), 126–130.

УДК 340**DOI: 10.34670/AR.2026.85.83.007****Эволюция правовой формы абсолютизма Саудовской Аравии****Владимиров Игорь Викторович**

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;
e-mail: ighor-ka.vl.98@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается реализация абсолютизма в Саудовской Аравии на практике, выявляются причины существования правления в современных условиях. Проводится анализ эволюции становления такой формы правления в стране, влияние внешних акторов (Великобритании, США, некоторых государств Персидского региона) и делается вывод сохранения формы правления в современных условиях международных отношений, т.е. делается вывод о том, почему международное сообщество сотрудничает с обозреваемой страной, считает данное государство полноценным субъектом международного права, несмотря на специфику законодательства в области прав человека и гражданина, специфику политико-правовых институтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Владимиров И.В. Эволюция правовой формы абсолютизма Саудовской Аравии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 50-57. DOI: 10.34670/AR.2026.85.83.007

Ключевые слова

Абсолютная монархия, Саудовская Аравия, власть, семья, историческая ретроспектива, международные отношения, реализация права, конституция, акторы, политическая система.

Введение

Королевство Саудовская Аравия является одной из шести стран с официально существующим абсолютизмом, является самой крупной из таких стран. Королевство Саудовская Аравия возникло в XVIII в. «на базе движения мусульманских реформаторов — так называемых ваххабитов» [В Саудии женщинам Совета Шуры..., www]. Движение было основано проповедником Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом. Его центральной идеей было «очищение ислама от всяких примесей, толкований и нововведений» [Косач, 2007]. Ваххабизм стал идеологией, которая легла в основу становления государства в Аравии.

В результате их деятельности священные для мусульман города Мекка и Медина были захвачены ваххабитами. В связи с этим, духовенство империи провозглашает религиозный эдикт (фетву), по которому ваххабиты объявлялись вне закона. В 1815 г. ваххабиты потерпели поражение, но в мае Мухаммеду Али понадобилось срочно покинуть Аравию и заключен мир. По его условиям «эмир Абдаллах ибн Сауд сохранял за собой центральные области Аравии, тем самым признавая сюзеренитет турецкого султана» [Васильев, 1999, с. 86].

Следует отметить, что в стране имели место и внутренние противоречия. Дело в том, что коренное население было недовольно деятельностью египетского Правительства. Это, в свою очередь, приводит к возобновлению ваххабитского движения и восстанию. Антиегипетскими настроениями воспользовался Турки ибн Абдаллах — представитель боковой ветви Саудидов. В 1823—1824 годах он взял под свой контроль центральные области Аравии и восстановил государство Саудидов. Столица была перенесена в Эр-Рияд. Ему удалось наладить стабильность, но его убили в 1834 г. и только в 1843 г. трон перешел его сыну. Он восстановил главный эмират, но «вассальные племена постоянно враждовали между собой и поднимали восстания» [Васильев, 1999, с. 89].

Однако его сыновья-наследники создали собственные группировки, в результате чего единство ваххабитской общины было нарушено. Воспользовавшись ситуацией, в 1871—1872 гг. турки оккупировали Эль-Хасу и Асир.

Член семьи саудитов — Ибн Сауд установил контроль над Маскатом только в 1901 г., который граничит с Абу-Даби. Это позволило Ибн Сауду заключить в 1914 г. соглашение с Османской империей. В соответствии с ним Ибн Сауд становился губернатором вновь образованной провинции Неджд.

После окончания Первой мировой войны Саудида вели активную экспансию в отношении соседних государств.

В 1924—1925 гг. к Неджду был присоединен Хиджаз. 8 января 1926 г. в Мекке в Большой мечети Ибн Сауд был провозглашен королем Хиджаза и султаном Неджда. Хиджазу была дарована конституция. Он получил автономию в составе объединенного государства [Никонов, 2017, с. 309]. Советский Союз первым признал государство Саудидов и установил с этим государством дипломатические и торговые отношения.

Свое название Саудовская Аравия получает 22 сентября 1932 г. благодаря Ибн Сауду [Гафаров, Романюк, 2008, с. 268].

Саудовская Аравия во время Второй мировой войны разрывает дипломатические отношения с Германией и Италией. Однако почти до ее окончания сохраняла нейтралитет. После окончания войны в Саудовской Аравии усиливается американское влияние. США устанавливает дипломатические отношения с Саудовской Аравией и распространяет на ее территории закон о ленд-лизе.

В феврале 1944 г. американские нефтяные компании приступают к строительству трансаравийского нефтепровода через Дахрану к ливанскому порту Сайду. В это же время правительство Саудовской Аравии разрешает строительство в Дахране крупной американской военно-воздушной базы, которая была необходима США для войны против Японии. В феврале 1945 г. правители США и Саудовской Аравии подписывают соглашение о монополии США на разработку саудовских месторождений. Главной причиной создания в Саудовской Аравии министерств финансов, внутренних дел, обороны, образования становится развитие нефтяной промышленности.

Отношения Саудовской Аравии с соседними государствами складываются не очень хорошо. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. стали улучшаться отношения Саудовской Аравии с рядом соседних государств. Это, становится следствием образования государства Израиль и враждебного отношения к нему со стороны арабских стран.

В 1962 г. ухудшается экономическое положение в Саудовской Аравии. В это время кабинет министров возглавляет принц Фейсал. Он проводит реформы в экономике, социальной сфере и области образования. Ярким моментом его политике стало отмена рабства и работорговли.

Действия принца Фейсала стали причиной прогресса в разрешении пограничных споров, например, было подписано соглашение о разграничении континентального шельфа между Саудовской Аравией и Бахрейном.

В 1974 г. было подписано соглашение о перемирии между Израилем, Египтом и Сирией. Были нормализованы отношения Саудовской Аравии с США. Страна приложила усилия к снижению роста мировых цен на нефть.

Вскоре король был убит своим племянником, исполнительная власть была передана наследному принцу Фахду ибн Абдель Азизу ас-Сауду. Новый правитель продолжил политику принца Фейсала, увеличив расходы на развитие транспорта, промышленности и образования.

С 1982 г. страной начинает править его брат — Фахд. С 1990 г. Королевство столкнулось с агрессией Ирака, но получало поддержку США. После войны с Ираком, Саудовская Аравия подвергается давлению со стороны исламских радикалов, требовавших установить в стране шариат, вывести иностранные войска.

Фахд проводит политические реформы после оказания давления со стороны как либералов, так и консерваторов. В 1992 г. принимаются три королевских декрета: «Основы системы власти», «Положение о Консультативном совете» и «Система территориального устройства», которые закрепляли общие принципы государственного устройства.

Таким образом, история возникновения и развития государства Саудовская Аравия, показывает, что большое значение в становлении Королевства сыграл религиозный фактор. Во-вторых, следует отметить, что с обретением независимости главную роль в государстве играла одна семья — Саудида. А также нельзя не учитывать различное внешнее влияние на страну в ее истории.

Основное содержание

Королевство Саудовская Аравия является примером абсолютной монархии в современном мире. Главой государства является король. Он также является хранителем двух священных мечетей и председателем Совета министров. В настоящее время королем государства является Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд.

Власть обычно переходит к старшему в правящей семье, наиболее соответствующему для

выполнения функций монарха. Чтобы не возникло конфликтной ситуации при смене власти, в 2000 г. был образован Королевский семейный совет. В Совет входят 18 наиболее влиятельных прямых потомков основателя аравийской монархии Ибн Сауда.

Тем не менее, на практике, члены королевской семьи, члены главных аристократических кланов пользуются фактическим судебным иммунитетом. «То есть, стоят над законом» [Васильев, 1982, с. 510].

Из истории мы видим, что политическая система в Саудовской Аравии складывалась на протяжении нескольких веков. Само государство образовалось в середине XVIII в., и огромную роль в этом процессе сыграли религия и правящая семья.

Современная система Саудовской Аравии также держится основана на данных социальных институтах. Кроме того, большую роль сыграло и географическое положение. В стране очень много полезных ископаемых, что прямым образом влияет на политическое обустройство и политику в целом.

В 2015г. король решил назначить преемника официально и самолично. Сначала это было в рамках традиции, т.е. он назначил своего брата. Но, вскоре «на должность первого наследного принца был назначен уже не брат монарха, а племянник, вышеупомянутый Мухаммад бен Наиф. Он в качестве министра внутренних дел курирует в королевстве борьбу с терроризмом» [Король Саудовской Аравии..., [www](#)].

Принц Мухаммад бен Наиф продолжает вести международную политику от имени своей страны, например участвуя в международных переговорах по вопросам мирного урегулирования конфликтов будучи министром обороны КСА. Во внутренних делах он стал считаться реформатором. «В первую очередь МБС выступает за отход от религиозного догматизма ваххабитов, царившего в королевстве долгие годы. Он выступает за более умеренный и светский вектор ислама, который считает более близким к истокам учения» [Как молодой саудовский принц..., [www](#)]. Кроме символических, но немаловажных атрибутов: открытие ТЦ, кинотеатров и иных сфер услуг, были начаты сокращения ограничения в правах женщин в королевстве. Самым ярким примером, ставшим известным в мировом сообществе, стало разрешение женщинам управлять автомобилем.

Однако в действиях наследника престола прослеживаются и решения самого короля, который также с 2015г. занимается реформами. Например, касаясь женщин, «Король Саудовской Аравии Абдулла поклялся в 30 женщинах в Совете Шуры» [Король Саудовской Аравии клянется..., [www](#)]. Из 150 членов-советников Правительства — 30 стали женщины. «Монарх, которого считают сторонником постепенной реформы, также предоставил женщинам право голосовать и баллотироваться на следующих муниципальных выборах» [Король Саудовской Аравии клянется..., [www](#)]. Однако, важно здесь то, что король, посоветовавшись с религиозными авторитетами Саудовской Аравии получил от них разрешение. «Необходимо отметить, что король Саудовской Аравии носит также титул «защитника святых мест» (Мекки и Медины), что используется в целях обеспечения в глазах населения религиозной легитимности власти первого лица государства» [Амантур уулу, 2022, с. 746]. Это говорит о том, что власть короля распространяется и на религию, т.к. ее представители не решились оспаривать это решение. В 2017г. Совет Шуры призвал разрешить выдавать фетву (разрешение по шариату) и женщинам: «решение Совета Шуры приветствовали специалисты в области исламского права и юриспруденции, а также большая часть населения» [В Саудии женщинам Совета Шуры..., [www](#)]. Это говорит о том, что и шариат становится более гибким в Саудовской Аравии, т.к. отмечается, что «право на гибкую и безопасную рабочую среду [для женщин] <...>

разрешено шариатом» [В Саудии женщинам Совета Шуры..., [www](#)].

Также, стоит отметить, что король с помощью правоохранительных органов сохраняет свою власть. Так 6 марта 2020г. был арестован младший брат короля — принц Ахмед бен Абдель Азиз Аль Сауд. «Брат короля подозревается в подготовке заговора и вступлении в контакты с зарубежными сторонами» [СМИ: арестованный брат..., [www](#)]. Также королем был создан Высший антикоррупционный комитет, который возглавил также его сын-принц Мухаммед. Одна из причин: «стремление короля Саудовской Аравии исключить возможный раскол в семье при передаче власти и на фоне запланированных экономических и социальных реформ» [Глава Саудовской Аравии нашел..., [www](#)]. Также был арестован глава Национальной гвардии, который не был в прямом подчинении у принца и мог бы в будущем «не допустить» его до престола.

Отдельно стоит отметить о программе «Видение 2030». На открытии съезда Совета Шуры в 2023 г., наследный принц заявил: «страна продолжает свой ренессанс развития в соответствии с “Видением 2030” и своими амбициозными программами, которые, если даст Бог, будут способствовать сохранению передовых позиций Королевства в мире, достижению дальнейшего развития и процветания, а также обеспечению достойной жизни граждан» [От имени Хранителя Двух Святынь..., [www](#)]. Сама программа была согласована принцем со своим отцом и была положена еще в 2016 г. в ней нет прямого политического контекста, но прописаны ряд существенных общественных изменений: гендерное равенство, улучшение экологии, введение новых технологий, обеспечение возможности и безопасности паломничества и т.д. Исходя из этого видно, что политический контекст данной программы построен на привлечении международного сообщества, институтов (также, например, инвесторов) к Саудовской Аравии, к ее лидерам для повышения имиджа страны и власти. Т.е. наследный принц Моххамед бин Салман таким образом укрепляет свой авторитет перед населением и миром.

Также, в одном из своих интервью, наследный принц сказал: «у нас приватизация» [Crown Prince Mohammed bin Salman Talks..., [www](#)]. К слову, от нее государство получило много средств бюджет, в специальный фонд, который растет каждый год. Такую меру можно также рассматривать как властный механизм. Экс-посол РФ в КСА — О. Б. Озеров отмечал, что по приказу короля: «Произведены назначения ряда новых губернаторов, многие из которых уже ранее занимали эти посты и обладают незаемным авторитетом у населения» [Интервью Посла России в Саудовской Аравии..., [www](#)].

Однако, есть мнение, что сын и отец — самые влиятельные первые лица страны не всегда согласовывают свои действия. Например, по поводу участия государства в конфликте в Йемене. Когда король был с визитом в Египте: «Мухаммед бин Салман провел несколько кадровых перестановок, включая назначение женщины послом Саудовской Аравии в США и назначение собственного брата министром обороны. <...> Указы о назначении традиционно объявляются от имени короля, но в этот раз они были подписаны "заместителем короля"» [The Guardian узнал о споре..., [www](#)]. Это говорит о том, что молодой наследник престола уже не соблюдает нормативно закрепленные границы его полномочий.

Все это является причиной того, что такая форма правления несмотря на свои ограничения продолжает применяться. Например, двоюродный брат кронпринца Сауд аль-Шаалан «в своем послании принц заявил следующее: «Любой, кто бросает вызов существованию этого королевства, знайте: мы все — сыны джихада и мученичества». Принц произнес предупреждение на английском и французском языках» [Двоюродный брат принца Саудовской Аравии..., [www](#)].

Государственные лица также поддерживают сложившуюся ситуацию. Например, Председатель Совета Шуры во время пандемии коронавируса сказал: «указания мудрого руководства по противостоянию коронавирусу подтвердили правильность видения и сохранили страну, граждан, резидентов, национальную и мировую экономику» [Председатель Совета Шуры..., www]. К слову, председателя консультативного органа назначает и отстраняет от должности король.

Из действий Генерального прокурора КСА также можно увидеть, что правосудие строго соблюдает сохранность королевской власти. Сауд аль-Мужиб заявил, что «одиннадцать принцев были арестованы из-за того, что они отказались прекратить протест в королевском дворце Каср-аль-Хукм в Эр-Рияде» Генпрокурор Саудовской Аравии объяснил..., www].

Результаты

Исходя из таких нарративов, мы можем сделать вывод о том, что верховная власть в Королевстве Саудовская Аравия остается стабильной, а власть короля, не смотря на большие полномочия кронпринца остается монолитной, как подчеркнул в одном из своих интервью экс-посол РФ в КСА — О. Б. Озеров: «Король Сальман обладает, без преувеличения, огромным авторитетом в Саудовской Аравии благодаря своей разносторонней государственной деятельности. <...> В настоящее время речь о распаде королевства, отделения от него ряда провинций, революциях, конечно же, не идет. Саудовская Аравия — богатое и сильное государство» [Олег Озеров: меня поразили..., www].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что абсолютизм в Саудовской Аравии политически устойчив. Король контролирует все высшие эшелоны власти как фактически, так и юридически. Он закрепил существенные полномочия (должности) в руках своего сына, определив его самостоятельное дальнейшее развитие страны. Все службы и ветви власти придерживаются линии короля, а члены «семьи» поддерживают решения, несогласные лишаются своей неприкосновенности и сталкиваются с проблемами правосудия.

Библиография

11. Амантур уулу Э. Суннитский вариант исламского государства в королевстве Саудовская Аравия // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №5. С. 744-749.
12. Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745–1973). Москва, 1982. 612 с.
13. Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.) / РАН. Ин-т Африки. 2-е изд., расш. и доп. Москва : Классика плюс, 1999. 670 с.
14. В Саудии женщинам Совета Шуры разрешили выдавать фетвы // РИА Новости. URL: <https://ria.ru> .
15. Гафаров Э.Э., Романюк О.В. Становление государственности в Саудовской Аравии: историко-правовой анализ // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2008. №1. С. 266-271.
16. Генпрокурор Саудовской Аравии объяснил арест 11 принцев // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru> .
17. Глава Саудовской Аравии нашел 800 млрд долларов у своих родственников // Российская газета. URL: <https://rg.ru> .
18. Двоюродный брат принца Саудовской Аравии пригрозил Западу джихадом // Metro Москва. URL: <https://www.gazetametro.ru> .
19. Интервью Посла России в Саудовской Аравии О. Б. Озерова информгентству «ТАСС», 5 февраля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru> .
20. Как молодой саудовский принц стал одним из самых влиятельных людей в мире // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru> .
21. Король Саудовской Аравии клянется первыми женщинами в Совете Шуры // Английский новости. URL: <https://eng-news.ru> .
22. Король Саудовской Аравии подписал указы о войне, нефти и власти // РИА Новости. URL: <https://ria.ru> .

23. Косач Г. Г. Саудовская Аравия: внутривластные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.). Москва, 2007. 376 с.
24. Никонов О.А. Роль СССР в становлении государственного суверенитета Королевства Саудовская Аравия // Преподаватель XXI век. 2017. №1. С. 306-317.
25. Олег Озеров: меня поразила демократизация нового саудовского короля // ТАСС. URL: <https://tass.ru>.
26. От имени Хранителя Двух Святынь наследный принц Саудовской Аравии открывает работу четвёртого года восьмой сессии Совета шуры // Союз информационных агентств Организации исламского сотрудничества (UNA). URL: <https://una-oic.org>.
27. Председатель Совета Шуры: указания мудрого руководства по противостоянию коронавирусу подтвердили правильность видения и сохранили страну, граждан, резидентов, национальную и мировую экономику // Саудовское агентство печати (SPA). URL: <https://www.spa.gov>.
28. СМИ: арестованный брат саудовского короля выступил против передачи трона кронпринцу // ТАСС. URL: <https://tass.ru>.
29. The Guardian узнал о споре между королем Саудовской Аравии и наследным принцем // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru>.

Evolution of the Legal Form of Absolutism in Saudi Arabia

Igor' V. Vladimirov

Postgraduate Student,
Moscow Financial-Industrial University "Synergy",
129090, 9/14, Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ighor-ka.vl.98@mail.ru

Abstract

The article examines the implementation of absolutism in Saudi Arabia in practice, identifying the reasons for the existence of this form of governance in modern conditions. An analysis is carried out of the evolution of the formation of such a form of government in the country, the influence of external actors (Great Britain, the USA, certain states of the Persian region), and a conclusion is drawn about the preservation of this form of government in the modern conditions of international relations. That is, a conclusion is made about why the international community cooperates with the observed country, considers this state a full-fledged subject of international law, despite the specifics of legislation in the field of human and civil rights, and the specificity of political-legal institutions.

For citation

Vladimirov I.V. (2026) *Evolutsiya pravovoy formy absolyutizma Saudovskoy Aravii* [Evolution of the Legal Form of Absolutism in Saudi Arabia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 50-57. DOI: 10.34670/AR.2026.85.83.007

Keywords

Absolute monarchy, Saudi Arabia, power, family, historical retrospective, international relations, implementation of law, constitution, actors, political system.

References

1. Amantur uulu, E. (2022). Sunnitskii variant islamskogo gosudarstva v korolevstve Saudovskaya Araviya [The Sunni Version of the Islamic State in the Kingdom of Saudi Arabia]. *Byulleten' nauki i praktiki*, 8(5), 744-749.

Vladimirov I.V.

2. *Crown Prince Mohammed bin Salman Talks to TIME About the Middle East, Saudi Arabia's Plans and President Trump*. (n.d.). TIME <https://time.com>
3. Gafarov, E.E., & Romanyuk, O.V. (2008). Stanovlenie gosudarstvennosti v Saudovskoy Aravii: istoriko-pravovoy analiz [Formation of Statehood in Saudi Arabia: Historical and Legal Analysis]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, (1), 266-271.
4. *Interv'yu Posla Rossii v Saudovskoy Aravii O. B. Ozerova informagentstvu «TASS», 5 fevralya 2015 goda* [Interview with the Russian Ambassador to Saudi Arabia O. B. Ozerov to the TASS news agency, February 5, 2015]. (n.d.). Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. <https://www.mid.ru>
5. *Kak molodoy saudovskiy prints stal odnim iz samykh vliyatel'nykh lyudey v mire* [How a young Saudi prince became one of the most influential people in the world]. (n.d.). Komsomolskaya Pravda. <https://www.kp.ru>
6. *Korol' Saudovskoy Aravii klyanetsya pervymi zhenshchinami v Sovete Shury* [Saudi Arabia King swears in first women to Shura Council]. (n.d.). Angliyskie Novosti. <https://eng-news.ru>
7. *Korol' Saudovskoy Aravii podpisal ukazy o voyne, nefti i vlasti* [King of Saudi Arabia signs decrees on war, oil and power]. (n.d.). RIA Novosti. <https://ria.ru>
8. Kosach, G. G. (2007). *Saudovskaya Araviya: vnutripoliticheskie protsessy «etapa reform» (konets 1990–2006 gg.)* [Saudi Arabia: Domestic Political Processes of the "Reform Stage" (late 1990s–2006)]. Moscow.
9. Nikonov, O.A. (2017). Rol' SSSR v stanovlenii gosudarstvennogo suvereniteta Korolevstva Saudovskaya Araviya [The Role of the USSR in the Formation of State Sovereignty of the Kingdom of Saudi Arabia]. *Prepodavatel' XXI vek*, (1), 306-317.
10. *Oleg Ozerov: menya porazil demokratizm novogo saudovskogo korolya* [Oleg Ozerov: I was amazed by the democracy of the new Saudi king]. (n.d.). TASS. <https://tass.ru>
11. *Ot imeni Khranitelya Dvukh Svyatyn' naslednyy prints Saudovskoy Aravii otkryvaet rabotu chetvyortogo goda vos'moy sessii Soveta shury* [On behalf of the Custodian of the Two Holy Mosques, the Crown Prince of Saudi Arabia opens the fourth year of the eighth session of the Shura Council]. (n.d.). Union of OIC News Agencies (UNA). <https://una-oic.org>
12. *Predsedatel' Soveta Shury: ukazaniya mudrogo rukovodstva po protivostoyaniyu koronavirusu podtverdili pravil'nost' videniya i sokhranili stranu, grazhdan, rezidentov, natsional'nuyu i mirovuyu ekonomiku* [Shura Council Chairman: Directives of the wise leadership to confront coronavirus confirmed the correctness of the vision and preserved the country, citizens, residents, and the national and global economy]. (n.d.). Saudi Press Agency (SPA). <https://www.spa.gov>
13. *SMI: arestovannyi brat saudovskogo korolya vystupil protiv peredachi trona kronprintsu* [Media: Arrested brother of Saudi king opposed transfer of throne to crown prince]. (n.d.). TASS. <https://tass.ru>
14. *The Guardian uznal o spore mezhdru korolem Saudovskoy Aravii i naslednym printsem* [The Guardian learns of dispute between Saudi king and crown prince]. (n.d.). Interfax. <https://www.interfax.ru>
15. Vasil'ev, A. M. (1982). *Istoriya Saudovskoy Aravii (1745–1973)* [History of Saudi Arabia (1745–1973)]. Moscow.
16. Vasil'ev, A. M. (1999). *Istoriya Saudovskoy Aravii (1745 g. – konets XX v.)* [History of Saudi Arabia (1745 – late XX century)] (2nd ed.). Klassika plus.
17. *V Saudii zhenshchinam Soveta Shury razreshili vydavat' fetvy* [In Saudi Arabia, women of the Shura Council allowed to issue fatwas]. (n.d.). RIA Novosti. <https://ria.ru>

УДК 504.06 (470.621)

DOI: 10.34670/AR.2026.92.62.008

Соотношение охраны окружающей среды и экономического развития в Республике Адыгея (на примере курорта «Лагонаки»)

Тутарищева Светлана Муратовна

Кандидат педагогических наук,
доцент,
кафедра гражданского права и гражданского процесса,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Багова Инна Руслановна

Кандидат социологических наук,
доцент,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Читаов Азамат Капланович

Студент,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: azamat.chitaov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения экономического развития и охраны окружающей среды в Республике Адыгея на примере реализации проекта всесезонного курорта «Лагонаки». Актуальность исследования обусловлена необходимостью соблюдения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду при осуществлении крупных инвестиционных проектов. Проанализированы положения Конституции Российской Федерации 1993 года, Федерального закона № 7 «Об охране окружающей среды», Федерального закона № 174 «Об экологической экспертизе», а также нормы лесного законодательства и международные обязательства Российской Федерации в рамках Конвенции 1972 года об охране всемирного культурного и природного наследия. Особое внимание уделено вопросам проведения государственной экологической экспертизы и судебным спорам 2024-2025 годов, связанным с реализацией проекта. Выявлены правовые коллизии между задачами социально-экономического развития

региона и необходимостью сохранения уникальных природных комплексов Лагонакского нагорья. Предложены направления совершенствования правового регулирования и обеспечения устойчивого развития территории.

Для цитирования в научных исследованиях

Тутарищева С.М., Багова И.Р., Читаов А.К. Соотношение охраны окружающей среды и экономического развития в Республике Адыгея (на примере курорта «Лагонаки») // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 58-63. DOI: 10.34670/AR.2026.92.62.008

Ключевые слова

Экологическое право, устойчивое развитие, государственная экологическая экспертиза, курорт «Лагонаки», Республика Адыгея, охрана окружающей среды, объект Всемирного наследия.

Введение

Вопрос соотношения экономического развития и охраны окружающей среды является одной из ключевых проблем современного экологического права РФ. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года закрепляет в статье 42 право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением. Одновременно в статье 72 Конституции вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ, что создает сложную систему распределения полномочий между федеральным центром и регионами [Конституция Российской Федерации, 2020, ст. 42, 72]. В условиях реализации крупных инвестиционных проектов данное разграничение полномочий нередко становится источником правовых коллизий. Ярким примером такой коллизии является проект строительства всесезонного горного курорта «Лагонаки» в Республике Адыгея.

Основная часть

Проект развития курорта «Лагонаки» получил активное продвижение в 2022-2024 годах в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», утвержденного в 2021 году [Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 11.10.2011 № 204, 2011]. В соответствии с заявлениями региональных властей и инвестора, реализация проекта предполагает создание горнолыжной инфраструктуры, гостиничных комплексов и транспортной сети. Начало строительных работ планируется после завершения проектирования и прохождения государственной экспертизы, ориентировочно в 2026 году. Экономический эффект проекта оценивается в создании тысяч рабочих мест и значительном увеличении туристического потока в регион. Таким образом, для Республики Адыгея данный проект рассматривается как стратегический инструмент социально-экономического развития.

Однако территория Лагонакского нагорья имеет высокую природоохранную ценность. Она расположена вблизи объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Западный Кавказ», включенного в Список Всемирного наследия в 1999 году в соответствии с Конвенцией об охране

всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 года, ратифицированной СССР в 1988 году [Указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI, 1988]. В пределах нагорья расположены уникальные экосистемы, редкие и эндемичные виды флоры и фауны, занесенные в Красную книгу Российской Федерации и Красную книгу Республики Адыгея. Кроме того, часть территории относится к зонам с особыми условиями использования, что предполагает ограничения хозяйственной деятельности [<https://amp.rbc.ru/...>, www.rbc.ru/].

Федеральное законодательство устанавливает четкие правовые рамки охраны окружающей среды. Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляет принцип приоритета сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов. Статья 3 данного закона формулирует принцип устойчивого развития, предполагающий сбалансированное решение социально-экономических задач при сохранении благоприятной окружающей среды [Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ, 2002]. Федеральный закон от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» устанавливает обязательность проведения государственной экологической экспертизы для проектной документации объектов, способных оказать значительное воздействие на окружающую среду [Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ, 1995]. Без положительного заключения такой экспертизы реализация проекта невозможна.

В отношении проекта «Лагонаки» проектная документация прошла процедуру государственной экспертизы и получила положительное заключение. Однако в 2024-2025 годах прокуратура Республики Адыгея инициировала судебное оспаривание данного заключения, указывая на возможные нарушения требований экологического законодательства и неполноту оценки воздействия на окружающую среду. Арбитражные судебные процессы выявили еще одну правовую проблему – ограничение участия общественных экологических организаций в процессе. Отказ в привлечении таких организаций в качестве третьих лиц ставит под вопрос реализацию принципов гласности и участия общественности, закрепленных в статье 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ, 2002, ст. 11].

Особое значение имеет также Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ, который регулирует порядок предоставления лесных участков и проведения вырубок. Реализация инфраструктурных проектов в горной местности неизбежно связана с изменением лесного фонда, строительством дорог и инженерных сетей. В случае нарушения установленного порядка перевода земель или превышения допустимых норм воздействия может наступать административная и уголовная ответственность в соответствии с КоАП и УК РФ [Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 № 200-ФЗ, 2006].

Проблема соотношения экономического развития и охраны природы в данном случае заключается не только в фактическом воздействии на экосистему, но и в правовой оценке допустимости такого воздействия. Государство, стимулируя инвестиции и создавая особые экономические условия для туристической отрасли, одновременно обязано соблюдать принципы экологического права и международные обязательства. Нарушение баланса может повлечь негативные последствия, вплоть до включения объекта Всемирного наследия в перечень объектов, находящихся под угрозой, что нанесет ущерб международной репутации Российской Федерации.

Разрешение существующей правовой коллизии возможно исключительно через совершенствование как нормативного регулирования, так и практических механизмов его применения. В этой связи необходимо, прежде всего, повысить прозрачность процедур

государственной экологической экспертизы, предусмотренной Федеральным законом № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ, 2002]. Это предполагает не только обязательное опубликование всех материалов оценки воздействия на окружающую среду, но и проведение общественных обсуждений в строгом соответствии с требованиями законодательства, включая участие заинтересованных лиц и общественных объединений.

Кроме того, существенное значение имеет обеспечение полноценного доступа общественных объединений к судебной защите экологических интересов, что соответствует положениям статей 42 и 46 Конституции РФ. Реализация данного права позволит повысить эффективность контроля за соблюдением экологических стандартов и минимизировать риски принятия решений, наносящих ущерб окружающей среде.

Заключение

Не менее важным представляется внедрение механизмов стратегической экологической оценки на региональном уровне до утверждения инвестиционных программ, что обеспечит комплексный анализ долгосрочных экологических последствий планируемой хозяйственной деятельности и согласование проектов с приоритетами охраны уникальных природных комплексов.

Дополнительно следует отметить необходимость разработки и продвижения альтернативных моделей туристического развития, ориентированных на экологический туризм и минимальное вмешательство в природные системы. На практике проекты, подобные курорту «Лагонаки», наглядно демонстрируют сложность правового баланса между экономическим развитием и охраной окружающей среды.

Учитывая изложенное выше, можно сказать, что несмотря на наличие в российском законодательстве достаточных инструментов для защиты природы, эффективность их реализации напрямую зависит от добросовестного исполнения полномочий правоприменительными органами и прозрачности процедур. Только при строгом соблюдении Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, а также международных обязательств возможно достижение устойчивого развития Республики Адыгея без утраты уникального природного наследия Лагонакского нагорья.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.
2. Лесной кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
3. О порядке ведения Красной книги Республики Адыгея: постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 11.10.2011 № 204 (с изм. на 27.10.2023). URL: <https://docs.cntd.ru>.
4. О ратификации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия: указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.03.1988 № 8595-XI. URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
6. Об экологической экспертизе: федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.
7. РБК. В Адыгее суд признал законность проекта курорта «Лагонаки». URL: <https://amp.rbc.ru/regional/krasnodar/freenews/691b51709a79477219207889>

Correlation between Environmental Protection and Economic Development in the Republic of Adygea (Case Study of the Lagonaki Resort)

Svetlana M. Tutarishcheva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Civil Law and Civil Process,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: tutas1966@mail.ru

Inna R. Bagova

PhD in Sociology, Associate Professor,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: bagovainna@inbox.ru

Azamat K. Chitaov

Student,
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: azamat.chitaov@mail.ru

Abstract

The article examines the problem of the correlation between economic development and environmental protection in the Republic of Adygea using the case study of the implementation of the Lagonaki year-round resort project. The relevance of the research is due to the necessity of observing the constitutional right of citizens to a favorable environment during the implementation of large investment projects. The provisions of the Constitution of the Russian Federation of 1993, Federal Law No. 7 "On Environmental Protection", Federal Law No. 174 "On Environmental Expertise", as well as the norms of forest legislation and the international obligations of the Russian Federation under the 1972 Convention concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage are analyzed. Special attention is paid to the issues of conducting state environmental expert review and the judicial disputes of 2024-2025 related to the project implementation. Legal conflicts between the objectives of the socio-economic development of the region and the need to preserve the unique natural complexes of the Lagonaki Highlands have been identified. Directions for improving legal regulation and ensuring sustainable development of the territory are proposed.

For citation

Tutarishcheva S.M., Bagova I.R., Chitaov A.K. (2026) Sootnosheniye okhrany okruzhayushchey sredy i ekonomicheskogo razvitiya v Respublike Adygeya (na primere kurorta "Lagonaki") [Correlation between Environmental Protection and Economic Development in the Republic of Adygea (Case Study of the Lagonaki Resort)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 58-63. DOI: 10.34670/AR.2026.92.62.008

Keywords

Environmental law, sustainable development, state environmental expert review, Lagonaki resort, Republic of Adygea, environmental protection, World Heritage site.

References

1. Cabinet of Ministers of the Republic of Adygea. (2011). Postanovleniye Kabineta Ministrov Respubliki Adygeya ot 11.10.2011 № 204 "O poryadke vedeniya Krasnoy knigi Respubliki Adygeya" [Resolution No. 204 of October 11, 2011 "On the Procedure for maintaining the Red Book of the Republic of Adygea"]. <https://docs.cntd.ru>
2. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (2020). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 31, Art. 4412.
3. *Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Forest Code of the Russian Federation] No. 200-FZ of December 4, 2006. (2006). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 50, Art. 5278.
4. Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. (1988). Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 09.03.1988 № 8595-XI "O ratifikatsii Konventsii ob okhrane vsemirnogo kulturnogo i prirodnogo naslediya" [Decree No. 8595-XI of March 9, 1988 "On ratification of the Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage"]. <http://pravo.gov.ru>
5. RBC. (n.d.). *V Adygeye sud priznal zakonnost proyekta kurorta "Lagonaki"* [In Adygea, the court recognized the legality of the Lagonaki resort project]. <https://amp.rbc.ru/regional/krasnodar/freenews/691b51709a79477219207889>
6. Russian Federation. (1995). Federalnyy zakon ot 23.11.1995 № 174-FZ "Ob ekologicheskoy ekspertize" [Federal Law No. 174-FZ of November 23, 1995 "On Environmental Expertise"]. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 48, Art. 4556.
7. Russian Federation. (2002). Federalnyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" [Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 "On Environmental Protection"]. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 2, Art. 133.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.97.69.009

**Развитие института федеративного устройства
Российской Федерации: на примере присоединения
Республики Крым и города Севастополь**

Азангулова Зарифа Хамитовна

Преподаватель высшей квалификационной категории,
Уфимский филиал
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
450015, Российская Федерация, Уфа, ул. Чернышевского, 137;
e-mail: Azangulova@mail.ru

Аннотация

Изучение вхождения Республики Крым и города Севастополь в состав РФ важно для понимания конституционных и международных правовых основ, геополитического значения, исторического контекста, а также социально-экономического развития регионов и адаптации их к российским реалиям, формирования нормативной базы и интеграции в российскую систему государственного управления. В работе показано, что вхождение нового субъекта в состав государства, это всегда новый этап и изменения для всех граждан, это относится и к государственному механизму, и к обществу в целом, и для нового субъекта, и для всех остальных. С одной стороны, включение нового субъекта – это расширение границ, развитие торговых путей, а значит и рынка, как со стороны импорта, так и экспорта, при этом, с другой стороны, на государство возлагается новая нагрузка, направленная на обеспечение и улучшение жизни граждан ранее имеющих субъектов и территорий на ранее установленном уровне, поддерживая и укрепляя социальную функции, а также на улучшение жизни граждан новых территорий нового субъекта.

Для цитирования в научных исследованиях

Азангулова З.Х. Развитие института федеративного устройства Российской Федерации: на примере присоединения Республики Крым и города Севастополь // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 64-69. DOI: 10.34670/AR.2026.97.69.009

Ключевые слова

Вхождение, Республика Крым, Севастополь, состав РФ, конституционно-правовой статус, федеративное устройство.

Введение

Российская Федерация представляет собой федеративное государство, состоящее из субъектов, которые имеют некоторую самостоятельность в принятии тех или иных решений. Конституционный правовой статус, в свою очередь, является центральным понятием конституционного права, которое предполагает, что у субъектов Федерации имеются конкретные полномочия и функции.

При этом на сегодняшний момент существуют проблемы, связанные с указанной темой, исследование которых представляется необходимым. Актуальность исследования состоит в том, что федеративное устройство Российской Федерации является одним из наиболее сложных в мире, имеющих свои особенности.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования применялся комплексный методологический инструментарий, включающий теоретико-философские подходы (диалектический, системный анализ, синтетический метод, метод аналогий, эмпирическое наблюдение и концептуальное моделирование). Формирование итоговых заключений базировалось на юридических методах исследования, прежде всего, формально-логическом, в сочетании с социологическим инструментарием, охватывающим статистическую обработку данных и экспертное оценивание. Центральное место в работе занимает анализ эволюции и содержательного наполнения концептов «принятие нового субъекта» и «образование нового субъекта».

Результаты и обсуждения

Присоединение Крыма к России в 2014 г. [Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ, 2014] сопровождается сложными преобразованиями в обеспечении конституционно-правового статуса в Российской Федерации. Согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым..., 2001], Республика Крым считается принятой в Российскую Федерацию с даты подписания настоящего Договора.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» Республика Крым принята в Российскую Федерацию в соответствии с Конституцией Российской Федерации [Конституция Российской Федерации, 2020] и статьей 4 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Конституционно-правовой статус республики Крым установлен в Конституции Республики Крым от 11 апреля 2014 года [Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ, 2014].

В качестве основ конституционного строя Республики Крым в Конституции названы следующие:

- Республика Крым является демократическим правовым государством в составе Российской Федерации. Вне пределов ведения Российской Федерации, полномочий

Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, Республика Крым обладает всей полнотой государственной власти. Территория Республики Крым является единой и неделимой и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации;

- источником власти в Республике Крым является ее народ, являющийся частью многонационального народа Российской Федерации;
- человек, его права и свободы являются высшей ценностью;
- Республика Крым – социальное государство;
- в Республике Крым признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности;
- государственная власть в Республике Крым осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную;
- Республика Крым имеет свою Конституцию и законодательство, действующие на всей территории Республики Крым;
- в Республике Крым признается и гарантируется местное самоуправление;
- в Республике Крым признается идеологическое и политическое многообразие, многопартийность. Республика Крым – светское государство;
- государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки.

Федеративная природа российского государства обуславливает двухуровневую систему законодательства. Поэтому законотворческие полномочия субъекта Российской Федерации получают свое признание как элемент государственных правоотношений, характеризующий конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации. Многообразие субъектов законодательства, механизм реализации, процессуальный порядок, методика подготовки законопроекта и многие другие вопросы охватывают проблемы законотворческих полномочий во многих субъектах Российской Федерации [Кузнецов, Ахиджак, 2024, с. 184].

Крым, равно как и другие субъекты Российской Федерации, уполномочен выбрать способ федеративного строительства, в том числе установить формы законотворческой деятельности и полномочия органов по их осуществлению. Законодательная власть должна быть учреждена во всех субъектах Российской Федерации. В Республике Крым сформирован законодательный орган власти. Государственный Совет сформирован в составе 75 депутатов.

Для беспрепятственного осуществления законотворческих полномочий в субъектах Российской Федерации должен быть установлен особый статус депутатов. В Республике Крым принят специализированный закон [Закон Республики Крым от 10.09.2014 г. № 64-ЗРК, 2014], отражающий критерии требований к депутату как субъекту законотворческой деятельности и ряд гарантий материального характера для осуществления полномочий.

В Республике Крым институализирован законодательный орган власти, который определяет конституционно-правовой статус как самостоятельного субъекта Российской Федерации.

В федеративном государстве учреждается право субъектов федерации на принятие собственного законодательства, в том числе по вопросам законотворческой деятельности. Процесс законодательства направлен на развитие механизмов регулирования социальных отношений и обусловлен объективной реальностью. Законотворческие полномочия органов власти субъектов Российской Федерации определяются самим субъектом в форме законов или подзаконных актов в пределах федерального законодательства.

Во многих субъектах Российской Федерации приняты законы о гражданских

законодательных инициативах и формах вовлечения народа в законотворческий процесс регионального парламента. По Конституции Республики Крым источником власти провозглашен народ. Перспективы развития конституционно-правового статуса Республики Крым предполагают принятие соответствующих правовых основ о формах непосредственной реализации законотворческих полномочий народом в присоединившемся субъекте Российской Федерации.

Следует отметить установление в Крыму формы вовлечения гражданина в законотворческую деятельность посредством новых общественных механизмов коммуникации. Так, Регламентом Государственного Совета предусматривается возможность по осуществлению прямой трансляции заседаний («Народный канал»), в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Шитова, Бретавская, Князев, 2020, с. 125].

В соответствии с Уставом города Севастополя [Устав города Севастополя, 2014] город Севастополь – субъект Российской Федерации – город федерального значения, статус которого определяется Конституцией Российской Федерации, федеральным конституционным законом и Уставом города Севастополя. Наименования город федерального значения Севастополь и город Севастополь равнозначны.

Вхождение нового субъекта и принятие его в состав Российской Федерации, должно путем принятия соответствующего Федерального конституционного закона, в котором и будет отражаться правовое событие – включение нового субъекта в состав Российской Федерации. В том числе, процедура принятия нового субъекта предполагает заключение международного договора о принятии данного субъекта и включение его в состав России.

Многие исследователи отмечают, что с точки зрения реализации, процедура вхождения нового субъекта в настоящее время сложная и длительная и требует ее упрощения. Это необходимо для соблюдения интересов, в первую очередь, граждан, проживающих на территории вновь присоединенного субъекта [Кузнецов, Ахиджак, 2024, с. 17]. В том числе, должно учитываться право предоставления возможности самоопределения гражданами, относящимися к отдельным группам, в том числе, с учетом национальностей, на международном уровне.

Заключение

Вхождение нового субъекта в состав государства, это всегда новый этап и изменения для всех граждан, это относится и к государственному механизму, и к обществу в целом, и для нового субъекта, и для всех остальных. С одной стороны, включение нового субъекта – это расширение границ, развитие торговых путей, а значит и рынка, как со стороны импорта, так и экспорта, при этом, с другой стороны, на государство возлагается новая нагрузка, направленная на обеспечение и улучшение жизни граждан ранее имеющих субъектов и территорий на ранее установленном уровне, поддерживая и укрепляя социальную функции, а также на улучшение жизни граждан новых территорий нового субъекта.

Библиография

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (ред. от 31.10.2005) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4916.

2. Закон Республики Крым от 10.09.2014 г. № 64-ЗПК «О статусе депутата Государственного Совета Республики Крым» (ред. от 02.12.2024) [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901989>.
3. Конституция Республики Крым: принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года [Электронный ресурс] URL: <https://rk.gov.ru/structure/acf7b684-df3d-4dbb-9662-454a9868eb72>.
4. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Кузнецов А.А., Ахиджак И.К. Проблемы вхождения в состав Российской Федерации нового субъекта // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2024. № 4. С. 16-20.
6. Устав города Севастополя: принят Законодательным Собранием города Севастополя 11 апреля 2014 г. (ред. от 30.12.2022) // Севастопольские известия. 2014. № 29.
7. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.
8. Фомичева О.А. Установление законотворческих полномочий Республики Крым как элемент конституционно-правового статуса // В сборнике: Крым в истории государства и права России (к 235-летию присоединения полуострова к Российской империи). Материалы Всероссийского круглого стола. 2019. С. 184-190.
9. Шитова Т.В., Бретавская С.В., Князев В.Е. Правомерное изменение территории на примере вхождения в состав Российской Федерации Республики Крым // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 124-129.

Development of the Institute of Federal Structure of the Russian Federation: On the Example of the Accession of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol

Zarifa Kh. Azangulova

Lecturer of the Highest Qualification Category,
Ufa Branch,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
450015, 137, Chernyshevsky str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: Azangulova@mail.ru

Abstract

Studying the accession of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the Russian Federation is important for understanding the constitutional and international legal foundations, geopolitical significance, historical context, as well as the socio-economic development of the regions and their adaptation to Russian realities, the formation of a regulatory framework, and integration into the Russian system of public administration. The work shows that the entry of a new subject into the state is always a new stage and changes for all citizens, this applies both to the state mechanism and to society as a whole, both for the new subject and for all others. On the one hand, the inclusion of a new subject is an expansion of borders, the development of trade routes, and hence the market, both in terms of imports and exports, while, on the other hand, a new burden is placed on the state aimed at ensuring and improving the lives of citizens of previously existing subjects and territories at a previously established level, supporting and strengthening the social function, as well as improving the lives of citizens of the new territories of the new subject.

Azangulova Z.Kh.

For citation

Azangulova Z.Kh. (2026) Razvitiye instituta federativnogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii: na primere prisoyedineniya Respubliki Krym i goroda Sevastopol [Development of the Institute of Federal Structure of the Russian Federation: On the Example of the Accession of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 64-69. DOI: 10.34670/AR.2026.97.69.009

Keywords

Accession, Republic of Crimea, Sevastopol, composition of the Russian Federation, constitutional-legal status, federal structure.

References

1. *Konstitutsiya Respubliki Krym: prinyata Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 11 aprelya 2014 goda* [The Constitution of the Republic of Crimea: adopted by the State Council of the Republic of Crimea on April 11, 2014]. (2014). <https://rk.gov.ru/structure/acf7b684-df3d-4dbb-9662-454a9868eb72>
2. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020* [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020]. (2020). <http://pravo.gov.ru>
3. Kuznetsov, A. A., & Akhizhakh, I. K. (2024). Problemy vkhozhdeniya v sostav Rossiyskoy Federatsii novogo subyekt [Problems of a new subject's accession to the Russian Federation]. *Aktualnyye voprosy borby s prestupleniyami*, (4), 16-20.
4. *Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Krym o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu. Federalnyy konstitutsionnyy zakon ot 17.12.2001 № 6-FKZ «O poryadke prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovaniya v yeye sostave novogo subyekt Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 31.10.2005)* [Treaty between the Russian Federation and the Republic of Crimea on Admission to the Russian Federation. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of December 17, 2001 "On the Procedure for Admission to the Russian Federation and Formation of a New Subject of the Russian Federation within Its Composition" (as amended on October 31, 2005)]. (2001). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (52, Part 1), Art. 4916.
5. Federalnyy konstitutsionnyy zakon ot 21.03.2014 № 6-FKZ «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh subyektov – Respubliki Krym i goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya» (red. ot 30.11.2024) [Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of March 21, 2014 "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol – within the Russian Federation" (as amended on November 30, 2024)]. (2014). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, (12), Art. 1201.
6. Fomicheva, O. A. (2019). Ustanovleniye zakonotvorcheskikh polnomochiy Respubliki Krym kak element konstitutsionno-pravovogo statusa [Establishment of Legislative Powers of the Republic of Crimea as an Element of Its Constitutional and Legal Status]. In *Krym v istorii gosudarstva i prava Rossii (k 235-letiyu prisoyedineniya poluostrova k Rossiyskoy imperii). Materialy Vserossiyskogo kruglogo stola* (pp. 184-190).
7. Shitova, T. V., Bretavskaya, S. V., & Knyazev, V. E. (2020). Pravomernoye izmeneniye territorii na primere vkhozhdeniya v sostav Rossiyskoy Federatsii Respubliki Krym [Lawful Change of Territory on the Example of the Accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (1 (181)), 124-129.
8. *Ustav goroda Sevastopolya: prinyat Zakonodatelnyy Sobraniyem goroda Sevastopolya 11 aprelya 2014 g. (red. ot 30.12.2022)* [Charter of the City of Sevastopol: adopted by the Legislative Assembly of the City of Sevastopol on April 11, 2014 (as amended on December 30, 2022)]. (2014). *Sevastopolskiye izvestiya*, (29).
9. Zakon Respubliki Krym ot 10.09.2014 g. № 64-ZRK «O statuse deputata Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym» (red. ot 02.12.2024) [Law of the Republic of Crimea No. 64-ZRK of September 10, 2014 "On the Status of a Deputy of the State Council of the Republic of Crimea" (as amended on December 2, 2024)]. (2014). <https://docs.cntd.ru/document/413901989>

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.77.98.010

**Личность как предел и цель правового развития: концепт
общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте
современной теории прав человека**

Доценко Николай Николаевич

Аспирант,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Працко Геннадий Святославович

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Российский государственный университет путей сообщения,
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9;
профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Аннотация

Статья раскрывает концепт общественного идеала П.И. Новгородцева через призму современной теории прав человека и обосновывает, что личность выступает одновременно пределом правовой инструментализации и целью правового развития. Показано, что персоналистский подход П.И. Новгородцева позволяет согласовать конституционные и международно-правовые стандарты без подмены защиты достоинства доктринальной самодостаточностью. Сделан вывод о применимости этой методологии для оценки правотворчества и судебной практики в условиях ценностных конфликтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Доценко Н.Н., Працко Г.С. Личность как предел и цель правового развития: концепт общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте современной теории прав человека // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 70-76. DOI: 10.34670/AR.2026.77.98.010

Ключевые слова

Общественный идеал, философия права, достоинство личности, правовое развитие, правовое государство, конституционализм, права человека, персонализм.

Введение

В отечественной философии права идея личности как нормативного центра правопорядка получила одну из наиболее глубоких разработок в трудах П.И. Новгородцева. Сегодня, когда правочеловеческая проблематика одновременно переживает этап институциональной стандартизации и фазу ценностных конфликтов, обращение к его концепции общественного идеала приобретает не историко-архивный, а методологически прикладной смысл. Современная теория прав человека, с одной стороны, опирается на универсализм достоинства и свободы, а с другой – сталкивается с конкурирующими режимами легитимации, где государственный суверенитет, демократическая воля большинства и культурная специфика нередко заявляются как аргументы против «чрезмерного» индивидуального приоритета. В этой точке напряжения новгородцевская установка на безусловную ценность личности позволяет заново поставить вопрос о границах правового развития и о критерии его подлинного прогресса.

Основная часть

П.И. Новгородцев входит в круг мыслителей, для которых право не сводимо ни к технике управления, ни к формальному выражению социальной силы. Его критика упрощенного правового оптимизма, унаследованного от просветительских схем, принципиально связана с отказом от иллюзии автоматической гармонии между «общей волей» и справедливостью. Уже в ранних построениях о кризисе правосознания он показывает, что государственно-правовая организация не может считаться самодостаточной моральной инстанцией, поскольку коллективные формы жизни подвержены внутренним антиномиям и не гарантируют защиты человеческого достоинства только в силу своей институциональности. Данная линия явно прослеживается в его анализе проблем народного суверенитета и правового государства, где за фасадом политической цельности раскрывается неизбежная сложность выражения «общего интереса» и риск подмены права волей большинства.

Решающее методологическое значение в новгородцевском концепте имеет различие нормативного предела и институциональной цели права. Предел задается недопустимостью обращения с человеком как со средством коллективного проекта, независимо от его политической оправданности и процедурной легальности. Цель выражается в таком устройстве правопорядка, при котором правовые формы не исчерпываются координацией интересов, а обеспечивают условия морально ответственной свободы личности. Различение устраняет ложную альтернативу между «формальным» правом и «этическим» содержанием: право сохраняет собственную юридическую определенность, но его легитимность проверяется способностью удерживать приоритет достоинства в конфликтах публичной пользы и индивидуальной автономии [Хошева, 2007, с. 59].

Конструкция позволяет строго развести три уровня анализа: аксиологический, догматический и институциональный. На аксиологическом уровне достоинство выступает источником безусловного статуса личности и предшествует текущим политико-правовым соглашениям. На догматическом уровне это выражается в системе субъективных прав, запретах дискриминации, требованиях пропорциональности и процессуальных гарантиях. На институциональном уровне проверяется, превращаются ли эти гарантии в устойчивую практику правоприменения. Анализируя данный подход, права человека понимаются не как перечень притязаний, расширяемый по конъюнктурному принципу, а как структурный критерий качества

правопорядка.

Здесь проявляется продуктивность новгородцевской критики исторического и социологического редукционизма права. Если правовая норма оценивается исключительно по факту ее действия или по степени политической поддержки, из анализа исчезает вопрос о должном. Но устранение нормативного измерения ведет к тому, что юридическая форма становится нейтральной оболочкой для любой воли, обладающей ресурсом принуждения. Новгородцевская линия, напротив, удерживает связь права с идеей справедливости без растворения юриспруденции в морализме: позитивное право сохраняет автономный предмет, однако подлежит критике в свете надпозитивного критерия личности как самоценности [Никитчик, 2022, с. 33].

В контексте конституционализма это означает, что принцип достоинства не может трактоваться как декларативная преамбула. Его юридическая функция состоит в ограничении законодателя, администрации и суда там, где формально корректные решения производят несоразмерное обременение человека. Следовательно, тест на конституционность не сводится к проверке компетенции и процедуры; необходима оценка материального содержания ограничения прав, его необходимости, соразмерности и сохранения неприкосновенного ядра правового статуса личности. Данная точка зрения согласуется с персоналистским ядром концепта общественного идеала: правовой порядок легитимен постольку, поскольку он институционально воспроизводит уважение к свободе и достоинству каждого [Гусев, 2016, с. 79].

Для правотворческой политики из этого вытекает требование двойной верификации нормативных решений. Первая верификация – системная: новый регулятивный массив должен быть внутренне согласован с конституционными гарантиями и международными обязательствами в сфере прав человека. Вторая – антропологическая: необходимо выявлять группы, на которые норма возлагает непропорциональные риски, и заранее проектировать компенсаторные механизмы. Без такой проверки правотворчество легко переходит к модели «управления категориями населения», где индивидуальный правовой статус подменяется усредненным административным профилем [Альбов и др., 1998, с. 453].

Судебная практика в данной рамке приобретает не политико-компенсаторную, а юридико-охранительную функцию. Суд не конструирует новый моральный порядок, но и не ограничивается регистрацией дискреции публичной власти. Задаче же восстановления нормативной иерархии, в которой целесообразность подчинена праву, а право – достоинству личности как предельному основанию. Оно особенно существенно в делах о столкновении безопасности, общественной морали, цифрового контроля и частной автономии: именно здесь проверяется, остается ли личность субъектом права или превращается в объект управления [Гусейнов, 2016, с. 21].

Новгородцевский общественный идеал в современном прочтении не описывает достижимое «совершенное состояние» общества. Юридический смысл состоит в задании постоянного критерия для оценки правового развития: расширяется ли пространство ответственной свободы, укрепляются ли гарантии от произвольного вмешательства, сохраняется ли равное достоинство в условиях социального и технологического неравенства. Правовой прогресс корректно фиксировать не по количеству принятых актов и не по интенсивности институциональных реформ, а по тому, насколько правовая система способна защищать человека в наиболее уязвимых ситуациях, где формальная законность испытывается конфликтом с сущностной справедливостью [Болотина, 2014, с. 26].

В более зрелом ракурсе новгородцевская философия общественного идеала уходит от противопоставления «индивидуального» и «социального» как взаимоисключающих начал. В полемике с крайностями и атомистического индивидуализма, и коллективистской абсолютизации он показывает, что личность не исчерпывается приватной автономией, но и не растворяется в безличной целостности. Социальный идеал, следовательно, не есть проект окончательно устроенного порядка, который можно «внедрить» административным усилием, а является нравственно-правовым горизонтом, постоянно корректирующим позитивное право. В этой оптике общественное развитие не отменяет личностного приоритета, а проверяется им: прогресс налицо лишь там, где расширяется пространство ответственной свободы, охраняется достоинство и уменьшается масштаб правового отчуждения человека. В материалах, представленных пользователем, хорошо видна внутренняя логика такого подхода, где критика мнимой завершенности общественных форм сочетается с требованием нравственной ориентированности правового бытия [Васильев, 2019, с. 19].

Если перенести эти положения в координаты современной теории прав человека, обнаруживается принципиально важная параллель. Ныне базовые правовые системы, несмотря на различия источников и доктрин, исходят из того, что человек и его права имеют высший ценностный статус, а обязанность государства состоит в признании, соблюдении и защите этих прав. В российском конституционном тексте данная формула закреплена прямо, причем не как политическая декларация, а как фундамент конституционного строя. Из этого следует, что личность выступает пределом государственного целеполагания: ни публичная эффективность, ни идеология безопасности, ни апелляция к традиции не могут легитимировать произвольное умаление сущностного содержания прав.

В международном измерении аналогичный ориентир задается Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, которая, будучи продуктом европейской правовой традиции, закрепляет не только каталог прав, но и логику их ограничения, запрещающую использование ограничительных механизмов в целях, отличных от тех, для которых они предусмотрены. Для исследуемой темы это принципиально: новгородцевская идея права как нравственно связанной формы получает институциональное подтверждение в современной доктрине пропорциональности и запрета злоупотребления ограничительными полномочиями [Демин, 2021, с. 39].

Интерес представляет российская судебно-конституционная практика, где вопрос о соотношении национального конституционного порядка и международных правовых обязательств был поставлен предельно остро. В теоретическом плане здесь возникает сложная коллизия двух моделей защиты личности. Первая модель подчеркивает суверенную конституционную рамку как гарантию прав, вторая делает ставку на наднациональные стандарты как дополнительный механизм от произвола национальной власти. Новгородцевский персонализм не позволяет принять ни одну из моделей в «чистом виде». Его логика требует проверять обе конструкции единым критерием: усиливают ли они реальную защищенность личности, ее свободу, достоинство и доступ к справедливому правосудию, или же подменяют этот результат доктринальной самодостаточностью [Авершин, 2022, с. 250].

Для современной теории прав человека особенно продуктивна новгородцевская идея «незавершимого идеала». Право не достигает моральной полноты окончательно; оно развивается в режиме постоянного сближения должного и сущего. Такая позиция блокирует две крайности сегодняшнего дискурса. С одной стороны, она препятствует юридическому технократизму, где права человека превращаются в процессуальный ритуал без

экзистенциального содержания. С другой – сдерживает моральный максимализм, требующий мгновенной юридической реализации абсолютных ценностей без учета институциональной сложности и социального контекста. В практическом измерении это означает, что правотворчество и правоприменение должны сочетать формальную определенность, предсказуемость и процедурную корректность с содержательной проверкой на гуманистическую обоснованность.

Заключение

Концепт общественного идеала П.И. Новгородцева не утратил актуальности в эпоху развитых правочеловеческих институтов и множественных правовых режимов. Напротив, именно сегодня он позволяет избежать ложного выбора между государствоцентризмом и абстрактным нормативизмом. Личность в его философско-правовой системе выступает предельной мерой допустимого для власти и одновременно целью, ради которой право вообще имеет смысл как социальная форма. Из этого вытекает принципиальный вывод: правовое развитие можно признать подлинным только тогда, когда расширение публичных возможностей государства не сопровождается сужением пространства человеческого достоинства и свободы [Андреев, 2022, с. 39].

Современная теория прав человека, опирающаяся на конституционные и международные стандарты, получает в новгородцевской традиции не просто историческое подтверждение, а метод оценки собственной состоятельности. Если нормы, институты и судебные решения усиливают защиту человека как носителя безусловной ценности, право движется в направлении своего идеала; если же права становятся инструментом политической целесообразности, правовое развитие теряет нравственный вектор, даже при внешней институциональной успешности.

Библиография

1. Авершин Д.С. Особенности методологии российской школы возрожденного естественного права // Актуальные проблемы экономики, управления и права. Ежегодный сборник научных трудов. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. С. 248–252.
2. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П., Сальников М.В., Соколова О.А., Степно-Шевченко Т.С., Сухоруков В.М., Федоров В.П., Цыганов В.И., Шевченко А.В., Шорин В.В. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Яценко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) // Философия права. Курс лекций: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 403–633.
3. Андреев О.А. Роль правосознания в формировании права // Вестник науки. 2022. Т. 2, № 9 (54). С. 35–40.
4. Болотина Н.Ю. Личные материалы членов Государственных дум Российской империи в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию члена-корреспондента РАН, профессора В.И. Буганова. Москва: ЭлекСис, 2014. С. 24–27.
5. Васильев Б.В. И.А. Ильин и П.И. Новгородцев: две концепции государственности // Colloquium heptaplomeres. 2019. № VI. С. 18–21.
6. Гусев В.А. П.И. Новгородцев как консерватор // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 74–83.
7. Гусейнов Ф.И. Профессор П.И. Новгородцев и Московский Коммерческий Институт // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. № 3(136). С. 5–24.
8. Демин И.В. Идея достоинства личности и «право на достойное существование» в русском либерализме конца XIX – начала XX вв. (Б.Н. Чичерин и П.И. Новгородцев) // Медицина и право. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2021. С. 38–45.

9. Никитчик А.А. Принципы права как основа правовой системы: взгляд либеральных правоведов Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в. // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 30–36.
10. Хошева Е.С. П.И. Новгородцев о свободе // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1(56). С. 57–62.

Personality as the Limit and Goal of Legal Development: The Concept of Social Ideal of P.I. Novgorodtsev in the Context of Modern Theory of Human Rights

Nikolai N. Dotsenko

Postgraduate Student,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Gennadii S. Pratsko

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian University of Transport,
127994, 9, building 9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Commercial and Business Law,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Abstract

The article reveals the concept of social ideal of P.I. Novgorodtsev through the prism of the modern theory of human rights and substantiates that the personality acts simultaneously as the limit of legal instrumentalization and the goal of legal development. It is shown that the personalist approach of P.I. Novgorodtsev allows for the harmonization of constitutional and international legal standards without substituting the protection of dignity with doctrinal self-sufficiency. A conclusion is drawn about the applicability of this methodology for assessing lawmaking and judicial practice in conditions of value conflicts.

For citation

Dotsenko N.N., Pratsko G.S. (2026) Lichnost' kak predel i tsel' pravovogo razvitiya: kontsept obshchestvennogo ideala P.I. Novgorodtseva v kontekste sovremennoy teorii prav cheloveka [Personality as the Limit and Goal of Legal Development: The Concept of Social Ideal of P.I. Novgorodtsev in the Context of Modern Theory of Human Rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 70-76. DOI: 10.34670/AR.2026.77.98.010

Keywords

Social ideal, philosophy of law, human dignity, legal development, rule of law state, constitutionalism, human rights, personalism.

References

1. Avershin, D.S. (2022). Osobennosti metodologii rossiyskoy shkoly vrozhdennogo yestestvennogo prava [Peculiarities of the methodology of the Russian school of revived natural law]. In Aktual'nyye problemy ekonomiki, upravleniya i prava. Yezhegodnyy sbornik nauchnykh trudov (pp. 248–252). Kazan: University of Management "TISBI".
2. Albov, A.P., Maslennikov, D.V., Salnikov, V.P., Salnikov, M.V., Sokolova, O.A., Stepno-Shevchenko, T.S., Sukhorukov, V.M., Fedorov, V.P., Tsyganov, V.I., Shevchenko, A.V., & Shorin, V.V. (1998). Russkaya religiozno - npravstvennaya filosofiya prava (V.S. Solovyev, B.N. Chicherin, E.N. Trubetskoy, P.I. Novgorodtsev, N.N. Alekseyev, S.L. Frank, B.P. Vysheslavtsev, I.A. Ilyin, A.S. Yashchenko, I.V. Mikhaylovskiy, E.V. Spektorskiy) [Russian religious and moral philosophy of law (V.S. Solovyov, B.N. Chicherin, E.N. Trubetskoy, P.I. Novgorodtsev, N.N. Alekseev, S.L. Frank, B.P. Vysheslavtsev, I.A. Ilyin, A.S. Yashchenko, I.V. Mikhailovsky, E.V. Spektorsky)]. In Filosofiya prava. Kurs lektsiy: v 2 t. T. 2 [Philosophy of Law. Course of Lectures: in 2 vols. Vol. 2] (pp. 403–633). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Andreev, O.A. (2022). Rol' pravosoznaniya v formirovaniye prava [The role of legal consciousness in the formation of law]. Vestnik nauki, 2(9(54)), pp. 35–40.
4. Bolotina, N.Yu. (2014). Lichnyye materialy chlenov Gosudarstvennykh dum Rossiyskoy imperii v fondakh Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov (RGADA) [Personal materials of members of the State Dumas of the Russian Empire in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. In *Dokumental'noye nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora V.I. Buganova* (pp. 24–27). Moscow: ElekSis.
5. Demin, I.V. (2021). Ideya dostoinstva lichnosti i "pravo na dostoinnoye sushchestvovaniye" v russkom liberalizme kontsa XIX - nachala XX vv. (B.N. Chicherin i P.I. Novgorodtsev) [The idea of human dignity and the "right to a decent existence" in Russian liberalism of the late XIX - early XX centuries (B.N. Chicherin and P.I. Novgorodtsev)]. In Meditsina i pravo. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 38–45). Nizhny Novgorod: Volga Research Medical University.
6. Gusev, V.A. (2016). P.I. Novgorodtsev kak konservator [P.I. Novgorodtsev as a conservative]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, (3), pp. 74–83.
7. Guseynov, F.I. (2016). Professor P.I. Novgorodtsev i Moskovskiy Kommercheskiy Institut [Professor P.I. Novgorodtsev and the Moscow Commercial Institute]. Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta, 3(136), pp. 5–24.
8. Khosheva, E.S. (2007). P.I. Novgorodtsev o svobode [P.I. Novgorodtsev on freedom]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 4-1(56), pp. 57–62.
9. Nikitchik, A.A. (2022). Printsipy prava kak osnova pravovoy sistemy: vzglyad liberal'nykh pravovedov Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX v. – nachala XX v. [Principles of law as the basis of the legal system: the view of liberal jurists of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Altayskiy yuridicheskiy vestnik, 4(40), pp. 30–36.
10. Vasilyev, B.V. (2019). I.A. Ilyin i P.I. Novgorodtsev: dve kontseptsii gosudarstvennosti [I.A. Ilyin and P.I. Novgorodtsev: Two concepts of statehood]. Colloquium heptaplomeris, (VI), pp. 18–21.

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.59.28.011

**Общественный идеал и правовое государство в учении П.И.
Новгородцева: нравственный критерий легитимности публичной
власти**

Доценко Николай Николаевич

Аспирант,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Працко Геннадий Святославович

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Российский государственный университет путей сообщения,
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9;
профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Аннотация

Статья обосновывает, что в учении П.И. Новгородцева легитимность публичной власти не исчерпывается формальной законностью и требует нравственно-правовой верификации через достоинство личности, свободу и справедливость. Показано, что «общественный идеал» выступает внутренним ограничителем государственной воли и содержательным критерием правового государства. Сделан вывод о необходимости оценивать современное правотворчество и правоприменение в единстве конституционной догматики и ценностного правопонимания.

Для цитирования в научных исследованиях

Доценко Н.Н., Працко Г.С. Общественный идеал и правовое государство в учении П.И. Новгородцева: нравственный критерий легитимности публичной власти // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 77-82. DOI: 10.34670/AR.2026.59.28.011

Ключевые слова

Общественный идеал, правовое государство, легитимность публичной власти, юридический позитивизм, философия права, конституционные ценности, нравственный критерий, достоинство личности.

Введение

Проблема легитимности публичной власти в российской правовой науке давно вышла за пределы формального вопроса о законности происхождения полномочий. В современной конституционной доктрине решающим становится более сложный критерий: признаётся ли власть правомерной как носитель обязанности защищать достоинство личности, свободу и справедливость. Наследие П.И. Новгородцева приобретает не историко-архивный, а методологически рабочий характер. Его идея «возрождённого естественного права» была направлена на преодоление догматизма позитивизма и на возвращение в юриспруденцию нравственного измерения права, без которого государство способно сохранить юридическую оболочку, но утратить правовую сущность.

Основная часть

Ключевой линией философии права выступает мысль о том, что право не может быть сведено к совокупности действующих норм, потому что позитивный порядок сам подлежит оценке с позиции более высокого, ценностно-нормативного стандарта. Этот стандарт задаётся естественным правом как выражением нравственного разума и человеческого достоинства. В таком контексте закон не отменяется, а проходит проверку на правовую состоятельность. Публичная власть получает легитимность не только из факта учреждения, но и из качества своего отношения к личности как к цели, а не как к средству [Мамонтова, 2021, с. 194].

Смысл «общественного идеала» в конструкции П.И. Новгородцева заключается не в образовании совершенного строя и не в утопии «земного рая», а в постоянном нормативном ориентире, который не даёт праву и государству замкнуться в самодовлеющей технике управления. Данная мысль особенно важна сегодня, когда юридические механизмы часто оцениваются лишь по критерию административной результативности.

Переход от формальной законности к содержательной легитимности у П.И. Новгородцева строится на разграничении двух уровней нормативности. Первый уровень образуют позитивные предписания, обеспечивающие юридическую определенность, процедурную связанность публичной власти и предсказуемость ее решений. Второй уровень составляют нормы должного, имеющие ценностно-правовой характер и задающие предел допустимого даже для безупречно оформленного акта власти. В этой логике правовая форма необходима, но не самодостаточна: она подлежит проверке на соответствие критериям достоинства личности, свободы и справедливости. Отсюда вытекает, что легальность и легитимность соотносятся как связанные, но не тождественные характеристики публичного властвования.

Категория общественного идеала выполняет в этой конструкции функцию нормативного медиатора между личностью и государством. Она не сводится к проекту завершённого общественного устройства и не допускает отождествления с политической программой конкретной эпохи. Ее содержание раскрывается как принципиальная открытость правопорядка к нравственной коррекции, когда правовая система рассматривается не как закрытая совокупность техник управления, а как пространство институционального признания человеческой ценности. Общественный идеал действует не в плоскости деклараций, а в плоскости критериев: он определяет, в какой мере действующее право сохраняет качество права, а государство – качество правового государства [Хошева, 2008, с. 117].

Нормативная нагрузка этой категории особенно отчетливо проявляется в оценке

государственного усмотрения. Там, где позитивное право оставляет пространство выбора, решающим становится не формальный объем компетенции, а направленность ее реализации. Усмотрение, ориентированное на охрану прав и равное юридическое признание участников правового общения, укрепляет легитимность власти; усмотрение, подменяющее право целесообразностью ведомственного или политического порядка, ослабляет ее. Нравственный критерий легитимности переводится из сферы абстрактной аксиологии в режим конкретной юридической экспертизы правотворческих и правоприменительных решений [Лицук, 2013, с. 22].

Верховенство права не исчерпывается иерархией источников и процессуальной дисциплиной органов власти. Оно предполагает внутреннюю связанность публичной воли содержательными пределами, которые не производятся самой властью и потому не могут быть ею отменены простым актом нормотворчества. Правопорядок сохраняет устойчивость не благодаря отрыву от нравственного начала, а благодаря включению этого начала в критерии юридической действительности. Правовое государство получает антидеспотический ресурс, недоступный модели, где закон трактуется исключительно как выражение суверенной воли.

Оценка законов и административных решений требует двойного теста: проверки на конституционную валидность и одновременной проверки на соответствие базовым правовым ценностям, прежде всего достоинству личности и справедливому балансу свободы и публичного интереса. При прохождении только первого теста сохраняется формальная правильность, но не достигается полнота легитимации власти. А по решению обоих тестов конституционная законность приобретает материальное правовое содержание, а публичная власть – устойчивое основание доверия [Крамарук, 2008, с. 23].

В результате общественный идеал предстает не внешним нравоучительным приложением к юриспруденции, а внутренним критерием ее научной и практической состоятельности. Он задает меру, в пределах которой государственная власть остается правовой по существу, а не только по форме; одновременно он исключает как нормативный нигилизм, так и абсолютизацию действующего порядка. В этом пункте соединяются философия права и конституционная догматика: первая формулирует предельные основания легитимности, вторая институционализирует их в устойчивых юридических механизмах.

Подлинный критерий иной: приближают ли институты власти правопорядок к справедливости, свободе и уважению человеческой личности. В подобном отношении общественный идеал выступает не политическим лозунгом, а внутренним ограничителем государственной воли [Ларинбаева, 2017, с. 69].

Из данного подхода вытекает принципиальный тезис о двойной структуре уровня связан с формальной законностью, то есть с конституционно установленной процедурой формирования и осуществления власти. Второй уровень определяется нравственной правомерностью, которая выражается в способности власти действовать в границах уважения достоинства, свободы и равного правового статуса личности. Если первый уровень отвечает на вопрос, как власть учреждена, то второй – ради чего и в чьих интересах она действует. Учение П.И. Новгородцева убеждает, что без второго уровня первый неизбежно деградирует в юридическую технику принуждения.

Современное российское конституционное право демонстрирует заметную близость к этой логике. Конституция Российской Федерации закрепляет Россию как правовое государство, одновременно устанавливая высшую ценность прав и свобод человека и охрану достоинства личности. Сама конституционная норма соединяет институциональную и нравственную

стороны правопорядка. На уровне конституционного правосудия данная связь получает дальнейшую конкретизацию: в актуальных правовых позициях подчёркивается, что достоинство личности, свобода, равенство, справедливость и верховенство права образуют взаимосвязанное ценностное ядро, ограничивающее дискрецию законодателя и правоприменителя.

При этом важно избежать методологической ошибки, когда нравственный критерий трактуется как внеправовой или сугубо морально-публицистический. В новгородцевской перспективе речь идёт о юридически релевантной нравственности, встроенной в структуру правового рассуждения. Иначе говоря, нравственный критерий легитимности не подменяет право, а раскрывает его смысловую меру. В правовом государстве публичная власть обязана не просто исполнять закон, но и поддерживать доверие к праву как к справедливому порядку. Если закон допускает систематическое унижение достоинства либо непропорционально ограничивает свободу, проблема носит не этический, а строго конституционно-правовой характер [Денильханов, с. 25].

Отсюда возникает ещё один значимый вывод: легитимность публичной власти динамична и требует постоянного подтверждения в практике. Учреждённая по правилам власть может утратить нравственно-правовое основание в случае устойчивого расхождения между формой и содержанием, когда формально законные действия системно разрушают ценности, ради которых и существует правовое государство. П.И. Новгородцев, критикуя самодовольство юридического позитивизма, фактически предупреждал именно об этом риске. Его мысль о несводимости права к эмпирическому факту сегодня читается как предостережение против правового минимализма, в котором государство довольствуется процедурной корректностью, игнорируя человеческое измерение правопорядка [Дёмин, 2021, с. 663].

Заключение

Учение П.И. Новгородцева показывает, что общественный идеал и правовое государство не противостоят друг другу, а находятся в отношении функциональной взаимозависимости. Общественный идеал в его концепции выполняет роль нормативного горизонта, который удерживает публичную власть в пределах правового смысла и не позволяет редуцировать легитимность к формальной законности. Следовательно, нравственный критерий легитимности публичной власти представляет собой не внешнюю моральную добавку к праву, а внутреннюю меру правовой государственности.

Дальнейшая разработка категории легитимности должна строиться на синтезе конституционной догматики и ценностного правопонимания. Практическая значимость такого подхода состоит в возможности более точной экспертизы законодательных решений и правоприменительной практики через проверку их соответствия достоинству личности, свободе, равенству и справедливости как системным конституционным ориентирам. В конечном счёте именно здесь проходит граница между государством, которое лишь располагает аппаратом власти, и государством, которое обладает правовой легитимностью в новгородцевском смысле.

Библиография

1. Дёмин И.В. «Социальный вопрос» в русской политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин и П.И. Новгородцев) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2021. Т. 23, № 4. С.

- 661–665.
2. Денильханов А.Х. Право на достойное существование (политическая философия П.И. Новгородцева) // Воробьев А.В. [б.г.].
 3. Исакова Ю.И., Працко Г.С., Мелихов А.И. Национальная идея как фундамент национальной безопасности Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3, № 4. С. 23–30.
 4. Князев В.В. Философско-правовая концепция П. И. Новгородцева. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, [б.г.].
 5. Кожина Н.Г. Юридическая мысль в России: П.И. Новгородцев и Л.И. Петражицкий. Пермь: Изд-во Пермского государственного технического университета, [б.г.].
 6. Крамарук С.В. Право и правовая культура в русской культурологической мысли - П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 23.
 7. Ларинбаева И.И. Идеи прав человека в России начала XX века // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3(49). С. 65–75.
 8. Лицук А.А. Русская школа «возрожденного естественного права»: П.И. Новгородцев // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2013. № 3. С. 21–23.
 9. Мамонтова А.А. Принцип гуманизма как основное начало права в концепции П.И. Новгородцева // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 192–196.
 10. Хошева Е.С. П.И. Новгородцев о марксизме // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1(60). С. 114–119.

Social Ideal and the Rule of Law in P.I. Novgorodtsev's Doctrine: The Moral Criterion of Public Authority Legitimacy

Nikolai N. Dotsenko

Postgraduate Student,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Gennadii S. Pratsko

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian University of Transport,
127994, 9, building 9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Commercial and Business Law,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Abstract

The article substantiates that in P.I. Novgorodtsev's doctrine, the legitimacy of public authority is not exhausted by formal legality and requires moral and legal verification through human dignity, freedom, and justice. It is shown that the "social ideal" acts as an internal limiter of state will and a substantive criterion of the rule of law. A conclusion is drawn about the necessity of evaluating contemporary law-making and law enforcement in the unity of constitutional dogmatics and value-based legal understanding.

For citation

Dotsenko N.N., Pratsko G.S. (2026) Obshchestvennyy ideal i pravovoye gosudarstvo v uchenii P.I. Novgorodtseva: npravstvennyy kriteriy legitimnosti publichnoy vlasti [Social Ideal and the Rule of Law in P.I. Novgorodtsev's Doctrine: The Moral Criterion of Public Authority Legitimacy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 77-82. DOI: 10.34670/AR.2026.59.28.011

Keywords

Social ideal, rule of law, legitimacy of public authority, legal positivism, philosophy of law, constitutional values, moral criterion, human dignity.

References

1. Demin, I.V. (2021). "Sotsial'nyy vopros" v russkoy politiko-pravovoy mysli kontsa XIX - nachala XX v. (B.N. Chicherin i P.I. Novgorodtsev) [The "Social Question" in Russian Political and Legal Thought of the Late 19th - Early 20th Centuries (B.N. Chicherin and P.I. Novgorodtsev)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 23(4), pp. 661–665.
2. Denilkhanov, A.Kh. (n.d.). Pravo na dostoynoye sushchestvovaniye (politicheskaya filosofiya P.I. Novgorodtseva) [The Right to a Decent Existence (The Political Philosophy of P.I. Novgorodtsev)]. In Vorob'yov A.V.
3. Isakova, Yu.I., Pratsko, G.S., and Melikhov, A.I. (2025) Natsional'naya ideya kak fundament natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The National Idea as the Foundation of the National Security of the Russian Federation]. *Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti*, 3(4), pp. 23–30.
4. Knyazev, V.V. (n.d.). Filosofsko-pravovaya kontseptsiya P. I. Novgorodtseva [The Philosophical and Legal Concept of P.I. Novgorodtsev]. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Kozhina, N.G. (n.d.). Yuridicheskaya mysl' v Rossii: P.I. Novgorodtsev i L.I. Petrazhitskiy [Legal Thought in Russia: P.I. Novgorodtsev and L.I. Petrazhitsky]. Perm: Perm State Technical University Press.
6. Kramaruk, S.V. (2008). Pravo i pravovaya kultura v russkoy kulturologicheskoy mysli - P.I. Novgorodtsev i B.A. Kistyakovskiy [Law and Legal Culture in Russian Cultural Thought - P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakovsky]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*, (6), p. 23.
7. Larinbaeva, I.I. (2017). Idei prav cheloveka v rossii nachala XX veka [Ideas of Human Rights in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 3(49), pp. 65–75.
8. Litsuk, A.A. (2013). Russkaya shkola "vozrozhden'nogo yestestvennogo prava": P.I. Novgorodtsev [The Russian School of "Revived Natural Law": P.I. Novgorodtsev]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), pp. 21–23.
9. Mamontova, A.A. (2021). Printsip gumanizma kak osnovnoye nachalo prava v kontseptsii P.I. Novgorodtseva [The Principle of Humanism as the Fundamental Principle of Law in the Concept of P.I. Novgorodtsev]. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka*, (3), pp. 192–196.
10. Khosheva, E.S. (2008). P.I. Novgorodtsev o marksizme [P.I. Novgorodtsev on Marxism]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4-1(60), pp. 114–119.

УДК 34.4414

DOI: 10.34670/AR.2026.40.66.012

Римско-правовые истоки основных принципов Гражданского кодекса Китая

Хуан Сянъи

Магистрант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Xiangyi@mail.ru

Аннотация

В основных принципах Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (далее — ГК КНР) заметно влияние римско-правовой традиции: многие идеи, закреплённые в статьях 4–9 Общих положений, могут быть сопоставлены с римскими концептами *ius naturale*, *ius gentium*, *aequitas*, *bona fides* и представлениями о пределах частной автономии. При этом заимствование носит не механический, а адаптивный характер: римские идеи встраиваются в современную китайскую правовую систему, учитывающую собственные культурно-нравственные и институциональные основания. Особое внимание уделяется принципам равенства, автономии воли (свободы договора), справедливости и добросовестности, публичного порядка и добрых нравов, а также «зелёному» (экологическому) принципу. Анализ показывает, что римское право выступает не «источником норм», а прежде всего источником методологий и правовых ценностей, которые через континентальную правовую традицию и современную сравнительно-правовую доктрину способствуют формированию и развитию принципов гражданского законодательства Китая.

Для цитирования в научных исследованиях

Хуан Сянъи. Римско-правовые истоки основных принципов Гражданского кодекса Китая // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 83–89. DOI: 10.34670/AR.2026.40.66.012

Ключевые слова

ГК КНР, римское право, принципы гражданского права, автономия воли, добросовестность, справедливость, публичный порядок, экологический принцип.

Введение

Принятие ГК КНР стало важным этапом кодификации частного права Китая. Несмотря на своеобразие китайской правовой системы, в ней заметны элементы континентальной (романо-германской) традиции, исторически восходящей к римскому праву и воспринятой через европейскую кодификационную культуру, сравнительно-правовые заимствования и развитие современного частного права.

В Общих положениях ГК КНР закреплены шесть основных принципов гражданского права (ст. 4–9): равенство, автономия воли, справедливость, добросовестность, публичный порядок и добрые нравы, а также «зелёный» (экологический) принцип. Эти принципы выполняют системообразующую функцию: служат ориентиром для толкования норм, восполнения пробелов и оценки правомерности поведения участников гражданского оборота.

Цель настоящей статьи — систематизировать и уточнить, в какой мере и в каком смысле названные принципы соотносятся с римско-правовыми идеями: где прослеживается прямое концептуальное родство (например, *bona fides*), а где речь идёт о более сложном «диалоге традиций» и модернизации принципов под современные задачи (например, «зелёный» принцип) [Лю Кай, 2020].

Основная часть

Принцип равенства.

Идея равенства в римской правовой традиции многослойна и исторически эволюционировала. С одной стороны, в философско-правовом смысле римские представления о *ius naturale* поддерживали мысль о природном равенстве людей; с другой — позитивное право Древнего Рима долго сохраняло статусные различия [Нань Гун, 2020].

1) Равенство как природно-правовая установка

В интеллектуальной традиции античности (особенно в стоической линии) формировалась идея общей человеческой природы и достоинства, что в позднейшей правовой доктрине стало одним из фонов для восприятия равенства как ценности. Хотя реальность рабовладельческого строя противоречила этому идеалу, важен сам концепт: частное право должно защищать сферу законного интереса личности и не допускать произвольного вмешательства власти в частные права.

2) Равенство перед законом и эволюция статуса субъектов [Хань Хунцзюнь, 2009]

Римское право исторически различало *ius civile* и *ius gentium*, а равный объём прав долго был привязан к статусу свободного римского гражданина. Однако развитие торгового оборота и преторской практики постепенно расширяло круг субъектов и усиливало роль «универсализирующих» начал, ориентированных на справедливость и хозяйственную рациональность.

3) Равенство в ГК КНР и его связь с римской традицией [Хань Хунцзюнь, 2009]

Принцип равенства ГК КНР охватывает как физических, так и юридических лиц, закрепляя их равный правовой статус в гражданском обороте. В римском праве юридические образования существовали в институциональном смысле (коллегии, общины и др.), хотя современное понятие юридического лица сформировалось позднее. Таким образом, связь проявляется прежде всего на уровне ценности равного правового положения участников оборота, а

китайская конструкция представляет нормативное развитие этой идеи в условиях современного гражданского общества [Лю Кайсян, 2020].

Принцип автономии воли.

1) Содержание принципа

Автономия воли означает, что участники гражданского оборота самостоятельно определяют свои права и обязанности, распоряжаются принадлежащими им благами и вступают в гражданские отношения по собственному усмотрению при соблюдении закона и публичных интересов. В практическом плане принцип выражается в свободе договора, свободе распоряжения имуществом, свободе завещания и иных формах частной инициативы [Ван Лимин, 2020].

2) Генезис идеи: от римской практики к доктрине Нового времени [У Ханьдун, 2005]

Важно разграничить идею и её доктринальную формулировку. В римском праве идея уважения к воле сторон и значимости соглашения развивалась вместе с торговым оборотом, особенно в рамках *ius gentium* и консенсуальных договоров, где решающим фактором становилось согласие (*consensus*), а не ритуальная форма.

Однако термин и доктрина «автономии воли» в строгом виде оформились значительно позже — в европейской правовой мысли Нового времени (в том числе в работах ранних цивилистов и в традиции, повлиявшей на кодификации). Следовательно, римское право выступает историческим основанием и «практической лабораторией» идеи, а её концептуальное оформление — результат последующей эволюции частноправовой доктрины [Гао Цицай, 2018].

3) Свобода договора как ядро автономии воли

Эволюция римских договоров показывает переход от формализма ранних конструкций к признанию консенсуса как юридически значимого основания обязательства. Именно это сближает римскую практику с современным пониманием свободы договора: договор действует не потому, что соблюден ритуал, а потому, что достигнуто согласие сторон и оно не противоречит правопорядку [Ван Лимин, 2014].

Принципы справедливости и добросовестности.

Эти два принципа целесообразно рассматривать в единстве: в частном праве они выполняют функцию коррекции формального равенства и уравнивания свободы требованиями честного поведения.

1) *Aequitas* и *bona fides* как римско-правовые основания

Римская правовая культура выработала инструменты, позволяющие согласовывать строгость нормы с представлениями о справедливом результате. Преторское право и судебная практика сыграли ключевую роль в развитии корректирующих начал, позволяя учитывать добросовестность и фактические обстоятельства дела [Цзя Юйсинь, 2024].

2) Добросовестность в процессуальном и материальном измерении

Идея *bona fides* проявлялась как в материально-правовых конструкциях (например, в договорах доброй совести), так и в подходах к судебной оценке поведения сторон. Добросовестность — это не абстрактная моральная декларация, а юридический стандарт поведения, обеспечивающий доверие и предсказуемость оборота.

3) Встраивание в китайскую правовую традицию [Хо Цуньфу, 2001]

Принципы справедливости и добросовестности гармонично сочетаются с китайской правовой культурой, в которой высоко ценится социальная согласованность, разумность и нравственный элемент правоприменения. В результате они заняли центральное место среди принципов ГК КНР и стали ключевыми ориентирами для судов и участников оборота [Лю Цзинцзин, Гао Янь, 2022].

Принцип публичного порядка и добрых нравов.

Римская традиция знала ограничения свободы частных действий, если они противоречили базовым интересам общества и представлениям о допустимом. В позднеримских источниках и в последующей европейской доктрине формировалась идея: частная автономия не абсолютна и ограничивается тем, что необходимо для поддержания правопорядка и общественной морали [Сян Дун, Чэнь Жунвэнь, 2015].

В современном гражданском праве (в том числе в ГК КНР) этот принцип выступает механизмом:

- предотвращения злоупотребления свободой договора;
- защиты слабой стороны и публичных интересов;
- обеспечения ценностного единства правопорядка.

«Зелёный» (экологический) принцип.

«Зелёный» принцип — наиболее современный по форме, однако утверждение о его «римском происхождении» корректнее формулировать осторожно [Шань Пинцзи, 2018]: речь идёт не о прямом аналоге, а о наличии в римском правопорядке отдельных правовых механизмов, связанных с охраной общественных ресурсов, водой, санитарией, публичными объектами и предотвращением вреда.

В этом смысле можно говорить о исторических параллелях:

- регулирование использования публичных ресурсов (дорог, водных объектов, сооружений);
- ответственность за причинение вреда и предотвращение опасных воздействий;
- процессуальные средства пресечения действий, нарушающих общественные интересы.

ГК КНР превращает эти разрозненные «прообразы» в самостоятельный принцип, отвечающий задачам современной экологической политики и устойчивого развития [Ли Хун, 2005].

Заключение

Сопоставление основных принципов ГК КНР с римско-правовой традицией подтверждает: влияние римского права проявляется прежде всего на уровне правовых идей и методов — уважения к частной автономии, ориентации на справедливость и добросовестность, признания пределов свободы в интересах правопорядка и общества. При этом китайский законодатель не копирует римские конструкции, а интегрирует отдельные универсальные правовые ценности в современную систему гражданского права, учитывая национальные особенности и актуальные вызовы [Гэн Линь, 2019].

Таким образом, римско-правовые идеи выступают одним из интеллектуальных источников принципов ГК КНР, а их восприятие отражает историческую закономерность преемственности правовой культуры: выдающиеся достижения правовой мысли продолжают действовать, изменяясь и приспосабливаясь к новым социальным условиям.

Библиография

1. Ван Лимин. Гражданский кодекс: гарантия модернизации системы государственного управления // Чжунвай фацзюэ (中外法学). 2020. Т. 32. № 4. С. 847–864. (На кит. яз.)
2. Ван Лимин. Модель управления «негативным списком» и автономия частного права // Чжунго фацзюэ (中国法学). 2014. № 5. С. 26–40. (На кит. яз.)

3. Вэнь Шиян. «Предыстория» и «настоящее» системной конструкции Гражданского кодекса КНР // Восточное правоведение. 2020. № 4. С. 29–39. (На кит. яз.)
4. Гао Цицай. О применении гражданского обычного права народными судами // Чжэнфа лунцун (政法论丛). 2018. № 5. С. 83–92. (На кит. яз.)
5. Гэн Линь. О теории ограничений частной автономии // Вестник Нанкинского университета (Философия, гуманитарные науки, общественные науки) (南京大学学报(哲学、人文科学、社会科学)). 2019. № 1. С. 34–48. (На кит. яз.)
6. Ли Хун. Исследование актуальных проблем современного международного права. Пекин : China Legal Publishing House, 2005. (На кит. яз.)
7. Лю Кай. Гражданский кодекс: исторический процесс принятия. 2020. Т. 22. № 6. С. 73–78. (На кит. яз.)
8. Лю Кайсян. Граница между публичной властью и частными правами в Гражданском кодексе и её значение // Социальное управление (社会治理). 2020. Т. 7. С. 23–30. (На кит. яз.)
9. Лю Цзинцзин, Гао Янь. О наследовании и развитии выдающейся традиционной правовой культуры Китая в «Гражданском кодексе» // Вестник Чэндуского технологического университета (социальные науки) (成都理工大学学报(社会科学版)). 2022. Т. 30. № 2. С. 64–72. (На кит. яз.)
10. Нань Гун. Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-i-osobennosti-razvitiya-sistemy-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava-kitaya>
11. Се Хунфэй. Жизненный мир, ценностная система и законодательное выражение Гражданского кодекса Китая // Цинхуа фацзюэ (清华法学). 2014. Т. 8. № 6. С. 17–33. (На кит. яз.)
12. Сян Дун, Чэнь Жунвэнь. Правовое регулирование расточительного поведения: от Древнего Рима к современности // Фуцзяньский форум: гуманитарные и социальные науки (福建论坛·人文社会科学版). 2015. № 4. (На кит. яз.)
13. У Ханьдун. Теория «бестелесных вещей» в римском праве и теоретические основы института интеллектуальной собственности // Цзянси шэцзюэ кэсюэ (江西社会科学). 2005. № 7. С. 33–38. (На кит. яз.)
14. Хань Хунцзюнь. Понимание правового равенства в перспективе социального пола // Шаньдунские общественные науки (山东社会科学). 2009. № 10. С. ЕЗ. (На кит. яз.)
15. Хо Цуньфу. Культурные характеристики и культурный поиск традиционной правовой культуры Китая // Правовая система и социальное развитие (法制与社会发展). 2001. Т. 3. № 1. (На кит. яз.)
16. Хоу Чжо, Чэнь Личэн. Мудрость сдержанности: о том, почему экологическую мораль не следует включать в принцип публичного порядка и добрых нравов // Журнал Центрально-Южного университета (общественные науки). 2014. Т. 20. № 1. (На кит. яз.)
17. Цзя Юйсинь. Юридическая процедура с диалектической точки зрения // Open Journal of Legal Science. 2024. Т. 12. С. 2231. (На кит. яз.)
18. Шань Пинцзи. Радиальный эффект «зелёного принципа» на «Книгу о вещных правах» Гражданского кодекса // Философия и общественные науки (哲学社会科学版). 2018. С. 6. (На кит. яз.)

Roman Legal Origins of the Fundamental Principles of the Civil Code of China

Huang Xiangyi

Master's Student,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: Xiangyi@mail.ru

Abstract

The fundamental principles of the Civil Code of the People's Republic of China (hereinafter — the Civil Code of the PRC) are noticeably influenced by the Roman legal tradition: many ideas enshrined in Articles 4–9 of the General Provisions can be compared with Roman concepts of *ius naturale*, *ius gentium*, *aequitas*, *bona fides*, and ideas about the limits of private autonomy. However, the borrowing is not mechanical but adaptive in nature: Roman ideas are embedded into the modern Chinese legal system, which takes into account its own cultural, moral, and institutional foundations. Special attention is paid to the principles of equality, autonomy of will (freedom of contract), fairness and good faith, public order and good morals, as well as the "green" (ecological) principle. The analysis shows that Roman law acts not as a "source of norms," but primarily as a source of methodologies and legal values, which, through the continental legal tradition and modern comparative legal doctrine, contribute to the formation and development of the principles of civil legislation in China.

For citation

Huang Xiangyi (2026) *Rimsko-pravovyye istoki osnovnykh printsipov Grazhdanskogo kodeksa Kitaya* [Roman Legal Origins of the Fundamental Principles of the Civil Code of China]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 83-89. DOI: 10.34670/AR.2026.40.66.012

Keywords

Civil Code of the PRC, Roman law, principles of civil law, autonomy of will, good faith, fairness, public order, ecological principle.

References

1. Gao Qicai. (2018). O primeneniі grazhdanskogo obychnogo prava narodnymi sudami [On the application of civil customary law by people's courts]. *Zhengfa luncong*, (5), 83-92. (In Chinese)
2. Geng Lin. (2019). O teorii ogranicheniy chastnoy avtonomii [On the theory of restrictions of private autonomy]. *Vestnik Nankinskogo universiteta (Filosofiya, gumanitarnye nauki, obshchestvennye nauki)*, (1), 34-48. (In Chinese)
3. Han Hongjun. (2009). Ponimaniye pravovogo ravenstva v perspektive sotsial'nogo pola [Understanding legal equality from a gender perspective]. *Shandunskiye obshchestvennye nauki*, (10), E3. (In Chinese)
4. Hou Zhuo, & Chen Licheng. (2014). Mudrost' sderzhannosti: o tom, pochemu ekologicheskuyu moral' ne sleduyet vklyuchat' v printsip publichnogo poryadka i dobrykh nrayov [The wisdom of restraint: on why environmental morality should not be included in the principle of public order and good morals]. *Zhurnal Tsentral'no-Yuzhnogo universiteta (obshchestvennye nauki)*, 20(1). (In Chinese)
5. Huo Cunfu. (2001). Kul'turnyye kharakteristiki i kul'turnyy poisk traditsionnoy pravovoy kul'tury Kitaya [Cultural characteristics and cultural search of traditional Chinese legal culture]. *Pravovaya sistema i sotsial'noye razvitiye*, 3(1). (In Chinese)
6. Jia Yuxin. (2024). Yuridicheskaya protsedura s dialekticheskoy tochki zreniya [Legal procedure from a dialectical perspective]. *Open Journal of Legal Science*, 12, 2231. (In Chinese)
7. Li Hong. (2005). *Issledovaniye aktual'nykh problem sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Research on current issues of modern international law]. Beijing: China Legal Publishing House. (In Chinese)
8. Liu Jingjing, & Gao Yan. (2022). O nasledovanii i razvitiі vydayushcheyasya traditsionnoy pravovoy kul'tury Kitaya v "Grazhdanskom kodekse" [On the inheritance and development of outstanding traditional Chinese legal culture in the "Civil Code"]. *Vestnik Chengdusskogo tekhnologicheskogo universiteta (sotsial'nye nauki)*, 30(2), 64-72. (In Chinese)
9. Liu Kai. (2020). Grazhdanskiy kodeks: istoricheskiy protsess prinyatiya [The Civil Code: the historical process of adoption]. 22(6), 73-78. (In Chinese)
10. Liu Kaixiang. (2020). Granitsa mezhdru publichnoy vlast'yu i chastnymi pravami v Grazhdanskom kodekse i yeyo znachenіye [The boundary between public power and private rights in the Civil Code and its significance]. *Sotsial'noye upravleniye*, 7, 23-30. (In Chinese)

11. Nan Gong. (2020). Novyye tendentsii i osobennosti razvitiya sistemy grazhdanskogo protsessual'nogo prava Kitaya [New trends and features of the development of the civil procedural law system in China]. *Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo*, (1). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-i-osobennosti-razvitiya-sistemy-grazhdanskogo-protsessualnogo-prava-kitaya>
12. Shang Pingji. (2018). Radial'nyy effekt "zelyonogo printsipa" na "Knigu o veshchnykh pravakh" Grazhdanskogo kodeksa [The radial effect of the "green principle" on the "Book of Property Rights" of the Civil Code]. *Filosofiya i obshchestvennye nauki*, 6. (In Chinese)
13. Wang Liming. (2014). Model' upravleniya "negativnym spiskom" i avtonomiya chastnogo prava [The "negative list" management model and private law autonomy]. *Zhongguo faxue*, (5), 26-40. (In Chinese)
14. Wang Liming. (2020). Grazhdanskiy kodeks: garantiya modernizatsii sistemy gosudarstvennogo upravleniya [The Civil Code: a guarantee of the modernization of the state governance system]. *Zhongwai faxue*, 32(4), 847-864. (In Chinese)
15. Wen Shiyang. (2020). "Predystoriya" i "nastoyashcheye" sistemnoy konstruktsii Grazhdanskogo kodeksa KNR ["Prehistory" and "present" of the systemic structure of the PRC Civil Code]. *Vostochnoye pravovedeniye*, (4), 29-39. (In Chinese)
16. Wu Handong. (2005). Teoriya "bestelesnykh veshchey" v rimskom prave i teoreticheskiye osnovy instituta intellektual'noy sobstvennosti [The theory of "incorporeal things" in Roman law and the theoretical foundations of the intellectual property institution]. *Jiangxi shehui kexue*, (7), 33-38. (In Chinese)
17. Xiang Dong, & Chen Rongwen. (2015). Pravovoye regulirovaniye rastochitel'nogo povedeniya: ot Drevnego Rima k sovremennosti [Legal regulation of wasteful behavior: from Ancient Rome to the present]. *Futszyan'skiy forum: gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, (4). (In Chinese)
18. Xie Hongfei. (2014). Zhiznenny mir, tsennostnaya sistema i zakonodatel'noye vyrazheniye Grazhdanskogo kodeksa Kitaya [Life world, value system, and legislative expression of China's Civil Code]. *Qinghua faxue*, 8(6), 17-33. (In Chinese)

УДК 346.5

DOI: 10.34670/AR.2026.21.89.013

Эффективность государственно-правового регулирования маркировки полимерной трубной продукции как средства борьбы с фальсификатом

Пешехонов Александр Владимирович

Кандидат юридических наук,
Доцент кафедры юридических дисциплин,
Воронежский государственный аграрный
университет им. Императора Петра I,
394087, Российская Федерация, Воронеж, ул. Мичурина, 1;
e-mail: 89610291711@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается инициатива Правительства РФ по проведению эксперимента по обязательной цифровой маркировке полимерной трубной продукции, регламентированного Постановлением от 24 октября 2024 г. №1424. Основное внимание уделяется критическому анализу экономических и технологических последствий внедрения системы маркировки для производителей отрасли в текущих макроэкономических условиях. Целью работы является оценка обоснованности заявленных целей регулирования (борьба с контрафактом) и выявление потенциальных рисков, связанных с применением новых правил. Методологическую основу исследования составляет анализ нормативно-правовой базы, статистических данных о доле контрафактной продукции, а также обзор отраслевых публикаций, отражающих состояние рынка. В статье ставится под сомнение достоверность приводимых разработчиками проекта данных о масштабах нелегального оборота (до 25–31%), указывается на отсутствие подтверждения этих цифр в правоприменительной практике. На примере рынка табачной продукции демонстрируется низкая корреляция между введением маркировки и снижением доли контрафакта. Особое внимание уделяется системному кризису в отрасли, вызванному сокращением госфинансирования, высокой ключевой ставкой и падением спроса (до 20% и более). В этих условиях дополнительные финансовые и административные издержки на закупку оборудования, программного обеспечения и нанесение кодов могут стать критическими для малых и средних предприятий. Кроме того, в работе освещаются нерешенные технические проблемы: отсутствие единого подхода к определению единицы товара (погонный метр или отрезок), сложность вывода продукции из оборота при оптовых поставках на строительные объекты и неурегулированный статус технологических отходов. Делается вывод о том, что внедрение системы «Честный знак» в текущих условиях несет риски ухода производителей в теневой сектор, роста себестоимости продукции для конечного потребителя и не гарантирует достижения заявленной цели по обелению рынка. Авторы обосновывают необходимость отсрочки введения маркировки до стабилизации экономической ситуации в отрасли.

Для цитирования в научных исследованиях

Пешехонов А.В. Эффективность государственно-правового регулирования маркировки полимерной трубной продукции как средства борьбы с фальсификатом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 90-97. DOI: 10.34670/AR.2026.21.89.013

Ключевые слова

Цифровая маркировка, сырье, полиэтиленовые трубы, фальсифицированная продукция, контрафакт, Честный знак, государственное регулирование, техническое регулирование.

Введение

В настоящее время, на основании Постановления Правительства РФ от 24 октября 2024 г. №1424, на территории Российской Федерации проводится эксперимент по маркировке средствами идентификации отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства.

Целями эксперимента являются (в том числе):

- тестирование возможностей использования технологий нанесения средств идентификации на отдельные виды полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства, и состава содержащейся в них информации, а также определение оптимальных способов маркировки средствами идентификации отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства, исходя из возможности применения соответствующих технологических решений;
- организация эффективного взаимодействия органов государственной власти, в том числе контрольных органов, с производителями и импортерами отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства, организациями оптовой и розничной торговли (далее - участники оборота отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства);
- разработка предложений по внесению изменений в законодательство Российской Федерации, регламентирующее оборот отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства;
- подготовка предложений по идентификации продукции, используемой для производства отдельных видов полимерной трубной продукции.

Основное содержание

Проект Постановления Правительства «Об утверждении Правил маркировки отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства, средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства» [Проект Постановления Правительства, www.gov.ru].

По мнению авторов инициативы, цифровая маркировка видится как средство отслеживания пути от сырья до конечного потребителя и как следствие этого, эффективный способ борьбы с

поставками фальсифицированной продукции. Обоснование этой позиции представлено в «Сводном отчете о проведении оценки регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта» [Сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия, www].

В описании проблемы, на решение которой направлен предлагаемый способ регулирования указан «Высокий показатель нелегального оборота полимерной трубной продукции в России в различные периоды с 2020 по 2024 гг. который находился в диапазоне от **19% до 31%**». Однако авторы не раскрывают происхождение указанных явно завышенных цифр, в то время, как на настоящий момент не существует достоверных методик, позволяющих с большей долей вероятности производить подсчеты по данным показателям. Более того, особо отмечено, что нелегальный оборот полимерной трубной продукции в 2024 г. составил не менее 25% от общего объема рынка. При этом выводы о нелегальном обороте полимерной трубной продукции в 2024г. в объеме менее 25% не подтверждаются уголовной, административной, судебной арбитражной практикой, да и в целом такие цифры противоречат здравому смыслу. В России сотни заводов производящих полиэтиленовые трубы и перерабатывающих тысячи тонн сырья. Чтобы достичь показателя в 25% нелегального оборота, необходимо чтобы десятки заводов изготавливали «фальсифицированные» трубы. В свою очередь тысячи потребителей, в том числе государственные и муниципальные образования, строительные и подрядные организации приобретали и использовали данную продукцию. Но, по мнению автора, это противоречит реальному положению дел. В противном случае, было бы значительное количество уголовных и административных дел и дел, находящихся в производстве Арбитражных судов.

При этом, по мнению автора, вопрос качества поставляемой трубной продукции решается входным контролем потребителей. Сами потребители - заказчики работ, либо подрядные организации, не допустят поставки некачественной продукции. И возможные споры относительно качества поставленной продукции между производителями и покупателями разрешаются, как правило, в рамках договорных обязательств, либо путем проведения соответствующего экспертного исследования до, или во время судебного разбирательства.

Введение цифровой маркировки, как средства борьбы с контрафактной продукцией, на текущий момент, по мнению автора, необоснованно и нецелесообразно, ввиду незначительной доли труб «сомнительного» происхождения от общего объема поставляемых труб. Кроме того, на сегодняшний день уже существуют инструменты, для отслеживания продукции.

В первую очередь это первичные отчетные документы, где отражается вся необходимая информация и которая отправляется в налоговые органы. Осуществляют деятельность контролирующие и надзирающие органы, которые осуществляют технический надзор при приемке, как продукции, так и целых объектов, поэтому возможно установить производителя, сырья, производителя продукции, поставщика и потребителя по первичным отчетным документам. Кроме того, на самой трубе имеется установленная ГОСТ[ГОСТ 18599-2001, www; ГОСТ Р 70628.2-2023, www]

При маркировке (производители перед получением сертификата о соответствии ГОСТ на производимую продукцию) осуществляется комплексный анализ производства и ежегодный инспекционный контроль со стороны органа по Сертификации. И, как показало время, введение маркировки никоим образом не сказалось на снижении контрафакта, например, в области табачной продукции. Согласно данным статистики доля контрафактных сигарет в России в 2015 году составляла 1,3 % от общего оборота. [Бюллетень Счетной палаты РФ, 2021] В последующие годы, доля контрафактных сигарет увеличивалась пропорционально росту ставки акцизов. В 2019 году (в этом году введена обязательная маркировка табачной продукции), доля

контрафактных сигарет составляла 10,3%. По данным МИНПРОМТОРГА доля контрафактных сигарет в 2024г. составляла 10,8%, а в первом полугодии 2025г. - 9,5%. [Министерство промышленности и торговли РФ, 2025] Данные цифры наглядно показывают, что с 2019 г. по 2025г. доля контрафакта на рынке практически не менялась и введение маркировки никак не повлияло на оборот контрафактных сигарет.

Более того, по мнению автора, на настоящий момент в России нет успешного примера введения обязательной цифровой маркировки строительной продукции. Большая часть продукции поставляется на строительные объекты крупными оптовыми партиями. Механизм вывода продукции из оборота (гашения меток) на строительных площадках не реализован. Приводимая в качестве примера цифровая маркировка сигарет, алкогольной продукции, меховых изделий и т. д. имеет свои особенности, являясь индивидуально потребляемой продукцией и отсутствием ограничений как с нанесением цифровой маркировки, так и с выводом продукции из оборота, т.е. с последующим гашением маркировки на «кассе». Предлагаемое ЦРПТ (Центр развития перспективных технологий – оператор государственной системы маркировки «Честный знак») гашение маркировки не конечным потребителем, а самим производителем трубной продукции при ее выпуске в реализацию, также существенно ограничивает эффективность маркировки как средства борьбы с контрафактной продукцией. В этом случае не реализуется идея отслеживания продукции в цепочке «сырьё - конечный потребитель».

Кроме того, существует проблема кризиса рынка, что освящается в деловой и отраслевой прессе (например, [«Мы наблюдаем объективное замедление спроса», 2025]). В статье говорится, в частности, о том, что «По итогам первого полугодия мы видим снижение рынка на уровне около 19–20% год к году». В статье «Вице-президент Группы ПОЛИПЛАСТИК раскрыл ключевые тренды рынка полимерных труб на форуме «Полимеры России 2024» от 09.12.2024г. [Группы Полипластик, www...]. Согласно данным статьи: «в качестве значимого фактора он выделил замедление роста рынка полимерных труб в 2024 году по сравнению с 2023 -м. Одну из причин Кирилл Трусков видит в сокращении объемов государственного финансирования. К основным рискам отрасли эксперт отнес высокую стоимость кредитных средств, увеличение тарифов и налоговой нагрузки, что в перспективе может привести к дефициту оборотного капитала, сокращению запасов сырья и росту цен» [«Вице-президент Группы ПОЛИПЛАСТИК раскрыл ключевые тренды...», 2024].

На фоне общего спада в экономике и сокращения госфинансирования ключевых программ, компании-производители по всей стране фиксируют снижение объемов переработки и сокращение заказов, а некоторые предприятия приостанавливают работу. «Крупные игроки» отрасли, сообщают о снижении объемов на 35–40%. Ситуация носит системный характер. Причины сложившейся ситуации, согласно данным источникам, следующие:

- сокращение госфинансирования и государственных инвестиционных программ, в том числе в сфере газификации и дорожного строительства. Снижение бюджетных расходов на инфраструктурные проекты в газовой, нефтяной отраслях и в ЖКХ;
- высокая ключевая ставка ЦБ. Дорогие кредиты «заморозили» строительную отрасль и усложнили обслуживание существующих долгов. Это также сократило возможности производителей осуществлять деятельность по контрактам с длинными отсрочками платежа.
- логистическая удаленность и высокие транспортные расходы делают нерентабельными поставки в «новые регионы» России.

В этих условиях, ведение маркировки потребует значительных затрат производителей на

приобретение соответствующего оборудования, программного обеспечения, дополнительных сотрудников, приобретения непосредственно кодов маркировки и т.д. Это приведет к невозможности выполнения новых требований большинством мелких и средних производителей, что неизбежно приведет к закрытию производств.

Немаловажную роль играет и тот факт, что в настоящее время не решены и основные технические вопросы, касающиеся маркировки трубной продукции. В том числе, что считать единицей продукции, отрезок (в других случаях, бухта) или 1 метр трубы. От этого зависит технология нанесения маркировки и, соответственно, затраты на оборудование для её нанесения. Предлагаемая пометровая маркировка имеет смысл только при розничной реализации трубной продукции, которая составляет незначительную долю рынка. В большинстве случаев реализация осуществляется партиями, исчисляемыми сотнями метров (в бухтах и отрезках) и зачастую одному потребителю, либо на один объект. В данном случае введение пометровой маркировки приведет к нецелесообразному увеличению стоимости продукции, в том числе за счет затрат труда. Кроме того, применение инструментов маркировки, применяемые при производстве индивидуально потребляемой продукции не может быть технически реализовано при маркировке, например труб в бухтах, или хлыстах, реализуемых оптом.

Кроме прочего, введение маркировки, по мнению автора, приведет к увеличению стоимости продукции. Фискальная составляющая в этом случае возрастет, за счет больших отчислений в бюджет в виде налогов. Но, в тоже время, неизбежное увеличение себестоимости продукции приведет к увеличению стоимости для конечных потребителей, в том числе и за счет увеличения ставки НДС до 22%, коими зачастую являются различные государственные и муниципальные образования, что также говорит о преждевременности введения маркировки, особенно в период восстановления изношенной коммунальной инфраструктуры, в том числе и на вновь присоединенных территориях.

Заключение

Внедрение маркировки «Честный знак» воспринимается экспертами и производителями как фактор, негативно влияющий на экономическое состояние отрасли. Причиной этого является то, что система маркировки не адаптирована к производству. Примером является проблема учёта технологических отходов. При частой смене цветов и типов труб образуется значительное количество брака. Однако процедуры, как списать эту «возвратную продукцию» и ввести её обратно в оборот в рамках «Честного знака», нормативно не определены. Подобные вопросы создают производителям риски во взаимоотношениях с государственными органами.

Внедрение системы «Честный знак» потребует трансформации технологического процесса и регламента производства. Это приведёт к значительному увеличению штата сотрудников, а также к повышению квалификационных требований к специалистам. В итоге такие изменения повысят себестоимость конечного продукта для всей отрасли.

Основной целью маркировки трубной продукции в системе «Честный знак» заявляется борьба с фальсификатом, однако производители сомневаются в эффективности этого инструмента. Механизмы фальсификации выявляются не через систему «Честный знак», а через экспертные исследования.

Введение маркировки в нынешних реалиях для трубной продукции приведет к формуле, при которой производители станут еще честнее, а на производителях контрафактной продукции

никак не отразится». А в худшем случае будет получен обратный, от ожидаемого эффект, когда производители вынужденно «уйдут в теневой сектор» или прекратят деятельность, ввиду невозможности компенсировать расходы, связанные с внедрением маркировки.

Подводя итог, отмечается, что к вопросу маркировки целесообразно вернуться в тот момент, когда ситуация на рынке трубной продукции стабилизируется. Главный посыл производителей к регуляторам — взять паузу и не насаживать новые административные барьеры на острый отраслевой кризис.

Библиография

1. Бюллетень Счетной палаты РФ. Акцизы на табак. – 2021. – № 11 (288).
2. Вице-президент Группы ПОЛИПЛАСТИК раскрыл ключевые тренды рынка полимерных труб на форуме «Полимеры России 2024». 9 декабря 2024 г. – URL: <https://www.polyplastic.ru/press/news/2024/12/09/item22405>
3. ГОСТ 18599-2001. Трубы напорные из полиэтилена. Технические условия: межгосударственный стандарт. – Введ. 2002-03-23. – Москва: Стандартинформ, 2002. – URL: <https://base.garant.ru/3923959/>
4. ГОСТ Р 70628.2-2023. Трубопроводы из пластмасс для водоснабжения, дренажа и напорной канализации. Полиэтилен (ПЭ). Часть 2. Трубы: национальный стандарт Российской Федерации. – Введ. 2023-01-26. – Москва: Российский институт стандартизации, 2023. – URL: <https://base.garant.ru/406434999/>
5. Министерство промышленности и торговли РФ. В России снизилась доля нелегального оборота сигарет. – 2025. – URL: https://ria.ru/organization_Ministerstvo_promyshlennosti_i_torgovli_RF/
6. Мы наблюдаем объективное замедление спроса // Коммерсантъ-Daily. – 2025. – 3 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8007906>
7. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил маркировки отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства, средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении отдельных видов полимерной трубной продукции и продукции, используемой для ее производства». – URL: <https://regulation.gov.ru/projects/160489/>
8. Сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects/160489/>

Effectiveness of State-Legal Regulation of Labeling of Polymer Pipe Products as a Means of Combating Counterfeit Goods

Aleksandr V. Peshekhonov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines,
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I,
394087, 1, Michurina str., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: 89610291711@mail.ru

Abstract

The article examines the initiative of the Government of the Russian Federation to conduct an experiment on mandatory digital labeling of polymer pipe products, regulated by Decree No. 1424 of October 24, 2024. The main attention is paid to the critical analysis of the economic and technological consequences of implementing the labeling system for industry manufacturers in the current macroeconomic conditions. The aim of the work is to assess the validity of the stated regulatory goals (combating counterfeiting) and to identify potential risks associated with the

application of the new rules. The methodological basis of the study is an analysis of the regulatory framework, statistical data on the share of counterfeit products, as well as a review of industry publications reflecting the state of the market. The article questions the reliability of the data on the scale of illegal turnover (up to 25–31%) cited by the project developers, pointing out the lack of confirmation of these figures in law enforcement practice. Using the example of the tobacco products market, a low correlation between the introduction of labeling and a reduction in the share of counterfeits is demonstrated. Special attention is paid to the systemic crisis in the industry caused by a reduction in state funding, high key interest rates, and a drop in demand (up to 20% or more). Under these conditions, additional financial and administrative costs for the purchase of equipment, software, and application of codes could become critical for small and medium-sized enterprises. In addition, the work highlights unresolved technical problems: the lack of a unified approach to defining a unit of goods (linear meter or cut piece), the difficulty of withdrawing products from circulation during wholesale supplies to construction sites, and the unsettled status of technological waste. It is concluded that the introduction of the "Chestny Znak" (Honest Mark) system under current conditions carries risks of manufacturers moving into the shadow sector, increasing the cost of products for the end consumer, and does not guarantee the achievement of the stated goal of market legalization. The author substantiates the need to postpone the introduction of labeling until the economic situation in the industry stabilizes.

For citation

Peshekhonov A.V. (2026) *Effektivnost' gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya markirovki polimernoy trubnoy produktsii kak sredstva bor'by s fal'sifikatom* [Effectiveness of State-Legal Regulation of Labeling of Polymer Pipe Products as a Means of Combating Counterfeit Goods]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 90-97. DOI: 10.34670/AR.2026.21.89.013

Keywords

Digital labeling, raw materials, polyethylene pipes, falsified products, counterfeit, Honest Mark (Chestny Znak), state regulation, technical regulation.

References

1. *Byulleten' Schetnoy palaty RF. Aktsizy na tabak* [Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Excise taxes on tobacco]. (2021). (11(288)).
2. GOST 18599-2001. (2002). *Truby napornye iz polietilena. Tekhnicheskie usloviya* [Polyethylene pressure pipes. Specifications]. Standartinform. <https://base.garant.ru/3923959/>
3. GOST R 70628.2-2023. (2023). *Truboprovody iz plastmass dlya vodosnabzheniya, drenazha i napornoy kanalizatsii. Polietilen (PE). Chast' 2. Truby* [Plastics piping systems for water supply, drainage and sewerage. Polyethylene (PE). Part 2. Pipes]. Russian Institute of Standardization. <https://base.garant.ru/406434999/>
4. Ministerstvo promyshlennosti i trgovli RF. (2025) *V Rossii snizilas' dolya nelegal'nogo oborota sigaret* [The share of illegal cigarette turnover has decreased in Russia]. RIA Novosti. https://ria.ru/organization_Ministerstvo_promyshlennosti_i_torgovli_RF/
5. *My nablyudaem ob "ektivnoe zamedlenie sprosa* [We are observing an objective slowdown in demand]. (2025, September 3). Kommersant-Daily. <https://www.kommersant.ru/doc/8007906>
6. *Proekt Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Pravil markirovki otdel'nykh vidov polimernoy trubnoy produktsii i produktsii, ispol'zuemoy dlya ee proizvodstva, sredstvami identifikatsii i osobennostyakh vnedreniya gosudarstvennoy informatsionnoy sistemy monitoringa za oborotom tovarov, podlezhashchikh obyazatel'noy markirovke sredstvami identifikatsii, v otnoshenii otdel'nykh vidov polimernoy trubnoy produktsii i produktsii, ispol'zuemoy dlya ee proizvodstva"* [Draft Resolution of the Government of the Russian Federation "On approval of the Rules for labeling certain types of polymer pipe products and products used for their

-
- production with identification means and the specifics of implementing the state information system for monitoring the turnover of goods subject to mandatory labeling with identification means in relation to certain types of polymer pipe products and products used for their production"]. (n.d.). <https://regulation.gov.ru/projects/160489/>
7. *Svodnyy otchet o provedenii otsenki reguliruyushchego vozdeystviya proekta normativnogo pravovogo akta* [Summary report on the regulatory impact assessment of the draft regulatory legal act]. (n.d.). <https://regulation.gov.ru/projects/160489/>
8. *Vitse-prezident Gruppy POLIPLASTIK raskryl klyuchevye trendy rynka polimernykh trub na forume "Polimery Rossii 2024"* [Vice-President of the POLYPLASTIC Group revealed key trends in the polymer pipe market at the "Polymers of Russia 2024" forum]. (2024, December 9). <https://www.polyplastic.ru/press/news/2024/12/09/item22405>

УДК 349.2

DOI: 10.34670/AR.2026.26.28.014

**Правовые коллизии при осуществлении Федеральной
инспекцией труда полномочий по реализации конституционной
гарантии защиты права на труд**

Галахов Егор Николаевич

Аспирант,
Тверской государственный университет,
170100, Российская Федерация, Тверь, ул. Желябова, 33;
e-mail: egr.galak@mail.ru

Аннотация

В данной статье представлен анализ действующих законодательных норм, регулирующих государственный контроль в сфере трудовых отношений. Основное внимание уделяется выявлению проблем в правоприменительной практике и реализации гарантий, обеспечивающих право граждан на труд, отвечающий установленным требованиям. В рамках исследования осуществляется углубленный критический анализ действующего законодательства, направленный на выявление его фундаментальных недостатков и пробелов. На основе полученных данных формулируются конкретные предложения по оптимизации нормативно-правовой базы, учитывающие как теоретические аспекты правоведения, так и эмпирические данные правоприменительной практики. Особое внимание уделяется разработке рекомендаций, направленных на повышение эффективности правоприменительных механизмов и гармонизацию законодательства в соответствии с современными вызовами и тенденциями в области правового регулирования. Особое значение придается изучению механизмов государственного надзора и контроля, направленных на обеспечение соблюдения трудовых прав и свобод граждан. Рассматриваются вопросы эффективности правоприменительных процедур, а также их влияние на правоприменительную практику в контексте обеспечения прав работников. В работе также анализируются правовые гарантии, предусмотренные для защиты интересов работников в условиях современных трудовых отношений, и исследуются проблемы их практической реализации. На основании проведенного комплексного анализа предлагается системная модернизация нормативно-правовой базы, направленная на устранение выявленных недостатков. Данный подход предполагает не только реформирование существующих правовых норм, но и интеграцию передовых методологических и концептуальных решений, обеспечивающих соответствие нормативно-правовой системы современным вызовам и тенденциям в правоприменительной практике. В рамках модернизации предлагается внедрение инновационных правовых механизмов, способствующих повышению эффективности правоприменения и улучшению правовой защиты интересов субъектов правоотношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Галахов Е.Н. Правовые коллизии при осуществлении Федеральной инспекцией труда полномочий по реализации конституционной гарантии защиты права на труд // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 98-106. DOI: 10.34670/AR.2026.26.28.014

Ключевые слова

Защита права на труд, условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям, правовые коллизии, контрольные (надзорные) мероприятия, Федеральная инспекция труда, государственный контроль (надзор), административная ответственность.

Введение

Актуальность темы заключается в том, что конституционное право на труд является ключевым для трудоспособного населения и работодателей. Оно защищает интересы работников, обеспечивая достойные условия труда и социальные гарантии, и создает основу для стабильной экономики государства. Соблюдение конституционного права на труд способствует социальной справедливости и улучшению качества жизни граждан, что положительно влияет на общественное благополучие и экономическое развитие страны. Однако, в действующем законодательстве есть правовые коллизии, нарушающие права и интересы работников и работодателей, что требует усиления механизма защиты конституционных гарантий права на труд, соответствующего государственным нормативным требованиям.

Правовые коллизии представляют собой расхождение и противоречие в правовых нормах, вследствие которых возникают негативные последствия для правоприменителей и участников тех или иных правоотношений, выражающиеся в снижении или даже лишении правовых гарантий, которыми они наделены в силу своего статуса и положения. [Бычкова, 2024, www; Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 49, 2019, п. 4]

Главной особенностью коллизии является то, что данное правовое явление вызывает конкуренцию двух и более норм, претендующих на регулирование одних и тех же правоотношений, которая порождает противоречие для правоприменителя, относительно применения нормативно-правового акта в той или иной ситуации. [Радько, 2004, с. —; Денисов, www]

Для разрешения юридических коллизий существуют два основных метода: внесение изменений и дополнений в систему российского законодательства и разработка принципов, которые помогают разрешать коллизии путём определения наиболее значимых норм, применимых в конкретной правовой ситуации.

Основное исследование

С 01.01.2025 года внесены изменения в законодательство о регулировании контрольной (надзорной) деятельности, в том числе в Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»,

ограничивающие организацию проверок и контрольно-надзорных мероприятий. Изменения вызывают расхождения и дополнительные трудности для правоприменителей.

До внесения изменений в законодательство о регулировании контрольной (надзорной) деятельности, положениями ст. 57 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ, Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 предусматривалось, что до конца 2024 г. основаниями для проведения контрольных (надзорных) мероприятий по проверке соблюдения требований трудового законодательства являлись: 1) Наличие сведений о непосредственной угрозе причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан, по фактам причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан; 2) Наличие сведений о массовом нарушении прав работников, связанных с невыплатой заработной платы свыше одного месяца; 3) При выявлении индикаторов риска нарушения обязательных требований. [Федеральный закон № 248-ФЗ, 2020, ч. 9 ст. 23]

Таким образом, до конца 2024 года проведение контрольных надзорных мероприятий по иным основаниям, предусмотренным ст. 57 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ, не допускалось.

С учетом внесенных изменений в законодательство о контрольной надзорной деятельности Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 в пункте 3 до сих пор содержится указание на ограничение проведения проверок, которые прямо предусмотрены данным пунктом до 2024 года. Представленная правовая ситуация создает существенные противоречия для правоприменителя в реализации, предусмотренных федеральным законом от 31.07.2020 N 248-ФЗ, полномочий по осуществлению контрольной (надзорной) деятельности.

Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 было принято в ответ на экономические санкции против России и для поддержки бизнеса в условиях санкционного давления. На данный момент ситуация не изменилась, поэтому причины для принятия постановления остаются актуальными. Данное обстоятельство вызывает противоречие и расхождения в правоприменительной деятельности, т.к. внесенные изменения в Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 содержащие в пункте 3 указание на ограничение проведения проверок до 2024 года, позволяют сделать вывод, что срок действия ограничений, предусмотренных в пункте 3 в указанном выше постановлении, истек.

Таким образом, учитывая положения пункт 3 Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 на текущий момент времени сняты ограничения на проведения контрольных – надзорных мероприятий по иным основаниям, предусмотренным статьями 57, 60 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ.

В отечественной правовой действительности, согласно доктрине и законодательству, федеральное законотворчество приоритетно над подзаконным нормотворчеством. Поэтому на уровне закона (федерального закона) осуществляется первичное регулирование общественных отношений, а подзаконный акт дополняет и уточняет способы и средства применения вышестоящей нормы. [Конституция РФ, 1993, ст. 15, 76; Морозов, 2011, с. 29–35] При наличии противоречий между подзаконным актом и вышестоящим нормативным актом применяется общий вышестоящий нормативный акт, что подтверждается судебной практикой. [Постановление Арбитражного суда Московского округа, 2021; Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС21-8299, 2021; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда, 2020]

Несмотря на сложившиеся правовые устои в российской правовой действительности, относительно применения нормативно-правовых актов, на практике возникают неоднозначные

ситуации из-за наличия противоречий в законодательстве, регулирующем контрольную (надзорную) деятельность, что мешает деятельности Государственной инспекции труда по защите прав и законных интересов трудящихся.

В правоприменительной практике Государственной инспекцией труда при осуществлении контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства возникают ситуации, когда при согласовании контрольного мероприятия с органами прокуратуры, последние отказывают в законных требованиях контролирующего органа из-за неверного толкования норм законодательства, вызванного противоречиями подзаконного и федерального законодательства. [Решение Петропавловск-Камчатского городского суда, 2024; Апелляционное определение Самарского областного суда, 2024]

Таким образом, противоречия в Федеральном законе от 31.07.2020 N 248-ФЗ и Постановлении Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 препятствуют реализации Государственной инспекцией труда полномочий по защите прав трудящихся. Необходимо исключить из пункта 3 Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336 основания для проведения контрольных (надзорных) мероприятий по соблюдению трудового законодательства, указанные в ст.ст. 57, 60 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ. Либо продлить срок действия ограничений на проведение проверок, указанный в пункте 3 Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336, до 31 декабря 2025 года или необходимо установить иной длительный срок.

В правоприменительной практике, по осуществлению контроля (надзора) за исполнением трудового законодательства, представленные выше правовые противоречия не единственные.

При рассмотрении судами жалоб на постановления о привлечении работодателей к установленной действующим законодательством административной ответственности, предусмотренной статьями 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ, принимают решения, основанные на неверном толковании норм действующего законодательства.

В частности, дела об административных правонарушениях, возбужденные сотрудниками прокуратуры на основании имеющихся материалов проведенных надзорных мероприятий по осуществлению прокурорского надзора, по составам административных правонарушений не предусматривающим наказания в виде предупреждения, судами изменяется административное наказание с штрафа на предупреждение в случаях, если должностным лицом контрольного – надзорного органа работодателю назначается административный штраф в качестве меры административной ответственности.

Согласно положениям действующего законодательства предупреждение как вид административного наказания – это мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица, которая устанавливается за впервые совершенные административные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также при отсутствии имущественного ущерба [КоАП РФ, 2001, ч. 1–2 ст. 3.4].

В случаях назначения административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела 2 КоАП РФ, административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение, если правонарушение выявлено в ходе реализации мероприятий в рамках государственного контроля (надзора), осуществляемых на основании Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ. [КоАП РФ, 2001, ч. 3 ст. 3.4, ч. 1 ст. 4.1.1]

Суды кассационных инстанций свои решения, относительно изменения меры

административного наказания со штрафа на предупреждение по составам административных правонарушений не предусматривающим в качестве наказания предупреждения, мотивируют тем, что в силу положений статьи 4.1 КоАП РФ, предусматривающей общие правила назначения административного наказания, процедура выявления факта совершения правонарушения или способ такого выявления не относится к обстоятельствам, которые учитываются при назначении наказания. В связи с чем в целях применения положений статьи 4.1.1 КоАП РФ (Замена административного наказания в виде административного штрафа предупреждением) понятие «государственный контроль (надзор)» следует рассматривать в широком смысле, не ограничивая его только рамками Федерального закона от 31.07.2020 № 248 – ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», иное означало бы нарушение одного из основополагающих принципов равенства всех перед законом (ст. 1.4 КоАП РФ). Таким образом, данное понятие используется только для целей Федерального закона от 31.07.2020 № 248 – ФЗ. [Определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС19-12049, 2019; Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции, 2024; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа, 2024]

Представленное выше толкование норм действующего законодательства порождает не правильное применение положений норм процессуального права при решении вопросов связанных с назначением административного наказания работодателю за грубые нарушения требований трудового законодательства.

В силу положений КоАП РФ производство по делам об административных правонарушениях связанных с нарушением требований трудового законодательства могут возбуждать сотрудники прокуратуры и должностные лица государственного органа уполномоченного осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением действующего трудового законодательства. Инспектора труда возбуждают административные дела на основании материалов, свидетельствующих о наличии нарушений требований трудового законодательства, полученных при проведении контрольных – надзорных мероприятий, а также при проведении расследования несчастного случая. Сотрудники прокуратуры возбуждают производство по делам об административных правонарушениях, на основании сведений полученных в рамках надзорной деятельности за соблюдением требований действующего законодательства.

Учитывая то, что Государственная инспекция труда и Прокуратура Российской Федерации имеют разные предметы надзорной деятельности, поскольку в отличие от органов прокуратуры инспекция труда не осуществляет общий надзор за соблюдением действующего законодательства, а только за соблюдением трудового законодательства, реализуемый на основании Федерального закона от 31.07.2020 № 248. [Федеральный закон № 2202-І, 1992, ч. 1 ст. 21; Федеральный закон № 248-ФЗ, 2020, ч. 1 ст. 15] Поэтому надзор, осуществляемый этими двумя государственными органами, не имеет аналогичную правовую природу.

Следует также обратить внимание на содержание принципа равенства перед законом при ведении производства по делам об административных правонарушениях из которого следует, что условия применения мер административной ответственности устанавливаются Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. [Федеральный закон № 2202-І, 1992, ч. 1 ст. 21; Федеральный закон № 248-ФЗ, 2020, ч. 1 ст. 15]

В связи с чем, позиция судов кассационной инстанции позволяющая назначать административное наказание в виде предупреждения по частям статей 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ не присматривающим данную меру административной ответственности, поскольку положение

статьи 4.1.1 КоАП РФ должны рассматриваться в широком смысле, не ограничивая только рамками Федерального закона от 31.07.2020 № 248 – ФЗ, основаны на неверном толковании содержания принципа равенства перед законом при ведении производства по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, для устранения вышеуказанной юридической коллизии необходимо включить в статью 4.1.1 КоАП РФ примечание, согласно которому будет следовать, что используемое понятие государственный контроль (надзор) рассматривается в рамках Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 248-ФЗ.

Заключение

Юридические коллизии, приведенные в данной статье нарушают права и законные интересы работников. Для совершенствования механизма реализации конституционных гарантий защиты права на труд, соответствующий государственным нормативным требованиям, необходимо скорректировать законодательство, регулирующее контрольную надзорную деятельность, и полномочия Государственной инспекции труда по обращению в суд в защиту прав работников.

Библиография

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Самарского областного суда от 19.11.2024 г. № 33а-12717/2024 (2а-3093/2024). – URL: <https://cloud.consultant.ru>
2. Бычкова А.И. Коллизии норм права / А.И. Бычкова // ООО «ПИМПЕЙ КАССА». – 2024. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Денисов Д.В. Юридические коллизии: понятие и причины возникновения / Д.В. Денисов // Юрист-Правоведъ. – URL: <https://cyberleninka.ru>
5. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография / С.М. Зырянов. – Москва: Контакт, 2020. – 256 с.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>
8. Морозов Д.Г. Закон и подзаконный нормативно-правовой акт: проблемы соотношения / Д.Г. Морозов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4 (14). – С. 29–35.
9. Определение Верховного Суда РФ от 02.08.2019 № 307-ЭС19-12049 по делу № А56-154322/2018. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
10. Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2021 № 305-ЭС21-8299. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 2979-О. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
12. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.04.2024 № Ф03-978/2024 по делу № А59-3842/2023. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.03.2021 № Ф05-24524/2020. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
14. Постановление Верховного Суда РФ от 03.07.2023 № 74-АД23-3-К9. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
15. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2024 № 16-3187/2024. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза». – URL: <https://www.vsrfr.ru>
17. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 24.12.2024) «Об особенностях организации и

- осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1715.
18. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2020 № 13АП-15459/2020 по делу № А56-132831/2019. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
19. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник / Т.Н. Радько. – Москва: Проспект, 2004. – 394 с.
20. Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 03.12.2024 по делу № 2а-6740/2024. – URL: <https://cloud.consultant.ru>
21. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
22. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
23. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5007.

Legal Conflicts in the Exercise of Powers by the Federal Labor Inspectorate to Implement the Constitutional Guarantee of Protecting the Right to Work

Egor N. Galakhov

Postgraduate Student,
Tver State University,
170100, 33, Zhelyabova str., Tver, Russian Federation;
e-mail: egr.galak@mail.ru

Abstract

This article presents an analysis of the current legislative norms regulating state control in the sphere of labor relations. The main attention is paid to identifying problems in law enforcement practice and the implementation of guarantees ensuring the right of citizens to work that meets established requirements. Within the framework of the study, an in-depth critical analysis of the current legislation is carried out, aimed at identifying its fundamental shortcomings and gaps. Based on the data obtained, specific proposals are formulated for optimizing the regulatory framework, taking into account both theoretical aspects of jurisprudence and empirical data from law enforcement practice. Particular attention is paid to the development of recommendations aimed at increasing the effectiveness of law enforcement mechanisms and harmonizing legislation in accordance with modern challenges and trends in the field of legal regulation. Special importance is attached to the study of mechanisms of state supervision and control aimed at ensuring compliance with labor rights and freedoms of citizens. The issues of the effectiveness of law enforcement procedures, as well as their impact on law enforcement practice in the context of ensuring workers' rights, are considered. The work also analyzes the legal guarantees provided for protecting the interests of workers in the conditions of modern labor relations, and examines the problems of their practical implementation. Based on the comprehensive analysis conducted, a systemic modernization of the regulatory framework is proposed, aimed at eliminating the identified shortcomings. This approach involves not only reforming existing legal norms but also integrating advanced methodological and conceptual solutions that ensure the compliance of the regulatory system with modern challenges and trends in law enforcement practice. Within the framework of modernization, the introduction of innovative legal mechanisms is proposed, contributing to

increased efficiency of law enforcement and improved legal protection of the interests of subjects of legal relations.

For citation

Galakhov E.N. (2026) *Pravovyye kollizii pri osushchestvlenii Federal'noy inspektsiyey truda polnomochiy po realizatsii konstitutsionnoy garantii zashchity prava na trud* [Legal Conflicts in the Exercise of Powers by the Federal Labor Inspectorate to Implement the Constitutional Guarantee of Protecting the Right to Work]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 98-106. DOI: 10.34670/AR.2026.26.28.014

Keywords

Protection of the right to work, working conditions complying with state regulatory requirements, legal conflicts, control (supervisory) measures, Federal Labor Inspectorate, state control (supervision), administrative responsibility.

References

1. Apellyatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po administrativnym delam Samarskogo oblastnogo suda ot 19.11.2024 g. № 33a-12717/2024 (2a-3093/2024) [Appeal ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Samara Regional Court of November 19, 2024 No. 33a-12717/2024 (2a-3093/2024)]. (2024). <https://cloud.consultant.ru>
2. Bychkova, A.I. (2024). *Kollizii norm prava* [Conflicts of legal norms]. ООО "PIMPEY KASSA". <https://cloud.consultant.ru>
3. *Constitution of the Russian Federation* (Adopted by national vote on December 12, 1993, as amended on July 1, 2020). (1993). <http://pravo.gov.ru>
4. *Courts of the Russian Federation*. (2019). *Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 № 49 "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoy praktike v svyazi s vstupleniyem v silu Tamozhennogo kodeksa Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of November 26, 2019 "On certain issues arising in judicial practice in connection with the entry into force of the Customs Code of the Eurasian Economic Union"]. <https://www.vsrfr.ru>
5. Denisov, D.V. (n.d.). *Yuridicheskiye kollizii: ponyatiye i prichiny vozniknoveniya* [Legal conflicts: concept and causes of occurrence]. *Yurist-Pravoved*. <https://cyberleninka.ru>
6. Federal Law No. 2202-I of January 17, 1992 (ed. February 3, 2025), On the Prosecutor's Office of the Russian Federation. (1992). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1995, No. 47, Art. 4472.
7. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (ed. August 8, 2024), On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation. (2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 31 (Part I), Art. 5007.
8. Government Decree of the Russian Federation No. 336 of March 10, 2022 (ed. December 24, 2024), On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control. (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 11, Art. 1715.
9. *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Procedure Code of the Russian Federation] No. 138-FZ of November 14, 2002 (ed. July 31, 2025). (2002). ConsultantPlus.
10. *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses] No. 195-FZ of December 30, 2001 (ed. July 31, 2025). (2002). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 1 (Part 1), Art. 1.
11. Morozov, D.G. (2011). *Zakon i podzakonnyy normativno-pravovoy akt: problemy sootnosheniya* [Law and by-law regulatory act: problems of correlation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*, No. 4(14), 29–35.
12. *Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.11.2019 № 2979-O* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2979-O of November 28, 2019]. (2019). <https://cloud.consultant.ru>
13. *Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 02.08.2019 № 307-ES19-12049 po delu № A56-154322/2018* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES19-12049 of August 2, 2019 in case No. A56-154322/2018]. (2019). <https://cloud.consultant.ru>
14. *Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 11.06.2021 № 305-ES21-8299* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-8299 of June 11, 2021]. (2021). <https://cloud.consultant.ru>
15. *Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 02.04.2024 № F03-978/2024 po delu № A59-3842/2023* [Decision of the Arbitration Court of the Far Eastern District of April 2, 2024 No. F03-978/2024 in case No.

- A59-3842/2023]. (2024). <https://cloud.consultant.ru>
16. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 01.03.2021 № F05-24524/2020 [Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of March 1, 2021 No. F05-24524/2020]. (2021). <https://cloud.consultant.ru>
17. Postanovleniye Deviyatogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 18.12.2024 № 16-3187/2024 [Decision of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction of December 18, 2024 No. 16-3187/2024]. (2024). <https://cloud.consultant.ru>
18. Postanovleniye Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 30.07.2020 № 13AP-15459/2020 po delu № A56-132831/2019 [Decision of the Thirteenth Arbitration Appellate Court of July 30, 2020 No. 13AP-15459/2020 in case No. A56-132831/2019]. (2020). <https://cloud.consultant.ru>
19. Postanovleniye Verkhovnogo Suda RF ot 03.07.2023 № 74-AD23-3-K9 [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 74-AD23-3-K9 of July 3, 2023]. (2023). <https://cloud.consultant.ru>
20. Radko, T.N. (2004). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Prospekt.
21. Resheniye Petropavlovsk-Kamchatskogo gorodskogo suda Kamchatskogo kraya ot 03.12.2024 po delu № 2a-6740/2024 [Decision of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Territory of December 3, 2024 in case No. 2a-6740/2024]. (2024). <https://cloud.consultant.ru>
22. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Labor Code of the Russian Federation] No. 197-FZ of December 30, 2001 (ed. July 31, 2025). (2002). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 1 (Part 1), Art. 3.
23. Zyryanov, S.M. (2020). *Gosudarstvennyy kontrol' (nadzor)* [State control (supervision)]. Kontakt.

УДК 342.8:321.021

DOI: 10.34670/AR.2026.70.94.015

Правовые основы взаимодействия между административным ресурсом и избирателями с учетом особенностей дистанционного электронного голосования

Мишуков Вадим Олегович

Преподаватель,
Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского,
119049, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр-кт, 1/2, корп. 1;
e-mail: 265036@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу методики взаимодействия государства и избирателя процесса голосования с использованием цифровых технологий в Российской Федерации и законодательного закрепления основ взаимодействия. Одним из основных принципов избирательного процесса является открытость и гласность избирательного процесса, что позволяет оценивать результаты выборов как легитимные. Поскольку процедура электронного голосования без применения дистанционных электронных технологий приближена к традиционному способу голосования, процедура дистанционного электронного голосования нуждается в полноценном законодательном закреплении процесса голосования и его программного обеспечения.

Для цитирования в научных исследованиях

Мишуков В.О. Правовые основы взаимодействия между административным ресурсом и избирателями с учетом особенностей дистанционного электронного голосования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 107-113. DOI: 10.34670/AR.2026.70.94.015

Ключевые слова

Избирательный процесс, избирательное право, цифровые технологии, электронное голосование, демократия, дистанционное электронное голосование.

Введение

Электронное голосование, интегрированное в процедуру волеизъявления граждан в Российской Федерации имеет в настоящее время в действующем законодательстве закреплено в двух формах – как с применением цифровых технологий на избирательных участках, так с применением дистанционных технологий, позволяющих избирателем направить свой голос с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

При этом, если в процедуре электронного голосования на избирательном участке, административный ресурс государства является непосредственно задействованным в процессе голосования при передаче голоса, его обработке и подведении итогов голосования, в которых явка избирателя является необходимой, в процедуре дистанционного электронного голосования взаимодействие избирателя с административным ресурсом является наименьшим и наиболее проявляется в случаях, необходимых для подтверждения личности избирателя

Основная часть

Процесс дистанционного электронного голосования представляет собой поэтапные действия избирателя, направленные на передачу голоса и действия избирательной комиссии, направленные на фиксацию и обработку результата волеизъявления избирателя, механизм приема, передачи и обработки голоса в соответствии с демократическим принципом, установленным пунктом 5 статьи 3 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», должен обеспечивать открытость и гласность [Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002].

Таким образом, поскольку процесс дистанционного электронного голосования включает, а скорее даже максимально исключает человеческий фактор, законодатель с целью реализации указанного принципа обязан определить процесс приема и передачи голосов, а также процесс приема и подсчета голосов максимально прозрачным и понятным.

При этом работа избирательной комиссии, осуществляющей обработку голосов на выборах должна обеспечить формирование максимального доверия к легитимности выборного процесса и подведения итогов голосования.

Для указанных целей первостепенной задачей законодателя является обеспечение адаптирования работы избирательной комиссии к процедуре дистанционного электронного голосования.

В связи с появлением новых процессов и обеспечивающих систем в целях реализации прав граждан на волеизъявление посредством сети «Интернет», члены избирательной комиссии должны обладать специальными знаниями, которые призваны реализовать и соблюсти все конституционные принципы, определенные статьей 3 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

В условиях рассмотрения процедуры дистанционного электронного голосования как альтернативного способа голосования необходимо расширить требования к членам избирательной комиссии, осуществляющей подсчет голосов, полученных в результате дистанционного электронного голосования.

В таком случае, рассматриваемые предположения представляется возможным закрепить на нормативно-правовом уровне в положениях, регулирующих состав и требования к

формированию избирательных комиссий, регламентируемых статьей 22 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан» [Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002].

Так, при отсутствии института обеспечения технического сопровождения дистанционного электронного голосования на избирательных участках, наличие специализированных навыков у членов избирательной комиссии, обрабатывающих результаты дистанционного электронного голосования являются необходимыми.

При утверждении дистанционного электронного голосования единственной формой голосования, наиболее целесообразным является учреждение специальной избирательной комиссии по работе с результатами дистанционного электронного голосования.

Для указанных целей предлагается внести с действующее законодательство, а именно – в понятийный аппарат, регламентируемый статьей 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан» определение, согласно которому: «Избирательная комиссия дистанционного электронного голосования – компетентный коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки установленные законом, организующей и обеспечивающий подготовку и проведения дистанционного голосования, определяемая в качестве нижестоящей только по отношению к комиссии организующей выборы» [Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002].

Таким образом, предполагается к учреждению уполномоченный специализированный кластер административного ресурса, обеспечивающий полноценную работу с итогами дистанционного электронного голосования в целях реализации и соблюдения конституционных прав и свобод граждан при голосовании.

Оценивая по совокупности работу избирательной комиссии, обрабатывающей результаты дистанционного электронного голосования, необходимо создать условия максимальной открытости и гласности [Конституция Российской Федерации, 1993/2014].

Так, пункт 1 статьи 68 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривает открытость и гласность действий избирательной комиссии в процессе подсчета голосов.

При таких обстоятельствах, в условиях использования инновационных технологий и сети «Интернет» представляется возможным осуществлять видеотрансляцию работы избирательной комиссии по подсчету голосов, полученных в результате дистанционного электронного голосования.

Вместе с тем, степень важности полноты и достоверности фиксации результатов волеизъявления избирателей обусловлена функциональностью института выборов, эффективность которого определяется в зависимости от существующих и создаваемых условий для изъяснения воли избирателей, используются соответствующие рабочие инструменты для фиксации результатов.

В связи с вышеизложенным, необходимо сделать вывод, что на государство возлагается обязанность по созданию эффективных, рабочих инструментов - системы, для осуществления волеизъявления сторон, а так же созданию правового поля, регулирующего устойчивую работу системы.

Указанные обязанности были закреплены в статье 21 Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, согласно которой: «выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных

форм, обеспечивающих свободу голосования» [Всеобщая декларация прав человека, 1948].

Исследуя процедуру голосования по открепительным удостоверениям и дистанционного электронного голосования, необходимым является вывод об их схожести.

Указанное обстоятельство подтверждается анализом процесса получения возможности голосования вне избирательного участка и последующего учета при подсчете голосов.

Таким образом, внесение положений в пункт 2 статьи 66 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» об учете избирателей, исключенных из списка избирателей на участке в связи с избранием способа дистанционного электронного голосования создает условия для дополнительной фиксации и проверки прозрачности итогов голосования.

При этом, связующим звеном между избирателем и избирательной комиссией, осуществляющей подсчет голосов является сам бюллетень, в условиях дистанционного электронного голосования – бюллетень в электронной форме.

Указанный бюллетень становится доступным для голосования избирателю после прохождения процедур идентификации и аутентификации [Дудочников, 2023].

В целях дальнейшей анонимизации процесса голосования, на указанном этапе предлагается рассмотреть использование «слепой подписи».

Указанная система раскрывается через использование специального протокола, согласно которому раздающемуся электронному бюллетеню присваивается уникальный идентификационный номер.

Используемому бюллетеню присваивается дополнительный множитель, который позволяет его замаскировать.

Получить информацию по голосованию возможно при наличии соответствующего ключа расшифрования [Капанова, Об общественном контроле..., 2023].

Таким образом, анонимизацию и защиту передаваемых данных возможно обеспечить с помощью применения специализированных шифровальных кодов, а также распределения ключей для расшифрования между членами комиссии, обеспечивающей фиксацию и подсчет голосов [Петрова, Сидорова, 2022; Шастина, Краев, 2024].

При таких обстоятельствах, при определении дистанционного электронного голосования как альтернативного способа волеизъявления граждан на выборах, действующее законодательство нуждается в регламентировании положений, с помощью которых будет соблюден принцип, предусмотренный статьей 7 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Таким образом, адаптация механизма работы избирательной системы для граждан в соответствии с современными условиями и возможностями реализации избирательных прав граждан обозначила новую, стремительно развивающуюся область избирательного процесса - дистанционное электронное голосование.

Расширение спектра механизмов осуществления гражданских прав обозначило необходимость адаптированного к новым условиям реформирования способа защиты реализуемых прав [Капанова, О принципах..., 2023].

Исследование нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок проведения дистанционного-электронного голосования позволяет определить вектор развития и увеличения количества правовых механизмов.

На основе проанализированных существующих тенденций сформулированы выводы относительно необходимости повсеместного законодательного закрепления процедуры электронного голосования с учетом реализованного опыта.

При этом, проведенное исследование позволяет выявить особенности реализации основных конституционных прав и свобод при проведении процедуры дистанционного-электронного голосования, заключающихся как в соблюдении основных принципов работы избирательной системы, так и в урегулировании практических вопросов, возникающих в ходе процедуры рассматриваемого способа голосования.

Заключение

На основании вышеизложенного выделяется необходимость урегулирования вопроса сохранения тайны голосования посредством применения специальной техники - “слепой электронной подписи”, представляющей собой криптографический алгоритм, работа которого в рамках системы электронного голосования связана с другими алгоритмами, обеспечивающими шифрование данных.

Двуступенчатая система предлагаемого шифрования обеспечивает возможность обезличивания и безопасности передаваемой информации.

Рассматривая необходимость обезличивания передаваемой от избирателя информации и исключение вероятности последующей идентификации под более широким углом, предполагается возможность присвоения гражданину идентификационного номера, известного, только ему.

Библиография

1. Всеобщая декларация прав человека (официальный текст). Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. (1948). Москва: Права человека, 1996.
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/.
2. Дудочников, А. И. (2023). Масштабирование дистанционного электронного голосования в России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/masshtabirovanie-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya-v-rossii>.
3. Капанова, Ю. В. (2023). О принципах дистанционного электронного голосования в России. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipah-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya-v-rossii>.
4. Капанова, Ю. В. (2023). Об общественном контроле за дистанционным электронным голосованием. *Юрист-Правоведь*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obschestvennom-kontrole-za-distantsionnym-elektronnym-golosovaniem>.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). (1993/2014). СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
6. Петрова, С. В., & Сидорова, А. В. (2022). Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации. Пути совершенствования электронной демократии. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-puti-sovershenstvovaniya-elektronnoy-demokratii/viewer>.
7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». (2002). *Собрание законодательства РФ*, ст. 2253.
8. Шастина, А. Р., & Краев, Е. Ю. (2024). Проблемы и перспективы дистанционного электронного голосования в Российской Федерации. *Право и государство: теория и практика*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-perspektivy-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>.

Legal Foundations of Interaction Between Administrative Resources and Voters Taking into Account the Specifics of Remote Electronic Voting

Vadim O. Mishukov

Lecturer,
Zhirinovsky University of World Civilizations,
119049, 1/2, building 1, Leninsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 265036@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the methodology of interaction between the state and the voter in the voting process using digital technologies in the Russian Federation and the legislative consolidation of the foundations of this interaction. One of the main principles of the electoral process is the openness and transparency of the electoral process, which allows the election results to be assessed as legitimate. Since the electronic voting procedure without the use of remote electronic technologies is close to the traditional method of voting, the remote electronic voting procedure needs full-fledged legislative consolidation of the voting process and its software.

For citation

Mishukov V.O. (2026) *Pravovyye osnovy vzaimodeystviya mezhdu administrativnym resursom i izbiratelyami s uchetom osobennostey distantsionnogo elektronnoy golosovaniya* [Legal Foundations of Interaction Between Administrative Resources and Voters Taking into Account the Specifics of Remote Electronic Voting]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 107-113. DOI: 10.34670/AR.2026.70.94.015

Keywords

Electoral process, electoral law, digital technologies, electronic voting, democracy, remote electronic voting.

References

1. Dudognikov, A. I. (2023). *Masshtabirovaniye distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii* [Scaling of remote electronic voting in Russia]. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/masshtabirovanie-distantsionnogo-elektronnoy-golosovaniya-v-rossii>
2. Federalnyy zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation"]. (2002). *Sobraniye zakonodatelstva RF*.
3. Kapranova, Yu. V. (2023). *O printsipakh distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii* [On the principles of remote electronic voting in Russia]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipakh-distantsionnogo-elektronnoy-golosovaniya-v-rossii>
4. Kapranova, Yu. V. (2023). *Ob obshchestvennom kontrole za distantsionnym elektronnyy golosovaniyem* [On public control over remote electronic voting]. *Yurist-Pravoved*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obshchestvennom-kontrole-za-distantsionnym-elektronnyy-golosovaniyem>
5. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 goda: (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonomi Rossiyskoy Federatsii o popravkakh k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ)* [The Constitution of

- the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014)]. (1993/2014). *SPS "Konsultant plyus"*. Retrieved from <http://www.consultant.ru/>
6. Petrova, S. V., & Sidorova, A. V. (2022). Sistema distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossiyskoy Federatsii. Puti sovershenstvovaniya elektronnoy demokratii [The system of remote electronic voting in the Russian Federation. Ways to improve electronic democracy]. *Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye. Uchenyye zapiski*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-distantsionnogo-elektronnoy-golosovaniya-v-rossiyskoy-federatsii-i-puti-sovershenstvovaniya-elektronnoy-demokratii/viewer>
7. Shastina, A. R., & Kraev, E. Yu. (2024). Problemy i perspektivy distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems and prospects of remote electronic voting in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-distantsionnogo-elektronnoy-golosovaniya-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>
8. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (ofitsialnyy tekst). Prinyata Generalnoy Assambleyey OON 10 dekabrya 1948 goda [Universal Declaration of Human Rights (official text). Adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948]. (1948). Moscow: Prava cheloveka, 1996. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

УДК 347.7:366.542

DOI: 10.34670/AR.2026.21.77.016

Агрегаторы информации о товарах и услугах: проблемы квалификации правовой природы и механизмы правового регулирования

Лепилин Артем Сергеевич

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, пр-кт Ленинградский, 80, корп. Г;
e-mail: artemonli@yandex.ru

Лепилин Сергей Валерьевич

Старший преподаватель,
Российский государственный геологоразведочный
университет им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: lepilinsv@mgri.ru

Аннотация

В статье проведен анализ понятия агрегатора информации о товарах и услугах, рассмотрены проблемы квалификации правового статуса агрегаторов информации, особенности их правовой природы, правового режима и правового регулирования в условиях цифровой трансформации общества, проанализирован понятийно-категориальный аппарат, используемый для их описания. В ходе исследования выявлены и рассмотрены проблемы существующей практики регулирования агрегаторов, в том числе проблемы ответственности за размещаемую на них информацию, включая вопросы защиты прав потребителей. Целью исследования является анализ юридических проблем, связанных с функционированием агрегаторов, выработка предложений по совершенствованию правового регулирования в этой сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Лепилин А.С., Лепилин С.В. Агрегаторы информации о товарах и услугах: проблемы квалификации правовой природы и механизмы правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 114-123. DOI: 10.34670/AR.2026.21.77.016

Ключевые слова

Агрегатор информации, товары и услуги, правовая природа, правовое регулирование, цифровая платформа, маркетплейс, защита прав потребителей.

Введение

В статье проведен анализ понятия агрегатора информации о товарах и услугах, рассмотрены проблемы квалификации правового статуса агрегаторов информации, особенности их правовой природы, правового режима и правового регулирования в условиях цифровой трансформации общества, проанализирован понятийно-категориальный аппарат, используемый для их описания. В ходе исследования выявлены и рассмотрены проблемы существующей практики регулирования агрегаторов, в том числе проблемы ответственности за размещаемую на них информацию, включая вопросы защиты прав потребителей.

Целью исследования является анализ юридических проблем, связанных с функционированием агрегаторов, выработка предложений по совершенствованию правового регулирования в этой сфере. Методологическая основа исследования включает методы системного правового анализа, сравнительно-правовой и другие методы, используемые для выявления наиболее эффективной модели регулирования деятельности агрегаторов информации.

Основная часть

Развитие информационных технологий, цифровая трансформация промышленности и торговли, рост цифровой грамотности и правовой культуры населения, приводят к появлению новых форматов купли-продажи товаров и услуг. Важнейшая особенность этих форматов заключается в том, что покупка и продажа здесь происходит в режиме онлайн, без необходимости физического присутствия сторон. Формируются соответствующие этим форматам формы платежей и логистические цепочки, возникают электронные (цифровые) посредники, обеспечивающие структурированный и оперативный доступ к определенным товарам и услугам. Онлайн-торговля приводит к расширению географических и временных границ коммерческих сделок. Все это в совокупности требует в свою очередь адаптации правовых механизмов регулирования данных процессов. Посредники в сфере онлайн торговли получили наименование **агрегаторов информации о товарах и услугах**. Выступая в виде онлайн-платформ, они предоставляют пользователям доступ к значительно большему чем раньше объему информации о товарах и услугах, их характеристиках, цене, производителях и т.д., позволяют покупателям видеть отзывы и советы других покупателей.

Агрегаторы информации о товарах и услугах в условиях бурного развития электронной коммерции становятся неотъемлемой частью инфраструктуры дистанционных отношений купли-продажи, выступают как ключевые посредники, обеспечивающие эффективное взаимодействие между участниками рынка, формируя структурированный и оперативный доступ к данным о товарах и услугах. Значение агрегаторов информации определяется не только тем, что они формируют инфраструктуру дистанционных отношений купли-продажи, важно и то, что они обеспечивают условия для сравнения потребительских качеств, цен товаров и услуг разных производителей, что повышает эффективность и интенсивность взаимодействия между участниками рынка. Они способствуют также созданию прозрачных и конкурентных условий на рынке товаров и услуг, позволяя потребителям принимать обоснованные решения.

В условиях цифровой экономики агрегаторы информации должны выступать не только в качестве инструментов для упрощения, ускорения и рационализации процесса выбора и покупки товаров и услуг, но и в качестве важных элементов правового регулирования

экономических отношений. Вместе с тем, в первые годы своего функционирования, они не были обременены должной ответственностью за свои действия. А люди в ходе своего потребительского выбора, как отмечается в литературе, склонны ориентироваться скорее на бренд, чем на конечного продавца и не учитывают возможную недобросовестность последнего. Это означает, что вопрос о необходимости специального правового регулирования в данной области является вполне обоснованным.

Определенную роль в регулировании деятельности агрегаторов потребительской информации играет Закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006/2024], другие нормативные акты. В частности, согласно данному закону, агрегаторы информации должны обеспечивать достоверность размещаемой информации и нести ответственность за недостоверную информацию.

После принятия по инициативе Правительства Российской Федерации необходимых поправок в закон "О защите прав потребителей" (в ред. Федерального закона от 01.05.2022 N 135-ФЗ) [Федеральный закон № 250-ФЗ, 2018], ситуация в отношении правовых основ регулирования деятельности агрегаторов информации несколько улучшилась. Тем не менее, как отмечают юристы, вопрос об ответственности агрегаторов перед потребителями в последние несколько лет приобрел определенную остроту, причем не только в Российской Федерации, но и во многих других государствах [Проблемы ответственности владельцев маркетплейсов..., 2025; Turillazzi, Taddeo, Floridi, Casolari, 2023; Leary, 2025]. Это означает, что совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу деятельности, не успевает развиваться в достаточном для соответствующего регулирования темпе, что приводит к отсутствию должного законодательного закрепления норм права, или же к закреплению недостаточно полному, создающему определенные пробелы и серые зоны.

Поэтому до сих пор является актуальным вопрос применения комплексного подхода к формированию единого правового режима для обеспечения стабильной и прозрачной работы цифровых платформ-агрегаторов, и своевременного реагирования на новые вызовы в условиях возрастания глобальной конкуренции. Вместе с тем, как отмечается в литературе, излишнее регулирование также может привести к негативным последствиям [Горшкова, 2005].

Рассматриваемая проблематика поднимается в работах целого ряда отечественных правоведов, чьи исследования освещают различные аспекты данной темы, например А.В. Калмыковой, А.В. Алтухова, С.Ю. Кашкина, И.М. Рассолова, С.В. Князевой, М.А. Рожковой и других [Алтухов, Кашкин, 2021; Сафаргалеев, 2021]. В настоящее время эти исследования продолжают как в области собственно правовой природы агрегаторов информации, так и относительно отдельных проблемных аспектов их регулирования. Изучаются, в частности, перспективы развития собственно законодательства в данной сфере.

Определение «агрегатор товаров и услуг» появилось в отечественном праве сравнительно недавно, что напрямую связано с новизной данного явления. При этом в преамбулу Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» [Федеральный закон РФ № 2300-1, 1992/2024] было внесено не определение агрегатора товаров и услуг как такового, а определение понятия «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)». Владелец агрегатора товаров и услуг, согласно Закону, выступает организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для ЭВМ или владельцами сайта или страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют

потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов [Федеральный закон РФ № 2300-1, 1992/2024].

Приведенное выше определение владельца агрегатора информации, только косвенно раскрывает понятие самого агрегатора, через уточнение основных признаков: нахождение агрегатора информации на сайтах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые позволяют познакомиться с предложением о купле-продаже товара или о возмездном оказании услуг, а также произвести оплату данного товара (услуги). Однако собственно понятие “агрегатора информации о товарах и услугах” по-прежнему законодательно не установлено, что порождает определенную правовую неопределенность и является предметом научных исследований и многочисленных обсуждений.

Однако легализованное в законе определение владельца агрегатора информации также вызывает споры в правовой доктрине. Акцентируется внимание на том, что понятие «владелец агрегатора» едва ли может отражать действительное владение, так как владение – это категория вещного права, но в отношении нематериальных объектов обладает значительной спецификой, поскольку в данном случае затруднительно описать корпусное владение.

Кроме того, следует отметить, что указанное определение является недостаточно исчерпывающим, оно охватывает далеко не все признаки и виды агрегаторов. В частности, существует целый пласт так называемых «агрегаторов-рынков», которые осуществляют переадресацию потенциального покупателя на сайт другого владельца, и не предоставляют прямой возможности совершить платеж и заключить договор [Педич, 2023], но никак не затронуты определением, введенным в Закон РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Такая усеченная правовая регламентация вызывает ряд вопросов, в том числе, до настоящего времени не ясно, может ли владелец такого агрегатора приравниваться к «владельцу агрегатора информации о товарах (услугах)», и каковы будут обязанности владельца такого агрегатора, и, соответственно, применим ли к нему правовой режим, установленный законом [Сафаргалеев, 2021; Ермолов, 2022; Шайдуллина, 2020].

Доктринальные подходы к определению «агрегатора информации о товарах и услугах» также не отличаются однообразием. При этом исследователи стремятся сформулировать понятие, включающее четкие признаки, присущие только агрегаторам информации о товарах и услугах, при этом затронув все их возможные формы. В связи с этим обсуждаются подходы к классификации агрегаторов как цифровых платформ, информационных посредников или торговых площадок [Кирпичев, 2018; Мишин, 2019].

Важным в этой связи представляется вопрос не только о понятии «агрегатора товаров и услуг», но и о понятии «маркетплейса», которое на текущий момент ложно отождествляется с понятиями «торговая площадка» или «агрегатор информации о товарах и услугах». Как справедливо указывает П.В. Шендрик, понятие «маркетплейс» и «агрегатор информации о товарах и услугах», обозначают цифровую платформу, представляющую информацию о каких-либо товарах или услугах конкретных продавцов, являющихся третьими лицами по отношению и к потенциальным покупателям, и к самой цифровой платформе, но по-разному осуществляющими взаимодействие с этими третьими сторонами [Шендрик, 2022].

Следует согласиться также с А.М. Елизаровым и Е.К. Липачёвым в утверждении о том, что под *цифровой платформой*, при данном подходе, следует понимать, совокупность технических и программных решений, обеспечивающих взаимодействие различных участников рынка: поставщиков, пользователей и партнеров. Цифровая платформа в такой интерпретации выступает не только как техническая инфраструктура, но и как организатор информационных процессов, что позволяет агрегаторам выполнять свои функции по сбору, упорядочению и предоставлению данных. В условиях современной электронной коммерции цифровая платформа становится ключевым инструментом интеграции различных сервисов и услуг [Елизаров, Липачёв, 2020].

Понятие «информационный посредник» используется в литературе для обозначения субъекта, который организует обработку, систематизацию и распространение информации. В данном контексте **агрегатор** сам выступает в роли посредника, обеспечивающего доступ к структурированной информации о товарах и услугах, но не влияющего на условия и результаты коммерческой сделки. Такая функция важна для защиты прав потребителей, так как распределение ответственности за достоверность информации остаётся предметом правового анализа, часто определяет основу правовой позиции при рассмотрении спора в суде. Правовая природа агрегаторов информации о товарах и услугах подробно проанализирована в [Хабибуллин, 2024].

Не менее важны и сопутствующие понятия, такие как понятие «пользователь агрегатора информации о товарах и услугах», под которым подразумевается субъект, который обращается к агрегатору для получения информации, сравнения предложений и принятия решения о покупке. А также понятие «поставщик информации», под которым понимается субъект, который предоставляет данные о товарах или услугах, которые агрегатор собирает и структурирует. В свою очередь объектом деятельности агрегаторов информации служат товары и услуги, которые могут различаться в зависимости от сферы деятельности агрегатора информации.

В свою очередь, объектом деятельности агрегаторов информации служат «товары» и «услуги», которые могут различаться в зависимости от сферы деятельности агрегатора информации. Эти понятия, очевидно, также необходимо ввести в категориальный аппарат законодательной новеллы об агрегаторах информации с целью уточнить область значения агрегаторов информации.

Важно также отметить, что с лексической точки зрения само понятие «агрегатор» подразумевает соединение некоторых частей в какой-то целый объект, что весьма условно описывает сферу деятельности агрегаторов, и существенно отличается от зарубежной практики, где чаще всего применяется терминологический оборот – «intermediary service/platform» (посредническая служба/платформа). Такой термин используется еще в Директиве 2000/31 ЕС [Wendehorst, 2016], и продолжает применяться и по сей день, там же – вместо сомнительного лексически, и достаточно спорного юридически термина – «агрегатор», используется термин «provider». В американском же праве используются аналогичные «сервис-провайдеры» (service provider), «провайдеры интерактивного компьютерного сервиса» (provider of interactive computer service), «провайдеры информационного контента» (information content provider), а само понятие «сервис-провайдера» охватывает провайдеров доступа к сети Интернет, электронной почте, чатам и хостингам веб-страниц, а также сайты, размещающие предложения о продаже товаров, и сайты с торрент-файлами [там же].

Важно отметить, что термин «провайдер», который длительное время используется и в

русском языке, в большей мере соответствует специфике складывающихся отношений, хотя в отечественном праве он закрепился в другой форме. В Федеральном законе N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" закреплено уже существующее понятие – «провайдер хостинга». Провайдер хостинга – это лицо, осуществляющее деятельность по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети "Интернет". Но представляется возможным использовать синонимичный термин и для агрегатора информации о товарах и услугах – *«информационный провайдер»*.

В ходе анализа понятия агрегатора информации, следует уточнить также смысл и значение собственно понятия «информация». Опираясь в данном случае следует прежде всего на формулировку, которая имеется в законе «N 149-ФЗ, но также надо учитывать и критику данной в указанном законе дефиниции. Это позволит уточнить вопрос о том, как понятие информации работает в законе об агрегаторах информации.

Еще один аспект исследуемой проблемы состоит в том, что в Законе № 2300-1 «О защите прав потребителей» оказалось не учтенным то обстоятельство, что вместе с ростом популярности агрегаторов, меняется модель их работы, они становятся более многофункциональными. Если раньше агрегатор редко сам занимался продажей товаров и предоставлением услуг, то со временем он превратился, как правило, в раскрученную торговую площадку, предлагающую продукты или товары от большого числа поставщиков и нередко обозначаемую термином «маркетплейс». Поэтому вопрос специального регулирования в данной сфере остается актуальным.

Значимыми для понимания сущности понятия «агрегатора информации» представляются также положения действующей редакции Статьи 16. Закона «О защите прав потребителей» («Недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителя, о запретах и обязанностях, налагаемых на продавца (исполнителя, владельца агрегатора)»). Категория «Недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителя» (ст. 16, п. 1) позволяет вычленив среди условий договора те, которые ущемляют зафиксированные в законодательстве права потребителя и потребовать исключения из договора таких условий. Если включение в договор условий, ущемляющих права потребителя, повлекло причинение убытков потребителю, они подлежат возмещению продавцом (изготовителем, исполнителем, импортером, владельцем агрегатора) в полном объеме в соответствии со статьей 13 настоящего Закона. Как указывается в Законе, требование потребителя о возмещении убытков подлежит безусловному удовлетворению в течение десяти дней со дня его предъявления. Вместе с тем, агрегатор не отвечает за недостоверность информации о товаре (услуге), если она была без изменений передана от продавца или исполнителя.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность владельцев агрегаторов весьма ограничена и в соответствии с ФЗ № 2300-1 возможна лишь в двух случаях: за непредоставление достоверной и полной информации о товаре, себе и продавце (исполнителе), либо несвоевременное внесение изменений в нее (ст. 12 Закона); за включение в договор недопустимых условий, ущемляющих права потребителя (ст. 16). Представляется, что это не соответствует фактически сложившимся правоотношениям на рынке электронной торговли. Так, исходя из определения владельца агрегатора, приведенного в преамбуле ФЗ № 2300-1, можно сделать вывод, что это не просто информационный посредник между продавцом (исполнителем) и потребителем, но это лицо, которое при помощи предоставленных электронных ресурсов содействует заключению сделки (договора) и осуществляет безналичный

расчет между участниками. Для того чтобы данный информационный ресурс работал, владельцу агрегатора необходимо не только создать удобный и доступный для потребителя электронный ресурс, но и привлечь продавцов (исполнителей), которые по договору с владельцем агрегатора обязаны оплатить оказанные услуги. По сути, он является организатором электронного торгового процесса.

Бесспорно, функции, которые выполняют владельцы агрегаторов, необходимы, полезны и востребованы рынком. Однако невозможно не замечать и то, что они не беспристрастные наблюдатели и информаторы, а коммерчески заинтересованные участники электронной торговли. Их успешность на рынке определяется получением прибыли и осуществлением как можно большего числа сделок (договоров). Представляется, что на сегодняшний день в законодательстве существует определенный дисбаланс. При совершении конкретной сделки посредством электронных ресурсов потребителю (слабая сторона) противостоят как минимум два профессионально подготовленных участника (сильная сторона), и ограниченная ответственность владельца агрегатора не соответствует его реальной роли в процессе электронной торговли и законодательно она должна быть усилена. Зачастую от требований владельца агрегатора, предъявляемой к продавцам, зависит соблюдение прав потребителей.

Выводы

Правоотношения, сложившиеся на рынке электронной торговли, требуют более детального правового регулирования. Сегодня накоплен достаточный практический и правоприменительный опыт, как в Российской Федерации, так и за рубежом, имеется много интересных научных разработок, которые позволяют сформировать законодательство, способствующее устранению многочисленных нарушений в этой сфере. Для продуктивного развития правоотношений в сфере электронной торговли необходимы более значимые правовые гарантии для потребителя, как для слабой стороны, а также упорядочение и более полная и проработанная регламентация влияния на ценообразование продавцов (исполнителей), агрегаторов информации и их владельцев, в данный момент самостоятельно принимающих решения в области ценообразования на размещенные товары.

Библиография

1. Алтухов, А. В., & Кашкин, С. Ю. (2021). Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине. *Актуальные проблемы российского права*, (7(128)). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-tsifrovyyh-platform-v-rossiyskoy-i-zarubezhnoy-doktrine> .
2. Горшкова, Л. В. (2005). *Правовые проблемы регулирования частноправовых отношений международного характера в сети Интернет* (Автореферат кандидатской диссертации). Москва.
3. Елизаров, А. М., & Липачёв, Е. К. (2020). Цифровые платформы и цифровые научные библиотеки. *International Journal of Open Information Technologies*, (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-i-tsifrovye-nauchnye-biblioteki> .
4. Ермолов, В. В. (2022). Правовой статус товарного агрегатора по законодательству Российской Федерации. *Молодой ученый*, (46(441)), 234-236. URL: <https://moluch.ru/archive/441/96396/> .
5. Кирпичев, А. Е. (2018). Агрегаторы товаров и услуг как новые субъекты коммерческого права. *Актуальные проблемы российского права*, (2(87)). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agregatory-tovarov-i-uslug-kak-novye-subekty-kommercheskogo-prava> .
6. Мишин, А. А. (2019). Актуальные вопросы правового статуса информационного посредника. *E-Scio*, (12(39)). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-statusa-informatsionnogo-posrednika-1> .
7. Педич, Р. С. (2023). Агрегатор информации о товарах (услугах): закон и практика. В *Материалы II Международного молодежного юридического форума* (с. 269-274). Тюмень: ТюмГУ-Press. URL: <https://elibrary.ru/jspui/handle/ru-tsu34881>

8. Проблемы ответственности владельцев маркетплейсов за нарушения интеллектуальных прав третьих лиц, совершенные продавцами товаров на маркетплейсах. (2025) *Общероссийская общественно-государственная организация «Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности»*. URL: https://xn--h1ape.xn--p1ai/storage/uploads/2025/01/31/--_uid_679c8e9837edc.pdf.
9. Сафаргалеев, Л. И. (2021). Агрегаторы информации о товарах и услугах: вопросы правового регулирования. В М. А. Рожкова (Ред.), **Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология** (с. 259-291). Москва: Статут.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). (2006/2024). *Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru..*
11. Федеральный закон от 29.07.2018 N 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей». (2018). *Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.*
12. Федеральный закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей». (1992/2024). *Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru..*
13. Хабибуллин, А. Р. (2024). Основные научные подходы к пониманию категории «правовая природа». *Евразийская адвокатура*, (2(67)). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-nauchnye-podhody-k-ponimaniyu-kategorii-pravovaya-priroda>.
14. Шайдуллина, В. К. (2020). Правовое регулирование функционирования товарных агрегаторов в сети «Интернет». *Право и политика*, (8), 58-66. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33341.
15. Шендрик, П. В. (2022). Теоретические особенности функционирования маркетплейсов. *Международный научно-исследовательский журнал*, (10(124)). URL: <https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.36>

Information Aggregators of Goods and Services: Problems of Qualifying the Legal Nature and Mechanisms of Legal Regulation

Artem S. Lepilin

Postgraduate Student,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, Building G, 80, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: artemonli@yandex.ru

Sergei V. Lepilin

Senior Lecturer,
Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting,
117997, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lepilinsv@mgri.ru

Abstract

The article analyzes the concept of an information aggregator of goods and services, examines the problems of qualifying the legal status of information aggregators, the features of their legal nature, legal regime, and legal regulation in the context of the digital transformation of society, and analyzes the conceptual and categorical apparatus used to describe them. The study identifies and examines the problems of the existing practice of regulating aggregators, including issues of responsibility for the information posted on them, including matters of consumer protection. The purpose of the study is to analyze the legal problems associated with the functioning of aggregators and to develop proposals for improving legal regulation in this area.

For citation

Lepilin A.S., Lepilin S.V. (2026) Agregatory informatsii o tovarakh i uslugakh: problemy kvalifikatsii pravovoy prirody i mekhanizmy pravovogo regulirovaniya [Information Aggregators of Goods and Services: Problems of Qualifying the Legal Nature and Mechanisms of Legal Regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 114-123. DOI: 10.34670/AR.2026.21.77.016

Keywords

Information aggregator, goods and services, legal nature, legal regulation, digital platform, marketplace, consumer protection.

References

- Altukhov, A. V., & Kashkin, S. Yu. (2021). Pravovaya priroda tsifrovyykh platform v rossiyskoy i zarubezhnoy doktrine [Legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, (7(128)). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-tsifrovyyh-platform-v-rossiyskoy-i-zarubezhnoy-doktrine>
- Ermolov, V. V. (2022). Pravovoy status tovarnogo agregatora po zakonodatelstvu Ros siyskoy Federatsii [Legal status of a product aggregator under the legislation of the Russian Federation]. *Molodoy uchenyy*, (46(441)), 234-236. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/441/96396/>
- Federalnyy zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ (red. ot 23.11.2024) "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2025) [Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on November 23, 2024) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (with amendments and additions, effective from January 1, 2025)]. (2006/2024). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii pravo.gov.ru*.
- Federalnyy zakon ot 29.07.2018 N 250-FZ "O vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii 'O zashchite prav potrebitel'ey'" [Federal Law No. 250-FZ of July 29, 2018 "On Amendments to the Law of the Russian Federation 'On Protection of Consumer Rights'"]. (2018). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii pravo.gov.ru*.
- Federalnyy zakon RF ot 07.02.1992 N 2300-1 (red. ot 08.08.2024) "O zashchite prav potrebitel'ey" [Law of the Russian Federation No. 2300-1 of February 7, 1992 (as amended on August 8, 2024) "On Protection of Consumer Rights"']. (1992/2024). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii pravo.gov.ru*.
- Gorshkova, L. V. (2005). *Pravovyye problemy regulirovaniya chastnopravovykh otnosheniy mezhdunarodnogo kharaktera v seti Internet* [Legal problems of regulating private law relations of an international nature on the Internet] (PhD Thesis Abstract). Moscow.
- Khabibullin, A. R. (2024). Osnovnyye nauchnyye podkhody k ponimaniyu kategorii "pravovaya priroda" [Main scientific approaches to understanding the category "legal nature"']. *Evrasiyskaya advokatura*, (2(67)). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-nauchnyye-podhody-k-ponimaniyu-kategorii-pravovaya-priroda>
- Kirpichev, A. E. (2018). Agregatory tovarov i uslug kak novyye subyekty kommercheskogo prava [Aggregators of goods and services as new subjects of commercial law]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, (2(87)). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/agregatory-tovarov-i-uslug-kak-novye-subekty-kommercheskogo-prava>
- Leary, M. G. (2025) The Failed Experiment of Section 230 of the Communications Decency Act: How it Facilitates Exploitation and How it Must Be Reformed. *Villanova Law Review*, 70(1), 49. Retrieved from <https://digitalcommons.law.villanova.edu/vlr/vol70/iss1/2>
- Mishin, A. A. (2019). Aktualnyye voprosy pravovogo statusa informatsionnogo posrednika [Current issues of the legal status of an information intermediary]. *E-Scio*, (12(39)). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-statusa-informatsionnogo-posrednika-1>
- Pedich, R. S. (2023). Agregator informatsii o tovarakh (uslugakh): zakon i praktika [Aggregator of information about goods (services): law and practice]. In *Materialy II Mezhdunarodnogo molodezhnogo yuridicheskogo foruma* (pp. 269-274). Tyumen: TyumGU-Press. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=54881>
- Problemy otvetstvennosti vladeltsev marketpleysov za narusheniya intellektual'nykh prav tret'ikh lits, sovershennykh prodavtsami tovarov na marketpleysakh [Problems of responsibility of marketplace owners for violations of intellectual rights of third parties committed by sellers of goods on marketplaces]. (2025) *Obshcherossiyskaya obshchestvenno-gosudarstvennaya organizatsiya "Rossiyskiy tsentr oborota prav na rezul'taty tvorcheskoy deyatel'nosti"*. Retrieved from https://xn--h1apes.xn--p1ai/storage/uploads/2025/01/31/--_uid_679c8e9837edc.pdf
- Safargaleev, L. I. (2021). Agregatory informatsii o tovarakh i uslugakh: voprosy pravovogo regulirovaniya [Aggregators of information about goods and services: issues of legal regulation]. In M. A. Rozhkova (Ed.), **Pravo tsifrovoy*

-
- ekonomiki – 2021 (17): Yezhegodnik-antologiya* (pp. 259-291). Moscow: Statut.
14. Shaydullina, V. K. (2020). Pravovoye regulirovaniye funktsionirovaniya tovarnykh agregatorov v seti "Internet" [Legal regulation of the functioning of product aggregators on the Internet]. *Pravo i politika*, (8), 58-66. Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33341
15. Shendrik, P. V. (2022). Teoreticheskiye osobennosti funktsionirovaniya marketpleysov [Theoretical features of the functioning of marketplaces]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, (10(124)). Retrieved from <https://research-journal.org/archive/10-124-2022-october/10.23670/IRJ.2022.124.36>
16. Turillazzi, A., Taddeo, M., Floridi, L., & Casolari, F. (2023). The digital services act: an analysis of its ethical, legal, and social implications. *Law, Innovation and Technology*, 15(1), 83-106. DOI: 10.1080/17579961.2023.2184136
17. Wendehorst, C. (2016). Platform Intermediary Services and Duties under the E-Commerce Directive and the Consumer Rights Directive. *Journal of European Consumer and Market Law*, 5(1), 30-33. Retrieved from <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Journal+of+European+Consumer+and+Market+Law/5.1/Eu+CML2016007>
18. Yelizarov, A. M., & Lipachyov, E. K. (2020). Tsifrovyye platformy i tsifrovyye nauchnyye biblioteki [Digital platforms and digital scientific libraries]. *International Journal of Open Information Technologies*, (11). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-platformy-i-tsifrovyye-nauchnyye-biblioteki>

УДК 343.37:338.22

DOI: 10.34670/AR.2026.95.87.017

Незаконная предпринимательская деятельность как угроза экономической безопасности государства

Базазян Розалия Меружановна

Магистрант,
Институт магистратуры,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69;
e-mail: rozaliabazazyan@yandex.ru

Григорянц Сергей Анушаванович

Кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69;
e-mail: grigorynzs@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается незаконная предпринимательская деятельность как одна из значимых угроз экономической безопасности государства в современных социально-экономических условиях. Актуальность исследования обусловлена ростом теневых форм хозяйственной деятельности, усложнением экономических связей и необходимостью обеспечения устойчивости национальной экономики. Авторы анализируют теоретико-правовые подходы к понятию и признакам незаконной предпринимательской деятельности, раскрывают её место в системе преступлений экономической направленности, а также характеризуют негативные последствия для финансовой стабильности государства, конкурентной среды и социальной сферы. Особое внимание уделяется уголовно-правовым и процессуальным механизмам противодействия незаконному предпринимательству, предусмотренным законодательством Российской Федерации. В рамках исследования подробно рассматривается правоприменительная практика Ростовской области, позволяющая выявить наиболее распространённые схемы незаконной предпринимательской деятельности в сферах торговли, оказания услуг и оборота материальных ресурсов. На основе анализа судебных решений и материалов следственных органов делается вывод о системном характере угроз, исходящих от незаконного предпринимательства, и необходимости комплексного подхода к их нейтрализации. В заключении сформулированы предложения, направленные на совершенствование правового регулирования и повышение эффективности профилактики преступлений в сфере экономической деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Базазян Р.М., Григорянц С.А. Незаконная предпринимательская деятельность как угроза экономической безопасности государства // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 124-130. DOI: 10.34670/AR.2026.95.87.017

Ключевые слова

Незаконная предпринимательская деятельность, экономическая безопасность, уголовное право, правоприменительная практика, Ростовская область, теневая экономика.

Введение

Экономическая безопасность государства является одной из ключевых составляющих национальной безопасности и представляет собой состояние защищённости экономической системы от внутренних и внешних угроз [Абалкин, 2021, с. 34]. В условиях рыночной экономики особую опасность для экономической стабильности представляет незаконная предпринимательская деятельность, которая, несмотря на формальное сходство с легальной хозяйственной активностью, осуществляется с нарушением установленных государством правил и требований [Гриднев, 2022, с. 51].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что незаконное предпринимательство не ограничивается отдельными эпизодами правонарушений, а формирует устойчивые противоправные экономические практики, способные оказывать системное негативное воздействие на финансовую, социальную и правовую сферы [Иванов, 2023, с. 89]. Особое значение проблема приобретает на региональном уровне, в том числе в Ростовской области, характеризующейся высокой предпринимательской активностью и развитой инфраструктурой [Материалы судебной практики Ростовского областного суда..., 2023-2024].

Научная значимость исследования заключается в комплексном анализе незаконной предпринимательской деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности государства с учётом уголовно-правовых и процессуальных аспектов [Петров, 2021, с. 77]. Существенное значение имеет региональный анализ правоприменительной практики Ростовской области, позволяющий выявить типовые схемы незаконного предпринимательства и оценить эффективность действующих механизмов противодействия.

Проблематика экономической безопасности и незаконного предпринимательства получила развитие в трудах Л. И. Абалкина, А. В. Гриднева, И. И. Иванова, П. П. Петрова и других авторов [Абалкин, 2021; Гриднев, 2022; Сидоров, 2020; Кузнецов, 2024]. Вместе с тем большинство исследований носит общий характер и недостаточно учитывает региональные особенности правоприменения, что обуславливает необходимость дальнейшего научного осмысления данной проблематики.

Целью исследования является анализ незаконной предпринимательской деятельности как угрозы экономической безопасности государства и оценка эффективности правовых механизмов противодействия данной форме экономической преступности. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: – раскрыть правовую природу и признаки незаконной предпринимательской деятельности; – определить её место в системе преступлений экономической направленности; – проанализировать влияние незаконного предпринимательства на экономическую безопасность государства; – исследовать уголовно-правовые и процессуальные механизмы противодействия; – проанализировать правоприменительную практику Ростовской области; – сформулировать выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, анализ и синтез, индукция и дедукция, а также формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы [Смирнова, 2022, с. 118]. Применение указанных методов позволило комплексно рассмотреть незаконную предпринимательскую деятельность как социально-правовое явление, затрагивающее различные элементы экономической безопасности.

Эмпирическую базу исследования образуют материалы судебной практики Ростовского областного суда, а также данные правоохранительных органов Ростовской области за 2023–2024 гг. [Материалы судебной практики Ростовского областного суда..., 2023-2024]. Нормативную основу исследования составляют положения Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, 2001].

Результаты и обсуждение

Незаконная предпринимательская деятельность представляет собой систематическое осуществление хозяйственной деятельности, направленной на извлечение прибыли, с нарушением требований законодательства о государственной регистрации, лицензировании и налоговом учёте [Кузнецов, 2024, с. 64]. Уголовно-правовая оценка данного деяния закреплена в статье 171 Уголовного кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996]. Отграничение административной и уголовной ответственности осуществляется исходя из размера причинённого ущерба либо извлечённого дохода, что подчёркивает повышенную общественную опасность наиболее масштабных форм незаконного предпринимательства [Сидоров, 2020, с. 142]. В этой связи незаконная предпринимательская деятельность справедливо рассматривается как одна из форм экономической преступности, способная причинить существенный вред экономическим интересам государства [Петров, 2021, с. 93].

Незаконное предпринимательство оказывает комплексное негативное воздействие на экономическую безопасность государства. В первую очередь оно приводит к сокращению налоговых поступлений, что ограничивает возможности государства по финансированию социально значимых программ [Гриднев, 2022, с. 118]. Кроме того, незаконные субъекты получают необоснованные конкурентные преимущества, нарушая принципы добросовестной конкуренции [Иванов, 2023, с. 97].

Социальные последствия незаконного предпринимательства выражаются в нарушении трудовых прав работников, снижении уровня защиты потребителей и росте социальной напряжённости [Смирнова, 2022, с. 125]. В совокупности данные факторы свидетельствуют о системном характере угроз, исходящих от незаконной предпринимательской деятельности.

Особого внимания в контексте противодействия незаконной предпринимательской деятельности заслуживают процессуальные аспекты выявления, расследования и доказывания данной категории преступлений. Как справедливо отмечается в научной литературе, сложность расследования незаконного предпринимательства обусловлена высокой латентностью экономических преступлений, использованием формально законных хозяйственных механизмов и многоступенчатыми финансовыми схемами [Сидоров, 2020, с. 143; Смирнова, 2022, с.

121].

На практике органы предварительного расследования сталкиваются с трудностями доказывания систематичности предпринимательской деятельности, направленности действий на извлечение прибыли, а также факта причинения крупного ущерба либо извлечения дохода в крупном размере [Кузнецов, 2024, с. 102]. Данные обстоятельства требуют проведения значительного объёма финансово-экономических экспертиз, анализа банковских операций, договорной документации и бухгалтерской отчётности, что существенно увеличивает сроки расследования уголовных дел [Гриднев, 2022, с. 119].

Дополнительные сложности вызывает разграничение состава преступления, предусмотренного статьёй 171 Уголовного кодекса Российской Федерации, и смежных составов административных правонарушений, а также налоговых преступлений [Петров, 2021, с. 95]. Ошибки на стадии квалификации нередко приводят к отмене судебных решений либо возвращению уголовных дел прокурору для устранения нарушений, что негативно отражается на эффективности противодействия незаконному предпринимательству в целом [Иванов, 2023, с. 98].

В условиях цифровизации экономики незаконная предпринимательская деятельность всё чаще осуществляется с использованием электронных платёжных средств, интернет-платформ и социальных сетей, что требует адаптации процессуальных механизмов доказывания к новым формам экономической активности [Абалкин, 2021, с. 41]. Указанные тенденции актуализируют необходимость совершенствования межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, налоговыми службами и кредитными организациями, а также повышения уровня специальной подготовки должностных лиц, осуществляющих расследование экономических преступлений [Смирнова, 2022, с. 127].

Таким образом, процессуальные проблемы расследования незаконной предпринимательской деятельности являются самостоятельным фактором, влияющим на уровень экономической безопасности государства, поскольку недостаточная эффективность правоприменения объективно снижает превентивный потенциал уголовного закона [Сидоров, 2020, с. 145].

Обсуждение (анализ практики Ростовской области)

Анализ практики правоохранительных и судебных органов Ростовской области позволяет наглядно продемонстрировать масштабы и формы незаконного предпринимательства [Материалы судебной практики Ростовского областного суда..., 2023-2024]. В ряде уголовных дел, рассмотренных

в 2023–2024 гг., установлены факты ведения торговой и сервисной деятельности без регистрации юридического лица с использованием номинальных банковских счетов и фиктивных договоров.

Так, в одном из дел Ростовского областного суда установлено, что фактический руководитель бизнеса осуществлял торговлю строительными материалами через сеть подконтрольных индивидуальных предпринимателей, что позволяло систематически уклоняться от налогового контроля [Материалы судебной практики Ростовского областного суда..., 2023-2024]. Суд признал данные действия незаконной предпринимательской деятельностью, указав на их устойчивый характер и значительный ущерб бюджету.

Другие дела связаны с незаконным оказанием услуг в сфере пассажирских перевозок и

индустрии красоты без обязательного лицензирования, что создавало угрозу не только экономическим интересам государства, но и безопасности граждан [Кузнецов, 2024, с. 158].

Заключение

В результате проведённого исследования установлено, что незаконная предпринимательская деятельность в современных условиях носит устойчивый и системный характер.

Анализ практики Ростовской области показал, что наиболее распространёнными являются схемы, связанные с фиктивным предпринимательством, уклонением от лицензирования и налогового контроля. Сделан вывод о том, что эффективное противодействие незаконному предпринимательству возможно лишь при комплексном подходе, включающем совершенствование уголовно-правовых и процессуальных механизмов, развитие межведомственного взаимодействия и усиление профилактической работы [Петров, 2021, с. 176]. Реализация указанных мер будет способствовать укреплению экономической безопасности государства как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Библиография

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России // Вопросы экономики. 2021. № 4. С. 32-46.
2. Гріднев А.В. Экономическая преступность и безопасность государства // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 48-61.
3. Иванов И.И. Теневая экономика как угроза национальной безопасности // Государство и право. 2023. № 9. С. 87-101.
4. Кузнецов В.Н. Преступления в сфере экономической деятельности // Закон и право. 2024. № 2. С. 59-166.
5. Материалы судебной практики Ростовского областного суда по делам о незаконной предпринимательской деятельности за 2023-2024 гг. // Архив Ростовского областного суда.
6. Петров П.П. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2021. № 5. С. 72-98.
7. Сидоров С.А. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства // Российский судья. 2020. № 10. С. 138-145.
8. Смирнова Е.Л. Методология исследования экономической преступности // Юридическая наука. 2022. № 3. С. 115-129.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Illegal Entrepreneurial Activity as a Threat to the Economic Security of the State

Rozaliya M. Bazazyan

Master's Student,
Institute of Master's Studies,
Rostov State University of Economics (RINH),
344002, 69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: rozaliabazazyan@yandex.ru

Bazazyan R.M., Grigoryants S.A.

Sergei A. Grigoryants

PhD in Law, Associate Professor,
Rostov State University of Economics (RINH),
344002, 69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: grigorynz@mail.ru

Abstract

The article examines illegal entrepreneurial activity as one of the significant threats to the economic security of the state in modern socio-economic conditions. The relevance of the study is due to the growth of shadow forms of economic activity, the increasing complexity of economic ties, and the need to ensure the stability of the national economy. The authors analyze the theoretical and legal approaches to the concept and characteristics of illegal entrepreneurial activity, reveal its place in the system of economic crimes, and characterize the negative consequences for the financial stability of the state, the competitive environment, and the social sphere. Special attention is paid to the criminal law and procedural mechanisms for countering illegal entrepreneurship provided for by the legislation of the Russian Federation. Within the framework of the study, the law enforcement practice of the Rostov region is examined in detail, allowing for the identification of the most common schemes of illegal entrepreneurial activity in the areas of trade, service provision, and the circulation of material resources. Based on the analysis of court decisions and materials from investigative bodies, a conclusion is drawn about the systemic nature of the threats emanating from illegal entrepreneurship and the need for an integrated approach to their neutralization. In conclusion, proposals are formulated aimed at improving legal regulation and increasing the effectiveness of crime prevention in the sphere of economic activity.

For citation

Bazazyan R.M., Grigoryants S.A. (2026) *Nezakonnaya predprinimatel'skaya deyatel'nost' kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva* [Illegal Entrepreneurial Activity as a Threat to the Economic Security of the State]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 124-130. DOI: 10.34670/AR.2026.95.87.017

Keywords

Illegal entrepreneurial activity, economic security, criminal law, law enforcement practice, Rostov region, shadow economy.

References

1. Abalkin, L.I. (2021). *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii* [Economic security of Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 32-46.
2. Gridnev, A.V. (2022). *Ekonomicheskaya prestupnost i bezopasnost gosudarstva* [Economic crime and state security]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 6, 48-61.
3. Ivanov, I.I. (2023). *Tenevaya ekonomika kak ugroza natsionalnoy bezopasnosti* [Shadow economy as a threat to national security]. *Gosudarstvo i pravo*, 9, 87-101.
4. Kuznetsov, V.N. (2024). *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Crimes in the sphere of economic activity]. *Zakon i pravo*, 2, 59-166.
5. *Materialy sudebnoy praktiki Rostovskogo oblastnogo suda po delam o nezakonnay predprinimatelskoy deyatel'nosti za 2023-2024 gg.* [Materials of judicial practice of the Rostov Regional Court on cases of illegal entrepreneurial activity for 2023-2024]. (n.d.). Archive of the Rostov Regional Court.
6. Petrov, P.P. (2021). *Nezakonnaye predprinimatelstvo: ugovovno-pravovyye aspekty* [Illegal entrepreneurship: criminal

- law aspects]. *Ugolovnoye pravo*, 5, 72-98.
7. Sidorov, S.A. (2020). Problemy kvalifikatsii nezakonnogo predprinimatelstva [Problems of qualification of illegal entrepreneurship]. *Rossiyskiy sudya*, 10, 138-145.
 8. Smirnova, E.L. (2022). Metodologiya issledovaniya ekonomicheskoy prestupnosti [Methodology of research on economic crime]. *Yuridicheskaya nauka*, 3, 115-129.
 9. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Criminal Procedure Code of the Russian Federation] No. 174-FZ of December 18, 2001. (2001). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 52 (Part I), Art. 4921.
 10. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Criminal Code of the Russian Federation] No. 63-FZ of June 13, 1996. (1996). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 25, Art. 2954.

УДК 342.565.2

DOI: 10.34670/AR.2026.31.66.018

**Порядок обращения в Конституционный Суд Азербайджанской
Республики: конституционная жалоба и иные формы
инициирования конституционного контроля**

Юсифова Эльвира Рауф кызы

Докторант,
Бакинский государственный университет,
AZ1148, Азербайджанская Республика,
Баку, ул. Академика Захида Халилова, 23,
e-mail: yusifovaelvira@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается порядок обращения в Конституционный Суд Азербайджанской Республики как ключевой элемент механизма конституционной защиты прав человека. Показано, что конституционная жалоба (индивидуальное обращение) в модели азербайджанского конституционного правосудия выполняет двойную функцию: (1) обеспечивает восстановление нарушенных прав заявителя и (2) поддерживает верховенство Конституции через устранение дефектов нормативного регулирования и формирование обязательных стандартов правоприменения. На основе Конституции Азербайджанской Республики (ст. 130) и Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» раскрыты субъекты обращения, предмет жалобы, условия приемлемости, документальные требования, этапы предварительного рассмотрения и рассмотрения в Пленуме, а также юридическая сила и последствия решений. Отдельно обозначены стандарты эффективности национальных средств правовой защиты, соотносимые с подходами Совета Европы (право на эффективное средство правовой защиты), и практико-ориентированные выводы о том, какие процессуальные элементы повышают доступность конституционной защиты в условиях цифровизации правосудия.

Для цитирования в научных исследованиях

Юсифова Э.Р. Порядок обращения в Конституционный Суд Азербайджанской Республики: конституционная жалоба и иные формы инициирования конституционного контроля // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 131-136. DOI: 10.34670/AR.2026.31.66.018

Ключевые слова

Конституционное правосудие, конституционная жалоба, приемлемость, доступ к правосудию, Конституционный Суд, конституционный контроль, правовая определенность, эффективное средство правовой защиты, цифровизация.

Введение

Порядок обращения в орган конституционного контроля — это не просто «техническая процедура», а самостоятельная гарантия прав человека, поскольку именно через процессуальные правила определяется реальная достижимость конституционной защиты. В правовых системах, где Конституционный Суд уполномочен рассматривать индивидуальные жалобы, ключевым становится баланс между доступностью (чтобы заявитель мог дойти до конституционного уровня защиты) и фильтрацией (чтобы Суд не превращался в «четвёртую инстанцию» по пересмотру фактов). Для Азербайджанской Республики этот баланс закреплён прежде всего в Конституции и в специальном законе о Конституционном Суде.

Конституционная основа обращения к Конституционному Суду содержится в статье 130 Конституции Азербайджанской Республики. Во-первых, Конституция определяет круг вопросов компетенции Суда и субъектов, которые вправе инициировать рассмотрение по «классическим» запросам конституционного контроля (Президент, Милли Меджлис, Кабинет Министров, Верховный Суд, Прокуратура, Али Меджлис Нахичеванской АР и др.) (Конституция АР, ст. 130, ч. III–IV). Во-вторых, Конституция прямо закрепляет индивидуальное право на обращение: любое лицо, считающее себя пострадавшим от нарушения прав и свобод решениями/актами законодательной, исполнительной, судебной власти либо муниципальными актами, может обжаловать их в Конституционный Суд в порядке, установленном законом, с целью восстановления нарушенных прав (Конституция АР, ст. 130, ч. V). В-третьих, Конституция предусматривает отдельные формы обращения для судов (вопросы толкования при реализации прав и свобод) и для Уполномоченного по правам человека (омбудсмана) как институционального гаранта прав (Конституция АР, ст. 130, ч. VI–VII). В совокупности эти положения формируют многоуровневую «воронку доступа»: от политико-институциональных запросов до индивидуальной жалобы как средства защиты конкретного лица.

Основная часть

Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» развивает конституционные нормы и задаёт практический алгоритм обращения. Центральной для темы является конструкция жалобы как средства восстановления прав. Закон закрепляет, что «каждый» вправе подать жалобу на нормативные правовые акты законодательной и исполнительной власти, на муниципальные и судебные акты, если они нарушают его права и свободы, именно с целью восстановления нарушенных прав (Закон «О Конституционном Суде», ст. 34).

При этом для ряда категорий судебных актов (в частности, связанных с решениями Верховного Суда) закон прямо оговаривает пределы допустимости: Конституционный Суд не должен превращаться в орган проверки фактических обстоятельств уже рассмотренного дела, а контроль концентрируется на вопросе конституционности/законности нормативной основы и на конституционно значимых дефектах применения (Закон «О Конституционном Суде», ст. 34).

Именно этот «предметный фильтр» позволяет квалифицировать жалобу как механизм конституционной, а не апелляционно-кассационной защиты. Процедура обращения логично делится на несколько стадий: подготовка и подача (формирование жалобы и приложений), предварительное рассмотрение (решение о принятии/отказе), рассмотрение по существу и вынесение решения, а затем — юридические последствия и исполнение решения. На стадии

подготовки заявитель должен определить какой акт оспаривается, в чём состоит нарушение прав и почему это нарушение имеет конституционно значимый характер. Закон, как правило, требует обосновать связь между оспариваемым актом и нарушением прав заявителя, а также указать конституционные и законные нормы, дающие право на обращение и подтверждающие конституционную природу спора (Закон «О Конституционном Суде», ст. 34). Такая логика соответствует общим европейским подходам к индивидуальному доступу к конституционному правосудию: индивидуальная жалоба эффективна тогда, когда она сфокусирована на конституционном измерении, а не подменяет собой пересмотр «по существу фактов» (Венецианская комиссия, доклады об индивидуальном доступе к конституционному правосудию).

Существенная практическая часть порядка обращения — документальная. Закон устанавливает, что к жалобе должны прилагаться материалы, необходимые для выяснения обстоятельств, копии спорного акта, документы о представительстве (при наличии представителя), а также перевод на государственный язык всех документов и материалов, представленных на ином языке (Закон «О Конституционном Суде», ст. 35). В той мере, в какой жалоба связана с судебным актом, дополнительно прилагаются документы, подтверждающие использование права на обжалование судебного акта в обычном порядке либо подтверждающие нарушение права на обращение в суд (Закон «О Конституционном Суде», ст. 35). Эти требования имеют правозащитный смысл: Конституционный Суд оценивает не абстрактную правовую проблему, а конкретную ситуацию нарушения прав, и без надлежащих приложений жалоба объективно не может быть рассмотрена качественно.

Следующий ключевой блок — приемлемость (допуск к производству). Закон прямо перечисляет основания, по которым обращение не принимается к производству: несоблюдение требований к форме и содержанию; неподведомственность вопроса; подача неуполномоченным субъектом; отсутствие надлежащего решения коллегиального органа (для запросов таких субъектов); непредставление документов, подтверждающих исчерпание обычных средств обжалования либо подтверждающих нарушение права на обращение в суд; а также наличие уже принятого решения Конституционного Суда по тому же вопросу (Закон «О Конституционном Суде», ст. 37).

На практике эти критерии работают как «процессуальный фильтр», который одновременно (а) защищает Суд от повторов и явно необоснованных обращений и (б) дисциплинирует жалобу, переводя её из уровня эмоционального несогласия с итогом дела в уровень юридически структурированного конституционного аргумента.

Особенности предварительного рассмотрения также нормативно закреплены. Закон устанавливает, что обращение, связанное с конституционной жалобой (в логике ст. 130 Конституции), рассматривается на предмет принятия к производству в пределах установленного срока, по итогам чего выносится постановление о принятии либо об отказе; решение о принятии/отказе направляется заявителю в краткий срок; а рассмотрение по существу в Пленуме начинается в пределах установленного периода со дня принятия к производству (Закон «О Конституционном Суде», ст. 52).

С точки зрения гарантий прав человека значение этой стадии двойное: во-первых, заявитель получает процессуальную определённость (жалоба не «зависает» неопределённо долго), во-вторых, Конституционный Суд формирует стандарты допустимости, которые со временем превращаются в ориентир для правоприменителей и самих заявителей.

Рассмотрение по существу происходит, как правило, в Пленуме Конституционного Суда, с

участием сторон конституционного судопроизводства. Закон определяет, что сторонами являются «запрашивающие» и «ответчики», а в делах по индивидуальным жалобам заявители выступают как сторона процесса (Закон «О Конституционном Суде», ст. 41).

Ответчиком обычно является орган или должностное лицо, принявшие оспариваемый акт, либо субъект, допустивший предполагаемое нарушение компетенции (там же). Важно, что закон допускает участие представителей сторон (Закон «О Конституционном Суде», ст. 41), что повышает качество конституционного аргумента, но не превращает представительство в абсолютный барьер доступа. В доктринальном плане это соответствует европейскому пониманию эффективности средства защиты: средство защиты должно быть «практическим и эффективным», а не «теоретическим и иллюзорным», что особенно чувствительно для социально уязвимых заявителей (подходы к эффективности средств защиты и к ст. 13 ЕКПЧ).

Отдельного внимания заслуживает вопрос судебных расходов. Закон прямо закрепляет, что производство в Конституционном Суде является бесплатным, а расходы по осуществлению производства покрываются за счёт государственного бюджета (Закон «О Конституционном Суде», ст. 50). Для механизма защиты прав это принципиально: бесплатность производства снижает «цену входа» в конституционную защиту и тем самым усиливает реальность права на обращение (Конституция АР, ст. 130, ч. V).

Процедура допускает и прекращение обращения по инициативе заявителя. Закон предусматривает возможность отзыва (возврата) запроса/обращения/жалобы: при отзыве в установленном порядке дальнейшее рассмотрение прекращается (Закон «О Конституционном Суде», ст. 38).

Практический смысл этой нормы — в обеспечении автономии заявителя и процессуальной экономии, особенно если спор разрешён вне Конституционного Суда (например, после изменения правоприменительной практики или устранения дефекта законом).

Завершающий этап — решение и его юридические последствия. Конституция закрепляет обязательность решений Конституционного Суда на всей территории страны и их опубликование (Конституция АР, ст. 130, ч. IX). Также Конституция устанавливает, что законы и иные акты (или их отдельные положения), признанные неконституционными, утрачивают силу в срок, определённый решением, а межгосударственные договоры, признанные несоответствующими Конституции, не вступают в силу (Конституция АР, ст. 130, ч. X). Закон воспроизводит и конкретизирует эти последствия: решения Конституционного Суда обладают общеобязательной силой; акты/положения, противоречащие Конституции и законам, подлежат устранению из правовой системы, а правоприменительные решения, основанные на признанных неконституционными нормах, должны быть пересмотрены в установленном порядке (Закон «О Конституционном Суде», ст. 66).

Важна и публичность результата: решения Пленума подлежат официальному опубликованию (Закон «О Конституционном Суде», ст. 69). С позиции механизма защиты прав человека это означает, что конституционная жалоба в Азербайджане способна давать не только индивидуальный эффект (восстановление права конкретного заявителя), но и нормативный эффект (исправление дефектов регулирования и снижение риска повторения нарушения для неопределённого круга лиц). Именно поэтому европейские стандарты подчёркивают: национальное средство защиты считается эффективным, когда оно способно обеспечить реальное устранение нарушения и адекватное возмещение/восстановление, а не ограничивается формальным констатированием (стандарты эффективности средств правовой защиты). Венецианская комиссия, анализируя модели индивидуального доступа к конституционному

правосудию, отдельно указывает на важность разумных фильтров приемлемости и на необходимость предотвращать чрезмерные барьеры, которые делают индивидуальную жалобу недостижимой на практике.

Заключение

Наконец, современная тенденция — цифровизация доступа к конституционному правосудию. Для порядка обращения это проявляется в стандартизации форм обращений, электронных каналах подачи и информировании заявителя о движении жалобы. На официальном сайте Конституционного Суда предусмотрен раздел «Online Müraciət» (онлайновое обращение), что указывает на институциональное движение к электронному взаимодействию с заявителями. В правозащитной логике цифровизация должна служить не «усложнению» подачи жалобы, а снижению транзакционных издержек: понятные формы, прозрачный трекинг статуса, доступные разъяснения о приемлемости и пакетах приложений. Именно эти элементы превращают право на конституционную жалобу из декларации в реально работающую процедуру.

Библиография

1. Венецианская комиссия Совета Европы. Пересмотренный доклад о доступе отдельных лиц к конституционному правосудию (CDL-AD(2021)001). Страсбург, 2021.
2. Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде» от 23.12.2003 № 561-III (с изм. и доп.). URL: <http://www.constcourt.gov.az/>.
3. Конституция Азербайджанской Республики (принята 12.11.1995, с изм. и доп.). Ст. 130.
4. Council of Europe / European Court of Human Rights. Guide to good practice in respect of domestic remedies. Strasbourg: Council of Europe, 2018.
5. European Court of Human Rights. Guide on Article 13 of the European Convention on Human Rights: Right to an effective remedy. Strasbourg: Council of Europe, 2024.
6. Venice Commission. Study on Individual Access to Constitutional Justice: CDL-AD(2010)039rev. Strasbourg: Council of Europe, 2011.

Procedure for Applying to the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan: Constitutional Complaint and Other Forms of Initiating Constitutional Review

El'vira R. Yusifova

Doctoral Candidate,
Baku State University,
AZ1148, 23, Academician Zahid Khalilov str.,
Baku, Republic of Azerbaijan;
e-mail: yusifovaelvira@mail.ru

Abstract

The article examines the procedure for applying to the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan as a key element of the mechanism for constitutional protection of human rights. It is shown that the constitutional complaint (individual application) in the model of Azerbaijani

constitutional justice performs a dual function: (1) it ensures the restoration of the applicant's violated rights and (2) upholds the supremacy of the Constitution through the elimination of defects in normative regulation and the formation of binding standards of law enforcement. Based on the Constitution of the Republic of Azerbaijan (Article 130) and the Law of the Republic of Azerbaijan "On the Constitutional Court," the subjects of application, the subject matter of the complaint, admissibility conditions, documentary requirements, stages of preliminary review and consideration in the Plenum, as well as the legal force and consequences of decisions are disclosed. Separately outlined are the standards of effectiveness of national legal remedies, correlated with the approaches of the Council of Europe (the right to an effective legal remedy), and practice-oriented conclusions on which procedural elements enhance the accessibility of constitutional protection in the context of digitalization of justice.

For citation

Yusifova E.R. (2026) Poryadok obrashcheniya v Konstitutsionnyy Sud Azerbaydzhanskoy Respubliki: konstitutsionnaya zhaloba i inyye formy initsirovaniya konstitutsionnogo kontrolya [Procedure for Applying to the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan: Constitutional Complaint and Other Forms of Initiating Constitutional Review]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 131-136. DOI: 10.34670/AR.2026.31.66.018

Keywords

Constitutional justice, constitutional complaint, admissibility, access to justice, Constitutional Court, constitutional review, legal certainty, effective legal remedy, digitalization.

References

1. Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. (2003). *Zakon Azerbaydzhanskoy Respubliki "O Konstitutsionnom Sude"* [Law of the Republic of Azerbaijan "On the Constitutional Court"] No. 561-IIQ of December 23, 2003. <http://www.constcourt.gov.az/>
2. *Konstitutsiya Azerbaydzhanskoy Respubliki* [Constitution of the Republic of Azerbaijan]. (1995). Art. 130.
3. Council of Europe / European Court of Human Rights. (2018). *Guide to good practice in respect of domestic remedies*.
4. European Court of Human Rights. (2024). *Guide on Article 13 of the European Convention on Human Rights: Right to an effective remedy*.
5. Venice Commission. (2011). *Study on individual access to constitutional justice* (CDL-AD(2010)039rev).
6. Venice Commission. (2021). *Peresmotrennyy doklad o dostupe otdelnykh lits k konstitutsionnomu pravosudiyu* [Revised report on individual access to constitutional justice] (CDL-AD(2021)001).

УДК 342

DOI: 10.34670/AR.2026.31.94.019

Безопасность как категория современного права: тенденции развития законодательства РФ и стран СНГ**Мельников Даниил Геннадьевич**

Аспирант,
Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Российская Федерация, Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1;
e-mail: biuk250@gmail.com

Аннотация

В условиях усиливающихся глобальных вызовов и трансформации правовых систем особую значимость приобретает категория безопасности как фундаментальная составляющая современного права. В Российской Федерации и странах СНГ вопросы правового обеспечения безопасности развиваются в контексте интеграционных процессов, необходимости адаптации национальных правовых систем к международным стандартам и реагирования на новые угрозы — от киберрисков до экологических вызовов. Проведённое исследование выявило, что эволюция законодательства в данной сфере характеризуется тенденцией к расширению понятийного аппарата, усилению роли комплексных межотраслевых механизмов и повышению институциональной ответственности государственных органов. Особое внимание уделено анализу стратегических документов и нормативных актов, закрепляющих концептуальные основы национальной и региональной безопасности. Сделан вывод о необходимости формирования единой правовой платформы, учитывающей как общие интересы стран СНГ, так и их национальную специфику. Полученные результаты подтверждают, что безопасность постепенно становится ключевой категорией права, определяющей развитие законодательства и правоприменительной практики в условиях глобализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Мельников Д.Г. Безопасность как категория современного права: тенденции развития законодательства РФ и стран СНГ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 137-141. DOI: 10.34670/AR.2026.31.94.019

Ключевые слова

Безопасность, законодательство, правовое регулирование, Россия, СНГ, современные тенденции, правоприменительная практика.

Введение

Современное развитие правовых систем Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств (СНГ) демонстрирует усиление внимания к вопросам обеспечения безопасности. Эта категория становится не только ключевым элементом национальной правовой политики, но и системообразующим фактором формирования регионального правового пространства. В условиях глобализации, цифровизации и роста транснациональных угроз безопасность рассматривается в качестве универсальной правовой категории, которая охватывает широкий спектр сфер — от традиционных вопросов обороны и правопорядка до защиты информации, экологии, здоровья населения и экономической устойчивости [Конституция РФ, 2020].

Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа тенденций развития законодательства РФ и стран СНГ в части регулирования безопасности, выявления общих закономерностей и национальной специфики, а также определения перспектив формирования единого правового пространства в этой сфере.

Материалы и методы

Исследование основывалось на комплексном подходе, включающем анализ нормативных правовых актов Российской Федерации и государств СНГ, стратегических документов, а также международных договоров и соглашений, влияющих на формирование региональной политики безопасности [Володкевич, 2020, с. 47]. Применялись сравнительно-правовой метод, позволяющий выявить общие и особенные черты регулирования безопасности в разных странах, и системный метод, позволивший рассматривать законодательство как взаимосвязанный комплекс [Демидов, 2023, с. 59].

Также использовались методы контент-анализа для изучения научных публикаций по теме исследования и историко-правовой метод, позволивший проследить эволюцию подходов к понятию «безопасность» в правовой науке и практике стран постсоветского пространства [Крымский, 2004, с. 112].

Результаты и обсуждение

1. Эволюция категории «безопасность» в праве

На постсоветском пространстве категория безопасности прошла путь от преимущественно военной и политической направленности к многомерной концепции, включающей информационную, экономическую, экологическую и социальную составляющие [Кузнецова, Золотарева, 2018, с. 78]. В законодательстве России постепенно закрепляются нормы, определяющие безопасность как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [Куренной, Костян, Хныкин, 2017, с. 24].

В странах СНГ наблюдается схожая тенденция: в стратегических документах Казахстана, Беларуси, Армении и других государств подчеркивается приоритет обеспечения комплексной безопасности, охватывающей экономику, культуру, образование и цифровую среду [Парфенова, Перцева, 2019, с. 141].

2. Институциональные и правовые механизмы

Законодательство РФ в области безопасности отличается высоким уровнем детализации и

системности. Конституция РФ закрепляет основы национальной безопасности, а федеральные законы («О безопасности», «О противодействии терроризму», «О защите информации» и др.) формируют правовой каркас соответствующей политики [Пряженников, 2016, с. 63].

В странах СНГ применяются аналогичные подходы, но наблюдаются различия в объёме регулирования и степени институционализации. Например, в Казахстане и Беларуси приняты целостные концепции национальной безопасности, тогда как в некоторых других странах вопросы безопасности регулируются фрагментарно [Щербак, 2017, с. 96].

3. Современные вызовы и тенденции

В XXI веке акцент смещается на новые угрозы: кибербезопасность, защита критической инфраструктуры, информационная война, пандемические риски. В ответ законодательство РФ и СНГ расширяет сферу регулирования. Примером является развитие нормативных актов в области цифровой безопасности и защиты персональных данных [Иванова, 2017, с. 53].

При этом сохраняется проблема гармонизации законодательства: несмотря на общую правовую традицию, отсутствует унифицированный подход к определению и классификации угроз. Это затрудняет формирование единого правового пространства безопасности в СНГ [Пряженников, 2016].

4. Перспективы унификации

Результаты анализа показывают, что формирование региональной правовой платформы возможно при активизации межгосударственного сотрудничества в рамках СНГ и Евразийского экономического союза. Важно создание единых правовых стандартов в области информационной, экологической и экономической безопасности [Щербак, 2017].

Заключение

Исследование показало, что безопасность как категория современного права приобретает всё более универсальный характер, выходя за рамки узкого понимания защиты государства от внешних угроз. В РФ и странах СНГ прослеживается тенденция к расширению понятийного аппарата и комплексному охвату новых сфер, включая цифровую, социальную и экологическую безопасность.

Несмотря на национальные различия, общее направление развития законодательства заключается в усилении межотраслевых правовых механизмов и институциональной ответственности государства за обеспечение безопасности. При этом формирование единого правового пространства требует унификации понятийного аппарата и гармонизации нормативных актов.

Сделанный анализ подтверждает, что безопасность становится ключевой категорией современного права, определяющей вектор развития законодательства в условиях глобализации и транснациональных угроз.

Библиография

1. Володkevич С.И. Современные условия и источники формирования цифровых навыков субъектов малого и среднего предпринимательства // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 4. С. 485-496.
2. Демидов Н.В. Трудовое право: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 203 с.
3. Иванова Ж.Б. Интерактивный игровой процесс в преподавании юридических дисциплин // Концепт. 2017. Т. 9. С. 40-43. URL: <https://e-koncept.ru/2017/870007.htm>.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой

информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Крымский А.И. Правовое регулирование трудовых отношений в субъектах малого предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Томск, 2004. 229 с.
6. Кузнецова Н.В., Золотарева Л.Г. Особенности документационного обеспечения работы с персоналом у субъектов малого и среднего предпринимательства // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 284-289.
7. Куренной А., Костян И., Хныкин Г. Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 10.
8. Парфенова Д.С., Перцева П.В. Зарубежный опыт цифровизации в социально-трудовых отношениях // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 9-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 14-20.
9. Пряженников М.О. Дифференциация локального правового регулирования в зависимости от масштаба предприятия // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 20-23.
10. Щербак С.С. Расширение дифференциации в трудовом законодательстве Российской Федерации в зависимости от объема предпринимательской деятельности работодателя // Право и экономика. 2017. № 10. С. 63-69.

Security as a Category of Modern Law: Trends in the Development of Legislation of the Russian Federation and CIS Countries

Daniil G. Mel'nikov

Postgraduate Student,
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
117638, 2, building 1, Azovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: biuk250@gmail.com

Abstract

In the context of intensifying global challenges and the transformation of legal systems, the category of security as a fundamental component of modern law acquires particular significance. In the Russian Federation and the CIS countries, issues of legal regulation of security are developing in the context of integration processes, the need to adapt national legal systems to international standards, and respond to new threats — from cyber risks to environmental challenges. The conducted research revealed that the evolution of legislation in this area is characterized by a tendency to expand the conceptual apparatus, strengthen the role of complex intersectoral mechanisms, and increase the institutional responsibility of state bodies. Special attention is paid to the analysis of strategic documents and normative acts that establish the conceptual foundations of national and regional security. A conclusion is drawn about the need to form a unified legal platform that takes into account both the common interests of the CIS countries and their national specifics. The obtained results confirm that security is gradually becoming a key category of law, determining the development of legislation and law enforcement practice in the context of globalization.

For citation

Mel'nikov D.G. (2026) Bezopasnost' kak kategoriya sovremennogo prava: tendentsii razvitiya zakonodatel'stva RF i stran SNG [Security as a Category of Modern Law: Trends in the Development of Legislation of the Russian Federation and CIS Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 137-141. DOI: 10.34670/AR.2026.31.94.019

Keywords

Security, legislation, legal regulation, Russia, CIS, modern trends, law enforcement practice.

References

1. Demidov, N.V. (2023). *Trudovoye pravo* [Labor Law]. Yurayt.
2. Ivanova, Zh.B. (2017). Interaktivnyy igrovoy protsess v prepodavanii yuridicheskikh distsiplin [Interactive game process in teaching legal disciplines]. *Kontsept*, 9, 40-43. <https://e-koncept.ru/2017/870007.htm>
3. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (2020). <http://www.pravo.gov.ru>
4. Krymsky, A.I. (2004). *Pravovoye regulirovaniye trudovykh otnosheniy v subyektakh malogo predprinimatelstva* [Legal regulation of labor relations in small businesses] [PhD dissertation]. Tomsk State University.
5. Kurennoy, A., Kostyan, I., & Khnykin, G. (2017). Tsifrovaya ekonomika Rossii. Elektronnoye deloproizvodstvo trudovykh otnosheniy [Digital economy of Russia. Electronic record keeping of labor relations]. *EZh-Yurist*, 37, 10.
6. Kuznetsova, N.V., & Zolotareva, L.G. (2018). Osobennosti dokumentatsionnogo obespecheniya raboty s personalom u subyektov malogo i srednego predprinimatelstva [Features of documentation support for personnel work in small and medium-sized businesses]. In *Aktivizatsiya intellektualnogo i resursnogo potentsiala regionov* [Activation of the intellectual and resource potential of the regions] (pp. 284-289).
7. Parfenova, D.S., & Pertseva, P.V. (2019). Zarubezhnyy opyt tsifrovizatsii v sotsialno-trudovykh otnosheniyakh [Foreign experience of digitalization in social and labor relations]. In *Issledovaniye innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovaniye napravleniy yego strategicheskogo razvitiya* [Study of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development] (pp. 14-20).
8. Pryazhennikov, M.O. (2016). Differentsiatsiya lokalnogo pravovogo regulirovaniya v zavisimosti ot masshtaba predpriyatiya [Differentiation of local legal regulation depending on the scale of the enterprise]. *Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom*, 4, 20-23.
9. Shcherbak, S.S. (2017). Rasshireniye differentsiatsii v trudovom zakonodatelstve Rossiyskoy Federatsii v zavisimosti ot obyema predprinimatelskoy deyatel'nosti rabotodatelya [Expansion of differentiation in the labor legislation of the Russian Federation depending on the volume of employer's business activity]. *Pravo i ekonomika*, 10, 63-69.
10. Volodkevich, S.I. (2020). Sovremennyye usloviya i istochniki formirovaniya tsifrovyykh navykov subyektov malogo i srednego predprinimatelstva [Modern conditions and sources of formation of digital skills of small and medium-sized businesses]. *Kreativnaya ekonomika*, 14(4), 485-496.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.38.71.020

Правовое регулирование использования цифровых технологий при обеспечении кибербезопасности цепочек поставок

Аликина Светлана Викторовна

Преподаватель кафедры информатики и математики
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации
400075, Российская Федерация, Волгоград, Историческая ул, 130;
e-mail: mail@law-books.ru

Охотников Илья Викторович

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Российская Федерация, Москва, ул Образцова, 9/9;
e-mail: roat.miit@mail.ru

Спектор Асия Ахметовна

Доктор юридических наук, доцент,
Профессор кафедры экономической теории и менеджмента
Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, Российская Федерация, Москва, ул Образцова, 9/9;
e-mail: roat.miit@mail.ru

Аннотация

Внедрение интернета вещей, блокчейна, больших данных, облачных вычислений и искусственного интеллекта в повседневную и профессиональную жизнь общества неизбежно влияет на логистические и управленческие процессы, генерируя новые риски. Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения кибербезопасности цепочек поставок посредством применения цифровых технологий. Предмет исследования - нормы международного и национального права, регулирующие использование цифровых технологий для обеспечения кибербезопасности, а также доктринальные подходы и практические модели такого регулирования. Цель исследования - комплексный анализ современного состояния правового регулирования использования цифровых технологий для обеспечения кибербезопасности цепочек поставок, выявлении системных пробелов и коллизий, а также в разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию соответствующего правового инструментария. Уточнено содержание ключевых понятий «цифровые технологии», «кибербезопасность цифровой среды» и «кибербезопасность цепочки поставок» в правовом контексте. Реализован критический анализ существующих регуляторных подходов (отраслевого, риск-ориентированного и технологически-нейтрального).

Выявлены ключевые недостатки, такие как фрагментарность законодательства, экстерриториальность правовых актов, отсутствие единых международных стандартов и норм в цифровой сфере, сложность атрибуции киберинцидентов в распределенных сетях. Разработаны предложения, направленные на эффективность законодательства в рамках концепции «безопасности по дизайну», внедрения обязательных стандартов киберустойчивости для критически важных звеньев цепочек поставок, развития международно-правовых механизмов взаимного признания сертификатов соответствия и создание трансграничных платформ обмена информацией об угрозах на базе доверенных технологий.

Для цитирования в научных исследованиях

Аликина С.В., Охотников И.В., Спектор А.А. Правовое регулирование использования цифровых технологий при обеспечении кибербезопасности цепочек поставок // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 142-149. DOI: 10.34670/AR.2026.38.71.020

Ключевые слова

Правовое регулирование, кибербезопасность цепочек поставок, цифровые технологии, трансграничные риски, гармонизация законодательства, киберустойчивость.

Введение

Объективная необходимость адекватного правового регулирования использования цифровых технологий в контексте кибербезопасности цепочек поставок исходит из самой цифровой природы современных экономических и логистических процессов, которые существуют в гибридном физико-цифровом пространстве, характеризующемся высокой степенью взаимозависимости и уязвимости. Правовое регулирование в данной сфере выступает не просто инструментом минимизации IT-рисков, но конкретные нормативно-правовыми нормами для обеспечения предсказуемости, стабильности и устойчивости глобальных товарно-финансовых потоков, поскольку оно устанавливает границы допустимого поведения, распределяет ответственность за киберинциденты, формирует стандарты поведения заинтересованных лиц и создает правовые стимулы для инвестиций в защищенную инфраструктуру. В отсутствие четкого и сбалансированного правового режима возрастают системные риски каскадных сбоев, когда компрометация одного, даже периферийного участника цепочки поставок через уязвимости в цифровых интерфейсах или слабые протоколы обмена данными может привести к масштабным экономическим, экологическим и социальным последствиям, что и актуализирует потребность в разработке механизма правового регулирования, способного интегрировать технические требования кибербезопасности в сферу договорного, корпоративного и административного права.

Материалы и методы

Под цифровыми технологиями мы, как и зарубежные и отечественные исследователи понимаем совокупность аппаратных и программных средств, алгоритмов и протоколов, основанных на двоичном коде и обеспечивающих создание, обработку, хранение, передачу и

использование данных в электронной форме [Уголовный кодекс РФ, 1996], [Козлов, 2002]. К цифровым технологиям, прежде всего, относятся - интернет вещей (IoT), обеспечивающий подключение физических объектов к сети; блокчейн и распределенные реестры, предлагающие децентрализованные модели верификации транзакций; облачные вычисления, предоставляющие масштабируемые вычислительные ресурсы; большие данные и аналитика; искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение; а также роботизированные системы автоматизации процессов (RPA) [Птицына, 2023]. Их интеграция в цепочки поставок приводит к возникновению киберфизических систем, в которых физические процессы неразрывно связаны с цифровым управлением и обратной связью, что неизбежно генерирует новые несистемные риски.

Кибербезопасность в цифровой среде представляет собой состояние защищенности информации, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей от внутренних и внешних угроз, направленных на нарушение конфиденциальности, целостности и доступности данных, а также устойчивости и нормального функционирования связанных с ними процессов [Питецкий, 2025]. В правовом измерении «устойчивое состояние киберфизических систем» [Подборка судебных решений..., 2024] обеспечивается комплексом нормативных требований, технических стандартов, направленных на предотвращение, обнаружение и нейтрализацию киберугроз. Само понятие «киберугроза» [Кассационное определение ВС РФ № 83-УДП25-4-К1, 2025] эволюционирует от защиты периметра сетей к обеспечению безопасности данных на всем их жизненном цикле и устойчивости систем в условиях продолжающейся атаки. В узкоспециализированном контексте кибербезопасность цепочек поставок определяется как практика управления киберрисками, возникающими во всей экосистеме взаимосвязанных организаций, участвующих в создании и поставке продукции или услуг (от первоначальных поставщиков сырья до конечного потребителя), с учетом их хозяйствования в цифровой среде [Постановление Пленума ВС РФ № 48, 2019]. Системные угрозы включают компрометацию программного обеспечения для управления цепочками поставок (SCM), атаки на системы IoT в логистике (умные контейнеры, датчики), внедрение вредоносного кода через обновления от сторонних поставщиков, кражу критически важных данных (интеллектуальной собственности, коммерческой тайны) и атаки на системы критической информационной инфраструктуры, от которой зависят логистические узлы.

Результаты исследования и обсуждение

Можно выделить несколько основных регуляторных парадигм к правовому регулированию:

1. отраслевой и секторальный подход, при котором требования фокусируются на конкретных отраслях, признанных критически важными (энергетика, финансы, транспорт, здравоохранение). Его примером служит законодательство США в области защиты критической инфраструктуры или европейские директивы NIS и NIS2, обязывающие сетевых операторов принимать технические и организационные меры безопасности и уведомлять о инцидентах;
2. риск-ориентированный подход, закрепленный, в частности, в российском законодательстве (ФЗ-187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры»), который предполагает категорирование объектов и применение дифференцированных мер защиты в зависимости от значимости возможного ущерба;
3. технологически-нейтральное регулирование, устанавливающее общие рамки и принципы (как GDPR в части безопасности обработки персональных данных), но оставляющее конкретный выбор технологий на

усмотрение самого оператора; 4. современный подход, который связан с прямым регулированием безопасности цифровых продуктов (кибербезопасность «по дизайну»), что находит отражение в таких инициативах, как Европейский Акт о кибербезопасности (EU Cybersecurity Act), устанавливающий условия для сертификации и проект директивы ЕС об ответственности за программное обеспечение (Cyber Resilience Act). Сведём в таблицу 1 подходы и проведём эвристический анализ их преимуществ и недостатков.

Таблица 1 - Подходы к правовому регулированию использования цифровых технологий при обеспечении кибербезопасности цепочек поставок

Подход	Сущность подхода	Примеры правового закрепления	Ключевые преимущества	Основные недостатки
Секторальный (отраслевой) подход	Регулирование фокусируется на конкретных секторах экономики, признанных критически важными, с установлением специфических требований к их кибербезопасности.	Директива ЕС NIS2 (сети и информационные системы); отраслевые стандарты в США для энергетики, финансов, транспорта; регулирование в сфере телекоммуникаций и финансов в РФ.	Позволяет учесть уникальные риски и операционную специфику конкретной отрасли. Повышает релевантность требований.	Приводит к фрагментации регулирования. Не учитывает взаимозависимость отраслей в единой цепочке поставок. Создает регуляторное неравенство.
Риск-ориентированный подход	Требования к мерам безопасности и их строгость дифференцируются в зависимости от категории объекта (значимости), определяемой через оценку потенциального ущерба от киберинцидента.	Федеральный закон РФ № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры»; элементы в Директиве NIS2; подходы Банка России.	Позволяет оптимизировать ресурсы, направляя их на защиту наиболее значимых активов. Способствует гибкости регулирования.	Сложность и субъективность процедур категорирования и оценки рисков. Проблема каскадных эффектов при недооценке рисков у «менее значимых» звеньев цепочки.
Технологически-нейтральный подход	Регулирование устанавливает общие цели, принципы и обязательные результаты в области безопасности, не предписывая использование конкретных технологий или технических решений.	Общие принципы безопасности обработки данных в GDPR; многие национальные рамочные законы в области информационной безопасности.	Стимулирует инновации и конкуренцию среди поставщиков решений. Обеспечивает долгосрочную актуальность правовых норм.	Требует высокой экспертизы от регулируемых организаций для интерпретации. Может приводить к неоднозначности правоприменения и различию в уровнях реальной безопасности.

Подход	Сущность подхода	Примеры правового закрепления	Ключевые преимущества	Основные недостатки
Подход, основанный на безопасности «по умолчанию и по проекту»	Законодательное закрепление обязанности производителей и разработчиков внедрять необходимые меры кибербезопасности на этапе проектирования и разработки продукта/услуги, а также обеспечивать безопасные настройки по умолчанию.	Европейский акт о киберустойчивости (Cyber Resilience Act, проект); положения GDPR о защите данных по умолчанию и проектированию; концепция в стандартах ISO.	Устраняет уязвимости на самом раннем этапе. Снижает нагрузку на конечных пользователей (в т.ч. участников цепочек). Создает единый базовый уровень безопасности для цифровых продуктов.	Сложность контроля и верификации выполнения требований на этапе разработки. Потенциальное увеличение стоимости и времени вывода продукта на рынок.
Обязательная сертификация и стандартизация	Установление законодательных требований о подтверждении соответствия цифровых продуктов, услуг или процессов определенным стандартам кибербезопасности через процедуры независимой оценки.	Схемы сертификации в рамках Европейского акта о кибербезопасности (EU Cybersecurity Act); обязательные стандарты ФСТЭК и ФСБ России для определенных классов продуктов; отраслевые стандарты платежных карт PCI DSS.	Повышает доверие и обеспечивает проверяемость соответствия. Упрощает выбор безопасных решений для участников цепочек поставок.	Риск бюрократизации и формального подхода. Быстрое устаревание стандартов в условиях динамического технологического развития. Затратность процедур для малого бизнеса.

Источник: разработано авторами

Правовой анализ действующих правовых режимов позволяет выявить ряд системных недостатков и пробелов: 1. наблюдается фрагментарность и коллизионность регулирования, особенно в трансграничном контексте. Требования разных юрисдикций могут налагать на участника глобальной цепочки поставок противоречащие друг другу обязанности; 2. проблема экстерриториальности законодательства и сложности его правоприменения в отношении иностранных поставщиков цифровых решений и субподрядчиков; 3. отсутствие единых международно-признанных стандартов кибербезопасности в отношении поставщиков, что приводит к правовой неопределённости в части договорного распределения рисков через односторонние оценочные анкеты безопасности; 4. крайняя сложность атрибуции киберинцидентов в распределенных системах создает правовой вакуум в вопросах установления вины и возмещения ущерба; 5. регуляторный фокус зачастую смещен на крупных операторов, в то время как уязвимость зачастую возникает на уровне малых и средних предприятий – субпоставщиков, не обладающих ресурсами для полноценного противодействия киберугрозам; 6. наблюдается правовое отставание от темпа технологических изменений:

регулирование не успевает адаптироваться к рискам, порождаемым ИИ, автономными системами и квантовыми вычислениями.

В качестве предложений по совершенствованию правового регулирования представляется целесообразным развитие следующих направлений. Первое - это продвижение на международном уровне (через UNIDROIT, UNCITRAL или специализированные организации типа ISO) модельных стандартов контрактных кибер-клауз для цепочек поставок, предусматривающих прозрачное распределение обязанностей по безопасности, взаимное принятие сертификатов, порядок уведомления об инцидентах и механизмы разрешения споров. Второе - это гармонизация национальных законодательств в сторону имплементации принципа «безопасности и устойчивости по дизайну», как обязательного требования для цифровых технологий, внедряемых в критически важные процессы цепочек поставок, с сопутствующей разработкой систем обязательной сертификации для ключевых категорий продуктов (SCM-системы, промышленный IoT). Третье - это создание на межгосударственном или отраслевом уровне (например, для транспортных коридоров) защищенных платформ обмена информацией об угрозах и уязвимостях, функционирующих на доверенных технологиях (например, конфиденциальные вычисления) и обеспеченных правовыми гарантиями защиты обменивающейся стороны от антимонопольных и иных исков. И последнее - это введение в законодательство о корпоративном управлении обязанностей советов директоров по надзору за киберрисками в цепочке поставок, что повысит ответственность топ-менеджмента. Пятое – стимулирование через государственные закупки и налоговые механизмы внедрения технологий повышенной доверенности, таких как блокчейн для отслеживания происхождения компонентов и неизменности логистических записей, что одновременно повышает прозрачность и безопасность.

Заключение

Правовое регулирование использования цифровых технологий при обеспечении кибербезопасности цепочек поставок представляет собой динамично развивающуюся, но пока недостаточно правовую область релевантную окружающей действительности. Эффективный правовой режим в данной сфере должен преодолевать традиционную национальную фрагментацию и эволюционировать в сторону комплексного, риск-ориентированного, но технологически осознанного подхода, который бы органично сочетал императивные требования безопасности для критически важных элементов цепочек с гибкими стимулами для повсеместного внедрения лучших практик. Ключевыми векторами развития правового регулирования цепочек поставок в цифровой среде видятся международная гармонизация национальных стандартов, легальное закрепление принципа «безопасности по дизайну» для цифровых продуктов, используемых в логистике и создание трансграничных доверенных платформ для совместного использования цифровых технологий.

Библиография

1. Timotheou S. et al. Impacts of digital technologies on education and factors influencing schools' digital capacity and transformation: A literature review // *Education and information technologies*. – 2023. – Т. 28. – №. 6. – С. 6695-6726. - DOI 10.1007/s10639-022-11431-8
2. Караваева Ю. И. Современные цифровые технологии и проблема обеспечения прав человека // *Вестник Университета имени ОЕ Кутафина*. – 2025. – №. 9 (133). – С. 170-176.- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tsifrovye-tehnologii-i-problema-obespecheniya-prav-cheloveka>
3. Elia G., Margherita A., Passiante G. Digital entrepreneurship ecosystem: How digital technologies and collective intelligence are reshaping the entrepreneurial process // *Technological forecasting and social change*. – 2020. – Т. 150.

- С. 119791.- DOI 10.1016/j.techfore.2019.119791
4. Лазарь, К. К. Кибербезопасность и суверенитет в киберпространстве: вызовы и перспективы международного права / К. К. Лазарь // Московский журнал международного права. – 2025. – № 1. – С. 125-137. – DOI 10.24833/0869-0049-2025-1-125-137. – EDN HLN RTE.
5. Ma S. et al. Cloud-integrated cyber-physical systems: Reliability, performance and power consumption with shared-servers and parallelized services //Frontiers of Engineering Management. – 2025. – Т. 12. – №. 2. – С. 272-290.- DOI 10.1007/s42524-023-0272-2
6. Язов Ю. К. Об определении понятия «кибербезопасность» и связанных с ним терминов //Вопросы кибербезопасности. – 2025. – №. 1 (65). – С. 2-6.- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-opredelenii-ponyatiya-kiberbezopasnost-i-svyazannyh-s-nim-terminov>
7. Ромашкина, Н. П. Стратегические риски и проблемы кибербезопасности / Н. П. Ромашкина, Д. В. Стефанович // Вопросы кибербезопасности. – 2020. – № 5(39). – С. 77-86. – DOI 10.21681/2311-3456-2020-05-77-86. – EDN TYCIVU.

Legal Regulation of the Use of Digital Technologies in Ensuring Cybersecurity of Supply Chains

Svetlana V. Alikina

Lecturer, Department of Informatics and Mathematics,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
400075, 130, Istoricheskaya str., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: mail@law-books.ru

Il'ya V. Okhotnikov

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT),
127994, 9/9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roat.miit@mail.ru

Asiya A. Spector

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Economic Theory and Management,
Russian University of Transport (MIIT),
127994, 9/9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roat.miit@mail.ru

Abstract

The introduction of the Internet of Things, blockchain, big data, cloud computing, and artificial intelligence into the daily and professional life of society inevitably affects logistical and managerial processes, generating new risks. The object of the study is the social relations that develop in the process of ensuring cybersecurity of supply chains through the application of digital technologies. The subject of the study is the norms of international and national law regulating the use of digital technologies to ensure cybersecurity, as well as doctrinal approaches and practical models of such

regulation. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the current state of legal regulation of the use of digital technologies to ensure cybersecurity of supply chains, identifying systemic gaps and conflicts, as well as developing scientifically based proposals for improving the relevant legal toolkit. The content of the key concepts "digital technologies," "cybersecurity of the digital environment," and "supply chain cybersecurity" in the legal context is clarified. A critical analysis of existing regulatory approaches (sectoral, risk-oriented, and technologically neutral) is carried out. Key shortcomings are identified, such as the fragmentation of legislation, the extraterritoriality of legal acts, the lack of uniform international standards and norms in the digital sphere, and the difficulty of attributing cyber incidents in distributed networks. Proposals are developed aimed at the effectiveness of legislation within the framework of the "security by design" concept, the introduction of mandatory cyber resilience standards for critical links in supply chains, the development of international legal mechanisms for the mutual recognition of conformity certificates, and the creation of cross-border platforms for exchanging threat information based on trusted technologies.

For citation

Alikina S.V., Okhotnikov I.V., Spector A.A. (2026) Pravovoye regulirovaniye ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy pri obespechenii kiberbezopasnosti tsepohek postavok [Legal Regulation of the Use of Digital Technologies in Ensuring Cybersecurity of Supply Chains]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 142-149. DOI: 10.34670/AR.2026.38.71.020

Keywords

Legal regulation, supply chain cybersecurity, digital technologies, cross-border risks, harmonization of legislation, cyber resilience.

References

1. Timotheou S. et al. Impacts of digital technologies on education and factors influencing schools' digital capacity and transformation: A literature review // *Education and information technologies*. - 2023. - Vol. 28. - No. 6. - Pp. 6695-6726.- DOI 10.1007/s10639-022-11431-8
2. Karavaeva Yu. I. Modern digital technologies and the problem of ensuring human rights // *Bulletin of the OE Kutafin University*. - 2025. - No. 9 (133). - P. 170-176.- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tsifrovyye-tehnologii-i-problema-obespecheniya-prav-cheloveka>
3. Elia G., Margherita A., Passiante G. Digital entrepreneurship ecosystem: How digital technologies and collective intelligence are reshaping the entrepreneurial process // *Technological forecasting and social change*. - 2020. - Vol. 150. - P. 119791.- DOI 10.1016/j.techfore.2019.119791
4. Lazar, K. K. Cybersecurity and sovereignty in cyberspace: challenges and prospects of international law / K. K. Lazar // *Moscow Journal of International Law*. - 2025. - No. 1. - P. 125-137. - DOI 10.24833/0869-0049-2025-1-125-137. - EDN HLN RTE.
5. Ma S. et al. Cloud-integrated cyber-physical systems: Reliability, performance and power consumption with shared-servers and parallelized services // *Frontiers of Engineering Management*. - 2025. - Vol. 12. - No. 2. - Pp. 272-290.- DOI 10.1007/s42524-023-0272-2
6. Yazov Yu. K. On the definition of the concept of "cybersecurity" and related terms // *Cybersecurity Issues*. - 2025. - No. 1 (65). - P. 2-6.- URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-opredelenii-ponyatiya-kiberbezopasnost-i-svyazannyh-s-nim-terminov>
7. Romashkina, N. P. Strategic risks and problems of cybersecurity / N. P. Romashkina, D. V. Stefanovich // *Issues of cybersecurity*. - 2020. - No. 5(39). - P. 77-86. - DOI 10.21681/2311-3456-2020-05-77-86. - EDN TYCIVU.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.44.52.021

**Система налогового контроля в Российской Федерации:
эволюция форм и методов в условиях налоговой реформы 2025–
2026 годов**

Дмитриев Игорь Олегович

Магистрант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: 017dio@gmail.com

Хусаинов Зуфар Фаатович

Доктор юридических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: husainovzufar@mail.ru

Аннотация

Статья представляет детальный анализ эволюции системы налогового контроля в РФ, с акцентом на изменения, введенные Федеральным законом от 28.11.2025 № 425-ФЗ и сопутствующими поправками в Налоговый кодекс РФ (НК РФ). Рассматриваются формы и методы контроля (глава 14 НК РФ), ключевые новеллы в процедурах камеральных и выездных проверок, а также влияние реформы на механизмы мониторинга. На основе нормативных актов, аналитики ФНС оцениваются практические последствия для налогоплательщиков. Актуальность обусловлена переходом к более строгим правилам администрирования, включая корректировку ставок и лимитов, косвенно усиливающих контроль. Предлагаются перспективы развития системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Дмитриев И.О. Хусаинов З.Ф. Система налогового контроля в Российской Федерации: эволюция форм и методов в условиях налоговой реформы 2025–2026 годов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 150-159. DOI: 10.34670/AR.2026.44.52.021

Ключевые слова

Налоговый контроль, Налоговый кодекс РФ, Федеральный закон № 425-ФЗ, камеральная проверка, выездная проверка, налоговая реформа 2025–2026, ФНС.

Введение

Система налогового контроля в Российской Федерации представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение соблюдения налогового законодательства, полноты и своевременности поступлений в бюджет. В условиях налоговой реформы 2025–2026 годов, инициированной Федеральным законом от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025], наблюдается значительная эволюция форм и методов контроля. Этот закон, вступивший в силу преимущественно с 1 января 2026 года, хотя и фокусируется в основном на корректировке налоговых ставок и специальных режимов, косвенно усиливает контрольные механизмы через ужесточение администрирования НДС и других налогов [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025]. Реформа включает повышение базовой ставки НДС до 22%, поэтапное снижение порогов для применения упрощенной системы налогообложения (УСН) и патентной системы (ПСН), а также изменения в правилах электронного документооборота, что напрямую влияет на объемы данных, доступных для анализа ФНС [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025].

Актуальность анализа обусловлена статистикой Федеральной налоговой службы (ФНС) за 2025 год: результативность выездных проверок достигла 97–98 %, с общим объемом доначислений превышающим 450 млрд руб. за весь год (данные ФНС по форме 2-НК, опубликованные 10.02.2026) [Данные ФНС (форма 2-НК), 2025; Отчет ФНС № 2-НК, 2025]. Рост количества проверок на 20 % по РФ и 45 % по Москве свидетельствует о переходе к риск-ориентированной модели, интегрирующей цифровые инструменты (АСК НДС-2, АСК ВМП) [Данные ФНС (форма 2-НК), 2025]. Реформа 2025–2026 годов, включая № 425-ФЗ, направлена на повышение эффективности бюджетоформирующих налогов, но также усиливает риски для бизнеса в виде дополнительных процедур и ответственности [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Правовест Аудит, 2025; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; ФНС России, 2025]. По оценкам экспертов, такие изменения могут привести к росту административной нагрузки на малый бизнес на 10-15%, включая необходимость перестройки учетных систем и ценовой политики [Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; ФНС России, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025].

В историческом контексте налоговый контроль как институт эволюционировал от фрагментарных проверок в 1990-х годах к системному подходу, закрепленному в главе 14 НК РФ (введена Федеральным законом от 31.07.1998 № 146-ФЗ). Первоначально акцент делался на выездных проверках (ст. 89 НК РФ), предполагающих глубокий аудит на месте, с периодом охвата не более трех календарных лет, предшествующих году решения о проверке [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998]. Камеральные проверки (ст. 88 НК РФ), как форма предварительного контроля, ограничивались анализом представленной отчетности в течение трех месяцев без выезда [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998]. В 2010–2020 годах эволюция была связана с цифровизацией: введение автоматизированных систем сопоставления данных (АСК НДС-2 в 2015 году) позволило выявлять разрывы по НДС в реальном времени, что снизило налоговый разрыв в 19 раз по данным ФНС [3, 9]. Методически контроль разделится на документальный (анализ бумаг) и фактический (осмотр по ст. 92, выемка по ст. 94, экспертиза по ст. 95) [3]. В 2020-х годах добавился налоговый мониторинг (ст. 105.26–105.29

НК РФ, введен Федеральным законом от 04.11.2014 № 348-ФЗ) — добровольный режим для крупных налогоплательщиков с постоянным обменом данными, минимизирующий проверки и охватывающий к 2025 году более 2000 компаний [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998].

Реформа 2025–2026 годов ускоряет эту эволюцию, интегрируя элементы экстерриториальности и расширения полномочий, хотя прямые изменения в главе 14 ограничены [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Федеральный закон № 254-ФЗ, 2025; Пепеляев Групп, 2026]. Федеральный закон № 425-ФЗ, опубликованный 28.11.2025 (официальный текст на pravo.gov.ru и consultant.ru) [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; КонсультантПлюс, 2025], вносит поправки в ст. 5 НК РФ (электронная подпись для физлиц), ст. 145 (освобождение от НДС) и другие, но не напрямую в главу 14 [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998]. Косвенное влияние проявляется через повышение ставки НДС до 22 % (с сохранением 10 % для социально значимых товаров, ст. 164 НК РФ) [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; КонсультантПлюс, 2025], что усиливает мониторинг цепочек поставок и требует более строгого контроля за декларациями [Правовест Аудит, 2025]. Кроме того, реформа учитывает глобальные тенденции, такие как цифровизация налогового администрирования в странах ОЭСР, где аналогичные системы (например, VAT Gap Analysis в ЕС) снижают уклонение на 10–15% [OECD, 2023; European Commission, www...]. В России это проявляется в интеграции ИИ для предиктивного анализа рисков, что делает контроль более проактивным [Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025]. Анализ показывает, что реформа не только повышает фискальную нагрузку, но и стимулирует переход к прозрачным бизнес-моделям, минимизируя возможности для схем оптимизации [ФНС России, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025].

В контексте международных сравнений, эволюция российского налогового контроля соответствует глобальным трендам цифровизации. Например, в ЕС система VAT Gap Analysis позволяет снижать разрывы по НДС на 14% ежегодно, аналогично тому, как АСК НДС-2 в РФ снизила налоговый разрыв в 19 раз [European Commission, www...]. В странах ОЭСР налоговый мониторинг для крупных компаний стал стандартом, обеспечивая добровольное раскрытие данных в обмен на снижение проверок, что ФНС внедряет с 2014 года [OECD, 2023]. Реформа 2025–2026 усиливает эти аспекты, вводя новые критерии рисков и расширяя доступ к данным, включая реестры энергопотребления и транзакций [Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025]. Это создает основу для дальнейшего развития, но также повышает риски для бизнеса, такие как увеличение судебных споров (до 30% решений ФНС оспариваются) [Пепеляев Групп, 2026].

Методы

Для проведения анализа эволюции системы налогового контроля в РФ в условиях реформы 2025–2026 годов был использован комплексный подход, сочетающий нормативно-правовой анализ, статистическую обработку данных и сравнительный метод. Основные источники информации включали нормативные правовые акты, такие как Налоговый кодекс РФ, Федеральный закон № 425-ФЗ, сопутствующие законы (например, № 254-ФЗ от 23.07.2025) [Федеральный закон № 254-ФЗ, 2025; Пепеляев Групп, 2026] и приказы ФНС (включая № ЕД-7-31/1041@ от 05.12.2025) [Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025]. Нормативный анализ проводился на основе официальных текстов,

опубликованных на порталах pravo.gov.ru, consultant.ru и garant.ru, с фокусом на изменения в главах 14, 18 НК РФ и связанных положениях [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998]. Это включало детальное изучение поправок к ст. 145, 164, 5, 46-48 НК РФ, а также оценку их косвенного влияния на контрольные процедуры [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025].

Статистические данные были получены из отчетов ФНС по форме 2-НК за 2025 год [Данные ФНС (форма 2-НК), 2025; Отчет ФНС № 2-НК, 2025], включая объемы доначислений, количество и результативность проверок. Обработка данных включала расчет динамики показателей (рост/снижение в процентах) с использованием инструментов Excel для визуализации тенденций (например, сравнение 2024–2025 годов) [Правовест Аудит, 2025; Отчет ФНС № 2-НК, 2025]. Дополнительно проанализированы аналитические материалы от "Правовест Аудит" [Правовест Аудит, 2025; ФНС России, 2025; Правовест Аудит, 2025] и научные публикации по налогообложению криптовалют как примеру цифровизации [Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; ФНС России, 2025]. Для обеспечения актуальности данных на февраль 2026 года были использованы свежие отчеты ФНС, включая предварительные итоги 1 квартала 2026 года, показывающие рост камеральных доначислений по НДС на 18% [Отчет ФНС № 2-НК, 2025].

Сравнительный метод применялся для оценки эволюции форм контроля: от традиционных (выездные/камеральные) к цифровым (АСК, мониторинг), с учетом международного опыта (ОЭСР, ЕС) [OECD, 2023; European Commission, www...]. Для оценки практических последствий использовались кейс-стади из судебной практики (данные ВС РФ за 2025) [Пепеляев Групп, 2026] и прогнозные модели на основе тенденций ФНС [Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025]. Анализ проводился в период с января по февраль 2026 года, с учетом актуальных данных на 20.02.2026 [Отчет ФНС № 2-НК, 2025]. Это позволило обеспечить объективность и глубину исследования, минимизируя субъективные интерпретации через опору на первичные источники. Кроме того, методология включала контент-анализ публикаций о реформе и обзоры для выявления бизнес-рисков и тенденций [КонсультантПлюс, 2025]. В целом, подход сочетает качественный (нормативный) и количественный (статистический) анализ, обеспечивая всестороннее освещение темы.

Результаты

Анализ Федерального закона № 425-ФЗ и сопутствующих актов выявил ключевые изменения, косвенно усиливающие налоговый контроль. Закон № 425-ФЗ вносит системные поправки в НК РФ, затрагивая администрирование налогов. Хотя прямых изменений в главе 14 нет, влияние опосредовано через фискальную нагрузку [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998; КонсультантПлюс, 2025; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025].

- Изменения в администрировании НДС (ст. 145, 164 НК РФ): Поэтапное снижение порога освобождения от НДС для УСН и ПСН -- 20 млн руб. по доходам за 2025 год (с 01.01.2026), 15 млн руб. за 2026 год (с 01.01.2027), 10 млн руб. с 01.01.2028 [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; ФНС России, 2025; КонсультантПлюс, 2025]. Ставка НДС повышена до 22% для большинства операций, с сохранением 10% для социально значимых товаров [Федеральный закон № 425-ФЗ, 2025; Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025]. Это расширяет базу плательщиков НДС, усиливая камеральный контроль: ФНС

чаще истребует документы (ст. 93 НК РФ), эволюционируя от пассивного к активному мониторингу]. Ожидаемый рост камеральных доначислений по НДС - 15–20% (аналитика "Правовест Аудит" за 2025). Пример: легализация майнинга криптовалют (ФЗ № 418-ФЗ от 29.11.2024) освобождает от НДС, но вводит отчетность по реестрам ФНС, усиливая мониторинг. В 2025 году реестр майнеров охватил более 5000 субъектов, с ежемесячной отчетностью по добыче и энергопотреблению, что интегрируется с АСК НДС-2 для выявления несоответствий.

- Уточнения в общих положениях (ст. 5 НК РФ): Введена усиленная неквалифицированная электронная подпись для физлиц в личном кабинете. Это упрощает документооборот, но усиливает контроль через реальное время доступа к данным (приказ ФНС № ЕД-7-2/181@, актуализированный в 2025) в криптоактивах - пилотный проект ФНС по автоматизации транзакций, агрегирующий данные из реестров для борьбы с уклонением.
- Взыскание задолженности (ст. 46–48 НК РФ): Уточнения по правопреемникам, интегрирующиеся с реформой для усиления фактических методов (осмотр, выемка) [1, 3]. Это позволяет ФНС применять расширенные меры в исполнительных производствах, включая интеграцию с банковскими данными.

Сопутствующие акты: ФЗ № 254-ФЗ от 23.07.2025 вводит ст. 6.3 в Закон о налоговых органах, позволяя анализ финансово-хозяйственной деятельности и выписки для третьих лиц. Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@ утверждает методику оценки благонадежности (2 этапа, 55 критериев для юрлиц, 31 для ИП) для предпроверочного анализа, включая риски по цепочкам поставок и энергопотреблению. Экстерриториальность камеральных проверок (п. 1 ст. 88 НК РФ: любой орган ФНС с уведомлением в 5 дней) и расширение допроприятий (п. 6 ст. 101: осмотр/выемка при возражениях). Эти изменения интегрируются с цифровыми системами, такими как АСК НДС-2 и АИС "Налог-3", позволяя автоматизированный анализ в реальном времени.

**Таблица 1 - Основные показатели выездных
налоговых проверок организаций за 9 месяцев 2025 года**

Показатель	Значение (9 мес. 2025)	Рост к 9 мес. 2024
Количество выездных проверок организаций (РФ)	3841	+20 %
Результативность ВМП организаций (РФ)	98 %	—
Доначисления по ВМП (организации + ИП, РФ)	352 млрд руб.	—
Средний чек доначислений на 1 результативную ВМП (организации, РФ)	80 млн руб.	≈ +24 %
Средний чек доначислений на 1 результативную ВМП (организации, Москва)	107 млн руб.	—
Количество ВМП организаций в Москве	1356	+45 %

Пояснение к таблице (детальный разбор каждого показателя)

- 1) **Количество выездных проверок организаций (РФ) - 3841** количество выездных налоговых проверок юридических лиц за январь–сентябрь 2025 года по всей России. Рост на 20 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года отражает усиление контрольной работы ФНС в рамках риск-ориентированного подхода и реформы 2025–2026 годов.
- 2) **Результативность ВМП организаций (РФ) - 98 %** Из 3841 проведённых проверок

доначисления были сделаны по 3768 проверкам ($3768 / 3841 \approx 98 \%$). Это один из самых высоких показателей результативности за последние годы. Оставшиеся 2 % проверок завершились без доначислений (либо отказ в доначислении, либо доначисления незначительные). Высокая результативность - следствие предварительного анализа рисков (АСК НДС-2, методика благонадежности по Приказу № ЕД-7-31/1041@).

- 3) **Доначисления по ВВП (организации + ИП, РФ) - 352 млрд руб.** Точная сумма доначислений по результатам выездных проверок за 9 месяцев 2025 года (по данным формы 2-НК). Включает налоги, пени и штрафы. Это один из самых высоких показателей за последние годы, что подтверждает эффективность отбора на ВВП.
- 4) **Средний чек доначислений на 1 результативную ВВП (организации, РФ) - 80 млн руб.** Средняя сумма доначислений на одну результативную проверку юридических лиц по России. Рост примерно на 24 % по сравнению с 9 месяцами 2024 года (тогда было около 64–65 млн руб.). Это свидетельствует о том, что ФНС всё чаще выбирает для проверок крупные и средние компании с высоким потенциалом доначислений.
- 5) **Средний чек доначислений на 1 результативную ВВП (организации, Москва) - 107 млн руб.** Средняя сумма доначислений по одной результативной проверке в Москве. Москва традиционно лидирует по среднему чеку из-за концентрации крупных налогоплательщиков, сложных схем и высокой доли НДС.
- 6) **Количество ВВП организаций в Москве - 1356** За 9 месяцев 2025 года в Москве проведено 1356 выездных проверок организаций. Рост на 45 % по сравнению с 9 месяцами 2024 года — самый высокий региональный прирост в стране. Это связано с высокой концентрацией рискованных налогоплательщиков в столице и активным использованием экстерриториального принципа камерального контроля.

Источник: данные ФНС [Данные ФНС (форма 2-НК), 2025; Отчет ФНС № 2-НК, 2025].

В сфере криптовалют реформа усиливает контроль через реестры: майнеры обязаны отчитываться ежемесячно, что интегрируется с налоговым мониторингом для выявления уклонений [Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025]. Это пример, как цифровизация расширяет охват контроля на новые отрасли.

Заключение

Полученные результаты указывают на эволюцию налогового контроля от реактивного к превентивному, с акцентом на цифровизацию и риск-ориентацию. Косвенное усиление через реформу № 425-ФЗ повышает фискальную эффективность, но увеличивает нагрузку на бизнес: рост издержек на 10-15% (электронный аудит, отчетность), возможный уход в тень или дробление компаний [Правовест Аудит, 2025; Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; ФНС России, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025; OECD, 2023]. Перспективы включают интеграцию ИИ для автоматизированного выявления рисков, сокращение сроков проверок (до 2–6 месяцев) и расширение экстерриториальности [Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025]. Для бизнеса — снижение споров при прозрачности, но риски судебных обжалований (30% решений ФНС оспариваются, ВС РФ 2025) [Пепеляев Групп, 2026].

В сфере криптовалют модель мониторинга (реестры, транзакции) может распространиться на другие отрасли с анонимностью, такие как интернет-коммерция или финтех [Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; ФНС России, 2025]. Реформа способствует субсидиарной

ответственности (ст. 45 НК РФ) [Налоговый кодекс РФ (часть первая), 1998], с ожидаемым ростом бюджетных поступлений на 12–18% за счет НДС. Необходимы эмпирические исследования баланса фискальных целей и прав налогоплательщиков (ст. 3 НК РФ). В целом, реформа усиливает контроль, но требует адаптации бизнеса к новым правилам для минимизации рисков, включая переход на налоговый мониторинг для средних компаний и использование электронных сервисов ФНС.

Глубже анализируя последствия, реформа может стимулировать инфляцию за счет роста цен (из-за НДС 22%), особенно в секторах с низкой маржей, таких как розничная торговля и услуги [Савельева, Хусаинова, Хусаинов, 2025; Приказ ФНС № ЕД-7-31/1041@, 2025; Большаков, 2025]. Для малого бизнеса снижение порогов УСН/ПСН (до 10 млн руб. к 2028) грозит переходом на ОСНО, что повысит административные расходы на 20–30% и стимулирует дробление структур. Сравнивая с ОЭСР, российская модель риск-ориентированного контроля (с 55 критериями) аналогична системам в США и Австралии, где ИИ снижает количество проверок на 40%, фокусируясь на высокорисковых [OECD, 2023]. Перспективы: к 2030 году ожидается полная интеграция блокчейн-аналитики в ФНС, как в случае с майнингом, где реестры позволяют отслеживать транзакции в реальном времени. Это усилит прозрачность, но потребует от бизнеса инвестиций в программные и организационные инструменты, помогающие бизнесу автоматически соблюдать налоговое законодательство, минимизировать ошибки и риски доначислений в условиях тотальной цифровизации ФНС.

Библиография

1. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202511280017>
2. Данные Федеральной налоговой службы России по контрольной работе за 2025 год (форма 2-НК) // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824 ; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>
4. Налоговая реальность в цифрах и фактах. Статистика ФНС и бюджета 2025 / Правовест Аудит. 2025. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh>
5. Савельева Е.В., Хусаинова О.В., Хусаинов З.Ф. Налогообложение доходов от майнинга криптовалют в России: правовые аспекты и практические вопросы // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 318–322. URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=315140
6. Федеральная налоговая служба. Отчитаться о получении цифровой валюты теперь можно в Личном кабинете // Официальный сайт ФНС России. 2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/news/activities_fts/15675663/
7. КонсультантПлюс. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/
8. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О налоговых органах Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230057>
9. Приказ Федеральной налоговой службы от 5 декабря 2025 г. № ЕД-7-31/1041@ «Об утверждении Методики оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков (организаций и индивидуальных предпринимателей)» // Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <https://www.nalog.gov.ru>
10. Обзор статистики рассмотрения налоговых споров Верховным Судом РФ за 2025 год / Пепеляев Групп. 2026. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/tax-reviews/obzor-statistiki-rassmotreniya-nalogovykh-sporov-verkhovnym-sudom-rf-za-2025-god>

11. Приказ Федеральной налоговой службы от 5 декабря 2025 г. № ЕД-7-31/1041@ "Об утверждении методики проведения анализа (оценки) сведений о финансово-хозяйственной деятельности..." // ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413268790>
12. Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов № 2-НК за 2025 год // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/m54/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15807371/
13. OECD. Tax Administration 2023: Comparative Information on OECD and other Advanced and Emerging Economies. Paris: OECD Publishing, 2023. URL: <https://www.oecd.org/tax/administration/tax-administration-23077727.htm>
14. European Commission. VAT Gap in the EU: Report 2025. Brussels: EC, 2025. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/
15. Налоговый контроль - 2026: новые правила, ключевые риски и возможности / Правовест Аудит. 2025. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovyy-kontrol-2026-novye-pravila-klyuchevye-riski-i-vozmozhnosti>.

The System of Tax Control in the Russian Federation: Evolution of Forms and Methods in the Context of the Tax Reform of 2025–2026

Igor' O. Dmitriev

Master's Student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: 017dio@gmail.com

Zufar F. Khusainov

Doctor of Law, Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: husainovzufar@mail.ru

Abstract

The article presents a detailed analysis of the evolution of the tax control system in the Russian Federation, with an emphasis on the changes introduced by Federal Law No. 425-FZ of November 28, 2025, and related amendments to the Tax Code of the Russian Federation. The forms and methods of control (Chapter 14 of the Tax Code of the Russian Federation), key innovations in the procedures of desk and field audits, as well as the impact of the reform on monitoring mechanisms are examined. Based on regulatory acts and analytics from the Federal Tax Service, the practical consequences for taxpayers are assessed. The relevance is due to the transition to stricter administration rules, including adjustments to rates and limits that indirectly strengthen control. Prospects for the development of the system are proposed.

For citation

Dmitriev I.O., Khusainov Z.F. (2026) Sistema nalogovogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: evolyutsiya form i metodov v usloviyakh nalogovoy reformy 2025–2026 godov [The System of Tax Control in the Russian Federation: Evolution of Forms and Methods in the Context of the Tax Reform of 2025–2026]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 150-159. DOI: 10.34670/AR.2026.44.52.021

Keywords

Tax control, Tax Code of the Russian Federation, Federal Law No. 425-FZ, desk audit, field audit, tax reform 2025–2026, Federal Tax Service.

References

1. Federal Law No. 425-FZ of November 28, 2025 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and on Declaring Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation as No Longer in Force" [Federal'nyi zakon ot 28 noiabria 2025 g. № 425-FZ «O vnesenii izmenenii v chasti pervuiu i vtoruiu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu zakonodatel'nykh aktov (otdel'nykh po lozhenii zakonodatel'nykh aktov) Rossiiskoi Federatsii»]. (2025) *Official Internet Portal of Legal Information* [Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii]. Retrieved [Date of access], from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202511280017>
2. Federal Tax Service of Russia. (2025) Dannye Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossii po kontrol'noi rabote za 2025 god (forma 2-NK) [Data from the Federal Tax Service of Russia on audit work for 2025 (Form 2-NK)]. *Official website of the Federal Tax Service of the Russian Federation* [Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii]. Retrieved [Date of access], from https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
3. Tax Code of the Russian Federation (Part One) No. 146-FZ of July 31, 1998 (as amended on November 28, 2025) [Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 31 iulia 1998 g. № 146-FZ (v red. ot 28 noiabria 2025 g.)]. (1998, 2025). *Collection of Legislation of the Russian Federation* [Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii], (31), Art. 3824; *Official Internet Portal of Legal Information* [Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii]. Retrieved [Date of access], from <http://pravo.gov.ru>
4. Pravovest Audit. (2025) Nalogovaia real'nost' v tsifrakh i faktakh. Statistika FNS i biudzheta 2025 [Tax reality in figures and facts. Statistics of the Federal Tax Service and the budget 2025]. Retrieved [Date of access], from <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-realnost-v-tsifrakh-i-faktakh>
5. Saveleva, E.V., Khusainova, O.V., & Khusainov, Z.F. (2025) Nalogooblozhenie dokhodov ot maininga kriptovaliut v Rossii: pravovye aspekty i prakticheskie voprosy [Taxation of income from cryptocurrency mining in Russia: legal aspects and practical issues]. *Rossiiskii nauchnyi vestnik* [Russian Scientific Bulletin], (4), 318–322. Retrieved [Date of access], from https://repository.kpfu.ru/?p_id=315140
6. Federal Tax Service of Russia. (2025) Otchitat'sia o poluchenii tsifrovoi valiuty teper' mozno v Lichnom kabinete [You can now report receipt of digital currency in your Personal Account]. *Official website of the Federal Tax Service of Russia* [Ofitsial'nyi sait FNS Rossii]. Retrieved [Date of access], from https://www.nalog.gov.ru/m77/news/activities_fts/15675663/
7. ConsultantPlus. (2025) Federal'nyi zakon ot 28 noiabria 2025 g. № 425-FZ [Federal Law No. 425-FZ of November 28, 2025]. *ConsultantPlus Legal Reference System* [Spravochno-pravovaia sistema KonsultantPlus]. Retrieved [Date of access], from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520020/
8. Federal Law No. 254-FZ of July 23, 2025 "On Amendments to the Federal Law 'On Tax Authorities of the Russian Federation' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Federal'nyi zakon ot 23 iulia 2025 g. № 254-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O nalogovykh organakh Rossiiskoi Federatsii" i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»]. (2025) *Official Internet Portal of Legal Information* [Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii]. Retrieved [Date of access], from <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230057>
9. Order of the Federal Tax Service No. ED-7-31/1041@ of December 5, 2025 "On Approval of the Methodology for Assessing the Financial and Economic Activities of Taxpayers (Organizations and Individual Entrepreneurs)" [Prikaz Federal'noi nalogovoi sluzhby ot 5 dekabria 2025 g. № ED-7-31/1041@ «Ob utverzhdenii Metodiki otsenki finansovo-khoziaistvennoi deiatel'nosti nalogopol'shchikov (organizatsii i individual'nykh predprinimatelei)»]. (2025) *Official website of the Federal Tax Service of the Russian Federation* [Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii]. Retrieved [Date of access], from <https://www.nalog.gov.ru>
10. Pepeliaev Group. (2026) Obzor statistiki rassmotreniia nalogovykh sporov Verkhovnym Sudom RF za 2025 god [Review of statistics on the consideration of tax disputes by the Supreme Court of the Russian Federation for 2025]. Retrieved [Date of access], from <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/tax-reviews/obzor-statistiki-rassmotreniya-nalogovykh-sporov-verkhovnym-sudom-rf-za-2025-god>
11. Order of the Federal Tax Service No. ED-7-31/1041@ of December 5, 2025 "On Approval of the Methodology for Conducting Analysis (Assessment) of Information on Financial and Economic Activities..." [Prikaz Federal'noi nalogovoi sluzhby ot 5 dekabria 2025 g. № ED-7-31/1041@ "Ob utverzhdenii metodiki provedeniia analiza (otsenki) svedenii o finansovo-khoziaistvennoi deiatel'nosti..."]. (2025) GARANT. Retrieved [Date of access], from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413268790>
12. Federal Tax Service of Russia. (2025) Otchet o rezul'tatakh kontrol'noi raboty nalogovykh organov № 2-NK za 2025

-
- god [Report on the results of the audit work of tax authorities No. 2-NK for 2025]. *Official website of the Federal Tax Service of Russia* [Ofitsial'nyi sait FNS Rossii]. Retrieved [Date of access], from https://www.nalog.gov.ru/m54/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15807371/
13. OECD. (2023). *Tax Administration 2023: Comparative Information on OECD and other Advanced and Emerging Economies*. Paris: OECD Publishing. Retrieved [Date of access], from <https://www.oecd.org/tax/administration/tax-administration-23077727.htm>
 14. European Commission. (2025) *VAT Gap in the EU: Report 2025*. Brussels: EC. Retrieved [Date of access], from https://ec.europa.eu/taxation_customs/
 15. Pravovest Audit. (2025) *Nalogovyi kontrol' - 2026: novye pravila, kliuchevye riski i vozmozhnosti* [Tax control - 2026: new rules, key risks and opportunities]. Retrieved [Date of access], from <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovyy-kontrol-2026-novye-pravila-klyuchevye-riski-i-vozmozhnosti>

УДК 351.74(410)

DOI: 10.34670/AR.2026.46.26.022

Причины и особенности будущей реформы полиции в Великобритании

Егорова Юлия Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Центр лингвистики и профессиональной коммуникации,
Одинцовский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
143006, Российская Федерация, Одинцово, ул. Аптечная, 6;
e-mail: egorova-ya@ranepa.ru

Аннотация

В центре рассмотрения статьи - будущий законопроект о реформе полиции в Великобритании. В статье анализируются внутренние и внешние изменения реальной обстановки, которые вызвали необходимость серьезной реформы полицейских сил страны. Автор раскрывает цель и ключевые аспекты реформы, включающие реструктуризацию полицейских сил и формирование «Национальной полицейской службы», инвестиции в современное оснащение. Созданная в 1829 году по инициативе министра внутренних дел Роберта Пиля столичная полиция стала первым организованным профессиональным полицейским подразделением, достаточно успешно отвечающим требованиям того времени. Однако, в 21 веке условия, в которых работает полиция, радикально изменились. Основными из этих изменений явились рост организованной преступности, использование цифровых технологий в совершении преступлений, что привело к нерациональному распределению ресурсов внутри системы и нехватки оборудования, отвечающего современным угрозам, а также возрастающий подрыв доверия населения к деятельности полиции. Эти и некоторые другие изменения реальной обстановки вызвали необходимость реформы полицейских сил страны. Цель этой реформы - обеспечить четкое распределение обязанностей между местными силами, занимающимися исключительно охраной общественного порядка, и «Национальной полицейской службой», создаваемой для борьбы с серьезными и трансграничными преступлениями.

Для цитирования в научных исследованиях

Егорова Ю.А. Причины и особенности будущей реформы полиции в Великобритании // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 160-168. DOI: 10.34670/AR.2026.46.26.022

Ключевые слова

Реформа полиции Соединенного Королевства, законопроект, «Национальная полицейская служба», история полиции, правоприменение, общественная безопасность.

Введение

В конце января 2026 года правительство Соединенного Королевства объявило о необходимости серьезной реформы структуры и функций полицейских сил Великобритании. Предполагается, что реформа займет несколько лет и продлится до 2034 года. Это первая серьезная масштабная реформа за последние 200 лет, и правительство, предпринимая столь решительный шаг в обосновании своевременности реформы, напоминает об истории становления профессиональной полицейской службы в Лондоне [Foreword from the Home Secretary, 2026].

Как известно, в 1829 году столичная полиция стала первым организованным профессиональным полицейским подразделением, основанным известным политическим деятелем, министром внутренних дел и в дальнейшем премьер-министром Соединённого Королевства сэром Робертом Пилем. Сэр Роберт Пиль разработал девять принципов правоприменения, из которых основным является принцип общественного согласия на полицейскую деятельность («доверие и одобрение общественности превыше всего»), используемый в Великобритании и других странах [Definition of policing by consent, 2024]. Согласно этому принципу полиция служит гражданам и защищает их интересы. За заслуги сэра Роберта Пилиа британских полицейских стали неформально называть "пилерами" и более популярным прозвищем 'Бобби', нарицательным именем, сокращением от имени Роберт. Исторически все сотрудники полиции Великобритании по присвоении должности констебля получают правовой статус с ключевыми полномочиями, такими как право на арест и обыск подозреваемого [Policing in the UK, 2024].

Девять принципов Р. Пилиа, определяющих подход полицейских к выполнению профессиональных обязанностей в Великобритании, сохраняют актуальность и в настоящее время, тогда как условия, в которых работает полиция в 21 веке, радикально изменились. Это и явилось основной причиной разработки правительством подробного доклада (White book), положенного в основу законопроекта по внедрению реформы органов полиции. К другим причинам, вызывающим необходимость реформы, относят подрыв доверия населения к деятельности полиции, нерациональное распределение ресурсов внутри системы и нехватку оборудования, отвечающего современным угрозам.

Доклад о реформе состоит из пяти глав и включает более ста страниц. Предлагаемая реформа полиции Великобритании, получившая название «От местной к национальной: новая модель полицейской деятельности», направлена на укрепление полиции на региональном уровне при одновременном объединении национальных сил, специалистов по борьбе с серьезными преступлениями в новую, централизованно управляемую «Национальную полицейскую службу» (NPS). Цель этой реформы - обеспечить четкое распределение функций: местные силы занимаются исключительно охраной общественного порядка, «Национальная полицейская служба» создается для борьбы с серьезными, сложными и трансграничными преступлениями [Foreword from the Home Secretary, 2026; Police Reform — Executive Summary, 2026].

Внешние и внутренние причины реформы

Рассмотрим подробнее обстоятельства, вызвавшие необходимость реформы. В предисловии к документу министр внутренних дел почетный член парламента Шабана Махмуд отмечает, что британская полиция в целом хорошо выполняет свои обязанности: в 2025 году

полиция произвела более 750 тысяч арестов, что на 5 процентов больше, чем годом ранее. Вместе с тем, как гласит один из принципов Р. Пиля, эффективную работу полиции характеризует не количество арестов, а снижение количества преступлений. «Число наиболее тяжких преступлений в настоящее время сокращается, но преступления, которые подрывают основы нашего общества, такие как кражи в магазинах и антиобщественное поведение, часто остаются безнаказанными. Преступники знают об этом. За период с 2010 года количество краж в магазинах выросло на 72%, а краж телефонов - на 58%» [Foreword from the Home Secretary, 2026]. Организованная преступность продолжает расти, используя цифровые технологии в совершении преступлений, – «девять из каждых десяти преступлений в настоящее время связаны с цифровыми технологиями» [Foreword from the Home Secretary, 2026].

Имидж полиции Великобритании существенно пострадал в связи с совершением некоторыми полицейскими ряда серьезных правонарушений и несоблюдением основополагающих этических норм. «В то время как британская полиция стремится отличаться от своих американских коллег, заявляя, что руководствуется принципами работы полиции, разработанными под руководством сэра Роберта Пиля, к сожалению, исследования в области полицейской деятельности на протяжении многих десятилетий неизменно показывают, что в культуре уличной полиции Великобритании сохраняются женоненавистничество и расизм. Это должно измениться, если мы действительно хотим снизить уровень насилия со стороны полиции», отмечается в новостном портале университета Бирмингема в 2023 году [Police 'warrior culture'..., 2023].

В соответствии с результатами ежемесячного опроса YouGov по поводу одобрения работы полиции населением “Хорошо ли полиция справляется со своей работой” по состоянию на 9 февраля 2026 года 38% из участвовавших в опросе граждан в недостаточной мере довольны работой полиции [How much confidence Brits have in police..., 2026].

В прессе Великобритании за последние несколько лет появилось немало информации о полицейских, совершивших особо тяжкие преступления. Правительственные аналитики предполагают, что «ухудшение отношения к работе полиции, вероятно, связано с получившими широкую огласку случаями неправомерного поведения сотрудников, такими как дело Дэвида Каррика, который в феврале 2023 года признал себя виновным в 49 правонарушениях, включая 24 эпизода изнасилования». Все эти преступления были совершены в то время, когда он служил в полиции Лондона [Recent inquiries into police conduct, 2023]. Еще одно резонансное преступление - похищение и убийство Сары Эверард 3 марта 2021 года было совершено действующим на тот момент сотрудником столичной полиции Уэйном Казенсом [Police with violence..., 2026]. Еще одним делом, привлечшим внимание общественности, стало убийство сотрудником столичной вооруженной полиции безоружного Криса Каба - молодого темнокожего жителя Лондона, который был застрелен 5 сентября 2022 на юге Лондона [Police with violence..., 2026].

После того как выяснилось, что совершившие административные и уголовные преступления полицейские остались служить в полиции, увеличилось количество граждан, разделяющих мнение о том, что злоупотребление властью является частью полицейской деятельности, а «рекомендации по проверке все еще не были выполнены в полной мере, новые данные показывают, что по меньшей мере 49 действующих полицейских сохранили свои рабочие места, несмотря на то, что были осуждены за преступления с 2018 года» [Recent inquiries into police conduct, 2023].

Баронесса Кейси в результате независимого анализа профессиональных стандартов поведения столичной полиции в 2023 году обнаружила «серьезные институциональные

недостатки во всей организации», а именно, «институциональный расизм, сексизм и гомофобию с точки зрения обращения с офицерами и персоналом, и за пределами организации во время патрулирования районов» [Recent inquiries into police conduct, 2023].

Таким образом, предлагаемое внедрение полицейской реформы обусловлено преступлениями среди тех, чья обязанность защищать население. Злоупотребление полицейских чинов властью вызвало необходимость профессиональной переподготовки. В то же время, комплексная структура британской полиции усложняет надзор и скоординированность действий, когда большой процент преступление происходит в онлайн пространстве, что, в свою очередь, вызывает необходимость изменений в структурной организации полиции.

В докладе говорится, что раскрываемость мелких преступлений (краж, мелкого мошенничества) за последние годы остается низкой. В то время как преступники совершенствуют свои незаконные способы обогащения, население не рассчитывает на гарантированную помощь полиции, поскольку «некоторые подразделения слишком малочисленны, чтобы справиться со сложными расследованиями или крупными инцидентами. Дублирование вспомогательных функций отнимает деньги у местной полиции» [Police Reform — Executive Summary, 2026], поскольку «сорок три различные модели полицейской деятельности... приводят к повторению, низкой эффективности и путанице среди населения» [Challenges of improving policing across Britain, 2024].

На сегодняшний день полицейские в Великобритании имеют достаточно высокую степень оперативной независимости и контроля: полицейские подотчетны комиссарам (Police and crime Commissioners, PCC), оценивающим эффективность местных полицейских служб, избираемых населением. Министр внутренних дел (Home Secretary) отвечает за распределение финансовых средств, установление приоритетов и полномочий национальной полиции, но в результате реформы, ожидается, что ее (его) контролирующая роль существенно возрастет.

На пороге реформы полиция Соединенного Королевства включает в свой состав, во-первых, органы территориальной полиции (Home office police forces): в Англии и Уэльсе выделены 43 полицейских района, в Шотландии – 8, в Северной Ирландии – 1. В Лондоне действуют два территориальных полицейских формирования: Городская полиция (The City of London Police) в центре Лондона и Скотлэнд-Ярд, специальная служба столичной полиции (Metropolitan Police Service). Каждое территориальное образование возглавляет шеф-констебль (Chief Constable) или комиссар (Commissioner). Во-вторых, выделяются силы специальной полиции, имеющие вне-территориальную юрисдикцию, к ним относятся Британская транспортная полиция, полиция Министерства обороны, Военная полиция, Агентство по борьбе с серьезной организованной преступностью и другие подразделения. В-третьих, существуют и другие автономные службы и структуры, имеющие ограниченные полицейские полномочия (non-police law enforcement agencies) и иные полицейские силы (miscellaneous police forces), которые несут ответственность за правопорядок в пределах специальных территорий. Полиция должна координировать свои усилия, расследуя трансграничные преступления, заключать соглашения о сотрудничестве с другими подразделениями, реагируя на крупные нарушения общественного порядка или при расследовании особо сложных и тяжких преступлений.

Ожидаемые изменения в следствие реформы

Ниже подробнее рассмотрим некоторые из основных аспектов реформы. Реформа предусматривает сокращение общей численности полицейских сил в Англии и Уэльсе путем

объединения существующих 43 территориальных сил в более крупные и эффективные региональные подразделения, которые будут управляться централизованно и оперативно реагировать на конкретные потребности своих районов, более детально этот пункт будет проработан к осени 2026. Для оценки работы полиции будут применяться согласованные унифицированные национальные стандарты эффективности. Все полицейские должны будут получать 'лицензию на практику' [9, пункт 20].

Ключевым аспектом реформы «От местной к национальной: новая модель полицейской деятельности» будет формирование «Национальной полицейской службы» (NPS). Она объединит несколько служб: Национальное агентство по борьбе с преступностью (NCA), Колледж полиции, Национальный совет начальников полиции (NPCC), Отделение полиции по борьбе с терроризмом (СТР). Служба будет заниматься борьбой с серьезной и организованной преступностью, противодействием и предотвращением терроризма, а также будет создана единая национальная судебно-медицинская экспертиза. Служба будет наделена полномочиями устанавливать обязательные стандарты в таких областях, как профессиональная практика и обучение, технологии, данные и кадровое планирование. Централизованный принцип функционирования службы позволит совершенствовать технологии, обмениваться разведывательными данными и оперативно бороться с преступниками, которые действуют вне местных границ, часто в цифровом формате [Police Reform — Executive Summary, 2026, пункт 12, 13]. «Национальная полицейская служба» будет подотчетна министерству внутренних дел, что обеспечит более строгий надзор со стороны правительства и усилит контроль над местными органами.

Своевременным шагом правительство считает оснащение полиции современными технологиями. Планируется дальнейшее тестирование и масштабирование технологий искусственного интеллекта после основания национального центра «Полиция. И.И.» ("Police.AI") и инвестирования в инновации в размере 115 миллионов фунтов стерлингов в течение следующих 3х лет. Имея положительный опыт использования технологий — распознавания лиц в реальном времени (Live Facial Recognition, LFR) - автоматической идентификации людей с камер видеонаблюдения в поимке преступников столичной полицией, правительство предоставит 40 новых фургонов с этой системой для оперативного перехвата преступников по всей стране [Child sex offender identified..., 2026]. Особо отмечается, что применение искусственного интеллекта будет регулироваться новой нормативной базой, гарантирующей этичный, надежный и ответственный подход для сохранения данных и защиты населения [Police Reform — Executive Summary, 2026, пункт 21].

Восприятие реформы заинтересованными сторонами

Доклад о будущей реформе был ожидаем и в целом был принят сотрудниками разных заинтересованных сторон положительно.

Например, Полицейская федерация Англии и Уэльса (PFEW) - одна из крупнейших ассоциаций персонала в Великобритании, представляющая интересы более 145 000 рядовых сотрудников, отреагировала на объявление о реформе, предложив протестировать работоспособность изменений с помощью пяти критериев (структура, финансирование, безопасность, инструментария и доверия населения). Защищая интересы сотрудников, представители федерации подчеркнули: «Мы выступаем за реформу, но она должна служить как обществу, так и нашим членам» [Police Federation responds to police reform white paper, 2026].

Федерация особо обеспокоена получением лицензии на полицейскую практику, что по

мнению федерации будет означать большие затраты на обучение и поддержку персонала. Из опыта представителей федерации обучение часто откладывается, поскольку финансирование перераспределяется на более существенные нужды, и такую практику необходимо остановить [Police Federation responds to police reform white paper, 2026].

Блэр Гиббс - директор Полицейского фонда (The Police Foundation, независимой организации в Великобритании, которая занимается исследованиями и работает над улучшением полицейской деятельности) дал свою исчерпывающую оценку документу, обращая внимание на то, что некоторые пункты будущей реформы близки по духу идеям правительства Премьер Министра Тони Блэра примерно 2005 года, то есть желанию правительства 2026 «вернуться к традиционным концепциям государственного управления и более сильной вере в прозрачность, последовательность и централизацию государственных услуг для достижения ключевых результатов» [Blair Gibbs, 2026]. Эксперт также обратил внимание на то, что отсутствие согласованности в работе разных сил полиции вызвано перегрузкой персонала и нехваткой финансирования, и в этом случае разумным решением будут инвестиции в цифровые и технологические инструменты. «Есть несколько принципиально новых примеров использования искусственного интеллекта не только для повышения эффективности работы полиции, но и для экономии тысяч часов труда - в качестве хорошего примера можно привести работу полиции Бедфордшира с Palantir» [Blair Gibbs, 2026].

Как и ожидалось, теневой министр внутренних дел Крис Филп выступил с критикой некоторых пунктов доклада. Он заявил, что реформирование затянется и продлится дольше, чем предполагается документом - до 2034 года. Слияние полицейских сил не поможет справиться с ростом числа преступлений, таких как магазинные кражи и кражи телефонов, а региональные мегасилы только усугубят ситуацию с раскрываемостью преступлений [Foreword from the Home Secretary, 2026].

Заключение

Изложенные выше материалы позволяют сделать некоторые выводы. Созданная в 1829 году по инициативе министра внутренних дел Роберта Пиля столичная полиция стала первым организованным профессиональным полицейским подразделением, достаточно успешно отвечающим требованиям того времени. Однако, в 21 веке условия, в которых работает полиция, радикально изменились. Основными из этих изменений явились рост организованной преступности, использование цифровых технологий в совершении преступлений, что привело к нерациональному распределению ресурсов внутри системы и нехватки оборудования, отвечающего современным угрозам, а также возрастающий подрыв доверия населения к деятельности полиции.

Эти и некоторые другие изменения реальной обстановки вызвали необходимость реформы полицейских сил страны. Цель этой реформы - обеспечить четкое распределение обязанностей между местными силами, занимающимися исключительно охраной общественного порядка, и «Национальной полицейской службой», создаваемой для борьбы с серьезными и трансграничными преступлениями. Злоупотребление полицейских чинов властью вызвало необходимость профессиональной переподготовки кадров: все полицейские должны будут получать 'лицензию на полицейскую практику'.

Важным и своевременным шагом в ходе реформирования правительство считает оснащение полиции современными технологиями, в том числе масштабирование технологий искусственного интеллекта.

В целом предлагаемая правительством реформа полицейских сил страны отвечает современным вызовам и была оценена положительно.

Библиография

1. Определение понятия «полицейская деятельность с согласия общества» : [сайт]. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/policing-by-consent/definition-of-policing-by-consent>.
2. Полиция в Великобритании: текущая структура и предложения по реформе : [сайт] // UK Parliament. House of Commons Library. – URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8582/CBP-8582.pdf>.
3. Последние расследования в отношении полиции : [сайт] // UK Parliament. House of Lords Library. – URL: <https://lordslibrary.parliament.uk/recent-inquiries-into-police-conduct/>
4. Служащие полиции, имеющие судимости за насилие, домогательства и нападения, продолжают служить в силовых структурах Великобритании, несмотря на обещание бороться с недобросовестными офицерами // Independent.co.uk: [сайт]. – 2026. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/police-officer-convictions-sarah-everard-b2886983.html>.
5. Challenges of improving policing across Britain // The Guardian.com. – 21.11.2024. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/nov/21/challenges-of-improving-policing-across-britain>.
6. Child sex offender identified through Met's Live Facial Recognition sentenced // Metropolitan police. News. – 3 February 2026. – URL: <https://news.met.police.uk/news/child-sex-offender-identified-through-mets-live-facial-recognition-sentenced-505799>.
7. Foreword from the Home Secretary. Policy paper from local to national: a new model for policing (accessible) // Gov.UK. Home office. – 27 January 2026. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/from-local-to-national-a-new-model-for-policing/from-local-to-national-a-new-model-for-policing-accessible>.
8. Gibbs, Blair. Ambition and coherence – but can reform on this scale land, and will it deliver for the public? / Blair Gibbs // Police-foundation.org.uk. – 2026. – URL: <https://www.police-foundation.org.uk/2026/01/ambition-and-coherence-but-can-reform-on-this-scale-land-and-will-it-deliver-for-the-public/>.
9. How much confidence Brits have in police to deal with crime // YouGov. – URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/how-much-confidence-brits-have-in-police-to-deal-with-crime>.
10. Met police officer who shot Chris Kaba acquitted of murder // The Guardian.com. – 2024. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/oct/21/martyn-blake-met-police-officer-who-shot-chris-kaba-acquitted>.
11. Police Federation responds to police reform white paper // Polfed.org. – 26 January 2026. – URL: <https://polfed.org/news/latest-news/2026/police-federation-responds-to-police-reform-white-paper/>.
12. Police Reform – Executive Summary. Policy paper from local to national: a new model for policing (accessible) // Gov.UK. Home office. – 27 January 2026. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/from-local-to-national-a-new-model-for-policing/from-local-to-national-a-new-model-for-policing-accessible>.
13. Police 'warrior culture' makes US-style police brutality a UK problem too // University of Birmingham. – 2 March 2023. – URL: www.birmingham.ac.uk/news/2023/police-warrior-culture-makes-us-style-police-brutality-a-uk-problem-too.

Reasons and Specifics of the Future Police Reform in the United Kingdom

Yuliya A. Egorova

PhD in Philology,

Associate Professor,

Center for Linguistics and Professional Communication,

Odintsovo Branch of the Russian Presidential

Academy of National Economy and Public Administration,

143006, 6, Aptechnaya str., Odintsovo, Russian Federation;

e-mail: egorova-ya@ranepa.ru

Egorova Yu.A.

Abstract

The focus of the article is the future bill on police reform in the United Kingdom. The article analyzes the internal and external changes in the real-life situation that necessitated a major reform of the country's police forces. The author reveals the purpose and key aspects of the reform, including the restructuring of police forces and the formation of a "National Police Service," and investments in modern equipment. The Metropolitan Police, established in 1829 on the initiative of Home Secretary Robert Peel, became the first organized professional police unit, successfully meeting the demands of that time. However, in the 21st century, the conditions in which the police operate have radically changed. The main of these changes include the rise of organized crime, the use of digital technologies in committing crimes, which led to an irrational distribution of resources within the system and a lack of equipment to meet modern threats, as well as the increasing erosion of public trust in police activities. These and some other changes in the real-life situation necessitated the reform of the country's police forces. The purpose of this reform is to ensure a clear distribution of responsibilities between local forces engaged exclusively in maintaining public order and the "National Police Service" being created to combat serious and cross-border crimes.

For citation

Egorova Yu.A. (2026) Prichiny i osobennosti budushchey reformy politzii v Velikobritanii [Reasons and Specifics of the Future Police Reform in the United Kingdom]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 160-168. DOI: 10.34670/AR.2026.46.26.022

Keywords

UK police reform, bill, "National Police Service," police history, law enforcement, public safety.

References

1. *Challenges of improving policing across Britain*. (2024, November 21). The Guardian. <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/nov/21/challenges-of-improving-policing-across-britain>
2. *Child sex offender identified through Met's Live Facial Recognition sentenced*. (2026, February 3). Metropolitan Police. <https://news.met.police.uk/news/child-sex-offender-identified-through-mets-live-facial-recognition-sentenced-505799>
3. *Definition of policing by consent*. (n.d.). Gov.UK. Home Office. <https://www.gov.uk/government/publications/policing-by-consent/definition-of-policing-by-consent>
4. *Foreword from the Home Secretary. Policy paper from local to national: a new model for policing (accessible)*. (2026, January 27). Gov.UK. Home Office. <https://www.gov.uk/government/publications/from-local-to-national-a-new-model-for-policing/from-local-to-national-a-new-model-for-policing-accessible>
5. Gibbs, B. (2026) *Ambition and coherence -- but can reform on this scale land, and will it deliver for the public?* The Police Foundation. <https://www.police-foundation.org.uk/2026/01/ambition-and-coherence-but-can-reform-on-this-scale-land-and-will-it-deliver-for-the-public/>
6. *How much confidence Brits have in police to deal with crime*. (n.d.). YouGov. <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/how-much-confidence-brits-have-in-police-to-deal-with-crime>
7. *Met police officer who shot Chris Kaba acquitted of murder*. (2024, October 21). The Guardian. Retrieved February 9, 2026, from <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/oct/21/martyn-blake-met-police-officer-who-shot-chris-kaba-acquitted>
8. *Police Federation responds to police reform white paper*. (2026, January 26). Polfed.org. <https://polfed.org/news/latest-news/2026/police-federation-responds-to-police-reform-white-paper/>
9. *Police Reform -- Executive Summary. Policy paper from local to national: a new model for policing (accessible)*. (2026, January 27). Gov.UK. Home Office. <https://www.gov.uk/government/publications/from-local-to-national-a-new-model-for-policing/from-local-to-national-a-new-model-for-policing-accessible>
10. *Police 'warrior culture' makes US-style police brutality a UK problem too*. (2023, March 2). University of

Birmingham. <http://www.birmingham.ac.uk/news/2023/police-warrior-culture-makes-us-style-police-brutality-a-u-k-problem-too>

11. *Police with violence, harassment and assault convictions still serving in UK forces despite pledge to crack down on rogue officers.* (2026) The Independent <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/police-officer-convictions-sarah-everard-b2886983.html>
12. *Policing in the UK: Current structures and proposals for reform.* (n.d.). UK Parliament. House of Commons Library. <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8582/CBP-8582.pdf>
13. *Recent inquiries into police conduct.* (2023, April 27). UK Parliament. House of Lords Library. <https://lordslibrary.parliament.uk/recent-inquiries-into-police-conduct/>

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.94.55.023

Цель и содержание операций финансового контроля в организации: историко-правовой ракурс

Кулажников Вадим Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: kulazh@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению с исторической и правовой точек зрения цели и содержания операций финансового контроля в организации. Автором анализируется эволюция содержания понятия «контроль», постепенное сведение его к финансовой сфере деятельности, а также мерам проверки компетентными государственными органами. В работе цель финансового контроля рассматривается в зависимости от его основных видов и стадий, а именно: внутреннего и внешнего, а также предварительного и последующего финансового контроля. Проверка законности финансовой деятельности организации есть контроль внутренний, реализуемый в деятельности уполномоченных государственных органов относительно бюджетов различных уровней.

Для цитирования в научных исследованиях

Кулажников В.В. Цель и содержание операций финансового контроля в организации: историко-правовой ракурс // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 169-176. DOI: 10.34670/AR.2026.94.55.023

Ключевые слова

Контроль, финансовый контроль, внутренний контроль, организация, риск, налоги, государственные органы, бюджет.

Введение

Реализация инструментов финансового контроля в организации имеет повышенное значение в условиях перехода российской экономики на рыночные рельсы. Контроль со стороны государства в фирмах необходим для того, чтобы выявить наличие, либо отсутствие соблюдения в них принципов законности и рациональности проведения финансовых операций, в особенности – в условиях функционирования публичной системы хозяйствования [Вагабова, 2019, с. 5].

Основная часть

Термин «контроль» является довольно широко используемым в различных отраслях человеческой жизнедеятельности. Между тем, контроль в области финансовой деятельности представляет собой многокомпонентное понятие, сущность и содержание которого конкретизировалось по мере его становления и развития, трансформации вызовов времени. Возникновение понятия «контроль» насчитывает примерно несколько столетий. Оно произошло от французского слова «contrerole», в переводе обозначающего «список, который ведется в двух экземплярах». В последствие производной от него стало слово «controle», обозначающее либо проверку как таковую, либо осуществление проверочных наблюдений. Между тем, с течением времени смысл термина «контроль» трансформировался: в частности, в толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля под контролем понимается «учет, проверка счетов, отчетности, а также присутственное место, занимающееся проверкою отчетов» [Даль, 1881, с. 153]. Таким образом, данное понятие начинает осмысляться в материальном, финансовом измерении.

Следует отметить, что в научно-исследовательской среде достаточно популярным в XX столетии был взгляд на контроль как на реализацию проверки относительно кого-либо или чего-либо. В частности, по мнению Т.М. Котарбинского – философа и логика польского происхождения, представителя львовско-варшавской школы, понятие «контроль» необходимо рассматривать через призму информации, а также деятельности руководства предприятия по управлению последним, что, в свою очередь, определяет связь контроля и отчетности [Котарбинский, 1975, с. 94]. В данной авторской интерпретации пока не прослеживается финансовая составляющая исследуемого понятия, однако доминирующей относительно проведения контрольных мероприятий является деятельность руководства предприятия.

Понятие «контроля» на протяжении XX в. находилось в фокусе внимания исследователей различных направлений научного знания. В частности, К. Маркс рассматривал понятие контроля через призму социологического знания: по его мнению, оно было неразрывно связано с общественным производством [Маркс, Энгельс, 1963, с. 516]. Таким образом, последнее не могло быть успешно в том случае, если оно осуществлялось стихийно, иными словами, бесконтрольно. В свою очередь, В.И. Ленин рассматривал понятие контроля в качестве константы развития социалистических отношений, а отнюдь не некой чрезвычайной меры [Ленин, 1969, с. 101]. В результате, без контроля не представлялась возможной реализация оптимистичного сценария строительства социализма.

По мере перехода от плановой экономики к рыночной содержание понятия «контроль» продолжает трансформироваться: в частности, контрольные функции начинают соотноситься с полномочиями государственных органов, к компетенции которых относится проверка

достоверности финансовых операций. Так, с точки зрения А.Н. Козырина, государственный финансовый контроль следует определять как деятельность уполномоченных на то государственных органов, осуществляемую с применением специфических организационных форм и способов ее реализации для проверки законности и достоверности финансовых операций, а также объективной оценки результативности финансово-хозяйственной деятельности, выявления способов ее оптимизации [Дудиева, Политов, 2017].

В свою очередь, В.В. Денисенко рассматривает деятельность по обеспечению финансового контроля в качестве определенной системы: на ее осуществление уполномоченными являются специальный орган, либо органы федерального уровня [Денисенко, 2006].

На финансовую природу контроля в рамках анализа данного понятия указывает В.М. Родионова. По мнению исследовательницы, государственный финансовый контроль есть система органов и мероприятий, проверяющих законность и целесообразность действий, реализуемых в области образования, распределения и применения денежных фондов государства. Также данный термин, по мнению В.М. Родионовой, означает одну из форм контроля со стороны государства, направленную на обеспечение законности, надлежащую организацию охраны собственности государства, рациональное использование средств последнего, установление фактов нарушения финансовой дисциплины [Родионова, Шлейников, 2002].

Таким образом, в XXI столетии в содержании понятия «контроль» окончательно закрепляется финансовая составляющая, а также закрепляется необходимость осуществления соответствующих контрольных функций уполномоченными на то государственными органами. В этот период также осуществляется конкретизация цели финансового контроля. По мнению В.Д. Ларичева, цель осуществления финансового контроля со стороны государства состоит в том, чтобы эффективно выявлять нарушения принципов законности, закрепленных законодательством Российской Федерации, сберегать материальные ресурсы, реализовывать корректирующие мероприятия, привлекать виновных к ответственности, а также предотвращать возможность подобного рода нарушений, либо сводить их к минимуму [Ларичев, 2010].

По мнению некоторых исследователей, цель осуществления операций по финансовому контролю состоит в проверке обоснованности процессов распределения общественного продукта, накопления, распределения и применения государственных и частных доходов и накоплений. В свою очередь, с точки зрения О.С. Макоева, финансово-экономический контроль имеет целью предупреждение, определение и пресечение нарушений норм права для достижения бесперебойной работы экономической системы государства в целом, равно как и ее элементов [Макоев, 2006]. Между тем, О.С. Макоев отмечал, что, наряду с государственными органами и организациями, финансовый контроль реализуется также в деятельности муниципальных органов, негосударственных организаций и отдельных уполномоченных лиц.

Представляет также интерес определение цели финансового контроля на основании текстов законодательных актов Российской Федерации. В частности, официальные документы Министерства Финансов РФ совокупно определяют финансовый контроль как систему государственных мероприятий, цель которых состоит в контроле за соблюдением законодательных, равно как и иных нормативных актов, стандартов и норм, на основе которых определяются правила использования средств государства.

В числе основных законов Российской Федерации, регламентирующих цель финансового контроля, следует отметить Бюджетный кодекс РФ [Бюджетный кодекс Российской Федерации,

2025]. На основании данного документа определяются основные формы и методы контрольной деятельности, реализующиеся в российском государстве, законодательно закрепляются полномочия контролирующих органов, а также меры ответственности за нарушение бюджетного законодательства. Необходимо отметить, что особым значением обладает Глава 26 Бюджетного кодекса РФ, в рамках которой подробным образом регламентируются основы финансового контроля на государственном и муниципальном уровнях. В частности, согласно части 1 статьи 265 БК РФ, государственный и муниципальный финансовый контроль преследуют достижение не одной, а одновременно нескольких основных целей, а именно обеспечение соблюдения:

- положений правовых актов, на основании которых регулируются правоотношения в бюджетной сфере;
- правовых актов, первичных по отношению к публичным нормативным обязательствам, равно как и обязательствам по другим выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы российского государства;
- условий контрактов, заключенных на государственном и муниципальном уровнях, а также договоров и соглашений относительно предоставления бюджетных средств [Бюджетный кодекс Российской Федерации, 2025].

Таким образом, реализация процедур финансового контроля охватывает одновременно несколько целей, общей характеристикой которых выступает выявление нарушений действующего российского законодательства в области финансовой деятельности. Анализ положений статьи 265 БК РФ позволяет заключить, что цели финансового контроля вытекают из их основных видов и стадий, закрепленных в частях 2-5 настоящей статьи.

Итак, по основным стадиям финансовый контроль, на основании текста указанной статьи, можно подразделить на предварительный и последующий. Соответственно, цели указанных стадий финансового контроля следующие:

- предупреждение нарушений бюджетного законодательства в ходе исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;
 - реализация контроля итогов исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в целях определения их законности, достоверности учёта и отчётности [Бюджетный кодекс Российской Федерации, 2025].
- Таким образом, цели финансового контроля, вытекающие из основных стадий его реализации, позволяют осуществлять контрольные процедуры на всем протяжении формирования и распределения бюджетных средств в бюджете Российской Федерации. В свою очередь, цели финансового контроля могут также соответствовать его основным видам: части 2 и 3 статьи 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации раскрывают содержание внутреннего и внешнего финансового контроля. Соответственно, их целями являются: - обеспечение законности, целесообразности, а также эффективности формирования, распределения и практического применения финансовых ресурсов во всех отраслях экономики (внешний финансовый контроль); - подтверждение достоверности данных бухгалтерского учёта и отчётности, обеспечение соблюдения положений законодательных актов Российской Федерации, нормативных и иных актов, на основе которых регулируется финансовая деятельность хозяйствующих субъектов (внутренний финансовый контроль). Таким образом, цели внешнего и внутреннего контроля формируются на основании тех отличий, которые присутствуют в характере взаимодействия субъекта и объекта контроля: если внешний финансовый контроль осуществляется уполномоченными на то органами государственного и муниципального уровней, то внутренний контроль – есть проверка соблюдения законности финансовой

деятельности самостоятельных организаций и учреждений. Между тем, указанные виды контроля являются не только взаимосвязанными, но также дополняющими друг друга. Внутренний финансовый контроль в большей степени связан с руководством предприятия, зависит от задач управления, в то время как внешний финансовый контроль ориентирован преимущественно на предоставление потребителям достоверной информации о финансовой деятельности предприятия. Таким образом, основная цель операций финансового контроля организаций (т.е., внутреннего финансового контроля), состоит в том, чтобы: - обеспечить достоверность отчетности о финансовой деятельности предприятия; - достичь высоких результатов операционной деятельности; - обеспечить соблюдение положений действующего российского законодательства о финансовой деятельности. Схематично цель и результаты внутреннего финансового контроля организации представлены на рисунке 1.

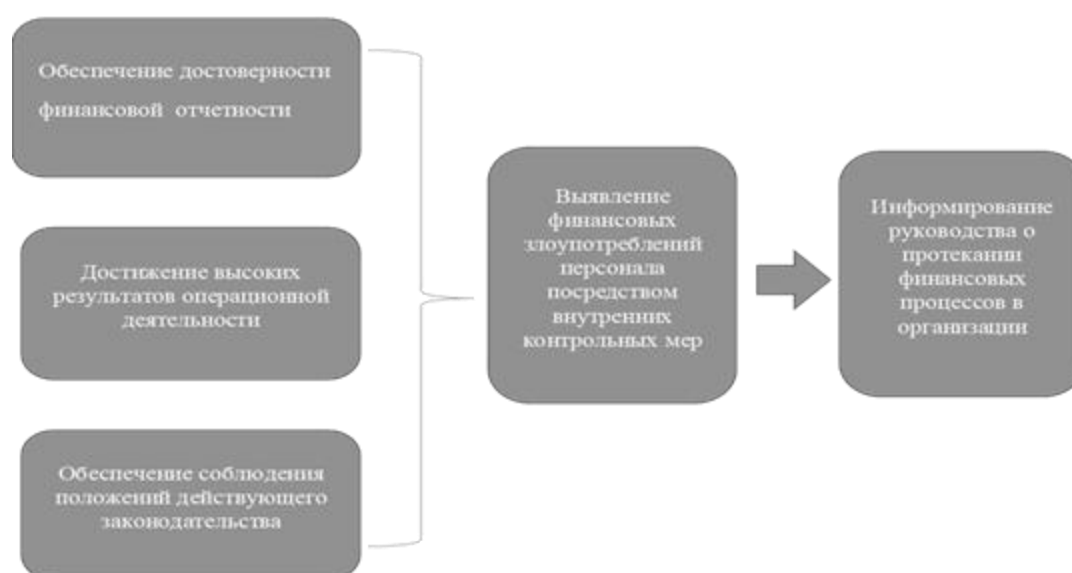

Рисунок 1 – Цель и результаты внутреннего финансового контроля в организации

Таким образом, для достижения цели внутреннего финансового контроля организации необходимо применять контрольные меры, от эффективности которых зависит получение руководством предприятия объективной картины состояния его финансовой деятельности. Для того, чтобы определить содержание контрольных мер, предварительно необходимо установить, какие органы реализуют внутренний финансовый контроль в организации. Обращение к положениям Бюджетного кодекса Российской Федерации позволяет констатировать, что, в соответствии с частью 3 статьи 265 данного документа, операции по внутреннему финансовому контролю в России осуществляют Федеральное казначейство, а также контролирующие органы различных уровней. В результате, компетенция каждого из этих органов охватывает те бюджетные средства, за счет которых они были созданы, что представлено на рисунке 2.

Таким образом, посредством контрольных мер, реализуемых в действиях указанных органов, осуществляется выявление нарушений положений российского государства в бюджетах различных уровней (федеральном, региональном, муниципальном). В свою очередь, что касается содержания операций финансового контроля в организации, необходимо отметить, что к их числу относятся следующие: - проверка документов по бухгалтерии на предмет соответствия стандартам учёта, корректности и полноты данных; - предотвращение финансовых

ошибок и мошеннических действий посредством мониторинга и исследования транзакций организации в целях выявления подозрительных финансовых операций;- управление рисками через реализацию контрольных мер относительно различных видов последних, а именно: рыночных, кредитных и т.д., а также действий, направленных на ликвидацию и минимизацию рисков;- контроль за исполнением бюджета посредством мониторинга и анализа плановых и итоговых показателей, а также реализации корректирующих и оптимизирующих мер;- контроль за уровнем долга посредством осуществления аналитических процедур, а также применения стратегий по управлению долгами и достижению ликвидности;- контроль за налогами через проверку соблюдения положений российского законодательства, позволяющую эффективно предотвращать риски в налоговой сфере, а также возможные ошибки при уплате налогов.

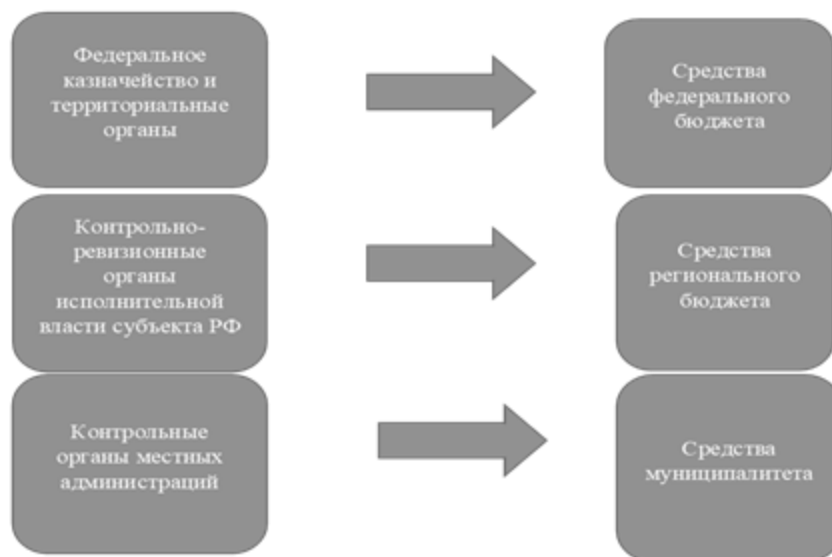

Рисунок 2 – Органы финансового контроля бюджетов различных уровней

Таким образом, рассмотрение содержания операций по финансовому контролю в организации позволяет заключить, что внутренний финансовый контроль включает в себя разные виды контрольных мер, обеспечивающих, с одной стороны, проверку соответствия финансовой деятельности предприятия положениям действующего российского законодательства, с другой – предотвращение возможных рисков и ошибок в финансовой сфере. Реализация эффективного внутреннего управления предприятием обеспечивается посредством разработки политики и процедур управления финансовыми ресурсами, внедрения эффективных систем учёта и отчётности в организации.

Заключение

Подводя итоги рассмотрению историко-правового ракурса цели и содержания операций финансового контроля в организации, необходимо отметить, что конкретизация понятия «контроль» осуществлялась постепенно, лишь в XX столетии данный термин начинает приобретать финансовое значение. С течением времени, по мере трансформации содержания данного понятия, изменялась цель финансового контроля. Однако неизменной характеристикой, объединяющей различные научные трактовки и подходы к исследованию,

являлась финансовая составляющая данного понятия, а также необходимость реализации контрольных функций уполномоченными на то государственными органами в целях достижения финансовой безопасности деятельности предприятия. Содержание операций внутреннего финансового контроля в организации включает в себя меры различного характера, целью которых выступает проверка соответствия финансовых операций, реализуемых в деятельности предприятия, положениям действующего российского законодательства, а также предотвращение возможных рисков и ошибок в финансовой сфере.

Библиография

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Вагабова Д.С. Учебное пособие по дисциплине «Финансовый контроль» для направления подготовки 38.03.01 Экономика, профиль «Финансы и кредит». Махачкала: ДГУНХ, 2019. 164 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 2. 2-е изд. М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. 779 с.
4. Денисенко В.В. Совершенствование правового обеспечения системы государственного финансового контроля // Современное право. 2006. № 3. С. 17-19.
5. Дудиева И.Р., Политов И.В. Эволюция государственного финансового контроля в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7. № 1А. С. 238-248.
6. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.
7. Ларичев В.Д. Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики. М.: Юрлитинформ, 2010. 190 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. 466 с.
9. Макоев О.С. Контроль и ревизия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 060500 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и 060400 «Финансы и кредит» / Под ред. В.И. Подольского. М.: ЮНИТИ, 2006. 253 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1963. 920 с.
11. Родионова В.М., Шлейников В.И. Финансовый контроль: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». М.: ИД ФБК ПРЕСС, 2002. 319 с.

Purpose and Content of Financial Control Operations in an Organization: Historical and Legal Perspective

Vadim V. Kulazhnikov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of General Humanities and Socio-Economic Disciplines,
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: kulazh@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the examination from historical and legal perspectives of the purpose and content of financial control operations in an organization. The author analyzes the evolution of the content of the concept of "control," its gradual reduction to the financial sphere of activity, as well as measures of verification by competent state bodies. In the work, the purpose of financial

control is considered depending on its main types and stages, namely: internal and external, as well as preliminary and subsequent financial control. Verification of the legality of an organization's financial activities is internal control, implemented in the activities of authorized state bodies concerning budgets at various levels.

For citation

Kulazhnikov V.V. (2026) Tsel' i sodержaniye operatsiy finansovogo kontrolya v organizatsii: istoriko-pravovoy rakurs [Purpose and Content of Financial Control Operations in an Organization: Historical and Legal Perspective]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 169-176. DOI: 10.34670/AR.2026.94.55.023

Keywords

Control, financial control, internal control, organization, risk, taxes, state bodies, budget.

References

1. Byudzhethnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 31.07.1998 № 145-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended on July 31, 2025)]. (2025) KonsultantPlus.
2. Dal, V.I. (1881). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t. T. 2* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols. Vol. 2] (2nd ed.). Moscow: M.O. Wolf Publishing House.
3. Denisenko, V.V. (2006). Sovershenstvovaniye pravovogo obespecheniya sistemy gosudarstvennogo finansovogo kontrolya [Improving the legal framework of the state financial control system]. *Sovremennoye pravo*, (3), pp. 17-19.
4. Dudiyeva, I.R., & Politov, I.V. (2017). Evolyutsiya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossii [Evolution of state financial control in Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 7(1A), pp. 238-248.
5. Kotarbinski, T. (1975). Traktat o khoroshey rabote [A Treatise on Good Work]. Moscow: Ekonomika.
6. Larichev, V.D. (2010). Teoreticheskiye osnovy preduprezhdeniya prestupleniy v sfere ekonomiki [Theoretical foundations of crime prevention in the economic sphere]. Moscow: Yurlitinform.
7. Lenin, V.I. (1969). Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]. Vol. 33 (5th ed.). Moscow: Politizdat.
8. Makoev, O.S. (2006). Kontrol' i reviziya [Control and Audit] (V.I. Podolsky, Ed.). Moscow: UNITY.
9. Marks, K., & Engels, F. (1963). Sochineniya [Works]. In 30 vols. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat.
10. Rodionova, V.M., & Shleynikov, V.I. (2002). Finansovyy kontrol' [Financial Control]. Moscow: ID FBK PRESS.
11. Vagabova, D.S. (2019). Uchebnoye posobiye po distsipline "Finansovyy kontrol'" dlya napravleniya podgotovki 38.03.01 Ekonomika, profil "Finansy i kredit" [Textbook on the discipline "Financial Control" for the field of study 38.03.01 Economics, profile "Finance and Credit"]. Makhachkala: DSUHE.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.71.35.024

Понятие и особенности государственного принуждения

Загуменный Кирилл Ильич

Старший преподаватель,
кафедра административного права и административной
деятельности органов внутренних дел,
Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
283050, Российская Федерация, Донецк, пр. Богдана Хмельницкого, 84;
e-mail: zagumennykirill@mail.ru

Аннотация

В статье автором исследуется государственное принуждение как один из ключевых инструментов, обеспечивающих поддержание правопорядка и стабильность в обществе. По мнению автора, этот механизм позволяет государству реализовывать свои функции через возможность применения санкций к лицам, нарушающим законы. Принуждение не всегда подразумевает использование силы; оно может включать в себя различные формы воздействия, такие как штрафы, административные и юридические меры. Автор анализирует признаки, отличающие государственное принуждение от иных видов социального принуждения, включая его правовую регламентацию, системность, опору на аппарат публичной власти и возможность применения мер ответственности. Особое внимание уделяется классификации мер государственного принуждения по отраслевому признаку (уголовное, административное, гражданско-правовое, дисциплинарное) и по целевому назначению (меры пресечения, меры предупреждения, меры защиты, меры юридической ответственности). Автор приходит к выводу о том, что особенности государственного принуждения могут значительно различаться в зависимости от правовой системы страны, культурных традиций и исторически сложившихся подходов к управлению обществом. Принципы и методы применения государственного принуждения должны соответствовать общепринятым нормам права и быть направлены на защиту основных прав и свобод человека. Определено, что эффективность и справедливость использования таких мер в значительной степени определяют уровень общественного доверия к государственной власти и легитимность самой системы государственного управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Загуменный К.И. Понятие и особенности государственного принуждения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 177-185. DOI: 10.34670/AR.2026.71.35.024

Ключевые слова

Государственное управление, принуждение, санкции, административное принуждение, административное наказание, общественная безопасность, юридическая ответственность, правопорядок.

Введение

Государственное воздействие на поведение граждан и организаций представляет собой сложный многоаспектный феномен, требующий детального рассмотрения. Особенно важным является изучение тех форм влияния, которые реализуются через систему государственных органов и направлены на обеспечение правопорядка и общественной безопасности.

Рассматривая категорию принуждения с точки зрения традиционных научных подходов, она представляет собой специфический инструмент управленческого влияния, функционирующий в рамках общественных взаимоотношений общесоциального формата. Современное общество характеризуется наличием разнообразных форм и методов принудительного воздействия. Среди них можно выделить физическую форму принуждения, психологические методы влияния, воспитательное воздействие в семейной среде, педагогические приёмы в образовательных учреждениях, экономические санкции и ограничения, принуждение во внешнеэкономической сфере, а также государственно-правовое принуждение и множество других разновидностей, которые постоянно находятся в динамическом развитии.

Важно отметить, что применение принудительных мер не ограничивается только физическими лицами. Объектами принудительного воздействия со стороны государства могут выступать как отдельные граждане (индивидуальные участники общественных отношений), так и различные коллективные образования, включая юридические лица, общественные объединения и корпоративные структуры.

Методы

Методологическую основу исследования формируют общие и частные научные методы познания, в том числе: диалектический метод, метод толкования норм права, сравнительно-правовой и системно-структурный.

Результаты

В контексте настоящего исследования первостепенный интерес представляет именно та разновидность принуждения, которая реализуется как инструмент управленческого воздействия в системе государственно-властных отношений. Данный аспект принуждения заслуживает особого внимания постольку, поскольку его анализ создаёт необходимую теоретическую основу для глубокого понимания природы, содержания и сущностных характеристик института административного наказания, поскольку государственное принуждение призвано сформировать правовую базу для применения административных санкций [Бахрах, 2000, с.441].

Не вызывает сомнений то, что современная юридическая наука уделяет значительное внимание исследованию механизмов поддержания правопорядка и обеспечения общественной безопасности. В этом контексте государственное принуждение занимает особое место в системе правовых инструментов, которые могут быть применены государственными органами для регулирования общественных отношений.

Традиционно российская юридическая доктрина интерпретирует принуждение как ключевой инструмент защиты установленного государством правопорядка. В то же время этот институт рассматривается как один из способов реализации государственной власти,

базирующийся на нормативно-правовых актах и действует в строгом соответствии с законом. Такой подход позволяет отграничивать легитимное государственное воздействие от государственного произвола.

Понимание принуждения как государственного явления приобретает качественно новые характеристики, при этом сохраняя базовые признаки управленческого воздействия.

Содержание государственного принуждения формируется при помощи анализа и синтеза норм различных отраслей права, что позволяет создать целостную концепцию принудительного воздействия в рамках государственного механизма.

На сегодняшний день, учеными собран объемный материал, который детально раскрывает специфику принуждения как управленческого метода в деятельности государственных структур.

Многочисленные фундаментальные исследования академического уровня всесторонне проанализировали значение принудительных мер в системе обеспечения выполнения решений органов власти. Наличие такой развитой теоретической базы позволяет избежать дублирования уже детально проработанных концептуальных положений и сосредоточиться на специфических аспектах проблематики.

Концепция государственного принуждения представляет собой сложную многоуровневую систему, требующую глубокого анализа и понимания природы самого государства. Природа принудительных механизмов государства обусловлена его ключевыми атрибутами и функциональными особенностями. Формирование понятия государственного принуждения неразрывно связано с фундаментальными свойствами государственной власти и государства в целом, которые детально исследовались в научных трудах по теории государства и права учеными-правоведами. Свой вклад в исследование данного вопроса внесли Атаманчук Г.В., Бутенко А.П., Мамут Л.С., Нерсисянц В.С., Чиркин В.Е. и др. [Бутенко, 1993, с. 12-20; Мамут, 1998, с. 17-27; Нерсисянц (ред.), 2000, с. 136-149].

Государственный аппарат функционирует как самостоятельная политическая структура, обладающая способностью регулировать поведение населения на подведомственной территории. Центральной задачей любого государственного образования выступает обеспечение соблюдения гражданами установленных норм и правил, закрепленных в законодательных актах. Механизм такого регулирования строится на балансе интересов общества и отдельной личности [Ушаков, 1997, с. 11-12; Чиркин, 2001, с. 85-106].

Ограничительные функции государства реализуются через систему юридических обязательств, возлагаемых на членов общества. Данная система направлена на защиту и реализацию прав наибольшего числа людей, проживающих в границах государственного образования. Для обеспечения исполнения установленных обязанностей создается разветвленная инфраструктура государственных институтов, наделенных соответствующими полномочиями и ресурсами. В результате, государственное принуждение выступает в качестве неотъемлемого инструмента поддержания правопорядка, обеспечения общественной безопасности и стабильности в современном обществе.

Современное государство выступает в роли ключевого координатора общественных процессов, направляя значительную долю своих организационных и управленческих возможностей на обеспечение стабильного развития социума. Важно понимать, что государственная власть функционирует не в вакууме, а опирается на фундаментальный принцип народного суверенитета. Именно граждане, выступая первоисточником всей властной системы,

делегируют государственным институтам право использовать специфические инструменты управления обществом [Кожевников, 1978, с. 49- 51].

Следует обратить внимание, что ключевой особенностью государственной организации выступает ее положение в системе общественных отношений, поскольку никакие другие структуры не имеют такого широкого спектра полномочий по регулированию социальных взаимодействий, закреплённых законодательно. Данный факт подтверждается тем, что реализация государственных функций происходит исключительно в правовых рамках, которые устанавливаются основным законом страны – Конституцией Российской Федерации, отражающей волю народа [Ардашкин, 1974, с. 162- 167]

Общеизвестно, что государственное управление одновременно решает две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, необходимо поддерживать работоспособность собственной институциональной системы, которая включает множество органов и учреждений. В тоже время, с другой стороны, более важным остаётся удовлетворение основных нужд населения – от безопасности до социального благополучия. В результате, государство существует для служения обществу, при этом обеспечивая условия для его полноценного существования и прогрессивного развития.

Современное понимание механизмов государственного управления невозможно без анализа фундаментальных основ властного воздействия на общественные отношения. Исторически сложилось так, что необходимость применения принудительных мер со стороны государственных институтов возникла не произвольно, а как закономерный ответ на объективные требования социальной организации. Именно потребности территориально разрозненного населения, выходящие за рамки локальных интересов отдельных групп, создали предпосылки для формирования централизованной системы государственно-властного воздействия.

Государство, выступая в роли консолидирующей силы, взяло на себя функцию реализации принудительных полномочий. Легитимность такого принуждения обосновывается способностью государственной власти отражать коллективные нужды всего социума, а не узкоспециализированных сообществ. Механизм властного воздействия формировался постепенно, по мере укрепления государственности и развития правовой системы.

Опорой для функционирования государственного принуждения служит двуединая основа: с одной стороны, это признанный обществом авторитет государственных структур, с другой – материальная и организационная сила административного механизма. Соответственно, следует согласиться с позицией Бахрах Д.Н., что основным признаком государственного принуждения выступает то, что оно осуществляется в связи с неправомерным деянием и обусловлено «конфликтом между государственной волей, выраженной в норме, и индивидуальной волей лиц, нарушающих ее», а также в силу общественной, государственной необходимости либо в иных позитивно-значимых целях. Данная комбинация позволяет государственному принуждению выполнять охранительную функцию, направленную на обеспечение стабильности юридических норм и правовых предписаний. Защита установленного правопорядка становится центральной задачей всей системы государственного воздействия, гарантируя соблюдение законности и предотвращая деструктивные явления в обществе [Бахрах, 1993, с. 184-185].

Ключевым инструментом в организации властных отношений выступает концепция распределения полномочий между различными государственными институтами. Так,

Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальный принцип разделения властей, относя его к числу незыблемых основ конституционного устройства страны. С другой стороны, очевидно, что названная архитектура государственного управления не означает изоляции ветвей власти друг от друга. Наоборот, система сдержек и противовесов обеспечивает их взаимодействие и при этом сохраняет автономность. Рассредоточение государственных функций между различными органами создаёт условия для реализации согласованной общенациональной стратегии развития. При этом каждая ветвь власти, действуя в рамках своей компетенции, участвует в достижении общих целей государственной политики, что гарантирует стабильность и преемственность курса страны.

Принудительные меры, предусмотренные законом, применяются исключительно к определенным субъектам права, чья деятельность должна соответствовать указаниям власти (целевые объекты принуждения). Это отличает такие меры от методов убеждения, так как они базируются на законодательных актах и реализуются через юридические решения, принимаемые государственными органами. Принуждение, присущее государству, выполняется с целью поддержания правопорядка и ограничивается применением к лицам, чьи действия нарушают закон или когда это требуется по социальным или государственным причинам [Тарановский, 1917, с. 513]. Такие меры осуществляются на основании специальных полномочий, предоставленных государственными органами, и обычно сопровождаются официальными юридическими актами [Алексеев, 1966, с. 158].

В юридической литературе часто упоминается, что государственное принуждение обладает правовым характером. Это не случайность, так как государственное принуждение формируется и определяется законодательными и правовыми функциями государства. Утверждение Бахраха Д.Н. о том, что более точным будет рассмотрение административно-правового принуждения в качестве одной из форм государственного принуждения является довольно дискуссионным. Это утверждение подкрепляется историческими примерами из советского периода, где имели место случаи принуждения, выходящего за рамки закона, включая насилие и произвол [Бахрах, 1996, с. 256-257].

Ранее, Коркунов Н.М. уже указывал на то, что в любом развитом правовом обществе возможность использования принуждения предоставляется исключительно органам государственной власти. Это, как правило, общепринятая норма. Далее, государственные органы могут прибегать к принуждению лишь в целях выполнения законных предписаний. Коркунов Н.М. продолжал, подчеркивая, что в нормальных условиях в современных цивилизованных обществах принуждение должно строго служить закону [Коркунов, 2003, с. 102.]

Лейст О.Э. остро замечает, что любые действия принуждения, осуществляемые вне рамок закона, даже если они направлены на защиту права, фактически подрывают устойчивость и порядок в обществе, которые должны обеспечиваться при помощи правовых норм [Лейст, 2002, с. 60]. Другими словами, принуждение, не основанное на праве, не может считаться государственным принуждением в полноценном понимании этого термина. Ведь произвол и насилие, стоящие вне правовой системы, не соответствуют основным принципам государственного принуждения, где законность является неотъемлемой характеристикой.

В правовом государстве принудительные меры со стороны государства служат для обеспечения выполнения отдельных решений властных структур, которые базируются на законодательных актах и общепринятых правилах в случаях, когда отсутствует добровольная

подчиненность соответствующим требованиям. В этом контексте, законность и нормативный характер права тесно переплетаются с возможностью применения государственного принуждения для обеспечения соблюдения законных требований [Алексеев, 1970, с. 21-22.]. Поэтому государственное принуждение считается законным, так как оно проводится на основании правовых норм, при строгом соблюдении закона, что в свою очередь предотвращает его произвольное применение органами власти, осуществляющими принудительные функции.

Юридическая природа российской государственности породила демократические и социально-политические инструменты для распределения ключевых государственно-административных функций. В процессе реализации своих функций на основе правовых методов, государство следует принципам сохранения и децентрализации своих властных полномочий между различными структурами государственного управления, целью которых является реализация согласованной государственной политики. В этом контексте, принцип «разделения властей», закреплённый в Конституции РФ как фундамент конституционного устройства страны, обеспечивает выполнение государственных функций в России через разделение на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти.

В правовом государстве, идея разделения властей не просто подразумевает структурную независимость этих ветвей, а акцентируется на разбиении общенациональных задач на отдельные функциональные сегменты. Это означает, что выполнение государственных функций через юридические механизмы распределяется по трём ключевым направлениям: создание законов, их исполнение и юридическая защита. Такая система позволяет более эффективно регулировать и управлять общественными процессами в стране [Мальцев, Экимов, Ефимов, 1993, с. 34].

Подводя итоги исследования, целесообразно подчеркнуть, что в контексте действия трех составляющих государственной власти, взаимоотношения между государственными институтами и принуждением зависят от их специфических задач в рамках государственной системы. В частности, взаимосвязь между законодательной властью и государственным принуждением связана с необходимостью законодательного оформления такого принуждения, тогда как исполнительная власть связана с принуждением через его практическое применение в соответствии с законом.

В дискурсе о государственной мощи и её инструментах, важную роль играет судебная система, обладающая правом на легализацию принудительных мер, а также надзор за их соответствием Конституции, законам и общепринятым нормам права. Эти функции включают проверку действий исполнительной власти, которая и владеет инструментарием государственного принуждения. Поэтому целесообразно сделать вывод, что инструменты прямого воздействия государства находятся под управлением исполнительных органов, и их использование тесно связано с управленческими аспектами деятельности этих органов [Старилов, 1998, с. 34].

Жесткая структура государственных мер принуждения способствовала развитию отраслевой дифференциации этих мер. Аналогично процессу разделения российской юридической системы на разные отрасли, в юридической науке уже утверждено разграничение принудительных механизмов согласно их юридическому основанию и процедуре применения. Будучи непосредственно связанным с нормами права и в виду необходимости их обеспечения, виды государственного принуждения производны от сложившихся отраслей права.

Согласно мнению Яковлева В.Ф., методы принуждения в различных сферах права так же

разнообразны, как и сами эти сферы. В свете этого, принимая во внимание традиционное деление и значимое влияние российской правовой системы на особенности, ограничения и суть государственных полномочий, принято классифицировать государственное принуждение на такие категории, как уголовное, административное, гражданско-правовое, дисциплинарное и процессуальное. Кроме того, важно упомянуть о государственно-правовом (конституционно-правовом) принуждении, которое закреплено в деятельности конституционных судов.

Заключение

Таким образом, специфические методы государственного воздействия, применяемые в различных сферах, формируют неотъемлемую часть управленческого механизма соответствующих отраслей права. Эти методы полностью соответствуют основным принципам, функциям и подходам, которые определяют юридическую сущность и методы принудительного регулирования в каждой отдельной отрасли. Однако, детальное научное изучение различных форм «отраслевого» принуждения не является предметом данного исследования, а скорее более сложной задачей для дальнейшего изучения в рамках данной тематики. Исследование сконцентрировано на изучении таких форм государственного воздействия, как административное принуждение. В результате, можно отметить, что основные инструменты в деятельности, связанной с государственным управлением, это убеждение и принуждение. Хотя в управлении могут применяться и другие методы, без способностей к убеждению и принуждению управление не обладает характеристиками властной, то есть истинно управленческой деятельности, а взаимоотношения в управлении, или властные отношения, являются основой административного права и, следовательно, административного принуждения.

Библиография

1. Бахрах Д.Н. Административное право России. Учебник для вузов. М., 2000. С. 441
2. Бутенко А.П. Государство: его вчерашние и сегодняшние трактовки // Государство и право. 1993. № 7. С. 12 – 20
3. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М., 1998. С. 17 -27
4. Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000. С. 136 – 149
5. Ушаков Н.А. Государство в системе международно-правового регулирования: Учебное пособие / Институт государства и права РАН. М., 1997. С. 11 – 12.
6. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 85 - 106.
7. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 49-51.
8. Ардашкин В.Д. Меры защиты как общеправовая научная категория // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 162 – 167
9. Бахрах Д.Н. Административное право. Учебник. Часть общая. М., 1993. С. 184 – 185
10. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. 536 с.
11. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с.
12. Бахрах Д.Н. Административное право. Учебник для вузов. М., 1996. С. 256 – 257.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. 428 с.
14. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. 339 с.
15. Алексеев С.С. О понятии права // Правоведение. 1970. № 1. С. 21-22.
16. Мальцев Г.В., Экимов А.И., Ефимов В.И. Новый российский парламент: надежды на будущее // Российская Федерация. 1993. № 1/13. С. 34
17. Старилов Ю.Н. Административная юстиция: Проблемы теории. Воронеж, 1998. С. 34.

The Concept and Features of State Coercion

Kirill I. Zagumennyi

Senior Lecturer,
Department of Administrative Law and Administrative
Activities of Internal Affairs Bodies,
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
283050, 84, Bogdan Khmel'nitsky ave., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: zagumennyikirill@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines state coercion as one of the key instruments ensuring the maintenance of law and order and stability in society. According to the author, this mechanism allows the state to implement its functions through the possibility of applying sanctions to persons who violate laws. Coercion does not always imply the use of force; it may include various forms of influence, such as fines, administrative and legal measures. The author analyzes the features that distinguish state coercion from other types of social coercion, including its legal regulation, systematic nature, reliance on the apparatus of public authority, and the possibility of applying liability measures. Special attention is paid to the classification of state coercion measures by branch (criminal, administrative, civil law, disciplinary) and by target purpose (preventive measures, warning measures, protection measures, measures of legal liability). The author concludes that the features of state coercion can vary significantly depending on the country's legal system, cultural traditions, and historically established approaches to governing society. The principles and methods of applying state coercion must comply with generally accepted legal norms and be aimed at protecting fundamental human rights and freedoms. It is determined that the effectiveness and fairness of using such measures largely determine the level of public trust in state power and the legitimacy of the public administration system itself.

For citation

Zagumennyi K.I. (2026) Ponyatiye i osobennosti gosudarstvennogo prinuzhdeniya [The Concept and Features of State Coercion]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 177-185. DOI: 10.34670/AR.2026.71.35.024

Keywords

Public administration, coercion, sanctions, administrative coercion, administrative punishment, public safety, legal liability, law and order.

References

1. Bakhrakh, D.N. (2000). *Administrativnoe pravo Rossii: Uchebnik dlia vuzov* [Administrative law of Russia: A textbook for universities] (p. 441). Moscow.
2. Butenko, A.P. (1993). Gosudarstvo: ego vcherashnie i segodniashnie traktovki [The state: its past and present interpretations]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (7), 12–20.
3. Mamut, L.S. (1998). *Gosudarstvo v tsennostnom izmerenii* [The state in the value dimension] (pp. 17–27). Moscow.

4. Nersesiants, V.S. (Ed.). (2000). *Politiko-pravovye tsennosti: istoriia i sovremennost'* [Political and legal values: history and modernity] (pp. 136–149). Moscow.
5. Ushakov, N.A. (1997). *Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniia: Uchebnoe posobie* [The state in the system of international legal regulation: A textbook] (pp. 11–12). Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN.
6. Chirkin, V.E. (2001). *Sovremennoe gosudarstvo* [The modern state] (pp. 85–106). Moscow.
7. Kozhevnikov, S.N. (1978). Gosudarstvennoe prinuzhdenie: osobennosti i sodержanie [State coercion: features and content]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], (5), 49–51.
8. Ardashkin, V.D. (1974). Mery zashchity kak obshchepravovaia nauchnaia kategoriia [Protection measures as a general legal scientific category]. In *Aktual'nye problemy teorii sotsialisticheskogo gosudarstva i prava* [Current problems of the theory of the socialist state and law] (pp. 162–167). Moscow.
9. Bakhrakh, D.N. (1993). *Administrativnoe pravo: Uchebnik. Chast' obshchaia* [Administrative law: A textbook. General part] (pp. 184–185). Moscow.
10. Taranovskii, F.V. (1917). *Uchebnik entsiklopedii prava* [Textbook on the encyclopedia of law]. Iur'ev.
11. Alekseev, S.S. (1966). *Mekhanizm pravovogo regulirovaniia v sotsialisticheskome gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow.
12. Bakhrakh, D.N. (1996). *Administrativnoe pravo: Uchebnik dlia vuzov* [Administrative law: A textbook for universities] (pp. 256–257). Moscow.
13. Korkunov, N.M. (2003). *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg.
14. Leist, O.E. (2002). *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of the theory and philosophy of law]. Moscow.
15. Alekseev, S.S. (1970). O poniatii prava [On the concept of law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], (1), 21–22.
16. Mal'tsev, G.V., Ekimov, A.I., & Efimov, V.I. (1993). Novyi rossiiskii parlament: nadezhdy na budushchee [The new Russian parliament: hopes for the future]. *Rossiiskaia Federatsiia* [Russian Federation], (1/13), 34.
17. Starilov, Iu.N. (1998). *Administrativnaia iustitsiia: Problemy teorii* [Administrative justice: Problems of theory] (p. 34). Voronezh.

УДК 347.447

DOI: 10.34670/AR.2026.80.73.025

Собственность и возмездные договоры: правовые и экономические аспекты**Морозова Галина Михайловна**

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры конкурентного права
и антимонопольного регулирования,

Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: morozova_gm@usue.ru,

Шайбакова Людмила Фаритовна

Доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры конкурентного права
и антимонопольного регулирования,

Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: econlaw@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются категории собственности и различных видов возмездных договоров (купли-продажи, поставки, мены, аренды) с экономической и юридической точек зрения; дается краткая характеристика, выделяются их особенности и формулируются обобщающие выводы. Собственность, как экономико-правовая категория, представляет собой отношения субъектов по поводу воспроизводства ее объектов (производства, распределения, обмена и потребления), а также право на их принадлежность (владения, пользования и распоряжения). В статье показано, что передача объектов в собственность происходит на основе возмездных договоров. Различные виды возмездных договоров наряду с выявленными особенностями, имеют и общие черты. Так, юридически все виды возмездных договоров представляют собой соглашения по предоставлению товара (как объекта собственности) или услуги за определенную выгоду (плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязательств). С точки зрения экономики, такие договоры позволяют участникам свободно согласовывать свои цели и интересы, а также определять необходимые действия по их достижению.

Для цитирования в научных исследованиях

Морозова Г.М., Шайбакова Л.Ф. Собственность и возмездные договоры: правовые и экономические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 186-192. DOI: 10.34670/AR.2026.80.73.025

Ключевые слова

Собственность, возмездные договоры, договор купли-продажи, договор поставки, договор мены, договор аренды.

Введение

Собственность имеет весомое значение в процессе становления и развития социально-экономических отношений в обществе, является основой экономических отношений хозяйствующих субъектов по поводу присвоения, владения и пользования экономическими благами [Рыжие, 2024].

Собственность может выступать объектом возмездных договорных отношений, когда одна сторона передает принадлежащее ей на праве собственности имущество в собственность другого лица за плату.

В современной практике широко применяются возмездные договоры. Это обусловлено тем, что:

- Хозяйствующим субъектам важна взаимная выгода, а возмездные договоры заключаются в коммерческих взаимовыгодных сделках.
- В российской экономике наблюдается тенденция к существенному расширению сферы услуг.
- Стороны сами разрабатывают условия возмездного договора, что позволяет адаптировать его под конкретные задачи. Это особенно полезно в новых и инновационных отраслях, где стандартизированные договоры еще не разработаны.
- Бессрочность, то есть при желании обеих сторон возмездный договор можно расторгнуть в любой момент.

Непрерывное развитие гражданского оборота, вызывает необходимость регламентации имущественных отношений и проблем в правовом регулировании возмездных договоров. Однако, трактовка понятий собственность и возмездные договоры с позиций экономики и права различна и это нужно учитывать в юридической практике.

Цель исследования: провести анализ категорий: собственность и возмездные договоры (купли-продажи, поставки, мены, аренды) с точки зрения экономики и права; выявить особенности и обозначить общие характерные черты.

Основное содержание

В настоящее время применение возмездных договоров обусловлено тем, что они помогают закрепить важные условия сотрудничества между сторонами и позволяют достичь: защиты интересов сторон, распределения рисков, гарантий удовлетворения намерений сторон и пр. Возмездные договоры играют значимую роль в обеспечении безопасности и надежности отношений между заказчиками и исполнителями в современном мире, где широко распространены различные виды услуг.

В результате заключения возмездных договоров происходит передача имущества в собственность.

Собственность выражает отношения присвоения / отчуждения экономических благ – объектов собственности: предприятий, средств производства, земли, денежных средств, ценных бумаг, патентов, лицензий и др. [Румянцева, 2023].

Как экономическая категория собственность определяет формы хозяйствования, нормы распределения доходов, степень и характер удовлетворения экономических и социальных потребностей общества.

Как юридическая категория собственности выражается в том, что посредством

законодательных актов устанавливаются правовые нормы, регламентирующие отношения между субъектами, по поводу владения, пользования и распоряжения объектами собственности, принадлежащим различным субъектам собственности.

Содержание собственности с экономической точки зрения — это отношения между субъектами собственности по поводу воспроизводства ее объектов [Шадрина, Голубничий, 2023].

Собственность с юридической точки зрения — это право на принадлежность имущества определенным лицам.

К основным формам собственности относят:

1) Частная собственность выражает право физического, юридического лица или группы лиц на владение, пользование и распоряжение материальными или нематериальными активами. В рыночной экономике это основополагающий принцип, который обеспечивает индивидуальную свободу и ответственность в отношении имущества. Выделяют несколько видов частной собственности:

- Собственность юридических или физических лиц. Когда объектом собственности владеет только один собственник.
- Совместное обладание. Когда объект собственности принадлежит нескольким лицам или организациям, но их доли не выделены.
- Общая долевая собственность. Когда объектом собственности владеют несколько собственников, у каждого из которых выделена доля [Андреев, 2021].

2) Общественная собственность означает совместное присвоение средств и результатов производства. В отличие от частной собственности, где собственник распоряжается ею самостоятельно и в собственных интересах, общественная собственность используется на благо обществу. Различают следующие виды общественной собственности:

- Государственная собственность. Принадлежит органам государственной власти.
- Муниципальная собственность. Формируется органами местного самоуправления и принадлежит муниципальным образованиям страны.
- Коллективная собственность. Связана с созданием разнообразных общественных организаций (политических партий, объединений и др.) [Андреев, 2021].

При толковании категории «собственность» правоприменительными органами необходимо учитывать различия в экономических и юридических подходах исследований к имущественным отношениям [Рыжие, 2024].

Договор с точки зрения экономики рассматривается как средство связи между производством и потреблением, способное обеспечить баланс между спросом и предложением. С точки зрения права, договоры создают юридическую обязанность для сторон соблюдать условия соглашения.

Особенностью результата договорных обязательств, при передаче имущества в собственность, является смена собственника [Анисимов и др., 2023].

Основания возникновения договорных обязательств возникают у правоприобретателя из возмездных договоров: купли-продажи; поставки; мены; ренты.

Так, договор купли-продажи представляет собой соглашение, по которому продавец передает в собственность покупателю товар (движимое или недвижимое имущество и др.), а принимающая сторона (покупатель) оплачивает его.

С экономической точки зрения договор купли-продажи — основа оборота имущества, через него оформляются экономические отношения, устанавливаются права собственности и

возникают обязательства.

Юридическая квалификация договора купли-продажи заключается в том, что он всегда: консенсуальный, взаимный и возмездный [Разумовская, 2024].

Договор поставки товаров для государственных или муниципальных нужд заключается на основании контракта и за счет бюджетных средств. Заказ осуществляется только у победителя тендера.

Договоры поставок занимают значимое место среди экономических договоров. С точки зрения экономики договор поставки — это рабочий инструмент, который детализирует все параметры сделки: что, в какие сроки, в каком объеме, по какой стоимости и на каких условиях будет отгружено.

С юридической точки зрения договор поставки — это соглашение о передаче поставщиком покупателю в собственность товары, а покупатель обязуется, приняв эти товары, произвести их оплату в установленном порядке.

Договор поставок имеет свои особенности.

В соответствии с 44-ФЗ цена контракта подтверждается расчетами и документально оформленной аргументацией стоимости закупаемых товаров (работ, услуг).

Заказчик не имеет право устанавливать сумму цены не обоснованно, без разъяснений, а поставщик заинтересован в открытости алгоритма формирования этого показателя, чтобы анализируя рыночную ситуацию можно было составить собственное конкурентное предложение на тендер [Анисимов и др., 2023].

Заказчики составляют план своих закупок и указывают начальную максимальную цену контракта — НМЦК (ст. 18 44-ФЗ), обосновав ее расчетами по каждой позиции плана. Не выполнение этого требования влечет штрафные санкции.

Подготовленные планы государственных закупок публикуются в единой информационной системе (ЕИС) в течение 10 рабочих дней.

Договор мены с юридической точки зрения – это вид возмездной сделки, закрепленной в гражданском законодательстве РФ, имеющий следующие особенности:

- Передача имущества происходит на безналичной основе, без привлечения денежных средств.

- Стоимость объектов обмена может быть разной, что не влияет на юридическую сущность договора.

- Объектом мены могут выступать любые вещи, определенные в ГК РФ как движимые или недвижимые.

- Если предметом мены является недвижимое имущество, договор подлежит обязательной государственной регистрации.

- Стороны несут ответственность за нарушение условий договора и могут требовать возмещения убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательств.

- Договор мены может быть признан недействительным в случаях, предусмотренных общими нормами ГК РФ: при нарушении формы договора, недостаточной дееспособности сторон, отсутствии согласия или наличии условий, противоречащих закону и нравственности.

С точки зрения экономики договор мены заменяет два договора купли-продажи с одинаковой ценой и сроками оплаты. Каждая сторона одновременно является, и продавцом, и покупателем передаваемых имущественных ценностей.

Преимущества договора мены с точки зрения экономики:

- Упрощение и ускорение процесса оформления договоров. Вместо оформления двух отдельных договоров купли-продажи стороны заключают один договор мены.

- Отсутствие необходимости в денежных средствах. При обмене имуществом в качестве оплаты выступает равноценный объект собственности.
- Возможность получения товара, в ситуации, если не достаточно денежных средств. Участник договора мены может предложить взамен другому участнику, определенный объект собственности.

Договор ренты с экономических позиций договор ренты представляет собой вид систематичного пассивного дохода, от передачи в собственность плательщика имущественного объекта.

С позиции права договор ренты представляет собой соглашение о передаче арендодателем арендатору имущества в собственность на условиях периодически выплачиваемой арендодателю ренты в денежной форме.

К особенностям договора ренты относят:

- Нотариальное удостоверение. Согласно статье 584 ГК РФ, без удостоверения нотариусом договор недействителен.
- Госрегистрация. Переход права собственности на недвижимость к плательщику, а также установленное обременение рентой, подлежат обязательной государственной регистрации в Росреестре.
- Существенные условия. Договор ренты считается действительным, если в нем содержатся: предмет договора, вид ренты, величина и сроки выплат, способ обеспечения обязательств по ренте.
- Обеспечение прав арендодателя. Арендодатель имеет право требовать расторжения договора в судебном порядке при нарушении условий выплаты ренты, возможность взыскания ренты в судебном порядке с неустойкой и процентами.

Заключение

Таким образом, обобщая выше сказанное, собственность, как экономико-правовая категория, представляет собой отношения субъектов по поводу воспроизводства ее объектов (производства, распределения, обмена и потребления), а также право на их принадлежность (владения, пользования и распоряжения).

Передача объектов в собственность происходит на основе возмездных договоров. Различные виды возмездных договоров наряду с выявленными особенностями, имеют и общие черты. Так, юридически все виды возмездных договоров представляют собой соглашения по предоставлению товара (как объекта собственности) или услуги за определенную выгоду (плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязательств). С точки зрения экономики, такие договоры позволяют участникам свободно согласовывать свои цели и интересы, а также определять необходимые действия по их достижению.

Библиография

1. Анисимов А.П., Козлова М.Ю., Рыженков А.Я., Чаркин С.А., Договорное право: учебное пособие для вузов / А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин; под общей редакцией А.Я. Рыженкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 407 с
2. Андреев, Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография / Ю.Н. Андреев. — М.: Юр. Норма, НИЦ / Ю.Н. Андреев. — Москва: Огни, 2021. — С. 102.
3. Разумовская, Е.В. Договорное право. Общая часть: учебник для вузов / Е.В. Разумовская. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 197 с.

-
4. Румянцева Е. Е. Экономический анализ. / Е.Е. Румянцева. — М.: Юрайт. 2023. —534 с.
 5. Рыжие А.В. Право собственности в современной России // Проблемы российского законодательства, № 2. 2024. —С. 255-259.
 6. Шадрин Г. В., Голубничий К. В. Экономический анализ. / Г.В. Шадрин. — М.: Юрайт. 2023. —464 с.

Property and Compensatory Contracts: Legal and Economic Aspects

Galina M. Morozova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Competition Law and Antimonopoly Regulation,
Ural State University of Economics,
620144, 62, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: morozova_gm@usue.ru

Lyudmila F. Shaibakova

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department
of Competition Law and Antimonopoly Regulation,
Ural State University of Economics,
620144, 62, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: econlaw@mail.ru

Abstract

The article examines the categories of property and various types of compensatory contracts (purchase and sale, supply, barter, lease) from economic and legal points of view; a brief description is given, their features are highlighted, and generalizing conclusions are formulated. Property, as an economic-legal category, represents the relations of subjects concerning the reproduction of its objects (production, distribution, exchange, and consumption), as well as the right to their belonging (possession, use, and disposal). The article shows that the transfer of objects into ownership occurs on the basis of compensatory contracts. Various types of compensatory contracts, along with the identified features, also have common characteristics. Thus, legally, all types of compensatory contracts are agreements for the provision of goods (as an object of property) or services for a certain benefit (payment or other consideration for the fulfillment of obligations). From an economic perspective, such contracts allow participants to freely coordinate their goals and interests, as well as determine the necessary actions to achieve them.

For citation

Morozova G.M., Shaibakova L.F. (2026) *Sobstvennost' i vozmozhnyye dogovory: pravovyye i ekonomicheskiye aspekty* [Property and Compensatory Contracts: Legal and Economic Aspects]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 186-192. DOI: 10.34670/AR.2026.80.73.025

Keywords

Property, compensatory contracts, purchase and sale agreement, supply agreement, barter agreement, lease agreement.

References

1. Anisimov, A.P., Kozlova, M.Iu., Ryzhenkov, A.Ia., & Charkin, S.A. (2023). *Dogovornoe pravo: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Contract law: a textbook for universities] (A.Ia. Ryzhenkov, Ed.; 2nd ed., rev. and enl.). Moscow: Izdatel'stvo Iurait.
2. Andreev, Iu.N. (2021). *Sobstvennost' i pravo sobstvennosti: tsivilisticheskie aspekty: monografiia* [Property and property rights: civil aspects: a monograph]. Moscow: Iur. Norma, NITS / Ogni. [Page reference to specific section is 102].
3. Razumovskaia, E.V. (2024). *Dogovornoe pravo. Obshchaia chast': uchebnik dlia vuzov* [Contract law. General part: a textbook for universities] (3rd ed., rev. and enl.). Moscow: Izdatel'stvo Iurait.
4. Rumiantseva, E.E. (2023). *Ekonomicheskii analiz* [Economic analysis]. Moscow: Iurait.
5. Ryzhie, A.V. (2024). Pravo sobstvennosti v sovremennoi Rossii [Property rights in modern Russia]. *Problemy rossiiskogo zakonodatel'stva* [Problems of Russian Legislation], (2), 255–259.
6. Shadrina, G.V., & Golubnichii, K.V. (2023). *Ekonomicheskii analiz* [Economic analysis]. Moscow: Iurait.

УДК 35.07:004

DOI: 10.34670/AR.2026.45.25.026

Роль государственных органов в регулировании информационных цифровых технологий в нефтегазовой промышленности

Михеев Сергей Дмитриевич

Аспирант,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: mikhsergey98@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу роли государственных органов в регулировании информационных и цифровых технологий в нефтегазовой промышленности на примере ряда стран – США, России и Китая, учитывая современные международные тенденции в этой области. В статье рассматриваются существующие подходы к государственному регулированию: правовое и институциональное обеспечение, стандартизация, контроль критической инфраструктуры, стимулирование инноваций и международное сотрудничество. На основе сравнительного анализа автор раскрывает основные направления государственной политики, прогнозирует перспективы развития регулирования в условиях цифровизации, роста киберугроз и экологических требований.

Для цитирования в научных исследованиях

Михеев С.Д. Роль государственных органов в регулировании информационных цифровых технологий в нефтегазовой промышленности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 193-206. DOI: 10.34670/AR.2026.45.25.026

Ключевые слова

Государственные органы, искусственный интеллект, Интернет вещей, большие данные, пятое поколение сетей связи, цифровые двойники, предиктивное обслуживание, кибербезопасность, многоуровневая система защиты, промышленный интернет, умные месторождения, мониторинг выбросов, нефтегазовая промышленность, цифровизация.

Введение

Современная нефтегазовая промышленность переживает кардинальную цифровую трансформацию, влияющую на все производственные цепочки, касающиеся как разведки и добычи, так и транспортировки, а также переработки. Масштабное внедрение цифровых и информационных технологий (SCADA, IoT, большие данные, искусственный интеллект) значительно повышает эффективность и конкурентоспособность всей отрасли. Однако, вместе с технологическим прогрессом приходится сталкиваться и с современными вызовами: ростом рисков кибератак, утечек данных, нарушения промышленной и экологической безопасности.

В этом контексте роль государственных органов становится ключевой с позиции административного регулирования экосистем, так как именно они определяют политику безопасности, разрабатывают стандарты внедрения инноваций, условия хранения, обработки и трансграничной передачи данных, а также выступают надзорными и контрольными органами за соответствием критической инфраструктуры современным требованиям.

Несмотря на активные законодательные усилия, существуют значительные отличия в подходах и эффективности государственного регулирования разных стран – от мягких экономических стимулов до строгого административного контроля. Осмысление этих различий, определение перспектив развития государственной политики в области цифровизации нефтегазовой отрасли приобретает особую научную и практическую значимость, особенно на фоне увеличивающихся глобальных киберрисков и «зеленого» перехода.

Основная часть

Государство выступает ключевым актором осуществления баланса между инновациями, безопасностью и экономическими интересами в области регулирования информационных и цифровых технологий в нефтегазовой промышленности. Именно государство устанавливает стандарты безопасности, защиты данных, сертификации IT-решений. Помимо этого, им осуществляется финансирование цифровизации, а также выделение субсидий на исследования и разработки с целями усовершенствования технологий производства, улучшения экологических характеристик, повышения энергоэффективности и создания новых материалов и цифровых платформ.

Государственные органы осуществляют контрольные функции посредством аудирования, лицензирования, мониторинга на соответствие нормам, а также принимает меры непосредственного реагирования на нарушения.

В области международного сотрудничества государственные органы адаптируют свои решения, исходя из современных норм международных стандартов (ISO 29001, 14224, 20815) и соглашений (например, по трансграничным данным).

Подходы к государственному регулированию информационных и цифровых технологий в нефтегазовой отрасли варьируются по странам: от либерального (США) к централизованному (Китай, Россия). Проведем краткий сравнительный анализ данных подходов.

1. Государственное регулирование нефтегазовой отрасли в США представляет собой модель частно-общественного партнерства, когда частные компании доминируют в собственности, эксплуатации и инвестициях, однако государство обеспечивает строгий контроль за критической инфраструктурой, безопасностью, экологией и экономической стабильностью [Емельянов, 2012, с. 23]. Основные особенности модели включают децентрализацию

(федеральный, штатный и местный уровни). Акцент делается на рыночные механизмы с государственным надзором, а фокус смещен на национальную безопасность, поскольку нефть и газ считаются критической инфраструктурой по определению Министерства внутренней безопасности (DHS).

Большинство активов (добыча, переработка, транспортировка) сосредоточены, как уже отмечено, в руках частных компаний (например, ExxonMobil, Chevron), однако государство регулирует доступ к ресурсам (особенно на федеральных землях и шельфе), устанавливает стандарты и предотвращает монополизацию отрасли. Данное партнерство осуществляется на уровне совместных проектов (к примеру, разработка шельфовых месторождений с участием федерального правительства), или на уровне выделяемых субсидий для «зеленой» энергетики, которая интегрирует нефтегазовый сектор.

Отметим, что нефтегазовая отрасль в США включена в 16 секторов критической инфраструктуры по классификации DHS Energy & Environment (отдел в Департаменте национальной безопасности США, отвечающий за соблюдение законов в области энергетики и экологии) [Ковалева, 2019, с. 81]. Регулирование фокусируется на предотвращении сбоев, кибератак и катастроф. Государство может национализировать активы в чрезвычайных ситуациях.

Регулирование вопросов нефтегазовой промышленности распределено по уровням:

- федеральный (разработка общих стандартов, регулирование торговых взаимоотношений между штатами, а также вопросы национальной безопасности);
- уровень штатов (установление локальных цен, выдача разрешений на бурение, экологический контроль);
- местный (вопросы зонирования, а также выдача разрешений на строительство).

I. Федеральный уровень

Министерство энергетики США (Department of Energy, DOE) - исполнительный департамент федерального правительства страны, который осуществляет надзор за энергетической и ядерной безопасностью.

Основными задачами в области координации вопросов цифровизации и информационных технологий нефти и газа являются [U.S. Department of Energy, www]:

- контроль деятельности нефтяной промышленности на соответствие национальной политике в области защиты окружающей среды и энергосбережения;
- допуск к данным через программный интерфейс приложения (API). Это помогает людям и компаниям быстрее разрабатывать новые инструменты, а также обмениваться контентом и данными между приложениями, то есть сторонние веб- или мобильные приложения могут динамически обновляться данными Министерства энергетики США [Интерфейс прикладного программирования, www];
- оптимизация сервисов для использования на мобильных устройствах, чтобы население и компании могли получать к ним доступ в любое время и в любом месте.

Федеральное регулирование, помимо Министерства энергетики, координируется несколькими агентствами под эгидой ключевых департаментов. Основными среди них являются:

1. Федеральная комиссия по регулированию энергетики (Federal Energy Regulatory Commission, FERC) – независимое агентство при Конгрессе, которое осуществляет регулирование транспортировки и продажи природного газа между штатами, нефти и электроэнергии. В ее обязанности входит контроль тарифов на транспортировку, борьба с

монополиями (например, одобрение слияния компаний), а также надзор за надежностью энергосистем, включая кибербезопасность.

Комиссия использует различные технологии, в том числе системы управления базами данных, средства сетевой безопасности и операционные системы [About the Federal Energy Regulatory Commission, [www](#)]. Она применяет стандарты Единой системы учета, которые регулируют ведение бухгалтерской отчетности и делового документооборота компаниями энергетического сектора для обеспечения прозрачности и единообразия финансовой информации.

2. Бюро управления океанической энергией (BOEM) (Bureau of Safety and Environmental Enforcement, BSEE) и Бюро управления океанической энергией (Bureau of Ocean Energy Management, BOEM) находятся в прямом подчинении Министерства внутренних дел (Department of the Interior, DOI) как исполнительного подразделения федерального правительства США. Само министерство управляет большей частью природных ресурсов и земель под федеральной юрисдикцией, руководит программами, связанными с американскими индейцами, коренными жителями Аляски, коренными гавайцами, а также занимается территориальными делами в островных районах Соединённых Штатов.

Бюро по надзору за безопасностью и охраной окружающей среды (Bureau of Safety and Environmental Enforcement, BSEE) отвечает за надзор в области безопасности и экологически ответственной разработки оффшорной добычи нефти и газа (разработка стандартов бурения, инспекция платформ, реагирование на разливы и т.п.) [Bureau of Safety and Environmental Enforcement, [www](#)].

Бюро управления океанической энергией (Bureau of Ocean Energy Management, BOEM) занимается разработкой энергетических, минеральных и геологических ресурсов Внешнего континентального шельфа США [What does the Ocean Energy Management Bureau (OEMB) do?, [www](#)]. В круг обязанностей этой государственной структуры входит планирование разработки оффшорной энергетики с целью минимизации воздействия на окружающую среду; проведение аукционов на аренду шельфовых участков; экологическая оценка проектов, а также управление доходами от добычи. Бюро контролирует выдачу лицензий на разведку нефти и газа, развитие возобновляемых источников энергии и добычу полезных ископаемых на внешнем континентальном шельфе.

4. Администрация по безопасности трубопроводов и опасных материалов (Pipeline and Hazardous Materials Safety Administration, PHMSA) - ведомство Министерства транспорта (Department of Transportation, DOT), которое отвечает за разработку и соблюдение правил безопасной, надежной и экологически чистой транспортировки энергетических и других опасных материалов [Directorate for Safety of Pipelines and Hazardous Materials, PHMSA, [www](#)].

Основным функционалом данного ведомства является надзор за безопасностью нефте- и газопроводов (в виде проведения инспекций, разработки стандартов строительства, а также мониторинга целостности системы).

Непосредственно Администрация регулирует транспортировку опасных грузов, проводит расследования инцидентов в этой области и назначает штрафы (например, за утечки опасных материалов). С 2021 г. данное ведомство усилило меры кибербезопасности после крупной хакерской атаки на американскую компанию Colonial Pipeline, управляющую крупнейшей в США системой трубопроводов для транспортировки нефтепродуктов.

5. Управление по землеуправлению (Bureau of Land Management, BLM) - агентство Министерства внутренних дел Соединенных Штатов, ответственное за управление

федеральными землями США.

Управление занимается выдачей разрешений на разработку нефти и газа, угля, стратегических полезных ископаемых и возобновляемых источников энергии на государственных землях, включая Аляску [Falin, [www](#)]. Также в функционал Управления входит выдача аренды и сбор royalties (около \$10 млрд ежегодно).

Среди других федеральных органов можно упомянуть Антимонопольное подразделение Министерства юстиции (Antimonopoly Division U.S. Department of Justice), занимающееся аспектами предотвращения картельных сговоров в нефте- и газодобыче, а также их продаже [Antimonopoly Division U.S. Department of Justice, [www](#)]. В 2023г. ведомство активно добавляло новые информационные инструменты, чтобы обеспечивать справедливую конкуренцию в условиях все более сложных технологий и отраслевых структур. Например, был нанят главный технолог с опытом в области разработки программного обеспечения и искусственного интеллекта [Ethey, [www](#)]; Министерство национальной безопасности (DHS [Department of Homeland Security, DHS, [www](#)]) в части киберугроз критической инфраструктуре через Агентство кибербезопасности и инфраструктурной безопасности CISA (Cybersecurity and Infrastructure Security Agency), которое отвечает за защиту инфраструктуры на всех уровнях государственного управления, координацию программ кибербезопасности со штатами США. В составе Агентства появилась объединение по кибербезопасности (Joint Cyber Defense Collaborative - JCDC) [Joint cooperation in the field of cyber defense, [www](#)] для повышения уровня национальной кибербезопасности и защиты критически важных секторов инфраструктуры США за счет активного сотрудничества между государственным и частным сектором. В апреле 2022 года CISA включило в группу JCDC вендоров, интеграторов и дистрибьютеров систем безопасности для автоматизированной системы управления технологическими процессами (АСУТП). Также CISA обнародовало план по поощрению ответственного внедрения искусственного интеллекта (ИИ). Для этого анализируются и внедряются лучшие практики для безопасной работы ИИ и даются рекомендации для расширенного тестирования и оценки моделей ИИ на предмет потенциальных сценариев эксплуатации [Дорожная карта искусственного интеллекта, [www](#)].

II. Региональный уровень

Каждый из 50 штатов имеет свою комиссию по коммунальным услугам (Public Utility Commission, PUC), например, Railroad Commission of Texas (RRC), которая регулирует цены, бурение и добычу энергетических ресурсов (выдает 90% разрешений в Техасе).

В Калифорнии California Energy Commission фокусируется на экологии в части установления локальных тарифов, выдачи разрешений, а также определения налогов с добычи энергетических ресурсов (severance taxes до 7% от добычи).

III. Местный уровень

Муниципалитеты и округа полномочны в части выдачи разрешений на зонирование, строительство и экологический мониторинг. Например, в Колорадо местные референдумы запрещают фрекинг.

Локальное управление данными гарантирует постоянный доступ и обработку информации. Это важно, так как нефтегазовые работы часто ведутся в отдаленных морских районах с редким или отсутствующим подключением к интернету [Размер рынка управления данными в нефтегазовой отрасли, [www](#)].

Таким образом, многоуровневая система регулирования нефтегазовой отрасли в США обеспечивает адаптивность, но создает сложности для компаний, так как она больше

ориентирована на выдачу предписаний, чем на целевое, ориентированное на результат управление. Также сложности для компаний возникают из-за излишне бюрократизированной структуры регулирования.

Россия

В России регулирование нефтегазового сектора значительно отличается от американской модели, где рынок и частный бизнес играют ведущую роль с относительно «мягкими» правилами (государство больше наблюдает и направляет, но не навязывает жесткие требования к технологиям или поставкам). В РФ подход централизованный и государственно-ориентированный: правительство активно вмешивается для целей обеспечения безопасности, экономической независимости и экологической устойчивости.

Регулирование в нефтегазовой отрасли направлено на баланс инноваций, безопасности и суверенитета, особенно в контексте критической информационной инфраструктуры (КИИ), а также санкционного давления.

В России регулирование информационно-цифровых технологий в нефтегазе представляет многоуровневую систему, интегрированную в национальную «Цифровую экономику» [Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», [www](http://www.gov.ru)].

Государство использует целую цепочку методов: нормативно-правовой метод (через принятие законов и стандартов), административный (путем проведения аудитов и выдачу лицензий), экономический (через субсидирование, а также предоставление льгот) и мониторинговый (путем введения реестров и строгой отчетности). Фокус внимания государства сосредоточен на защите от киберугроз и локализации технологий.

Охарактеризуем ключевые органы и их роль в цифровизации нефтегазового комплекса РФ.

1. Министерство энергетики РФ (Минэнерго) является основным отраслевым регулятором для нефтегаза.

Среди первоочередных мер, которые Минэнерго принимает для информатизации и цифровизации нефтегазового комплекса страны, можно перечислить следующие:

- поддержка разработки и внедрения отечественных сквозных технологий путем формирования отраслевого заказа на внедрение таких решений;
- развитие отраслевых образовательных программ в области информационно-коммуникационных технологий через апробацию новых механизмов практического обучения;
- переход организаций ТЭК на широкое применение облачных вычислений посредством создания технологий информационного моделирования и искусственного интеллекта;
- проработка возможности использования цифровых двойников для определения налогового режима нефтегазовых месторождений. Посредством этого механизма власти могут обосновывать необходимость перевода конкретного месторождения на режим налога на дополнительный доход

В рамках ведомственного проекта «Цифровая энергетика» [Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», [www](http://www.gov.ru)] сформирован Центр компетенции по цифровизации нефтегазовой отрасли.

2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры) является координатором национальной цифровизации, включая промышленные данные.

В компетенцию министерства входит разработка методических рекомендаций для госкомпаний по проведению цифровой трансформации. Они, в частности, предусматривают ограничение до 30% доли расходов на разработку госпредприятиями софта для собственных нужд в общем цифровом бюджете [Романова, [www](http://www.gov.ru)]. Помимо этого, министерство ведет

разработку российского программного обеспечения, создает условия для создания IT-платформ для управления объектами автоматизации и сбора данных для принятия эффективных управленческих решений.

Минцифры совместно с Минэнерго России осуществляет мероприятия, направленные на реализацию новых финансовых и нефинансовых мер поддержки значимых отраслевых проектов, например, осуществляет поддержку API и облаков («ГосТех») для трансграничных проектов с Китаем в Арктике. Минцифры выступает техническим заказчиком, который закупает работы и следит за исполнением. Для включения в «ГосТех» сторонних сервисов и продуктов Минцифры разрабатывает порядок ведения каталога цифровых продуктов.

3. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) вносит вклад в цифровизацию нефтегазового комплекса через следующие мероприятия:

- разработка обязательной сертификации программ и оборудования. ФСТЭК проверяет средства защиты информации на соответствие стандартам;
- аттестация объектов путем обработки конфиденциальных данных перед запуском системы (проверка оборудования, сетей и процедур на соответствие требованиям безопасности) [Федеральная служба по техническому и экспортному контролю России, [www](http://www.fstec.ru)];
- импортозамещение через использование российского ПО и оборудования из реестра Минцифры, что особенно важно для госструктур и объектов критической инфраструктуры;
- аудит компаний на предмет защищенности от кибератак (оценка состояния информационной безопасности IT-систем, сетей, а также автоматизированных систем управления технологическими процессами компаний топливно-энергетического комплекса).

4. Федеральная служба безопасности РФ (ФСБ) осуществляет надзор за информационной безопасностью и трансграничными данными. В рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» [Цифровое государственное управление, [www](http://www.digital.gov.ru)] национальной программы «Цифровая экономика» [Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. №1632-р, [www](http://www.gov.ru)] проводится модернизация IT-системы ФСБ (опытно-конструкторские работы по модернизации системы предоставления государственных услуг, исполнения государственных функций и межведомственного электронного взаимодействия ФСБ).

Помимо этого, начал функционировать Национальный технологический центр цифровой криптографии с целью внедрения и популяризации использования криптографических методов защиты, которые позволят обеспечить информационную безопасность организаций, в частности защитить их персональные данные.

5. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) выступает ведомством, целью которого является защита персональных и общедоступных данных в нефтегазе (например, в сервисах).

Ведомство создано с целями развития государственной информационной системы, в том числе и в топливно-энергетическом комплексе (ГИС ТЭК). Данная система объединяет в себе информацию по всем отраслям ТЭК Российской Федерации. Для этого в подзаконных нормативных правовых актах установлены требования к техническим, программным и лингвистическим средствам обеспечения эксплуатации ГИС ТЭК, а также правила предоставления информации для доступа к ней [Насибулин, 2020, [www](http://www.rcc.gov.ru)].

Таким образом, российский подход – это жесткий государственный контроль с фокусом на безопасность (критическая информационная инфраструктура и локализация), экологию (использование технологии Интернета вещей (IoT) для отслеживания и измерения концентрации углекислого газа (CO₂) в режиме реального времени с фактическим снижением

выбросов) и цифровизацию, что отличает его от «мягкого» рыночного стиля США. Такой баланс помогает отрасли адаптироваться к вызовам в части климатических изменений и новым векторам геополитики, делая Россию более устойчивой в долгосрочной перспективе.

Однако, несмотря на прогресс, государство сталкивается с современными вызовами.

1) Киберриски и технологическое отставание. В нефтегазовой отрасли России много устаревших программных систем («legacy-системы»), которые внедрены в оборудование на месторождениях, трубопроводах и заводах по технологиям 10–20-летней давности. Эти системы уязвимы к хакерским атакам из-за своей слабой защиты ввиду отсутствия современных обновлений, что, в свою очередь, негативно влияет на интеграцию с новыми датчиками IoT. Например, в 2024 году на компанию «Новатэк» была осуществлена хакерская атака, приведшая к отключению части IT-систем, что привело к простою и финансовым потерям [Новость по компании НОВАТЭК, www]. Такие инциденты показывают пробелы аудитов Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, которая должна проверять критически важную информационную инфраструктуру. Аудиты не всегда охватывают все слабые места, иногда компании предоставляют лишь формальные отчеты.

2) Санкции западных стран усугубляют проблему. Россия не может напрямую закупать современные компоненты, такие как GPU (специальные чипы для обучения ИИ и обработки больших данных). Без них внедрение цифровых технологий (ЦТ) тормозится на 20–30%, к примеру, проектирование «умных» скважин или предиктивный анализ (прогноз поломок), что требует большего количества времени и финансовых затрат. В итоге отрасли приходится полагаться на импортозамещение, то есть создавать свои аналоги, для которых тоже необходимо больше времени, а также они не всегда эффективны. В целом, это создает «цифровой разрыв», то есть Россия претендует на лидерство в цифровизации нефтегазового сектора, однако риски кибератак увеличиваются при заметном отставании уровня инноваций.

3) Бюрократическая нагрузка. Компании нефтегазового сектора ведут целый массив реестров и отчетности, предоставляемые в разные государственные органы: Министерство цифрового развития требует данные о цифровой трансформации и локализации софта, ФСТЭК запрашивает данные о безопасности КИИ, Росприроднадзор занимается контролем выбросов CO₂. Данные проверки и согласования добавляют 5–10% к общим затратам компаний. Из-за этого малый и средний бизнес (SMB) расходует огромное количество времени на бюрократические согласования вместо инноваций, что приводит к их уходу из отрасли, либо же банкротству.

Анализ показывает, что российский подход к регулированию нефтегазовой отрасли, несмотря на акценты безопасности и локализации, склонен создавать системные барьеры: киберриски от legacy-систем и санкций, замедляющие технологический прогресс, а также бюрократические препоны приводят в итоге к увеличению затрат и демотивации бизнеса. Для устранения этих проблемных аспектов необходимы сбалансированные меры: упрощение процедур, инвестиции в современные отечественные технологии и стимулы для кадров, что в итоге позволит отрасли перейти от реактивной защиты к проактивному развитию, повышая таким образом конкурентоспособность по ключевым показателям экономии и снижению рисковых составляющих.

Китай: государственный контроль с фокусом на данные и суверенитет

Нефтегазовый сектор Китая является ключевым элементом экономики, так как страна является импортером нефти и газа в мире. Ключевыми игроками на данном рынке выступают CNPC/PetroChina, Sinopec, CNOOC. Нефтегазовый сектор считается частью критической

информационной инфраструктуры (СИ), поэтому цифровизация этого рынка (внедрение ИИ, IoT, 5G для «умных» месторождений и трубопроводов) строго регулируется центральным надзорным и контролирующим органом КНР – САС. Регулирование отрасли сочетает стимулы и жесткие правила, в отличие от более рыночного подхода в США.

Проанализируем специфику регулирования государственными органами цифровизации нефтегазового сектора Китая.

1. Cyberspace Administration of China (CAC) – центральный надзорный и контролирующий орган КНР, отвечающий за регулирование вопросов использования глобальной сети Интернет, а также управления и контроля за киберпространством [What is the Cyberspace Administration of China (CAC)?, [www](http://www.cac.gov.cn)].

Нефтегазовые компании обязаны классифицировать свои системы по схеме, разработанной для защиты кибербезопасности сетей и систем в Китае (Multi-Level Protection Scheme - MLPS) от уровня 1-го (базовый) до 5-го (самый защищенный).

САС проводит ежегодные аудиты: проверяет старое оборудование (legacy-системы) на их уязвимость и требует обновлений. Например, после атак на энергосистемы Китая в 2020-х, САС ввела обязательный мониторинг IoT-датчиков на шельфовых платформах и трубопроводах.

Все данные о добыче, транспортировке и экологии (например, мониторинг CO₂) должны храниться в Китае («data localization»). Импорт иностранных чипов, ПО или облачных хранилищ обязателен к одобрению САС. Это часть стратегии китайского правительства по переориентации экономики страны на «новую модель развития».

В цифровизации нефтегаза компании Китая используют отечественные ИИ-платформы для предиктивного обслуживания (прогнозы поломок скважин и пр.)

САС координирует с Национальным энергетическим управлением Китая (NEA) и Министерством промышленности и информационных технологий Китая (МИПТ) программы «14-й пятилетки» (до 2025 г.), где нефтегаз должен достичь 50% автоматизации. Стимулами ускорения являются субсидии на китайские цифровые трансформации (ЦТ) – до 30% от инвестиций, но с существенным условием – все приложения ИИ (в частности, в области оптимизации фрекинга или логистики СПГ) проходят «этическую» проверку на соответствие «социалистическим ценностям».

САС регулирует IoT-мониторинг выбросов (аналогично российскому, но с фокусом на «зеленый пояс и путь»). Данные о CO₂ поступают и аккумулируются в национальной системе углеродного учета. Импорт технологий из России или Ирана проверяется на скрытые уязвимости.

В качестве примеров воздействия САС на нефтегазовые компании можно отметить обязательную отчетность в области цифровизации таких компаний, как CNPC и Sinopec перед САС. В 2022–2023 этими компаниями были введены «цифровые двойники» (виртуальные модели месторождений) на базе китайского софта для целей снижения рисков кибератак.

В целом, регулирование САС делает цифровизацию нефтегазовой отрасли централизованной и безопасной, но замедляет инновации из-за бюрократии (одобрения занимают 3–6 месяцев).

2. Национальное энергетическое управление Китая (National Energy Administration, NEA) – это ключевой государственный орган, который отвечает за разработку и реализацию энергетической политики страны, предлагает промышленную политику и соответствующие стандарты в области добычи угля, нефти, природного газа, производства электроэнергии, новых и возобновляемых источников энергии, а также нефтепереработки, производства угольного

топлива и этанола [National Energy Administration of China, [www](#)].

Нефтегазовый сектор Китая на данный момент пока еще отстает по уровню цифровизации в основном из-за старых инфраструктур (legacy-системы). NEA играет ведущую роль в ускорении внедрения цифровых технологий этого сектора, интегрируя его в общую «цифровую трансформацию» энергетики.

Именно энергетическим управлением Китая разработаны пятилетние планы цифровизации. Так, в 13-й пятилетке (2016–2020) NEA занималась внедрением программы базовой цифровизации («Smart Energy»), внедрив датчики IoT на трубопроводах с целью мониторинга давления и утечек, что привело в итоге к снижению потерь на 5–7%.

14-я пятилетка (2021–2025) была отмечена целевым направлением обеспечения 50% автоматизации нефтегазовых объектов к 2025 году путем внедрения ИИ в область предиктивного обслуживания (прогноза поломок скважин) и big data для целей оптимизации добычи.

Будущая 15-я пятилетка (2026–2030) уже ставит целью интеграцию с «углеродной нейтральностью», когда ИИ будет использоваться для мониторинга CO₂ в реальном времени для достижения амбициозной цели - снижения выбросов на 18%.

NEA выдает субсидии (до 30% от затрат) для китайских технологий, к примеру, 5G-сети от Huawei на шельфовых платформах Южно-Китайского моря.

Таким образом, NEA выступает стратегическим драйвером цифровизации нефтегазового сектора Китая, который преобразует отрасль из традиционной в «умную» через планы, субсидии и стандарты, что обеспечивает рост эффективности на 15–20%.

3. Министерство промышленности и информационных технологий Китая (Ministry of Industry and Information Technology, MIIT) – это одно из ключевых министерств правительства, отвечающее за развитие промышленности, информационных технологий и связей, содействуя развитию ключевого технологического оборудования и инноваций в сфере коммуникаций [Ministry of Industry and Information Technology, MIIT, [www](#)].

MIIT играет роль в «двойной циркуляции» экономики Китая: стимулирует внутренние инновации и глобальную конкуренцию, особенно в высоких технологиях. Оно разрабатывает нормы для цифрового оборудования в нефтегазе, начиная с IoT-датчиков (для целей мониторинга давления в трубопроводах), заканчивая ИИ-платформами (для анализа данных добычи). Например, стандарт GB/T 39196-2020 (2020 год) регулирует «промышленный Интернет» в энергетике, требуя совместимости устройств.

MIIT также координирует строительство платформ, где нефтегазовые компании подключают оборудование к облачным технологиям. Так, платформа PetroChina Industrial Internet (2022) интегрирует более 100 000 устройств на месторождениях, предсказывая поломки и экономя 10–15% затрат [Искусственный интеллект в нефтегазовой индустрии Китая, [www](#)].

MIIT выдает лицензии на сетевые технологии для «умных» объектов. Например, в нефтехимии Sinopec (завод в Цзинань, 2023) применяет 5G для автономных роботов и AR (дополненной реальности) в инспекциях, снижая простои на 20%.

Таким образом, MIIT обеспечивает стандарты, инфраструктуру (5G, IoT) и импортозамещение, что ускоряет модернизацию и укрепляет независимость страны. В единой связке с NEA и САС оно сочетает инновации с безопасностью, отличаясь от децентрализованных моделей Запада. В итоге данный подход повышает конкурентоспособность отрасли, но, однако, требует инвестиций в таланты для преодоления барьеров санкций и реализации амбициозных целей Китая.

4. Комиссия по надзору и управлению государственными активами Государственного совета (State-owned Assets Supervision and Administration Commission of the State Council (SASAC)) – орган государственного управления, отвечающий за надзор и развитие государственных активов [State-owned Assets Supervision and Administration Commission of the State Council (SASAC), [www](#)]. Он следит, чтобы государственные активы приносили прибыль, а также оставались под контролем и развивались в интересах Коммунистической партии Китая (КПК) и экономики. SASAC централизует управление тысяч государственных предприятий (SOE), подчиняясь напрямую Государственному совету (высшему исполнительному органу Китая) и работая под влиянием Центрального комитета КПК.

В области нефтегазового сектора SASAC интегрирует цифровизацию в «План развития SOE» (программа, направленная на оптимизацию размещения государственного капитала и централизованно управляемых государственных предприятий), требуя, чтобы нефтегазовые SOE достигли 40–50% цифровых активов к 2025 [Китай оптимизирует размещение государственного капитала, [www](#)].

SASAC направляет капитал из госбюджета на развитие нефтегазового сектора, к примеру в 2022–2024 было выделено 200 млрд юаней (\$28 млрд) на исследования и разработку центральных государственных предприятий (SOE) с целью стимулирования инновационного развития. Так, CNPC получила субсидии на «умные месторождения» в виде ИИ для предиктивного анализа, что позволило увеличить добычу на 7% на Дацинском месторождении – крупнейшем нефтегазовом месторождении в Китае.

Заключение

Таким образом, государство выступает активным «архитектором экосистемы»: от жесткого контроля (Россия, Китай) до партнерства (США). Подходы к регулированию нефтегазовой отрасли государственными органами стран эффективны в обеспечении безопасности, но сталкиваются с проблемами баланса и адаптации к угрозам.

Структурные различия заключаются в том, что в США сформирована либеральная и децентрализованная система (частные инновации в сочетании с федеральным надзором), которая идеальна для скорости внедрения цифровых инноваций. Россия и Китай отличаются централизованным управлением нефтегазового комплекса, что помогает обеспечивать безопасность и импортозамещение, однако, данное управление отличается медлительностью в адаптации (из-за санкционных механизмов, а также локализации).

Общими рисками современного мира являются наращивание темпов кибератак, а также дефицит кадров в данной отрасли. Выходом видится глобальное сотрудничество (например, Россия-Китай по «Силе Сибири» с 5G) и переход к «зеленой» цифровизации, предполагающей использование цифровых технологий для повышения экологической устойчивости и минимизации воздействия на окружающую среду, включающей оптимизацию процессов в энергетике, аналитику данных для сокращения выбросов и управление жизненным циклом продукции с учетом экологии.

Таким образом, государственные органы не только минимизируют риски, но и превращают процесс перехода из одного технологического уклада в другой, используя цифровые технологии (ИТ/ЦТ), в инструмент конкурентоспособности отрасли.

К 2030 году роль государственных органов будет эволюционировать в сторону «умного» партнерства: от контроля к групповой работе, направленной на выработку необходимых

корпоративных решений за счет активной вовлеченности и заинтересованности участников внедрения инноваций.

Библиография

1. Ведомственный проект «Цифровая энергетика» // Министерство энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/activity/project-activities/projects/departmental-project-digital-energy>.
2. Дорожная карта искусственного интеллекта, представленная CISA, делает упор на безопасные и ответственные достижения // AppMaster. URL: <https://appmaster.io/ru/news/cisa-predstavliaet-dorozhnuu-kartu-iskusstvennogo-intellekta-v-kotoroi-osoboe-vnimanie-udeliaetsia-bezopasnym-i-otvetstvennym-dostizheniim>.
3. Емельянов Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: Зарубежный и российский опыт. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.
4. Интерфейс прикладного программирования // U.S. Department of Energy. URL: <https://www.energy.gov/eere/buildings/application-programming-interface>.
5. Искусственный интеллект в нефтегазовой индустрии Китая // NNTC.Pro. URL: <https://nntc.pro/tpost/h2hoet4se1-iskusstvennii-intellekt-v-neftegazovoi-i>.
6. Китай оптимизирует размещение государственного капитала // PRC.today. URL: <https://prc.today/kitaj-optimiziruet-razmeshhenie-gosudarstvennogo-kapitala/>.
7. Ковалева Т.А. Критическая инфраструктура в системе обеспечения национальной безопасности США // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 80-83.
8. Насыбулин М.М. ТЭК России: оцифровка // Neftegaz.RU. 2020. № 4. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/tsifrovizatsiya/547922-tek-rossii-otsifrovka/>.
9. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/target/natsionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federacii/>.
10. Новость по компании НОВАТЭК // Mondiana News. URL: <https://news.mondiana.com>.
11. Размер рынка управления данными в нефтегазовой отрасли – по решению, по развертыванию, по применению, по конечному использованию, прогноз роста, 2025–2034 гг. // Global Market Insights. URL: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/oil-and-gas-data-management-market>.
12. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
13. Романова Ю. Прокачать закачку: Россия усилит цифровизацию нефтегаза. Как будут развивать передовые технологии в РФ в условиях ограничений // Известия. URL: <https://iz.ru/1351639/iuliia-romanova/prokachat-zakachku-rossii-usilit-tsifrovizatsiiu-neftegaza>.
14. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю России: назначение и основные задачи // Антарес. URL: <https://antaresa.ru/blog/chto-takoe-fstek/>.
15. Цифровое государственное управление: федеральный проект // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizatsiya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovaniye-i-soprovozhdeniye-ispolneniya-natsionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformatsiya-gosudarstva/cz4-czifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie>.

The Role of State Bodies in Regulating Information Digital Technologies in the Oil and Gas Industry

Sergei D. Mikheev

Postgraduate Student,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: mikhsergey98@gmail.com

Mikheev S.D.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the role of state bodies in regulating information and digital technologies in the oil and gas industry using the example of several countries – the USA, Russia, and China, taking into account current international trends in this area. The article examines existing approaches to state regulation: legal and institutional support, standardization, critical infrastructure control, stimulation of innovation, and international cooperation. Based on a comparative analysis, the author reveals the main directions of state policy and forecasts the prospects for the development of regulation in the context of digitalization, the growth of cyber threats, and environmental requirements.

For citation

Mikheev S.D. (2026) Rol' gosudarstvennykh organov v regulirovanii informatsionnykh tsifrovyykh tekhnologiy v neftegazovoy promyshlennosti [The Role of State Bodies in Regulating Information Digital Technologies in the Oil and Gas Industry]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 193-206. DOI: 10.34670/AR.2026.45.25.026

Keywords

State bodies, artificial intelligence, Internet of Things, big data, fifth generation communication networks, digital twins, predictive maintenance, cybersecurity, multi-level protection system, industrial internet, smart fields, emission monitoring, oil and gas industry, digitalization.

References

1. Ministry of Energy of the Russian Federation. (n.d.). Vedomstvennyi proekt «Tsifrovaia energetika» [Departmental project "Digital Energy"]. Retrieved [Date of access], from <https://minenergo.gov.ru/activity/project-activities/projects/departamental-project-digital-energy>
2. AppMaster. (n.d.). Dorozhnaia karta iskusstvennogo intellekta, predstavleniia CISA, delaet upor na bezopasnye i otvetstvennye dostizheniia [CISA's AI roadmap emphasizes safe and responsible advances]. Retrieved [Date of access], from <https://appmaster.io/ru/news/cisa-predstavliaet-dorozhnuu-kartu-iskusstvennogo-intellekta-v-kotoroi-osoboe-vnimanie-udeliaetsia-bezopasnym-i-otvetstvennym-dostizheniim>
3. Emel'ianov, Iu.S. (2012). Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnoi sfere: Zarubezhnyi i rossiiskii opyt [Public-private partnership in the innovation sphere: Foreign and Russian experience]. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM".
4. U.S. Department of Energy. (n.d.). Interfeis prikladnogo programmirovaniia [Application Programming Interface]. Retrieved [Date of access], from <https://www.energy.gov/eere/buildings/application-programming-interface>
5. NNTC.Pro. (n.d.). Iskusstvennyi intellekt v neftegazovoi industrii Kitaia [Artificial Intelligence in China's Oil and Gas Industry]. Retrieved [Date of access], from <https://nntc.pro/tpost/h2hoet4se1-iskusstvennii-intellekt-v-neftegazovoi-i>
6. PRC.today. (n.d.). Kitai optimiziruet razmeshchenie gosudarstvennogo kapitala [China Optimizes the Allocation of State Capital]. Retrieved [Date of access], from <https://prc.today/kitaj-optimiziruet-razmeshhenie-gosudarstvennogo-kapitala/>
7. Kovaleva, T.A. (2019). Kriticheskaia infrastruktura v sisteme obespecheniia natsional'noi bezopasnosti SShA [Critical infrastructure in the US national security system]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], (9), 80–83.
8. Nasibulin, M.M. (2020). TEK Rossii: otsifrovka [Russian fuel and energy complex: Digitization]. *Neftegaz.RU*, (4). Retrieved [Date of access], from <https://magazine.neftegaz.ru/articles/tsifrovizatsiya/547922-tek-rossii-otsifrovka/>
9. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. (n.d.). Natsional'naia programma «Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii» [National Program "Digital Economy of the Russian Federation"]. Retrieved [Date of access], from <https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii>
10. Mondiar News. (n.d.). Novost' po kompanii NOVATEK [News about NOVATEK company]. Retrieved [Date of access], from <https://news.mondiar.com>
11. Global Market Insights. (n.d.). Razmer rynka upravleniia dannymi v neftegazovoi otrasli – po resheniiu, po

- razvertyvaniu, po primeneniui, po konechnomu ispol'zovaniui, prognoz rosta, 2025–2034 gg. [Oil and Gas Data Management Market Size – By Solution, By Deployment, By Application, By End-use, Growth Forecast, 2025–2034]. Retrieved [Date of access], from <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/oil-and-gas-data-management-market>
12. Government of the Russian Federation. (2017, July 28). *Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r «Ob utverzhdenii programmy "Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii"»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1632-r of July 28, 2017 "On the approval of the program 'Digital Economy of the Russian Federation'"]. Retrieved [Date of access], from <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
 13. Romanova, Iu. (n.d.). Prokachat' zakachku: Rossiia usilit tsifrovizatsiiu neftegaza. Kak budut razvivat' peredovye tekhnologii v RF v usloviakh ogranichenii [Pump up the injection: Russia will strengthen the digitalization of oil and gas. How advanced technologies will be developed in the Russian Federation under restrictions]. Izvestiia. Retrieved [Date of access], from <https://iz.ru/1351639/iuliia-romanova/prokachat-zakachku-rossiia-usilit-tsifrovizatciiu-neftegaza>
 14. Antares. (n.d.). Federal'naia sluzhba po tekhnicheskomu i eksportnomu kontroliu Rossii: naznachenie i osnovnye zadachi [Federal Service for Technical and Export Control of Russia: purpose and main tasks]. Retrieved [Date of access], from <https://antaresa.ru/blog/chto-takoe-fstek/>
 15. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. (n.d.). Tsifrovoe gosudarstvennoe upravlenie: federal'nyi proekt [Digital Public Administration: federal project]. Retrieved [Date of access], from <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizaciya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformaciya-gosudarstva/cz4-czifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie>

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.83.79.027

Ведение беременности при диагностированном отсутствии витальных функций организма женщины. Правовое регулирование фетальных прав в рубежных странах

Бесчастнова Ольга Валерьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: beschastnova_ol@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Кособоков Андрей Львович

Советник отдела развития наднациональных институтов в ЕАЭС,
Департамент евразийской интеграции Минэкономразвития России,
123112, Российская Федерация, Москва, Пресненская набережная, 10/2;
e-mail: andreykos98@mail.ru

Аннотация

Современные медицинские технологии способны поддерживать витальные функции организма на протяжении недель и даже месяцев после констатации смерти головного мозга. Когда подобное состояние диагностируется у беременной женщины, перед обществом, медициной и правом встает беспрецедентный этико-правовой вызов: возможно и оправдано ли пролонгирование беременности для спасения жизни плода? Зарубежная практика демонстрирует разнообразие подходов к решению этой дилеммы, отражающее глубокие различия в правовых. Данная статья является логическим продолжением ранее опубликованного исследования авторов «Правовое регулирование судьбы нерожденного ребенка после постановки диагноза смерть мозга беременной женщине», и направлена на решение поставленного в ней вопроса о практической реализации ценностно-ориентированного подхода, предложенного в том числе Высоким Судом Ирландии в деле *P.P v. HSE*. В рамках исследования подготовлен правовой

механизм, содержащий порядок действий для максимально широкого круга ситуаций, которые могут возникнуть после постановки беременной женщине такого диагноза. В их числе можно назвать беременность в результате изнасилования, наличие у плода патологий, а также желание родственников отключить тело женщины от медицинской аппаратуры. Авторами выделено две большие группы интересов – публичные, в которые входят интересы государства и общества, и частные, состоящие из интересов родственников умершей женщины. Кроме того, в статье демонстрируется, что при определенных ситуациях необходимо сделать попытку определить потенциальные интересы самого нерожденного ребенка.

Для цитирования в научных исследованиях

Бесчастнова О.В., Новиков А.В., Кособоков А.Л. Ведение беременности при диагностированном отсутствии витальных функций организма женщины. Правовое регулирование фетальных прав в рубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 207-215. DOI: 10.34670/AR.2026.83.79.027

Ключевые слова

Смерть мозга, фетальные права, правосубъектность, правовой статус нерожденного ребенка, аборт, интересы государства, медицинские показатели.

Введение

Введение понятия «смерть мозга» в клиническую практику стало поворотным моментом не только для медицины, но и для этики и права. Ситуация, при которой данный диагноз устанавливается у беременной женщины, создает беспрецедентно сложный правовой и этический кейс, ставящий во главу угла конфликт между автономией и достоинством умершей пациентки и интересами развивающегося плода. Зарубежное правовое регулирование в этой области остается фрагментированным и развивается на стыке законодательства о трансплантологии, репродуктивных правах и здравоохранении.

Основой для любой юридической интервенции служит четкое определение статуса пациентки. Диагноз «смерть мозга», юридически эквивалентный смерти человека в большинстве юрисдикций, преобразует беременную женщину из субъекта права в объект посмертной заботы. Таким образом, ее тело, поддерживаемое искусственно, рассматривается как биологическая система, обеспечивающая жизнедеятельность плода. Ключевым становится вопрос: кто уполномочен принимать решения о продолжении или прекращении такой поддержки? В отсутствие заблаговременно выраженной воли (например, в виде предварительных распоряжений или прямых указаний в случае беременности) право принятия решения переходит к суррогатным лицам – обычно ближайшим родственникам.

Основное содержание

В рамках предыдущего исследования, посвященного анализу существующих юридических конструкций разрешения конфликтных ситуаций, связанных с беременностью женщины, имеющей диагноз «смерть мозга», предложено рассмотреть ирландский подход, изложенный в деле *P.P. v. HSE* согласно которому, предлагается решать подобные споры путем сопоставления интересов заинтересованных лиц. Коротко напомним, что кроме ирландского подхода существуют и другие методики. Так, путь решения, принятый судом штата Джорджия в деле

University Health Services, inc. v. Piazza [www...], предполагает продолжение ведения беременности в связи с политикой штата, а подход, принятый Техасом в деле *Muñoz v. John Peter Smith Hospital* и Австралийской столичной территорией в деле *Millard v. ACT* [www], исходит из того, что фактор беременности не должен учитываться, а к нерожденному ребенку необходимо относиться как к части тела матери. То есть мнение заинтересованных лиц в зависимости от конкретной юрисдикции может как учитываться, так и нет.

Рассматривая ирландский подход, мы исходим из того, что исследуемая нами проблема затрагивает интересы достаточно широкого круга лиц. Отношения между супругами, между родителями и детьми являются частным делом и регулируются государством лишь в самых необходимых случаях и строго ограниченных пределах. В связи с этим полагаем необходимым говорить о двух группах интересов – публичных и частных. Указанные интересы необходимо сопоставить и взвесить, найдя оптимальный баланс между ними.

Начать, на наш взгляд, необходимо с определения границ интересов государства, так как основной правовой задачей публичных властей является установление пределов поведения для членов общества.

В России например, законодательство предоставляет женщине право самостоятельно решать вопрос о материнстве, однако статья 56 ФЗ № 323 содержит ряд ограничений по прерыванию беременности, в том числе безусловно запрещает прекращать жизнедеятельность плода после 12 недель беременности [Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ, www...] за исключением нескольких случаев – патологий плода, беременности, наступившей в результате изнасилования и случаев, когда выживаемости плода противопоставлена жизнь уже родившегося человека. Нет никаких оснований предполагать, что и в рассматриваемой нами ситуации возможно разрешить аборт после 12 недель, даже несмотря на столь экстраординарную ситуацию, в которой оказался отец ребенка и (или) иные заинтересованные родственники женщины. Аборт по основаниям вдовства или финансовых трудностей является чисто социальным основанием для прерывания беременности, в то же время Постановление Правительства РФ № 98 предусматривает лишь одно социальное показание – беременность в результате изнасилования [Постановление Правительства РФ, www...].

Хотя и стоит обратить внимание на тот факт, что отключение от аппаратов жизнедеятельности женщины с диагнозом «смерть мозга» технически не является абортом (который, к слову, является видом медицинской помощи), в то же время, исходя из обстоятельств, главной целью и последствием отключения жизнеобеспечивающих аппаратов в подобной ситуации является гибель плода, что, на наш взгляд, позволяет отождествлять эти процедуры.

В то же время можно отметить, что опираясь на максимально широкую практику различных юрисдикций зарубежных государств можно убедиться в том, что сохранение уже существующей человеческой жизни имеет приоритет перед потенциальным развитием плода. Пациент, нуждающийся в аппаратах ИВЛ, ИКМО, АИК, так же, как и беременная женщина, безусловно находится в состоянии, опасном для жизни [M.J. Wonga, S. Bharadwaja, 2021], поэтому в случае возникновения дефицита медицинского оборудования полагается, что следует отдать предпочтение такому пациенту перед плодом даже в том случае, если нерожденный ребенок развивается хорошо, а шансы на выживание поступившего пациента крайне малы.

Обобщая сказанное выше, можно обоснованно утверждать, что государство признает за плодом особый статус и, будучи заинтересованным в его появлении на свет, защищает его от аборта за исключением случаев возникновения беременности в результате изнасилования и ситуаций, когда выживаемости плода противопоставлена жизнь матери.

Подобный подход не является новым и уникальным. В похожем ключе, например, выдержана и практика ЕСПЧ, которая признает крайнюю деликатность и сложность проблемы аборт, поэтому предоставляет государству регулировать эти общественные отношения в соответствии с тенденциями государственной политики.

Сегодня во всех странах мира, где разрешен аборт по каким-либо основаниям, решение о судьбе плода принимает исключительно женщина, так как плод находится в ее теле, в связи с чем ей приходится нести все издержки, касающиеся его сохранения [Аманжолова, 2014].

Анализ зарубежной практики позволяет выделить несколько правовых моделей. В ряде стран, таких как Германия или Швеция, акцент смещен в сторону незыблемости достоинства умершего человека. Продолжение жизнеобеспечения после констатации смерти может рассматриваться как надругательство над телом, если оно не служит прямой реализации ранее выраженной воли покойной. В данном контексте сохранение беременности без явного и документально подтвержденного согласия женщины маловероятно. Право плода на жизнь в этом случае не признается превалирующим над правом матери на посмертное уважение ее телесной автономии.

Хотя указанный консенсус относительно приоритета прав женщины редко подвергается сомнению, это не означает, что репродуктивные права мужчины имеют меньшую ценность. Так, существует достаточно обширная категория споров о распоряжении эмбрионами *in vitro*, в которой сложилось несколько подходов по их разрешению, причем некоторые из них в значительной степени нивелируют дисбаланс прав между родителями [Дружинина, 2017].

Однако все эти споры касаются лишь того временного промежутка, когда эмбрион еще существует как отдельный объект. До его помещения в тело женщины можно говорить о практически полном равенстве репродуктивных прав супругов. Из этого следует, что определяющим фактором ослабления прав отца является его имплантация эмбриона в женское тело. Именно в этой точке происходит нарушение баланса интересов в пользу женщины. В подобном русле движется и практика Европейского суда по правам человека (*Evans v. UK*). Создание эмбриона *in vitro*, тем самым, не выходит за рамки обычной декларации о намерениях, в то время как оплодотворение является той точкой, где право репродуктивного выбора у мужчины полностью пропадает.

В исследуемой нами проблеме указанная точка уже наступила, но в то же время нельзя не отметить тот факт, что мужчина, потерявший жену, в случае признания за ним отцовства не приобретает права прекратить беременность, так как отсутствует предусмотренное законодательством социальное показание для аборта.

Что же касается прав женщины, то как уже было сказано, после смерти мозга исчезает единственный актор принятия решений, однако очевидно, что определенные интересы не исчезают вместе со смертью. Репродуктивные права по своей природе направлены в будущее и интерес в их реализации затрагивает глобальный вопрос о возможности иметь генетического потомка с надеждой на дальнейшее продолжение своего рода. В данной ситуации субъект, обладающий этими интересами, уже не в состоянии каким-либо образом отстаивать их, поэтому возникает потребность в фигуре внешнего гаранта их реализации. Самым очевидным кандидатом на эту роль кажется государство как субъект, обладающий самым широким инструментарием для защиты прав и интересов личности. Кроме того, применение этого инструментария является непосредственной его обязанностью.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом указанные интересы должны защищаться. Говоря об интенциях (от лат. *intentio* – «намерение; стремление») человеческого поведения, нельзя не заметить, что им присуща большая степень изменчивости. По этой причине полагаем,

что нет никакого однозначного способа выяснить, хотела ли женщина, находясь последние секунды в состоянии полной дееспособности, прервать беременность или продолжить ее. На наш взгляд нет никакой необходимости давать публичным властям возможность «домысливать» за частных лиц в столь деликатных вопросах, поэтому оно должно остановиться на сохранении статуса-кво, то есть ориентироваться на доведение беременности до родов.

Если срок беременности составляет более 22 недель, то, на наш взгляд, нет самого предмета для спора – если женщина не совершила аборт до указанного срока, то плод должен быть однозначно доведен до рождения. В ином же случае следует констатировать, что супруг женщины и вовсе не имеет возможностей принимать решений, касающихся беременности, в силу отсутствия генетического родства. Биологический отец ребенка, на наш частно-научный взгляд, также не имеет защищенного законом интереса, так как его невозможно приобрести через совершение противоправного деяния. В то же время государственный интерес в жизни такого ребенка не пропадает, так как его рождение будет отвечать декларируемым им целям.

С сожалением приходится констатировать, что предложенный подход не исключает возникновения тяжелых моральных ситуаций, однако он позволит сделать правовое регулирование более предсказуемым, что само по себе снижает напряжение в обществе.

Стоит оговориться, что рассуждая о проблеме наличия заболеваний у нерожденного ребенка, непременно оказываемся на пересечении норм права, морали и нравственности. Сложность дискурса заключается в том, что приходится в той или иной степени оценивать значимость жизни с последующей инвалидностью. В ряде зарубежных стран, в том числе в США, Франции, Израиле, Нидерландах суды сталкивались с этой моральной дилеммой, рассматривая так называемые иски *Wrongful life* (нежеланная жизнь), согласно которым от имени рожденного с патологиями ребенка требовалась компенсация за сам факт его рождения. Перед юристами вставал вполне определенный моральный вопрос – действительно ли лучше не родиться вовсе, чем родиться с инвалидностью? В конечном итоге практически везде возобладало мнение о самой невозможности постановки такого вопроса, ведь положительный ответ на него болезненно воспринимался теми гражданами-инвалидами, полагающими, что в таком случае их де-факто признают людьми второго сорта.

Прежде всего, двумя тезисами постараемся задать систему координат для дальнейшего обсуждения.

Во-первых, необходимо указать, что вынуждая подобного ребенка родиться, государство неизбежно обрекает как его самого, так и его близких на серьезные моральные страдания, к которым они не всегда готовы, а также на неизбежные и значительные финансовые расходы. Помимо повседневных трудностей, не стоит забывать и о том, что многие заболевания крайне осложняют бытовую жизнь. Несомненно, что для будущих родителей (а в рассматриваемом нами случае и вовсе отца-одиночки или иных родственников в случае его отсутствия), которые связывают со своими детьми определенные надежды, весьма болезненным является тот факт, что им не суждено будет сбыться. Во многом по этим моральным соображениям срок проведения абортов по медицинским показаниям в нашей стране неограничен.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что исходя из государственных целей и задач, его заинтересованность в деторождении необходимо понимать как интерес в здоровых детях, которые впоследствии получают профессию, внесут свой вклад в национальное благосостояние, а также воспроизведут потомков, которые проделают тот же путь. Однако ориентируя людей на такой жизненный уклад, оно неизбежно обязывается разделить бремя ответственности ответственность за тех, кого родители, последовавшие этому зову, зачали. Это касается как здоровых детей, которые также нуждаются в необходимой инфраструктуре, так и детей с

ограниченными возможностями. Но тем не менее стоит подчеркнуть, что государство, не имея прав принудительно провести аборт по медицинским показаниям, дает в том числе понять, что предпочтительным для него будет являться прерывание беременности.

Учитывая сказанное, в случае запрета аборта по медицинским показаниям, ситуация может сложиться так, что в рождении ребенка никто не будет заинтересован, при этом его обеспечение потребует крайне высоких затрат как от членов семьи, так и от государства.

Несомненно, фактические отличия в этих двух ситуациях есть, и они кроются прежде всего в том, что если в рождении здорового ребенка не заинтересован отец, то как минимум заинтересовано государство, а обычно и какие-либо члены семьи отца или матери, готовые взять ребенка на свое попечение.

Тем не менее, указанные выше проблемы нуждаются в адекватном разрешении. Необходимо ответить на вопрос, какое решение следует принять в данных обстоятельствах. Мы склоняемся к тому, что в такой непростой ситуации нет человека, который может оценить интересы своего ребенка лучше, чем родитель.

Отметим, что в случае отсутствия отца родственников первой степени у нерожденного ребенка не остается, в этом случае к принятию решения могут быть призваны родственники второй степени – полнородные и неполнородные братья и сестры, а также дедушки и бабушки с обеих сторон. В случае отсутствия таких родственников к принятию решения призываются родственники третьей очереди и так далее. В случае полного отсутствия лиц, способных принимать решение, констатируется отсутствие защищенного частного интереса и государство может принять решение самостоятельно.

Предвосхищая возможный вопрос об отличии этой ситуации от беременности здоровым ребенком, отметим, что во втором случае государство имеет все основания защитить подразумеваемый выбор другого родителя – женщины с диагнозом «смерть мозга», но в случае с патологически протекающей беременностью подобная защита отсутствует в силу незаинтересованности публичной власти.

Применение предложенного подхода позволяет подойти к сбалансированности интересов всех задействованных лиц. Хотя родитель или иное лицо могут принять решение исходя из личных мотивов, даже декларативное закрепление интересов нерожденного ребенка в перспективе может иметь далеко идущее значение.

Заключение

Предложенный механизм основан на действующем законодательстве, однако вопрос посмертной беременности нуждается в более подробной регламентации. Само признание отличной от жизни матери правовой ценности плода требует ответов на ряд вопросов, касающихся статуса нерожденного ребенка в различных правоотношениях – является ли он пациентом в случае смерти матери, будет ли его жизнь являться объектом гражданско-правовой охраны?

В рамках настоящего исследования были выявлены предпосылки наделения плода определенным объемом прав в связи с наличием у него самостоятельной правовой природы, что в перспективе может потребовать пересмотра основ правосубъектности.

Отметим, правовое регулирование ведения беременности после смерти мозга за рубежом не кодифицировано единообразно. Оно представляет собой динамическое поле, где сталкиваются консервативные постулаты о неприкосновенности мертвого тела, развивающаяся концепция репродуктивных прав, охраняемые государством интересы потенциальной жизни и авторитет

семьи в принятии решений. Тенденция к судебному, а не законодательному разрешению таких случаев указывает на их исключительную сложность и необходимость индивидуальной оценки. Дальнейшее развитие, вероятно, будет связано с более широким внедрением практики предварительных распоряжений, специфически рассматривающих сценарий беременности, что могло бы снизить эτικο-правовую неопределенность в этой критически чувствительной сфере.

Библиография

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 17.11.2025) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"
2. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. №98 "О социальном показании для искусственного прерывания беременности"
3. Аманжолова, Б. А. История правовой регламентации аборт в зарубежном законодательстве / Б. А. Аманжолова // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 42. – С. 54-64. – EDN SUCNGP.
4. Бесчастнова О.В., Новиков А.В., Кособоков А.Л. Правовое регулирование судьбы нерожденного ребенка после постановки диагноза смерть мозга беременной женщине // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 18-27. DOI: 10.34670/A R.2025.50.48.002
5. Дружинина, Ю. Ф. Правовой режим эмбриона in vitro / Ю. Ф. Дружинина // Журнал российского права. – 2017. – № 12 (252). – С. 129-140. – DOI 10.12737/article_5a200506899599.19842755. – EDN ZVRCRR.
6. Иванюшкин, А. Я. Социальные проблемы легализации диагноза смерти мозга / А. Я. Иванюшкин, О. В. Попова // Церковь и медицина. – 2016. – № 2(16). – С. 88-95. – EDN ORJNBQ.
7. Попова, О. В. Диагноз "смерть мозга" как научный факт и социальная конструкция / О. В. Попова // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2019. – Т. 21, № 5. – С. 178. – EDN RHIWSF.
8. Резник, О. Н. Социокультурные основания диагноза "смерть мозга" / О. Н. Резник, О. В. Попова // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2017. – Т. 19, № 5. – С. 25. – EDN ZVKSYL.
9. Решение по делу Vo v. France (2004) // URL:[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-61887%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-61887%22]}) (дата обращения: 22.12.2025)
10. M.J. Wonga, S. Bharadwaja, A.S. Lankfordb, J.L. Galeya, B.S. Kodalia. Mechanical ventilation and prone positioning in pregnant patients with severe COVID-19 pneumonia: experience at a quaternary referral center. IJOA. 2021 Nov 8. Articles in press
11. <https://www.legalmatch.com/law-library/article/wrongful-life-lawsuits.html>
12. Решение по делу Evans v. UK (2007) // URL:[https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-80046%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-80046%22]}) (дата обращения: 22.09.2025)
13. Решение по делу P.P v Health Service Executive (2014) // URL:<https://ie.vlex.com/vid/p-p-v-health-792520397> (дата обращения: 22.09.2025)
14. Решение по делу Muñoz v. John Peter Smith Hospital (2014) // URL: https://thaddeuspope.com/images/MUNOZ_202053415-Judges-Order-on-Munoz-Matter.pdf (дата обращения: 22.09.2025)
15. Решение по делу Millard v. Australian Capital Territory (2020) // URL: https://www.courts.act.gov.au/_data/assets/pdf_file/0007/1835575/Millard.pdf (дата обращения: 22.09.2025)

Pregnancy Management Upon Diagnosed Absence of Vital Functions of a Woman's Body. Legal Regulation of Fetal Rights in Foreign Countries

Ol'ga V. Beschastnova

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Law Enforcement Activities,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: beschastnova_ol@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Andrei L. Kosobokov

Advisor, Department for the Development of Supranational Institutions in the EAEU,
Eurasian Integration Division, Ministry of Economic Development of Russia,
123112, 10/2, Presnenskaya embankment, Moscow, Russian Federation;
e-mail: andreykos98@mail.ru

Abstract

Modern medical technologies are capable of maintaining the vital functions of the body for weeks and even months after a diagnosis of brain death. When such a condition is diagnosed in a pregnant woman, society, medicine, and the law face an unprecedented ethical and legal challenge: is it possible and justified to prolong the pregnancy to save the life of the fetus? Foreign practice demonstrates a variety of approaches to solving this dilemma, reflecting profound differences in legal [systems/traditions - the original sentence is incomplete]. This article is a logical continuation of the authors' previously published study "Legal Regulation of the Fate of the Unborn Child After a Diagnosis of Brain Death in a Pregnant Woman," and aims to address the question raised therein regarding the practical implementation of the value-oriented approach proposed, among others, by the High Court of Ireland in the case of P.P. v. HSE. Within the framework of the study, a legal mechanism has been prepared containing a procedure for action for the widest possible range of situations that may arise after a pregnant woman is diagnosed with such a condition. These include pregnancy resulting from rape, the presence of pathologies in the fetus, as well as the desire of relatives to disconnect the woman's body from medical equipment. The authors identify two large groups of interests – public, which include the interests of the state and society, and private, consisting of the interests of the deceased woman's relatives. Furthermore, the article demonstrates that in certain situations, an attempt must be made to determine the potential interests of the unborn child itself.

For citation

Beschastnova O.V., Novikov A.V., Kosobokov A.L. (2026) Vedenie beremennosti pri diagnostirovannom otsutstvii vital'nykh funktsiy organizma zhenshchiny. Pravovoe regulirovanie fetal'nykh prav v zarubezhnykh stranakh [Pregnancy Management Upon Diagnosed Absence of Vital Functions of a Woman's Body. Legal Regulation of Fetal Rights in Foreign Countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 207-215. DOI: 10.34670/AR.2026.83.79.027

Brain death, fetal rights, legal personality, legal status of the unborn child, abortion, state interests, medical indicators.

1. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 17.11.2025) \"Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii\"
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 6 fevralya 2012 g. №98 \"O social'nom pokazanii dlya iskusstvennogo preryvaniya beremennosti\"
3. Amanzholova, B. A. Istoriya pravovoj reglamentacii abortov v zarubezhnom zakonodatel'stve / B. A. Amanzholova // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. – 2014. – № 42. – S. 54-64. – EDN SUCNGP.
4. Beschastnova O.V., Novikov A.V., Kosobokov A.L. Pravovoe regulirovanie sud'by nerozhdenного rebenka posle postanovki diagnoza smert' mozga beremennoj zhenshchine // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 11A. S. 18-27. DOI: 10.34670/AR.2025.50.48.002
5. Druzhinina, Yu. F. Pravovoj rezhim embriona in vitro / Yu. F. Druzhinina // Zhurnal rossijskogo prava. – 2017. – № 12 (252). – S. 129-140. – DOI 10.12737/article_5a200506899599.19842755. – EDN ZVRCRR.
6. Ivanyushkin, A. Ya. Social'nye problemy legalizacii diagnoza smerti mozga / A. Ya. Ivanyushkin, O. V. Popova // Cerkov' i medicina. – 2016. – № 2(16). – S. 88-95. – EDN ORJNBQ.
7. Popova, O. V. Diagnostika \"smert' mozga\" kak nauchnyj fakt i social'naya konstrukciya / O. V. Popova // Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov. – 2019. – T. 21, № S. – S. 178. – EDN RHIWSF.
8. Reznik, O. N. Sociokul'turnye osnovaniya diagnoza \"smert' mozga\" / O. N. Reznik, O. V. Popova // Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov. – 2017. – T. 19, № S. – S. 25. – EDN ZVKSYL.
9. Reshenie po delu Vo v. France (2004) // URL:[https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-61887%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-61887%22%5D%7D) (data obrashcheniya: 22.12.2025)
10. M.J. Wonga, S. Bharadwaja, A.S. Lankfordb, J.L. Galeya, B.S. Kodalia. Mechanical ventilation and prone positioning in pregnant patients with severe COVID-19 pneumonia: experience at a quaternary referral center. IJOA. 2021 Nov 8. Articles in press
11. <https://www.legalmatch.com/law-library/article/wrongful-life-lawsuits.html>
12. Reshenie po delu Evans v. UK (2007) // URL:[https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:\[%22001-80046%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%5B%22001-80046%22%5D%7D) (data obrashcheniya: 22.09.2025)
13. Reshenie po delu P.P v Health Service Executive (2014) // URL:<https://ie.vlex.com/vid/p-p-v-health-792520397> (data obrashcheniya: 22.09.2025)
14. Reshenie po delu Muñoz v. John Peter Smith Hospital (2014) // URL: https://thaddeuspope.com/images/MUNOZ_202053415-Judges-Order-on-Munoz-Matter.pdf (data obrashcheniya: 22.09.2025)
15. Reshenie po delu Millard v. Australian Capital Territory (2020) // URL: https://www.courts.act.gov.au/_data/assets/pdf_file/0007/1835575/Millard.pdf (data obrashcheniya: 22.09.2025)

УДК 347.922.3

DOI: 10.34670/AR.2026.94.47.071

Обязательность как институциональный принцип арбитражного процесса

Платонов Давид Миралиевич

Аспирант

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: platonov@mail.ru

Первухина Светлана Игоревна

Кандидат юридических наук, доцент,

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: platonov@mail.ru

Аннотация

Автором в статье обосновывается необходимость пересмотра традиционного подхода к пониманию обязательности в арбитражном процессе как к свойству судебных актов. Доказывается, что обязательность является не просто свойством вступившего в законную силу решения, а самостоятельным институциональным принципом организации судебного процесса в системе арбитражных судов. Проводится разграничение институциональных и функциональных принципов процесса. Выявляются нормативные, доктринальные и правоприменительные последствия признания обязательности институциональным принципом. В заключении показано, что развивается тенденция уклонения участников арбитражного процесса от исполнения соблюдения требований суда, что приводит к формированию в обществе подход к поверхностному восприятию актов правосудия. Закрепление в качестве институционального принципа позволит организовать систему арбитражного процесса в ключе реальной и безусловной обязательности судебных актов, выстроить политику устранения системных препятствий для его исполнения, привлечения уровня доверия и формирования новых институтов ее обеспечения.

Для цитирования в научных исследованиях

Платонов Д.М. Обязательность как институциональный принцип арбитражного процесса // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 216-221. DOI: 10.34670/AR.2026.94.47.071

Ключевые слова

Обязательность судебных актов, арбитражный процесс, свойства судебного решения, институциональный принцип, законная сила, правовая определенность, преюдициальность.

Введение

Принципы арбитражного процесса представляют собой основополагающие начала и системообразующие признаки, как отрасли права, так и процесса организации отправления правосудия арбитражными судами России.

В свою очередь, грамотно выстроенная система принципов обеспечивает формирование нормативной базы, способной качественно и полно отразить понимание особенностей рассмотрения арбитражным судом дел для субъектов соответствующей отрасли.

Обязательность судебных актов традиционно рассматривается в науке арбитражного процессуального права в контексте учения о законной силе судебного решения. Такой подход заложен еще в дореволюционной доктрине и сохраняется в учебной литературе до настоящего времени.

Основная часть

Тенденция развития арбитражного процесса за последние два десятка лет показала, что обязательность не вписывается в критерии законной силы и подлежит выделению в число институциональных принципов.

В.В. Ярков, описывая определение понятия «принципы арбитражного процесса», отмечает их историческую категорию, проявляющуюся посредством выработки на протяжении длительного развития гражданского процесса в России [Ярков, 2017, с. 24].

Обращаясь к историческим началам происхождения обязательности, видится возможным обозначить в качестве отправной точки формирования соответствующего свойства издание Устава князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных».

Исследуя содержание п. 12 и 14 названного Устава мы видим четкое закрепление отношения законодателя к подходу восприятия обществом судебной власти и издаваемых ей актов правосудия - нарушивший правила и права суда унаследует горе и будет отвечать пред Богом на Страшном суде [Устав святого великого князя Владимира, 1915, с. 18].

Религиозные характер обеспечения правопонимания и отношения к власти здесь исходит из закрепившегося положения церкви, как в быту населения, так и во власти. Как результат, именно религиозное устрашение явилось почвой для происхождения обязательности актов правосудия древних времен.

Причиной тому служит рецепция канонических византийских законоположений. Именно перенятые номоканоны стали первоисточниками процессуальных правил отправления правосудия в Древней Руси.

Претерпев неоднократные изменения в дореволюционный и советский периоды, к настоящему времени, привычная нам обязательность описана законодателем в одном из основополагающих законов [ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ», 1995, ст. 7] и в процессуальном кодексе. В общем представлении разбираемое свойство закрепляет подчинение всех без исключения лиц, а равно госорганов, принятому арбитражным судом акту правосудия, его указаниям и требованиям [АПК РФ, 2002, ст. 16].

Критерий неопределенного круга лиц следует из содержания положений АПК [АПК РФ, 2002, ст. 15], исходя из которых, даже не принимающее участия в деле лицо должно основываться на обязательности судебного акта, с оговоркой права на оспаривание.

Предусмотренные разновидности судебных актов и устные указания обладают равной

силой воздействия на адресатов, которые могут быть представлены, в том числе и нижестоящими инстанциями, в рамках тех или иных указаний.

Вместе с тем в своем значении обязательность отражает сущность арбитражного процесса, выраженную в авторитете органа государственной власти (суда), чьи акты, неукоснительно соблюдаются и наделены законной силой. Также и социальную направленность – обеспечение правовой определенности разрешенных правоотношений, предсказуемости поведения участников спора после завершения судебного процесса и их отношения к позиции суда, заключенной в постановленном акте.

В теории процессуального права сложилась устойчивая классификация принципов на организационные и функциональные [Треушников, 2014, с. 10]. Однако данная дихотомия, относимая к советскому периоду, сегодня обнаруживает свою недостаточность в проявлении еще и институциональных принципов.

В настоящее время доктрина относит обязательность к числу свойств судебного акта. В нашем представлении такой подход не учитывает ее регулятивную функцию, системный характер, воздействие на структуру и содержание процессуальных отношений, а также наличие высокой степени обобщения.

И.В. Рехтина, рассуждая о правовых принципах, придерживаясь к подходам Г.Л. Осокиной, И.В. Решетникова и В.В. Яркова, относит их к стержневой основе и исходным началам процессуальной отрасли [Рехтина, 2021, с. 149].

Описывая вопрос системного характера обязательности, проведем анализ, посредством ее соотношения с иными свойствами судебного акта: 1) законность, 2) обоснованность, 3) исключительность (порой выделяя из нее неопровержимость), 4) преюдициальность, 5) исполнимость.

Изучив характерные черты каждого из свойств, на примере трудов таких ученых, как: Н.А. Чечина (законность это в первую очередь юридическая квалификация спорных отношений; обязательность порождает возможность исполнения решения суда) [Чечина, 1960, с. 45, 61], Д.А. Фурсов (обоснованность представляет собой убедительность собранных доказательств) [Фурсов, Харламова, 2009, с. 479], М.Л. Скуратовский, К.А. Лебедь (исключительность является запретом на рассмотрение тождественных требований) [Ярков, 2017, с. 219; Никитин, 2017, с. 163], И.В. Решетникова (преюдициальность имеет объективные и субъективные пределы, регламентирует запрет на опровержение ранее установленных обстоятельств) [Ярков, 2014, с. 139], представляется возможным сделать следующие выводы в части соотношения с ними обязательности:

1) свойства законности и обоснованности отражают критерий легитимности обязательности в контексте содержания судебного акта;

2) исключительность, преюдициальность, исполнимость и неопровержимость являются свойствами законной силы, и порождают возникновение у судебного акта правовых последствий, влияющих на действие обязательности в пространстве и по кругу лиц.

Аналогичную позицию высказывал Д.А. Фурсов, описывая существующие в природе свойства неопровержимости, исключительности и исполнимости как следствие общеобязательности [Фурсов, Харламова, 2009, с. 468].

Соответственно, видится обоснованным утверждение о том, что обязательность носит основополагающий характер, возникает самостоятельно и оказывает непосредственное влияние на иные свойства судебного акта.

Применительно к сопоставлению обязательности с иными принципами арбитражного процесса отметим следующее.

Обязательность находит свое отражение в таких принципах как: законность (рассмотрение дела в априорном порядке носит законный характер; приобретая обязательность, судебный акт отражает финальное действие принципа законности), правовая определенность (обязательность придает правовой определенности практическую реализацию посредством преюдициальности и исключительности), диспозитивность (обязательность через проявление окончательности обретает силу в том числе посредством реализации участниками спора права на обжалование), осуществление правосудия только судом (обязательность как свойство судебного акта не может находить свое проявление через иные органы власти).

С учетом сказанного представляется возможным провести системный анализ институционального содержания рассматриваемого свойства:

- оно выступает важнейшей гарантией связанности исполнительной и законодательной власти правом. Когда арбитражный суд признает недействующим нормативный акт министерства или взыскивает с публично-правового образования денежные средства, он реализует функцию судебного контроля за законностью действий администрации;

- отсутствие у судебного акта свойства институциональной обязательности (не требующей отдельного подтверждения со стороны самой исполнительной власти) сделало бы судебный контроль фиктивным. Сказанное отражает признак вертикальных отношений суда и публичной власти;

- действует внутри системы судов. Решение арбитражного суда, вступившее в законную силу, не может быть пересмотрено этим же судом по собственной инициативе. Вместе с тем правила преюдиции могут обременять суды по учету установленных ранее обстоятельств, что представляет собой горизонталь взаимоотношений;

- диагональ от суда в общество. Неопределенному кругу лиц, не участвовавших в процессе, следует воздерживаться от чинения препятствий в исполнении решения суда.

Применительно к соотношению обязательности с законной силой оговоримся, что обязательность носит по отношению к ней самостоятельный характер. Подтверждением тому является разновидность действующих производств, допускающих исполнение судебного акта до обретения последним законной силы.

Заключение

Основываясь на приведенных выводах и утверждениях, допускается, что к настоящему времени обязательность уже приобрела признаки институционального принципа, более того, на такие начала обращается внимание и Конституционным Судом Российской Федерации [Постановление КС РФ № 60-П, 2023, п. 3.2; Постановление КС РФ № 30-П, 2011, п. 4].

Однако не смотря на все приведенные характеристики, такого закрепления ни на законодательном, ни на доктринальном уровне обязательность, в настоящий момент, не получила.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на развивающуюся тенденцию уклонения участников арбитражного процесса от исполнения соблюдения требований суда, а равно сформированный в обществе подход к поверхностному восприятию актов правосудия.

Закрепление в качестве институционального принципа позволит организовать систему арбитражного процесса в ключе реальной и безусловной обязательности судебных актов, выстроить политику устранения системных препятствий для его исполнения, привлечения уровня доверия и формирования новых институтов ее обеспечения.

Библиография

16. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // "Российская газета", № 137, 27.07.2002;
17. Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 752 с.;
18. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфотропик Медиа, 2014. – 848 с.;
19. Арбитражный процесс: учебник / Н.В. Алексеева, А.В. Аргунов, А.А. Арифалин и др.; под ред. С.В. Никитина. М.: РГУП, 2017. 328 с.;
20. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. 960 с.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2023 № 60-П "По делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Филатова" // "Собрание законодательства РФ", 01.01.2024, № 1 (Часть IV), ст. 381;
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко" // "Собрание законодательства РФ", 09.01.2012, № 2, ст. 398;
23. Рехина И.В. Правовая определенность в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 448 с.;
24. Устав святого великого князя Владимира о церковных судах и десятинах. — Петроград : Имп. Археогр. комис., 1915. — [4], 72 с.;
25. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) "Об арбитражных судах в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 01.05.1995, № 18, ст. 1589;
26. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том второй: Гражданское судопроизводство как форма отправления правосудия. – М.: Статут, 2009. - 599 с.;
27. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение. Ред. Тихонова Г.П. // Типография ЛОЛГУ, Ленинград, 1960. 77 с.

Mandatory Nature as an Institutional Principle of Arbitration Process

David M. Platonov

Postgraduate Student,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: platonov@mail.ru

Svetlana I. Pervukhina

PhD in Law, Associate Professor,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: platonov@mail.ru

Abstract

The author in the article substantiates the need to revise the traditional approach to understanding mandatory nature in the arbitration process as a property of judicial acts. It is proven that mandatory nature is not just a property of a decision that has entered into legal force, but an independent institutional principle of organizing judicial proceedings in the system of arbitration

Platonov D.M., Pervukhina S.I.

courts. A distinction is made between institutional and functional principles of the process. The normative, doctrinal, and law enforcement consequences of recognizing mandatory nature as an institutional principle are identified. In conclusion, it is shown that a tendency is developing for participants in the arbitration process to evade compliance with court requirements, which leads to the formation in society of an approach to superficial perception of acts of justice. Establishing it as an institutional principle will allow organizing the arbitration process system in the key of real and unconditional mandatory nature of judicial acts, building a policy to eliminate systemic obstacles to its execution, increasing the level of trust, and forming new institutions to ensure it.

For citation

Platonov D.M., Pervukhina S.I. (2026) Obyazatel'nost' kak institutsional'nyy printsip arbitrazhnogo protsessa [Mandatory Nature as an Institutional Principle of Arbitration Process]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 216-221. DOI: 10.34670/AR.2026.94.47.071

Keywords

Mandatory nature of judicial acts, arbitration process, properties of a judicial decision, institutional principle, legal force, legal certainty, prejudiciality.

References

1. Absalyamov, A. V., Abushenko, D. B., Branovitskiy, K. L., [et al.]. (2017). In V. V. Yarkov (Ed.), *Arbitrazhnyy protsess* [Arbitration process] (7th ed.). Statut.
2. Alekseeva, N. V., Argunov, A. V., Arifulin, A. A., [et al.]. (2017). In S. V. Nikitin (Ed.), *Arbitrazhnyy protsess* [Arbitration process]. RGUP.
3. Chechina, N. A. (1960). *Norma prava i sudebnoye resheniye* [Rule of law and court decision]. Tipografiya LOLOGU.
4. Fursov, D. A., & Kharlamova, I. V. (2009). *Teoriya pravosudiya v kratkom trekhkhtomnom izlozhenii po grazhdanskim delam. Tom vtoroy: Grazhdanskoye sudoproizvodstvo kak forma otpravleniya pravosudiya* [Theory of justice in a brief three-volume presentation on civil cases: Vol. 2. Civil proceedings as a form of justice administration]. Statut.
5. Rekhtina, I. V. (2021). *Pravovaya opredelennost' v grazhdanskom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Legal certainty in civil proceedings of the Russian Federation]. Yurлитinform.
6. Treushnikov, M. K. (Ed.). (2014). *Grazhdanskiy protsess* [Civil process] (5th ed.). Statut.
7. *Ustav svyatogo velikogo knyazya Vladimira o tserkovnykh sudakh i desyatinakh* [Charter of the Holy Grand Duke Vladimir on Church Courts and Tithes]. (1915). Imperatorskaya Arkheograficheskaya Komissiya.
8. Yarkov, V. V. (Ed.). (2014). *Arbitrazhnyy protsess* [Arbitration process] (6th ed.). Infotropik Media.
9. *Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation] No. 95-FZ of 2002. (2002). *Rossiyskaya gazeta*, 137.
10. *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon "Ob arbitrazhnykh sudakh v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Constitutional Law "On Arbitration Courts in the Russian Federation"] No. 1-FKZ of 1995. (1995). *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the RF], 18, Item 1589.
11. *Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional Court of the Russian Federation]. (2011, December 21). *Postanovleniye No. 30-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 90 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii...* [Resolution No. 30-P on the case of checking the constitutionality of provisions of Article 90 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation...]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2, Item 398.
12. *Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii*. (2023, December 25). *Postanovleniye No. 60-P po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 809 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i chasti 3 stat'i 69 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii...* [Resolution No. 60-P on the case of checking the constitutionality of Article 809 of the Civil Code of the Russian Federation and Part 3 of Article 69 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation...]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1(IV), Item 381.

УДК 342.76:355.211.5

DOI: 10.34670/AR.2026.35.51.028

Отсрочка от службы в армии как правовая мера стимулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации

Банний Денис Сергеевич

Аспирант,
кафедра предпринимательского и корпоративного права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1;
e-mail: dejkal909@gmail.com

Аннотация

В кризисные периоды заметно возрастает роль не только ограничительных, но и стимулирующих мер. Проведение специальной военной операции на территории Украины требует пересмотра традиционных взглядов на меры стимулирования предпринимательской деятельности. Так, функцию стимулирования предпринимательской деятельности стала выполнять и отсрочка от службы в армии. Она представляет значительную ценность не только для предпринимателей, позволяя им сохранить своих работников, но и для государства, поскольку победа куется не только на поле брани, но и в тылу. В представленной юридическому сообществу научной статье обосновываются причины отнесения отсрочки к мерам стимулирования предпринимательской деятельности, а также впервые выделяются её правовые признаки. Теоретическая составляющая работы подкрепляется анализом ряда важных практических проблем и разработкой эффективных путей их преодоления. В частности, в работе автором было предложено предоставить военнослужащим по призыву право осуществления предпринимательской деятельности, а также увеличить количество их правовых гарантий предпринимательского характера. Основные положения данной статьи были обсуждены в ходе XIV ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Право и бизнес», посвященной теме «Право и бизнес в меняющемся мире: роль права в достижении национальных целей развития Российской Федерации», а также Всероссийской конференции «Способы и формы защиты прав и законных интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации», организованной Институтом государства и права РАН.

Для цитирования в научных исследованиях

Банний Д.С. Отсрочка от службы в армии как правовая мера стимулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 222-234. DOI: 10.34670/AR.2026.35.51.028

Ключевые слова

Отсрочка от службы в армии, специальная военная операция, мера стимулирования предпринимательской деятельности, мобилизация, военная служба по призыву, правовые гарантии предпринимательского характера, вооруженные силы, льготы, военная экономика, субъект предпринимательской деятельности, государственное регулирование, правовые стимулы.

Введение

Специальная военной операцией ознаменовала формирование системы правовых норм, регламентирующих различные аспекты её проведения [Кудашкин, 2022, с.49; Корякин, 2024, с.2]. Особое место в ней занимают нормы, регулирующие экономические отношения. Для обеспечения победы в военном конфликте требуется крепкая и эффективная экономика, переведённая на военные рельсы [Крашенинников, 2025, с.51]. Недаром ещё В.И. Ленин писал, что для ведения войны нужен крепкий и организованный тыл, а иначе даже самая лучшая армия будет истреблена противником [Ленин, 1974, с.408]. Поскольку в России установлена рыночная экономическая система, постольку предпринимательство, по сути, управляет на сегодняшний день большинством экономических процессов [Bylond, 2022, p.62]. Это значит, что крепость и организованность российского тыла во многом зависит от эффективности бизнеса, которая в немалой степени определяется качеством государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Основная часть

В кризисные периоды заметно усиливается роль стимулирующих мер в государственном регулировании предпринимательской деятельности [Шувалов, 2022, с.93; Интеграция..., 2025, с.292; Сайдашева, Сайдашев, 2023, с.31; Губин, 2023, с.4]. Данные меры необязательно при этом носят лишь частноправовой характер, но могут иметь публично-правовую [Прохорская, 2017, с.146], а также смешанную правовую природу. Например, имущественная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, несомненно, относится к частноправовым мерам стимулирования предпринимательской деятельности, тогда как сниженные размеры административных штрафов в отношении субъектов малого предпринимательства и микропредприятий выступают ярким примером публично-правовой меры стимулирования предпринимательской деятельности [Федеральный закон от 26.03.2022 №70–ФЗ, 2022]. К стимулирующим же мерам смешанной правовой природы можно отнести, например, льготные положения законодательства для бизнеса в сфере технического регулирования, поскольку техническое регулирование является комплексным правовым образованием [Панова, 2009, с.8].

На сегодняшний день функцию стимулирования предпринимательской деятельности может выполнять и *отсрочка от службы в армии*. Отсрочка от службы в армии представляет собой стимулирующую меру смешанной правовой природы, поскольку регулируется нормами как частноправовых (например, нормами трудового права [Деркач, 2010, с.11]), так и публично-правовых отраслей (например, нормами военного права [Савенков, Кудашкин, 2021, с.25]). Отсрочка имеет исключительное экономическое значение, поскольку огульная и тотальная отправка людей в вооружённые силы принесёт лишь вред предприятиям и экономике [Сталин, 1952, с.211], оставив предпринимательство без рабочей силы, а значит и без дополнительной

прибыли [Маркс, 1952, с.182]. В связи с этим представляется необходимым подробнее раскрыть признаки отсрочки как стимулирующей меры предпринимательской деятельности.

Отсрочка предоставляется как от службы по мобилизации [Федеральный закон от 20.10.2022 №404–ФЗ, 2022], так и от военной службы по призыву [Федеральный закон от 28.03.1998 №53–ФЗ, 1998; 11;15]. Например, отсрочка по мобилизации может быть предоставлена руководителям, специалистам и рабочим, работающим в организациях ОПК, участвующим в выполнении государственного оборонного заказа [Указ Президента РФ от 21.09.2022 №647, 2022; Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 №1725, 2022]. Отсрочкой же от срочной службы имеют право воспользоваться, к примеру, работники, занятые в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий. Очевидно, цель вышеуказанных отсрочек состоит в поддержании и развитии определённых сфер экономики. При этом в актах, посвящённых отсрочкам IT-специалистов, напрямую сказано о том, что они предназначены именно для развития сферы информационных технологий [Указ Президента РФ от 02.03.2022 №83, 2022; Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 №490, 2022]. Признаётся это и в теории предпринимательского права [Митрясова, 2023, с.128]. Таким образом, в некоторых случаях отсрочка от службы в армии может выступать мерой стимулирования предпринимательской деятельности.

Тем не менее, далеко не всякая отсрочка выступает мерой стимулирования предпринимательской деятельности (например, отсрочка по состоянию здоровья), а лишь та, предоставление которой ставит своей целью обеспечение бесперебойной работы и развитие какой-либо отрасли экономики [Митрясова, 2023, с.128]. При этом, исходя из отечественного и зарубежного опыта, можно заключить, что чаще всего отсрочки от службы в армии *предоставляются работникам, как правило, стратегических сфер экономики, обеспечивающих национальную безопасность государства* (Польша [Ustawa z dnia 11 marca 2022 r. o obronie Ojczyzny, 2022], США [50 U.S.C. 3806, 2023]), а также функционирование всей экономики и общества в целом (Молдова [Постановление Правительства Республики Молдова № 751, 2003], Чехия [Zakon ze dne 2004 o branné povinnosti a jejím zajišťování, 2004]). Это объясняется тем, что ресурсы государства, особенно во время военных конфликтов, сильно ограничены, потому оно и способно предоставлять отсрочку работникам лишь наиболее важных для государства отраслей экономики (например, производство амуниции, транспортная, информационная сфера [Хо Ши Мин, 2022, с. 219] и др.).

Кроме того, зарубежная практика также подтверждает, что законом, как правило, закрепляются лишь общие положения о предоставлении отсрочек, тогда как конкретный перечень отраслей экономики, работники которых имеют на них право, определяется уже подзаконными актами исполнительных органов власти в рамках дискреционных полномочий (Норвегия [Lov om verneplikt og tjeneste i Forsvaret m.m. (forsvarsloven), 2016], Вьетнам [Luật số 78/2015/QH13, 2015], США [Luật số 78/2015/QH13, 2015]). В России во многом схожая ситуация, поскольку Президент Российской Федерации по своему усмотрению имеет право предоставлять *дополнительные отсрочки от службы в армии* работникам отдельных сфер экономики [Федеральный закон № 53–ФЗ, 1998; Федеральный закон № 31–ФЗ, 1997]. Этот подход позволяет военному законодательству быть более гибким и отвечать потребностям определённого исторического периода, поскольку публичные органы власти в каждом конкретном случае свободны в определении стратегических сфер экономики, работники будут иметь право на отсрочку от службы в вооружённых силах.

Рассматриваемая льгота предоставляется лишь в том случае, если соответствующее

правовым требованиям юридическое лицо имеет в штате сотрудников, работающих по трудовому договору и своим трудом способствующих осуществлению основного вида деятельности субъекта предпринимательской деятельности. Например, отсрочка в организациях ОПК предоставляется лишь сотрудникам, которые участвуют в выполнении государственного оборонного заказа [Постановление Правительства РФ № 1725, 2022], то есть основного вида деятельности организации ОПК [Кудашкин, Потапов, 2024, с. 120-121].

При этом юридическое лицо может быть как коммерческим, так и некоммерческим; как унитарным, так и корпоративным. Ярким примером некоммерческих организаций, работники которых имеют право на отсрочку, выступают некоторые государственные корпорации и публично-правовые компании, поскольку они участвуют в выполнении государственных оборонных заказов [Федеральный закон № 215-ФЗ, 2015; Федеральный закон № 317-ФЗ, 2007; Указ Президента РФ № 504, 2019].

Неслучайно не было сказано об индивидуальных предпринимателях. Российское законодательство не предоставляет отсрочку лицам, трудоустроенным у индивидуальных предпринимателей, несмотря на значимую роль последних в экономике нашей страны [Громова, 2024, с. 290]. Указанное обстоятельство выступает ещё одной особенностью рассматриваемой нами стимулирующей меры, поскольку представляет собой *изъятие из общего принципа равенства правовых возможностей* субъектов предпринимательской деятельности [Вайпан, 2018, с. 352].

То есть отсрочка от службы в армии России предоставляется лишь тем, кто осуществляет трудовую деятельность в юридическом лице в установленном порядке. Отсрочки же от службы в армии для индивидуальных предпринимателей, участников юридических лиц; субъектов профессиональной деятельности; самозанятых, а также лиц, осуществляющих деятельность по гражданско-правовому договору или же по трудовому договору, но на индивидуального предпринимателя, российским законодательством не предусмотрены. Вышеуказанное обстоятельство красноречиво объясняет, почему в ходе мобилизации 2022 года в ряды российской армии было призвано свыше 27 000 предпринимателей [Понеделков, Аверин, Щербакова, Самыгин, 2024, с. 50].

Следует отметить, что законодательство некоторых зарубежных стран предусматривает отсрочки от службы в армии в связи с осуществлением индивидуальной предпринимательской деятельности. Например, в Италии лицо, непосредственно осуществляющее предпринимательскую деятельность не менее 1 года или в рамках государственной поддержки молодёжного предпринимательства и самозанятости, может быть освобождено от несения воинской службы [Decreto legislativo 15 marzo 2010, n. 66, 2010]. Другим ярким примером выступает Германия, законодательство которой допускает возможность предоставления призывнику отсрочки от армии, если он необходим для поддержания и ведения собственного бизнеса [Wehrpflichtgesetz]. Отсрочка ввиду осуществления предпринимательской деятельности предусмотрена и законодательством Французской Республики [Code du service national].

Несмотря на отсутствие схожих оснований отсрочки в России, нашим законодательством тем не менее закреплены некоторые *особенности, связанные с призывом предпринимателей на военную службу*. Так, для них установлены льготные условия мобилизации в виде предоставления 5-дневного срока перед призывом в войска для решения организационных вопросов, связанных с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности [Федеральный закон № 404-ФЗ, 2022]; упрощённого прекращения деятельности

индивидуального предпринимателя в связи с мобилизацией [Письмо ФНС России № КВ-4-14/13416@, 2022]; продления некоторых видов разрешений [Постановление Правительства РФ № 353, 2022], возможности применения «кредитных каникул» [Федеральный закон № 406-ФЗ, 2022] и др. Приведённые выше льготы имеют важное социальное значение для субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности, поскольку предотвращают наступление неблагоприятных для них правовых последствий [Бараненкова, 2022, с. 105].

Тем не менее, достаточно большое количество льготных условий призыва по мобилизации нивелируются практически *полным отсутствием схожих гарантий при призыве предпринимателей на срочную службу*. Это представляется весьма несправедливым решением законодателя, поскольку, как служба по призыву, так и по мобилизации весьма схожи по своей правовой природе, ведь призывники также могут быть задействованы в боевых действиях [Указ Президента РФ от 16.09.1999 г. № 1237]. Подтверждением тому является, в частности, опыт Первой чеченской войны [Сингилевич, 2025, с. 35]. Кроме того, даже военная служба по призыву является для гражданина весьма непростым мероприятием, сопровождаемым большим количеством ограничений и трудностей, а зачастую - риском для здоровья и даже для жизни.

По нашему мнению, недостаточное количество предпринимательских гарантий военнотружущих по призыву объясняется законодательным запретом на осуществление ими предпринимательской деятельности во время прохождения службы, в том числе через доверенных лиц [Федеральный закон № 76-ФЗ, 1998]. В современных же условиях, когда даже в отношении мобилизованных граждан данный запрет не распространяется [Федеральный закон № 404-ФЗ, 2022], он видится нам излишним.

Существует и множество других причин в пользу отмены рассматриваемого запрета. Во-первых, законодательством многих стран мира допускается осуществление военнотружущими предпринимательской деятельности в определённых случаях. Например, эстонские военнотружущие вне исполнения своих обязанностей могут осуществлять индивидуальную предпринимательскую деятельность [Kaitseväeteenistuse seadus]. Или, например, военнотружущим Великобритании предоставляется возможность осуществления предпринимательской деятельности с разрешения командующего офицера [The Queen's regulations for the Army 1975]. Во-вторых, отмена рассматриваемого запрета повысит заинтересованность предпринимателей в прохождении военной службы по призыву, поскольку они будут уверены в возможности сохранить своё дело. В-третьих, это повысит их правовую защищённость, поскольку станет ещё одной гарантией осуществления права, предусмотренного ст. 34 Конституции РФ [Конституция Российской Федерации, 2020]. В-четвёртых, отмена рассматриваемого запрета для военнотружущих по призыву станет значимой мерой в стимулировании молодёжного предпринимательства [Распоряжение Правительства РФ № 2233-р, 2024] и технологического развития [Распоряжение Правительства РФ № 1315-р, 2023] в нашей стране. Таким образом, запрет на осуществление предпринимательской деятельности в отношении лиц, проходящих военную службу по призыву, как представляется, должен быть отменён.

Отмена вышеуказанного запрета должна повлечь необходимость предоставления лицам, призываемым на срочную службу, дополнительных правовых гарантий предпринимательского характера, схожих с гарантиями мобилизованных. Разумеется, распространение абсолютно всех гарантий мобилизованных предпринимателей недопустимо, поскольку военнотружущие по призыву объективно могут не принять участие в боевых действиях, потому не будут находиться с мобилизованными в равных условиях, а значит, и не должны получать равные правовые

гарантии. Так, например, неразумным представляется освобождать призывников от уплаты налога на имущество [Налоговый кодекс РФ (часть вторая), 2000]. Между тем, например, предоставление уже упоминаемого 5-дневного срока перед отправкой в войска для решения организационных вопросов, связанных с дальнейшим осуществлением предпринимательской деятельности, является крайне необходимой мерой для эффективного обеспечения прав призываемого предпринимателя. Те же призывники, которые всё же принимают участие в боевых действиях, должны получать все предпринимательские гарантии, предоставляемые мобилизованным, поскольку лица, оказавшиеся в равных условиях, должны получать и равные правовые гарантии [Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П, 2025; Постановление Конституционного Суда РФ № 45-П, 2024].

Наконец, ещё одним признаком отсрочки от службы в армии как стимулирующей меры предпринимательской деятельности выступает её *не* до конца *прозрачный характер*. Государство, в целом, стремится к увеличению информированности бизнеса о предназначенных для него мерах стимулирования [Чурикова, 2021, с. 6; Зверева, 2007, с. 32-33], тогда же как многие аспекты отсрочки от службы в армии скрыты от общественности и предпринимательства в интересах военной безопасности. Так, многие акты, регулирующие правовые вопросы бронирования работников по мобилизации, являются закрытыми, поскольку предназначены для служебного пользования либо же имеют гриф «секретно» [Специальная военная операция, мобилизация 2022-2025, 2025].

Заключение

Итак, исследование научных трудов, отечественного и зарубежного законодательства, а также судебной практики позволило прийти к ряду выводов:

- Отсрочка от службы в армии представляет собой стимулирующую меру смешанной правовой природы. Она предоставляется с целью поддержания и развития стратегических сфер, от которых зависит безопасность, а также функционирование экономики и общества в целом.
- Отсрочка от службы в армии предоставляется лишь лицам, работающим по трудовому договору и способствующим осуществлению основного вида деятельности юридического лица (коммерческого, некоммерческого; унитарного, корпоративного). Индивидуальные предприниматели; участники юридических лиц; субъекты профессиональной деятельности; самозанятые, а также лица, осуществляющие деятельность по гражданско-правовому договору или же по трудовому договору, но на индивидуального предпринимателя, не имеют права на отсрочку от службы в армии в связи с осуществляемой ими деятельностью.
- Предложено снять запрет на осуществление предпринимательской деятельности в отношении лиц, проходящих военную службу по призыву. Сделан вывод, что военнослужащие по призыву нуждаются в большем числе правовых гарантий предпринимательского характера. Призывники же, которые участвуют в боевых действиях, должны получать те же предпринимательские гарантии, что и мобилизованные.
- Порядок предоставления отсрочки от службы в армии является не до конца прозрачным и открытым для общественности и субъектов предпринимательства, что является ярким отличительным признаком данной стимулирующей меры.

Библиография

1. Бараненкова И.В. О «кредитных каникулах» для участников специальной военной операции и некоторых проблемах правоприменения // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 97-104.
2. Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 628 с.
3. Громова Е.А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. Казань, 2024. 366 с.
4. Губин Е.П. Предпринимательское право как инструмент решения социальных задач современного общества (социальная функция предпринимательского права России) // Предпринимательское право. 2023. № 3. С. 2-10.
5. Деркач Т.В. Частное и публичное право как парные юридические категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2010. 200 с.
6. Зверева Е.А. Правовое регулирование информационного обеспечения предпринимательской деятельности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2007. 422 с.
7. Интеграция бизнеса новых субъектов Российской Федерации в общедоверительное правовое поле: монография / отв. ред. К.М. Беликова, О.А. Тарасенко. М.: Проспект, 2025. 320 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
9. Корякин В.М. Специальная военная операция как особый правовой режим // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2024. № 8. С. 2-16.
10. Крашенинников П.В. На пути к сверхдержаве. Государство и право во времена войны и мира (1939-1953). М.: Эксмо, 2025. 400 с.
11. Кудашкин А.В. Специальная военная операция - современный пример правовой институционализации // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 45-51.
12. Кудашкин А.В., Потапов А.В. К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 115-122.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. 600 с.
14. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: процесс производства капитала. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 794 с.
15. Мартеньянов В.С. Хозяйственное право. Т. 1. Общие положения. Курс лекций. М.: БЕК, 1994. 298 с.
16. Митрясова А.С. Нормативно-правовое обеспечение мер поддержки IT-сферы и трудовые права IT-специалистов // Российский юридический журнал. 2023. № 2 (149). С. 125-132.
17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
18. Панова А.С. О некоторых проблемах современного законодательства в области технического регулирования // Предпринимательское право. 2009. № 4. С. 8-14.
19. Письмо ФНС России от 07.10.2022 г. № КВ-4-14/13416@ «По вопросу подачи заявлений о прекращении деятельности в качестве индивидуального предпринимателя в особый период в связи с частичной мобилизацией» // Официальные документы. 18-24.10.2022. № 39 (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).
20. Понделков А.В., Аверин А.Н., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Социальная поддержка мобилизованных людей в Вооруженные силы Российской Федерации и их семей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. С. 49-56.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2024 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности пунктов 27 и 29 Правил предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты, в связи с жалобой гражданина И.Г. Простатина» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 43. Ст. 6487.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2025 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации и пункта 10 части 2 статьи 252 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О.В. Левчука» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 9. Ст. 1016.
23. Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 г. № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 12. Ст. 1839.
24. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 г. № 490 «Об утверждении Правил предоставления права на

- получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2271.
25. Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 г. № 1725 «Об утверждении правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации гражданам Российской Федерации, работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 7068.
26. Прохорская А.Ю. Правовое регулирование деятельности субъектов среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2017. 230 с.
27. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 36. Ст. 5484.
28. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 396.
29. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7-34.
30. Сайдашева М.В., Сайдашев Р.З. Новеллы правовой поддержки российского предпринимательства в условиях ограничительных мер // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 8. С. 29-39.
31. Сингилевич Д.А. Правовые основы комплектования Вооружённых Сил Российской Федерации военнослужащими по призыву: исторический аспект // История государства и права. 2025. № 4. С. 32-38.
32. Специальная военная операция, мобилизация 2022-2025 (подготовлено экспертами компании «Гарант») // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/77188369/>.
33. Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. 1921-1923. М.: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), 1952. 446 с.
34. Указ Президента РФ от 16.09.1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы») // Собрание законодательства РФ. 1999. № 38. Ст. 4534.
35. Указ Президента РФ от 18.10.2019 г. № 504 «О создании публично-правовой компании «Военно-строительная компания» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 42 (часть III). Ст. 5894.
36. Указ Президента РФ от 02.03.2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1468.
37. Указ Президента РФ от 21.09.2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 39. Ст. 6590.
38. Федеральный закон от 26.02.1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.
39. Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
40. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
41. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.
42. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4341.
43. Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 404-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7267.
44. Федеральный закон от 20.10.2022 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7269.
45. Федеральный закон от 26.03.2022 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 13. Ст. 1959.
46. Хо Ши Мин. Законы войны Сунь-цзы. 1945-1946: монография / пер. с вьет., сост. и коммент. В.Н. Колотова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 224 с.
47. Чурикова А.Ю. Актуальные проблемы информированности субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях реформы контрольно-надзорной деятельности // Административное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 1-11.
48. Шувалов И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2022. 401 с.
49. 50 U.S.C. 3806 - Deferments and exemptions from training and service. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2023-title50/html/USCODE-2023-title50-chap49-sec3806.htm>.

50. Bylund L. Per How to think about the economy. Auburn: Mises Institute, 2022. 142 p.
51. Code du service national.
URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071335/LEGISCTA000006151623/.
52. Decreto legislativo 15 marzo 2010, n. 66 Codice dell'ordinamento militare.
URL: https://www.gazzettaufficiale.it/dettaglio/codici/ordinamentoMilitare/1375_0_1.
53. Kaitseväeteenistuse seadus. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/110072012001>.
54. Lov om verneplikt og tjeneste i Forsvaret m.m. (forsvarsloven). URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2016-08-12-77/KAPITTEL_2#%C2%A77.
55. Luật số 78/2015/QH13 của Quốc hội: LUẬT NGHĨA VỤ QUÂN SỰ.
URL: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=180640>.
56. Постановление Правительства Республики Молдова от 24.06.2003 г. № 751 «Положение о бронировании по месту работы». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110266&lang=ru#.
57. The Queen's regulations for the Army 1975. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-queens-regulations-for-the-army-1975-amendment-number-37>.
58. Ustawa z dnia 11 marca 2022 r. o obronie Ojczyzny.
URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20240000248/T/D20240248L.pdf>.
59. Wehrpflichtgesetz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/wehrpflg/___12.html.
60. Zakon ze dne 2004 «O branné povinnosti a jejím zajišťování».
URL: <https://www.senat.cz/doc2html/467451598/index.html>.

Deferment from Military Service as a Legal Measure to Stimulate Entrepreneurial Activity in the Russian Federation

Denis S. Bannyi

Postgraduate Student,
Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, building 1, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dejkal909@gmail.com

Abstract

During crisis periods, the role of not only restrictive but also stimulating measures increases noticeably. The conduct of the special military operation on the territory of Ukraine requires a revision of traditional views on measures to stimulate entrepreneurial activity. Thus, the function of stimulating entrepreneurial activity has also come to be performed by deferment from military service. It represents significant value not only for entrepreneurs, allowing them to retain their employees, but also for the state, since victory is forged not only on the battlefield but also on the home front. In this scientific article presented to the legal community, the reasons for classifying deferment as a measure to stimulate entrepreneurial activity are substantiated, and its legal characteristics are identified for the first time. The theoretical component of the work is supported by an analysis of a number of important practical problems and the development of effective ways to overcome them. In particular, the author proposed granting conscripts the right to engage in entrepreneurial activities, as well as increasing the number of their legal guarantees of an entrepreneurial nature. The main provisions of this article were discussed during the XIV Annual All-Russian Scientific and Practical Conference "Law and Business," dedicated to the theme "Law and Business in a Changing World: The Role of Law in Achieving the National Development Goals of the Russian Federation," as well as the All-Russian Conference "Methods and Forms of Protecting

the Rights and Legitimate Interests of Servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation," organized by the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

For citation

Bannyi D.S. (2026) Otsrochka ot sluzhby v armii kak pravovaya mera stimulirovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii [Deferment from Military Service as a Legal Measure to Stimulate Entrepreneurial Activity in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 222-234. DOI: 10.34670/AR.2026.35.51.028

Keywords

Deferment from military service, special military operation, measure to stimulate entrepreneurial activity, mobilization, conscription military service, legal guarantees of an entrepreneurial nature, armed forces, benefits, military economy, business entity, state regulation, legal incentives.

References

1. Baranenkova, I.V. (2022). O «kreditnykh kanikulakh» dlya uchastnikov spetsialnoy voyennoy operatsii i nekotorykh problemakh pravoprimeneniya [On "credit holidays" for participants in special military operations and some problems of law enforcement]. *Voyennoye pravo*, 6(76), 97-104.
2. Bylund, L. P. (2022). *How to think about the economy*. Mises Institute.
3. Churikova, A.Yu. (2021). Aktualnyye problemy informirovannosti sub'yektov malogo i srednego predprinimatel'stva v usloviyakh reformy kontrolno-nadzornoy deyatel'nosti [Current problems of awareness among small and medium-sized businesses in the context of reforming control and supervisory activities]. *Administrativnoye i munitsipalnoye pravo*, 6, 1-11.
4. Code du service national. (n.d.). Legifrance. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071335/LEGISCTA000006151623/
5. Decreto legislativo 15 marzo 2010, n. 66 Codice dell'ordinamento militare [Legislative Decree No. 66 of March 15, 2010, Code of Military Ordinance]. (2010). Gazzetta Ufficiale. https://www.gazzettaufficiale.it/dettaglio/codici/ordinamentoMilitare/1375_0_1
6. Derkach, T.V. (2010). *Chastnoye i publichnoye pravo kak parnyye yuridicheskiye kategorii* [Private and public law as paired legal categories] [Abstract of PhD dissertation]. Saratov State Academy of Law.
7. Federal Law No. 31-FZ of February 26, 1997 "O mobilizatsionnoy podgotovke i mobilizatsii v Rossiyskoy Federatsii" [On Mobilization Preparation and Mobilization in the Russian Federation]. (1997). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 9, Art. 1014.
8. Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 "O statuse voyennosluzhashchikh" [On the Status of Military Personnel]. (1998). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 22, Art. 2331.
9. Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 "O voinskoy obyazannosti i voyennoy sluzhbe" [On Military Duty and Military Service]. (1998). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 13, Art. 1475.
10. Federal Law No. 117-FZ of August 5, 2000 "Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast vtoraya)" [Tax Code of the Russian Federation (Part Two)]. (2000). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 32, Art. 3340.
11. Federal Law No. 317-FZ of December 1, 2007 "O Gosudarstvennoy korporatsii po atomnoy energii «Rosatom»" [On the State Atomic Energy Corporation "Rosatom"]. (2007). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 49, Art. 6078.
12. Federal Law No. 215-FZ of July 13, 2015 "O Gosudarstvennoy korporatsii po kosmicheskoy deyatel'nosti «Roskosmos»" [On the State Corporation for Space Activities "Roscosmos"]. (2015). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 29 (Part I), Art. 4341.
13. Federal Law No. 404-FZ of October 20, 2022 "O vnesenii izmeneniya v Federalnyy zakon «O mobilizatsionnoy podgotovke i mobilizatsii v Rossiyskoy Federatsii»" [On Amending the Federal Law "On Mobilization Preparation and Mobilization in the Russian Federation"]. (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 43, Art. 7267.
14. Federal Law No. 406-FZ of October 20, 2022 "O vnesenii izmeneniy v otдельnye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 43, Art. 7269.

15. Federal Law No. 70-FZ of March 26, 2022 "O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh" [On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses]. (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 13, Art. 1959.
16. Government of the Russian Federation. (2022a). Postanovleniye Pravitelstva RF ot 12.03.2022 g. № 353 «Ob osobennostyakh razreshitelnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 353 of March 12, 2022 "On the Specifics of Licensing Activities in the Russian Federation"]. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 12, Art. 1839.
17. Government of the Russian Federation. (2022b). Postanovleniye Pravitelstva RF ot 28.03.2022 g. № 490 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya prava na polucheniye otsrochki ot prizyva na voyennuyu sluzhbu grazhdanam Rossiyskoy Federatsii, rabotayushchim v akkreditovannykh organizatsiyakh, osushchestvlyayushchikh deyatel'nost v oblasti informatsionnykh tekhnologiy» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 490 of March 28, 2022 "On the Approval of the Rules for Granting the Right to Defer Military Service to Citizens of the Russian Federation Working in Accredited Organizations Operating in the Field of Information Technology"]. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 14, Art. 2271.
18. Government of the Russian Federation. (2022c). Postanovleniye Pravitelstva RF ot 30.09.2022 g. № 1725 «Ob utverzhdenii pravil predostavleniya prava na polucheniye otsrochki ot prizyva na voyennuyu sluzhbu po mobilizatsii grazhdanam Rossiyskoy Federatsii, rabotayushchim v organizatsiyakh oboronno-promyshlennogo kompleksa» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1725 of September 30, 2022 "On the Approval of Rules for Granting the Right to Deferment from Military Service in the Event of Mobilization to Citizens of the Russian Federation Working in Organizations of the Defense-Industrial Complex"]. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 41, Art. 7068.
19. Government of the Russian Federation. (2023). Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 20.05.2023 g. № 1315-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii tekhnologicheskogo razvitiya na period do 2030 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1315-r of May 20, 2023 "On the Approval of the Concept of Technological Development for the Period until 2030"]. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 22, Art. 396.
20. Government of the Russian Federation. (2024). Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 17.08.2024 g. № 2233-r «Ob utverzhdenii Strategii realizatsii molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 2233-r of August 17, 2024 "On the Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the Period until 2030"]. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 36, Art. 5484.
21. Gromova, E.A. (2024). *Stimuliruyushchiye pravovyye rezhimy predprinimatelskoy deyatel'nosti* [Incentive legal regimes for entrepreneurial activity] [Doctoral dissertation]. Kazan Federal University.
22. Gubin, E.P. (2023). Predprinimatelskoye pravo kak instrument resheniya sotsialnykh zadach sovremennogo obshchestva (sotsialnaya funktsiya predprinimatelskogo prava Rossii) [Entrepreneurial law as a tool for solving social problems in modern society (the social function of entrepreneurial law in Russia)]. *Predprinimatelskoye pravo*, 3, 2-10.
23. Ho Chi Minh. (2022). *Zakony voyny Sun-Tszy. 1945-1946* [The Laws of War by Sun Tzu. 1945-1946] (V.N. Kolotov, Trans. & Ed.). St. Petersburg University Press.
24. *Kaitsevädeteenistuse seadus* [National Defence Service Act]. (n.d.). Riigi Teataja. <https://www.riigiteataja.ee/akt/110072012001>
25. Koryakin, V.M. (2024). Spetsialnaya voyennaya operatsiya kak osoby pravovoy rezhim [Special Military Operations as a Special Legal Regime]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voenno-pravovoye obozreniye*, 8, 2-16.
26. Krashenninikov, P.V. (2025) *Na puti k sverkhderzhave. Gosudarstvo i pravo vo vremena voyny i mira (1939-1953)* [On the path to superpower status. The state and law in times of war and peace (1939-1953)]. Eksmo.
27. Kudashkin, A.V. (2022). Spetsialnaya voyennaya operatsiya - sovremennyy primer pravovoy institutsializatsii [Special military operation - a modern example of legal institutionalization]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voenno-pravovoye obozreniye*, 12(305), 45-51.
28. Kudashkin, A.V., & Potapov, A.V. (2024). K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «oboronno-promyshlennyy kompleks» i «voenno-promyshlennyy kompleks» [On the relationship between the concepts of "defense-industrial complex" and "military-industrial complex"]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voenno-pravovoye obozreniye*, 7, 115-122.
29. Lenin, V.I. (1974). *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works] (5th ed., Vol. 35). Political Literature Publishing House.
30. Letter of the Federal Tax Service of Russia No. KV-4-14/13416@ of October 7, 2022 "Po voprosu podachi zayavleniy o prekrashchenii deyatel'nosti v kachestve individualnogo predprinimatel'ya v osoby period v svyazi s chastichnoy mobilizatsiyey" [On the submission of applications for termination of activities as an individual entrepreneur during a special period in connection with partial mobilization]. (2022). *Ofitsialnyye dokumenty*, 39.
31. *Lov om verneplikt og tjeneste i Forsvaret m.m. (forsvarsloven)* [Act on conscription and service in the Armed Forces, etc. (Defence Act)]. (n.d.). Lovdata. https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2016-08-12-77/KAPITTEL_2#%C2%A77
32. *Luật số 78/2015/QH13 của Quốc hội: LUẬT NGHĨA VỤ QUÂN SỰ* [Law No. 78/2015/QH13 of the National Assembly: LAW ON MILITARY SERVICE]. (2015). CÔNG THÔNG TIN ĐIỆN TỬ CHÍNH

- PHŮ <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=180640>
33. Martemyanov, V.S. (1994). *Khozyaystvennoye pravo. Tom 1. Obshchiye polozheniya* [Economic Law. Volume 1. General Provisions]. BEK Publishing House.
 34. Marx, K. (1952). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. Tom 1. Kniga 1: protsess proizvodstva kapitala* [Capital. Critique of Political Economy. Volume 1. Book 1: The Process of Capital Production]. State Publishing House of Political Literature.
 35. Mitryasova, A.S. (2023). Normativno-pravovoye obespecheniye mer podderzhki IT-sfery i trudovyye prava IT-spetsialistov [Regulatory and Legal Support for IT Sector Support Measures and the Labor Rights of IT Specialists]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2(149), 125-132.
 36. Panova, A.S. (2009). O nekotorykh problemakh sovremennogo zakonodatelstva v oblasti tekhnicheskogo regulirovaniya [On Some Problems of Modern Legislation in the Field of Technical Regulation]. *Predprinimatelskoye pravo*, 4, 8-14.
 37. Ponedelkov, A.V., Averin, A.N., Shcherbakova, L.I., & Samygin, S.I. (2024). Sotsialnaya podderzhka mobilizovannykh lyudey v Vooruzhonnyye sily Rossiyskoy Federatsii i ikh semey [Social support for people mobilized into the Armed Forces of the Russian Federation and their families]. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 1, 49-56.
 38. Presidential Decree No. 1237 of September 16, 1999 "Voprosy prokhozheniya voyennoy sluzhby" [Issues of Military Service]. (1999). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 38, Art. 4534.
 39. Presidential Decree No. 504 of October 18, 2019 "O sozdanii publichno-pravovoy kompanii «Voyenno-stroitel'naya kompaniya»" [On the Creation of the Public-Law Company "Military Construction Company"]. (2019). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 42 (Part III), Art. 5894.
 40. Presidential Decree No. 83 of March 2, 2022 "O merakh po obespecheniyu uskorennoy razvitiya otrasli informatsionnykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii" [On Measures to Ensure the Accelerated Development of the Information Technology Industry in the Russian Federation]. (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 10, Art. 1468.
 41. Presidential Decree No. 647 of September 21, 2022 "Ob obyavlenii chastichnoy mobilizatsii v Rossiyskoy Federatsii" [On the Declaration of Partial Mobilization in the Russian Federation]. (2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 39, Art. 6590.
 42. Prokhorovskaya, A.Yu. (2017). *Pravovoye regulirovaniye deyatel'nosti sub'yektov srednego predprinimatel'stva* [Legal regulation of the activities of medium-sized enterprises] [PhD dissertation]. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
 43. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 45-P of October 10, 2024 "Po delu o proverke konstitutsionnosti punktov 27 i 29 Pravil predostavleniya yednovernennoy sotsialnoy vyplaty dlya priobreteniya ili stroitel'stva zhilogo pomeshcheniya sotrudnikam organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, litsam, prokhodyashchim sluzhbu v voyskakh natsionalnoy gvardii Rossiyskoy Federatsii i imeyushchim spetsialnyye zvaniya polit'sii, a takzhe inym litsam, imeyushchim pravo na polucheniye takoy vyplaty, v svyazi s zhaloboy grazhdanina I.G. Prostatin" [On the case of reviewing the constitutionality of paragraphs 27 and 29 of the Rules for the provision of a one-time social payment for the purchase or construction of residential premises to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, persons serving in the troops of the National Guard of the Russian Federation and having special police ranks, as well as other persons entitled to receive such payments, in connection with the complaint of citizen I.G. Prostatin]. (2024). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 43, Art. 6487.
 44. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 9-P of February 25, 2025 "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 2 stat' 242.1 Byudzhethnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i punkta 10 chasti 2 stat' 252 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina O.V. Levchuka" [On the case of verifying the constitutionality of the provisions of clause 2 of Article 242.1 of the Budget Code of the Russian Federation and clause 10 of part 2 of Article 252 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen O.V. Levchuk]. (2025) *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 9, Art. 1016.
 45. Ruling of the Government of the Republic of Moldova No. 751 of June 24, 2003 "Polozheniye o bronirovani po mestu raboty" [Regulations on reservation at the place of work]. (2003 https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110266&lang=ru#)
 46. Saidasheva, M.V., & Saidashev, R.Z. (2023). Novelly pravovoy podderzhki rossiyskogo predprinimatel'stva v usloviyakh ogranichitel'nykh mer [New developments in legal support for Russian entrepreneurship in the context of restrictive measures]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 8, 29-39.
 47. Savenkov, A.N., & Kudashkin, A.V. (2021). Voyennoye pravo: postanovka problemy i puti resheniya [Military law: problem statement and solutions]. *Gosudarstvo i pravo*, 4, 7-34.
 48. Shuvalov, I.V. (2022). *Pravovoye regulirovaniye predprinimatelskoy deyatel'nosti v period sotsialno-ekonomicheskogo krizisa* [Legal regulation of entrepreneurial activity during a period of socio-economic crisis] [PhD dissertation]. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

49. Singilevich, D.A. (2025) *Pravovyye osnovy komplektovaniya Vooruzhonnykh Sil Rossiyskoy Federatsii voyennosluzhashchimi po prizyvu: istoricheskiy aspekt* [Legal foundations for the recruitment of conscripts into the Armed Forces of the Russian Federation: historical aspect]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 4, 32-38.
50. *Spetsialnaya voyennaya operatsiya, mobilizatsiya 2022-2025* [Special military operation, mobilization 2022-2025]. (2025) SPS Garant <https://base.garant.ru/77188369/>
51. Stalin, I.V. (1952). *Sochineniya. Tom 5. 1921-1923* [Works. Volume 5. 1921-1923]. Marx-Engels-Lenin Institute at the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks).
52. Tarasenko, O.A., & Belikova, K.M. (Eds.). (2025) *Integratsiya biznesa novykh subyektov Rossiyskoy Federatsii v obshchefederalnoye pravovoye pole* [Integration of New Russian Federation Entities into the Federal Legal Framework]. Prospekt.
53. *The Constitution of the Russian Federation*. (2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 11, Art. 1416.
54. *The Queen's regulations for the Army 1975*. (1975). UK Government. <https://www.gov.uk/government/publications/the-queens-regulations-for-the-army-1975-amendment-number-37>
55. *U.S. Code: Deferments and exemptions from training and service, 50 U.S.C. § 3806*. (n.d.). GovInfo. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2023-title50/html/USCODE-2023-title50-chap49-sec3806.htm>
56. *Ustawa z dnia 11 marca 2022 r. o obronie Ojczyzny* [Act of March 11, 2022 on the Defense of the Fatherland]. (2022). ISAP. <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20240000248/T/D20240248L.pdf>
57. Vaipan, V.A. (2018). *Realizatsiya printsipa sotsialnoy spravedlivosti v pravovom regulirovanii predprinimatelskoy deyatel'nosti* [Implementation of the principle of social justice in the legal regulation of entrepreneurial activity] [Doctoral dissertation]. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
58. *Wehrpflichtgesetz* [Conscription Act]. (n.d.). Gesetze im Internet. https://www.gesetze-im-internet.de/wehrpflg/_12.html
59. *Zakon ze dne 2004 «O branné povinnosti a jejím zajišťování»* [Act of 2004 on conscription and its implementation]. (2004). Senate of the Czech Republic. <https://www.senat.cz/doc2html/467451598/index.html>
60. Zvereva, E.A. (2007). *Pravovoye regulirovaniye informatsionnogo obespecheniya predprinimatelskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii* [Legal regulation of information support for entrepreneurial activity in the Russian Federation] [Doctoral dissertation]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

УДК 347.63

DOI: 10.34670/AR.2026.47.31.029

Вопросы устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей: отечественное и международное правовое регулирование

Струнова Ксения Ивановна

Капитан внутренней службы,
Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России,
390000, Российская Федерация, Рязань, ул. Сенная, 1;
e-mail: strunova.9393@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу нормативно-правовой основы, регулирующей защиту прав детей, оставшихся без попечения родителей, на внутригосударственном и международном уровне. Анализируются правовые акты различного уровня, относящиеся как в целом к защите прав детей как наиболее социально уязвимой категории, так и в случае оставления их без попечения ввиду лишения свободы родителей. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на весомое количество правовых актов внутригосударственного и международного уровня, отсутствует единый нормативно-правовой акт, который бы подробно регламентировал вопросы устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Струнова К.И. Вопросы устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей: отечественное и международное правовое регулирование // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 235-246. DOI: 10.34670/AR.2026.47.31.029

Ключевые слова

Дети, дети, оставшиеся без попечения родителей, трудная жизненная ситуация, лишение свободы, гарантии прав ребенка, международно-правовая база защиты детей, внутригосударственная правовая база защиты детей, опека и попечительство, социальная поддержка.

Введение

Жизнь человека является наивысшей ценностью во всем мировом сообществе, и вопросам защиты прав и законных интересов детей уделяется повышенное внимание ввиду их наиболее незащищенного положения. Защита прав детей является ключевым, приоритетным направлением развития любого современного государства, вне зависимости от формы государственного устройства, правления, специфики внутренней и внешней политики. Действующая нормативно-правовая основа, регулирующая правоотношения, определяющие вопросы защиты прав и законных интересов детей, в том числе, связанные с реализацией их устройства при лишении свободы родителей, представлена весомым объемом различного уровня нормативно-правовых актов как на внутригосударственном уровне, так и на международном уровне, образуя в совокупности важнейшую нормативную основу, позволяющую наиболее эффективным способом производить защиту прав детей как наиболее социально незащищенной категории лиц.

Основная часть

Обращаясь к отечественной нормативно-правовой основе, в первую очередь стоит акцентировать внимание на Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), устанавливающей в рамках статьи 7 положение о том, согласно которому Российская Федерация признается социальным государством, и его политика непосредственно направляется на обеспечение достойной жизни и свободного развития каждого человека.

В том числе, конституционные нормы в рамках статьи 38 Конституции РФ устанавливают два основополагающих положения о защите со стороны государства материнства, детства и семьи, при этом, непосредственная забота и воспитание детей возлагается именно на родителей, выступая, в том числе, и их правом. Законодатель на постоянной основе принимает ряд важнейших изменений, касающихся совершенствования защиты прав несовершеннолетних, что, к примеру, отразилось на правовом регулировании устройства детей, оставшихся без попечения родителей в рамках положения части 4 статьи 67.1 Конституции РФ, устанавливающей обязанность государства по заботе о детях, оставшихся без попечения родителей, при обеспечении приоритета семейного воспитания. В том числе, именно дети выступают ключевым приоритетом государственной политики Российской Федерации.

Объясняя повышенную значимость конституционно-правового регулирования вопросов устройства оставшихся без попечения детей, согласимся с Н. Л. Шкилевой о том, что правовые нормы, закрепленные в Конституции РФ и иных нормативно-правовых актов, основанных на положениях главенствующего закона государства, определяют конституционно-правовой статус детей, оставшихся без попечения родителей, в совокупности объясняющий фактическое положение детей исходя из возможности обеспечения их прав в обществе и государстве, в том числе, включает в себя регламентированную структуру элементов [Шкилева, 2024, 12].

Определяя нормативно-правовую основу, устанавливающую особенности защиты прав детей в рамках кодифицированных правовых актов, в первую очередь следует обратиться к нормам семейного законодательства. Так, с 1996 года вступил в силу Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ), включивший в себя множество норм, интерпретированных из международной правовой основы, направленной на защиту прав детей, и в том числе, ратифицированных Российской Федерацией. Характеристика норм СК РФ весьма

обширна, в рамках темы исследования особый интерес представляет раздел VI СК РФ, определяющий формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в частности, регулирующий: особенности выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей; характеристику усыновления (удочерения) детей; специфику опеки и попечительства над детьми; общие положения о приемной семье; основные аспекты устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Е. С. Швецов в данном контексте отмечает, что ключевым принципом семейно-правовой политики России выступает предоставление каждому ребенку права на проживание и воспитание в семье, что закреплено в пункте 2 статьи 54 СК РФ, и когда кровная семья оказывается неспособной выполнять свои обязанности, государство принимает на себя ответственность и обязанность по устройству данных детей, формируя при этом альтернативные формы их воспитания и заботы о них [Швецов, 2025, 50].

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), выступает в качестве основополагающего акта, регулирующего гражданско-правовые отношения, и определяет, в том числе, правоотношения, связанные с установлением опеки и попечительства в рамках статей 33 и 34 ГК РФ, как одними из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе, и при лишении свободы последних.

Для целей настоящего исследования представляет интерес Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), определяющий особое производство рассмотрение дел в суде, к числу которых, согласно статьи 262 ГПК РФ, относятся дела об усыновлении (удочерении) ребенка, что также подробно регламентируется в главе 29 ГПК РФ.

Непосредственное регулирование прав осужденных лиц, в том числе, к лишению свободы, и имеющих детей, также определяются в рамках уголовно-исполнительного законодательства, поэтому предпочтительным представляется обратиться к нормам Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). Так, по общему правилу, как ранее установлено в рамках конституционных норм, охрана материнства и детства является приоритетной задачей государства, и «не всем женщинам, отбывающим лишение свободы, предоставляется отсрочка отбывания наказания в порядке ст. 82 УК РФ. Поэтому в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка. В домах ребенка исправительных учреждений обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей, матери могут без ограничения общаться с детьми в свободное от работы время» [Бриллиантов, 2016, www]. Определяется в статье 97 УИК РФ и правовое регулирование возможности выезда женщин (и мужчин-единственных родителей) к детям на 10-дневный срок дважды в год, либо на 15 суток, в случаях, если ребенок относится к категории детей-инвалидов. Касательно правового устройства детей, оставшихся без попечения родителей по причине их лишения свободы, представляют собой интерес нормы ч. 2 статьи 97 УИК РФ, согласно которым женщины могут устроить детей, содержащихся в домах ребенка исправительных колоний, в детский дом или передать родственникам, в течение 15 суток, что выступает в качестве важного правового регулирования возможности участия матери в определении судьбы и устройства ее ребенка.

Федеральное законодательство также является важнейшей частью правовой основы, регулирующей права детей, в том числе, оставшихся без попечения родителей, и при условии лишения свободы последних. Формирование нормативной основы на федеральном уровне в

сфере анализируемых правоотношений по защите детей происходит в конце XX века, при этом, их положения актуальны и сохраняются на сегодняшний день.

В первую очередь отметим Федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – ФЗ №124), определяющий установление основных гарантий прав, а также законных интересов ребенка, которые определены в рамках конституционных норм, для формирования правовых, социально-экономических условий для непосредственной реализации прав ребенка в Российской Федерации. При анализе норм ФЗ №124 определены ключевые цели государственной политики, реализуемой в интересах детей и полномочия публичных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов на осуществление гарантий прав ребенка, что неразрывно связано и с защитой прав детей, оставшихся без попечения родителей.

Так, в рамках Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – ФЗ №159) предусмотрено общее определение принципов, характеристики и перечня мер, направленных на оказание социальной помощи и поддержки детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей. Что немаловажно, именно в рамках статьи 1 ФЗ №159 определяется категория детей, оставшихся без попечения родителей, к числу которых относятся и дети, не достигшие возраста 18 лет, оставшиеся без попечения родителей (или единственного родителя), в связи с «отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Отдельного внимания заслуживает и специфика судебной защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей в рамках статьи 10 ФЗ №159. Данная особенность судебной защиты прав детей в данном случае, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, состоит в «установление факта утраты лицом попечения родителей допускается в судебном порядке, поскольку имеет юридическое значение для определения лицу в возрасте до 18 лет статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей в целях предоставления ему прав, связанных с реализацией гарантий по социальной поддержке» [Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1, 2020].

Обращаясь к анализу норм Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – ФЗ №178) относительно реализации социальной помощи детям, оставшимся без попечения родителей, укажем что в его нормах, к примеру, в рамках статьи 1 определяется понятие трудной жизненной ситуации, предполагающей «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности гражданина и последствия которых он не может преодолеть самостоятельно». Справедлив вывод А. Н. Горбачева и Л. К. Жолнеровой, что для анализируемой категории детей «трудность жизненной ситуации заключается в том, что разрушаются основополагающие социальные связи с их участием - семейные связи по линии «ребенок-родитель»» [Горбачев, Жолнерова, 2022, с. 67]. В том числе, ввиду произошедших изменений в 2023 году, в ФЗ №178 введена новая глава, регламентирующая введение в действие ГИС «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере», включающая в себя различные обеспечительные меры, к числу которых относится и «регистрация решений об отнесении граждан к следующим категориям граждан, имеющих право на получение мер социальной защиты (поддержки) в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и ведение учета сведений о таких гражданах», к числу которых относятся и дети, оставшиеся без попечения родителей, согласно

пп. «е» п. 11 ч. 3 статьи 6.12 ФЗ №178.

В рамках федерального законодательства стоит акцентировать внимание на приложениях Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ №442), где также предусмотрена регламентация процедуры и оснований признания гражданина нуждающимся в применении к нему социальном обслуживании, в частности, согласно п. 6 ч. 1 статьи 15 ФЗ №442, гражданами, которые признаются нуждающимися в социальном обслуживании, если имеется факт следующих обстоятельств, способствующих ухудшить или уже ухудшающих его жизнедеятельность: «отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Отмеченное условие применимо и в отношении устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей даже в рамках отмеченных возрастных границ.

Важнейшие вопросы устройства детей, оставшихся без попечения, в том числе, при лишении свободы родителей, определяются нормативно-правовым регулированием положений Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – ФЗ №48). В целом, ФЗ №48 определяет регулирование правоотношений, возникающих ввиду назначения опеки детям возрастом до 14 лет и попечительства детям возрастом с 14 до 18 лет. В том числе, в рамках правовой регламентации нормы ФЗ №48 определяют, как справедливо отмечает А. Н. Борисов, правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые исходя из положений ч. 5 статьи 11 ФЗ №48 и п. 4 статьи 35 ГК РФ, переходят на данные организации, так как указанным детям, оставшимся без попечения родителей, в таком случае опекуны и попечители не назначаются [Борисов, 2025, www].

Законодатель осуществляет строгий учет и контроль за данными о детях, оставшихся без попечения родителей, ввиду чего создан соответствующий государственный банк данных, и порядок формирования и использования и данных о детях, содержащихся в настоящем банке определяются Федеральным законом от 16 апреля 2001г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей».

Система правового регулирования правоотношений, обеспечивающих защиту прав детей в Российской Федерации, включают в себя и подзаконные нормативно-правовые акты различного уровня, которые, в том числе, являются дополнительным и источником правового регулирования анализируемых правоотношений, и предоставляют дополнительные разъяснения касательно наиболее важных сторон устройства детей, оставшихся без попечения родителей, что позволяет в полной мере реализовывать данный процесс без допущения нарушения прав несовершеннолетних, оказавших в трудной жизненной ситуации по причине лишения свободы родителей.

Проанализировав ключевые подзаконные нормативно-правовые акты, отметим, что в рамках правового регулирования прав детей, оставшихся без попечения родителей, действует весьма обширная база актов данного уровня, в первую очередь остановимся на Распоряжении Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» (далее – Распоряжение Правительства РФ №615-р), определяющего консолидацию усилий органов власти различного уровня «по укреплению института семьи, сохранения и продвижения в обществе традиционных семейных ценностей, роста рождаемости,

охраны материнского, отцовского, детского, репродуктивного здоровья, повышения благосостояния и качества жизни семей, в том числе в особых жизненных ситуациях, содействия реализации в субъектах Российской Федерации семейно ориентированной демографической политики с учетом национальных и социокультурных особенностей». Распоряжение Правительства РФ №615-р уделяет особое внимание различным особым жизненным ситуациям, при которых дети остаются без попечения родителей, предлагая различные мероприятия и виды помощи в данной ситуации.

В Постановлении Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» определяется система учреждений для устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В процессе правового регулирования правового положения детей, оставшихся без попечения родителей, имеет значение и Постановление Правительства РФ от 04 апреля 2002 г. № 217 «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и осуществлении контроля за его формированием и использованием».

Неотъемлемую составляющую составляют и ведомственные нормативно-правовых актов, регулирующих различные вопросы в рамках деятельности органов и учреждений, участвующих в защите прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, принятые Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Необходимо указать на важность и регионального законодательства, определяющего нормативно-правовое регулирование устройства детей, оставшихся без попечения родителей, при лишении свободы родителей в том числе. Некоторые регионы определяют дополнительные меры поддержки для детей, оказавшихся в данной трудной жизненной ситуации, к примеру, в г. Москва принят Закон г. Москвы от 30 ноября 2005 г. № 61 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве», или, например, определяют особенности реализации опеки и попечительства на местах, как в Законе Челябинской области от 27 сентября 2007 г. № 202-ЗО «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству».

Объясняя многоуровневость и различную подведомственность разрешения и регулирования вопросов, касающихся защиты прав детей в Российской Федерации, и в том числе, их устройства в случае лишения свободы родителей, определяется высокий уровень согласованности различных органов, учреждений, ведомств, как на федеральном, так и на региональном и местном уровне, что позволяет сделать справедливый вывод о высоком уровне правового регулирования исследуемого института на внутригосударственном уровне.

Обращаясь к международно-правовой основе, определяющей в первую очередь защиту прав детей, интересна позиция А. Ю. Ястребовой, утверждающей, что «тематика международно-правовой защиты детей тесно связана с общей нормативной основой международного права прав человека и одновременно имеет собственный предмет, определяющий формы сотрудничества государств. Здесь сформулированы стандарты достойного обращения с детьми, особые права ребенка и запреты действий, нарушающих физическое и психологическое благополучие этой возрастной группы лиц» [Ястребова, 2025, 145].

Ключевые нормативно-правовые акты международного уровня были приняты еще в XX веке, но также сохраняют актуальность, востребованность и обоснованность на сегодняшний

день. Важной составляющей выбора данных международных актов выступает их ратификация Российской Федерацией.

Касательно социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, которые осуждены или находятся под стражей, в первую очередь стоит акцентировать внимание на Конвенции о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.) (далее – Конвенция о правах ребенка). Определяя приоритетное стремление возможности роста и развития ребенка в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, в статье 20 данной Конвенции о правах ребенка определяются следующая форма предоставления помощи со стороны государства: «Ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством». Способы устройства детей, оказавшихся в данной ситуации, определяются национальным законодательством стран, с учетом содействия успешной социальной интеграции детей. В рамках статьи 21 Конвенции о правах ребенка также регламентируется действие системы усыновления, обеспечивающие в первую очередь интересы ребенка, даже в рамках межгосударственного взаимодействия. В тоже время, статья 9 Конвенция о правах ребенка предусматривает как возможность не разлучения детей с родителями, так и реализацию разлучения в случаях необходимости. В случае разлучения детей и родителей, каждый из них наделен правом на информацию о месте нахождения друг друга, даже в случае применения ареста и тюремного заключения.

При рассмотрении норм Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 года, определены основные задачи для государств в области защиты детей, среди которых – проявление заботы и оказание поддержки детям-инвалидам, а также другим детям, находящимся в крайне трудных условиях. Это порождает соответствующие обязательства, связанным с защитой и развитием детей, с учетом особых потребности детей, которые разлучены со своими семьями.

В нормах Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 41/95 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1986 года), определяется приоритет и первостепенное значение наилучшего обеспечения интересов ребенка. В разделе «А» предусмотрены нормы об общем благополучии семьи и ребенка, и согласно статье 5, «при рассмотрении всех вопросов, касающихся передачи ребенка для заботы не его собственными родителями, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка, и в особенности его потребность в любви и право на обеспеченность и постоянную заботу». Отдельного внимания заслуживает раздел «В», в рамках которого закреплены основные положения о передаче детей на воспитание, раздела «С» - об усыновлении, и согласно статье 13 «основная цель усыновления заключается в обеспечении постоянной семьи для ребенка, заботу о котором не могут проявлять его родители».

Важное нормативно-правовое регулирование защиты прав детей регулируется и нератифицированными международными актами со стороны Российской Федерации, среди которых отмечается Декларацию прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Принцип 6 Декларации прав ребенка определяет положение о возможности ребенка расти на попечении родителей, под их ответственностью, в условиях моральной и материальной обеспеченности. При этом, допускается возможность его разлучения с матерью, при установлении факта исключительных

обстоятельств, ввиду чего у общества и органов публичной власти возникает обязанность об особой заботе о тех детях, которые не имеют средств к существованию.

В том числе, укажем на Декларацию и План действий – «Мир, пригодный для жизни детей» (2002), обобщающая также формирование различных направлений для защиты прав детей, в п. 16 и 17 определяются фундаментальные положения о имеющихся фактах нахождения и проживания детей без родительской поддержки, что предполагает принятие особых мер для оказания поддержки таким детям и учреждениям, заведениям и службам, которые заботятся о них, а также для создания и укрепления возможностей самих детей защищать себя. Для всех категорий участников в рамках реализации прав детей обеспечивается широкий доступ к информации и деятельности служб, участвующих в защите и развитии детей.

В рамках деятельности Совета Европы также разработано множество рекомендаций, регламентирующих защиту прав детей, содействие выполнения родительских обязанностей, опеки и попечительства за детьми, и иных форм улучшения положения детей, оставшихся в трудной ситуации, к примеру, можно отметить следующие: Рекомендация Rec (2005)5 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о правах детей, находящихся в учреждениях опеки; Рекомендация 1698 (2005) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о правах детей, находящихся в учреждениях государственной опеки: выполнение рекомендации 1601 (2003) Парламентской Ассамблеи; Рекомендация Rec (2006)19 Комитета Министров государствам-членам о политике в поддержку позитивного воспитания детей родителями; Рекомендация Rec 1371 (1998) Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о жестоком обращении с детьми и отсутствии заботы о детях; Рекомендация 1601 (2003) Парламентской ассамблеи Совета Европы об улучшении положения детей, находящихся в учреждениях государственной опеки; Руководящие указания по альтернативному уходу за детьми (Резолюция A/RES/64/142 Генеральной Ассамблеи ООН), 2009.

Заключение

Таким образом, ввиду проанализированной нормативно-правовой основы на внутригосударственном и международном уровне, регулирующей особенности устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей, можно прийти к логическому выводу о том, что несмотря на большой объем нормативно-правовых актов различного уровня, на сегодняшний день отсутствует единый нормативно-правовой акт, который регулировал бы вопросы, связанные с темой проводимого исследования и регламентировал бы общий порядок, специфику взаимодействия между органами и учреждения, наделёнными полномочиями в сфере обеспечения защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, и иные важнейшие вопросы. Полагаем, что требуется разработка отдельного нормативно-правового акта с учетом применения бланкетных норм, которые непосредственно содержатся в рамках проанализированных нормативно-правовых актов различного уровня, который позволил бы усовершенствовать процесс устройства оставшихся без попечения детей при лишении свободы родителей, в наиболее короткие сроки, не допуская нарушения прав и законных интересов детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и ожидающих последующего устройства в различных правовых формах.

Библиография

1. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (постатейный). – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2025. – 416 с.
2. Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 576 с. – URL: <https://prospekt.org/books/29532>
3. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml
4. Горбачев А.Н., Жолнерова Л.К. Дети, оставшиеся без попечения родителей, как дети, нуждающиеся в помощи государства // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 3 (27). – С. 65–70.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
7. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 41/95 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1986 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml
8. Декларация и План действий «Мир, пригодный для жизни детей» (приняты резолюцией S-27/2 специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 мая 2002 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/worldchild.shtml
9. Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
10. Закон г. Москвы от 30.11.2005 № 61 (ред. от 24.09.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2005. – № 71. – 19 декабря.
11. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
12. Закон Челябинской области от 27 сентября 2007 г. № 202-ЗО «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству» // Южноуральская панорама. – 2007. – 19 октября.
13. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
15. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 10.
16. Постановление Правительства РФ от 04.04.2002 № 217 (ред. от 21.07.2014) «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и осуществлении контроля за его формированием и использованием» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 15. – Ст. 1434.
17. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 (ред. от 19.04.2022) «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 22. – Ст. 2887.
18. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 13. – Ст. 1505.
19. Рекомендация 1601 (2003) Парламентской ассамблеи Совета Европы об улучшении положения детей, находящихся в учреждениях государственной опеки. – URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[April_2003\]/Recommend1601.ap](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[April_2003]/Recommend1601.ap)
20. Рекомендация 1698 (2005) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о правах детей, находящихся в учреждениях государственной опеки: выполнение рекомендации 1601 (2003) Парламентской Ассамблеи. – URL: <https://rm.coe.int/16806410ed>
21. Рекомендация Rec (2005)5 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о правах детей, находящихся в учреждениях опеки. – URL: [https://www.coe.int/t/dg3/children/childrenincare/Rec\(2005\)5%20Children%20living%20in%20institutions_Russian%20version%20rev.pdf](https://www.coe.int/t/dg3/children/childrenincare/Rec(2005)5%20Children%20living%20in%20institutions_Russian%20version%20rev.pdf)

22. Рекомендация Rec (2006)19 Комитета Министров государствам-членам о политике в поддержку позитивного воспитания детей родителями. – URL: <https://rm.coe.int/16806a4565>
23. Рекомендация Rec 1371 (1998) Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о жестоком обращении с детьми и отсутствии заботы о детях. – URL: <https://www.coe.int/t/dg3/children/other%20langauges/Booklet%20Russe.pdf>
24. Руководящие указания по альтернативному уходу за детьми: Резолюция A/RES/64/142 Генеральной Ассамблеи ООН, 2009. – URL: <http://social.council.gov.ru/media/files/41d4a273c3f791f3f54d.pdf>
25. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
26. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
27. Федеральный закон от 10.07.2023 № 293-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5311.
28. Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 17. – Ст. 1643.
29. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.
30. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.
31. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
32. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.
33. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 7007.
34. Швецов Е.С. Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, по семейному законодательству РФ // Актуальные исследования. – 2025. – № 40 (275). – Ч. II. – С. 49–52.
35. Шкилева Н.Л. Конституционно-правовая защита прав детей, оставшихся без попечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. – Курск, 2024. – 27 с.
36. Ястребова А.Ю. Международно-правовые аспекты защиты прав детей (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2025. – № 2. – С. 143–155.

Issues of Placement of Children Left Without Parental Care When Parents Are Deprived of Liberty: Domestic and International Legal Regulation

Kseniya I. Strunova

Captain of the Internal Service,
Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
390000, 1, Sennaya str., Ryazan, Russian Federation;
e-mail: strunova.9393@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the regulatory and legal framework governing the protection of the rights of children left without parental care at the domestic and international levels. Legal acts of various levels are analyzed, relating both to the protection of the rights of children as

the most socially vulnerable category in general, and to cases of them being left without care due to the parents' deprivation of liberty. The author concludes that, despite the significant number of legal acts at the domestic and international levels, there is no single normative legal act that would regulate in detail the issues of placement of children left without parental care when parents are deprived of liberty.

For citation

Strunova K.I. (2026) Voprosy ustroystva ostavshikhsya bez popecheniya detey pri lishenii svobody roditeley: otechestvennoye i mezhdunarodnoye pravovoye regulirovaniye [Issues of Placement of Children Left Without Parental Care When Parents Are Deprived of Liberty: Domestic and International Legal Regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 235-246. DOI: 10.34670/AR.2026.47.31.029

Keywords

Children, children left without parental care, difficult life situation, deprivation of liberty, guarantees of children's rights, international legal framework for the protection of children, domestic legal framework for the protection of children, guardianship and trusteeship, social support.

References

1. Borisov, A.N. (2025) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 24 aprelya 2008 g. № 48-FZ "Ob opeke i popechitel'stve" (postateyny)* [Commentary on the Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ "On Guardianship and Trusteeship" (Article-by-article)] (2nd ed., revised and expanded). Yustitsinform.
2. Brilliantov, A.V., & Kurganov, S.I. (2016). *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* (postateyny) [Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation (Article-by-article)] (A.V. Brilliantov, Ed.; 3rd ed., revised and expanded). Prospekt. <https://prospekt.org/books/29532>
3. Constitution of the Russian Federation (Adopted by national vote on December 12, 1993, as amended on July 1, 2020). (1993, December 25). *Rossiyskaya Gazeta*.
4. Council of Europe, Committee of Ministers. (1998). *Recommendation Rec(98)1371 of the Committee of Ministers to member states concerning measures to prevent and combat child abuse and neglect*. <https://www.coe.int/t/dg3/children/other%20languages/Booklet%20Russe.pdf>
5. Council of Europe, Committee of Ministers. (2005). *Recommendation Rec(2005)5 of the Committee of Ministers to member states on the rights of children living in residential institutions*. [https://www.coe.int/t/dg3/children/childrenincare/Rec\(2005\)5%20Children%20living%20in%20institutions_Russian%20version%20rev.pdf](https://www.coe.int/t/dg3/children/childrenincare/Rec(2005)5%20Children%20living%20in%20institutions_Russian%20version%20rev.pdf)
6. Council of Europe, Committee of Ministers. (2006). *Recommendation Rec(2006)19 of the Committee of Ministers to member states on policy to support positive parenting*. <https://rm.coe.int/16806a4565>
7. Council of Europe, Parliamentary Assembly. (2003). *Recommendation 1601 (2003) on improving the situation of children in institutions in Europe*. [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[April_2003\]/Recommend1601.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[April_2003]/Recommend1601.asp)
8. Council of Europe, Parliamentary Assembly. (2005). *Recommendation 1698 (2005) on the rights of children in institutions: Implementation of Recommendation 1601 (2003) of the Parliamentary Assembly*. <https://rm.coe.int/16806410ed>
9. Federal Constitutional Law of the Russian Federation No. 1-FKZ of March 14, 2020, On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority (Amendments to the Constitution of the Russian Federation). (2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 11, Art. 1416.
10. Federal Law No. 44-FZ of April 16, 2001 (ed. August 4, 2023), On the state database of children left without parental care. (2001). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 17, Art. 1643.
11. Federal Law No. 48-FZ of April 24, 2008 (ed. September 29, 2025), On guardianship and trusteeship. (2008). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 17, Art. 1755.
12. Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998 (ed. December 28, 2024), On basic guarantees of the rights of the child in the Russian Federation. (1998). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 31, Art. 3802.
13. Federal Law No. 159-FZ of December 21, 1996 (ed. July 31, 2025), On additional guarantees of social support for

- orphans and children without parental care. (1996). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 52, Art. 5880.
14. Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999 (ed. October 29, 2024), On state social assistance. (1999). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 29, Art. 3699.
15. Federal Law No. 293-FZ of July 10, 2023 (ed. December 26, 2024), On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and invalidation of certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation. (2023). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 29, Art. 5311.
16. Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013 (ed. December 26, 2024; amendments effective March 1, 2025), On the fundamentals of social services for citizens in the Russian Federation. (2013). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 52 (Part I), Art. 7007.
17. Gorbachev, A.N., & Zholnerova, L.K. (2022). *Deti, ostavshiesya bez popecheniya roditeley, kak deti, nuzhdayushchiesya v pomoshchi gosudarstva* [Children left without parental care as children in need of state assistance]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*, No. 3(27), 65–70.
18. Government Decree of the Russian Federation No. 217 of April 4, 2002 (ed. July 21, 2014), On the state database of children left without parental care and control over its formation and use. (2002). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 15, Art. 1434.
19. Government Decree of the Russian Federation No. 481 of May 24, 2014 (ed. April 19, 2022), On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and the placement of children left without parental care in them (together with the Regulations on the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and the placement of children left without parental care in them). (2014). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 22, Art. 2887.
20. Government Directive of the Russian Federation No. 615-r of March 15, 2025, On approval of the Strategy for the implementation of family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036. (2025) *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 13, Art. 1505.
21. Law of the City of Moscow No. 61 of November 30, 2005 (ed. September 24, 2025), On additional guarantees for social support of orphans and children left without parental care in the City of Moscow. (2005, December 19). *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*, No. 71.
22. Law of the Chelyabinsk Region No. 202-ZO of September 27, 2007, On granting local self-government bodies state powers on the organization and implementation of guardianship and trusteeship activities. (2007, October 19). *Yuzhno-Uralskaya Panorama*.
23. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 10, 2020). (2020). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, No. 10.
24. Shkileva, N.L. (2024). *Konstitutsionno-pravovaya zashchita prav detey, ostavshikhsya bez popecheniya* [Constitutional and legal protection of the rights of children left without parental care] [Abstract of PhD dissertation, Candidate of Legal Sciences, Specialty 5.1.2]. Southwest State University.
25. Shvetsov, E.S. (2025) *Formy vospitaniya detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, po semeynomu zakonodatel'stvu RF* [Forms of upbringing children left without parental care under the family legislation of the Russian Federation]. *Aktual'nye Issledovaniya*, No. 40(275), Part II, 49–52.
26. United Nations. (1959). *Declaration of the Rights of the Child* (UN General Assembly Resolution 1386 (XIV)). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml
27. United Nations. (1986). *Declaration on Social and Legal Principles relating to the Protection and Welfare of Children, with Special Reference to Foster Placement and Adoption Nationally and Internationally* (UN General Assembly Resolution 41/95). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml
28. United Nations. (1989). *Convention on the Rights of the Child* (UN General Assembly Resolution 44/25). (1993). In *Collection of international treaties of the USSR* (Vol. XLVI).
29. United Nations. (1990). *World Declaration on the Survival, Protection and Development of Children* (Adopted at the World Summit for Children). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml
30. United Nations. (2002). *A World Fit for Children: Declaration and Plan of Action* (UN General Assembly Special Session Resolution S-27/2). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/worldchild.shtml
31. United Nations General Assembly. (2009). *Guidelines for the Alternative Care of Children* (Resolution A/RES/64/142). <http://social.council.gov.ru/media/files/41d4a273c3f791f3f54d.pdf>
32. Yastrebova, A.Yu. (2025) *Mezhdunarodno-pravovyye aspekty zashchity prav detey (Obzor)* [International legal aspects of child rights protection (Review)]. *Sotsial'nyye i Gumanitarnyye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i Pravo: Referativnyy Zhurnal*, No. 2, 143–155.

UDC 34

DOI: 10.34670/AR.2026.75.60.030

A Comparative Study of Anticipatory Breach and Unsicherheitseinrede from the Perspective of Chinese Law

Cao Xin

PhD Student in Civil Law,
Beijing Normal University,
100875, 19 Xijiekouwai str., Beijing, China;
e-mail: caoxin@ustc.edu

Abstract

Unlike most common law and civil law countries, the Civil Code of the People's Republic of China (abbreviated as the Chinese Civil Code) has legislated both anticipatory breach and unsicherheitseinrede (which can be expressed as unsafe right of defence in English) simultaneously. This article, against the background of China's legal system, discusses the relationship between the two legal systems of anticipatory breach and unsafe right of defence. First, the article employs comparative legal research methods to elaborate on the historical development and conceptual characteristics of anticipatory breach and unsafe right of defence. After comparative study, it was found that there are three main different understandings regarding the relationship between the legal systems of Anticipatory Breach and unsafe right of defence: The first is that Anticipatory Breach can completely replace the function of unsafe right of defence, as seen in common law countries such as the UK and the US, where only Anticipatory Breach is stipulated in the law; The second is that unsafe right of defence can completely replace the function of Anticipatory Breach, as seen in civil law countries such as Germany and France, where only unsafe right of defence is stipulated in the law; The third is that both anticipation Breach and unsafe right of defence are stipulated in the law simultaneously, as seen in CISG, PICC, DCFR, and China. Secondly, the article further discusses the three aforementioned understandings of the relationship between Anticipatory Breach and unsafe right of defence in a more systematic manner within the perspective of Chinese law, using the research method of normative jurisprudence. After research, it was found that Chinese scholars have different understandings of the relationship between anticipatory breach and unsafe right of defence in theoretical studies. Compared to legislating either anticipatory breach or unsafe right of defence individually, it is more in line with China's actual judicial practice to stipulate both systems simultaneously. Finally, through the method of historical analysis, the article demonstrates the particularly inevitable reasons for China's simultaneous stipulation of anticipatory breach and unsafe right of defence during the evolution of Chinese law. From the perspective of Chinese law, through the analysis of anticipatory breach and unsafe right of defence by Chinese legal scholars, it provides a new line of thinking for legal scholars and practitioners in other countries to gain a deeper understanding of Chinese law.

For citation

Cao Xin (2026) A Comparative Study of Anticipatory Breach and Unsicherheitseinrede from the Perspective of Chinese Law. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 247-259. DOI: 10.34670/AR.2026.75.60.030

Keywords

Anticipatory Breach; Unsafe Right of Defence; Suspension of Performance; Contract Termination; Chinese Civil Code; Comparative Law.

Introduction

In common law jurisdictions, anticipatory breach has been established through specific case law. The landmark 1853 British case *Hochster v De La Tour* demonstrated how anticipatory breach serves to mitigate breach damages. [LawTeacher, 2013] By allowing creditors to assert claims against debtors before performance deadlines, this mechanism not only reduces creditors' losses from contractual breaches but also decreases debtors' liability for damages. Subsequent developments in British jurisprudence primarily categorised anticipatory breach into two types: express breach and implied breach. In American judicial practice, while maintaining these two established categories, a third type emerged: anticipatory breach due to lack of adequate performance assurance within a reasonable period, as defined by the Uniform Commercial Code (UCC) §2-609 (Right to Adequate performance assurance). [§2-609, n.d.]

The concept of "unsafe right of defence" originates from the German legal tradition. Specifically, this legal mechanism is codified in Article 321[§321 BGB, n.d.] of the German Civil Code (*Bürgerliches Gesetzbuch*, BGB). The applicable conditions for this defence mechanism are: 1. The existence of a bilateral contract with sequential performance obligations; 2. The party with subsequent performance obligations faces a significant risk of complete performance failure (e.g. imminent bankruptcy or severe financial deterioration) between contract formation and termination; 3. The party with prior performance obligations may request the refusal of performance from the party with subsequent obligations when no security is provided. Upon invoking the unsafe right of defence, the prior party to performance may require the subsequent party to furnish a guarantee of full performance within a specified period. Failure to provide such a guarantee within the deadline entitles the prior performance party to terminate the contract. Notably, this contractual termination right did not exist prior to Germany's New Debt Law reforms. For cases requiring contract termination due to performance obstacles, Article 323 of the BGB provides an applicable reference.

The 'unsafe right of defence' is primarily established under Article 1613[Article 1613 Code civil, n.d.] of the Code civil, where a seller's failure to deliver constitutes a suspension of debt performance. Article 71(1)(a) of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) corresponds to the 'unsafe right of defense' in the civil law system, while Articles 71(1)(b) and 72 align with the 'Anticipatory Breach' doctrine in the common law system. The provisions of Principles of International Commercial Contracts (PICC) 7.3.3[Article 7.3.3 PICC, n.d.] (Anticipatory Non-Performance) correspond to Anticipatory Breach under common law systems, while 7.3.4[Article 7.3.4 PICC, n.d.] (Adequate Assurance of Due Performance) aligns with the unsafe right of defense in civil law systems and the U.S. Uniform Commercial Code (UCC)'s deficiency of performance Anticipatory Breach. Finally, focusing on the Draft Common Frame of Reference (DCFR), its III.3:504 [III.–3:504 DCFR, n.d.] (anticipated non-performance) corresponds to the two traditional types of Anticipatory Breach in common law, whereas III.3:505[III.–3:505 DCFR, n.d.] (inadequate assurance of performance) corresponds to the unsafe right of defense in civil law systems and the U.S. UCC's deficiency of performance Anticipatory Breach.

From the above analysis, it is not difficult to see that China's remedies for obstacles to the

performance of anticipatory obligations are basically consistent with CISG, PICC, and DCFR, adopting a hybrid model of two systems. Anticipatory Breach and the unsafe right of defense coexist, due to historical reasons and practical considerations. In fact, the formulation of the Chinese Civil Code has also failed to escape the historical limitations of legislation, remaining superficial in the adoption of Western law. Even Article 528 of the Chinese Civil Code attempts to connect the two systems to resolve the contractual deadlock that arises when the defendant fails to provide security on time after exercising the unsafe right of defense. [Li Jianxing, 2021] Some Chinese scholars believe that the legislative purpose of Article 528 of the Chinese Civil Code is to balance the interests of all parties in the contract, avoiding unresolved contractual debts. It seems to effectively embed Anticipatory Breach within the unsafe right of defense, but the relationship between the two systems still leaves room for further discussion.

Overall, the current debates regarding the relationship between the two mainly fall into the following three categories: First, there is an issue of institutional overlap between the unsafe right of defense and anticipatory breach, and the unsafe right of defense should be integrated into anticipatory breach; Second, similarly, there is an overlap between the unsafe right of defense and anticipatory breach, but anticipatory breach should be integrated into the unsafe right of defense; Third, both the unsafe right of defense and anticipatory breach have irreplaceable functions, and the issue of institutional overlap should be resolved through institutional coordination in a coexisting manner. Although the Chinese Civil Code adopts the third perspective, it is still necessary to conduct a comparative legal analysis of the above three perspectives from the perspective of Chinese law. This is because comparative law will provide a more accurate understanding of the concepts, characteristics, and functions of both anticipatory breach and the unsafe right of defense.

Anticipatory Breach Completely Replacing Unsafe Right of Defense

In bilateral contracts with a sequential performance order, if the party obligated to perform later engages in acts of asset transfer or capital withdrawal under Article 527 of the Chinese Civil Code to evade debt obligations after the contract takes effect, the party with the primary performance obligation may lawfully suspend performance upon presenting sufficient evidence. This legitimate defense mechanism corresponds to the "unsafe right of defense" in civil law systems. Typically, the fulfillment of contractual purposes requires all parties to perform their obligations as stipulated. While parties generally assume mutual compliance with contractual terms, actual performance may deviate from such expectations.

For example, Party A and Party B entered into a sales contract, which stipulated that Party A would deliver the goods to Party B first, and Party B would pay the price to Party A after receiving the goods. If Party A delivered the goods and Party B subsequently paid the price to Party A, the contract would be fully performed, and its purpose would be achieved. However, if Party A delivered the goods to Party B but Party B did not pay the price to Party A, it would clearly constitute a breach of contract by Party B. Another possible scenario is that Party A discovered during the preparation of delivering the goods to Party B that Party B had engaged in asset transfer and capital withdrawal, which might render Party B unable to pay the price to Party A. In such a case, according to the provisions of China law, Party A may suspend the performance of the contract. The point worth discussing here is under what circumstances the actions of the party performing the debt later would be deemed as evading debt through asset transfer and capital withdrawal. In other words, what are the standards for the amount of assets transferred and capital withdrawn? Existing legal provisions do not explicitly address this issue.

It can be imagined that the determination of such standards will likely lead to disputes in judicial practice.

Correspondingly, the behavior of a party obligated to perform a debt subsequently in a contract constitutes a subjective tendency to fail to perform the debt as agreed, as well as an objective risk of non-performance. Although the party performing the debt subsequently does not explicitly express its refusal to perform, such behavior still constitutes an implied anticipatory breach. In such cases, it remains unclear whether to apply the unsafe right of defense or anticipatory breach as a remedy. Some scholars in China have proposed that anticipatory breach is more flexible than the unsafe right of defense, as it is not limited to bilateral contracts with a sequential performance order and has a broader scope of application. [Cui Jianyuan, 2023] Therefore, it is suggested that anticipatory breach could replace the unsafe right of defense in Chinese legislation. The rationale for proposing that anticipatory breach can fully replace the unsafe right of defense can be summarized into three key points: First, the coexistence of both systems would lead to institutional confusion, making it essential to adopt only one. Second, while the unsafe right of defense can fulfill the functions of the implied anticipatory breach, its scope of application and applicable parties are limited. Third, the implied anticipatory breach has broader applicability than the unsafe right of defense and provides more comprehensive remedies for contractual parties. Scholars who argue that anticipatory breach can fully replace the unsafe right of defense primarily rely on the aforementioned three points in their arguments.

The rationale for Anticipatory Breach to fully replace the unsafe right of defense requires further analysis. Scholars argue that Anticipatory Breach better protects contractual parties' interests and stabilizes market transactions compared to the unsafe right of defense. [Wang Liming, 2016] The three primary types of Anticipatory Breach established through Anglo-American judicial precedents primarily focus on the specific actions of the party obligated to perform the contract. Firstly, Express Anticipatory Breach refers to a party's explicit declaration of refusal to fulfill contractual obligations. For instance, after a contract is formed and becomes legally binding, its rights and obligations are legally established. This means all parties involved are bound by the contract's terms. Typically, contracts are based on mutual trust between parties, which implies that any party's declaration—especially when unfavorable to the other—would naturally be trusted. In such cases, when a debtor explicitly states their refusal to perform contractual obligations, creditors naturally assume this declaration is valid. In such circumstances, even before the debt becomes due, the creditor's contractual rights are already rendered unenforceable. Thus, for this explicit anticipatory breach, it constitutes a fundamental breach. As for the legal consequences of this explicit anticipatory breach on the contract—whether to adopt a legal approach of first suspending the contract followed by a termination of contract, or to directly terminate the contract—there is essentially no significant difference in substance.

Regarding implied anticipatory breach, it is generally considered a contractual practice where a party expresses refusal to perform contractual obligations through their actions (or inaction). Typically, the debtor indirectly signals to the creditor through their conduct before or during obligation fulfillment. Unlike explicit anticipatory breach, implied anticipatory breach involves a presumption of intent. Therefore, both legal theory and judicial practice explicitly require sufficient evidence to prove the debtor's deliberate or conscious intent to indirectly indicate non-performance. This raises a critical question: Since implied anticipatory breach involves such presumptions, specific judicial standards must be established. For instance, what specific actions by the debtor can be conclusively deemed as indirect refusal to fulfill contractual obligations? What constitutes an objective approach to understanding the debtor's conduct? In practice, whether based on the general public's common sense or the more precise standard of rational economic agents, the criteria for judgment often remain

ambiguous. Article 563 [Article 563 Chinese Civil Code, n.d.] of the Chinese Civil Code defines both explicit and implied anticipatory breach, while Article 578 [Article 578 Chinese Civil Code, n.d.] specifies their legal consequences.

The anticipatory breach doctrine, established in U.S. commercial contracts, addresses situations where a party fails to provide full performance guarantees within a reasonable period. Unlike express or implied anticipatory breach, this legal mechanism does not directly terminate the contract but requires a breach of contract liability process. Specifically, when a debtor cannot ensure full fulfillment of contractual obligations within a reasonable timeframe, the creditor may reasonably doubt the security of their claims due to the lack of performance guarantees. This creates a risk of unfulfilled obligations for the creditor, regardless of the debtor's intent. In commercial transactions, opportunities and risks coexist, yet information asymmetry often leads to legal challenges. This explains why U.S. law innovatively grants both parties the right to expect full performance guarantees from each other. This also means that when one party is unable to fully perform the guarantee, the other party's right to fully perform the guarantee will be impaired. To remedy this right, the termination of the contract is permitted.

Next, it should be particularly noted that the unsafe right of defense has specific applicable scopes, conditions, and legal effects. First, the unsafe right of defense only applies to bilateral contracts with a sequence of performance. Second, according to the provisions [Article 527 Chinese Civil Code, n.d.] of China law, the unsafe right of defense requires the existence of four factual circumstances as stipulated in Article 527 of the Chinese Civil Code. Finally, the unsafe right of defense only occurs when the party [Article 528 Chinese Civil Code, n.d.] with the prior performance obligation has a statutory reason for breach of contract, and does not necessarily result in the termination of the contract. Of course, Article 528 of the Chinese Civil Code stipulates that after the contract liability for breach of contract, if the party with the subsequent performance obligation fails to provide security within the time limit, such omission shall be deemed as non-performance of the obligation, thereby resulting in the termination of the contract. There is no doubt that the types of contracts applicable to anticipatory breach cover the specific types of contracts for which the unsafe right of defense applies.

From the provisions of CISG, PICC, and DCFR, it is clear that the legal effects of anticipatory breach include both contract termination and the liability for breach of contract under the unsafe right of defense. The key question is whether the applicable conditions of anticipatory breach can fully encompass those of the unsafe right of defense. Regarding the express and implied anticipatory breach stipulated in the Chinese Civil Code, neither can fully cover the institutional function of the unsafe right of defense. As for the anticipatory breach created by the UCC, which lacks a guarantee of full performance within a reasonable period, it clearly can encompass the institutional function of the unsafe right of defense. However, the Chinese Civil Code does not explicitly provide legal provisions for this type of anticipatory breach relief. Therefore, for China, anticipatory breach cannot completely replace the unsafe right of defense.

The Complete Substitution of Unsafe Right of Defense for Anticipatory Breach

Article 525 of the Chinese Civil [Article 525 Chinese Civil Code, n.d.] Code stipulates the Defense right of simultaneous performance. For example, C and D entered into a goods sales contract, which stipulates that C shall deliver the goods to D while D shall pay the price to C. Such sales contracts have existed since the Roman law period and still exist in many such contracts today. Under Chinese law, if

C demands that D pay the price to C first, D may refuse. Similarly, if D demands that C deliver the goods to D first, C may also refuse. This is because Chinese law stipulates the Defense right of simultaneous performance. The performance of contractual obligations by C and D is simultaneous, with no sequence of priority. Under this system, the parties to the contract may either perform their respective obligations simultaneously or simultaneously fail to perform their respective obligations. This means that the performance deadlines of C and D are the same and are equally protected by law.

Article 526 of the Chinese Civil [Article 526 Chinese Civil Code, n.d.] Code stipulates the first-performance (or subsequent-performance) defense system. For example, E and F entered into a goods sales contract. The contract stipulated that E would first deliver the goods to F, and E would pay F the purchase price only after receiving and inspecting the goods without any issues. If E failed to deliver the goods to F or if the goods delivered to B had defects, E could refuse to pay F in such a case. The reason lies in the fact that China law provides for the First Performance Defense in contracts. Under this system, only after the party required to perform the contractual obligation first has fully performed the contract in accordance with its terms can the party required to perform the obligation later be demanded to fulfill it. This essentially involves the protection of the time-interest of the party required to perform the contractual obligation later.

Article 527 of the Chinese Civil Code stipulates the system of unsafe right of defense. [Article 527 Chinese Civil Code, n.d.] For example, G and H entered into a goods sales contract. The contract stipulated that G would first deliver the goods to H, and H would pay G the purchase price after inspecting and confirming the goods were in good condition. Normally, according to the contract, G would fulfill its contractual obligations first, and H could fulfill its obligations later. However, if G, while preparing to fulfill or already fulfilling its contractual obligations, discovered that although H could wait until G delivered the goods to pay, H was already unable to pay, this situation could lead to G fulfilling its obligations while H defaulted due to lack of payment capacity. In such cases, China law provides for the system of unsafe right of defense. By establishing this system, it protects the party that first fulfills its contractual obligations while also preventing contract breaches. Under this system, G can refuse to deliver the goods to H on the grounds that H lacks the ability to pay, unless H can provide a guarantee to demonstrate its payment capacity.

Whether a contractual party explicitly states non-performance or demonstrates it through specific actions, anticipatory breach can be addressed within the existing framework of civil law defenses. In contrast, the anticipatory breach doctrine in common law systems is unnecessary, as the "unsafe right of defense" can fully replace its institutional function [Li Yongjun, 2005]. All three defenses temporarily suspend contractual obligations, and the refusal to perform becomes a legal justification through these defenses. Originally, any party's failure to fully fulfill contractual obligations would constitute a breach. However, the exercise of defenses transforms such non-performance into a legally permissible act, temporarily relieving the original performance from liability for breach. The legal consequences of this defense primarily aim to protect the performance interests of contractual parties during contract execution.

Unlike the legal purpose of the "unsafe right of defense" system, anticipatory breach—whether occurring during suspension or termination of a contract—primarily aims to protect the contractual parties' temporal interests during contract performance. If the unsafe right of defense could fully replace anticipatory breach, then logically, it might simultaneously safeguard both performance interests and temporal interests of contract parties. Alternatively, the temporal interests involved in contract performance might not require protection through the unsafe right of defense. But if such protection isn't necessary, what legal mechanism should be established? Given the current lack of clear legal

frameworks specifically protecting temporal interests during contract performance, should we consider designing a new legislative system to achieve this protection?

Under Articles 525 and 526 of the Chinese Civil Code, defenses are limited to the legal effect of Liability for Breach of Contract. Regarding the Defense Right of Simultaneous Performance, if both parties assert this defense against each other's contractual obligations, while the performance interests of both sides may be protected, the contract could become deadlocked. Prolonged non-performance inevitably leads to loss of contractual term benefits, which contradicts the original purpose of contract formation. As for the First Fulfill the Defense Right, if the party with delayed performance exercises this right due to the defaulting party's failure to perform, although the delayed party's performance interests may be secured, the contract could still become deadlocked due to defenses, resulting in inevitable loss of term benefits. Concerning the Unsafe Defense Right, Article 528 of the Chinese Civil Code stipulates that from a legal system perspective, the issue of contract deadlock does not arise. From the above discussion, it is not difficult to see that defenses can effectively protect the performance interests of the parties to a contract, but the time interests of the parties involved in the performance of the contract cannot be protected simultaneously. For example, in the sales contracts between C and D, E and F, and G and H mentioned in the previous article, although Chinese law provides different defense systems for the issues faced by these three types of contracts, when the conditions for a defense are met and the parties raise a defense, the legal effect of suspension or termination of the contractual obligations will occur as stipulated by law. However, it must be clarified that a defense is usually a temporary and provisional choice. The defense itself merely provides a legitimate reason for the party who should perform the contractual obligations to temporarily refrain from doing so under the law.

Some scholars might argue that neither party in a contract has substantially harmed the debtor's performance period interests through defense mechanisms. However, this interpretation is problematic. Contracts are typically established with clear objectives, often arising from urgent needs in private or commercial transactions. If defense causes the rights and obligations structure between parties to remain suspended while existing, the performance period interests inevitably suffer losses for both sides. Therefore, based on the above analysis, it is difficult for the "unsafe right of defense" to fully replace anticipatory breach. This would only be possible if the performance period interests of the contracting parties during contract execution do not require protection through the unsafe right of defense.

In fact, both the unsafe right of defense and the other two defense systems face a common problem: after the defense realizes the legal effect of contract Liability for Breach of Contract, how can the contract avoid forming a deadlock? Judging from the many China legislative provisions mentioned earlier, there are two models to avoid the formation of such a deadlock: "direct termination" and "indirect grafting"[Ye Jinqiang, 2020]. The term "direct termination" refers to the legal effect where, after a creditor party initiates an "unsafe right of defense" to claim liability for breach of contract, the non-performing party fails to provide required performance guarantees [Article 69 Contract Law of China, n.d.], entitling the performing party to terminate the contract. This is specifically stipulated in Article 69 of the original Contract Law of the People's Republic of China. "Indirect grafting" occurs when, following the emergence of liability for breach of contract due to an unsafe right of defense, the non-performing party's failure to provide performance guarantees is deemed an implied anticipatory breach, thereby invoking Article 563 of the Chinese Civil Code, which grants the performing party the right to terminate the contract. However, both models apply exclusively to cases involving unsafe right of defense. When it comes to the two defense mechanisms—simultaneous performance defense and first fulfillment defense—can contractual deadlock truly be resolved within the existing framework of

defenses? This raises serious doubts. If the issue were to be addressed through the principle of good faith, as Germany did before amending its new debt law, it would still give rise to numerous new challenges in judicial practice.

Functional Connection between Unsafe Right of Defense and Anticipatory Breach

From the two perspectives mentioned above—the complete replacement of anticipatory breach by unsafe right of defense and the complete replacement of unsafe right of defense by anticipatory breach—combined with the specific civil legislation of China, neither can fully meet the specific legislative needs of China's judicial practice. Some scholars argue that integrating unsafe right of defense and anticipatory breach into legislative provisions could provide more comprehensive legal remedies for contract termination, [Zhang Pinghua, 2023] contractual defenses, and liability for breach of contract. Anticipatory breach originated in common law countries, while unsafe right of defense originated in civil law countries [Han Xinlei, 2022]. The simultaneous appearance of these two systems in the Chinese Civil Code is related to China's adoption of both functionalism and normativism in its legislative process. Those familiar with the legal development of China will understand that since the early 20th century, China's legal system has undergone multiple transformations, including initial transplants of legal systems from Japan, France, Switzerland, and Germany. At the same time, there was a transplantation of many legal systems from the Soviet legal system later on. Then in the 1980s, the legal systems of the civil law system represented by Germany were transplanted. Meanwhile, the legal systems of the common law system represented by the United States were also transplanted. It is precisely for this historical reason that China's civil legislation, especially the contract law, has blended many similar systems from both the civil law and common law systems.

Before the formulation and implementation of the Chinese Civil Code, China's civil legislation was mainly composed of standalone laws such as the Contract Law of the People's Republic of China, the Property Law of the People's Republic of China, the General Principles of the Civil Law of the People's Republic of China, and the Tort Liability Law of the People's Republic of China. However, compared to a code, these individual laws lacked a systematic structure, and their coordination function was insufficient. Therefore, China also formulated and promulgated the Chinese Civil Code. The original purpose of this code was to resolve conflicts between legal provisions and to maximize the social regulatory role of legal provisions through its systematic approach. It must be noted, however, that compared to the German Civil Code and the French Civil Code, the compilation of China's code was more urgent. During the compilation process, it was simultaneously influenced by the transplantation of legal systems from both the civil law tradition and the common law tradition, resulting in some legal provisions being more formal than substantive. The so-called emphasis on formal content at the expense of substantive content refers to the effective integration of legal provisions from different legal systems that appear on the surface of the code. However, in specific judicial practice, it is found that such integration fails to fulfill the intended legislative function and may even lead to conflicts in the application of legal provisions. Returning to the topic discussed in this article, the issues faced by anticipatory breach and unsafe right of defense in China law are also problems that many provisions of the Chinese Civil Code have already faced or will face.

Article 528 of the Chinese Civil Code clearly reflects the legislative positioning of the relationship between the two systems: unsafe right of defense and anticipatory breach. The two are not substitutable but complementary. Some scholars argue that in the Chinese Civil Code, anticipatory breach is centered

on the debtor's termination of the contract, while unsafe right of defense is [Chen Yunxi, 2023] centered on the creditor's termination of the contract. Of course, it is noteworthy that although Article 528 of the Chinese Civil Code has legislatively created a new type of anticipatory breach distinct from those in common law countries, the existing problems remain evident. The legislative expression of "deemed to indicate by one's own conduct that the principal obligation is not to be performed" may pose difficulties in the specific judicial practice of China. Anticipatory breach is generally considered to involve the intentional act of the contractual debtor, and its legal nature is typically recognized as fundamental breach. However, unsafe right of defense is quite different from this. The doctrine of 'unrestored performance capacity' as a prerequisite for implied anticipatory breach differs fundamentally from conventional interpretations of such breaches. Consequently, this legislative framework fails to achieve equitable balance between contracting parties. Regarding the legal articulation between anticipatory breach and the doctrine of unsafe defense, the current model under China's Civil Code remains imperfect and requires further refinement.

There are clear differences in the scope of application and legal effects between the unsafe right of defense and anticipatory breach, and such differences cannot be completely eliminated. Following this logic, the coexistence of the two systems—unsafe right of defense and anticipatory breach—seems to be a better choice. Some scholars argue that both anticipatory breach and unsafe right of defense target potential future breaches of contract. The choice between applying anticipatory breach or unsafe right of defense should be based on a judgment of the likelihood of future breach. [Li Jianxing, 2017] Different possibilities should be addressed with different systems according to actual circumstances. However, after their coexistence, effectively and reasonably arranging these two systems within a common civil law framework is not an easy task. Therefore, the "indirect grafting" institutional arrangement proposed in China has already emerged as a problem. Some scholars contend that because the certainty of a party's expectation of non-performance varies [Chen Yunxi, 2017], it cannot be simply attributed to either unsafe right of defense or anticipatory breach. The scope of application for "unsafe right of defense" and "Anticipatory Breach" should be further clarified based on their respective legal contexts. When there is clear evidence or sufficient grounds to reasonably infer that a party would refuse performance prior to the contract's expiration, the "Anticipatory Breach" doctrine applies. Conversely, if the refusal is highly probable but not conclusively established, the "unsafe right of defense" doctrine should prevail. Furthermore, it is crucial to harmonize the legal consequences of applying these two doctrines. While uniformity is not required, the legal effects must be consistent under both scenarios: the "unsafe right of defense" should yield identical outcomes when applied, and the "Anticipatory Breach" should produce equivalent results when invoked. In practice, the difficulty in applying these doctrines stems largely from their differing legal effects, which often prevent a single system from achieving complete uniformity across different cases.

In fact, the eclectic legislative model appears to simply transplant the advantages and benefits of different legislative backgrounds and systems. However, it should not be overlooked that compatibility issues arising during the process of legal transplantation will also follow. From the above analysis, the coexistence of these two systems in China's legislation is undoubtedly beneficial in terms of legislative purpose. Yet, in terms of specific legislative design, there are problems. This is because the differences between the two systems are evident, whether for the unsafe right of defense or for anticipatory breach. In the practice of China's legislation, although there is an attempt to organically integrate the two systems through legislative unification, hoping to leverage the functions of both systems while avoiding their shortcomings, reality shows that this is difficult to achieve completely [Bi Kejun, 2017]. Therefore, there are still many issues in the current China's legislation regarding the integration of these

two systems, and these problems have already emerged in China's specific judicial practice. Some scholars believe that urgent legal application issues can be addressed through supporting judicial interpretations. In fact, there are not many problems in judicial practice when applying the unsafe right of defense in civil law countries and anticipatory breach in common law countries. On the contrary, China, which simultaneously stipulates the unsafe right of defense and anticipatory breach in its legislation, has encountered numerous problems in specific judicial practice. For contracts, especially commercial transaction contracts, the purpose of establishing them is consistent. This can be demonstrated by the legislative practices of CISG, PICC, and DCFR, which are cross-border. Therefore, the main issue facing Chinese law now lies in the insufficient recognition of the essential characteristics of these two systems during the legislative process. It is precisely due to the inadequate understanding of the historical development and structural functions of anticipatory breach and unsafe right of defense that these two systems fail to effectively connect when applied concurrently, and even conflict with each other. This should be avoided in future legislation and amendments.

Conclusion

The legal practice in China shows that adopting both the unsafe right of defense and anticipatory breach in legislation is merely an ideal model. If, like the Chinese Civil Code, the functions of these two systems cannot be effectively integrated, it will lead to legal application issues in judicial practice. Essentially, although the unsafe right of defense and anticipatory breach have distinct differences, their legal objectives are similar. Therefore, a single legislative model, such as the unsafe right of defense in some civil law countries or the anticipatory breach in some common law countries, may better align with the needs of social life. However, China, due to its unique legal development and historical evolution, has attempted to integrate the functions of the two different systems—anticipatory breach and unsafe right of defense—through the method of "indirect grafting." Despite the numerous issues still arising in China's current judicial practice, many Chinese scholars have also conducted normative analyses from the perspectives of legal doctrine and legal economics, aiming to resolve the problems encountered in China's judicial practice through the reconstruction of legal theories. This attempt not only has practical significance in China, but also serves as a reference for other countries in future legislative design.

References

1. Bi, K. (2017). *Predvaritel'noye narusheniye dogovora: analiz* [Anticipatory Breach: An Analysis]. *Dongyue Tribune*, 38(10), 192.
2. Chen, Y. (2017). *Sredstva pravovoy zashchity ot predvaritel'nogo narusheniya dogovora i ikh pravovoye obosnovaniye: peresmotr razlichiy mezhdru 'pravom na zashchitu ot nebezopasnykh obstoyatel'stv' i predvaritel'nyim narusheniyem v dogovornom prave* [Remedies for Anticipatory Breach and Its Legal Basis: A Re-examination of the Distinction Between 'unsafe right of defence' and Anticipatory Breach in the Contract Law]. *Journal of Comparative Law*, (6), 31-47.
3. Chen, Y. (2023). *O sredstvakh pravovoy zashchity ot riskov neispolneniya s tochki zreniya obespecheniya effektivnosti: takzhe ob interpretatsii i primeneniі polozeniy Grazhdanskogo kodeksa o predvaritel'nom narushenii i prave na zashchitu ot nebezopasnykh obstoyatel'stv* [On the Remedies for Non-Performance Risks from the Perspective of Efficiency Reduction-Also Discussing the Interpretation and Application of the Civil Code's Anticipatory Breach and Unsafe Right of Defense]. *Journal of Jinan University*, 45(6), 55.
4. Chinese Civil Code. (2020). Articles 525, 526, 527, 528, 563, 578. People's Republic of China. (Original work published 2020)
5. Code civil [Civil Code]. (1804). Article 1613. France. Retrieved February 16, 2026, from https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006436393

6. Contract Law of the People's Republic of China. (1999). Article 69. National People's Congress. (Original work published 1999)
7. Draft Common Frame of Reference (DCFR). (2009). Articles III.–3:504, III.–3:505. Study Group on a European Civil Code. Retrieved February 16, 2026, from https://www.law.kuleuven.be/personal/mstorme/2009_02_DCFR_OutlineEdition.pdf
8. German Civil Code (Bürgerliches Gesetzbuch [BGB]). (2002). Articles 321, 323. Federal Ministry of Justice. Retrieved February 16, 2026, from <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (Original work published 1896)
9. Principles of International Commercial Contracts (PICC). (2016). Articles 7.3.3, 7.3.4. UNIDROIT. Retrieved February 16, 2026, from <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/>
10. Uniform Commercial Code (UCC). (2022). §2-609 Right to Adequate Assurance of Performance. American Law Institute. Retrieved February 16, 2026, from <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-609> (Original work published 1952)
11. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). (1980). Articles 71, 72. UNCITRAL. Retrieved February 16, 2026, from https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg
12. Han, X. (2022). Sistemnaya interpretatsiya polozheniy o vstrechnom ispolnenii v Grazhdanskom kodekse [Systematic Interpretation of the Performance Clauses in the Civil Code]. Journal of Henan University of Economics and Law, 37(5), 13.
13. Li, J. (2017). Polnaya teoriya razgranicheniya prava na zashchitu ot nebezopasnykh obstoystel'stv i predvaritel'nogo narusheniya dogovora [The Complete Distinction Theory between Unsafe Right of Defense and Anticipatory Breach]. Politics Science and Law, (12), 132.
14. Li, J. (2021). Kommentariy k stat'ye 528 Grazhdanskogo kodeksa (posledstviya osushchestvleniya prava na zashchitu) [Commentary on Article 528 of the Civil Code (the effect of the right of defense)]. Civil and Commercial Law Review, 72(1), 183.
15. Li, Y. (2005). Dogovornoye pravo [Contract Law]. Law Press.
16. Wang, L. (2016). Predvaritel'noye narusheniye dogovora i pravo na zashchitu ot nebezopasnykh obstoystel'stv [Anticipatory Breach and Unsafe Right of Defense]. Journal of the East China University of Political Science and Law, 19(6), 6.
17. Ye, J. (2020). Institutsional'noye ustroystvo prava na zashchitu ot nebezopasnykh obstoystel'stv i otvetstvennosti za narusheniye dogovora: interpretatsionnyy kommentariy k popravke stat'i 528 Grazhdanskogo kodeksa [The Institutional Arrangement of Unlawful Defense Right and Liability for Breach of Contract: An Interpretative Commentary on the Amendment of Article 528 of the Civil Code]. Science of Law (Journal of Northwest University of Political Science and Law), 38(5), 138.
18. Zhang, G. (1993). Sravneniye podrazumevayemogo narusheniya i prava na zashchitu ot nebezopasnykh obstoystel'stv [A Comparison of Presupposed Default and Instability Defenses]. Law Science, (4), 22.
19. Zhang, P. (2023). Integratsiya dogovornykh institutov na osnove funktsionalizma [Integration of Contractual Systems Based on Functionalism]. Science of Law (Journal of Northwest University of Political Science and Law), 41(6), 159.
20. Cui, J. (2023). Pravila o predvaritel'nom narushenii dogovora: sravneniye, zaimstvovaniye i integratsiya [Early-stage breach rules: comparison, reference and integration]. Law Science, 44(6), 3.

Сравнительное исследование предварительного нарушения и права на защиту от небезопасных обстоятельств с точки зрения китайского права

Цао Синь

Аспирант,
Пекинский педагогический университет,
100875, Китайская Народная Республика, Пекин, ул. Синьцзекоувай, 19;
e-mail: caoxin@ustc.edu

Аннотация

В отличие от большинства стран с общим и гражданским правом, Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (сокращенно — Гражданский кодекс Китая) одновременно регулирует как предварительное нарушение, так и право на защиту от небезопасных

обстоятельств (которое на английском языке может быть выражено как «право на защиту от небезопасных обстоятельств»). В данной статье, на фоне правовой системы Китая, рассматривается взаимосвязь между двумя правовыми системами — предварительным нарушением и правом на защиту от небезопасных обстоятельств. Во-первых, в статье используются методы сравнительно-правового исследования для подробного изучения исторического развития и концептуальных характеристик предварительного нарушения и права на защиту от небезопасных обстоятельств. В результате сравнительного исследования было установлено, что существуют три основных различных понимания взаимосвязи между правовыми системами, касающимися предварительного нарушения договора и небезопасного права на защиту: первое — предварительное нарушение договора может полностью заменить функцию небезопасного права на защиту, как это наблюдается в странах общего права, таких как Великобритания и США, где законом предусмотрено только нарушение договора; второе — небезопасное право на защиту может полностью заменить функцию предварительного нарушения договора, как это наблюдается в странах гражданского права, таких как Германия и Франция, где законом предусмотрено только небезопасное право на защиту; третье — как предварительное нарушение договора, так и небезопасное право на защиту одновременно предусмотрены законом, как это наблюдается в КМКПТ, PICC, DCFR и в Китае. Во-вторых, в статье более систематически рассматриваются три вышеупомянутых понимания взаимосвязи между предварительным нарушением договора и небезопасным правом на защиту в контексте китайского права с использованием метода нормативной юриспруденции. В результате исследования было установлено, что китайские ученые по-разному понимают взаимосвязь между нарушением договора в ожидании исполнения и правом на небезопасную защиту в теоретических исследованиях. По сравнению с законодательным регулированием либо нарушения договора в ожидании исполнения, либо права на небезопасную защиту по отдельности, одновременное установление обеих систем в большей степени соответствует реальной судебной практике Китая. Наконец, с помощью метода исторического анализа в статье показаны конкретные неизбежные причины одновременного установления в Китае нарушений договора в ожидании исполнения и права на небезопасную защиту в процессе эволюции китайского права. С точки зрения китайского права, анализ нарушений договора в ожидании исполнения и права на небезопасную защиту китайскими правоведомы предлагает новое направление мысли для юристов и практиков в других странах, позволяющее глубже понять китайское право.

Для цитирования в научных исследованиях

Цао Синь. A Comparative Study of Anticipatory Breach and Unsicherheitseinrede from the Perspective of Chinese Law // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 247-259. DOI: 10.34670/AR.2026.75.60.030

Ключевые слова

Нарушение договора в ожидании исполнения, Право на небезопасную защиту, Приостановление исполнения, Расторжение договора, Гражданский кодекс Китая, сравнительное правоведение, обязательственное право.

Библиография

1. Би Кэцзюнь. Предварительное нарушение договора: анализ / Би Кэцзюнь // Дунъюэ луныцун. — 2017. — Т. 38, № 10. — С. 192.

2. Ван Лимин. Предварительное нарушение договора и право на защиту от небезопасных обстоятельств / Ван Лимин // Вестник Восточно-Китайского университета политологии и права. — 2016. — Т. 19, № 6. — С. 6.
3. Е Цзиньцян. Институциональное устройство права на защиту от небезопасных обстоятельств и ответственности за нарушение договора: интерпретационный комментарий к поправке статьи 528 Гражданского кодекса / Е Цзиньцян // Правоведение (Вестник Северо-Западного университета политологии и права). — 2020. — Т. 38, № 5. — С. 138.
4. Ли Цзяньсин. Комментарий к статье 528 Гражданского кодекса (последствия осуществления права на защиту) / Ли Цзяньсин // Обзорение гражданского и коммерческого права. — 2021. — Т. 72, № 1. — С. 183.
5. Ли Цзяньсин. Полная теория разграничения права на защиту от небезопасных обстоятельств и предварительного нарушения договора / Ли Цзяньсин // Политическая наука и право. — 2017. — № 12. — С. 132.
6. Ли Юнцзюнь. Договорное право / Ли Юнцзюнь. — Москва : Издательство «Закон», 2005. — С. 661–676.
7. Статья 69 Закона Китайской Народной Республики о договорах : Закон КНР от 15 марта 1999 г. — Приводится по: [Chen Yunxi, 2017].
8. Статья 1613 Гражданского кодекса Франции (Кодекса Наполеона) : Закон от 21 марта 1804 г. — Текст : электронный. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006436393 (дата обращения: 16.02.2026).
9. Статьи 321, 323 Гражданского уложения Германии : Закон от 18 августа 1896 г. (ред. от 02.01.2002). — Текст : электронный. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 16.02.2026).
10. Статьи 525, 526, 527, 528, 563, 578 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики : Закон КНР от 28 мая 2020 г. (ред. от 01.01.2021). — Текст : электронный. — URL: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/6274243b8c104b4f8aec08fcb48a5b0e.shtml> (дата обращения: 16.02.2026).
11. Статьи 7.3.3, 7.3.4 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА : Принципы УНИДРУА 2016. — Текст : электронный. — URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (дата обращения: 16.02.2026).
12. Статьи III.–3:504, III.–3:505 Проекта общей справочной схемы : DCFR 2009. — Текст : электронный. — URL: https://www.law.kuleuven.be/personal/mstorme/2009_02_DCFR_OutlineEdition.pdf (дата обращения: 16.02.2026).
13. Статьи 71, 72 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров : Заключена в г. Вене 11.04.1980. — Текст : электронный. — URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg (дата обращения: 16.02.2026).
14. Статья 2-609 Единообразного торгового кодекса США (UCC) : UCC 1952 (ред. 2022 г.). — Текст : электронный. URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/2/2-609> (дата обращения: 16.02.2026).
15. Хань Синьлэй. Системная интерпретация положений о встречном исполнении в Гражданском кодексе / Хань Синьлэй // Журнал Хэнаньского университета экономики и права. — 2022. — Т. 37, № 5. — С. 13.
16. Цуй Цзяньюань. Правила о предварительном нарушении договора: сравнение, заимствование и интеграция / Цуй Цзяньюань // Правоведение. — 2023. — Т. 44, № 6. — С. 3.
17. Чжан Гу. Сравнение подразумеваемого нарушения и права на защиту от небезопасных обстоятельств / Чжан Гу // Юридическая наука. — 1993. — № 4. — С. 22.
18. Чжан Пинхуа. Интеграция договорных институтов на основе функционализма / Чжан Пинхуа // Правоведение (Вестник Северо-Западного университета политологии и права). — 2023. — Т. 41, № 6. — С. 159.
19. Чэнь Юньси. О средствах правовой защиты от рисков неисполнения с точки зрения обеспечения эффективности: также об интерпретации и применении положений Гражданского кодекса о предварительном нарушении и праве на защиту от небезопасных обстоятельств / Чэнь Юньси // Вестник университета Цзинань. 2023. — Т. 45, № 6. — С. 55.
20. Чэнь Юньси. Средства правовой защиты от предварительного нарушения договора и их правовое обоснование: пересмотр различий между «правом на защиту от небезопасных обстоятельств» и предварительным нарушением в договорном праве / Чэнь Юньси // Журнал сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 31–47.

УДК 347.9

DOI: 10.34670/AR.2026.87.82.031

**Принцип взаимности в правовой помощи как институт
международного частного права: от политической декларации к
эффективному механизму сотрудничества**

Годованик Евгений Валентинович

Доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Севастопольский филиал Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
299011, Российская Федерация, Севастополь, ул. Ленина, 3;
e-mail: conferencemdgu@mail.ru

Квач Сергей Сергеевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Балтийский государственный технический
университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова,
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1;
e-mail: kvachss@ya.ru

Квач Ирина Валериевна

Старший преподаватель,
Балтийский государственный технический
университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1
e-mail: irina.kvach2015@yandex.ru

Аннотация

Принцип взаимности является одним из фундаментальных начал международного сотрудничества в сфере правовой помощи по уголовным, гражданским и административным делам. Несмотря на его декларативное закрепление в многочисленных международных договорах и национальных законодательствах, практическая реализация этого принципа сталкивается со значительными сложностями, препятствующими его трансформации в подлинно эффективный механизм сотрудничества. Данная статья анализирует сущность принципа взаимности, выявляет ключевые проблемы его применения и предлагает пути преодоления разрыва между политической декларацией и практической эффективностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Годованик Е.В., Квач С.С., Квач И.В. Принцип взаимности в правовой помощи как институт международного частного права: от политической декларации к эффективному механизму сотрудничества // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 260-266. DOI: 10.34670/AR.2026.87.82.031

Ключевые слова

Принцип взаимности, правовая помощь, международное сотрудничество, экстрадиция, взаимное признание судебных решений, международные договоры, эффективность сотрудничества, доверие, суверенитет, правоприменительная практика.

Введение

В условиях глобализации и роста транснациональной преступности, а также увеличения трансграничных гражданско-правовых споров, эффективное международное сотрудничество в сфере оказания правовой помощи становится неотъемлемым элементом функционирования правовых систем. Принцип взаимности, предполагающий, что государство оказывает помощь другому государству в ожидании или при условии получения аналогичной помощи в будущем или в конкретной ситуации, задумывался как краеугольный камень такого сотрудничества. Однако на практике этот принцип часто остается абстрактным лозунгом, не обеспечивающим предсказуемости и оперативности взаимодействия.

Результаты и обсуждения

Принцип взаимности, выступая краеугольным камнем международного сотрудничества в сфере правовой помощи, по своей сути отражает фундаментальную идею эквивалентности и сбалансированности во взаимоотношениях суверенных государств. Он выражается в ожидании и обязательстве того, что предоставление одним государством правовой помощи другому государству влечет за собой встречное предоставление аналогичной помощи в сопоставимой ситуации в будущем. Эта идея взаимной выгоды и добросовестности призвана компенсировать отсутствие наднациональных властных механизмов принуждения в международном праве.

Сущность принципа раскрывается через два взаимосвязанных, но не тождественных аспекта. Формальная взаимность представляет собой юридически значимое основание для сотрудничества. Она требует наличия либо специального международного договора, прямо обязывающего стороны оказывать помощь друг другу, либо официальных гарантий от запрашивающего государства о том, что в аналогичном случае оно предоставит запрашиваемому государству такую же помощь. Отсутствие такого договора или гарантий предоставляет запрашиваемому государству легальное основание для отказа в исполнении запроса. Материальная взаимность, в свою очередь, фокусируется на фактическом содержании сотрудничества. Она предполагает, что запрашиваемое государство, принимая решение об оказании помощи, руководствуется не только формальными гарантиями, но и реальной уверенностью, основанной на прошлом опыте и репутации запрашивающей стороны, что в схожей ситуации последняя действительно выполнит свои встречные обязательства. Здесь ключевое значение приобретает практика взаимодействия и уровень доверия между государствами.

Принцип взаимности нельзя отнести к основным принципам международного права, которые сформулированы в уставе Организации Объединенных Наций 1945 года (статья 2) [Устав ООН, 1945] правильнее его относить к специальным принципам, действующим только в отдельных отраслях международного права [Щелокаев, 2021, с. 43].

Как указывают современные авторы, «одной из основных проблем трансграничной

несостоятельности является отсутствие единого толкования российскими арбитражными судами принципа взаимности» [Кучма, 2022, с. 127]. Рассмотрим правовую легализацию принципа взаимности.

Принцип взаимности в правовой помощи выражается в следующих основных аспектах:

1. Формальная взаимность. Требование наличия международного договора или гарантий со стороны запрашивающего государства о предоставлении аналогичной помощи в будущем. Без такого основания запрашиваемое государство вправе отказать в помощи.

2. Материальная взаимность. Фактическое предоставление помощи запрашиваемым государством в конкретном случае основано на уверенности, что в аналогичной ситуации запрашивающее государство поступит так же. Здесь ключевое значение приобретает практика и репутация государств.

Правовое закрепление принципа взаимности носит комплексный характер, реализуясь как на уровне международных договоров, так и в рамках национального законодательства. На международном уровне принцип взаимности является лейтмотивом подавляющего большинства соглашений, регулирующих вопросы правовой помощи. Он эксплицитно закреплен в ключевых многосторонних конвенциях, таких как Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года [Европейская конвенция, 1959], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция) 2000 года [Конвенция ООН, 2000], а также в бесчисленных двусторонних договорах об экстрадиции и правовой помощи. Типовые договоры, разрабатываемые под эгидой ООН, также неизменно включают взаимность в качестве основополагающего условия сотрудничества.

Национальное законодательство большинства государств мира инкорпорирует принцип взаимности, детализируя порядок его применения. Ярким примером служит законодательство Российской Федерации. Так, статьи 453, 460 и 462 Уголовно-процессуального кодекса РФ [УПК РФ, 2001] предусматривают возможность экстрадиции лица или оказания правовой помощи по уголовным делам иностранному государству при отсутствии международного договора, но на условиях взаимности, при наличии официальных гарантий соответствующего иностранного государства о готовности оказать Российской Федерации аналогичную правовую помощь. Аналогичные нормы содержатся в статье 407 Гражданского процессуального кодекса РФ [ГПК РФ, 2002] и статье 256 Арбитражного процессуального кодекса РФ [АПК РФ, 2002] в отношении правовой помощи по гражданским и коммерческим делам.

Таким образом, принцип взаимности трансформируется из абстрактной идеи взаимности в конкретное правовое основание для сотрудничества, заполняя пробелы в договорной сети и позволяя государствам взаимодействовать даже при отсутствии прямых договорных обязательств, но требуя при этом формальных подтверждений готовности к встречным действиям. Однако само по себе закрепление в договорах и законах еще не гарантирует эффективность его применения на практике, что порождает разрыв между декларацией и реальностью.

Несмотря на повсеместное признание, принцип взаимности сталкивается с серьезными вызовами, препятствующими его эффективному функционированию:

1. Проблема "первой помощи". Государство, запрашивающее помощь впервые или по новому типу дел, не может предоставить доказательства своей "добросовестности". Отсутствие истории сотрудничества парализует процесс.

2. Субъективность оценки. Решение о наличии "взаимности" часто принимается

дипломатическими или политическими органами, а не судебными. Это вносит субъективность и политизацию в сугубо правовые вопросы. Оценка "аналогичности" ситуации также может быть спорной.

3. Задержки и бюрократия. Процедура получения гарантий взаимности через дипломатические каналы крайне медленная и бюрократизированная, что противоречит самой идее оперативной правовой помощи, особенно по уголовным делам.

4. Неопределенность и непредсказуемость. Отсутствие четких, универсальных критериев применения принципа взаимности создает правовую неопределенность. Запрашивающее государство не может быть уверено в получении помощи, даже если формально гарантии предоставлены.

5. Проблема доверия. Принцип взаимности напрямую зависит от уровня доверия между государствами. Различия в правовых системах, стандартах защиты прав человека, политические разногласия подрывают это доверие и служат основанием для отказа, маскируемого под отсутствие взаимности.

6. Конфликт с принципом взаимного признания. В рамках ЕС принцип взаимности постепенно вытесняется более прогрессивным принципом взаимного признания судебных решений, который минимизирует оценку решения иностранного суда запрашиваемым государством. Принцип взаимности же предполагает такую оценку по существу.

Приведенные проблемы обесценивают важную роль принципа взаимности, в силу чего, его применение крайне ограничено. Так, например, в литературе указывается, что «признание и приведение иностранных судебных решений о банкротстве на началах взаимности — явление крайне редкое, если не сказать несуществующее» [Фокин, Молибога, 2021, с. 119].

Как представляется, для преодоления разрыва и превращения принципа взаимности в реально работающий инструмент необходимы следующие меры:

1. Стандартизация процедур. Разработка на международном уровне (через ООН, Совет Европы, ШОС, БРИКС и др.) типовых протоколов и стандартизированных форм запросов о правовой помощи на основе взаимности, включая стандартные формы гарантий.

2. Повышение роли центральных органов. Наделение национальных центральных органов по правовой помощи (часто при Минюстах или Генпрокуратурах) полномочиями оперативно подтверждать наличие взаимности на основе установившейся практики и прецедентов, минуя длительные дипломатические процедуры. Создание прямых каналов связи между ними. Следует согласиться, что для реализации принципа взаимности необходимо достижение единства действий государств в лице национальных органов [Бутырцева, 2022, с. 266].

3. Формирование практики и прецедентов. Активное накопление положительного опыта оказания помощи на основе взаимности. Публикация и обмен информацией об успешных случаях сотрудничества.

4. Постепенный переход к "презумпции взаимности". Развитие доверия должно привести к ситуации, когда отсутствие негативного опыта (отказов в помощи со стороны запрашивающего государства) само по себе считается достаточным основанием для оказания помощи, если нет явных оснований для отказа (политическое преследование, нарушение прав человека).

5. Использование "отраслевой" взаимности: Применение принципа не только в целом к сотрудничеству между государствами, но и к конкретным видам правовой помощи (сбор доказательств, экстрадиция, признание решений) или категориям дел.

6. Цифровизация. Активное внедрение электронных систем подачи и обработки запросов на правовую помощь, включая механизмы предоставления электронных гарантий взаимности, что

значительно ускорит процесс.

7. Диалог и сближение правовых систем: Постоянный диалог между юристами, судьями, правоохранительными органами разных стран для сближения подходов, понимания правовых систем друг друга и укрепления доверия.

Заключение

Принцип взаимности остается важной правовой основой международного сотрудничества в сфере правовой помощи, особенно в условиях отсутствия универсальных договорных обязательств или при взаимодействии с государствами, не связанными тесными узами доверия. Однако его потенциал как эффективного механизма сотрудничества в значительной степени недоиспользован из-за присущих ему проблем субъективности, неопределенности и бюрократизма.

Превращение политической декларации о взаимности в реально работающий инструмент требует целенаправленных усилий со стороны государств и международного сообщества. Ключом к успеху являются стандартизация процедур, деполитизация процесса принятия решений, оперативная работа центральных органов, накопление позитивной практики и активное использование современных технологий. Только через укрепление практического взаимодействия и доверия принцип взаимности сможет эволюционировать от символа доброй воли к надежному и предсказуемому механизму обеспечения правосудия в глобальном мире. Движение от риторики к конкретным, отлаженным процедурам – это путь к подлинно эффективному международному сотрудничеству в правовой сфере.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 30. – Ст. 3012.
2. Бутырцева И.В. Развитие института международного сотрудничества в правовой регламентации международной правовой помощи по уголовным делам / И.В. Бутырцева // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 6А. – С. 260-268. – DOI 10.34670/AR.2022.77.35.034.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 46. – Ст. 4532.
4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) (с изм. от 08.11.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – N 23. – Ст. 2349.
5. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – N 40. – Ст. 3882.
6. Кучма И.С. Особенности правового регулирования трансграничной несостоятельности юридических лиц / И.С. Кучма // Эпомен. – 2022. – № 71. – С. 124-129.
7. Раздел I. Понятие международного права, его сущность и роль в международных отношениях, политике и дипломатии. 1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1956. – Вып. XII. – С. 14-47.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52 (ч. I). – Ст. 4921.
9. Фокин Е.А. Перспективы иностранных судебных решений в российской юрисдикции: процессуальные проблемы признания и приведения в исполнение / Е.А. Фокин, П.О. Молибога // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 113-127. – DOI 10.12737/jrl.2021.023.
10. Щелокаев С.Ю. Значение принципа взаимности для исполнения решения суда на территории другого государства / С.Ю. Щелокаев // Право и общество. – 2021. – № 2(3). – С. 42-44.

The Principle of Reciprocity in Legal Assistance as an Institution of Private International Law: From Political Declaration to an Effective Mechanism of Cooperation

Evgenii V. Godovanik

Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher,
Sevastopol Branch of the Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
299011, 3, Lenina str., Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: conferencemdgu@mail.ru

Sergei S. Kvach

PhD in Law, Associate Professor,
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,
190005, 1, 1st Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kvachss@ya.ru

Irina V. Kvach

Senior Lecturer,
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,
190005, 1, 1st Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: irina.kvach2015@yandex.ru

Abstract

The principle of reciprocity is one of the fundamental foundations of international cooperation in the field of legal assistance in criminal, civil, and administrative matters. Despite its declarative enshrinement in numerous international treaties and national legislations, the practical implementation of this principle faces significant difficulties that hinder its transformation into a genuinely effective mechanism of cooperation. This article analyzes the essence of the principle of reciprocity, identifies key problems in its application, and proposes ways to bridge the gap between political declaration and practical effectiveness.

For citation

Godovanik E.V., Kvach S.S., Kvach I.V. (2026) Printsip vzaimnosti v pravovoy pomoshchi kak institut mezhdunarodnogo chastnogo prava: ot politicheskoy deklaratsii k effektivnomu mekhanizmu sotrudnichestva [The Principle of Reciprocity in Legal Assistance as an Institution of Private International Law: From Political Declaration to an Effective Mechanism of Cooperation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 260-266. DOI: 10.34670/AR.2026.87.82.031

Keywords

Principle of reciprocity, legal assistance, international cooperation, extradition, mutual recognition of judicial decisions, international treaties, effectiveness of cooperation, trust, sovereignty, law enforcement practice.

References

1. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002]. (2002). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 30, art. 3012.
2. Butyrteva, I.V. (2022). Razvitiye instituta mezhdunarodnogo sotrudnichestva v pravovoy reglamentatsii mezhdunarodnoy pravovoy pomoshchi po ugolovnym delam [Development of the Institute of International Cooperation in the legal regulation of international legal assistance in criminal matters]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 12(6A), 260-268. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.77.35.034>
3. European Convention on Mutual Legal Assistance in Criminal Matters. (1959). *Council of Europe*.
4. Fokin, E.A., & Molibog, P.O. (2021). Perspektivy inostrannykh sudebnykh resheniy v rossiyskoy yurisdiktsii: protsessual'nyye problemy priznaniya i privedeniya v ispolneniye [Prospects of foreign judicial decisions in Russian jurisdiction: procedural problems of recognition and enforcement]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 25(2), 113-127. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.023>
5. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002]. (2002). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 46, art. 4532.
6. Kuchma, I.S. (2022). Osobennosti pravovogo regulirovaniya transgranichnoy nesostoyatel'nosti yuridicheskikh lits [Features of legal regulation of cross-border insolvency of legal entities]. *Epomen*, 71, 124-129.
7. Shchelokaev, S.Yu. (2021). Znachenkiye printsipa vzaimnosti dlya ispolneniya resheniya suda na territorii drugogo gosudarstva [The significance of the principle of reciprocity for the execution of a court decision on the territory of another state]. *Pravo i obshchestvo*, 2(3), 42-44.
8. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 N 174-FZ [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. (2001). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 52(Part I), art. 4921.
9. United Nations. (1945). *Charter of the United Nations*.
10. United Nations. (2000). *United Nations Convention against Transnational Organized Crime*.

УДК 347.6

DOI: 10.34670/AR.2026.64.14.032

Место наследования по праву представления в системе способов призвания к наследованию: теоретический аспект

Васильева Анастасия Валерьевна

Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Светланская, 50;
e-mail: a.vasilievavasilieva@yandex.ru

Ланкова Виталина Алексеевна

Студент,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Светланская, 50;
e-mail: vitawadcfv@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются фундаментальные положения и актуальные проблемы института наследования по закону и по праву представления в современном российском праве. Исследование базируется на анализе конституционных гарантий права наследования и норм Гражданского кодекса Российской Федерации. Авторы детально исследуют такие ключевые аспекты, как определение круга наследников и установление очередности их призвания как первоочередной задачи наследственных правоотношений, а также основания и условия применения наследования по закону как основного порядка. Особое внимание уделяется правовой природе, механизму и субъектному составу наследования по праву представления, обеспечивающему реализацию наследственных прав при нарушении обычной последовательности поколений. Подчеркивается, что действие данного института ограничивается тремя первыми очередями наследников по закону. Теоретические выводы иллюстрируются анализом спорных ситуаций из судебной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Васильева А.В., Ланкова В.А. Место наследования по праву представления в системе способов призвания к наследованию: теоретический аспект // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 267-274. DOI: 10.34670/AR.2026.64.14.032

Ключевые слова

Наследование, институт, наследование по праву представления, наследник, наследодатель, наследство, наследственное право, очереди наследования.

Введение

Наследственные правоотношения, выступающие одним из механизмов реализации конституционно закрепленного права граждан иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, остаются актуальными и по сей день. В частности, Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) гарантируется право наследования [Конституция Российской Федерации, 1993/2022].

Согласно официальным данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 1-ое полугодие 2025 года федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями рассмотрено 70 258 споров, связанных с наследованием имущества, что еще раз указывает на актуальность рассматриваемой темы и необходимость детального изучения теоретических аспектов для дальнейшего их применения и реализации на практике [Сводные статистические сведения..., 2025].

Основная часть

Институт наследования, закрепленный в разделе V Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), занимает одно из центральных мест в системе российского гражданского права [Гражданский кодекс Российской Федерации, 2001]. Согласно доктринального понимания, сущность наследственных правоотношений заключается в установленном законом порядке перехода всего комплекса имущественных активов и связанных с ними обязанностей (прав и обязанностей) от умершего лица, то есть, наследодателя, к иным лицам, соответственно, наследникам [Гонгало, Зайцева, Манылов и др., 2013].

Так, определение круга наследников и установление очередности их призвания представляют собой первоочередную задачу в рамках наследственных правоотношений, регламентированных законодательством Российской Федерации. Это обусловлено тем, что именно данные действия позволяют установить субъектов этих правоотношений, без чего дальнейшее развитие «наследственного процесса» становится невозможным.

Наследование по закону применяется в качестве основного порядка в следующих ключевых случаях:

1. Отсутствие или недействительность завещания.

Указанный случай имеет место, если завещание не составлялось, было отменено наследодателем или признано судом недействительным.

2. Частичное распоряжение имуществом.

В данном случае, подразумевается, что завещание охватывает только часть наследственного имущества, в отношении остального применяются нормы о наследовании по закону.

3. Реализация права на обязательную долю.

Подразумевает наличие лиц, которым независимо от содержания завещания гарантирована часть наследства.

4. Отказ или отстранение наследника по завещанию.

Применяется в случае, когда наследник по завещанию отказался от наследства либо был признан недостойным, и подназначенный наследник в завещании не указан.

Таким образом, наследование по закону выступает универсальным механизмом, обеспечивающим переход имущества в ситуациях, когда воля наследодателя выражена неполно

или не может быть исполнена.

При наследовании по закону законодатель, определяя круг правопреемников, фактически формирует презюмируемую волю наследодателя [Аболмасов, 2023, с. 20]. В основу этой правовой конструкции положен принцип наиболее вероятной посмертной передачи имущества ближайшим родственникам, которые стали бы наследниками при наличии завещания. При этом правоспособность указанных лиц носит универсальный характер и не ставится в зависимость от их дееспособности.

Отметим также специфику субъектного состава наследования по закону: в отличие от завещательного правопреемства, к наследованию в этом порядке могут призываться исключительно физические лица. Юридические лица, публичные и международные организации прямо исключены из числа возможных наследников по закону, за исключением особого случая перехода выморочного имущества к государству.

Действующее законодательство предусматривает развернутую систему из восьми очередей наследников, что отражает тенденцию к максимально широкому охвату потенциальных правопреемников. В научном правовом поле активно поддерживается позиция о том, что данный подход позволяет имуществу наследодателя остаться в рамках «семейного поля», а не переходить в качестве выморочного государству.

Некоторые авторы считают, что круг наследников по закону необходимо ограничить третьей степенью родства, так как дальнейшее расширение этого круга носит искусственный характер, не учитывает реальную специфику семейных связей и может приводить к призыванию к наследованию лиц, фактически не связанных с наследодателем [Байзигитова, 2004, с. 19]. Другие авторы предлагают ограничить круг наследников по закону четвертой очередью. Это обосновывается тем, что в современных условиях, а именно при высокой социальной мобильности, ослаблении хозяйственных связей и возможной территориальной удаленности потенциальных правопреемников – обеспечение и защита наследственных прав лиц, относящихся к более отделенным степеням родства, становится организационно сложной и зачастую неэффективной задачей [Михайлова, 2003, с. 24].

На наш взгляд, установленная законодателем расширенная система очередей наследования является наиболее актуальной, так как реализует ключевые принципы социального государства – обеспечение стабильности имущественных прав и защиту законных интересов максимально широкого круга лиц, связанных с наследодателем родственными связями.

В системе наследственного права особое значение имеет институт наследования по праву представления, обеспечивающий реализацию наследственных прав в особых, отклоняющихся от естественного порядка случаях [Ростовцева, 2016, с. 31]. Сущность данного механизма заключается в том, что нисходящие родственники получают право наследовать ту долю в наследственной массе, которая причиталась бы их умершему раньше наследодателя восходящему родственнику. Данный правовой инструмент вводится для коррекции ситуации, при которой нарушается обычная последовательность поколений – например, когда сын умирает раньше своего отца и тогда на место сына вступает его потомство – дети, т.е. внуки наследодателя.

Правовой статус наследников по праву представления характеризуется их полной процессуальной самостоятельностью в рамках наследственных правоотношений. Они признаются прямыми законными правопреемниками наследодателя, обладающими тем же комплексом прав и обязанностей, что и обычные наследники соответствующей очереди по

закону. Это означает, что на них в полной мере распространяется обязанность по исполнению завещательных отказов или возложений, если таковые были установлены волеизъявлением наследодателя [Плеханова, 2024, с. 229]. Основанием для призвания данной категории наследников является смерть их прямого восходящего родственника (наследника по закону) до момента открытия наследства или одновременно с наследодателем. При этом, п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» установлено, что одновременной считается смерть граждан в один и тот же день, соответствующий одной и той же календарной дате [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9, 2012]. В этом случае потомки умершего наследника призываются к наследованию именно той доли, которая полагалась бы их предку. Отметим, что действие данного механизма ограничивается первыми тремя очередями наследования по закону.

Так, наследниками по праву представления в первой очереди могут быть только внуки и их потомки. Обратимся к судебной практике, связанной с наследованием по праву представления наследниками первой очереди.

В браке Евгения и Альбины родился несовершеннолетний сын Николай, а в феврале 2013 года Евгений был признан судом безвестно отсутствующим. Его отец, Артур, умер 5 февраля 2017 года, и его наследниками первой очереди стали сыновья – Роман и Евгений. Роман, считаясь единственным принявшим наследство преемником, оформил имущество и реализовал его. Однако, в 2018 году внесена запись о смерти Евгения, с указанием даты фактической гибели – май 2011 года, которая позже была аннулирована как ошибочная. Альбина, действуя в интересах сына Николая, обратилась в суд с иском о признании Евгения умершим и о взыскании с Романа денежной компенсации в размере $\frac{1}{2}$ доли наследственного имущества Артура в порядке права представления. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций удовлетворили иск. Но, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) отменил решения нижестоящих судебных инстанций [Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 49-КГ22-2-К6, 2022]. Как отметил ВС РФ, юридический факт смерти Евгения (признание его умершим) был установлен судом после открытия наследства после Артура (2017 год). Таким образом, право представления возникает исключительно при условии, что смерть наследника по закону юридически подтверждена на момент открытия наследства. Так как по состоянию на 5 февраля 2017 года Евгений имел статус безвестно отсутствующего, а не умершего, его сын не мог быть призван к наследованию по праву представления. Наследственная доля перешла к единственному на тот момент известному и принявшему наследство наследнику – Роману.

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что для реализации права представления необходимо, чтобы на дату открытия наследства правовой статус наследника по закону был определен однозначно – как умершего, иначе его доля не перейдет потомкам, а будет распределена между иными призванными наследниками.

Ко второй очереди наследников по праву представления относятся исключительно племянники и племянницы наследодателя, то есть, дети его полнородных и неполнородных братьев и сестер.

В третьей очереди круг лиц, призываемых к наследованию по праву представления, также является исчерпывающим. К нему относятся двоюродные братья и сестры наследодателя, являющиеся детьми его дядьев и тетей. Таким образом, субъектами права представления в этой

очереди выступают потомки родственников третьей степени родства по боковой линии.

Как отмечено нами ранее, важной особенностью выступает то, что действие института права представления ограничивается первыми тремя очередями наследования. В последующих очередях – с четвертой по восьмую – потомки соответствующих наследников по закону к наследованию по данному основанию не призываются. Это означает, что для наследников, начиная с четвертой очереди, законодатель не предусматривает механизма замещения их места в случае смерти до открытия наследства их собственными нисходящими родственниками.

Однако, в судебной практике имеет место случай, когда наследственное имущество перешло к лицам, формально находящимся за пределами круга наследников, определенного в рамках наследования по праву представления.

Так, в Ленинский районный суд города Иркутск в 2022 году обратились Ольга и Федор с иском об установлении факта родственных отношений и признании права собственности на имущество умершей Алефтины, выступая против администрации города. Истцы указывали, что являются троюродными братом и сестрой наследодательницы (детьми ее двоюродного дяди), других родственников у нее не имелось, они поддерживали с ней постоянные личные связи [Решение Ленинского районного суда г. Иркутска № 33-7347/2022, 2022]. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции удовлетворили иск, признав за Ольгой и Федором право собственности на имущество в равных долях. В мотивировочной части решения суд указал, что истцы являются наследниками по праву представления как дети наследника шестой очереди. Правовой вывод, в части того, что в данном случае работает механизм наследования по праву представления, не является бесспорным, ввиду того, что наследование по праву представления ограничено законодателем первыми тремя очередями наследников.

Заключение

На основе проведенного анализа становится ясно, что институт наследования обеспечивает непрерывность имущественных отношений и реализацию конституционных гарантий собственности.

Особенностью рассматриваемого института выступает определение субъектного состава наследственных правоотношений, в рамках которого институт права представления выполняет компенсаторную функцию, юридически корректируя нарушенный естественный порядок преемственности поколений. Однако действие этого института имеет свои границы – оно распространяется только на первых три очереди наследников по закону.

Несмотря на это, существуют судебные решения, которые отходят от общего понимания наследования по праву представления, выходя за рамки третьей очереди наследников. Таким образом, наследование по праву представления выступает своеобразным правовым механизмом, обеспечивающим защиту имущественных прав граждан, стабильность гражданского оборота.

Библиография

11. Аболмасов, О. В. (2023). Наследование по закону и по праву представления: проблемы и перспективы. В Человек: преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов (с. 20-25). Рязань: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

12. Байзитова, А. М. (2004). Очередность наследования по закону в Российской Федерации и зарубежных странах (Автореферат кандидатской диссертации). Саратов.
13. Гонгало, Б. М., Зайцева, Т. И., Манылов, И. Е., и др. (2013). В П. В. Крашенинников (Ред.), Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право. Москва: Статут.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ. (2001). СПС «КонсультантПлюс».
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ от 05.10.2022). (1993/2022). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
16. Михайлова, А. С. (2003). Возникновение и развитие института наследования в гражданском праве России (Автореферат кандидатской диссертации). Краснодар.
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2022 года № 49-КГ22-2-К6 «О взыскании денежной компенсации, о признании гражданина умершим». (2022). СПС «КонсультантПлюс».
18. Плеханова, О. И. (2024). Наследование по праву представления: анализ судебной практики. Евразийский юридический журнал, (8(195)), 229-230.
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». (2012). СПС «КонсультантПлюс».
20. Решение Ленинского районного суда г. Иркутска по делу № 33-7347/2022. (2022). URL: www.sudact.ru.
21. Ростовцева, Н. В. (2016). О наследовании по праву представления. Право. Журнал Высшей школы экономики, (3), 30-49.
22. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года. (2025) Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291>.

The Place of Inheritance by Right of Representation in the System of Methods of Calling to Inheritance: Theoretical Aspect

Anastasiya V. Vasil'eva

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines,
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 50, Svetlanskaya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: a.vasilievavasilieva@yandex.ru

Vitalina A. Lankova

Student,
Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 50, Svetlanskaya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: vitawadcfv@gmail.com

Abstract

The article examines the fundamental provisions and current problems of the institution of inheritance by law and by right of representation in modern Russian law. The research is based on the analysis of constitutional guarantees of the right of inheritance and the norms of the Civil Code of the Russian Federation. The authors investigate in detail such key aspects as determining the circle of heirs and establishing the order of their calling as a primary task of hereditary legal

Vasil'eva A.V., Lankova V.A.

relations, as well as the grounds and conditions for applying inheritance by law as the basic procedure. Special attention is paid to the legal nature, mechanism, and subject composition of inheritance by right of representation, which ensures the realization of hereditary rights in case of disruption of the normal generational sequence. It is emphasized that the operation of this institution is limited to the first three orders of heirs by law. Theoretical conclusions are illustrated by the analysis of controversial situations from judicial practice.

For citation

Vasil'eva A.V., Lankova V.A. (2026) Mesto nasledovaniya po pravu predstavleniya v sisteme sposobov prizvaniya k nasledovaniyu: teoreticheskiy aspekt [The Place of Inheritance by Right of Representation in the System of Methods of Calling to Inheritance: Theoretical Aspect]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 267-274. DOI: 10.34670/AR.2026.64.14.032

Keywords

Inheritance, institution, inheritance by right of representation, heir, testator, estate, inheritance law, orders of inheritance.

References

1. Abolmasov, O. V. (2023). Nasledovaniye po zakonu i po pravu predstavleniya: problemy i perspektivy [Inheritance by law and by right of representation: problems and prospects]. In *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii adyunktov, aspirantov, soiskateley, kursantov i studentov* (pp. 20-25). Ryazan: Federalnoye kazennoye obrazovatelnoye uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya Akademiya prava i upravleniya Federalnoy sluzhby ispolneniya nakazaniy.
2. Bayzigitova, A. M. (2004). Ocherednost nasledovaniya po zakonu v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh [The order of inheritance by law in the Russian Federation and foreign countries] (PhD Thesis Abstract). Saratov.
3. Gongalo, B. M., Zaitseva, T. I., Manylov, I. E., et al. (2013). In P. V. Krashenninnikov (Ed.), *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateynny kommentariy k razdelu V: Nasledstvennoye pravo* [The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary to section V: Inheritance law]. Moscow: Statut.
4. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* ot 26.11.2001 № 146-FZ [Civil Code of the Russian Federation No. 146-FZ of November 26, 2001]. (2001). SPS "KonsultantPlyus".
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnymgolosovaniyem 12.12.1993 s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ ot 05.10.2022) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, No. 11-FKZ of July 1, 2020, No. 1-FKZ of March 14, 2020, of October 5, 2022)]. (1993/2022). Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. Retrieved from <http://pravo.gov.ru/constitution/>
6. Mikhaylova, A. S. (2003). Vozniknoveniye i razvitiye instituta nasledovaniya v grazhdanskom prave Rossii [The emergence and development of the institute of inheritance in the civil law of Russia] (PhD Thesis Abstract). Krasnodar.
7. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22.03.2022 goda № 49-KG22-2-K6 "O vyzyskanii denezhnoy kompensatsii, o priznanii grazhdanina umershim" [Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49-KG22-2-K6 of March 22, 2022 "On the recovery of monetary compensation, on the recognition of a citizen as deceased"]. (2022). SPS "KonsultantPlyus".
8. Plekhanova, O. I. (2024). Nasledovaniye po pravu predstavleniya: analiz sudebnoy praktiki [Inheritance by right of representation: an analysis of judicial practice]. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (8(195)), 229-230.
9. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29.05.2012 № 9 "O sudebnoy praktike po delam o nasledovanii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 of May 29, 2012 "On judicial practice in inheritance cases"]. (2012). SPS "KonsultantPlyus".
10. Resheniye Leninskogo rayonnogo suda g. Irkutsk po delu № 33-7347/2022 [The decision of the Leninsky District Court of Irkutsk in case No. 33-7347/2022]. (2022). Retrieved from www.sudact.ru
11. Rostovtseva, N. V. (2016). O nasledovanii po pravu predstavleniya [On inheritance by right of representation]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, (3), 30-49.

12. Svodnyye statisticheskiye svedeniya o deyatelnosti federalnykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 1 polugodiye 2025 goda [Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2025]. (2025) Sayt Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii. Retrieved from <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291>

УДК 347.64

DOI: 10.34670/AR.2026.53.26.033

Специфика обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае: проблемы и пути их решения

Водопьянов Никита Александрович

Студент,

Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: nikita.vodopyanov1@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей и проблем обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в контексте российского законодательства и региональной практики. Основное внимание уделено механизму формирования специализированного жилищного фонда, особенностям распределения жилья и дополнительным мерам социальной поддержки. Анализируются нормативные акты федерального и регионального уровня, регулирующие данную сферу, а также статистические данные, отражающие реальную динамику обеспечения детей-сирот жильем. Автор приводит обобщенную оценку сложившейся ситуации, выявляя системные недостатки в функционировании действующей системы и предлагая пути ее усовершенствования. Особое внимание уделено опыту Хабаровского края, где отмечены признаки неэффективности существующей практики. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в законодательство, позволяющих использовать федеральные средства на софинансирование дополнительных гарантий по обеспечению детей-сирот жильем, что создаст предпосылки для более быстрого решения проблемы. Предложенные изменения могут вызвать положительную динамику показателя обеспеченности сирот жильем и повысить эффективность региональной политики в данной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Водопьянов Н.А. Специфика обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае: проблемы и пути их решения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 275-283. DOI: 10.34670/AR.2026.53.26.033

Ключевые слова

Дети-сироты, жилищные права, специализированный жилищный фонд, дополнительные гарантии, Хабаровский край, региональная политика, обеспечение жильем, социальная поддержка.

Введение

Жилищные права детей-сирот закреплены на федеральном уровне Федеральным законом от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей". Этот нормативный акт устанавливает право указанных категорий граждан на получение жилья при достижении совершеннолетия либо окончания профессиональных образовательных организаций. Законодательство гарантирует предоставление благоустроенного жилого помещения по договору специализированного найма.

Основная часть

Основным механизмом реализации жилищных гарантий выступает формирование специализированного жилищного фонда субъектами РФ. Помещения в данном фонде должны соответствовать санитарным и техническим требованиям, а их распределение осуществляется на основании списка лиц, относящихся к категориям детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, имеющих право на получение жилья, формируемых самими субъектами РФ в соответствии с Правилами, установленными Постановлением Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 397.

Законодательством предусмотрена возможность однократного предоставления жилого помещения по договорам найма сроком на пять лет. Порядок предоставления жилья включает несколько этапов: включение в список нуждающихся на территории субъекта РФ, ведение регионального списка нуждающихся и непосредственное выделение помещений.

В 2023 году указанный механизм был дополнен возможностью получения лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выплаты на приобретение благоустроенного жилого помещения в собственность или для полного погашения кредита (займа) по договору, обязательства заемщика по которому обеспечены ипотекой.

Кроме того, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные виды социальной поддержки. В частности, в Хабаровском крае предусмотрена возможность предоставления социальной выплаты на приобретение жилого помещения в собственность включенным в формируемый уполномоченным органом субъекта РФ список нуждающихся в обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, которые проходят военную службу в Вооруженных силах Российской Федерации по контракту, или, супруг (супруга) которых проходят соответствующую службу [Закон Хабаровского края № 119, 2007].

Законодательством исследуемого субъекта также предусмотрено заключение мировых соглашений по решениям судов, которые возлагают на уполномоченный орган обязанность по обеспечению детей-сирот жилыми помещениями, в соответствии с которым вместо жилого помещения специализированного жилищного фонда предоставляется выплата на приобретение жилья в собственность [Приказ Министерства ЖКХ Хабаровского края № 29, 2024].

Таким образом, регламентированный как федеральным законодательством, так и законодательством Хабаровского края механизм обеспечения детей-сирот демонстрирует высокую степень гибкости, предоставляя сиротам возможность как непосредственного получения жилья, так и финансовой поддержки для приобретения недвижимости в собственность.

Несмотря на сформированную нормативно-правовую базу, проблема фактической

реализации жилищных прав детей-сирот сохраняет устойчивый системный характер.

Так, согласно исследованию Васильевой Е.Ю., Фроловой О.В. Рогач Е.Ю., около 288 тысяч детей-сирот ожидают своей очереди на получение жилья, причем на полное удовлетворение этой потребности потребуется около девяти лет при текущих объемах финансирования. Они отмечают, что этот разрыв свидетельствует о низкой эффективности действующих мер социальной поддержки и необходимости поиска новых решений [Фролова, Рогач, Васильева, 2022].

Исследователи подчеркивают, что длительное ожидание жилья негативно отражается на доступе детей-сирот к медицинской помощи, образованию и рынку труда, усиливая риски социальной изоляции и девиантного поведения. Герцик В.В. утверждает, что выпускники интернатов сталкиваются с большими трудностями в адаптации к самостоятельной жизни, испытывая дефицит навыков и знаний, необходимых для успешного существования в обществе [Герцик, 2019].

Согласно официальным аналитическим материалам Счетной палаты Российской Федерации, численность детей-сирот и лиц из их числа, имеющих право на обеспечение жилыми помещениями, продолжает оставаться высокой. Вместе с тем в 2023 году впервые за несколько лет была зафиксирована положительная динамика: количество детей-сирот, своевременно не обеспеченных жильем, сократилось на 3,3 тыс. человек (1,7 %) и на 1 января 2024 года составило 187,5 тыс. человек [Счетная палата РФ, Анализ обеспечения детей-сирот жильем, 2026].

При этом Счетная палата подчеркивает, что сокращение очереди носит ограниченный характер и не свидетельствует о системном решении проблемы, поскольку абсолютные показатели нуждаемости по-прежнему остаются значительными [Счетная палата РФ, Счетная палата зафиксировала позитивные изменения..., 2026].

В 2023 году жилыми помещениями были обеспечены 37,5 тыс. детей-сирот, а в 2024 году — около 38 тыс. человек. В совокупности за период с 1 января 2023 года по 1 июля 2025 года численность детей-сирот, своевременно не обеспеченных жильем, сократилась на 5,6 % — с 190,8 тыс. до порядка 180,1 тыс. человек.

Материалы контрольных мероприятий Счетной палаты РФ свидетельствуют о существенных различиях в эффективности реализации региональных программ. Так, в отдельных субъектах Российской Федерации (Алтайский край, Оренбургская область) в 2023–2024 гг. зафиксировано сокращение задолженности по обеспечению жильем детей-сирот примерно на 5 %.

В то же время в ряде регионов наблюдается противоположная динамика: в Республике Саха (Якутия) задолженность увеличилась на 13 %, в Челябинской области — на 8 %, в Тверской области — на 7 % [Счетная палата РФ, Численность детей-сирот..., 2026].

Что касается Хабаровского края, то по результатам анализа информации органов власти можно сделать вывод о том, что проблема обеспечения детей-сирот жилыми помещениями сохраняет системный характер.

Согласно данным Законодательной Думы Хабаровского края, отраженной в отчете о ходе исполнения Закона Хабаровского края "Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае", по состоянию на 11 апреля 2024 года численность лиц, включенных в список детей-сирот, подлежащих обеспечением жилыми помещениями, формируемый субъектом, составляла 5 886 человек [Законодательная Дума Хабаровского края, Информация о ходе исполнения Закона..., 2026].

Актуализированные данные профильного комитета Законодательной Думы края от 2025 года показывают, что ситуация осталась практически неизменной - на 28 апреля 2025 года численность детей-сирот в списке равнялась 5 880 человек. Причем у 4 568 человек из указанного числа возникло право на обеспечение жильем в связи с достижением 18-летнего возраста [Законодательная Дума Хабаровского края, Депутаты Законодательной Думы..., 2026].

Анализ статистических данных показывает неравномерную динамику обеспечения детей-сирот жилыми помещениями.

Так, по состоянию на 1 января 2024 года министерством жилищно-коммунального хозяйства края с 2006 года обеспечено жилыми помещениями 3 377 детей-сирот, что распределяется следующим образом:

- по договорам социального найма – 817 человек;
- по договорам найма специализированного жилого фонда – 1 856 человек;
- путем предоставления социальных выплат – 704 человека, включая случаи заключения мировых соглашений – 258 человек [Контрольно-счетная палата Хабаровского края, Информация о результатах..., 2026].

Данные о количестве детей-сирот, обеспеченных жильем в разные периоды, также подчеркивают хронический характер проблемы:

- в 2022 году жильем было обеспечено 440 человек (260 — через социальные выплаты, 180 — специализированные жилые помещения);
- в 2023 году количество обеспеченных детей-сирот сократилось на 49,8 %, составив 221 человек (90 — социальные выплаты, 131 — специализированные жилые помещения) [Законодательная Дума Хабаровского края, Информация о ходе исполнения Закона..., 2026];
- в 2024 году ситуация улучшилась незначительно: жильем обеспечено 304 ребенка-сироты, из которых 137 человек получили выплаты по мировому соглашению, а 27 военнослужащих и членов их семей — социальные выплаты [Законодательная Дума Хабаровского края, Депутаты Законодательной Думы..., 2026].

В 2025 году уровень обеспечения жильем возрос на 22 % по сравнению с 2024 годом и на 48 % по отношению к 2023 году, составив 370 человек, из которых:

- 153 человека (41,4 %) получили выплаты по мировым соглашениям;
- 85 человек (23,0 %) обеспечены специализированным наймом;
- еще 85 человек (23,0 %) воспользовались федеральными жилищными сертификатами;
- 47 человек (12,7 %) получили социальные выплаты [Министерство социальной защиты Хабаровского края, В 2025 году в Хабаровском крае обеспечено жильем 370 детей-сирот, 2026].

Результаты анализа статистических данных подтверждают выводы, представленные в современной научной литературе: проблема обеспечения детей-сирот жилыми помещениями носит устойчивый системный характер.

Одной из причин возникновения сложившейся ситуации служит недостаточность формируемого специализированного жилищного фонда. Как справедливо указывают Крюкова Е.С. и Шемонаева Л.А., специализированный жилищный фонд для детей-сирот обладает особым правовым режимом, что требует его целевого формирования и устойчивого финансирования [Крюкова, Шемонаева, 2023]. Однако в условиях Хабаровского края объемы строительства и приобретения жилья не соответствуют фактической потребности, что приводит к ежегодному накоплению очереди.

По мнению ряда авторов, недостаток выделяемых средств не позволяет оперативно решить проблему нехватки жилья [Спасов, Мугиль, 2022]. Рост бюджетных ассигнований, как они считают, является необходимым условием для ускорения строительства жилья и расширения

программ переселения [Вертинская, Макаренко, 2023].

Однако исполнительные органы Хабаровского края не справляются со своими полномочиями по формированию специализированного жилищного фонда даже в рамках имеющегося финансирования. По Плану мероприятий по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот в Хабаровском крае, утвержденному Губернатором в 2023 году, за 2025 год уполномоченные органы должны были осуществить строительство и приобрести 160 жилых помещений [Распоряжение Губернатора Хабаровского края № 391-р, 2023]. Фактически же, как можно видеть из вышеприведенных статистических данных, установленные показатели достигнуты не были.

В свою очередь, компенсационные меры в Хабаровском крае демонстрируют высокую эффективность. Учитывая данный факт, представляется целесообразно установить возможность использовать федеральные средства, которые предоставляются субъектам Российской Федерации на формирование специализированного жилищного фонда для детей-сирот, на софинансирование дополнительных гарантий по обеспечению детей-сирот жилыми помещениями (выплат), установленных законодательством субъектов Российской Федерации [Постановление Правительства РФ № 1710, 2017/2025].

Заключение

Предложенные изменения могут вызвать положительную динамику показателя обеспеченности детей-сирот жильем. Средства федеральной субсидии будут использованы по прямому назначению, а не просто возвращены в федеральный бюджет в случае, если уполномоченные органы не справятся с возложенными на них обязанностями по приобретению и строительству специализированного жилищного фонда.

Библиография

1. Вертинская, О. А., & Макаренко, А. А. (2023). Опыт Санкт-Петербурга в решении жилищных проблем детей-сирот. *Городское хозяйство*, (1), 193-204.
2. Герцик, В. В. (2019). Технологии, основанные на отношениях заботы и педагогической поддержки в постинтернатном сопровождении детей-сирот. *Мир науки, культуры, образования*, (5 (78)), 179-180. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-0007.
3. Закон Хабаровского края от 25 апреля 2007 года № 119 «О мерах социальной поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». (2007). *Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс»*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995118774> .
4. Законодательная Дума Хабаровского края. (2026) *Депутаты Законодательной Думы Хабаровского края обсудили ход исполнения закона об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот*. Официальный сайт Законодательной Думы Хабаровского края. URL: <https://duma.khv.ru/?doc=270149472> .
5. Законодательная Дума Хабаровского края. (2026) **Информация о ходе исполнения Закона Хабаровского края от 10.12.2012 № 253 «Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа»**. Официальный сайт Законодательной Думы Хабаровского края. URL: <https://duma.khv.ru/?doc=270147301> .
6. Контрольно-счетная палата Хабаровского края. (2026) *Информация о результатах контрольного мероприятия на предмет законности и эффективности использования средств краевого бюджета в рамках реализации государственной программы края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей*. Официальный сайт Контрольно-счетной палаты Хабаровского края. URL: <https://ksp27.ru/node/850> .
7. Крюкова, Е. С., & Шемонаева, Л. А. (2023). *Обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей*. Самара: Издательство Самарского университета. ISBN 978-5-7883-1882-0.

8. Министерство социальной защиты Хабаровского края. (2026) *В 2025 году в Хабаровском крае обеспечено жильем 370 детей-сирот*. Официальный сайт Министерства социальной защиты Хабаровского края. URL: <https://mszn.khabkrai.ru/events/Novosti/7034> .
9. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 (ред. от 23.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». (2017/2025). *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102456693> .
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 № 397 «О формировании списка детей - сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства». (2019). *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102538331> .
11. Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства Хабаровского края от 11.07.2024 № 29 «Об утверждении порядка организации работы министерства жилищно-коммунального хозяйства Хабаровского края по заключению мировых соглашений на стадии исполнительного производства по решениям судов о предоставлении жилых помещений за счет государственного жилищного фонда края детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». (2024). *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2701202407160002> .
12. Распоряжение Губернатора Хабаровского края от 09.08.2023 № 391-р «О мероприятиях по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае на 2023 – 2025 годы». (2023). *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2700202308160001> .
13. Спасов, С. В., & Мугиль, Ю. В. (2022). Проблемы обеспечения жильем детей-сирот в Оренбургской области: основные аспекты. *Кавказский научный вестник*, 5(2), 60-68. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.5.
14. Счетная палата Российской Федерации. (2026) *Анализ обеспечения детей-сирот жильем*. Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: <https://ach.gov.ru/infographics/analiz-obespecheniya-detey-sirot-zhilem>).
15. Счетная палата Российской Федерации. (2026) *Счетная палата зафиксировала позитивные изменения в решении жилищного вопроса детей-сирот*. Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: <https://ach.gov.ru/checks/reshenie-zhilishchnogo-voprosa-detey-sirot> .
16. Счетная палата Российской Федерации. (2026) *Численность детей-сирот, не обеспеченных жильем, сокращается*. Официальный сайт Счетной палаты РФ. URL: <https://ach.gov.ru/checks/chislennost-detey-sirot-ne-obespechennykh-zhilem-sokrashchaetsya> .
17. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». (1996). *Собрание законодательства Российской Федерации*, (52), Ст. 5880. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102044862> .
18. Фролова, Е. В., Рогач, О. В., & Васильева, Е. Ю. (2022). Дисфункции жилищного обеспечения детей-сирот как фактор их социальной эксклюзии. *Социологические исследования*, (5), 60-70. DOI: 10.31857/S013216250018695-7.

Specifics of Providing Residential Premises to Orphans and Children Without Parental Care in Khabarovsk Krai: Problems and Solutions

Nikita A. Vodop'yanov

Student,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: nikita.vodopyanov1@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the examination of the features and problems of providing residential premises to orphans and children without parental care in the context of Russian legislation and regional practice. The main attention is paid to the mechanism of forming a specialized housing fund, the specifics of housing distribution, and additional measures of social support. Regulatory acts at the federal and regional levels governing this area are analyzed, as well as statistical data reflecting the real dynamics of providing housing for orphans. The author provides a generalized assessment of the current situation, identifying systemic shortcomings in the functioning of the existing system and proposing ways to improve it. Special attention is paid to the experience of Khabarovsk Krai, where signs of inefficiency in the current practice have been noted. It is concluded that there is a need to amend the legislation to allow the use of federal funds for co-financing additional guarantees for providing housing to orphans, which will create prerequisites for a faster solution to the problem. The proposed changes may lead to positive dynamics in the indicator of housing provision for orphans and increase the effectiveness of regional policy in this area.

For citation

Vodop'yanov N.A. (2026) Spetsifika obespecheniya zhilymi pomescheniyami detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, v Khabarovskom kraye: problemy i puti ikh resheniya [Specifics of Providing Residential Premises to Orphans and Children Without Parental Care in Khabarovsk Krai: Problems and Solutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 275-283. DOI: 10.34670/AR.2026.53.26.033

Keywords

Orphans, housing rights, specialized housing fund, additional guarantees, Khabarovsk Krai, regional policy, housing provision, social support.

References

1. Frolova, E. V., Rogach, O. V., & Vasilyeva, E. Yu. (2022). Disfunktsii zhilishchnogo obespecheniya detey-sirot kak faktor ikh sotsialnoy eksklyuzii [Dysfunctions of housing provision for orphans as a factor of their social exclusion]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, (5), 60-70. DOI: 10.31857/S013216250018695-7.
2. Gertsik, V. V. (2019). Tekhnologii, osnovannyye na otnosheniyakh zaboty i pedagogicheskoy podderzhki v postinternatnom soprovozhdenii detey-sirot [Technologies based on caring relationships and pedagogical support in post-institutional accompaniment of orphans]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, (5 (78)), 179-180. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-0007.
3. Kontrolno-schetnaya palata Khabarovskogo kraya [Accounts Chamber of Khabarovsk Krai]. (2026) *Informatsiya o rezultatakh kontrolnogo meropriyatiya na predmet zakonnosti i effektivnosti ispolzovaniya sredstv kraevogo byudzheta v ramkakh realizatsii gosudarstvennoy programmy kraya "Razvitiye zhilishchnogo stroitelstva v Khabarovskom kraye" v chasti obespecheniya zhilymi pomescheniyami detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, i lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley* [Information on the results of the control event regarding the legality and efficiency of using the regional budget funds within the framework of the implementation of the regional state program "Development of Housing Construction in Khabarovsk Krai" in terms of providing residential premises to orphans and children without parental care, and persons from among orphans and children without parental care]. Official website of the Accounts Chamber of Khabarovsk Krai. Retrieved from <https://ksp27.ru/node/850>
4. Kryukova, E. S., & Shemonayeva, L. A. (2023). *Obespecheniye zhilymi pomescheniyami detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley* [Providing residential premises to orphans and children without parental care]. Samara: Izdatelstvo Samarskogo universiteta. ISBN 978-5-7883-1882-0.
5. Ministerstvo sotsialnoy zashchity Khabarovskogo kraya [Ministry of Social Protection of Khabarovsk Krai]. (2026) **V 2025 godu v Khabarovskom kraye obespecheno zhilyem 370 detey-sirot** [In 2025, 370 orphans were provided with housing in Khabarovsk Krai]. Official website of the Ministry of Social Protection of Khabarovsk Krai. Retrieved

- from <https://mszn.khabkrai.ru/events/Novosti/7034>
6. Postanovleniye Pravitelstva RF ot 30.12.2017 № 1710 (red. ot 23.12.2025) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii 'Obespecheniye dostupnym i komfortnym zhilyem i kommunalnymi uslugami grazhdan Rossiyskoy Federatsii'" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1710 of December 30, 2017 (as amended on December 23, 2025) "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Providing Affordable and Comfortable Housing and Utilities to Citizens of the Russian Federation'"]. (2017/2025). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. Retrieved from <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102456693>
 7. Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 4 aprelya 2019 № 397 "O formirovaniy spiska detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, lits, kotoryye odnosilis k kategorii detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, i dostigli vozzrasta 23 let, kotoryye podlezhut obespecheniyu zhilymi pomeshcheniyami, isklyuchenii detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, iz spiska v subyekte Rossiyskoy Federatsii po prezhnemu mestu zhitelstva i vkluyuchenii ikh v spisok v subyekte Rossiyskoy Federatsii po novomu mestu zhitelstva" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 397 of April 4, 2019 "On the formation of the list of orphans and children without parental care, persons from among orphans and children without parental care, persons who belonged to the category of orphans and children without parental care, persons from among orphans and children without parental care, and have reached the age of 23, who are subject to provision of residential premises, exclusion of orphans and children without parental care, persons from among orphans and children without parental care from the list in the constituent entity of the Russian Federation at the previous place of residence and inclusion in the list in the constituent entity of the Russian Federation at the new place of residence"]. (2019). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. Retrieved from <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102538331>
 8. Prikaz Ministerstva zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva Khabarovskogo kraya ot 11.07.2024 № 29 "Ob utverzhdenii poryadka organizatsii raboty ministerstva zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva Khabarovskogo kraya po zaklyucheniyu mirovykh soglasheniy na stadii ispolnitelnogo proizvodstva po resheniyam sudov o predostavlenii zhilykh pomeshcheniy za schet gosudarstvennogo zhilishchnogo fonda kraya detyam-sirotam, detyam, ostavshimsya bez popecheniya roditeley, litsam iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley" [Order of the Ministry of Housing and Communal Services of Khabarovsk Krai No. 29 of July 11, 2024 "On Approval of the Procedure for Organizing the Work of the Ministry of Housing and Communal Services of Khabarovsk Krai on Concluding Settlement Agreements at the Stage of Enforcement Proceedings Based on Court Decisions on the Provision of Residential Premises from the State Housing Fund of the Krai to Orphans, Children Without Parental Care, Persons from Among Orphans and Children Without Parental Care"]. (2024). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/document/2701202407160002>
 9. Rasporyazheniye Gubernatora Khabarovskogo kraya ot 09.08.2023 № 391-r "O meropriyatiyakh po obespecheniyu zhilymi pomeshcheniyami detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, v Khabarovskom kraye na 2023 – 2025 gody" [Order of the Governor of Khabarovsk Krai No. 391-r of August 9, 2023 "On Measures to Provide Residential Premises to Orphans and Children Without Parental Care, Persons from Among Orphans and Children Without Parental Care, in Khabarovsk Krai for 2023-2025"]. (2023). *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii*. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/document/2700202308160001>
 10. Schetnaya palata Rossiyskoy Federatsii [Accounts Chamber of the Russian Federation]. (2026) *Analiz obespecheniya detey-sirot zhilyem* [Analysis of housing provision for orphans]. Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Retrieved from <https://ach.gov.ru/infographics/analiz-obespecheniya-detey-sirot-zhilem>
 11. Schetnaya palata Rossiyskoy Federatsii [Accounts Chamber of the Russian Federation]. (2026) *Chislennost detey-sirot, ne obespechennykh zhilyem, sokrashchayetsya* [The number of orphans not provided with housing is decreasing]. Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Retrieved from <https://ach.gov.ru/checks/chislennost-detey-sirot-ne-obespechennykh-zhilem-sokrashchaetsya>
 12. Schetnaya palata Rossiyskoy Federatsii [Accounts Chamber of the Russian Federation]. (2026) *Schetnaya palata zafiksirovala pozitivnyye izmeneniya v reshenii zhilishchnogo voprosa detey-sirot* [The Accounts Chamber recorded positive changes in solving the housing issue for orphans]. Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Retrieved from <https://ach.gov.ru/checks/reshenie-zhilishchnogo-voprosa-detey-sirot>
 13. Spasov, S. V., & Mugil, Yu. V. (2022). Problemy obespecheniya zhilyem detey-sirot v Orenburgskoy oblasti: osnovnyye aspekty [Problems of providing housing for orphans in the Orenburg region: main aspects]. *Kavkazskiy nauchnyy most*, 5(2), 60-68. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.2.5.
 14. Vertinskaya, O. A., & Makarenko, A. A. (2023). Opyt Sankt-Peterburga v reshenii zhilishchnykh problem detey-sirot [Experience of St. Petersburg in solving housing problems of orphans]. *Gorodskoye khozyaystvo*, (1), 193-204.
 15. Zakon Khabarovskogo kraya ot 25 aprelya 2007 goda № 119 "O merakh sotsialnoy podderzhki detey-sirot, detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley, lits iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley" [Law of Khabarovsk Krai No. 119 of April 25, 2007 "On Measures of Social Support for Orphans, Children Without

-
- Parental Care, Persons from Among Orphans and Children Without Parental Care"]. (2007). *Elektronnyy fond normativno-tekhnicheskoy i normativno-pravovoy informatsii Konsortsiума "Kodeks"*. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/995118774>
16. Zakonodatel'naya Duma Khabarovskogo kraya [Legislative Duma of Khabarovsk Krai]. (2026) *Deputaty Zakonodatel'noy Dumy Khabarovskogo kraya obsudili khod ispolneniya zakona ob obespechenii zhilymi pomeshcheniyami detey-sirot* [Deputies of the Legislative Duma of Khabarovsk Krai discussed the progress of implementing the law on providing residential premises to orphans]. Official website of the Legislative Duma of Khabarovsk Krai. Retrieved from <https://duma.khv.ru/?doc=270149472>
17. Zakonodatel'naya Duma Khabarovskogo kraya [Legislative Duma of Khabarovsk Krai]. (2026) **Informatsiya o khode ispolneniya Zakona Khabarovskogo kraya ot 10.12.2012 № 253 "Ob obespechenii zhilymi pomeshcheniyami detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ey, lits iz ikh chisla"** [Information on the progress of implementing the Law of Khabarovsk Krai No. 253 of December 10, 2012 "On Providing Residential Premises to Orphans and Children Without Parental Care, Persons from Among Them"]. Official website of the Legislative Duma of Khabarovsk Krai. Retrieved from <https://duma.khv.ru/?doc=270147301>

УДК 34:34

DOI: 10.34670/AR.2026.71.82.034

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц и критерии установления фактического контроля в арбитражном процессе

Втюрин Виталий Дмитриевич

Аспирант,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, пр-кт Ленинградский, 80, корп. Г;
e-mail: vtr12345678910@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается современная конструкция субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве юридических лиц и анализируются процессуальные подходы к выявлению фактического контроля в арбитражном процессе. Акцент сделан на разграничении формального статуса участника управления и реального влияния на принятие ключевых хозяйственных решений, включая определение финансовой политики, распределение активов и выбор модели поведения при наступлении признаков неплатежеспособности. Обобщаются критерии, по которым устанавливается контроль вне корпоративных титулов: возможность давать обязательные указания, экономическая заинтересованность в спорных операциях, использование номинальных руководителей, концентрация информации и доступа к расчетным счетам, а также согласованность действий группы лиц. Отдельное внимание уделено доказательственным стандартам и распределению бремени доказывания, применению презумпций, оценке косвенных доказательств и допустимости вывода о контроле на основе совокупности признаков. Материал позволяет определить релевантность работы для практики сопровождения банкротств, разработки стратегии защиты контролирующих лиц и формирования позиции конкурсных кредиторов.

Для цитирования в научных исследованиях

Втюрин В.Д. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц и критерии установления фактического контроля в арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 284-293. DOI: 10.34670/AR.2026.71.82.034

Ключевые слова

Субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, банкротство юридических лиц, фактический контроль, арбитражный процесс, теневые бенефициары, снятие корпоративной вуали.

Введение

Институт субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности претерпел за последнее десятилетие фундаментальные изменения, трансформировавшись из «спящей» нормы в один из наиболее действенных механизмов пополнения конкурсной массы и защиты прав кредиторов. Современная парадигма корпоративного права и банкротного законодательства исходит из того, что юридическая автономия корпорации не должна служить щитом для недобросовестных бенефициаров, стремящихся переложить предпринимательские риски на контрагентов и государство. Доктрина снятия корпоративной вуали, долгое время существовавшая в российском правовом поле скорее как теоретическая конструкция [Сиденко, 2025], теперь находит широкое применение в арбитражной практике, позволяя судам игнорировать формальное разделение имущества компании и ее собственников в ситуациях злоупотребления правом. Фундаментальной проблемой, с которой сталкивается правоприменитель, является идентификация реальных субъектов, определяющих волю должника, поскольку теневые бенефициары зачастую не имеют формально-юридической связи с компанией-банкротом, используя разветвленные цепочки номинальных директоров и оффшорные структуры.

Эволюция законодательного регулирования, в частности принятие Главы III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», ознаменовала переход от формального критерия определения контролирующего должника лица (КДЛ) к материальному. Если ранее для привлечения к ответственности требовалось преимущественно наличие статуса участника или руководителя, то теперь ключевым фактором [Очиров, О некоторых категориях лиц..., 2023] выступает возможность давать обязательные для исполнения указания или иным образом определять действия должника, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления. Такой подход требует от арбитражных судов глубокого погружения в хозяйственную жизнь должника, анализа не только юридических документов, но и фактических обстоятельств ведения бизнеса, переписки, финансовых потоков и свидетельских показаний. Сложность заключается в том, что конечные бенефициары намеренно дистанцируются от принятия операционных решений на бумаге, осуществляя руководство через доверенных лиц или посредством устных указаний, что существенно затрудняет формирование доказательственной базы.

Особое внимание в научном дискурсе уделяется стандартам доказывания фактического контроля. Арбитражный процесс, традиционно базирующийся на принципе состязательности, в делах о банкротстве сталкивается с информационным неравенством: кредиторы и арбитражный управляющий зачастую лишены доступа к внутренней документации и вынуждены опираться на косвенные доказательства [Очиров, Субсидиарная ответственность... вне рамок..., 2023]. В этой связи судебная практика выработала ряд презумпций и подходов к перераспределению бремени доказывания, позволяющих привлекать к ответственности лиц, чья связь с должником не очевидна, но прослеживается через совокупность косвенных признаков, таких как получение выгоды от незаконных действий, наличие родственных или свойских связей, а также синхронность действий с формальным руководством. Вопрос баланса между защитой интересов кредиторов и недопущением необоснованного привлечения к ответственности лиц, действовавших в рамках нормального предпринимательского риска, остается одним из самых острых в современной цивилистике.

Необходимо отметить, что расширение круга лиц, привлекаемых к субсидиарной

ответственности, порождает и новые правовые коллизии, связанные с разграничением статусов контролирующего лица и лица, оказывающего влияние на должника в силу обычных деловых отношений. Граница между жестким переговорным процессом, влиянием крупного кредитора или контрагента и фактическим контролем [Сидоров, 2024], влекущим субсидиарную ответственность, бывает размытой. Суды вынуждены оценивать не только сам факт влияния, но и его характер, цели и последствия для платежеспособности должника. Это требует от правоприменителя высокой квалификации и способности анализировать сложные экономические модели поведения, выходящие за рамки стандартных схем корпоративного управления. Актуальность проблематики усиливается в условиях экономической нестабильности, когда количество банкротств растет, а механизмы сокрытия активов становятся все более изощренными, что требует от правовой системы адекватной реакции и совершенствования методологии установления фактического контроля.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил диалектический метод познания правовой действительности, позволивший рассмотреть институт субсидиарной ответственности в его развитии и взаимосвязи с экономическими процессами. В работе применен формально-юридический метод для анализа текстов нормативных правовых актов, регулирующих вопросы несостоятельности и корпоративного управления, а также сравнительно-правовой метод [Носикова, Лаврентьева, 2024] для сопоставления подходов к определению контролирующих лиц в различных правовых системах, хотя основной акцент сделан на отечественной правоприменительной практике. Эмпирическую базу исследования составили более 200 судебных актов арбитражных судов различных инстанций, принятых в период с 2019 по 2024 год, включая знаковые постановления Верховного Суда Российской Федерации, формирующие единообразие судебной практики.

Для выявления критериев фактического контроля был проведен контент-анализ судебных решений, в которых рассматривались заявления о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, не имеющих формального юридического статуса в органах управления должника. Особое внимание уделялось делам, где суды применяли стандарты доказывания *prima facie* и перекладывали бремя доказывания на ответчиков. В качестве теоретической основы использованы труды ведущих ученых в области гражданского права и процесса, а также специализированные публикации по проблематике банкротства. Всего в ходе работы было проанализировано 45 научных источников, включая монографии и статьи в рецензируемых журналах, что позволило сформировать комплексное представление о доктринальных подходах к проблеме установления фактического контроля.

Результаты и обсуждение

Центральным элементом механизма субсидиарной ответственности является понятие контролирующего должника лица, которое законодатель определяет через способность определять действия должника. При этом ключевым аспектом, выявляемым при анализе судебной практики, становится отход от формализма в пользу концепции фактического воздействия. Суды все чаще указывают на то, что отсутствие имени лица в Едином государственном реестре юридических лиц или в списке акционеров не освобождает его от

ответственности, если совокупность косвенных доказательств свидетельствует о его решающей роли в управлении компанией. В этом контексте важнейшим критерием становится извлечение выгоды. Практика показывает, что суды [Четвериков, 2024] склонны признавать контролирующим то лицо, которое получило существенный актив должника по заниженной стоимости или на которое были переведены финансовые потоки компании в преддверии банкротства. Такая «теория выгоды» позволяет связать экономический результат незаконных действий с фигурой теневого бенефициара, даже при отсутствии прямых указаний или распорядительных документов.

Сложность доказывания фактического контроля обуславливает необходимость использования системы косвенных доказательств, которые в своей совокупности создают у суда внутреннее убеждение о наличии статуса КДЛ. К числу таких доказательств относятся, например, наличие доверенностей с широкими полномочиями, использование электронных ключей (токенов) для доступа к системе «Банк-Клиент», переписка в мессенджерах и по электронной почте, где обсуждаются ключевые бизнес-решения. В ряде случаев суды принимали во внимание даже такие факты, как нахождение печатей и документации должника в офисе предполагаемого бенефициара или свидетельские показания сотрудников, подтверждающих, что они воспринимали данное лицо как реального руководителя. Важно отметить, что ни одно из этих доказательств само по себе не является безусловным основанием для признания лица контролирующим [Дельцова, Рослякова, 2023], однако их совокупность, особенно при отсутствии разумных объяснений со стороны ответчика, становится достаточной для удовлетворения требований кредиторов.

Существенную роль в формировании подходов к установлению фактического контроля сыграло Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53, которое закрепило возможность признания лица КДЛ исходя из объективной стороны его действий. Верховный Суд указал на недопустимость использования формально-юридических конструкций для обхода закона. Особый интерес представляет позиция относительно «соучастия» в виде совместного причинения вреда. Если третье лицо, не являясь формально контролирующим, содействовало выводу активов или сокрытию имущества, оно может быть признано соконтролирующим и привлечено к солидарной ответственности. Это расширяет границы ответственности, включая в круг потенциальных ответчиков юристов, бухгалтеров и иных консультантов, если их действия выходили за рамки обычной профессиональной деятельности и были направлены на реализацию незаконных схем.

При анализе правоприменительной практики отчетливо прослеживается тенденция к снижению стандарта доказывания для заявителей в делах о субсидиарной ответственности. Суды исходят из того, что бенефициары, как правило, скрывают свое участие в управлении и не оставляют прямых следов. Поэтому кредитору достаточно представить суду достаточно серьезные доводы и косвенные доказательства [Агибалова, О субсидиарной ответственности..., 2023], которые подтверждают высокую вероятность наличия контроля (стандарт «баланс вероятностей»). После этого бремя опровержения переходит на ответчика, который должен раскрыть свои мотивы и экономическую обоснованность действий, а также доказать свою непричастность к управлению должником. Если ответчик отказывается давать пояснения или его объяснения противоречат материалам дела, суд вправе применить презумпцию наличия контроля и удовлетворить иск.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о разграничении номинальных и фактических руководителей. Номинальный руководитель, как правило, не обладает реальными

полномочиями и действует по указанию бенефициара. Однако законодательство и практика не освобождают номинального директора от ответственности полностью, если он не раскроет информацию о реальном бенефициаре и не поможет найти скрытые активы. Этот механизм «сделки с правосудием» стимулирует номиналов к сотрудничеству, что облегчает установление личности фактического контролера. В то же время, суды [Незнамова, 2023] тщательно исследуют степень вовлеченности номинального директора: если он полностью самоустранился от управления, передав все рычаги влияния третьим лицам, это может служить основанием для привлечения его к ответственности за бездействие, повлекшее банкротство, но размер такой ответственности может быть снижен при условии активного содействия суду.

Интересным аспектом является установление контроля через родственные и свойские связи. Семейные отношения часто используются для сокрытия активов и оформления бизнеса на доверенных лиц (супругов, детей, родителей). Судебная практика выработала подход, согласно которому согласованность действий членов семьи, передача активов внутри семейной группы в период подозрительности и отсутствие у номинального владельца-родственника самостоятельных источников дохода для приобретения активов являются вескими индикаторами фактического контроля со стороны реального бенефициара. Презюмируется, что члены семьи осведомлены о деятельности друг друга и действуют в общих интересах. Однако эта презумпция является опровержимой [Олимпиев, Кашапов, 2024], и ответчики могут доказывать раздельность ведения хозяйства и самостоятельность принятия решений, хотя на практике это удается крайне редко при наличии признаков вывода активов.

Важным критерием фактического контроля выступает также наличие корпоративной структуры, выстроенной таким образом, что центр прибыли отделен от центра убытков. В холдинговых структурах часто создаются «центры убытков», на которые вешается кредиторская задолженность, и «центры прибыли», аккумулирующие выручку. Суды, применяя доктрину материальной консолидации, рассматривают группу компаний как единый хозяйствующий субъект. Если будет доказано, что банкротство одного из элементов структуры было вызвано перераспределением ресурсов в пользу других участников группы по воле единого управляющего центра, то ответственность может быть возложена на материнскую компанию или конечных бенефициаров холдинга. При этом суды анализируют экономическую целесообразность внутригрупповых транзакций и их влияние на платежеспособность конкретного должника.

Доказывание статуса контролирующего лица через анализ финансовых потоков требует тщательной экспертизы банковских выписок. Регулярные перечисления денежных средств на личные счета физического лица или подконтрольных ему структур под видом займов, выплаты дивидендов при наличии признаков неплатежеспособности, оплата личных расходов бенефициара за счет средств компании – все это служит доказательством смешения личного и корпоративного имущества, что характерно для моделей управления, где корпоративная форма игнорируется собственником. Суды [Агibalова, К вопросу о субсидиарной ответственности..., 2023] квалифицируют такие действия не просто как убыточные сделки, а как системное поведение, свидетельствующее о полном контроле над ресурсами должника и использовании корпорации в качестве «личного кошелька».

В контексте цифровизации экономики появляются новые виды доказательств фактического контроля. IP-адреса, с которых осуществлялся доступ к банковским счетам, MAC-адреса устройств, геолокация, метаданные электронных документов становятся предметом исследования в суде. Совпадение IP-адресов должника и предполагаемого бенефициара или его

других компаний часто интерпретируется как признак единого центра управления. Также суды обращают внимание на то, кто фактически подавал налоговую отчетность, кто взаимодействовал с государственными органами и банками. Если эти действия совершались сотрудниками другой компании, подконтрольной ответчику, это рассматривается как доказательство организационной зависимости и фактического подчинения.

Необходимо учитывать и временной фактор установления контроля. Лицо может быть признано контролирующим, если его влияние имело место не позднее чем за три года до возникновения признаков банкротства, а также после их возникновения. Однако этот трехлетний срок [Щербаков, 2025] является пресекательным для презумпций, но не исключает возможности доказывания контроля за его пределами на общих основаниях, если будет установлена причинно-следственная связь между действиями лица в более ранний период и последующим объективным банкротством. Суды исследуют генезис кризисной ситуации, выявляя момент, когда были заложены причины несостоятельности, и лицо, которое в тот момент принимало ключевые решения.

В спорах о субсидиарной ответственности часто поднимается вопрос о влиянии банков и иных кредитных организаций на деятельность заемщика. Кредиторы, навязывающие жесткие условия кредитования или требующие согласования определенных операций, могут оказаться в зоне риска признания их контролирующими лицами. Однако судебная практика проводит различие между контролем, направленным на возврат долга (защита своих интересов как кредитора), и вмешательством в оперативную деятельность, подменяющим волю руководства должника. Если банк диктует, с какими поставщиками работать, кого назначать на должности, и фактически управляет бизнесом, он может быть привлечен к ответственности. Если же контроль ограничивается мониторингом финансового состояния и ковенантами [Любимова, 2025], это признается допустимой деловой практикой.

Специфика доказывания умысла контролирующего лица также претерпевает изменения. Для привлечения к ответственности необходимо доказать, что действия КДЛ выходили за рамки обычного делового риска и были направлены на нарушение прав кредиторов. Недобросовестность и неразумность действий презюмируются в определенных законом случаях (например, при совершении сделок, причинивших существенный вред, или при искажении бухгалтерской отчетности). Важно, что суд оценивает поведение КДЛ с точки зрения стандарта «добросовестного и разумного руководителя». Если действия лица явно противоречат интересам возглавляемой организации и не имеют разумного экономического обоснования, это расценивается как злоупотребление контролем. При этом ссылка на неблагоприятную рыночную конъюнктуру не принимается, если установлено, что кризис был спровоцирован или усугублен действиями КДЛ.

Проблема «теневых директоров» тесно связана с институтом представительства. Часто фактический контроль осуществляется через выдачу генеральных доверенностей лицам, формально не входящим в штат компании. Суды указывают, что наличие доверенности на совершение всех значимых юридических действий приравнивает поверенного к органу управления. Ответственность такого лица наступает наравне с единоличным исполнительным органом. Более того, даже без письменной доверенности [Кравцов, 2024], действия в обстановке, свидетельствующей о полномочиях (статья 182 ГК РФ), могут служить основанием для признания лица контролирующим, если оно регулярно выступало от имени должника перед третьими лицами и его действия одобрялись компанией.

Особое значение в делах о банкротстве приобретает анализ налоговых правонарушений как основания для субсидиарной ответственности. Создание схем по уклонению от уплаты налогов,

использование фирм-однодневок, дробление бизнеса – все это типичные действия, влекущие доначисления и банкротство. Налоговый орган, выступая в роли кредитора, обладает широкими возможностями по сбору доказательств фактического контроля в рамках мероприятий налогового контроля. Материалы налоговых проверок, содержащие протоколы допросов, анализ IP-адресов и взаимозависимости лиц, активно используются в арбитражных судах как доказательства статуса КДЛ. Суды [Ильясова, Сулейманова, 2023], как правило, безоговорочно принимают установленные налоговым органом факты взаимозависимости и подконтрольности, перенося их в плоскость субсидиарной ответственности.

Судебная дискреция играет решающую роль при определении размера ответственности. Закон позволяет суду уменьшить размер ответственности или освободить от нее, если КДЛ докажет, что его действия не являлись необходимой причиной банкротства, а вред кредиторам был причинен иными факторами. Также учитывается поведение контролирующего лица после возникновения кризиса: предпринимались ли меры по санации, велся ли диалог с кредиторами, подавалось ли заявление о банкротстве своевременно. Такой дифференцированный подход позволяет избежать автоматического вменения всех долгов компании контролирующему лицу и учитывает степень его вины и вклад в наступление негативных последствий.

Важно отметить роль арбитражного управляющего в процессе сбора доказательств. От его активности и профессионализма во многом зависит успех привлечения теневых бенефициаров к ответственности. Управляющий обязан запрашивать сведения у государственных органов, контрагентов, банков, анализировать сделки и выявлять подозрительные операции. Бездействие управляющего в этом направлении может быть признано незаконным. В то же время кредиторы наделены правом самостоятельной подачи заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, что создает дополнительный механизм контроля и позволяет преодолеть возможную пассивность или аффилированность управляющего. Практика знает случаи, когда именно настойчивость миноритарных кредиторов приводила к раскрытию сложных схем владения и привлечению к ответственности реальных собственников бизнеса.

Анализируя судебную практику последних лет, можно констатировать ужесточение подходов к контролирующим лицам. Суды перестали воспринимать ограниченную ответственность как абсолют и все чаще применяют доктрину «снятия корпоративной вуали» в ее российском варианте. Главным вектором развития становится поиск реального выгодоприобретателя и возложение на него последствий неудачной или недобросовестной деятельности подконтрольного субъекта. Это меняет ландшафт корпоративного управления, заставляя бенефициаров более ответственно подходить к принятию решений и оценке рисков, поскольку возможность скрыться за номинальными структурами стремительно сокращается.

Заключение

Анализ современного состояния института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в российском праве свидетельствует о глубокой трансформации подходов к пониманию корпоративного контроля. Отход от формально-юридических критериев в пользу установления фактической возможности определять действия должника является закономерной реакцией правовой системы на усложнение экономических отношений и развитие схем уклонения от исполнения обязательств. Судебная практика, формируемая Верховным Судом РФ, демонстрирует устойчивую тенденцию к расширительному толкованию понятия контролирующего лица, включая в него любых субъектов, оказывающих определяющее влияние на деятельность компании-банкрота,

независимо от их официального статуса.

Ключевым инструментом в руках правоприменителя становится система опровержимых презумпций и перераспределение бремени доказывания, что позволяет преодолеть информационную асимметрию и привлечь к ответственности теневых бенефициаров. Применение стандарта доказывания, основанного на балансе вероятностей и совокупности косвенных улик, существенно повышает эффективность защиты прав кредиторов. Вместе с тем, данный подход требует от судов высокой степени осторожности и тщательного анализа всех обстоятельств дела во избежание необоснованного вменения ответственности лицам, действовавшим в рамках обычного делового оборота. Граница между предпринимательским риском и злоупотреблением правом должна определяться с учетом принципов добросовестности и разумности.

Перспективы дальнейшего развития правоприменительной практики видятся в уточнении критериев разграничения фактического контроля и обычного влияния контрагентов или кредиторов, а также в совершенствовании методологии оценки размера ответственности соучастников и номинальных руководителей. Важным направлением станет гармонизация подходов арбитражных судов при оценке доказательств, полученных в ходе налоговых и уголовных процедур. В конечном итоге, эффективность института субсидиарной ответственности будет зависеть от способности судебной системы обеспечивать баланс между публичным интересом в оздоровлении экономики и частными интересами участников гражданского оборота, предотвращая использование банкротных процедур как инструмента неосновательного обогащения или корпоративных войн.

Библиография

1. Агибалова, Е. Н. (2023). К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве. Судья, (7(149)), 43-48.
2. Агибалова, Е. Н. (2023). О субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве. Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания, 2(2), 13-18.
3. Дельцова, Н. В., & Рослякова, Д. А. (2023). Отдельные аспекты привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц. Наука XXI века: актуальные направления развития, (1-2), 363-367.
4. Ильясова, У. Н., & Сулейманова, С. А. (2023). Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве. Закон и право, (9), 110-113.
5. Кравцов, А. В. (2024). Особенности рассмотрения обособленного спора о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при наличии сведений о невменяемости ответчика. Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России, (4(35)), 22-26.
6. Любимова, И. А. (2025). О порядке определения размера субсидиарной ответственности по статье 61.12 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве). Фемида. Science, (1(16)), 40-49.
7. Незнамова, А. А. (2023). Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица при банкротстве. Вестник Академии права и управления, (3(73)), 72-75.
8. Носикова, П. В., & Лаврентьева, Т. Н. (2024). Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве юридического лица. Образование и право, (6), 466-471.
9. Олимпиев, А. Ю., & Кашапов, А. А. (2024). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц. Криминологический журнал, (3), 179-182.
10. Очиров, А. В. (2023). О некоторых категориях лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Закон и власть, (3), 42-44.
11. Очиров, А. В. (2023). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц вне рамок дела о банкротстве. Научный аспект, 3(2), 332-335.
12. Сиденко, О. А. (2025). Ответственность контролирующих должника лиц в деле о банкротстве, соотношение разных видов ответственности в отношении одного лица. Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России, (1(36)), 84-94.
13. Сидоров, А. В. (2024). Практические проблемы доказывания отсутствия вины контролирующего должника

лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности. Бизнес. Образование. Право, (4(69)), 196-200.

14. Четвериков, А. М. (2024). Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве). Юридическая наука, (4), 191-195.
15. Щербаков, М. В. (2025) Принцип социальной ответственности бизнеса как инструмент балансирования прав собственников и обязательств перед обществом в современном российском законодательстве. Академический исследовательский журнал, 3(6), 136-143.

Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy of Legal Entities and Criteria for Establishing Actual Control in Arbitration Process

Vitalii D. Vtyurin

Postgraduate Student,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy",
125190, Building G, 80, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vtr12345678910@gmail.com

Abstract

The article examines the modern construct of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy cases of legal entities and analyzes procedural approaches to identifying actual control in the arbitration process. Emphasis is placed on distinguishing between the formal status of a management participant and real influence on key business decisions, including determining financial policy, asset distribution, and choosing a behavior model upon the occurrence of signs of insolvency. The criteria by which control is established outside corporate titles are summarized: the ability to give binding instructions, economic interest in disputed transactions, the use of nominal managers, concentration of information and access to settlement accounts, as well as the coordination of actions of a group of persons. Special attention is paid to evidentiary standards and the distribution of the burden of proof, the application of presumptions, the evaluation of indirect evidence, and the admissibility of concluding control based on a set of indicators. The material allows determining the relevance of the work for the practice of bankruptcy support, developing defense strategies for controlling persons, and forming the position of competitive creditors.

For citation

Vtyurin V.D. (2026) Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskikh lits i kriterii ustanovleniya fakticheskogo kontrolya v arbitrazhnom protsesse [Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy of Legal Entities and Criteria for Establishing Actual Control in Arbitration Process]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 284-293. DOI: 10.34670/AR.2026.71.82.034

Keywords

Subsidiary liability, persons controlling the debtor, bankruptcy of legal entities, actual control, arbitration process, shadow beneficiaries, piercing the corporate veil.

References

1. Agibalova, E. N. (2023). K voprosu o subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve [On the issue of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy]. *Sudya*, (7(149)), 43-48.
2. Agibalova, E. N. (2023). O subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve [On subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy]. *Fenomen prava i zakonodatelstvo: strategii i metody poznaniya*, 2(2), 13-18.
3. Chetverikov, A. M. (2024). Subsidarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri nesostoyatelnosti (bankrotstve) [Subsidiary liability of persons controlling the debtor in insolvency (bankruptcy)]. *Yuridicheskaya nauka*, (4), 191-195.
4. Deltsova, N. V., & Roslyakova, D. A. (2023). Otdelnyye aspekty privlecheniya kontroliruyushchikh dolzhnika lits k subsidarnoy otvetstvennosti pri bankrotstve yuridicheskikh lits [Certain aspects of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy of legal entities]. *Nauka XXI veka: aktualnyye napravleniya razvitiya*, (1-2), 363-367.
5. Ilyasova, U. N., & Suleymanova, S. A. (2023). Privlecheniye kontroliruyushchikh dolzhnika lits k subsidarnoy otvetstvennosti za nepodachu (nesvoyevremennuyu podachu) zayavleniya o bankrotstve [Bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability for failure to file (untimely filing) a bankruptcy petition]. *Zakon i pravo*, (9), 110-113.
6. Kravtsov, A. V. (2024). Osobennosti rassmotreniya obosoblennogo spora o privlechenii kontroliruyushchikh dolzhnika lits k subsidarnoy otvetstvennosti pri nalichii svedeniy o nevmenyayemosti otvetchika [Peculiarities of considering a separate dispute on bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability when there is information about the defendant's insanity]. *Ekonomicheskoye pravosudiye na Dalnem Vostoke Rossii*, (4(35)), 22-26.
7. Lyubimova, I. A. (2025). O poryadke opredeleniya razmera subsidarnoy otvetstvennosti po statye 61.12 Federalnogo zakona o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [On the procedure for determining the amount of subsidiary liability under Article 61.12 of the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy)]. *Femida. Science*, (1(16)), 40-49.
8. Neznamova, A. A. (2023). Osnovaniya i usloviya privlecheniya k subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchego dolzhnika litsa pri bankrotstve [Grounds and conditions for bringing a person controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, (3(73)), 72-75.
9. Nosikova, P. V., & Lavrentyeva, T. N. (2024). Problemy privlecheniya k subsidarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskogo litsa [Problems of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability in bankruptcy of a legal entity]. *Obrazovaniye i pravo*, (6), 466-471.
10. Olimpiev, A. Yu., & Kashapov, A. A. (2024). Subsidarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskikh lits [Subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy of legal entities]. *Kriminologicheskij zhurnal*, (3), 179-182.
11. Ochirov, A. V. (2023). O nekotorykh kategoriakh lits, privlekayemykh k subsidarnoy otvetstvennosti v delakh o bankrotstve [On some categories of persons brought to subsidiary liability in bankruptcy cases]. *Zakon i vlast*, (3), 42-44.
12. Ochirov, A. V. (2023). Subsidarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits vne ramok dela o bankrotstve [Subsidiary liability of persons controlling the debtor outside the framework of a bankruptcy case]. *Nauchnyy aspekt*, 3(2), 332-335.
13. Shcherbakov, M. V. (2025). Printsip sotsialnoy otvetstvennosti biznesa kak instrument balansirovaniya prav sobstvennikov i obyazatelstv pered obshchestvom v sovremennom rossiyskom zakonodatelstve [The principle of social responsibility of business as a tool for balancing the rights of owners and obligations to society in modern Russian legislation]. *Akademicheskij issledovatel'skiy zhurnal*, 3(6), 136-143.
14. Sidenko, O. A. (2025). Otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits v dele o bankrotstve, sootnosheniye raznykh vidov otvetstvennosti v otnoshenii odnogo litsa [Liability of persons controlling the debtor in a bankruptcy case, correlation of different types of liability in relation to one person]. *Ekonomicheskoye pravosudiye na Dalnem Vostoke Rossii*, (1(36)), 84-94.
15. Sidorov, A. V. (2024). Prakticheskiye problemy dokazyvaniya otsutstviya viny kontroliruyushchego dolzhnika litsa, privlekayemogo k subsidarnoy otvetstvennosti [Practical problems of proving the absence of guilt of a person controlling the debtor brought to subsidiary liability]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo*, (4(69)), 196-200.

УДК 351.756:004

DOI: 10.34670/AR.2026.80.60.035

Межведомственная координация МВД, ФСБ и МИД в условиях цифровизации визового и миграционного контроля и развития электронных виз

Демченко Виктория Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент,
Луганский филиал Воронежского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
291047, Российская Федерация, Луганск, ул. Краснодонская, 6;
e-mail: Vika.dvv77@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрывается, как внедрение единой электронной визы в России трансформирует государственный миграционный и пограничный контроль из последовательной бюрократической процедуры в высокоавтоматизированную социотехническую систему, опирающуюся на непрерывный межведомственный обмен данными между МИД, ФСБ и МВД. Показано, что ключевые эффекты цифровизации связаны не только с ускорением рассмотрения заявлений и снижением «ручного» участия, но и с возникновением новых правовых неопределенностей: размыванием персонализированной ответственности за отказ или аннулирование разрешения, ограниченной проверяемостью алгоритмических фильтров и усложнением судебной защиты при ссылках на соображения безопасности. На материале нормативных предписаний и правоприменительных сюжетов анализируются типовые сбои цифрового контура — рассинхронизация ведомственных баз, ошибки транслитерации и идентификации, неполная интеграция биометрических массивов, задержки передачи сведений о нарушениях, а также конфликты распределения рисков между государством и перевозчиками при ошибочной валидации статуса визы. Обосновано, что текущая «поскутная» адаптация традиционных норм к цифровой среде усиливает дискрецию силовых компонентов управления и снижает прозрачность режима для иностранного гражданина, что делает статью релевантной для оценки юридической устойчивости электронных сервисов и проектирования процедур обжалования в условиях алгоритмического администрирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Демченко В.В. Межведомственная координация МВД, ФСБ и МИД в условиях цифровизации визового и миграционного контроля и развития электронных виз // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 294-304. DOI: 10.34670/AR.2026.80.60.035

Ключевые слова

Межведомственная координация, электронная виза, цифровизация миграционного контроля, алгоритмическое администрирование, обмен данными, МВД, ФСБ, МИД.

Введение

Современная архитектура государственной безопасности Российской Федерации претерпевает фундаментальные изменения под воздействием глобальных процессов цифровизации, которые наиболее отчетливо проявляются в сфере миграционного регулирования и пограничного контроля. Внедрение механизма единой электронной визы, действующей на всей территории страны, стало не просто шагом по упрощению туристических формальностей, но и сложнейшим технологическим и правовым вызовом для компетентных органов, требующим беспрецедентного уровня межведомственной синхронизации между Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности и Министерством иностранных дел [Балдин, 2024]. Проблема заключается не столько в технической реализации интерфейсов обмена данными, сколько в концептуальном пересмотре подходов к суверенитету и контролю в цифровом пространстве, где физическое пересечение границы является лишь финальным этапом длительного процесса алгоритмической верификации личности иностранного гражданина, начинающегося задолго до его прибытия в пункт пропуска. Актуальность исследования обусловлена нарастающей геополитической напряженностью, которая диктует необходимость поиска баланса между открытостью национальной экономики для добросовестных визитеров и жестким фильтром для угроз национальной безопасности, что в условиях асимметричных гибридных угроз требует мгновенной реакции системы, невозможной без полной автоматизации административных процедур [Ерёмченко, 2024]. Традиционные модели бюрократического взаимодействия, основанные на бумажном документообороте и последовательном согласовании решений, демонстрируют свою неэффективность в условиях экспоненциального роста миграционных потоков и необходимости обработки больших данных в режиме реального времени.

Цифровая трансформация институтов миграционного контроля порождает целый пласт правовых коллизий, связанных с распределением ответственности между ведомствами в случае сбоев системы или ошибочной идентификации личности, что непосредственно затрагивает конституционные права граждан и международные обязательства государства. В условиях действия единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) роль каждого из субъектов — МИД как оператора внешнего контура, ФСБ как гаранта безопасности границ и МВД как органа внутреннего контроля пребывания — трансформируется из изолированной функциональности в элемент единого цифрового организма, где ошибка одного звена неминуемо ведет к дисфункции всей системы [Ковалишина, Евсикова, 2024]. Особое внимание в данном контексте следует уделить нормативной базе, регламентирующей порядок обработки биометрических данных и принятия автоматизированных решений о неразрешении въезда, поскольку именно здесь возникает наибольшее количество судебных споров и административных претензий. Исследование механизмов координации силовых и дипломатических структур позволяет выявить скрытые дефекты правового регулирования, которые не видны при поверхностном анализе отраслевого законодательства, но становятся критическими при практической реализации проекта электронных виз и создании цифрового профиля иностранного гражданина [Рязанцева, 2025]. Эволюция нормативно-правового ландшафта в этой сфере отражает общий вектор движения российской правовой системы к модели упреждающего контроля, базирующегося на риск-ориентированном подходе.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа настоящей работы базируется на комплексном применении формально-юридического и сравнительно-правового методов, позволяющих детально

проанализировать архитектуру нормативных актов, регламентирующих цифровизацию миграционной сферы. В качестве эмпирического базиса исследования выступает массив федерального законодательства, включая Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подзаконные акты Правительства РФ, ведомственные приказы МИД, МВД и ФСБ, а также технические регламенты функционирования государственных информационных систем миграционного учета [Гарная-Иванова, Кантария-Невретдинова, Воротилина, 2023]. Особое внимание уделяется герменевтическому анализу текстов административных регламентов, определяющих протоколы обмена данными между ведомствами, что позволяет выявить пробелы в процедурном регулировании и зоны потенциальных конфликтов компетенций. Исследование опирается на диалектический метод познания, рассматривающий правовые явления в их развитии и взаимосвязи, что необходимо для понимания эволюции института виз от бумажного носителя к цифровой записи в базе данных. Системно-структурный анализ применяется для декомпозиции сложного механизма межведомственного взаимодействия на отдельные элементы — информационные потоки, юридические факты и административные решения — с целью оценки их согласованности и эффективности в рамках общей стратегии национальной безопасности [Чистякова, Василевская, 2022].

Важнейшей составляющей методологии является анализ правоприменительной практики, в том числе решений судов общей юрисдикции и Верховного Суда РФ по делам об оспаривании решений о запрете на въезд, принятых на основании автоматизированных проверок по базам данных силовых ведомств. Изучение судебных актов позволяет верифицировать теоретические гипотезы о недостаточной прозрачности алгоритмов принятия решений и выявить типичные процессуальные нарушения, допускаемые органами власти при реализации своих контрольных полномочий в цифровой среде [Wang, 2025]. Кроме того, в работе используются методы статистического анализа данных о миграционных потоках и количестве выданных электронных виз, что дает возможность оценить масштаб нагрузки на информационные системы и коррелировать эти данные с показателями выявляемости нарушений миграционного законодательства. Синтез доктринальных разработок в области информационного и административного права с практическим анализом работы правоохранительных органов позволяет сформировать целостную картину правового режима электронных виз и предложить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства. Применение кибернетического подхода к праву в данном контексте оправдано спецификой объекта исследования, представляющего собой сложную социотехническую систему управления миграционными процессами.

Результаты и обсуждение

Внедрение единой электронной визы в Российской Федерации, нормативно закрепленное изменениями в Федеральный закон № 114-ФЗ и рядом постановлений Правительства, стало катализатором кардинальной перестройки взаимодействия между ключевыми ведомствами, ответственными за миграционный контур. Центральным элементом этой системы является специализированный веб-сайт МИД России и соответствующее мобильное приложение, которые выступают в роли "цифрового окна" для иностранного заявителя, однако за внешним интерфейсом скрывается сложнейшая бэкэнд-архитектура, где происходит мгновенная кросс-валидация данных [Булгаков, 2025]. Роль Министерства иностранных дел в этой схеме

эволюционировала от субъекта, принимающего единоличное решение на основе собеседования и бумажных документов, к функции первичного оператора данных и верификатора дипломатического статуса, в то время как содержательная проверка на предмет безопасности полностью делегирована алгоритмам, подключенным к массивам данных ФСБ и МВД. Это смещение акцентов создает правовую неопределенность в вопросе ответственности за отказ в выдаче визы, поскольку формально уведомление приходит от МИД, но фактическим инициатором запрета может выступать оперативная база данных другого ведомства, алгоритмы работы которой засекречены. Анализ нормативной базы показывает, что срок рассмотрения заявления на электронную визу, составляющий всего 4 календарных дня, накладывает жесткие императивные обязательства на скорость межведомственного обмена, что практически исключает возможность "ручной" обработки запросов и требует полной автоматизации проверок по стоп-листам [Кожевников, 2025].

Федеральная служба безопасности, осуществляя пограничный контроль, играет ключевую роль в системе фильтрации въезжающих лиц, используя для этого ресурсы государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения (ГС ПВДНП). Специфика цифрового взаимодействия заключается в том, что пограничные органы получают информацию о выданной электронной визе в автоматическом режиме, что теоретически должно исключать задержки на паспортном контроле, однако на практике возникают коллизии, связанные с рассинхронизацией баз данных. Судебная практика фиксирует случаи, когда иностранный гражданин, получивший электронное уведомление о выдаче визы, задерживается на границе из-за того, что в локальном сегменте базы данных пограничного контроля информация либо не обновилась, либо вступила в противоречие с "флажками" оперативного учета, выставленными другими подразделениями [Архипов, Кубасов, 2024]. Это ставит вопрос о юридической силе электронного уведомления: является ли оно безусловным основанием для въезда или лишь предварительным акцептом, который может быть аннулирован непосредственно в пункте пропуска без объяснения причин. Правовой статус электронной визы как самостоятельного административного акта требует уточнения, так как существующие нормы позволяют аннулировать ее в упрощенном порядке, что часто происходит в "серой зоне" правоприменения, где дискреционные полномочия пограничника превалируют над формальным разрешением.

Министерство внутренних дел, являясь оператором баз данных миграционного учета внутри страны и розыскных учетов, интегрируется в процесс выдачи электронных виз на этапе проверки заявителя на наличие административных правонарушений, неоплаченных штрафов и фактов нарушения режима пребывания в прошлые периоды. Взаимодействие МВД и МИД осуществляется через каналы СМЭВ, где критически важным параметром является точность транслитерации установочных данных иностранца [Жеребцов, Малышев, 2023]. Проблема заключается в том, что различные ведомственные системы могут использовать разные алгоритмы транслитерации кириллицы и латиницы, что при автоматической сверке приводит к появлению "дублей" или, наоборот, к тому, что лицо, находящееся в розыске или имеющее запрет на въезд, не идентифицируется системой как нарушитель. Анализ правоприменительной практики показывает, что значительная часть судебных споров по делам о депортации связана именно с ошибками в базах данных ЦБДУИГ (Центральный банк данных по учету иностранных граждан), когда законопослушный иностранец ошибочно связывается с карточкой нарушителя из-за совпадения ФИО и даты рождения. В условиях цифровизации и отсутствия очного собеседования риск таких ошибок возрастает, а механизм их оперативного исправления

законодательно не проработан в должной мере, оставляя иностранца один на один с бюрократической машиной.

Особый пласт проблем в межведомственной координации вскрывает анализ процедур обработки биометрических данных. Внедрение обязательной дактилоскопии и фотографирования для широкого круга иностранных граждан требует создания единого биометрического профиля, доступ к которому должны иметь все заинтересованные ведомства в режиме реального времени. Однако нормативное регулирование доступа к биометрическим банкам данных до сих пор носит фрагментарный характер, разделяя компетенции МВД (сбор и хранение внутри страны) и ФСБ (контроль на границе) [Глушков, 2025]. Отсутствие бесшовной интеграции приводит к тому, что лицо, сдавшее биометрию в консульстве (в случае классических виз) или при въезде, может быть не распознано системой МВД при проверке документов на улице, если репликация данных не произошла корректно. Кроме того, правовой режим использования систем распознавания лиц для предиктивного анализа угроз и автоматического аннулирования электронных виз находится в стадии формирования, вызывая дискуссии о соблюдении прав человека и защиты персональных данных. Законодатель стремится к созданию "цифрового профиля мигранта", который объединил бы все данные, но ведомственная разобщенность и разные стандарты кодирования информации тормозят этот процесс.

Существенным аспектом является контроль за соблюдением условий электронной визы, который возложен на МВД после пересечения иностранцем границы. Электронная виза дает право на пребывание в течение 16 суток, и контроль этого срока осуществляется полностью автоматически [Алексеев, 2022]. Если ранее иностранец мог сослаться на утерю миграционной карты или штампа, то теперь "цифровой след" в базе данных является единственным и неоспоримым доказательством. При этом возникает проблема координации действий МВД и ФСБ при выезде иностранца: если система МВД фиксирует просрочку (оверстей), информация должна мгновенно передаваться на пограничные пункты для принятия решения о привлечении к административной ответственности и возможном закрытии въезда на будущее. Практика показывает, что здесь часто возникают временные лаги: иностранец успевает выехать до того, как информация о нарушении поступит в "Стоп-лист" пограничной службы, что нивелирует принцип неотвратимости наказания. С другой стороны, автоматическое вынесение решений о запрете въезда за незначительные просрочки (например, из-за отмены рейса) создает чрезмерную нагрузку на судебную систему, вынужденную в ручном режиме исправлять "негибкость" алгоритмов.

В контексте национальной безопасности взаимодействие ведомств при выдаче электронных виз предполагает использование так называемых профилей рисков. Это сложные аналитические модели, разрабатываемые ФСБ и внедряемые в систему обработки визовых анкет. Правовая природа этих профилей рисков остается закрытой, что делает невозможным их судебное оспаривание [Волков, Кривоусков, Курбатов, 2021]. Адвокаты, работающие с делами о запрете въезда, сталкиваются с тем, что причины отказа в электронной визе формулируются максимально размыто, со ссылкой на п. 1 ст. 27 ФЗ-114 ("в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства"). Межведомственная комиссия, которая теоретически могла бы рассматривать жалобы, фактически не функционирует в режиме оперативного реагирования на отказы по электронным визам, учитывая массовый характер последних. Таким образом, цифровизация привела к усилению административного усмотрения, скрытого за "черным ящиком" программного обеспечения, где решение принимает не конкретный чиновник, а совокупность ведомственных фильтров.

Важным элементом системы является также взаимодействие с транспортными компаниями, которые обязаны проверять наличие визы у пассажира перед посадкой. В условиях электронных виз перевозчики получают доступ к специальному сервису проверки статуса визы, разработанному МИД совместно с Минтрансом и ФСБ. Здесь правовая проблема кроется в распределении ответственности за доставку пассажира с аннулированной или недействительной визой [Максименко, Журкина, Ерохина, 2021]. Если автоматизированная система проверки дала сбой и выдала перевозчику статус "valid", а пограничная служба ФСБ по прибытии отказала во въезде, возникают споры о том, кто несет расходы по депортации. Арбитражная практика свидетельствует о том, что суды чаще встают на сторону государственных органов, возлагая риски технических сбоев на коммерческие структуры, что вынуждает перевозчиков перестраховываться и отказывать в перевозке при малейших сомнениях, нарушая тем самым права пассажиров.

Анализ нормативных актов, регулирующих технические аспекты СМЭВ, показывает, что протоколы обмена данными между МИД и МВД не всегда учитывают специфику оперативной обстановки. Например, информация о смене фамилии иностранным гражданином в стране гражданства может не поступить в российские базы данных своевременно. Иностранец оформляет новый паспорт, получает электронную визу на новые данные, и система пропускает его, так как старая "запретная" запись не слinkована с новой личностью. Это фундаментальная проблема идентификации, которую пытаются решить через обязательную биометрию, но стопроцентного охвата пока нет. ФСБ настаивает на расширении перечня биометрических идентификаторов, в то время как МИД опасается, что усложнение процедуры подачи заявки снизит туристическую привлекательность страны. Этот ведомственный конфликт интересов — безопасность против доступности — проходит красной нитью через все нормативное регулирование электронных виз.

Судебная практика последних лет также выявляет проблему "двойной ответственности" и несогласованности санкций. Нередки случаи, когда за одно и то же нарушение (например, несоответствие заявленной цели въезда фактической деятельности) МВД составляет протокол по ст. 18.8 КоАП РФ внутри страны, а ФСБ аннулирует визу при выезде. Отсутствие единого процессуального пространства приводит к тому, что иностранец может быть подвергнут наказанию дважды разными ведомствами, что противоречит общим принципам права. Введение цифрового профиля должно было бы решить эту проблему путем создания единого реестра административных воздействий, но на данный момент интеграция баз данных административной практики МВД и пограничных органов ФСБ остается неполной, особенно в части обмена информацией в реальном времени.

Кибербезопасность всей инфраструктуры электронных виз является отдельным направлением межведомственного взаимодействия. ФСБ через Центр защиты информации и специальной связи (ЦЗИ) осуществляет контроль за криптографической защитой каналов связи, по которым передаются персональные данные иностранцев [Жеребцов, Малышев, 2023]. Учитывая, что заявки подаются через публичный интернет, риски перехвата данных или DDoS-атак на консульский портал МИД чрезвычайно высоки. Любой успешный взлом системы может привести не только к утечке данных, но и к несанкционированному въезду лиц, представляющих угрозу. Поэтому технические регламенты взаимодействия содержат жесткие требования к сертификации оборудования и программного обеспечения, что, в свою очередь, замедляет процессы модернизации системы и внедрения новых сервисов для пользователей.

Перспективы развития системы связаны с внедрением искусственного интеллекта для анализа больших данных о перемещениях иностранных граждан. МВД и Минцифры работают над созданием алгоритмов, способных выявлять паттерны нелегальной трудовой миграции на основе косвенных признаков (геолокация, транзакции, социальные связи), полученных из различных источников. Это потребует нового уровня нормативного регулирования, позволяющего легализовать "машинное доказательство" в административном процессе. В настоящее время суды скептически относятся к доказательствам, полученным исключительно автоматизированным путем, требуя их подтверждения материалами оперативно-розыскной деятельности или протоколами осмотра, что возвращает процесс к необходимости участия человека и снижает эффект от цифровизации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос территориальных ограничений действия электронных виз (там, где они сохраняются или вводились как пилотные проекты). Механизм контроля за тем, чтобы иностранец не покинул пределы разрешенного региона, практически полностью лежит на плечах МВД. Однако без сплошного контроля на административных границах регионов эффективность такого ограничения сомнительна. Цифровизация здесь может помочь только через систему камер с распознаванием лиц ("Безопасный город"), интегрированную с базами данных миграционного учета. Но здесь снова встает вопрос межведомственного доступа: имеют ли право региональные подразделения МВД использовать федеральные базы данных пограничного контроля для отслеживания внутренних перемещений туристов в автоматическом режиме? Нормативный ответ на этот вопрос пока неоднозначен.

В сфере правового регулирования статуса соотечественников и высококвалифицированных специалистов электронные сервисы также вносят коррективы. Упрощенные процедуры для этих категорий граждан требуют еще более тщательной верификации документов, подтверждающих их статус. Взаимодействие МИД (прием заявлений), МВД (оценка квалификации и потребности рынка труда) и ФСБ (проверка на безопасность) здесь приобретает трехсторонний характер, где каждый участник имеет право вето. Электронный документооборот ускоряет процесс, но увеличивает риск подлога сканированных копий документов, что требует разработки механизмов цифрового апостилирования и международного признания электронных подписей.

Таким образом, анализ показывает, что цифровизация визового и миграционного контроля — это не просто смена носителя информации, а глубокая трансформация правовых отношений между государством и иностранным гражданином. Система становится более прозрачной для контрольных органов, но менее прозрачной для субъекта контроля. Право на защиту, право на обжалование и принцип правовой определенности подвергаются испытанию алгоритмическим управлением. Текущее состояние нормативной базы характеризуется "лоскутностью": старые нормы, ориентированные на бумажный процесс, механически адаптируются к цифровым реалиям, создавая лакуны, которые заполняются ведомственными инструкциями закрытого характера.

Заключение

Архитектура взаимодействия Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Министерства иностранных дел в условиях функционирования цифровых платформ миграционного контроля демонстрирует переход от линейной модели последовательных согласований к сетевой модели параллельной обработки данных. Эффективность данного механизма напрямую зависит от качества и скорости информационного

обмена в рамках единой системы межведомственного электронного взаимодействия, а также от унификации справочников и алгоритмов идентификации личности. Наблюдаемая тенденция к автоматизации принятия решений о разрешении или запрете въезда, с одной стороны, существенно снижает коррупционные риски и административную нагрузку на персонал, но с другой — формирует зону правовой уязвимости, где технические ошибки или несогласованность ведомственных баз данных приводят к необоснованному ограничению прав иностранных граждан. Ключевой проблемой остается отсутствие единого надведомственного центра ответственности, способного оперативно разрешать коллизии, возникающие на стыке компетенций дипломатического ведомства и силовых структур, что в текущих реалиях приводит к доминированию императивов безопасности над принципами правовой определенности и гуманизма.

Дальнейшее развитие нормативного регулирования в данной сфере неизбежно должно быть направлено на создание целостного Цифрового миграционного кодекса или аналогичного систематизированного акта, который закрепит юридическую силу цифрового профиля иностранного гражданина и определит исчерпывающий перечень оснований для автоматизированного принятия ограничительных мер. Необходимо законодательное закрепление механизмов "цифрового арбитража" — ускоренной процедуры обжалования отказов, вынесенных искусственным интеллектом или автоматизированными системами, с четким распределением бремени доказывания и ответственности за технические сбои. Синхронизация правовых режимов пограничного и внутреннего миграционного контроля требует устранения дублирующих функций и создания единого информационного пространства, в котором юридический факт пересечения границы мгновенно актуализирует статус лица во всех государственных системах, исключая возможность возникновения "серых зон" пребывания. Успех цифровизации миграционной сферы зависит не столько от внедрения новых технологий, сколько от способности правовой системы адаптироваться к новой реальности, сохраняя баланс между суверенитетом государства и правами личности в цифровом мире.

Библиография

1. Алексеев, Д. В. (2022). Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции. Вестник Томского государственного университета, (480), 63-72.
2. Архипов, В. В., & Кубасов, И. А. (2024). Анализ влияния цифровой трансформации на эффективность предоставления государственных услуг в Российской Федерации. Вопросы природопользования, 3(6), 146-158.
3. Балдин, С. А. (2024). Влияние цифровых преобразований в экономике и обществе на миграцию и государственное управление в миграционной сфере. Экономика и управление: проблемы, решения, 9(5(146)), 6-13.
4. Булгаков, А. Э. (2025) Цифровые платформы и обеспечение соблюдения миграционного законодательства: перспективы развития российской системы государственного контроля в сфере миграции. Миграционное право, (3), 22-25.
5. Волков, Ю. Г., Кривоусков, В. В., & Курбатов, В. И. (2021). Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тенденции международной миграции. Цифровая социология, 4(4), 102-108.
6. Гарная-Иванова, И. А., Кантария-Невретдинова, Е. А., & Воротилина, Т. В. (2023). Миграционный контроль в период цифровой трансформации общества: правовой аспект. Вестник Академии права и управления, (2(72)), 27-31.
7. Глушков, А. А. (2025) Новейшие цифровые системы контроля мигрантов: правовые основы, перспективы и вызовы. Международный научный вестник, (4), 218-223.
8. Ерёмченко, О. А. (2024). Применение цифровых технологий в регулировании миграции: данные патентного анализа. Информационное общество, (6), 116-124.
9. Жеребцов, А. Н., & Малышев, Е. А. (2023). Применение цифровых технологий в процессе публичного управления миграционными процессами в Российской Федерации. Lex Russica, 76(12(205)), 101-112.

10. Ковалишина, К. В., & Евсикова, Е. В. (2024). Цифровой профиль мигранта: особенности и перспективы развития. *Аграрное и земельное право*, (8(236)), 110-112.
11. Кожевников, А. К. (2025) Мигрант ID в системе правового регулирования РФ: тенденции и перспективы. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, (6(106)), 230-236.
12. Максименко, Е. И., Журкина, О. В., & Ерохина, Е. В. (2021). Правовые аспекты информационно-цифрового регулирования миграционных процессов. *Вопросы российского и международного права*, 11(10А), 243-249.
13. Рязанцева, М. Н. (2025) Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России. *Криминологический журнал*, (2), 150-154.
14. Чистякова, Д., & Василевская, Л. (2022). Электронные паспорта и карты идентификации личности в мире и в России. *БИТ. Бизнес & Информационные технологии*, (7(120)), 20-26.
15. Wang, X. (2025) Digital constitutionalism and legal protection of personal data in global perspective. *Environmental Management Issues*, 4(4), 8-12.

Interagency Coordination of the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service, and the Ministry of Foreign Affairs in the Context of Digitalization of Visa and Migration Control and the Development of Electronic Visas

Viktoriya V. Demchenko

PhD in Law, Associate Professor,
Lugansk Branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
291047, 6, Krasnodonskaya str., Lugansk, Russian Federation;
e-mail: Vika.dv77@yandex.ru

Abstract

The article reveals how the introduction of the unified electronic visa in Russia transforms state migration and border control from a sequential bureaucratic procedure into a highly automated sociotechnical system, relying on continuous interagency data exchange between the Ministry of Foreign Affairs, the Federal Security Service, and the Ministry of Internal Affairs. It is shown that the key effects of digitalization are associated not only with accelerating application processing and reducing "manual" involvement, but also with the emergence of new legal uncertainties: the blurring of personalized responsibility for refusal or cancellation of permits, limited verifiability of algorithmic filters, and the complication of judicial protection when references are made to security considerations. Based on regulatory provisions and law enforcement cases, typical failures of the digital circuit are analyzed — desynchronization of departmental databases, transliteration and identification errors, incomplete integration of biometric arrays, delays in the transmission of information about violations, as well as conflicts in risk distribution between the state and carriers in case of erroneous validation of visa status. It is substantiated that the current "patchwork" adaptation of traditional norms to the digital environment enhances the discretion of the power components of management and reduces the transparency of the regime for foreign citizens, which makes the article relevant for assessing the legal sustainability of electronic services and designing appeal procedures in the context of algorithmic administration.

For citation

Demchenko V.V. (2026) *Mezhvedomstvennaya koordinatsiya MVD, FSB i MID v usloviyakh tsifrovizatsii vizovogo i migratsionnogo kontrolya i razvitiya elektronnykh viz* [Interagency Coordination of the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service, and the Ministry of Foreign Affairs in the Context of Digitalization of Visa and Migration Control and the Development of Electronic Visas]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 294-304. DOI: 10.34670/AR.2026.80.60.035

Keywords

Interagency coordination, electronic visa, digitalization of migration control, algorithmic administration, data exchange, Ministry of Internal Affairs (MVD), Federal Security Service (FSB), Ministry of Foreign Affairs (MID).

References

1. Alekseyev, D. V. (2022). Tsifrovizatsiya migratsionnoy politiki ES v kontekste sekyuritizatsii migratsii [Digitalization of EU migration policy in the context of securitization of migration]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (480), 63-72.
2. Arkhipov, V. V., & Kubasov, I. A. (2024). Analiz vliyaniya tsifrovoy transformatsii na effektivnost predostavleniya gosudarstvennykh uslug v Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the impact of digital transformation on the efficiency of public service delivery in the Russian Federation]. *Voprosy prirodopolzovaniya*, 3(6), 146-158.
3. Baldin, S. A. (2024). Vliyaniye tsifrovyykh preobrazovaniy v ekonomike i obshchestve na migratsiyu i gosudarstvennoye upravleniye v migratsionnoy sfere [The impact of digital transformations in the economy and society on migration and public administration in the migration sphere]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*, 9(5(146)), 6-13.
4. Bulgakov, A. E. (2025) Tsifrovyye platformy i obespecheniye soblyudeniya migratsionnogo zakonodatelstva: perspektivy razvitiya rossiyskoy sistemy gosudarstvennogo kontrolya v sfere migratsii [Digital platforms and ensuring compliance with migration legislation: prospects for the development of the Russian system of state control in the field of migration]. *Migratsionnoye pravo*, (3), 22-25.
5. Chistyakova, D., & Vasilevskaya, L. (2022). Elektronnyye pasporta i karty identifikatsii lichnosti v mire i v Rossii [Electronic passports and personal identification cards in the world and in Russia]. *BIT. Biznes & Informatsionnyye tekhnologii*, (7(120)), 20-26.
6. Gamaya-Ivanova, I. A., Kantariya-Nevretdinova, E. A., & Vorotilina, T. V. (2023). Migratsionnyy kontrol v period tsifrovoy transformatsii obshchestva: pravovoy aspekt [Migration control during the digital transformation of society: legal aspect]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, (2(72)), 27-31.
7. Glushkov, A. A. (2025) Noveyshiye tsifrovyye sistemy kontrolya migrantov: pravovyye osnovy, perspektivy i vyzovy [The latest digital migrant control systems: legal foundations, prospects and challenges]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik*, (4), 218-223.
8. Kovalishina, K. V., & Evsikova, E. V. (2024). Tsifrovoy profil migranta: osobennosti i perspektivy razvitiya [Digital profile of a migrant: features and development prospects]. *Agramoye i zemelnoye pravo*, (8(236)), 110-112.
9. Kozhevnikov, A. K. (2025) Migrant ID v sisteme pravovogo regulirovaniya RF: tendentsii i perspektivy [Migrant ID in the system of legal regulation of the Russian Federation: trends and prospects]. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki*, (6(106)), 230-236.
10. Maksimenko, E. I., Zhurkina, O. V., & Erokhina, E. V. (2021). Pravovyye aspekty informatsionno-tsifrovogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov [Legal aspects of information and digital regulation of migration processes]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 11(10A), 243-249.
11. Ryazantseva, M. N. (2025) Tsifrovoy profil migranta kak instrument upravleniya migratsionnymi protsessami v sovremennoy Rossii [Digital profile of a migrant as a tool for managing migration processes in modern Russia]. *Kriminologicheskiy zhurnal*, (2), 150-154.
12. Volkov, Yu. G., Krivopuskov, V. V., & Kurbatov, V. I. (2021). Tsifrovyye migranty i tsifrovaya diaspora: novyye problemy i tendentsii mezhdunarodnoy migratsii [Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends of international migration]. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 4(4), 102-108.
13. Wang, X. (2025) Digital constitutionalism and legal protection of personal data in global perspective. *Environmental Management Issues*, 4(4), 8-12.
14. Yeremchenko, O. A. (2024). Primeneniye tsifrovyykh tekhnologiy v regulirovanii migratsii: dannyye patentnogo analiza [Application of digital technologies in migration regulation: patent analysis data]. *Informatsionnoye obshchestvo*, (6), 116-124.

15. Zherebtsov, A. N., & Malyshev, E. A. (2023). *Primeneniye tsifrovyykh tekhnologiy v protsesse publichnogo upravleniya migratsionnymi protsessami v Rossiyskoy Federatsii* [Application of digital technologies in the process of public management of migration processes in the Russian Federation]. *Lex Russica*, 76(12(205)), 101-112.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.36.66.036

Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности

Сурилов Меир Нисонович

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: Surilov.MN@rea.ru

Аннотация

Статья анализирует становление и усложнение антикоррупционного регулирования в Российской Федерации через призму конституционных принципов правового государства, публичной ответственности, правовой определенности и соразмерности ограничений прав. Показано, что ранняя ориентация на уголовно-правовое преследование взяточничества постепенно сменилась системной моделью, сочетающей профилактические инструменты, контрольные процедуры и многоуровневую юридическую ответственность. Существенное место отведено трансформации института конфликта интересов и формированию судебных подходов к его доказыванию, включая смещение акцента на формальные обязанности уведомления и последствия в виде утраты доверия. Рассматривается механизм контроля расходов и обращения имущества в доход государства как функциональный аналог внесубъектной конфискации, выявляются его коллизии с гарантиями собственности и презумптивными стандартами защиты. Обобщаются результаты правоприменения по кратным штрафам, мелкому взяточничеству, посредничеству, ответственности юридических лиц, а также последствия расширения круга субъектов антикоррупционного контроля на организации с публичными функциями. Отдельно оценивается влияние цифровизации и автоматизированного сопоставления данных на выявляемость рисков при одновременном усилении требований к защите персональной информации. Делается вывод о наличии устойчивых проблем: размытость оценочных понятий, неоднородность судебной практики, риск избирательности и дисбаланс между жесткостью норм и качеством их исполнения, что снижает предсказуемость правовых последствий и легитимность антикоррупционной политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Сурилов М.Н. Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 305-315. DOI: 10.34670/AR.2026.36.66.036

Ключевые слова

Антикоррупционное законодательство, конституционные принципы, конфликт интересов, публичная ответственность, правовая определенность, утрата доверия, контроль расходов.

Введение

Конституционная архитектура российского государства, закреплённая в Основном законе 1993 года, предполагает неразрывную связь между утверждением верховенства права и эффективностью публичного управления, что неизбежно ставит вопросы противодействия коррупционным проявлениям в центр государственно-правовой повестки. Формирование правового государства, продекларированное в первой статье Конституции, невозможно в условиях, когда публичная власть используется в частных интересах, подрывая доверие граждан к институтам и нарушая принцип равенства всех перед законом и судом. Эволюция отечественного законодательства в рассматриваемой сфере представляет собой сложный, нелинейный процесс, отражающий поиск баланса между необходимостью жесткой репрессии в отношении коррупционеров и соблюдением фундаментальных прав человека, гарантированных международными и национальными стандартами. Понимание коррупции не просто как совокупности уголовно наказуемых деяний, а как системной угрозы конституционному строю, пришло не сразу, потребовав десятилетий проб и ошибок в нормотворчестве и правоприменении [Иванов, 2022].

Историческая ретроспектива показывает, что на ранних этапах становления современной российской государственности антикоррупционные меры носили фрагментарный, точечный характер, часто ограничиваясь рамками уголовного преследования за взяточничество и хищения, что не позволяло устранить детерминанты теневых отношений в экономике и управлении. Смена парадигмы произошла с осознанием того, что карательная политика без превентивных механизмов и институциональных реформ обречена на неудачу, что потребовало имплементации международных конвенций и разработки национального стратегического планирования [Иванов, 2021]. Важнейшим аспектом здесь выступает конституционный принцип соразмерности ограничения прав и свобод целям защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Введение жестких запретов, ограничений и обязанностей для государственных служащих, включая декларирование доходов и расходов, по сути, является легитимным ограничением их правового статуса в обмен на властные полномочия, однако границы этого вмешательства в частную жизнь остаются предметом острых дискуссий в научном сообществе.

Современный этап развития нормативной базы характеризуется тенденцией к унификации и ужесточению требований к лицам, замещающим публичные должности, а также расширением круга субъектов, подпадающих под антикоррупционный контроль, включая работников государственных корпораций и организаций, выполняющих публичные функции. Наблюдается трансформация института юридической ответственности, где наряду с традиционной уголовной и административной ответственностью все большее значение приобретает конституционно-правовая и дисциплинарная ответственность, выражающаяся в утрате доверия и увольнении с государственной службы. Этот институт, несмотря на свою эффективность, порождает ряд правоприменительных проблем, связанных с неопределенностью критериев и возможностью субъективного усмотрения [Курбатова, 2023]. Ключевой задачей юридической науки на текущем этапе является не только анализ текстов законов, но и выявление глубинных противоречий между декларируемыми целями антикоррупционной политики и реальной практикой их реализации судами и правоохранительными органами.

Особое внимание следует уделить вопросу о том, насколько действующие правовые

механизмы соответствуют принципу правовой определенности, являющемуся неотъемлемым элементом верховенства права. Размытость формулировок, наличие оценочных категорий в законодательстве о противодействии коррупции создают риски избирательного правоприменения, что само по себе может стать коррупциогенным фактором [Саетгараев, 2025]. Исследование эволюции законодательства через призму судебной практики позволяет выявить «болевы́е точки» системы: от сложностей квалификации конфликта интересов до проблем обращения в доход государства имущества, законность приобретения которого не подтверждена. Важно проследить, как менялась позиция высших судебных инстанций по данным вопросам и как эти изменения влияли на правотворческую активность законодателя, формируя замкнутый цикл правового регулирования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, применяемых в юриспруденции для всестороннего анализа нормативного материала и правоприменительной практики. В качестве базового инструментария использовался формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание нормативных правовых актов, выявить их внутреннюю структуру и противоречия, а также метод сравнительного правоведения для сопоставления различных редакций законов и подходов к регулированию. Эмпирическую базу исследования сформировали более 200 нормативных правовых актов, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также подзаконные акты Президента и Правительства.

Особое место в структуре источников занимают акты судебной власти, формирующие единообразие толкования правовых норм: постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также обзоры судебной практики по делам о коррупционных преступлениях и правонарушениях. В выборку для анализа вошли более 500 судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов различных инстанций за период с 2010 по 2023 год, что позволило выявить устойчивые тенденции и региональные особенности правоприменения. Для оценки эффективности антикоррупционных мер использовались статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ и отчетность Генеральной прокуратуры, подвергнутые статистическому анализу и синтезу. Теоретическую основу составили труды ведущих ученых в области конституционного, уголовного и административного права, чьи концепции послужили фундаментом для интерпретации полученных данных.

Результаты и обсуждение

Фундаментальным сдвигом в развитии отечественного антикоррупционного законодательства стало принятие в 2008 году Федерального закона № 273-ФЗ, который впервые на законодательном уровне закрепил дефиницию коррупции, выйдя за пределы узкого уголовно-правового понимания взяточничества. До этого момента правовое регулирование носило разрозненный характер, базируясь преимущественно на нормах Уголовного кодекса 1996 года, что не позволяло охватить весь спектр коррупционных проявлений, таких как

конфликт интересов, незаконное обогащение или использование служебной информации в личных целях. Принятие базового закона и последующих Национальных планов противодействия коррупции обозначило переход к системной государственной политике, сочетающей меры профилактики, уголовного преследования и минимизации последствий коррупционных правонарушений, что соответствует международным стандартам, в частности Конвенции ООН против коррупции [Шаймуллин, 2023b].

Центральным элементом новой архитектуры стала категория конфликта интересов, которая долгое время оставалась *terra incognita* для российского правоприменителя. Законодатель определил конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей. Сложность практической реализации данной нормы заключалась в необходимости доказывания не только факта наличия личной заинтересованности, но и потенциальной возможности её влияния на служебное поведение, что требует глубокого анализа должностных регламентов и фактических обстоятельств дела. Судебная практика первых лет применения закона демонстрировала разноречивость в подходах: суды часто требовали доказательств наступления реального ущерба, игнорируя превентивную природу института урегулирования конфликта интересов.

Постепенно, под влиянием разъяснений Верховного Суда и методических рекомендаций Министерства труда, сформировался подход, согласно которому сам факт неуведомления о возникшем конфликте интересов является самостоятельным и достаточным основанием для применения мер ответственности, вплоть до увольнения в связи с утратой доверия. Это свидетельствует о смещении акцента с материального состава правонарушения на формальный, где охраняемым благом выступает сама чистота публичной службы и доверие общества к государственным институтам [Понежина, Понежин, 2022]. Однако анализ судебных решений показывает, что грань между реальным конфликтом интересов и гипотетической возможностью его возникновения остается тонкой. Нередки случаи, когда к ответственности привлекаются служащие за действия, совершенные их дальними родственниками или свойственниками, о которых они могли и не знать, что поднимает вопрос о пределах вины в дисциплинарных правонарушениях коррупционного характера.

Важной вехой в развитии законодательства стало введение механизма контроля за расходами лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц, осуществляющих публичные полномочия. Федеральный закон № 230-ФЗ создал правовую основу для обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Данный институт, имеющий гражданско-правовую природу, фактически выполняет функцию конфискации *in rem*, известную зарубежным правовым порядкам, и вызывает ожесточенные споры относительно его соответствия презумпции невиновности и праву собственности [Шаймуллин, 2023a]. Конституционный Суд неоднократно проверял конституционность данных норм, подтвердив право законодателя устанавливать особые требования к лицам, обладающим властными полномочиями, однако указал на недопустимость формального подхода и необходимость учета всех обстоятельств приобретения имущества.

Правоприменительная практика по делам об обращении имущества в доход государства демонстрирует тенденцию к расширению круга ответчиков. Изначально иски предъявлялись

непосредственно к чиновникам и их супругам, однако впоследствии прокуратура начала активно использовать институт взыскания имущества, оформленного на третьих лиц (родителей, совершеннолетних детей, знакомых), если удавалось доказать, что фактическим выгодоприобретателем является должностное лицо. Суды, рассматривая такие дела, исходят из того, что мнимые сделки и формальная регистрация права собственности не могут служить защитой от изъятия коррупционных активов. Это требует от судей высокой квалификации и способности анализировать сложные финансовые схемы, выходящие за рамки стандартных гражданско-правовых споров, а также применять стандарты доказывания, отличные от классического гражданского процесса.

Уголовно-правовая репрессия также претерпела значительные изменения, направленные на дифференциацию ответственности и внедрение экономических санкций. Введение в 2011 году кратных штрафов за получение и дачу взятки рассматривалось как гуманизация уголовной политики и способ подорвать экономическую базу коррупции. Однако практика показала низкую исполнимость таких приговоров: осужденные зачастую не обладали легальными активами для уплаты многомиллионных штрафов, что приводило к необходимости замены наказания на реальное лишение свободы [Саидов, Ниматулаева, 2024]. В ответ на это законодатель скорректировал санкции, вернув возможность назначения лишения свободы со штрафом в качестве дополнительного наказания, что позволило судам более гибко подходить к избранию меры государственного принуждения с учетом личности виновного и тяжести содеянного.

Отдельного внимания заслуживает проблема квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ). Выделение данного состава в отдельную норму было призвано разгрузить следственные органы и суды от сложных процедур по делам о незначительных суммах, однако на практике это привело к статистическим искажениям и возможности манипулирования показателями борьбы с коррупцией. Анализ уголовной статистики свидетельствует о том, что значительная доля приговоров выносится именно по фактам мелкого взяточничества (врачи, преподаватели, сотрудники ГИБДД), в то время как выявление и расследование масштабных коррупционных схем с участием высокопоставленных должностных лиц требует гораздо больших ресурсов и политической воли. Это создает риск имитации бурной деятельности правоохранительных органов, когда количество возбужденных дел растет, а реальный уровень коррупции в стратегически важных отраслях экономики не снижается [Подольский, 2025].

Институт освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки при условии активного способствования раскрытию преступления и добровольного сообщения о нем органу, имеющему право возбудить уголовное дело, играет двоякую роль. С одной стороны, он является эффективным инструментом разрушения коррупционных связей и круговой поруки, позволяя выявлять получателей взяток. С другой стороны, существует опасность провокации взятки со стороны правоохранительных органов или недобросовестных граждан, использующих данный механизм для устранения конкурентов или сведения личных счетов. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях неоднократно подчеркивал недопустимость провокационных действий, указывая, что согласие должностного лица принять взятку должно быть добровольным, а не результатом психологического давления или искусственно созданных условий [Фокеева, Годунов, 2023].

Цифровизация государственного управления внесла свои коррективы в методы противодействия коррупции. Внедрение системы ГИС «Посейдон», агрегирующей данные из различных государственных реестров, позволяет в автоматическом режиме выявлять расхождения в декларациях чиновников и признаки конфликта интересов. Это снижает роль

человеческого фактора на этапе первичного анализа сведений, однако окончательное решение о наличии нарушения и применении мер ответственности по-прежнему принимает кадровая комиссия и руководитель органа. Технологии больших данных и искусственного интеллекта открывают новые перспективы для предиктивного анализа коррупционных рисков, но вместе с тем ставят вопросы о защите персональных данных и возможности технической ошибки, которая может стоить человеку карьеры и репутации.

Существенной проблемой остается недостаточная гармонизация законодательства о государственной службе и трудового законодательства в части антикоррупционных стандартов. Работники государственных корпораций и фондов, выполняющие публично значимые функции, подпадают под действие ограничений, установленных законом о противодействии коррупции, но процедура их привлечения к ответственности регулируется Трудовым кодексом, который не всегда учитывает специфику коррупционных правонарушений. В частности, сроки давности привлечения к дисциплинарной ответственности, порядок проведения служебных проверок и возможность обжалования решений вызывают множество вопросов на практике [Шевердяев, 2021]. Суды вынуждены восполнять пробелы законодательства путем толкования норм по аналогии, что не способствует единообразию правоприменения.

Особый интерес представляет развитие института ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения (ст. 19.28 КоАП РФ). Российское законодательство не предусматривает уголовной ответственности корпораций, ограничиваясь административными штрафами за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Размеры штрафов могут быть весьма внушительными и достигать сотен миллионов рублей, что делает данный инструмент грозным оружием в руках государства. Вместе с тем, механизм освобождения юридического лица от ответственности в случае, если оно способствовало выявлению правонарушения, работает недостаточно эффективно, так как критерии такого «способствования» четко не определены. Нередки ситуации, когда компания, добровольно сообщившая о факте подкупа ее сотрудником чиновника, все равно привлекается к ответственности из-за формального подхода контролирующих органов [Кожевников, Безруков, 2023].

Анализ нормативной базы показывает, что законодатель стремится закрыть все возможные лазейки для коррупционеров, вводя новые ограничения, такие как запрет на владение иностранными финансовыми инструментами, использование цифровых финансовых активов и криптовалюты. Это отражает глобальный тренд на деофшоризацию элит и повышение финансовой прозрачности. Однако эффективность данных запретов напрямую зависит от возможностей международного сотрудничества и обмена информацией с финансовыми разведками других стран, что в текущих геополитических условиях существенно затруднено. В результате возникает риск, что жесткие нормы останутся декларативными, а реальные активы будут скрываться с использованием более изощренных схем и юрисдикций, недоступных для российского правосудия.

Интересным аспектом является расширение понятия «должностное лицо» в уголовном праве. Включение в этот круг лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях, унитарных предприятиях и акционерных обществах с государственным участием, позволило распространить режим уголовной ответственности за взятки на широкий спектр управленцев в реальном секторе экономики. Судебная практика подтверждает, что руководители дочерних структур госкомпаний также могут признаваться субъектами коррупционных преступлений,

если они наделены соответствующими полномочиями. Это размывает границы между публичной и частной коррупцией, подчеркивая публичный интерес в обеспечении честности управления государственной собственностью в любых ее формах [Габибуллаев, 2025].

Правовая экспертиза нормативных правовых актов на коррупциогенность, ставшая обязательной процедурой, позволила на ранних стадиях отсеивать нормы, создающие условия для произвола чиновников. Типичные коррупциогенные факторы, такие как широта дискреционных полномочий, отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решений, наличие дублирующих полномочий, выявляются прокуратурой и органами юстиции в тысячах проектов ежегодно. Тем не менее, качество нормотворчества, особенно на муниципальном уровне, оставляет желать лучшего. Нередко формулировки административных регламентов намеренно усложняются, создавая административные барьеры, преодоление которых возможно лишь «в ручном режиме», что и порождает бытовую коррупцию [Щербаков, 2025].

Вопросы защиты заявителей о коррупции также требуют дальнейшей проработки. Несмотря на наличие законодательных гарантий, механизмы их реализации остаются слабыми. Лица, сообщившие о фактах коррупции, часто подвергаются давлению со стороны руководства, увольнению или травле в коллективе. Существующая программа защиты свидетелей ориентирована преимущественно на уголовный процесс и физическую безопасность, в то время как заявители нуждаются прежде всего в трудовых и социально-правовых гарантиях. Отсутствие эффективной системы защиты вистблэуэров (информаторов) сдерживает гражданскую активность и снижает выявляемость латентной коррупции.

В контексте конституционных принципов важно отметить, что борьба с коррупцией не должна превращаться в инструмент политической борьбы или способ передела собственности. Принцип равенства перед законом предполагает неотвратимость ответственности независимо от должностного положения и партийной принадлежности. Однако анализ резонансных уголовных дел заставляет задуматься о наличии избирательности в правоприменении, когда антикоррупционная риторика используется для устранения неудобных управленцев, в то время как аналогичные действия лояльных чиновников остаются без внимания правоохранителей. Это подрывает легитимность антикоррупционной политики и порождает правовой нигилизм в обществе [Щербаков, 2025].

Проблема квалификации посредничества во взяточничестве также вызывает дискуссии. Законодатель ужесточил ответственность за обещание или предложение посредничества, что свидетельствует о стремлении пресечь деятельность профессиональных «решал». Суды исходят из того, что посредник действует умышленно в интересах взяткодателя или взяткополучателя, осознавая противоправный характер своих действий. Сложности возникают при разграничении посредничества и мошенничества, когда лицо получает деньги якобы для передачи взятки, но фактически присваивает их себе. Правильная квалификация зависит от установления умысла виновного на момент получения денежных средств, что требует тщательного сбора доказательственной базы.

Необходимо отметить роль гражданского общества и средств массовой информации в противодействии коррупции. Законодательство декларирует открытость и публичность деятельности государственных органов, однако на практике доступ к информации часто ограничивается под предлогом защиты служебной тайны или персональных данных. Журналистские расследования, вскрывающие факты незаконного обогащения чиновников, часто становятся поводом для проверок, но далеко не всегда приводят к возбуждению

уголовных дел. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества должно строиться на принципах партнерства, а не конфронтации, что требует изменения ментальности как чиновников, так и общественных активистов.

Оценка эффективности антикоррупционных мер не может базироваться исключительно на количественных показателях (число осужденных, сумма возмещенного ущерба). Необходим качественный анализ изменений в правосознании граждан и состоянии делового климата. Социологические опросы показывают, что уровень толерантности к коррупции в обществе постепенно снижается, однако бытовая коррупция в сферах здравоохранения, образования и ЖКХ остается высокой. Это свидетельствует о том, что карательные меры должны дополняться структурными реформами в соответствующих отраслях, направленными на устранение дефицита услуг и повышение прозрачности процедур их предоставления.

Таким образом, анализ законодательства и правоприменительной практики выявляет сложную картину, где прогрессивные новеллы соседствуют с архаичными подходами, а жесткость законов компенсируется необязательностью их исполнения. Конституционные принципы правового государства требуют постоянной корректировки курса, направленной на обеспечение верховенства права, защиту прав человека и создание эффективных институтов публичной власти, свободных от коррупционного влияния.

Заключение

Проведенное исследование эволюции антикоррупционного законодательства Российской Федерации позволяет констатировать, что за последние полтора десятилетия была сформирована мощная нормативная база, охватывающая практически все аспекты взаимодействия государства и общества. Произошел переход от декларативных лозунгов к созданию жесткой вертикали антикоррупционного контроля, пронизывающей все уровни публичной власти. Конституционно-правовая ответственность, выраженная в институте утраты доверия, стала реальным инструментом кадровой чистки, позволяющим оперативно освобождаться от служащих, чья лояльность закону вызывает сомнения. Внедрение механизмов контроля за расходами и обращение незаконно нажитого имущества в доход государства существенно повысило риски коррупционного поведения, сделав его экономически нецелесообразным для значительной части бюрократии.

Вместе с тем, правоприменительная практика высветила ряд системных проблем, требующих доктринального осмысления и законодательного разрешения. Чрезмерная формализация антикоррупционных требований нередко приводит к тому, что под ударом оказываются добросовестные служащие, допустившие технические ошибки в декларациях, в то время как бенефициары масштабных схем находят способы обхода установленных запретов. Принцип пропорциональности ответственности характеру правонарушения соблюдается не всегда, что создает напряженность в среде государственных служащих и может демотивировать квалифицированные кадры к поступлению на государственную службу. Баланс между публичными интересами борьбы с коррупцией и частными правами на неприкосновенность частной жизни и собственности остается хрупким и подверженным колебаниям в зависимости от текущей политической конъюнктуры.

Перспективы развития законодательства лежат не столько в плоскости дальнейшего ужесточения уголовных санкций, ресурс устрашения которых практически исчерпан, сколько в совершенствовании превентивных механизмов и цифровизации контроля. Внедрение

технологий искусственного интеллекта и автоматизированного анализа больших данных способно минимизировать человеческий фактор и обеспечить неотвратимость реакции на коррупционные индикаторы. Однако технологический прогресс должен сопровождаться усилением гарантий правовой защиты лиц, попавших в орбиту антикоррупционных проверок, чтобы исключить возможность технической ошибки или злоупотребления правом со стороны контролирующих органов. Важнейшей задачей остается гармонизация различных отраслей права — конституционного, административного, трудового и уголовного — для создания непротиворечивой системы регулирования.

Дальнейшее укрепление правового государства невозможно без повышения качества работы судебной системы, которая должна выступать не просто штамповщиком решений следственных органов, а независимым арбитром, оценивающим доказательства с позиций презумпции невиновности и состязательности сторон. Судебная практика должна формировать четкие и понятные стандарты поведения, исключая двойное толкование норм и обеспечивающие предсказуемость правовых последствий. Только в условиях реального верховенства права и равенства всех перед законом антикоррупционная политика может достичь своей конечной цели — создания чистой, эффективной и подотчетной обществу публичной власти, действующей в интересах человека и гражданина.

Библиография

1. Габибуллаев К.М. Теоретические основы генезиса норм о предупреждении коррупционных правонарушений // Образование и право. 2025. №8. С. 557-562.
2. Иванов А.А. Антикоррупционные положения в Конституции Российской Федерации: проблема целесообразности и эффективности // Правовая мысль. 2021. №2 (3). С. 30-34.
3. Иванов А.А. О конституционно-правовых механизмах реализации антикоррупционной функции государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. №1 (48). С. 13-20.
4. Кабанов П.А. Правовое регулирование и основные формы реализации государственной политики противодействия коррупции торгово-промышленными палатами Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2023. №2 (47). С. 22-31.
5. Кожевников О.А., Безруков А.В. Конституционализация антикоррупционного законодательства на примере закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. №3. С. 24-27.
6. Курбатова С.М. Антикоррупционные стандарты как элемент механизма российской государственности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2023. №4 (46). С. 135-137.
7. Подольский Г.В. Основные направления антикоррупционной государственной политики в Российской Федерации // Образование и право. 2025. №8. С. 34-42.
8. Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю. К вопросу об административно-правовых механизмах противодействия коррупции: история и современность // Юрист-Правовед. 2022. №4 (103). С. 141-146.
9. Саетгараев В.Ф. Особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2025. №2 (74). С. 52-62.
10. Саидов Х.А., Ниматулаева Р.А. Конституционный принцип разделения властей и проблемы противодействия коррупции // Евразийский юридический журнал. 2024. №8 (195). С. 113-114.
11. Фокеева Е.А., Годунов О.И. К вопросу о месте антикоррупционного законодательства в системе современного российского права // Правовая реформа. 2023. №1. С. 66-68.
12. Шаймуллин Р.К. 30-летие принятия Конституции Российской Федерации и современная антикоррупционная политика // Право и государство: теория и практика. 2023а. №11 (227). С. 165-167.
13. Шаймуллин Р.К. Учет отдельных конституционных положений о единстве публичной власти в антикоррупционном законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023б. №12 (228). С. 203-204.
14. Шевердяев С.Н. Осмысление конституционного принципа противодействия коррупции: к вопросу о необходимости поддержки антикоррупционных исследований в российском конституционном праве //

Законодательство. 2021. №1. С. 34-39.

15. Щербаков М.В. Принцип социальной ответственности бизнеса как инструмент балансирования прав собственников и обязательств перед обществом в современном российском законодательстве // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. №6. С. 136-143.

Evolution of Anti-Corruption Legislation of the Russian Federation in the Context of Constitutional Principles of the Rule of Law and Public Responsibility

Meir N. Surilov

PhD in Economics, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics,
115054, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Surilov.MN@rea.ru

Abstract

The article analyzes the formation and increasing complexity of anti-corruption regulation in the Russian Federation through the prism of constitutional principles of the rule of law, public responsibility, legal certainty, and proportionality of restrictions on rights. It is shown that the early focus on criminal prosecution of bribery gradually gave way to a systemic model combining preventive instruments, control procedures, and multi-level legal responsibility. A significant place is given to the transformation of the institution of conflict of interest and the formation of judicial approaches to its proof, including a shift in emphasis to the formal duties of notification and the consequences in the form of loss of confidence. The mechanism of expenditure control and the reversal of property to state income as a functional analogue of non-subject confiscation is examined, and its conflicts with property guarantees and presumptive standards of protection are identified. The results of law enforcement regarding multiple fines, petty bribery, mediation, liability of legal entities, as well as the consequences of expanding the circle of subjects of anti-corruption control to organizations with public functions are summarized. The impact of digitalization and automated data comparison on the detectability of risks is separately assessed, along with the simultaneous strengthening of requirements for the protection of personal information. A conclusion is drawn about the presence of persistent problems: vagueness of evaluative concepts, heterogeneity of judicial practice, risk of selectivity, and an imbalance between the rigidity of norms and the quality of their implementation, which reduces the predictability of legal consequences and the legitimacy of anti-corruption policy.

For citation

Surilov M.N. (2026) Evolyutsiya antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii v kontekste konstitutsionnykh printsipov pravovogo gosudarstva i publichnoy otvetstvennosti [Evolution of Anti-Corruption Legislation of the Russian Federation in the Context of Constitutional Principles of the Rule of Law and Public Responsibility]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 305-315. DOI: 10.34670/AR.2026.36.66.036

Keywords

Anti-corruption legislation, constitutional principles, conflict of interest, public responsibility, legal certainty, loss of confidence, expenditure control.

References

1. Fokeyeva, E. A., & Godunov, O. I. (2023). K voprosu o meste antikorrupsionnogo zakonodatel'stva v sisteme sovremennogo rossiyskogo prava [On the issue of the place of anti-corruption legislation in the system of modern Russian law]. *Pravovaya reforma*, (1), 66-68.
2. Gabibullayev, K. M. (2025). Teoreticheskiye osnovy genezisa norm o preduprezhdenii korruptsionnykh pravonarusheniy [Theoretical foundations of the genesis of norms on the prevention of corruption offenses]. *Obrazovaniye i pravo*, (8), 557-562.
3. Ivanov, A. A. (2021). Antikorrupsionnyye polozheniya v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: problema tselesoobraznosti i effektivnosti [Anti-corruption provisions in the Constitution of the Russian Federation: The problem of expediency and effectiveness]. *Pravovaya mysl'*, (2), 30-34.
4. Ivanov, A. A. (2022). O konstitutsionno-pravovykh mekhanizмах realizatsii antikorrupsionnoy funktsii gosudarstva [On constitutional and legal mechanisms for implementing the anti-corruption function of the state]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki*, (1), 13-20.
5. Kabanov, P. A. (2023). Pravovoye regulirovaniye i osnovnyye formy realizatsii gosudarstvennoy politiki protivodeystviya korruptsii torгово-promyshlennymi palatami Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation and main forms of implementation of the state anti-corruption policy by the chambers of commerce and industry of the Russian Federation]. *Monitoring pravoprimeneniya*, (2), 22-31.
6. Kozhevnikov, O. A., & Bezrukov, A. V. (2023). Konstitutsionalizatsiya antikorrupsionnogo zakonodatel'stva na primere zakona RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14 marta 2020 g. №1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti" [Constitutionalization of anti-corruption legislation on the example of the law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority"]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy*, (3), 24-27.
7. Kurbatova, S. M. (2023). Antikorrupsionnyye standarty kak element mekhanizma rossiyskoy gosudarstvennosti [Anti-corruption standards as an element of the mechanism of Russian statehood]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, (4), 135-137.
8. Podolskiy, G. V. (2025). Osnovnyye napravleniya antikorrupsionnoy gosudarstvennoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Main directions of anti-corruption state policy in the Russian Federation]. *Obrazovaniye i pravo*, (8), 34-42.
9. Ponezhina, L. Yu., & Ponezhin, M. Yu. (2022). K voprosu ob administrativno-pravovykh mekhanizмах protivodeystviya korruptsii: istoriya i sovremennost' [On the issue of administrative and legal mechanisms for combating corruption: history and modernity]. *Yurist'-Pravoved*, (4), 141-146.
10. Saetgarayev, V. F. (2025). Osobennosti realizatsii publichno-pravovogo mekhanizma antikorrupsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Features of the implementation of the public-legal mechanism of anti-corruption policy in the Russian Federation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, (2), 52-62.
11. Saidov, Kh. A., & Nimatulyeva, R. A. (2024). Konstitutsionnyy printsip razdeleniya vlastey i problemy protivodeystviya korruptsii [The constitutional principle of separation of powers and problems of combating corruption]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (8), 113-114.
12. Shaymullin, R. K. (2023a). 30-letiyе prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i sovremennaya antikorrupsionnaya politika [30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and modern anti-corruption policy]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (11), 165-167.
13. Shaymullin, R. K. (2023b). Uchet otdel'nykh konstitutsionnykh polozheniy o yedinstve publichnoy vlasti v antikorrupsionnom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii [Consideration of certain constitutional provisions on the unity of public authority in the anti-corruption legislation of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (12), 203-204.
14. Shcherbakov, M. V. (2025). Printsip sotsial'noy otvetstvennosti biznesa kak instrument balansirovaniya prav sobstvennikov i obyazatel'stv pered obshchestvom v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve [The principle of social responsibility of business as a tool for balancing the rights of owners and obligations to society in modern Russian legislation]. *Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal*, 3(6), 136-143.
15. Sheverdyayev, S. N. (2021). Osmysleniye konstitutsionnogo printsipa protivodeystviya korruptsii: k voprosu o neobkhodimosti podderzhki antikorrupsionnykh issledovaniy v rossiyskom konstitutsionnom prave [Understanding the constitutional principle of combating corruption: on the need to support anti-corruption research in Russian constitutional law]. *Zakonodatel'stvo*, (1), 34-39.

УДК 336.225

DOI: 10.34670/AR.2026.56.99.037

Ценообразование в неконтролируемой сделке: поиск «рынка» в налоговом споре

Синицын Алексей Сергеевич

Аспирант,
Московский гуманитарно-экономический университет,
109390, Российская Федерация, Москва, ул. Юных Ленинцев, д. 79, корп. 2;
e-mail: alexey.sinitsyn@list.ru

Аннотация

В рамках статьи исследуются методы определения реальных рыночных цен при расчете действительной налоговой базы по итогам налогового контроля в неконтролируемых сделках (на основе статьи 54.1 НК РФ). Автор анализирует нормативные основания для такого контроля, историческое развитие методов определения цен в России и международной практике, а также актуальную судебную практику и правовую доктрину. По итогам анализа выделяется три ключевых метода определения цен — методы, заимствованные из трансфертного ценообразования (ТЦО), расчетный метод (подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ) и определение цен путем проведения экспертизы (ст. 95, п. 9 ст. 105.7 НК РФ). Особое внимание уделяется анализу иерархии методов при выборе конкретного подхода и выявлению проблем их практического применения. По итогам исследования предлагаются рекомендации по унификации подхода к определению рыночных цен.

Для цитирования в научных исследованиях

Синицын А.С. Ценообразование в неконтролируемой сделке: поиск «рынка» в налоговом споре // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 316-330. DOI: 10.34670/AR.2026.56.99.037

Ключевые слова

рыночная цена, неконтролируемые сделки, налоговая база, расчетный метод, методы трансфертного ценообразования, экспертиза, статья 54.1 НК РФ.

Введение

Устранение возможности манипулирования ценой в совершаемой взаимосвязанными сторонами сделке в целях получения одной из сторон налоговой экономии давно приковывает внимание законодателей по всему миру. Например, в канадском праве еще в 1917 году появилась норма, позволяющая корректировать цену сделок между связанными корпорациями, если применялись цены ниже «fair price» [Matthews, 2017]

В 1935 году в США законодатель сформулировал[Treasury Regulation §45-1(b), www; Berger, Culbertson, Korotky, Rollinson, 2021, p. 779-787] «arm's length principle» согласно которому сделки между связанными лицами должны оцениваться так, как если бы они проводились между независимыми сторонами на открытом рынке. Данный принцип стал «ключевым столпом» международного подхода трансфертного ценообразования по всему миру[Fulor, 2023, p. 341-352]. Практика его применения привела к разработке методов исследования рыночных цен – в 1995 г. ОЭСР[de Ruiter, www] систематизировала опыт национального регулирования и выделила 5 ключевых методов определения рыночного уровня цен в «трансфертных» сделках.

Российский законодатель воспринял данный опыт в 2012 году, дополнив Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) Разделом V.1, включившим в себя специальные правила налогового контроля за «контролируемыми» сделками: операциями между взаимозависимыми лицами, соответствующими определенным суммовым и сущностным критериям – преимущественно, крупнейшие внутрироссийские сделки (группы сделок) и ряд экспортных операций, занижение цен в которых, по мнению законодателя, наиболее вероятно.

Однако налоговый контроль за ценообразованием не исчерпывается только сделками, соответствующими критериям Раздела V.1: Верховный суд РФ подчеркивает [Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 2016] возможность осуществлять такой контроль и за неконтролируемыми сделками. В силу отсутствия специализированных норм для такого контроля, он осуществляется на основе общей «антиуклонительной» нормы (ст. 54.1 НК РФ) и статьи 40 НК РФ[Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 2016], однако, как будет показано в дальнейшем, с учетом подходов и методов, установленных для контролируемых сделок.

Отсутствие специальных правил налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемых сделках является одной из наиболее актуальных проблем в современной практике, поскольку в вопросе анализа «рыночности» цен существует целый ряд конкурирующих между собой подходов, регулирующих порядок проведения налоговым органом такого исследования, что приводит к существенной разнородности правоприменительной практики.

Центральный вопрос, на который должна ответить данная статья: какой метод определения рыночной цены налоговый орган должен применять в конкретной ситуации и какие требования предъявляет судебная практика к обоснованию выбора метода?

Основания для налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемой сделке

Первичным уровнем правового обоснования вмешательства государства в ценообразование

выступает конституционный принцип обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы [Конституция РФ, 2020, ст. 57, ч. 2], который в налоговом законодательстве конкретизируется через принципы недопустимости произвольного налогообложения и приоритета содержания над формой. Статья 3 НК РФ прямо закрепляет, что налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными, а статья 17 НК РФ связывает возникновение налоговой обязанности с наличием предусмотренного законом объекта налогообложения и иных элементов налога.

Из этого следует, что законодатель допускает коррекцию налоговой базы тогда, когда формальные элементы частноправовой конструкции сделки — в том числе цена — используются вопреки экономическому смыслу налогообложения, то есть приводят к искажению реального объекта и размера налоговой обязанности. В отечественной доктрине отмечается, что «право налогового органа корректировать результаты сделки в целях налогообложения вытекает не из права вмешиваться в договорную свободу сторон как таковую, а из конституционного запрета произвольного уклонения от налогового бремени» [Пансков, 2025].

До введения в НК РФ специальных правил нормативного регулирования налогового контроля за ценообразованием (Раздела V.1), правовой основой для такого контроля служила статья 40 НК РФ, предоставлявшая налоговым органам право проверять соответствие цен рыночному уровню по широкому кругу сделок при отклонении цены более чем на 20 процентов от рыночной [Никитина, 2024, с. 70-77]. Эта норма носит универсальный, «всеобщий» характер и позволяет корректировать налоговую базу по любым операциям, выходящим за пределы обычных условий оборота. На практике ее применение приводило к значительному расширению полномочий налоговых органов в рамках контроля за ценообразованием, что неоднократно критиковалось в литературе как источник правовой неопределенности и давления на добросовестных налогоплательщиков [Климентьева, Дорожкина, Анохина, 2019, с. 73-76].

С добавлением в Налоговый кодекс РФ специальных правил трансфертного регулирования [Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ, 2011] законодатель отказался от универсального контроля цен и заменил «общую» статью 40 НК РФ системой норм трансфертного ценообразования, предназначенной для регулирования ограниченного круга контролируемых сделок. Для них в статьях 105.3, 105.9 НК РФ закрепляются как понятие рыночной цены, так и закрытый перечень методов ее определения (метод сопоставимых рыночных цен, метод цены последующей реализации, затратный метод, а также методы на основе распределения прибыли и сопоставимой рентабельности). При этом прямо подчеркивается, что такой режим распространяется на строго определенные сделки по перечню статьи 105.14 НК РФ [Тория, Бит-Шабо, 2024, с. 21-26].

Однако введение специализированных норм для отдельной категории наиболее крупных и «рисковых» сделок не устранило потребность в налоговом контроле за ценообразованием и в прочих сделках: правовым основанием для такого вмешательства стала доктрина «необоснованной налоговой выгоды», оформленная в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53, а затем кодифицированная в статье 54.1 НК РФ. Именно последняя сегодня выступает ключевой точкой опоры для вмешательства налогового органа в цену неконтролируемой сделки. Статья 54.1 НК РФ в действующей редакции запрещает искажение сведений о фактах хозяйственной жизни и использование мнимых/притворных элементов для уменьшения налоговой базы и (или) суммы налога. При установлении таких обстоятельств

налоговый орган вправе определить налоговые обязательства исходя из действительного экономического содержания операций и (или) действительного размера налоговой базы [Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@, 2021], что в практическом плане означает возможность реконструкции цены спорной сделки до уровня, соответствующего реальным экономическим условиям совершения аналогичных операций.

Отдельным элементом правового фундамента ценового контроля в неконтролируемых сделках выступают властные полномочия налоговых органов, закрепленные в статье 31 НК РФ. В подпункте 7 пункта 1 данной статьи предусмотрено право налогового органа определять суммы налогов, подлежащие уплате, расчетным путем в случаях отсутствия учета, искажения данных учета или отказа налогоплательщика предоставить документы.

Хотя данное полномочие по своей формулировке не привязано прямо к контролю цен, именно оно на практике служит юридическим основанием для применения так называемого расчетного метода при определении налоговой базы по неконтролируемым сделкам. Судебная практика, в том числе позиции Верховного Суда РФ, исходит из того, что при доказанности необоснованной налоговой выгоды по статье 54.1 НК РФ налоговый орган вправе, опираясь на подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ, восстановить налоговую базу, в том числе путем использования сведений о рыночных ценах, уровне обычной рентабельности, ценах в сопоставимых сделках и иных объективных показателях. При этом подчеркивается, что расчетный метод носит вспомогательный характер и допустим лишь при отсутствии возможности прямого установления величины налоговой базы по документам налогоплательщика.

При этом, как отмечает Мунгалова М.С. [Мунгалова, 2024], в режиме неконтролируемых сделок объектом внимания налоговых органов является не «нерыночная цена сама по себе», а совокупность обстоятельств, указывающих на получение необоснованной налоговой выгоды посредством манипулирования ценой, т.е. налоговый орган:

- в первую очередь, обязан доказать наличие необоснованной налоговой выгоды в соответствии с текущей практикой применения ст. 54.1 НК РФ, т.е. наличие иных признаков, порочащих деловую цель сделки (взаимозависимость сторон, технические посредники, необычные условия расчетов, отсутствие встречного предоставления и др.);
- после обоснования данного факта имеет право перейти к определению «действительного» размера налоговой базы, что неизбежно включает выбор метода расчета цены, соответствующей рыночным условиям.

Отсутствие представленных налоговым органом доказательств нарушения требований статьи 54.1 НК РФ как таковой, при условии несущественного отклонения применяемых сторонами цен от рыночных, на практике часто приводит к признанию решения по налоговой проверке недействительным [Постановление АС МО от 18.02.2019 № Ф05-23455/2018, 2019; Постановление АС СКО от 24.01.2017 № Ф08-9984/2016, 2017; Постановление АС ВВО от 30.04.2015 № Ф01-1467/2015, 2015].

Таким образом, основанием для пересмотра цены в неконтролируемой сделке является получение налогоплательщиком налоговой экономии, а корректировка цены (и, следовательно, налоговой базы) производится в целях оценки размера выявленной экономии [Письмо ФНС России от 07.07.2016 № СА-4-7/12211@, 2016; Письмо Минфина России от 28.11.2018 № 03-12-12/1/85982, 2018]. Однако в связи с отсутствием нормативно закрепленного детального порядка и методологии такого расчета, в рамках правоприменительной практики параллельно используются несколько подходов, которые мы рассмотрим ниже.

Подходы, применяемые налоговыми органами в рамках анализа соответствия цены в неконтролируемой сделке рыночным показателям

Как указывалось выше, анализ рыночности цены в неконтролируемой сделке всегда встроен в более широкий контекст оценки обоснованности налоговой выгоды: он не является самостоятельной целью как в трансфертном ценообразовании, а служит инструментом восстановления действительной налоговой базы.

Применение методов трансфертного ценообразования

В правовой доктрине последних лет все чаще встречается позиция, согласно которой территориальные инспекции, оспаривая цены в неконтролируемых сделках, все чаще используют методы главы 14.3 НК РФ как «модель» определения рыночного уровня цен, хотя формально Раздел V.1 на них не распространяется. Данный подход отражается в судебной практике (будет рассмотрена ниже), при этом суды отмечают не только принципиальную возможность использования методов трансфертного ценообразования как наиболее применимого способа расчета цен, но и соответствующие требования к их использованию.

Так, указанной выше главой закреплены 5 методов определения рыночной цены сделки, применение которых предполагает последовательную иерархию (от более приоритетного – к менее приоритетному):

1) Метод сопоставимых рыночных цен, применение которого предполагает сопоставление цены в сделке (или, например, цены за единицу продукции – любого показателя, по которому можно сопоставить две операции) ценам, применяемым в сделках между независимыми контрагентами. Использование данного метода предполагает наиболее сложный стандарт доказывания, т.к. сопоставимость сделок должна быть действительно высокой: необходимо иметь информацию не только о ценах, но и об иных параметрах сделки, включая качественные характеристики сравниваемых товаров и особенности локального рынка. С учетом этого факта, данный метод применяется, преимущественно, в товарных сделках, где предметом поставки является товар, имеющий открытые биржевые цены, или в ситуациях, когда у проверяемого налогоплательщика в соответствующем периоде были аналогичные сделки (например, поставки одинаковых товаров как взаимозависимым, так и независимым лицам).

2) Метод цены последующей реализации, используемый для сделок, в которых «наращивание» добавленной стоимости товара не существенно (актуально для таких отраслей как ритейл, а также для компаний, имеющих функциональный профиль «торгового дома»). Метод предполагает сопоставление валовой рентабельности (соотношение прибыли к выручке) налогоплательщика с аналогичным показателем сопоставимых компаний;

3) Затратный метод, предполагающий сопоставление валовой рентабельности затрат проверяемого налогоплательщика с аналогичным показателем независимых лиц – иными словами, сравнивается, какое количество валовой прибыли налогоплательщик получил от понесенных расходов. Специфика метода также состоит в необходимости подобрать такие компании, функциональный профиль и особенности экономической деятельности которых схожи с анализируемым налогоплательщиком, т.е. для применения данного метода структура себестоимости должна быть схожей;

4) Метод сопоставимой рентабельности, предполагающий сравнение операционной рентабельности в контролируемой сделке с аналогичным показателем в сопоставимых сделках, совершенных с независимыми лицами. В отличие от всех предыдущих методов, требующих большого количества требуемой информации для поиска «сопоставимых» лиц (структуру

себестоимости, характеристики товара, детальный функционал стороны и т.п.), выборка для использования метода сопоставимой рентабельности может включать компании со схожим ОКВЭД, функциональным профилем и масштабом деятельности.

5) Метод распределения прибыли, использование которого возможно в ситуации, когда стороны анализируемой сделки используют нематериальные активы, оказывающие существенное влияние на уровень их рентабельности. В рамках использования метода определяется вклад сторон в получаемую в рамках сделки прибыль, и производится ее распределение так, как была бы распределена в рамках аналогичных операций между независимыми лицами.

Для перехода к каждому следующему методу налоговому органу требуется обосновать невозможность применения предыдущего с учетом реально доступной информации о предмете и параметрах операции, наличии информации о сопоставимых сделках, хозяйствующих субъектах, понесенных сторонами рисках (с учетом функционального анализа сторон) и т.д. Обобщая данные требования, прослеживается следующий подход:

- Приоритетным для исследования является метод сопоставимых рыночных цен (п. 2 ст. 105.3, подп. 1 п. 1, п. 3 ст. 105.7 НК РФ), т.е. при наличии у налогового органа информации о совершаемых проверяемым налогоплательщиком аналогичных сделках или достоверной информации о таких сделках, совершенных иными хозяйствующими субъектами, налоговый орган обязан в приоритетном порядке обращать внимание именно на них в качестве основы для расчета действительных цен;
- Для обоснования перехода к последующим методам, налоговый орган обязан исчерпать весь инструментарий 105.7 НК РФ, а не ссылаться на один удобный источник или спорную выборку;
- В рамках использования конкретного метода налоговый орган обязан использовать принцип «вытянутой руки», т.е. учитывать все критерии сопоставимости сделок или хозяйствующих субъектов (условия поставки, объемы, сроки, регион, функции сторон, риски, используемые активы и пр.).

Использование налоговым органом методов главы 14.3 НК РФ при отсутствии выполнения закрепленных в ней требований может привести к оспариванию проведенного налоговым органом рыночного исследования. Например [Определение ВС РФ от 22.10.2018 № 307-КГ18-15947, 2018], в рамках применения затратного метода, факт включения в выборку обществ с идентичным ОКВЭД, но различным по функциональному профилю, был признан судом нарушением правил применения указанного метода по причине сопоставления налогоплательщика с компанией, деятельность которой *«отличалась по экономическим (коммерческим) условиям»*, что привело к признанию решения налогового органа недействительным. Дополнительным аргументом послужил факт отсутствия анализа спорных сделок со стороны инспекции – в понимании Автора, суд подразумевал обязательный анализ, проводимый в отношении контролируемых сделок с учетом требований пункта 3 статьи 105.8 НК РФ, включающий в себя, в частности, функционал сторон, принимаемые ими риски и используемые активы.

Таким образом, при применении методов ТЦО в рамках расчета рыночных цен в оспариваемой сделке налоговые органы, несмотря на отсутствие прямого регулирования, обязаны использовать положения главы 14.3 НК РФ не только в части механизма применения закрепленных в ней методов, но и соответствовать всем предъявляемым к ним требованиям, включая требования к полноте проведенного исследования, а также учитывать иерархию их применения.

Расчет действительных налоговых обязательств на основании пп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ («расчетный метод»)

Расчетный метод – это инструмент последней инстанции, предназначенный не столько для точной рыночной оценки, сколько для приближенной реконструкции налоговых обязательств, когда более детальный расчет произвести невозможно. Подпункт 7 п. 1 ст. 31 НК РФ дает налоговому органу право определять суммы налогов, подлежащих уплате, на основании имеющейся информации о налогоплательщике, а также об иных аналогичных налогоплательщиках. Никаких методов для расчета таких обязательств Налоговый кодекс не устанавливает – очевидно, потому же, почему в Кодексе не конкретизированы правила применения общей антиуклонительной нормы: чтобы не «сужать» ее общий характер и сделать ее возможной к применению во всех возможных ситуациях, когда применение иных правил становится невозможным по тем или иным причинам.

Обстоятельства и принципы применения расчетного метода наглядно сформулированы в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.06.2010 № 5/10 по делу № А45-15318/2008-59/444, отмечающем, что:

- расчетный метод дает лишь приблизительную оценку налогового обязательства, т.е. предполагает исчисление налогов *«с той или иной степенью вероятности»*;
- его применение допустимо, когда налогоплательщик не ведет или грубо нарушает учет, и восстановить базу обычным способом нельзя никаким иным образом.

В контексте цен в неконтролируемых сделках из этого следует логичный вывод: расчетный метод является инструментом, позволяющим «приблизительно» рассчитать налоговую базу по сделке, когда все иные, более точные методы объективно неприменимы. Произвести на его расчете тонкий сравнительный ценовой анализ объективно невозможно, т.к. при наличии какой-либо более точной информации становится возможным провести исследование с учетом иных методов. В качестве таких методов суды [Постановление АС СЗО от 10.12.2020 № Ф07-14794/2020, 2020; Постановление АС УО от 28.02.2019 № Ф09-470/19, 2019] выделяют как раз указанные выше методы главы 14.3 НК РФ, подчеркивая их первичный характер. Для исчисления налоговой базы расчетным способом налоговому органу необходимо обосновать принципиальную невозможность применить методы ТЦО, иначе расчетный метод будет расценен как произвольный: переход к последнему без проведения рыночного исследования зачастую приводит к признанию решения недействительным [Постановление АС СКО от 21.03.2017 № Ф08-1124/2017, 2017; Постановление АС ВВО от 30.04.2015 № Ф01-1467/2015, 2015; Постановление АС МО от 18.02.2019 № Ф05-23455/2018, 2019].

Хорошим примером такой логики может послужить дело ООО «Сибирский доломит» [Постановление АС ЗСО от 21.05.2024 № Ф04-1184/2024, 2024], в рамках которого налоговые органы, обосновав объективную невозможность использовать методы ТЦО, определили рыночную цену произведенных работ с учетом проектной документации, информации, полученной от руководителя организации, а также открытой информации из сети Интернет (что объективно не является данными, позволяющими произвести расчет по правилам главы 14.3 НК РФ).

При этом стоит отметить, что в силу применения расчетного метода в контексте статьи 54.1 НК РФ обязательным условием его применения на практике является форма вины налогоплательщика в контексте получения необоснованной налоговой выгоды: суды [Определение ВС РФ от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981, 2021; Постановление АС МО от 17.08.2021 № Ф05-19013/2021, 2021; Постановление АС МО от 15.09.2021 № Ф05-21981/2021, 2021] отмечают, что в ситуации, когда налогоплательщик знал/мог знать (принимал участие) о

намерении второй стороны сделки совершить ее с заведомой целью причинения ущерба бюджету, расчетный метод определения налоговой базы не применяется, т.к. обязанность раскрыть реальные параметры операции лежит целиком на налогоплательщике. В такой ситуации никакие «сравнительные» или расчетные методы определения налоговой базы становятся неприменимыми: например, в схемах с привлечением «недобросовестных» контрагентов для целей расчета должны использоваться достоверные и документально подтвержденные цены реальных поставщиков [Постановление АС УО от 13.07.2021 № Ф09-3852/21, 2021; Постановление АС ЗСО от 20.05.2021 № Ф04-6878/2020, 2021; Постановление АС УО от 25.03.2021 № Ф09-802/21, 2021].

Определение действительной налоговой базы по сделке на основе экспертизы в порядке ст. 95 и п. 9 ст. 105.7 НК РФ

В рамках налоговой проверки налоговые органы имеют право привлекать эксперта для получения ответа на различный спектр вопросов, включая соответствие цены в сделке рыночному уровню на основе исследования локального рынка или данных об аналогичных операциях. В Налоговом кодексе не закреплены ни методы, которыми обязан пользоваться эксперт для ответа на данные вопросы, ни источники информации, т.к. эксперт в рамках проведения оценки руководствуется специализированным законом «Об оценочной деятельности» [Федеральный закон «Об оценочной деятельности» № 135-ФЗ, 1998].

Так называемый метод экспертной оценки — метод, который формально не входит в классическую пятерку способов анализа трансфертных цен, рекомендуемых ОЭСР. Однако это не делает его менее значимым. Его сила — в универсальности: он применяется при анализе не только контролируемых сделок, но и в неконтролируемых. При этом метод экспертной оценки служит своеобразным контролером там, где имеет место быть доказанность неприменимости методов ТЦО [Абрамов, 2024, с. 35-42].

Экспертиза является распространенным [Постановление АС ПО от 26.07.2024 № Ф06-5741/2024, 2024; Постановление АС ЗСО от 01.06.2023 № Ф04-1992/2023, 2023; Постановление АС ЗСО от 22.06.2022 № Ф04-3126/2022, 2022; Постановление АС ЗСО от 16.12.2022 № Ф04-7134/2022, 2022; Постановление АС ПО от 15.03.2022 № Ф06-15514/2022, 2022] способом определения соответствия цен в сделке рыночным показателям, результаты которой охотно принимаются судами с учетом презумпции их достоверности [Федеральный закон «Об оценочной деятельности» № 135-ФЗ, 1998, ст. 12; Определение ВС РФ от 22.07.2016 № А40-63374/2015, 2016], при условии, что они соответствуют требованиям, выдвигаемым к экспертным заключениям [Постановление АС СКО от 25.01.2023 № Ф08-14578/2022, 2023; Постановление АС ВСО от 08.02.2019 № Ф02-6110/2018, 2019] (подтверждение применимых источников информации, полнота исследования, указание на используемые стандарты, соответствие правилам оценочной деятельности).

Отметим, что в силу отсутствия требований к экспертизе в использовании методов главы 14.3 НК РФ (а также правил их применения), эксперты не обязаны в рамках своих заключений руководствоваться ими при проведении расчета. В случае, если налоговыми органами предварительно не производился анализ возможности использовать методы, предусмотренные Налоговым кодексом, использование экспертной оценки может полностью заменить инструментарий Раздела V.1.

Семенов С. и Артюх А. в рамках комментария к Обзору практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 НК РФ [Семенов, Артюх, 2017] отмечают, что характер отчета оценщика «является производным доказательством, построенным на документах, которые налоговые органы передают оценщикам

в порядке статьи 95 НК РФ. То есть он явно не должен служить источником информации, поскольку никаких принципиально новых данных в себе не содержит». При этом в комментарии отмечается, что в отношении неконтролируемых сделок отсутствует законодательный приоритет правил ТЦО над экспертной оценкой.

Как показывает проведенный Автором анализ, в судебной практике оценка приоритетности данных способов расчета налоговых обязательств действительно различна:

- Ряд судов [Постановление АС СЗО от 10.12.2020 № Ф07-14794/2020, 2020; Постановление АС УО от 28.02.2019 № Ф09-470/19, 2019; Постановление АС ЗСО от 10.12.2024 № Ф04-5326/2024, 2024; Обзор практики по разделу V.1 НК РФ, 2017] отдает приоритет методам ТЦО, обязуя налоговый орган до привлечения эксперта обосновать, что произвести самостоятельный расчет по методам ТЦО невозможно;
- Существует позиция, согласно которой назначение экспертизы может не заменять методы главы 14.3 НК РФ, а дополнять их, усиливая аргументацию налогового органа мнением независимого эксперта [Постановление АС УО от 28.02.2019 № Ф09-470/19, 2019; Постановление АС ПО от 25.04.2024 № Ф06-3220/2024, 2024];
- Существует также практика [Определение ВС РФ от 22.07.2016 № А40-63374/15, 2016], в которой отчеты результаты экспертизы принимаются без предварительного анализа возможности проведения расчета по методам ТЦО. В качестве обоснования такой позиции в одном из дел [Постановление АС ВСО от 18.02.2021 по делу № А19-12789/2019, 2021] суд отметил, что у территориального налогового органа нет обязанности применять методы, предусмотренные главой 14.3 НК РФ, поскольку он не является специализированной инспекцией ФНС России по ценообразованию.

С последним утверждением трудно поспорить – для целей осуществления ценового контроля в Федеральной налоговой службе было выделена отдельная Межрегиональная инспекция по ценообразованию для целей налогообложения [Приказ ФНС России от 25.07.2023 № ЕД-7-13/495@, 2023], обладающая многолетней узкоотраслевой экспертизой применения Раздела V.1 НК РФ, обладающая необходимым инструментарием и доступом к базе данных для применения методов ТЦО. Представляется избыточным предъявлять к инспекциям районного уровня такие же требования к качеству проведения рыночных исследований, как к специализированной инспекции – тем не менее, соблюдение правил Налогового кодекса не может различаться в зависимости от компетенций конкретного правоприменителя.

Отметим, что Минфин РФ [Письмо Минфина России от 05.04.2016 № 03-01-18/19396, 2016] также не проводит иерархии между экспертизой и методами Главы 14.3 НК РФ, оценивая их как «один из способов определения суммы необоснованной налоговой выгоды наряду с иными способами».

Таким образом, относительно вопроса о последовательности (иерархии) применения указанных методов в судебной практике не сформировалось какого-либо единообразного подхода. Существует правовая позиция, согласно которой расчетный и экспертный методы определения цены применяются только в случае, если невозможно использовать методы трансфертного ценообразования, однако не исключен подход, при котором у территориального налогового органа нет обязанности применять методы, предусмотренные главой 14.3 НК РФ.

Правовые проблемы иерархии применяемых методов расчета действительных налоговых обязательств и возможные пути их решения

Обобщая сказанное выше и систематизируя практику правоприменения, Автор видит следующую иерархию методов расчета действительных налоговых обязательств в практике налогового контроля за рыночностью цен в неконтролируемых сделках:

1) В первую очередь, налоговые органы обязаны использовать методы ТЦО: при этом порядок их применения должен полностью соответствовать правилам главы 14.3 НК РФ, включая обоснование выбора приоритетного метода и проведения соответствующего рыночного исследования.

2) В случае, если налоговые органы не обладают достаточным объемом информации, требуемой для применения методов ТЦО, они имеют право провести собственный расчет налоговых обязательств на основании пп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ, используя любые имеющиеся источники информации.

Выделить местоположение экспертизы (ст. 95, п. 9 ст. 105.7 НК РФ) в данной иерархии затруднительно, т.к. в силу отсутствия закрепления в законодательстве соотношения методов ТЦО и экспертного заключения правоприменитель вынужден полагаться на существующие подходы судов и контролирующих органов, не имеющие единой консолидированной позиции: так, экспертиза может заменять исследование по правилам главы 14.3 НК РФ, усиливать его (подтверждать расчет объективной сторонней оценкой) или быть использована только в случае невозможности использования методов ТЦО.

Такая ситуация приводит к существенной правовой неопределенности с обеих сторон:

- Для налогового органа это приводит к затруднению в подготовке надлежащего правового обоснования результатов налогового контроля: с одной стороны, налоговая инспекция может подкрепить свои выводы о несоответствии цены в сделке рыночным за счет экспертного заключения, однако существует риск, что в рамках последующего судебного обжалования налогоплательщиком решения по проверке суд откажется принимать такое заключение в отсутствие должного обоснования невозможности применения методов ТЦО. С другой стороны, митигация такого риска со стороны инспекции требует от нее выполнять специализированный функционал Межрегиональной инспекции ФНС России по ценообразованию для целей налогообложения, что само по себе является нетривиальной задачей для рядового инспектора;
- Для налогоплательщика это приводит к невозможности спрогнозировать «рыночность» цен в сделках: если нормам ТЦО не отдается приоритет в рамках ценового контроля, то от налогоплательщика требуется спрогнозировать возможный вывод эксперта о рыночности цен. В такой ситуации становится совершенно невозможным спрогнозировать наличие рисков доначисления по конкретным сделкам: методология расчета рыночных цен / интервалов по конкретной сделке не прозрачна, и «самопроверка» по методам ТЦО не дает гарантий отсутствия претензий по применяемым ценам, а только повышает шанс успешного обжалования возможных результатов налогового контроля.

Заключение

С учетом этого, видится целесообразным в качестве требований к таким экспертизам (предметом которых является соответствие цен в сделке рыночным показателям) закрепить приоритетность для эксперта в рамках исследования использовать методы ТЦО: использование иных методов должно быть допустимо только при надлежащем обосновании невозможности использования для расчета положений главы 14.3 НК РФ. Закрепить такие требования возможно не только поправками к упомянутому Федеральному закону «Об оценочной деятельности», но и путем публикации разъяснений со стороны Федеральной налоговой службы, Минфина РФ или

актом толкования Верховного суда: как показывает анализ практики, такие позиции учитываются судами и налоговыми органами.

Библиография

1. Абрамов К.К. Правовые основы выбора метода трансфертного ценообразования // Безопасность бизнеса. 2024. № 1. С. 35-42.
2. Климентьева Н.М., Дорожкина Е.Г., Анохина А.А. Взаимозависимые лица в налоговой системе России // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1(22). С. 73-76.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Мунгалова М.С. Налоговая установила взаимозависимость юрлиц. Аргументы, которые помогут избежать доначислений // Арбитражная практика для юристов. 2024. № 1. URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/1064393>.
5. Никитина С.В. Налоговый контроль за ценами в обычных сделках // Главная книга. 2024. № 13. С. 70-77.
6. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 3.
8. Определение Верховного Суда РФ от 22.07.2016 по делу № А40-63374/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 22.10.2018 № 307-КГ18-15947 по делу № А05-7708/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 447 с.
12. Письмо Минфина России от 05.04.2016 № 03-01-18/19396 «Об отзыве письма Минфина России от 19.06.2015 № 03-01-18/35527». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Письмо Минфина России от 28.11.2018 № 03-12-12/1/85982. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Письмо ФНС России от 07.07.2016 № СА-4-7/12211@. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.04.2015 № Ф01-1467/2015 по делу № А28-7187/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 08.02.2019 № Ф02-6110/2018 по делу № А69-260/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.02.2021 по делу № А19-12789/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.05.2021 № Ф04-6878/2020 по делу № А70-16528/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.06.2022 № Ф04-3126/2022 по делу № А03-10252/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.12.2022 № Ф04-7134/2022 по делу № А03-1707/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.06.2023 № Ф04-1992/2023 по делу № А67-5583/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.05.2024 № Ф04-1184/2024 по делу № А27-5108/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.12.2024 № Ф04-5326/2024 по делу № А45-25913/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.02.2019 № Ф05-23455/2018 по делу № А40-237095/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
26. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.08.2021 № Ф05-19013/2021 по делу № А40-11266/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.09.2021 № Ф05-21981/2021 по делу № А40-8695/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
28. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.03.2022 № Ф06-15514/2022 по делу № А55-4010/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.04.2024 № Ф06-3220/2024 по делу № А12-28406/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
30. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.07.2024 № Ф06-5741/2024 по делу № А12-26288/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
31. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.12.2020 № Ф07-14794/2020 по делу № А13-589/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
32. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.01.2017 № Ф08-9984/2016 по делу № А63-343/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
33. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.03.2017 № Ф08-1124/2017 по делу № А63-2641/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
34. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.01.2023 № Ф08-14578/2022 по делу № А53-1603/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
35. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.02.2019 № Ф09-470/19 по делу № А34-3771/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
36. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.03.2021 № Ф09-802/21 по делу № А76-10459/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
37. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.07.2021 № Ф09-3852/21 по делу № А50-13432/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
38. Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда от 30.05.2024 № 02АП-2065/2024 по делу № А28-10257/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
39. Приказ ФНС России от 25.07.2023 № ЕД-7-13/495@ «Об утверждении Положения об Управлении международного налогообложения Федеральной налоговой службы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
40. Семенов С., Артюх А. Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Обзор практики по ТЦО и тонкой капитализации. Комментарии от TAXOLOGY. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
41. Тория Р.А., Бит-Шабо И.В. Контролируемые сделки и взаимозависимые лица: вопросы правоприменительной практики // Безопасность бизнеса. 2024. № 2. С. 21-26.
42. Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4575.
43. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
44. Berger H., Culbertson R.E., Korotky K.L., Rollinson B.L. States Can Learn Much From Transfer Pricing History — Or Be Condemned to Repeat It // Tax Notes State. 2021. February 22. P. 779-787. URL: <https://www.cov.com/-/media/files/corporate/publications/2021/07/states-can-learn-much-from-transfer-pricing-history.pdf>.
45. de Ruiter M. Comments on OESD. URL: https://www.taxjustice.net/cms/upload/pdf/Marlies_de_Ruiter_1206_Helsinki_text.pdf.
46. Fulop R. Transfer Pricing: Growth of the Concept and Fiscal Regulations in Europe // ENTRENOVA - ENTERprise REsearch InNOVation. 2023. Vol. 9, Iss. 1. P. 341-352. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/302094/1/31-ENTRENOVA-2023.pdf>.
47. Matthews P. The Theory and Practice of Transfer Pricing: Past, Present and Future // IFA Canada Lectureship Series. 2017. URL: <https://ifacanada.org/wp-content/uploads/2023/09/64ff3ec192e51.pdf>.
48. Treasury Regulation §45-1(b). URL: <http://www.gpo.gov>.

Pricing in Uncontrolled Transactions: The Search for "Market" in a Tax Dispute

Aleksei S. Sinitsyn

Postgraduate Student,
Moscow University of Humanities and Economics,
109390, Building 2, 79, Yunikh Lenintsev str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alexey.sinitsyn@list.ru

Abstract

The article examines methods for determining actual market prices when calculating the real tax base following tax control in uncontrolled transactions (based on Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation). The author analyzes the regulatory basis for such control, the historical development of price determination methods in Russia and international practice, as well as current judicial practice and legal doctrine. Based on the analysis, three key methods of price determination are identified — methods borrowed from transfer pricing (TP), the calculation method (subparagraph 7, paragraph 1, Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation), and price determination through expert examination (Article 95, paragraph 9, Article 105.7 of the Tax Code of the Russian Federation). Special attention is paid to the analysis of the hierarchy of methods when choosing a specific approach and identifying problems of their practical application. Based on the results of the study, recommendations are proposed for unifying the approach to determining market prices.

For citation

Sinit syn A.S. (2026) Tsenoobrazovaniye v nekontroliruyemoy sdelke: poisk "rynka" v nalogovom spore [Pricing in Uncontrolled Transactions: The Search for "Market" in a Tax Dispute]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 316-330. DOI: 10.34670/AR.2026.56.99.037

Keywords

Market price, uncontrolled transactions, tax base, calculation method, transfer pricing methods, expert examination, Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation.

References

1. Abramov, K.K. (2024). Pravovyye osnovy vybora metoda transferpnogo tsenoobrazovaniya [Legal bases for choosing a transfer pricing method]. *Bezopasnost biznesa*, 1, 35-42.
2. Berger, H., Culbertson, R.E., Korotky, K.L., & Rollinson, B.L. (2021, February 22). States can learn much from transfer pricing history — or be condemned to repeat it. *Tax Notes State*, 779-787. <https://www.cov.com/-/media/files/corporate/publications/2021/07/states-can-learn-much-from-transfer-pricing-history.pdf>
3. de Ruiter, M. (n.d.). *Comments on OESD*. Tax Justice Network. https://www.taxjustice.net/cms/upload/pdf/Marlies_de_Ruiter_1206_Helsinki_text.pdf
4. Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998 "Ob otsenochnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" [On valuation activities in the Russian Federation]. (1998). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 31, Art. 3813.
5. Federal Law No. 227-FZ of July 18, 2011 "O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniyem printsipov opredeleniya tsen dlya tseley na logooblozheniya" [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with improving the principles of determining prices for tax purposes]. (2011). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 30 (Part 1), Art. 4575.
6. Fulop, R. (2023). Transfer pricing: Growth of the concept and fiscal regulations in Europe. *ENTRENOVA - ENTERPRISE RESEARCH INNOVATION*, 9(1), 341-352. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/302094/1/31-ENTRENOVA-2023.pdf>
7. Klimentyeva, N.M., Dorozhkina, E.G., & Anokhina, A.A. (2019). Vzaimozavisimyye litsa v nalogovoy sisteme Rossii [Interdependent persons in the Russian tax system]. *Aktualnyye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*, 1(22), 73-76.
8. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. (2020). Art. 57, Part 2.
9. Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 03-01-18/19396 of April 5, 2016 "Ob otzyve pisma Minfina Rossii ot 19.06.2015 № 03-01-18/35527" [On the recall of the letter of the Ministry of Finance of Russia dated 19.06.2015 No. 03-01-18/35527]. *SPS KonsultantPlyus*.
10. Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 03-12-12/1/85982 of November 28, 2018. *SPS KonsultantPlyus*.
11. Letter of the Federal Tax Service of Russia No. SA-4-7/12211@ of July 7, 2016. *SPS KonsultantPlyus*.
12. Letter of the Federal Tax Service of Russia No. BV-4-7/3060@ of March 10, 2021 "O praktike primeneniya stati 54.1

- Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [On the practice of applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation]. *SPS KonsultantPlyus*.
13. Matthews, P. (2017). The theory and practice of transfer pricing: Past, present and future. *IFA Canada Lectureship Series*. <https://ifacanada.org/wp-content/uploads/2023/09/64ff3ec192e51.pdf>
 14. Mungalova, M.S. (2024). Nalogovaya ustanovila vzaimozavisimost' yurlits. Argumenty, kotoryye pomogut izbezhat donachisleniy [The tax authority established the interdependence of legal entities. Arguments that will help avoid additional charges]. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*, 1. <https://e.arbitr-praktika.ru/1064393>
 15. Nikitina, S.V. (2024). Nalogovyy kontrol za tsenami v obychnykh sdelkakh [Tax control over prices in ordinary transactions]. *Glavnaya kniga*, 13, 70-77.
 16. Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7-13/495@ of July 25, 2023 "Ob utverzhdenii Polozheniya ob Upravlenii mezhdunarodnogo nalogooblozheniya Federalnoy nalogovoy sluzhby" [On approval of the Regulations on the Department of International Taxation of the Federal Tax Service]. *SPS KonsultantPlyus*.
 17. Panskov, V.G. (2025). *Nalogi i nalogooblozheniye* [Taxes and taxation] (10th ed.). Yurayt.
 18. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of April 30, 2015 No. F01-1467/2015 in case No. A28-7187/2014. *SPS KonsultantPlyus*.
 19. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of February 8, 2019 No. F02-6110/2018 in case No. A69-260/2018. *SPS KonsultantPlyus*.
 20. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of February 18, 2021 in case No. A19-12789/2019. *SPS KonsultantPlyus*.
 21. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of May 20, 2021 No. F04-6878/2020 in case No. A70-16528/2019. *SPS KonsultantPlyus*.
 22. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of June 22, 2022 No. F04-3126/2022 in case No. A03-10252/2021. *SPS KonsultantPlyus*.
 23. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of December 16, 2022 No. F04-7134/2022 in case No. A03-1707/2022. *SPS KonsultantPlyus*.
 24. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of June 1, 2023 No. F04-1992/2023 in case No. A67-5583/2022. *SPS KonsultantPlyus*.
 25. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of May 21, 2024 No. F04-1184/2024 in case No. A27-5108/2023. *SPS KonsultantPlyus*.
 26. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of December 10, 2024 No. F04-5326/2024 in case No. A45-25913/2023. *SPS KonsultantPlyus*.
 27. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of February 18, 2019 No. F05-23455/2018 in case No. A40-237095/2017. *SPS KonsultantPlyus*.
 28. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of August 17, 2021 No. F05-19013/2021 in case No. A40-11266/2020. *SPS KonsultantPlyus*.
 29. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of September 15, 2021 No. F05-21981/2021 in case No. A40-8695/2020. *SPS KonsultantPlyus*.
 30. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of January 24, 2017 No. F08-9984/2016 in case No. A63-343/2016. *SPS KonsultantPlyus*.
 31. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of March 21, 2017 No. F08-1124/2017 in case No. A63-2641/2016. *SPS KonsultantPlyus*.
 32. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of January 25, 2023 No. F08-14578/2022 in case No. A53-1603/2022. *SPS KonsultantPlyus*.
 33. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of December 10, 2020 No. F07-14794/2020 in case No. A13-589/2016. *SPS KonsultantPlyus*.
 34. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region District of March 15, 2022 No. F06-15514/2022 in case No. A55-4010/2021. *SPS KonsultantPlyus*.
 35. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region District of April 25, 2024 No. F06-3220/2024 in case No. A12-28406/2022. *SPS KonsultantPlyus*.
 36. Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region District of July 26, 2024 No. F06-5741/2024 in case No. A12-26288/2023. *SPS KonsultantPlyus*.
 37. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of February 28, 2019 No. F09-470/19 in case No. A34-3771/2018. *SPS KonsultantPlyus*.
 38. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of March 25, 2021 No. F09-802/21 in case No. A76-10459/2020. *SPS KonsultantPlyus*.
 39. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of July 13, 2021 No. F09-3852/21 in case No. A50-13432/2020. *SPS KonsultantPlyus*.
 40. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal of May 30, 2024 No. 02AP-2065/2024 in case No. A28-10257/2023. *SPS KonsultantPlyus*.

41. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2016) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 6, 2016). (2017). *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*, 3.
42. Review of the practice of courts considering cases related to the application of certain provisions of Section V.1 and Article 269 of the Tax Code of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2017). (2017). *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*, 8.
43. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of May 19, 2021 No. 309-ES20-23981 in case No. A76-46624/2019. *SPS KonsultantPlyus*.
44. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of July 22, 2016 in case No. A40-63374/2015. *SPS KonsultantPlyus*.
45. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of October 22, 2018 No. 307-KG18-15947 in case No. A05-7708/2017. *SPS KonsultantPlyus*.
46. Semenov, S., & Artyukh, A. (2017). *Prezidium Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii utverdil Obzor praktiki po TTsO i tonkoy kapitalizatsii. Kommentarii ot TAXOLOGY* [The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation approved the Review of practice on transfer pricing and thin capitalization. Comments from TAXOLOGY]. *SPS KonsultantPlyus*.
47. Toriya, R.A., & Bit-Shabo, I.V. (2024). Kontroliruyemye sdelki i vzaimozavisimyye litsa: voprosy pravoprimenitelnoy praktiki [Controlled transactions and interdependent persons: issues of law enforcement practice]. *Bezopasnost biznesa*, 2, 21-26.
48. *Treasury Regulation §45-1(b)*. (n.d.). U.S. Government Publishing Office. <http://www.gpo.gov>

УДК 347.191

DOI: 10.34670/AR.2026.79.13.038

Особенности гражданско-правового статуса спортивных организаций в Италии

Фефелов Георгий Валентинович

Аспирант,

Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4/1;

e-mail: georg.fefeloff@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются законодательные основы гражданско-правового статуса спортивных организаций в Итальянской республике. Исследуются положения реформы Итальянской республики в области любительского и профессионального спорта, затрагивающие правовой статус спортивных организаций. К наиболее фундаментальным изменениям относятся прямое упоминание спорта в Конституции Италии и акцент на его важности как основного общественного блага. Подобные упоминания о спорте редко встречаются в конституциях других государств. Особое внимание уделяется различным видам спортивных организаций в Италии. Значительные изменения в спортивном законодательстве коснулись любительского спорта, которые направлены на упрощение предоставления различных льгот любительским спортивным организациям. В статье также анализируются акты корпоративного характера, в частности устав Итальянской федерации футбола, который значительно расширяет законодательные трактовки.

Для цитирования в научных исследованиях

Фефелов Г.В. Особенности гражданско-правового статуса спортивных организаций в Италии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 331-337. DOI: 10.34670/AR.2026.79.13.038

Ключевые слова

Физическая культура, спорт, организации, реформа, конституция, ассоциации, спортивные объединения, акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью.

Введение

Милан и Кортина-д'Ампеццо в феврале 2026 года станут местом проведения XXV зимних Олимпийских игр. В рамках подготовки к проведению олимпиады в Итальянской республике в 2019 году началась масштабная реформа в области регулирования спорта, которая продолжается и сейчас. В рамках данной реформы произошли значительные изменения в спортивном законодательстве Итальянской республики [New Sport Reform, [www](#)].

Основная часть

Законодательное регулирование спорта в Италии включает в себя национальный, региональный, провинциальный и местный уровни [Блажеев, Байрамов, 2021, с. 552]. Конституция Италии 1947 года (далее – Конституция) до недавнего времени закрепляла положений регламентирующих вопросы спорта, в ней лишь уточнялось, что вопросы спорта являются предметом совместного ведения Итальянской республики и Европейского союза [Art. 1117 COSTITUZIONE DELLA REPUBBLICA ITALIANA, [www](#)]. Основным законом провозглашается право граждан свободно и без разрешения создавать объединения для достижения целей, не противоречащих уголовному законодательству [Art. 18 там же]. Историческим новеллой стало внесение в 2023 году в статью 33 Конституции поправки, которая фактически закрепила конституционно-правовой уровень регламентации спорта.

Согласно тексту нового абзаца статьи 33 Конституции «Республика признает образовательную, социальную и оздоровительную ценность спортивной деятельности во всех ее формах» [Art. 33 там же]. Данное нововведение ставит Итальянскую Республику в число немногих государств, которые признают спорт, не просто как способ проведения досуга, а еще и как важное общественное благо и фундаментальное право.

До реформы основополагающим документом в области спорта на национальном уровне являлся Закон Италии от 23 марта 1981 года №91 «Правовые основы отношений между спортивными организациями и профессиональными спортсменами» [Legge 23 marzo 1981, n. 91 «Norme in materia di rapporti tra società e sportivi professionisti», [www](#)] (далее – Закон о спорте). Закон о спорте провозглашал занятия спортом бесплатными, вне зависимости от того проводятся они индивидуально, коллективно, профессионально или на любительском уровне. К профессиональным спортсменам закон относил самих спортсменов, тренеров, технических директоров по спорту и врачей, осуществляющих спортивную деятельность за плату на постоянной основе, которая регламентируется Национальным олимпийским комитетом Италии (Comitato Olimpico Nazionale Italiano – CONI) [Art. 7, там же]. Помимо этого Закон о спорте затрагивал вопросы связанные с условиями и сроками трудовых договоров спортсменов и тренеров, охраны здоровья, полисов личного страхования и пенсионного обеспечения профессиональных спортсменов. А также вопросы деятельности спортивных клубов. Так, статья 10 Закона о спорте устанавливала, что заключать договоры с профессиональными спортсменами могут только спортивные клубы, созданные в форме акционерных обществ (Società per Azioni - S.p.A) и обществ с ограниченной ответственностью (Società a responsabilità limitata - S.r.l.).

В 2023 году вступил в силу Законодательный декрет от 28 февраля 2021 года № 36 (далее – Декрет №36) [DECRETO LEGISLATIVO 28 febbraio 2021, n. 36, [www](#)] являющийся одним из пяти ключевых нормативных актов реформы итальянского спорта. Вступление в силу Декрета

№36 фактически отменило действие Закона о спорте в Италии, данный нормативный акт посвящен регламентации трудовых отношений в области спорта и организационно-правовому статусу спортивных организаций. Декрет №36 в разделе II посвященному особенностям правового статуса спортивных организаций выделяет любительские и профессиональные.

Любительские спортивные ассоциации и клубы (*Associazione Sportiva Dilettantistica ASD*), согласно Декрету № 36, указывают в своем названии свою спортивную цель и организационно-правовую форму [Art. 6, там же].

Любительские спортивные организации могут создаваться в виде спортивного объединения без образования юридического лица (*Associazione non riconosciuta*), чья деятельность регламентируется положениями статьи 36 Гражданского кодекса Италии, также в форме спортивного объединения с образованием юридического лица, в виде признанной ассоциации (*Associazione riconosciuta*).

Декрет № 36 допускает создание любительских спортивных организаций в формах компании из книги V ГК (*Società di capitali / Cooperative*), к ним относятся общества с ограниченной ответственностью (*S.r.l. — Società a responsabilità limitata*), акционерные общества (*S.p.A. — Società per Azioni*), кооперативные общества (*Società Cooperative*).

Декрет № 36 выделяет гибридную организационно-правовую форму как организации третьего сектора (*Enti del terzo settore*), представляющие собой некоммерческие организации, выполняющие социально полезную роль, к таким организациям относятся волонтерские (*Organizzazioni di Volontariato*) и ассоциации социального продвижения (*Associazioni di Promozione Sociale*), деятельность таких организаций регламентируется Законодательным декретом № 117/2017 [DECRETO LEGISLATIVO 3 luglio 2017, n. 117, [www](#)].

Все любительские спортивные организации должны быть внесены в Национальный реестр любительской спортивной деятельности RASD (*Registro Nazionale delle Attività Sportive Dilettantistiche*). Организации третьего сектора должны быть также зарегистрированы в Едином национальном реестре третьего сектора RUNTS (*Registro Unico Nazionale del Terzo Settore*). Запись в реестре RASD дает возможность клубам пользоваться налоговыми льготами, в соответствии с Законом № 398 от 16 декабря 1991 года [LEGGE 16 dicembre 1991, n. 398, [www](#)], также в реестр любительские клубы обязаны заносить сведения о договорах в форме скоординированного и непрерывного сотрудничества с сотрудниками (*Collaborazione Coordinata e Continuativa (Co.Co.Co)*) [Art. 11, 28 DECRETO LEGISLATIVO 28 febbraio 2021, n. 36, [www](#)].

Декрет № 36 устанавливает жесткие требования к уставам любительских клубов, так в них обязательно должен быть зафиксирован некоммерческий характер деятельности, обязательное указание в названии "dilettantistica" (любительская). Основной целью деятельности указанной в уставе должна быть спортивная, а характер управления демократический [Art. 7, там же].

Любительским спортивным клубам вне зависимости от организационно-правовой формы запрещается распределять прибыль между учредителями и другими сотрудниками, в соответствии со статьей 8 Декрета № 36 вся прибыль должна реинвестироваться в спорт. В качестве исключения, если любительский спортивный клуб создан в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью закон допускает распределять менее 50% прибыли на бесплатное увеличение уставного капитала внесенного членами.

Профессиональные спортивные клубы создаются в форме акционерных обществ (*S.p.A.*) или обществ с ограниченной ответственностью (*S.r.l.*). В отличие от любительских клубов, они могут распределять прибыль, если уставом не предусмотрено иное. Однако, не менее 10 процентов прибыли должно быть направлено на молодежные школы спортивной

подготовки.

Профессиональные спортивные клубы должны получить членство в одной или нескольких национальных спортивных федерациях, признанных Национальным олимпийским комитетом Италии CONI прежде, чем будут зарегистрированы нотариусом в Торгово-промышленной палате [Codice civile, 1942, [www](#)]. Уставы профессиональных спортивных клубов предусматривают создание консультативного органа, деятельность которого направлена на защиту интересов болельщиков. Орган состоит не менее чем из трех и не более чем из пяти членов, избираемых каждые три года владельцами абонементов клуба путем электронного голосования в соответствии с положениями специального регламента, утвержденного советом директоров клуба [Art. 13 DECRETO LEGISLATIVO 28 febbraio 2021, n. 36, [www](#)].

В рамках регулирования командных видов спорта Декрет № 36 предусматривает создание независимой комиссии по проверке экономического и финансового баланса профессиональных спортивных клубов. Данный орган осуществляет контрольно-надзорные мероприятия в отношении за законностью и надлежащим финансово-экономическим управлением профессиональных спортивных клубов, участвующих в чемпионатах по командным видам спорта, с целью проверки соблюдения принципов разумного управления, поддержания экономико-финансового баланса и внутреннего контроля [Art. 13-bis, там же]. В состав комиссии входят Президент комиссии и шесть членов комиссии, которые на лены назначаются совместным указом Премьер-министра и Министра экономики и финансов Италии.

Учреждение комиссии направлено на государственную поддержку финансовой стабильности профессиональных спортивных клубов и поддержку честной конкуренции в спорте. Однако, такая государственная инициатива вызвала опасения у спортивных функционеров, считавших, что такие меры могут привести к политическому вмешательству в частный бизнес [Italy sets up body to oversee professional sports clubs' finances, 2024, [www](#)].

Одним из важнейших субъектов спортивной регламентации в Италии является Национальным олимпийским комитетом Италии (далее - CONI), созданный в 1914 году. Закон от 16.02.1942 № 426 признал CONI публично-правовым образованием с правосубъектностью и территориальными органами, а также учреждался устав данной организации [Bottari, 2021, 121]. По своей сути – CONI представляет собой государственно-общественный орган со статусом юридического лица публичного права, наделенный рядом делегированных государством полномочий. Данное юридическое лицо учреждено специальным законом и его основным источником финансирования является государственный бюджет Италии [Блажаев, Байрамов 2021, 559].

Декрет-закон от 19 августа 2003 года № 220 [DECRETO-LEGGE 19 agosto 2003, n. 220, [www](#)] устанавливает, что Республика признает и поддерживает автономию национальной спортивной системы как отражение международной спортивной системы, возглавляемой Международным олимпийским комитетом.

Еще одним важным звеном в области спортивной регламентации являются национальные спортивные федерации представляющие собой некоммерческие ассоциации, обладающие правосубъектностью в рамках частного права. Они формируются аффилированными компаниями, которые в своих уставах руководствуются принципом демократии, обеспечивая равенство и равные возможности для всех членов. Деятельность федераций носит любительский характер, за исключением некоторых федераций, которые также допускают профессиональную деятельность (гольф, футбол, бокс, велоспорт, баскетбол, мотоциклизм). Национальные федерации являются членами CONI и соответствующей международной федерации, которые, в

свою очередь, являются членами Международного олимпийского комитета (МОК). Национальные федерации являются членами CONI и соответствующей международной федерации, которые, в свою очередь, являются членами Международного олимпийского комитета (МОК) [Bottari, 2021, 131].

На уровне спортивных федераций принимаются регламентирующие документы. Например, Итальянская федерация футбола (FIGC) своим уставом дополняет законодательные положения о деятельности спортивных клубов [Norme organizzative interne della F.I.G.C, [www](http://www.figc.it)]. Термин «клуб» устав распространяет на все организации с ассоциативной структурой, которые, независимо от их организационно-правовой формы, занимаются спортивной деятельностью в области футбола. Клубы, независимо от того, зарегистрированы ли они как акционерные общества или общества с ограниченной ответственностью, обязаны предоставить FIGC подтверждение одобрения, после получения его от компетентного суда.

Большое внимание в уставе уделяется деятельности профессиональных спортивных клубов. При вступлении в организацию или ежегодном продлении членства компании, созданные в форме акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью, обязаны предоставить FIGC нотариально заверенную выписку из реестра акционеров. Они также обязаны сообщать, о любых изменениях в своих долях участия. Профессиональные клубы с котируемыми акциями, получив уведомление, обязаны в течение 48 часов сообщать о любых изменениях в своих долях участия, если они превышают 2% от уставного капитала и о последующих изменениях в долях участия необходимо сообщать в течение 30 дней с даты, когда увеличение или уменьшение превысило половину процента или доля участия упала ниже установленного процентного предела. Если капитал указанных компаний прямо или косвенно принадлежит акционерным обществам более чем на 10%, FIGC может потребовать от своего филиала предоставить документы, удостоверяющие физических лиц, владеющих этим капиталом [там же].

Также устав запрещает прямое или косвенное владение акциями, осуществление управления или контроль в нескольких профессиональных футбольных клубах одним и тем же лицом, его супругом, родственником или супругом до четвертой степени родства [там же].

Заключение

Рассмотрев особенности гражданско-правового статуса спортивных организаций в Италии можно прийти к выводу, что несмотря на декларируемую автономию спорта, государство имеет большой контроль над спортивной деятельностью, который вырос в результате проводимых в стране реформ в области спорта. Спортивная деятельность в Италии имеет высокую степень законодательной регламентации, причем изменения затронули даже Конституцию страны, что подчеркивает заинтересованность государства в обеспечении стабильной деятельности спортивных организаций как на любительском уровне, так и на профессиональном. В законах Италии предусматривается большое количество возможных организационно-правовых форм для спортивных клубов и подробно прописываются права и обязанности таких организаций. Особое внимание Итальянская республика стала уделять финансовой стабильности клубов для чего в данный момент реформируется вся система спортивного законодательства.

Библиография

1. Codice civile Gazzetta Ufficiale. 04.04.1942 №79 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:codice.civile:1942-03-16;262~art2330>
2. Блажеев В. В., Байрамов В. М.; отв. ред. Д. И. Рогачев. Спортивное право России: учебник для магистров / Проспект. — М., 2021. — 640 с.
3. К. Боттари, П. Д'Онофрио, Ф. Франческетти [и др.]. Право, организация и управление спортом и физической активностью / Издательство Болонского университета. — Болонья, 2021. — 396 с.
4. DECRETO LEGISLATIVO 28 febbraio 2021, n. 36 / Gazzetta Ufficiale. 18.03.2021 №67 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto:2021-02-28;36~art25!vig>
5. DECRETO LEGISLATIVO 3 luglio 2017, n. 117 Gazzetta Ufficiale. 02.08.2017 №179 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2017;117~art71>
6. DECRETO-LEGGE 19 agosto 2003, n. 220 Gazzetta Ufficiale. 20.08.2003 № 192 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legge:2003-08-19;220>
7. Italy sets up body to oversee professional sports clubs' finances // Официальный сайт: Reuters URL: <https://www.reuters.com/world/europe/italy-appoint-committee-oversee-finances-professional-sports-clubs-2024-05-24/#:~:text=By%20Angelo%20A%20mante,political%20interference%20in%20their%20affairs.> (дата обращения 23.02.2026)
8. COSTITUZIONE DELLA REPUBBLICA ITALIANA Gazzetta Ufficiale. 27.12.1947 №298 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:costituzione>
9. Legge 23 marzo 1981, n. 91 «Norme in materia di rapporti tra società e sportivi professionisti» Gazzetta Ufficiale. 27.03.1981 №86 // URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1981/03/27/081U0091/sig>
10. LEGGE 16 dicembre 1991, n. 398 Gazzetta Ufficiale. 17.12.1991 №295 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1991-12-16;398!vig>
11. New Sport Reform Официальный сайт LCA Studio Legale // <https://www.lcalex.it/wp-content/uploads/2023/07/New-Sport-Reform.pdf> (дата обращения 23.02.2026)
12. NORME ORGANIZZATIVE INTERNE DELLA F.I.G.C. // URL: https://files.figc.it/view/acePublic/alias/contentid/1odfxuf5z0mzl68lvf8/0/tit2_noif_art_da14a23_-----aggiornato_il_22-12-2025_su_base_CU131A_de_19-12-2025%20e%20CU%20132%20del%2019-12-25.pdf
13. Соловьев А.А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте: Монография / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. — М., 2011 — 383 с.
14. Соловьев А.А. Итальянская модель систематизации спортивной регламентации / Буки Веди — М., 2011. — 115 с.

Features of the Civil Law Status of Sports Organizations in Italy

Georgii V. Fefelov

Postgraduate Student,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4/1, 2-y Selskokhozyaystvennyy passage, Moscow, Russian Federation;
e-mail: georg.fefeloff@yandex.ru

Abstract

This article examines the legislative foundations of the civil law status of sports organizations in the Italian Republic. The provisions of the reform of the Italian Republic in the field of amateur and professional sports, affecting the legal status of sports organizations, are investigated. The most fundamental changes include the direct mention of sport in the Constitution of Italy and the emphasis on its importance as a basic public good. Such mentions of sport are rare in the constitutions of other states. Special attention is paid to the various types of sports organizations in Italy. Significant changes in sports legislation have affected amateur sports, which are aimed at simplifying the provision of various benefits to amateur sports organizations. The article also analyzes acts of a

corporate nature, in particular the statute of the Italian Football Federation, which significantly expands legislative interpretations.

For citation

Fefelov G.V. (2026) Osobennosti grazhdansko-pravovogo statusa sportivnykh organizatsiy v Italii [Features of the Civil Law Status of Sports Organizations in Italy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 331-337. DOI: 10.34670/AR.2026.79.13.038

Keywords

Physical culture, sport, organizations, reform, constitution, associations, sports associations, joint-stock companies, limited liability companies.

References

1. Codice civile. Gazzetta Ufficiale. 04.04.1942 №79 Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?um:nir:stato:codice.civile:1942-03-16;262~art2330> [Accessed 23/02/026].
2. Blazheev V. V., Bayramov V. M.; ed. D. I. Rogachev. (2021) Sportivnoye pravo Rossii: uchebnik dlya magistrrov [Sports Law of Russia: a textbook for masters]. Moscow: Prospect, pp. 640.
3. C. Bottari, P. D'Onofrio, F. Franceschetti [et al.]. (2021) Pravo. organizatsiya i upravleniye sportom i fizicheskoy aktivnostyu [Law, Organization, and Management of Sport and Physical Activity]. Bologna: Bononia University Press, pp. 396.
4. DECRETO LEGISLATIVO 28 febbraio 2021, n. 36 / Gazzetta Ufficiale. 18.03.2021 №67 Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?um:nir:stato:decreto:2021-02-28;36~art25!vig> [Accessed 23/02/026].
5. DECRETO LEGISLATIVO 3 luglio 2017, n. 117 Gazzetta Ufficiale. 02.08.2017 №179 Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?um:nir:stato:decreto.legislativo:2017;117~art71> [Accessed 23/02/026].
6. DECRETO-LEGGE 19 agosto 2003, n. 220 Gazzetta Ufficiale. 20.08.2003 № 192 Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?um:nir:stato:decreto.legge:2003-08-19;220> [Accessed 23/02/026].
7. Italy sets up body to oversee professional sports clubs' finances // Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/italy-appoint-committee-oversee-finances-professional-sports-clubs-2024-05-24/#:~:text=By%20Angelo%20A%20mante,political%20interference%20in%20their%20affairs.> [Accessed 23/02/026].
8. COSTITUZIONE DELLA REPUBBLICA ITALIANA Gazzetta Ufficiale. 27.12.1947 №298 Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?um:nir:stato:costituzione> [Accessed 23/02/026].
9. Legge 23 marzo 1981, n. 91 «Norme in materia di rapporti tra societa' e sportivi professionisti» Gazzetta Ufficiale. 27.03.1981 №86 Available at: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1981/03/27/081U0091/sg> [Accessed 23/02/026].
10. LEGGE 16 dicembre 1991, n. 398 Gazzetta Ufficiale. 17.12.1991 №295 Available at: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?um:nir:stato:legge:1991-12-16;398!vig> [Accessed 23/02/026].
11. New Sport Reform Available at: <https://www.lcalex.it/wp-content/uploads/2023/07/New-Sport-Reform.pdf> [Accessed 23/02/026].
12. NORME ORGANIZZATIVE INTERNE DELLA F.I.G.C. Available at: https://files.figc.it/view/acePublic/alias/contentid/1odfxuf5z0mzl68lvf8/0/tit2_noif_art_da14a23_-----aggiornato_il_22-12-2025_su_base_CU131A_de_19-12-2025%20e%20CU%20132%20del%2019-12-25.pdf [Accessed 23/02/026].
13. Soloviev A.A. (2011) Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt sistematizatsii zakonodatelstva o sporte: Monografiya / Komissiya po sportivnomu pravu Assotsiatsii yuristov Rossii. [Russian and foreign experience in systematizing sports legislation: Monograph / Commission on Sports Law of the Association of Lawyers of Russia]. Moscow: pp. 383.
14. Soloviev A.A. (2011) Italiyskaya model sistematizatsii sportivnoy reglamentatsii [Italian model of systematization of sports regulations]. Moscow: Buki Vedi, pp.115.

УДК 349.2:614.253

DOI: 10.34670/AR.2026.52.81.039

Защита трудовых прав медицинских работников: проблемы и особенности

Романова Елена Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе и дополнительному образованию,
Кубанский казачий государственный институт пищевой индустрии и бизнеса (филиал),
Московский государственный университет технологий
и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4-е;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Хлебникова Анна Андреевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский кооперативный институт (филиал),
Российский университет кооперации,
350015, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, 168/1;
e-mail: stakhova69@mail.ru

Мирзоян Регина Эдуардовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права и гражданского процесса,
Научно-образовательный кластер «Институт права»,
Адыгейский государственный университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: mir-regina@yandex.ru

Цеев Джамал Магаметович

Студент,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: jamtseevmag@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами и особенностями защиты трудовых прав медицинских работников. Делаются выводы и рекомендации, касающиеся продолжительности, организации и планирования рабочего времени медицинских работников. Авторы дают рекомендации по пересмотру Постановления Правительства РФ в сторону более уважительного отношения к труду медицинских работников. Одним из проблемных аспектов регулирования трудовых отношений в сфере здравоохранения

является определение порядка работы врачей, ведущих амбулаторный приём, в условиях сокращённого рабочего времени. Законодательно для данной категории медицинских работников установлена 33-часовая рабочая неделя. Однако на практике такие врачи выполняют дополнительные обязанности – в т.ч. работу на закреплённых участках и профилактические мероприятия, – при этом норма рабочего времени с учётом совмещения функций в законодательстве не закреплена.

Для цитирования в научных исследованиях

Романова Е.В., Хлебникова А.А., Мирзоян Р.Э., Цеев Д.М. Защита трудовых прав медицинских работников: проблемы и особенности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 338-344. DOI: 10.34670/AR.2026.52.81.039

Ключевые слова

Защита трудовых прав, медицинские работники, здравоохранение, оказание медицинской помощи, амбулаторный прием, порядок работы врачей, нормирование труда, рабочее время.

Введение

Защита трудовых прав медицинских работников – сложный процесс, обусловленный спецификой их профессиональной деятельности. Медицинские работники сталкиваются с повышенными нагрузками, ответственностью за жизни пациентов и рядом специфических рисков, что требует особого правового регулирования. Основу защиты составляют Трудовой кодекс РФ (ТК РФ), Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» и другие нормативные акты.

Эффективное функционирование системы здравоохранения невозможно без обеспечения надёжной защиты прав медицинских работников. В процессе профессиональной деятельности специалисты сталкиваются с комплексом рисков: инфекционной опасностью, угрозой физического насилия со стороны пациентов и их родственников, а также юридическими последствиями, обусловленными потенциальными ошибками в диагностике и лечении. В связи с этим критически важна комплексная защита прав и законных интересов медицинских работников.

Статистика свидетельствует о росте числа нарушений прав медицинских работников, необоснованных обвинений и судебных преследований. Данная тенденция подчёркивает необходимость обеспечения комплексной защиты – как физической, так и правовой – для представителей медицинской профессии.

Вопрос нормирования труда в медицинской сфере, в частности регламентация рабочего времени врачей различных специальностей, относится к числу наиболее острых проблем современного здравоохранения.

Основная часть

Особенности трудовой деятельности медицинских работников, обусловленные высокой социальной значимостью профессии и необходимостью бесперебойного оказания медицинской помощи, предопределяют отличия в содержании, продолжительности и режиме их рабочего времени по сравнению с офисными сотрудниками.

Необходимость актуализации правового регулирования труда медицинских работников определяется двумя факторами: существующими недостатками нормативного регулирования и особенностями их профессиональной деятельности по сохранению здоровья населения.

Несмотря на достаточно полное законодательное регулирование прав пациентов, правовой статус медицинских работников прописан крайне опосредованно, что затрудняет повышение доступности современной медицинской помощи и приведение системы здравоохранения в соответствие с передовыми мировыми стандартами.

Как отмечает автор Л.М. Долинская «на сегодняшний день правовое регулирование профессиональной деятельности медицинских работников слабо разработано, отчего, в частности, уровень отечественного здравоохранения отстает от мирового» [Долинская, 2017, с. 29].

Стремительный технический прогресс и усложнение общественных отношений напрямую обуславливают необходимость разработки и внедрения новых норм, регулирующих трудовую деятельность медицинских работников.

Одна из самых острых проблем, которая сегодня волнует медиков, – проблема нормирования их труда, в частности – вопросы, касающиеся продолжительности рабочего времени для врачей различных специальностей.

Согласно ст. 350 ТК РФ продолжительность рабочего времени медработников по общему правилу не должна превышать 39 часов в неделю. Постановление Правительства РФ от 14.02.2003 № 101 устанавливает сокращенную продолжительность рабочего времени для отдельных категорий медицинских работников в зависимости от специальности [Постановление Правительства РФ от 14.02.2003 № 101, 2003].

В документе расписано, медицинские работники, каких специальностей должны работать не более 36, 33, 30 часов в неделю. Больше всего разногласий вызывает 33-часовая рабочая неделя для медицинских работников – узких специалистов, которые занимаются приемом исключительно амбулаторных больных.

Понятие «амбулаторный прием» в настоящее время не определено ни одним нормативно-правовым актом. И сейчас, как правило, узкие специалисты работают 39 часов в неделю, поскольку, если говорить о буквальном толковании законодательства, продолжительность рабочей недели в 33 часа для них не установлена, потому что при ведении амбулаторного приема у них очень много другой работы, это именно работа, связанная с диспансеризацией, профосмотрами и т.п.

Нормирование продолжительности рабочего времени по дням относится к компетенции работодателя. При этом он обязан соблюдать установленные законодательством еженедельные нормы: для медицинских работников продолжительность рабочего времени не должна превышать 39 часов в неделю (ст. 350 ТК РФ). В случае отнесения условий труда на рабочих местах к вредным условиям 3-й или 4-й степени по результатам специальной оценки условий труда норма сокращается до 36 часов в неделю (ст. 92 ТК РФ).

Работодатель может установить и пятидневную рабочую неделю, и шестидневную, а также имеет право проводить суммирование рабочего времени (ст. 104 ТК РФ), т.е. устанавливать специальный рабочий режим, когда по условиям работы невозможно соблюсти ежедневную и ли еженедельную продолжительность рабочего времени для конкретной категории сотрудников. При этом работодатель должен следить, чтобы не превысить установленный лимит рабочего времени за учетный период.

Если медицинский работник переработал этот лимит, то в этом случае он фактически выполнял сверхурочную работу (ст. 92 ТК РФ) и вправе потребовать дополнительной оплаты за

свой труд (ст. 152 ТК РФ). В случае если он не получит дополнительной оплаты, то подобное нарушение норм труда может быть оспорено, в том числе в суде.

При этом медицинские работники часто жалуются, что их заставляют работать на две, на три ставки по 24 часа в сутки, да еще им за это не платят должным образом. Стоит отметить, что согласно ст. 4 ТК РФ в нашей стране принудительный труд запрещен. И, будучи субъектом трудового права, медицинский работник может отказаться от дополнительной работы, если ее должным образом не оплачивают. Например, можно написать на имя главного врача заявление о согласии работать по совмещению, в силу ч. 2 ст. 60 ТК РФ.

Режим работы во вредных и/или опасных условиях труда для сотрудников медицинских организаций устанавливается на основании результатов специальной оценки условий труда. По итогам данной оценки в трудовом договоре фиксируется соответствующий класс условий труда. Для медицинских работников к факторам, обуславливающим отнесение условий труда к вредным или опасным, относятся, в частности, высокая напряжённость и стрессогенность трудового процесса, а также профессиональный контакт с ВИЧ-инфицированными пациентами.

- При рассмотрении вопросов нормирования рабочего времени в сфере здравоохранения необходимо отдельно выделить категорию врачей, чья профессиональная деятельность ограничивается исключительно амбулаторным приёмом пациентов. В отношении этой группы специалистов действует специальное нормативное регулирование: подзаконный акт устанавливает для них сокращённую рабочую неделю продолжительностью 33 часа. Такой подход обусловлен спецификой амбулаторного приёма, включающей высокую интенсивность взаимодействия с пациентами и необходимость поддержания концентрации внимания в течение всего рабочего дня. Но поскольку на практике эти врачи выполняют еще и работу на участках по своим врачебным «должностям», профилактическую работу, то вопрос относительно того, какова должна быть в этом случае норма рабочего времени для этой категории работников, в законе не решен. На эту проблему в свое время обращала внимание Н. А. Иванова, которая помимо прочего указывала, что врачи в этой ситуации как бы выпадают из правового регулирования и вынуждены трудиться больше, чем им положено [Иванова, 2006, с. 94].
- В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские работники имеют право и одновременно обязаны проходить профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации за счёт средств работодателя. Понятие повышения квалификации регламентировано ст. 195.1 ТК РФ, согласно которой оно определяется как уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. Лица, которые имеют медицинское образование, однако более 5 лет не работали по своей специальности, могут быть допущены к осуществлению медицинской деятельности только после «прохождения обучения по дополнительным профессиональным программам (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) и прохождения аккредитации специалиста». В России осуществляется поэтапный переход к процедуре аккредитации медицинских работников. Он начался 1 февраля 2018 года [Приказ Минздрава России от 22.12.2017 № 1043н, 2017].

Анализ практики реализации права медицинских работников на профессиональное обучение выявляет распространённую тенденцию: работодатели при направлении на курсы повышения квалификации заключают с сотрудниками дополнительные соглашения, содержащие следующие условия:

- обязанность работника отработать в медицинской организации определённый период (обычно 3–5 лет) после завершения обучения;
- обязательство возместить затраты на обучение в случае досрочного увольнения.

Правовая оценка такой практики:

- 1) Противоречие нормам трудового права. Подобные условия противоречат положениям трудового законодательства. Работодатель обязан обеспечивать прохождение необходимого обучения за свой счёт без выдвижения встречных требований (ст. 197 ТК РФ).
- 2) Ничтожность договора. Соглашение с подобными условиями является ничтожным, поскольку ограничивает права работника и противоречит императивным нормам трудового законодательства.
- 3) Механизм защиты. В случае подписания такого договора работник вправе оспорить его в судебном порядке. Суд, как правило, признаёт подобные условия недействительными, поскольку они:
 - нарушают принцип свободы труда (ст. 37 Конституции РФ);
 - ограничивают право работника на расторжение трудового договора (ст. 80 ТК РФ);
 - возлагают на работника необоснованные финансовые обязательства.

В соответствии с п. 5 Приказа Минздрава России «О Порядке и сроках прохождения медицинскими работниками и фармацевтическими работниками аттестации для получения квалификационной категории» медицинские работники обязаны не реже одного раза в пять лет проходить аттестацию по должностям, предусмотренным номенклатурой должностей медицинских и фармацевтических работников [Приказ Минздрава России от 20.12.2012 № 1183н, 2012].

Заключение

Одним из проблемных аспектов регулирования трудовых отношений в сфере здравоохранения является определение порядка работы врачей, ведущих амбулаторный приём, в условиях сокращённого рабочего времени. Законодательно для данной категории медицинских работников установлена 33-часовая рабочая неделя. Однако на практике такие врачи выполняют дополнительные обязанности – в т.ч. работу на закреплённых участках и профилактические мероприятия, – при этом норма рабочего времени с учётом совмещения функций в законодательстве не закреплена.

Согласимся с предложением автора Н.С. Кошкина о том, что «целесообразно в Постановлении № 101 в случае привлечения таких работников к другой работе (помимо амбулаторного приема), входящей в их трудовую функцию, установить максимальную продолжительность рабочего времени не более 36 часов в неделю. Это позволит не только защитить медицинских работников, но и устранить существующий правовой пробел». Медицинские работники являются специальными субъектами трудового права, так как правовое регулирование их труда, кроме общих норм трудового права осуществляется также специальными нормами. Таким образом, речь идет о специальном трудовом статусе медицинских работников.

Библиография

1. Долинская Л.М. Государственный контроль в сфере здравоохранения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. С. 29-35.

2. Иванова Н.А. Работа медицинских работников за пределами установленной продолжительности рабочего времени // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2006. № 2. С. 94-98.
3. Кошкин Н.С., Орешкина В.Н. Особенности правового регулирования труда медицинских работников // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19, № 1. С. 53-59.
4. О продолжительности рабочего времени медицинских работников в зависимости от занимаемой ими должности и (или) специальности: Постановление Правительства РФ от 14.02.2003 № 101 (ред. от 24.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 8. Ст. 757.
5. Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: Приказ Минздрава России от 20.12.2012 № 1183н (ред. от 04.09.2020) // Российская газета. № 66. 27.03.2013.
6. Об утверждении сроков и этапов аккредитации специалистов, а также категорий лиц, имеющих медицинское, фармацевтическое или иное образование и подлежащих аккредитации специалистов: Приказ Минздрава России от 22.12.2017 № 1043н (ред. от 04.08.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802080035> .

Protection of Labor Rights of Medical Workers: Problems and Peculiarities

Elena V. Romanova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Deputy Director for Scientific Work and Additional Education,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business (branch),
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(The First Cossack University),
353500, 4-е, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: lenina_ev@mail.ru

Anna A. Khlebnikova

PhD in Law, Associate Professor,
Krasnodar Cooperative Institute (branch),
Russian University of Cooperation,
350015, 168/1, Mitrofana Sedina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: stakhova69@mail.ru

Regina E. Mirzoyan

PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure,
Scientific and Educational Cluster "Institute of Law",
Adyghe State University,
385000, 208, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: mir-regina@yandex.ru

Dzhamal M. Tseev

Student,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: jamtseevmag@mail.ru

Abstract

The article examines issues related to the problems and peculiarities of protecting the labor rights of medical workers. Conclusions and recommendations are made regarding the duration, organization and planning of working time for medical workers. The authors give recommendations on revising the Decree of the Government of the Russian Federation towards a more respectful attitude towards the work of medical workers. One of the problematic aspects of regulating labor relations in the healthcare sector is determining the work procedure for doctors conducting outpatient appointments under conditions of reduced working hours. Legislation establishes a 33-hour working week for this category of medical workers. However, in practice, such doctors perform additional duties – including work in assigned areas and preventive measures – while the standard working hours, taking into account the combination of functions, is not established in legislation.

For citation

Romanova E.V., Khlebnikova A.A., Mirzoyan R.E., Tseev D.M. (2026) *Zashchita trudovykh prav meditsinskikh rabotnikov: problemy i osobennosti* [Protection of Labor Rights of Medical Workers: Problems and Peculiarities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 338-344. DOI: 10.34670/AR.2026.52.81.039

Keywords

Protection of labor rights, medical workers, healthcare, provision of medical care, outpatient appointment, work procedure for doctors, labor standardization, working time.

References

1. Dolinskaya, L.M. (2017). Gosudarstvennyy kontrol v sfere zdravookhraneniya [State control in the healthcare sector]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 6, 29-35.
2. Government of the Russian Federation. (2003). Postanovleniye Pravitelstva RF ot 14.02.2003 № 101 "O prodolzhitel'nosti rabochego vremeni meditsinskikh rabotnikov v zavisimosti ot zanimayemoy imi dolzhnosti i (ili) spetsialnosti" [Decree No. 101 of February 14, 2003 "On the duration of working hours of medical workers depending on their position and (or) specialty"]. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 8, Art. 757.
3. Ivanova, N.A. (2006). Rabota meditsinskikh rabotnikov za predelami ustanovlennoy prodolzhitel'nosti rabochego vremeni [Work of medical workers beyond the established working hours]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2, 94-98.
4. Koshkin, N.S., & Oreshkina, V.N. (2019). Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda meditsinskikh rabotnikov [Features of legal regulation of labor of medical workers]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Pravo"*, 19(1), 53-59.
5. Ministry of Health of the Russian Federation. (2012). Prikaz Minzdrava Rossii ot 20.12.2012 № 1183n "Ob utverzhenii Nomenklatury dolzhnostey meditsinskikh rabotnikov i farmatsevticheskikh rabotnikov" [Order No. 1183n of December 20, 2012 "On approval of the Nomenclature of positions of medical workers and pharmaceutical workers"]. *Rossiyskaya gazeta*, 66.
6. Ministry of Health of the Russian Federation. (2017). Prikaz Minzdrava Rossii ot 22.12.2017 № 1043n "Ob utverzhenii srokov i etapov akkreditatsii spetsialistov, a takzhe kategoriy lits, imeyushchikh meditsinskoye, farmatsevticheskoye ili inoye obrazovaniye i podlezhashchikh akkreditatsii spetsialistov" [Order No. 1043n of December 22, 2017 "On approval of the terms and stages of accreditation of specialists, as well as categories of persons with medical, pharmaceutical or other education subject to accreditation of specialists"]. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001_2018_02080035

УДК 343.337

DOI: 10.34670/AR.2026.83.96.040

Основные проблемы развития жилищной сферы в Арктической зоне и пути их решения

Лобченко Людмила Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
Мурманский арктический университет,
183038, Российская Федерация, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15;
e-mail: llobchenko@mail.ru

Адилова Арзу Ариф кызы

Магистрант,
Мурманский арктический университет,
183038, Российская Федерация, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15;
e-mail: ar.adilova@mail.ru

Аннотация

Статья исследует реализацию конституционного права на жилище через жилищную политику государства в Арктической зоне Российской Федерации. Рассматриваются федеральные и региональные программы по строительству, модернизации и расселению жилья с учётом экстремальных климатических условий и социальных особенностей северных территорий. Особое внимание уделено интеграции энергоэффективных технологий, поддержке коренных малочисленных народов и межуровневой координации государственных органов. Показано, что комплексный подход обеспечивает устойчивое развитие арктических поселений и улучшение качества жизни населения.

Для цитирования в научных исследованиях

Лобченко Л.Н., Адилова А.А. Основные проблемы развития жилищной сферы в Арктической зоне и пути их решения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 345-352. DOI: 10.34670/AR.2026.83.96.040

Ключевые слова

Жилищная политика, Арктическая зона Российской Федерации, конституционное право на жилище, социально-культурные особенности, энергоэффективное строительство.

Введение

Право граждан на жилище является составной частью системы социальных гарантий, установленных Конституцией Российской Федерации, и отражает стремление государства к обеспечению достойных условий жизни для каждого человека [Конституция РФ, 1993]. Жилище является физическим пространством для проживания и элементом, влияющим на социальную защищённость, стабильность, безопасность и качество жизни населения. Наличие собственного или предоставленного жилья формирует основу для реализации других прав и свобод личности, таких как право на частную жизнь, личную неприкосновенность, семейную жизнь и свободное перемещение.

Согласно статье 40 Конституции Российской Федерации, каждый человек обладает правом на жилище, а также не может быть лишён его произвольно, без надлежащих правовых оснований. Государственные органы и органы местного самоуправления обязаны содействовать развитию жилищного строительства и создавать благоприятные условия, необходимые для осуществления данного права. Граждане, признанные нуждающимися, в том числе лица с низким уровнем дохода, могут рассчитывать на получение жилых помещений за счёт государственного, муниципального или иного специализированного жилищного фонда, на безвозмездной основе или с возможностью внесения символической платы. Предоставление таких помещений осуществляется в установленном законом порядке, с учётом установленных критериев нуждаемости и иных условий [Конституция РФ, 1993].

Основная часть

Арктическая зона РФ – предмет специального регулирования: для неё разрабатываются отдельные программы социально-экономического развития, включающие мероприятия по жилищному строительству, поддержке традиционных поселений и модернизации коммунальной инфраструктуры. В 2021 году ряд нормативных актов и распоряжений зафиксировали направления государственной поддержки населения и сохранения традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, что имеет прямое отношение к жилищной политике в регионе [Распоряжение Правительства РФ № 978-р, 2021].

Региональные территории, включённые в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ), подпадают под особое правовое регулирование. Государственные программы и стратегические документы предусматривают меры по развитию инфраструктуры, стимулированию привлечения и закрепления специалистов, модернизации жилого фонда и коммунальных услуг. Например, в 2025 году опубликовано сообщение, что объём жилищного строительства в арктических регионах возрос на 40 % благодаря программе льготных ипотек [[RIA Novosti / Nikolskiy, 2025].

Особое значение имеет сочетание конституционного принципа права на жилище с региональной политикой: государство не только должно «обеспечивать условия», но и адаптировать мероприятия под региональную специфику, что логически влечёт необходимость разработки специально ориентированной жилищной политики для АЗРФ. Исследования показывают, что без учёта геоэкологических, технологических и социально-культурных условий жилищные программы могут не достигать своей цели даже при формальных показателях. Например, в научной публикации 2022 года анализируется, как деградация вечномёрзлых пород негативно влияет на устойчивость жилых зданий в российской Арктике и

может подорвать возможность полноценного проживания [Revich, Eliseev, Shaposhnikov, 2022]. Также в августе 2024 года сообщалось о том, что дочерние компании федеральных застройщиков получили статус резидентов АЗРФ и планируют серьёзные инвестиции в жилищное строительство в регионах Северо-Запада, что свидетельствует о растущей роли частно-государственного партнёрства в этой сфере [Arctic Russia, www...].

Жилищная проблема в северных территориях принимает несколько форм: дефицит современных благоустроенных жилых площадей, высокая изношенность существующего фонда, несоответствие строительных конструкций климатическим и геотехническим условиям, а также ограниченный доступ к ипотечным и арендным решениям для местных жителей и прибывающих специалистов. Для отдельных городков и посёлков характерна высокая доля аварийного фонда и непропорционально большая стоимость строительства и коммунального обслуживания на единицу площади. Эти обстоятельства увеличивают нагрузку на региональные бюджеты и затрудняют реализацию права на жилище в практическом смысле [Чернов, 2024].

Существенное значение имеет изменение климата: оттаивание вечной мерзлоты приводит к нарушению фундаментов, деформации коммуникаций и ускоренному износу зданий, что требует дополнительных средств на адаптацию и ремонт. Рост затрат на поддержание жилищного фонда делает стандартные механизмы жилищной политики, применяемые в умеренной полосе, неэффективными без адаптации к местным условиям [Анисимов, Бадина, 2024]. С точки зрения инфраструктуры, основными препятствиями являются:

- крайне высокая стоимость строительства и обслуживания жилых объектов из-за логистики, транспортных затрат и ввоза материалов;
- сложности с фундаментами и инженерными системами из-за вечномёрзлых или мерзлоразмораживающихся грунтов, что снижает эксплуатационный ресурс зданий и вызывает дополнительные расходы на ремонт и адаптацию. Например, исследование 2021 года отмечает, что деградация вечномёрзлых пород «серьёзно влияет на жилищный фонд и инженерную инфраструктуру» [Revich, Eliseev, Shaposhnikov, 2022].
- ограниченный доступ населения к жилищу через финансовые и кредитные инструменты: региональные рынки часто характеризуются низкой ликвидностью, высокими ставками, ограниченным предложением арендных помещений и недостатком социальных механизмов.
- демографическая и социальная специфика: в арктических поселениях часто проживают коренные малочисленные народы, специалисты вахтового метода и семьи, которые предъявляют особые требования к жилым условиям – традиционный стиль жизни, малые дома, коллективные и соседские формы хозяйствования. Жилищные программы, ориентированные на массовую стандартизацию, не всегда отражают эти особенности.

С 2023-2025 годов появляются данные, что проблема аварийного жилищного фонда остаётся острой. В материалах 2023 года по региону Республика Саха (Якутия) отмечается, что строится более 30 жилых домов в 2023-2024 гг. для расселения жителей из аварийного жилья в арктических районах [Arctic Russia, www...]. Так, часть программ направлена не на расширение жилищного фонда, а на обновление и восстановление существующего жилищного фонда.

Инфраструктурные затраты и нагрузка на коммунальные системы в условиях Арктики значительно выше, чем в регионах с умеренным климатом. Это означает, что жилищное строительство должно сопровождаться модернизацией инженерных сетей, утеплением, усилением конструкций и учётом особенностей грунтов и климата – иначе жильё будет мало пригодно для длительного проживания. Как отмечается в статье 2024 года по устойчивому

развитию арктических горнодобывающих регионов: «специфические условия требуют повышенного внимания к природному и человеческому капиталу» [Kirsanova, Nevskaya, Raikhlin, 2024].

Таким образом, если рассматривать жилищную политику как средство реализации права на жилище в Арктике, становится очевидно, что режим стандартных мер (скидки, субсидии, ипотека) лишь часть решения – необходим комплексный подход: адаптация конструкции и технологии жилья, усиленные инфраструктурные инвестиции, учёт социально-культурных особенностей обитателей, пересмотр жилья аварийного и неадаптированного фонда, а также усиление программ по арендному жилью и доступности жилья для специалистов.

Реализация жилищной политики в арктических территориях сопровождается активным законодательным регулированием и принятием программ на федеральном и региональном уровнях. В контексте реализации права на жилище в АЗРФ значение имеют следующие виды нормативно-правовых актов: стратегии развития арктических территорий, государственные программы социально-экономического развития, специальные ипотечные и жилищно-строительные механизмы, региональные и муниципальные планы расселения аварийного фонда.

- Стратегия развития Арктической зоны до 2035 года – Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. «О Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» № 645 (в редакции от 27 февраля 2023 г.). В этой стратегии среди прочего обозначены меры по социальному развитию арктических населённых пунктов, улучшению жилищных условий и инфраструктуры с учётом экстремальных климатических условий [Указ Президента РФ № 645, 2020].
- План комплексного развития населённых пунктов Арктики – В октябре 2024 года Правительство РФ утвердило «Комплексный план развития населённых пунктов Арктической зоны» (на уровне пресс-релиза). При этом было отмечено, что не менее 5 % средств соответствующих государственных программ должны быть направлены на его реализацию. Этот план включает и жилищную составляющую – модернизация жилого фонда, расселение аварийных зданий, строительство нового жилья, развитие инженерной инфраструктуры [TASS, [www...](#)].
- Специальные жилищные инструменты – льготная арктическая ипотека – В 2023-2024 гг. введена программа «льготной арктической ипотеки» с процентной ставкой 2 % годовых для жилья в арктических районах. Программа рассчитана на привлечения специалистов и закрепление кадров в северных территориях, что даёт жилищному праву конкретную форму через инструмент кредитования [РБК, 2025].
- Региональные и муниципальные программы расселения аварийного жилищного фонда – В публикации 2025 года отмечается, что в АЗРФ построены новые жилые дома для расселения из аварийного фонда: например, в регионе Республика Саха (Якутия) строится свыше 30 домов на 2023-2024 гг. [Gosnell, May, 2025]. Это означает, что жилищная политика не ограничивается лишь строительством «нового», но затрагивает обновление существующего фонда, что важно для устойчивой реализации права на жилище.
- Институциональная и межуровневая координация государственных органов – Анализ 2025 года показывает, что реализация жилищной и социальной политики на Севере требует интегрированного межведомственного подхода: с участием федеральных, региональных, муниципальных органов, а также частного сектора и институтов развития

[Gladkov, 2025].

Однако механизмы субсидирования и ипотечного стимулирования требуют прозрачных критериев адресности и оценки эффективности, чтобы ресурсы шли на устойчивые решения: ремонт и укрепление существующего фонда, возведение энергоэффективных домов и создание доступного арендного жилья для социальных групп с ограниченными финансовыми возможностями [Саввинова, Сибилева, 2024].

Государственные программы 2021 года отдельно учитывают потребности коренных малочисленных народов: сохранение традиционных типов жилища, поддержка традиционных видов хозяйственной деятельности и адаптация жилищных решений под культурные особенности общин. Комплексный подход должен сочетать материальные меры (строительство, коммунальная инфраструктура) и нематериальные – поддержку самоуправления, участие местных сообществ в планировании и реализации проектов. Это повышает вероятность того, что жильё будет соответствовать бытовым и культурным запросам жителей, а не только техническим нормам [Калитин, 2021].

В малых поселениях государственная политика должна опираться на принципы устойчивого развития: поддержание социальной инфраструктуры (школы, медицинские пункты), обеспечение занятости и связь с транспортными коридорами. Без этого попытки обеспечить формальное жилищное благоустройство рискуют оказаться недолговечными [Ефремова, Неустроев, 2022].

Социальный аспект жилищной политики в Арктической зоне выражается не только через строительство новых жилых объектов, но и через поддержку компактных форм расселения северных населённых пунктов и сохранение связей с традиционными территориями хозяйственной деятельности. В статье «Социальные аспекты устойчивого развития арктических территорий России» отмечается, что одной из задач является укрепление социального пространства и снижение оттока населения из малых арктических поселков [Корчак, 2023].

Вопрос участия местных сообществ в принятии решений о жилищном строительстве постепенно становится частью государственной практики. С 2023 года при Минвостокразвития действует общественный совет по развитию Арктики, включающий представителей региональных НКО и ассоциаций коренных народов Севера. Совет рассматривает вопросы проектирования и расселения, а также распределения средств по целевым программам [Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, 2023]. Такой формат позволяет учитывать мнение местных жителей при планировании строительства и реконструкции поселений. Кроме того, на заседании Российской академии наук 23 июля 2025 года было отмечено, что для повышения качества жизни на севере необходимо сочетание жилищных инициатив с развитием инфраструктуры – школ, медицинских пунктов, объектов культуры и торговли [РАН, 2024].

Заключение

Таким образом, реализация жилищной политики в Арктической зоне Российской Федерации обеспечивает практическое воплощение конституционного права на жилище через комплексный подход, включающий модернизацию и строительство жилого фонда, адаптацию конструкций и инженерных систем к климатическим и геотехническим условиям, развитие инфраструктуры, поддержку коренных малочисленных народов и участие местных сообществ в планировании. Программы федерального и регионального уровней, льготные ипотечные инструменты, расселение аварийного жилья и межуровневая координация органов власти

создают условия для устойчивого проживания населения и закрепления специалистов в северных территориях, что способствует сохранению социальной стабильности и улучшению качества жизни в Арктической зоне.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993] // Российская газета. – 1993. – №237.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 978-р (ред. от 2 октября 2025 г.) «Об утверждении Программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-15042021-n-978-r-ob-utverzhenii> (дата обращения 08.11.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 (ред. от 27 февраля 2023 г.) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [Эл. ресурс] // Consultant.ru. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065 (дата обращения 08.11.2025).
4. Arctic Russia. More than 30 apartment buildings to be built in Yakutia's polar region under the programme for the resettlement of emergency housing [Эл. ресурс] // Arctic-Russia.ru. – Режим доступа: URL: https://arctic-russia.ru/en/news/more-than-30-apartment-buildings-to-be-built-in-yakutia-s-polar-region-under-the-programme-for-the-r/?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
5. Arctic Russia. Subsidiaries of federal property developers became residents of the AZRF [Эл. ресурс] // Arctic-Russia.com. – Режим доступа: URL: https://arctic-russia.com/en/news/subsidiaries-of-federal-property-developers-became-residents-of-the-azrf/?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
6. Gladkov S. Arctic in Russia's Strategic Agenda: Programs, Initiatives, and Realities of 2025 // ResearchGate. – 2025. – June. – DOI: 10.5281/zenodo.15746945. – Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/393052926_Arctic_in_Russia's_Strategic_Agenda_Programs_Initiatives_and_Realities_of_2025?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
7. Gosnell R., May Z. A Chilling Effect: How Russia's War in Ukraine is Impacting its Arctic Ambitions // Journal of Arctic Security. – 2025. – Vol. 2. – P. 26-40.
8. Kirsanova N., Nevskaya M., Raikhlin S. Sustainable Development of Mining Regions in the Arctic Zone of the Russian Federation // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, Iss. 5. – P. 2060.
9. Revich B. A., Eliseev D. O., Shaposhnikov D. A. Risks for Public Health and Social Infrastructure in Russian Arctic under Climate Change and Permafrost Degradation // Atmosphere. – 2022. – Vol. 13, Iss. 4. – P. 532.
10. RIA Novosti. Alexey Nikolskiy. Housing construction volumes up 40 percent in the Arctic [Эл. ресурс] // Arctic.ru. – 25.02.2025. – Режим доступа: URL: https://en.arctic.ru/infrastructure/20250225/1036010.html?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
11. TASS. Russian Cabinet approves comprehensive Arctic development plan – PM Mishustin [Эл. ресурс] // TASS. – Режим доступа: URL: https://tass.com/economy/2035563?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
12. Анисимов О. А., Бадина С. В. Оптимизация региональных планов адаптации к изменению климата в арктической зоне России на основе прогностического моделирования // Арктика: экология и экономика. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 350-359. – DOI: 10.25283/2223-4594-2024-3-350-359.
13. Арктическая ипотека: как взять кредит на жилье под 2% в 2025 году [Эл. ресурс] // РБК. – Режим доступа: URL: <https://realty.rbc.ru/news/6554b3569a7947cf832b225c?from=copy> (дата обращения 08.11.2025).
14. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики. Стартовала программа льготного жилищного кредитования в Арктической зоне России [Эл. ресурс] // Arctic.gov.ru. – Режим доступа: URL: https://arctic.gov.ru/2023/11/?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
15. Ефремова М. К., Неустроев С. А. Государственная политика: Основные подходы к развитию Арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Arctic2035. – 2022. – № 4 (8). – Режим доступа: URL: https://arctic2035.ru/n8-r4?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
16. Калитин Р. Р. Государственная политика: Программа государственной поддержки традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов // Arctic2035. – 2021. – № 3 (7). – Режим доступа: URL: https://arctic2035.ru/n7-p14?utm_source (дата обращения 08.11.2025).
17. Корчак Е. А. Социальные аспекты устойчивого развития арктических территорий циркумполярных стран // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 5. – С. 25-30.
18. РАН. Устойчивое развитие Арктики обсудили на заседании Рабочей комиссии РАН и Республики Саха (Якутия) [Эл. ресурс] // RAS.ru. – Режим доступа: URL: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=8a73c4fe-cd37-44ed-9f38-8338e7a81e89&print=1&utm_source (дата обращения 08.11.2025).

19. Саввинова А. П., Сибилева Е. В. Ипотечное кредитование как инструмент социально-экономического развития в Арктической зоне // Арктика XXI век. – 2024. – № 2 (36). – С. 104-114.
20. Чернов С. Н. Нормативно-правовое регулирование строительства в Арктической зоне Российской Федерации // Градостроительное право. – 2024. – № 03. – С. 2-5. – DOI: 10.18572/2500-0292-2024-3-2-5.

Main Problems of Housing Sector Development in the Arctic Zone and Ways to Solve Them

Lyudmila N. Lobchenko

PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Murmansk Arctic University,
183038, 15, Kapitana Egorova str., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: l.lobchenko@mail.ru

Arzu A. Adilova

Master's Student,
Murmansk Arctic University,
183038, 15, Kapitana Egorova str., Murmansk, Russian Federation;
e-mail: ar.adilova@mail.ru

Abstract

The article examines the implementation of the constitutional right to housing through the state housing policy in the Arctic Zone of the Russian Federation. Federal and regional programs for the construction, modernization, and resettlement of housing are considered, taking into account the extreme climatic conditions and social characteristics of the northern territories. Special attention is paid to the integration of energy-efficient technologies, support for indigenous minority peoples, and inter-level coordination of state bodies. It is shown that an integrated approach ensures the sustainable development of Arctic settlements and improves the quality of life of the population.

For citation

Lobchenko L.N., Adilova A.A. (2026) Osnovnyye problemy razvitiya zhilishchnoy sfery v Arkticheskoy zone i puti ikh resheniya [Main Problems of Housing Sector Development in the Arctic Zone and Ways to Solve Them]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 345-352. DOI: 10.34670/AR.2026.83.96.040

Keywords

Housing policy, Arctic Zone of the Russian Federation, constitutional right to housing, socio-cultural characteristics, energy-efficient construction.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993] // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No. 237.

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2021 No. 978-r (as amended on October 2, 2025) "On Approval of the Program of State Support for traditional Economic activities of indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation carried out in the Arctic zone of the Russian Federation" [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-15042021-n-978-r-ob-utverzhdenii> (accessed 11/08/2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 645 dated October 26, 2020 (as amended on February 27, 2023) "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and ensuring National Security for the period up to 2035" [Electronic resource] // Consultant.ru . – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065 (accessed 11/08/2025).
4. Arctic Russia. More than 30 apartment buildings to be built in Yakutia's polar region under the program for the resettlement of emergency housing [Electronic resource] // Arctic-Russia.ru . – Access mode: URL: https://arctic-russia.ru/en/news/more-than-30-apartment-buildings-to-be-built-in-yakutia-s-polar-region-under-the-programme-for-the-r/?utm_source (accessed 11/08/2025).
5. Arctic Russia. Subsidies of federal property developers became residents of the AZRF [Electronic resource] // Arctic-Russia.com . – Access mode: URL: https://arctic-russia.com/en/news/subsidiaries-of-federal-property-developers-became-residents-of-the-azrf/?utm_source (accessed 11/08/2025).
6. Gladkov S. Arctic in Russia's Strategic Agenda: Programs, Initiatives, and Realities of 2025 // ResearchGate. – 2025. – June. – DOI: 10.5281/zenodo.15746945. – Access mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/393052926_Arctic_in_Russia's_Strategic_Agenda_Programs_Initiatives_and_Realities_of_2025?utm_source (accessed 11/08/2025).
7. Gosnell R., May Z. A Chilling Effect: How Russia's War in Ukraine is Impacting its Arctic Ambitions // Journal of Arctic Security. – 2025. – Vol. 2. – P. 26-40.
8. Kirsanova N., Nevskaya M., Raikhlin S. Sustainable Development of Mining Regions in the Arctic Zone of the Russian Federation // Sustainability. – 2024. – Vol. 16, Iss. 5. – P. 2060.
9. Revich B. A., Eliseev D. O., Shaposhnikov D. A. Risks for Public Health and Social Infrastructure in Russian Arctic under Climate Change and Permafrost Degradation // Atmosphere. – 2022. – Vol. 13, Iss. 4. – P. 532.
10. RIA Novosti. Alexey Nikolskiy. Housing construction volumes up 40 percent in the Arctic [Electronic resource] // Arctic.ru . – 02/25/2025. – Access mode: URL: https://en.arctic.ru/infrastructure/20250225/1036010.html?utm_source (accessed 11/08/2025).
11. TASS. Russian Cabinet approves comprehensive Arctic development plan – PM Mishustin [Electronic resource] // TASS. – Access mode: URL: https://tass.com/economy/2035563?utm_source (accessed 11/08/2025).
12. Anisimov O. A., Badina S. V. Optimization of regional climate change adaptation plans in the Arctic zone of Russia based on predictive modeling // Arctic: Ecology and Economics. – 2024. – Vol. 14, No. 3. – pp. 350-359. – DOI: 10.25283/2223-4594-2024-3-350-359.
13. Arctic mortgage: how to get a housing loan at 2% in 2025 [Electronic resource] // RBC. – Access mode: URL: <https://realty.rbc.ru/news/6554b3569a7947cf832b225c?from=copy> (accessed 11/08/2025).
14. The State Commission for the Development of the Arctic. A program of preferential housing loans in the Arctic zone of Russia has been launched [Electronic resource] // Arctic.gov.ru . – Access mode: URL: https://arctic.gov.ru/2023/11/?utm_source (accessed 11/08/2025).
15. Efremova M. K., Neustroev S. A. State policy: Basic approaches to the development of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) // Arctic2035. – 2022- No. 4 (8). – Access mode: URL: https://arctic2035.ru/n8-p4?utm_source (accessed 11/08/2025).
16. Kalitin R. R. State policy: The program of state support for traditional economic sectors of indigenous peoples // Arctic2035. – 2021. – № 3 (7). – Access mode: URL: https://arctic2035.ru/n7-p14?utm_source (accessed 11/08/2025).
17. Korczak E. A. Social aspects of sustainable development of Arctic territories of circumpolar countries // Fundamental Research. – 2023. – No. 5. – pp. 25-30.
18. WOUNDS. The sustainable development of the Arctic was discussed at a meeting of the Working Commission of the Russian Academy of Sciences and the Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource] // RAS.ru . – Access mode: URL: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=8a73c4fe-cd37-44ed-9f38-8338e7a81e89&print=1&utm_source (accessed 11/08/2025).
19. Savvinova A. P., Sibileva E. V. Mortgage lending as a tool for socio-economic development in the Arctic zone // Arctic The 21st century. – 2024. – № 2 (36). – Pp. 104-114.
20. Chernov S. N. Regulatory and legal regulation of construction in the Arctic zone of the Russian Federation // Urban planning law. – 2024. – No. 03. – pp. 2-5. – DOI: 10.18572/2500-0292-2024-3-2-5.

УДК 347.7:657:614.23

DOI: 10.34670/AR.2026.88.36.041

Правовые особенности ведения бухгалтерского учета в клинике пластической хирургии

Ястремский Иван Анатольевич

Адвокат,
филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов»,
191187, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6А;
e-mail: ur-fin@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется влияние медицинского законодательства, норм бухгалтерского и налогового права на организацию бухгалтерского учета в клиниках пластической хирургии. Цель работы — выявить ключевые проблемы, связанные с налогообложением медицинских и эстетических услуг, а также разработать рекомендации по организации учета в целях минимизации правовой неопределенности. Особое внимание уделяется проблемам правовой квалификации услуг пластической хирургии, их отражению в бухгалтерском и налоговом учете, а также вопросам формирования учетной политики клиники пластической хирургии. В статье сделан вывод о необходимости комплексного правового подхода к организации бухгалтерского учета с учетом специфики медицинской деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ястремский И. А. Правовые особенности ведения бухгалтерского учета в клинике пластической хирургии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 353-358. DOI: 10.34670/AR.2026.88.36.041

Ключевые слова

Клиника пластической хирургии, пластическая хирургия, бухгалтерский учет, медицинская организация, медицинские услуги, налоговое право, НДС, учетная политика, персональные данные, эстетическая медицина.

Введение

Современные клиники пластической хирургии занимают особое место в системе здравоохранения. Их особенностью является сочетание признаков медицинской организации и коммерческого хозяйствующего субъекта. Двойственная природа предопределяет специфику правового регулирования их деятельности, в том числе в сфере бухгалтерского учета. Ведение бухгалтерского учета в клинике пластической хирургии осуществляется на стыке норм финансового, налогового и медицинского права, что требует от организации повышенного внимания к формированию учетной политики и документальному оформлению хозяйственных операций.

Общие правовые основы бухгалтерского учета в клинике пластической хирургии определяются Федеральным законом «О бухгалтерском учете» [Федеральный закон № 323-ФЗ, 2011], который распространяется на все организации независимо от вида экономической деятельности. В соответствии с данным законом клиника пластической хирургии обязана вести бухгалтерский учет непрерывно с момента государственной регистрации, формировать учетную политику, обеспечивать документальное подтверждение всех фактов хозяйственной жизни и составлять бухгалтерскую (финансовую) отчетность. Для медицинской организации данные требования дополняются необходимостью учета отраслевой специфики, связанной с оказанием медицинских услуг и использованием специализированных ресурсов.

Основная часть

Тема правовых особенностей бухгалтерского учета в клиниках пластической хирургии достаточно слабо разработана среди отечественных ученых. В большинстве исследований внимание сосредоточено на общих принципах бухгалтерского учета в медицинских организациях. При этом, специфика учета финансовых операций в клиниках эстетической медицины, включая работу с дорогостоящими процедурами, оплатой через страховые компании и индивидуальными договорами с пациентами, остается недостаточно изученной.

Исследование Л. М. Колесёнковой и Я. Ю. Ворониной можно рассматривать как основу для понимания техники бухгалтерского учета в медицинских организациях, поскольку оно проясняет особенности учета специфических операций [Колесёнкова, Воронина, 2018]. Исследование показало, что не все медицинские организации в РФ освобождены от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС). Согласно Налоговому кодексу РФ НДС является косвенным налогом. Его сумма рассчитывается продавцом при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг, передаче имущественных прав) покупателю. [Налоговый кодекс РФ (ст. 149), 2000].

В научной работе М. М. Усеиновой отмечено, что: «Все лечебные организации предоставляют социально значимые общественные блага» [6, с. 36]. Однако налоговый механизм не учитывает данное обстоятельство.

В рамках правового анализа требуется рассмотрение конкретных норм налогового и бухгалтерского законодательства, применимых к деятельности клиники пластической хирургии. Также, стоит уточнить, что большинство клиник пластической хирургии являются частными [Федеральный закон № 402-ФЗ, 2011]. Налогово-правовой аспект бухгалтерского учета клиники пластической хирургии во многом определяется положениями Налогового кодекса Российской Федерации. Согласно подпункту 2 пункта 2 статьи 149 НК РФ медицинские услуги, оказываемые медицинскими организациями при наличии соответствующей лицензии,

освобождаются от обложения НДС [Письмо Минфина РФ № 03-07-07/74698, 2025]. Вместе с тем правоприменительная практика исходит из того, что освобождение применяется только в отношении услуг, направленных на диагностику, лечение и профилактику заболеваний либо медицинскую реабилитацию. Услуги эстетического характера, не имеющие медицинских показаний, признаются объектом обложения НДС [Воблая, Королева, Мореева, 2020]. Поэтому, клиника пластической хирургии обязана организовать отдельный бухгалтерский и налоговый учет доходов и расходов по операциям, облагаемым и не облагаемым НДС, что должно быть прямо закреплено в учетной политике.

Связь бухгалтерского учета с медицинским правом проявляется через нормы Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон № 323-ФЗ, 20118]. В соответствии со статьей 79 данного закона медицинская организация обязана вести медицинскую документацию установленного образца, а статья 13 вышеупомянутого федерального закона закрепляет режим врачебной тайны. Для бухгалтерского учета это означает, что первичные учетные документы не могут противоречить медицинской документации по содержанию оказанных услуг, а доступ бухгалтерии к информации о пациенте должен быть строго функционально обусловлен. Получается, что правовая допустимость бухгалтерских документов напрямую зависит от соблюдения медицинских стандартов и регламентов.

При отсутствии медицинских показаний и соответствующих записей в медицинской документации операции по изменению внешности пациента не могут быть признаны медицинскими услугами в смысле статьи 149 НК РФ, даже при наличии лицензии у клиники пластической хирургии. В качестве конкретного примера можно рассмотреть ситуацию, при которой клиника пластической хирургии оказывает услугу ринопластики. Если операция проводится по медицинским показаниям, например при наличии врожденной деформации или последствий травмы, это должно быть зафиксировано в медицинской карте пациента, подтверждено врачебным заключением и отражено в договоре как медицинская услуга. В бухгалтерском учете доходы от такой операции могут быть учтены как не облагаемые НДС на основании статьи 149 НК РФ. Если же ринопластика проводится исключительно по эстетическим мотивам пациента, без медицинских показаний, то, несмотря на идентичную по форме операцию, доходы подлежат обложению НДС и должны отражаться в бухгалтерском учете в общем налоговом режиме. Ошибочная квалификация в данном случае влечет налоговые доначисления, пени и штрафы.

Получается, что эстетические косметические услуги должны облагаться НДС, а косметологические услуги, являющиеся медицинскими – нет. То есть, с одной стороны, налоговое законодательство (подп. 2 п. 2 ст. 149 НК РФ) освобождает медицинские учреждения от обложения НДС при наличии лицензии. При этом критерий освобождения формально связан не с наименованием услуги, а с ее медицинским характером — направленностью на диагностику, лечение, профилактику заболеваний или медицинскую реабилитацию. В развитие данной нормы разъяснения Минфина РФ указывают, что косметологические услуги, оказываемые в рамках первичной медико-санитарной помощи (например, сестринское дело в косметологии), признаются медицинскими и, следовательно, не подлежат обложению НДС при соблюдении лицензионных требований.

С другой стороны, законодательство не содержит четкого и однозначного разграничения между медицинскими косметологическими услугами и эстетическими (косметическими) услугами, оказываемыми теми же организациями. Эстетические процедуры, не имеющие

лечебной цели и медицинских показаний, признаются услугами немедицинского характера и подлежат налогообложению НДС в общем порядке в соответствии с главой 21 НК РФ. При этом такие услуги зачастую оказываются в тех же помещениях, теми же специалистами и с использованием аналогичных методик, что и медицинская косметология.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что существует реальная проблема правового поля бухгалтерского учета в клинике пластической хирургии, заключающаяся в отсутствии четких законодательных критериев разграничения медицинских и эстетических услуг для целей бухгалтерского и налогового учета. Законодательство об охране здоровья граждан и налоговое законодательство используют различные подходы к понятию медицинской услуги, что создает правовую неопределенность. В результате бремя доказывания медицинского характера услуг фактически будет возлагаться на клинику пластической хирургии.

Заключение

Исследование показало, что правовые особенности бухгалтерского учета в клиниках пластической хирургии имеют высокую степень специфики и недостаточно разработаны в отечественной научной литературе. Специфика учета связана с необходимостью разграничения медицинских и эстетических услуг для целей налогообложения, а также с обязательной синхронизацией бухгалтерских данных с медицинской документацией. Исследования Л. М. Колесёнковой, Я. Ю. Ворониной и М. М. Усеиновой подтвердили, что бухгалтерский учет в медицинских организациях должен учитывать особенности организационно-финансовой деятельности и действовать в рамках налогового законодательства РФ.

В связи с этим бухгалтерский учет в клиниках пластической хирургии нельзя рассматривать исключительно как инструмент финансового контроля. Он одновременно выполняет функцию правовой защиты и подтверждения экономической сущности операций. Данное обстоятельство говорит о необходимости разработки методических рекомендаций и нормативных актов, направленных на унификацию учета и правовой квалификации услуг в сфере эстетической медицины. Такой подход позволит снизить риски налоговых нарушений и повысить прозрачность деятельности клиник пластической хирургии.

Для совершенствования действующего организационно-правового механизма ведения бухгалтерского учета в клиниках пластической хирургии требуется нормативное уточнение критериев отнесения услуг пластической хирургии к медицинским услугам для целей бухгалтерского и налогового учета. Представляется целесообразным закрепление на уровне подзаконных актов или разъяснений уполномоченных органов перечня признаков, позволяющих однозначно квалифицировать вмешательство как имеющее лечебную, либо исключительно эстетическую цель. Уточнение правовых норм позволило бы снизить степень усмотрения при налоговых проверках и повысить правовую определенность учетных решений.

Вторым направлением совершенствования организационно-правового механизма является повышение роли внутреннего контроля и комплаенс-процедур. При активной правоприменительной практике бухгалтерский учет в клиниках пластической хирургии должен включать элементы правового аудита, направленного на выявление рисков неправильной квалификации услуг и несоответствия бухгалтерских данных медицинской документации. Введение внутренних регламентов снизит налоговые и правовые риски.

Таким образом, бухгалтерский учет в клиниках пластической хирургии можно назвать главным элементом организационно-правового механизма обеспечения законности

медицинской деятельности. Его совершенствование возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем развитие законодательства и внутренних механизмов управления медицинской организацией.

Библиография

1. Вобляя И. Н. Маркетинговый анализ рынка пластической хирургии в России / И. Н. Вобляя, Н. В. Королева, Е. Г. Мореева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2020. — № 2. — С. 227–233.
2. Колесёнкova Л. М. Особенности ведения бухгалтерского учета в медицинских учреждениях / Л. М. Колесёнкova, Я. Ю. Воронина // Вестник науки и образования. — 2018. — № 1 (37). — С. 1–5.
3. Налог на добавленную стоимость (НДС) : [сайт] // Федеральная налоговая служба. — URL: <https://www.nalog.gov.ru/m77/TAXATION/TAXES/NDS/> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон № 117-ФЗ : принят Гос. Думой 19 июля 2000 года : одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 года : (ред. от 28.11.2025). — Ст. 149. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 13.12.2025).
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 323-ФЗ : принят Гос. Думой 1 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года : (ред. от 23.07.2025). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 13.12.2025).
6. О бухгалтерском учете : Федеральный закон № 402-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 года : (ред. от 26.12.2024). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 12.12.2025).
7. Письмо Минфина РФ № 03-07-07/74698 от 01.08.2025 «Об НДС в отношении косметологических услуг и услуг по реализации косметической продукции, оказываемых организацией на УСН». — Текст : электронный // ГАРАНТ.РУ : [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412368798/> (дата обращения: 12.12.2025).
8. Усеинова М. М. Налогообложение медицинских организаций / М. М. Усеинова // NovaUm.Ru. — 2021. — № 33. — С. 35–38.

Legal Features of Accounting in a Plastic Surgery Clinic

Ivan A. Yastremskii

Lawyer,

Branch "Law Firm 'Pelevin and Partners'"

Non-Profit Organization "Leningrad Regional Bar Association",

191187, 6A, Gagarinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;

e-mail: ur-fin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the impact of medical legislation, accounting and tax law norms on the organization of accounting in plastic surgery clinics. The purpose of the work is to identify key problems related to the taxation of medical and aesthetic services, as well as to develop recommendations for organizing accounting in order to minimize legal uncertainty. Special attention is paid to the problems of legal qualification of plastic surgery services, their reflection in accounting and tax accounting, as well as issues of forming the accounting policy of a plastic surgery clinic. The article concludes that there is a need for a comprehensive legal approach to the organization of accounting, taking into account the specifics of medical activity.

For citation

Yastremskii I.A. (2026) Pravovyye osobennosti vedeniya bukhgalterskogo ucheta v klinike plasticheskoy khirurgii [Legal Features of Accounting in a Plastic Surgery Clinic]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 353-358. DOI: 10.34670/AR.2026.88.36.041

Keywords

Plastic surgery clinic, plastic surgery, accounting, medical organization, medical services, tax law, VAT, accounting policy, personal data, aesthetic medicine.

References

1. Kolesenkova, L. M., & Voronina, Ya. Yu. (2018). Osobennosti vedeniya bukhgalterskogo ucheta v meditsinskikh uchrezhdeniyakh [Features of accounting in medical institutions]. *Bulletin of Science and Education*, 1(37), 1-5.
2. *Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 03-07-07/74698 dated August 1, 2025 "On VAT in respect of cosmetic services and services for the sale of cosmetic products provided by the organization on the USN"*. (2025). GARANT.RU. Retrieved December 12, 2025, from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412368798/>
3. *On Accounting: Federal Law No. 402-FZ of December 6, 2011*. (2011). ConsultantPlus. Retrieved December 12, 2025, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (Original work published 2011)
4. *On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011*. (2011). ConsultantPlus. Retrieved December 13, 2025, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (Original work published 2011)
5. *The Tax Code of the Russian Federation (Part two): Federal Law No. 117-FZ of August 5, 2000*. (2000). Article 149. ConsultantPlus. Retrieved December 13, 2025, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (Original work published 2000)
6. Useinova, M. M. (2021). Nalogooblozheniye meditsinskikh organizatsiy [Taxation of medical organizations]. *NovaUm.Ru*, (33), 35-38.
7. Value added tax (VAT). (n.d.). Federal Tax Service. Retrieved December 12, 2025, from <https://www.nalog.gov.ru/rn77/TAXATION/TAXES/NDS/>
8. Voblaya, I. N., Koroleva, N. V., & Moreeva, E. G. (2020). Marketingovyy analiz rynka plasticheskoy khirurgii v Rossii [Marketing analysis of the plastic surgery market in Russia]. *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*, (2), 227-233.

УДК 347.51

DOI: 10.34670/AR.2026.50.42.043

Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда при оказании медицинской помощи

Зарецкая Марина Гаруновна

Кандидат юридических наук, доцент,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Селивёрстова Ирина Григорьевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Кубанский казачий государственный
институт пищевой индустрии и бизнеса
филиал Московского государственного
университета технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)),
353500, Российская Федерация, Темрюк, ул. Советская, 4, литер Е;
e-mail: ir.seliverstova@rambler.ru

Цеев Джамал Магаметович

Студент,
Майкопский государственный технологический университет,
385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 191;
e-mail: jamtseevmag@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются гражданско-правовые аспекты возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью пациента при оказании медицинской помощи. Актуальность настоящего исследования обусловлена спецификой оказания медицинской помощи как вида профессиональной деятельности. Будучи направленной на сохранение и улучшение здоровья человека, она по своей природе сопряжена с повышенным риском причинения вреда здоровью или жизни пациента. Это предопределяет необходимость тщательного изучения правовых, организационных и этических аспектов медицинской практики для минимизации негативных последствий и обеспечения баланса интересов всех участников процесса оказания медицинской помощи. В результате исследования проанализированы гражданско-правовые конструкции деликтной и договорной ответственности. Выявлены и охарактеризованы проблемные аспекты, связанные с определением вины медицинских работников, установлением причинно-следственной связи, а также со спецификой доказывания по делам данной категории.

Для цитирования в научных исследованиях

Зарецкая М.Г., Селивёрстова И.Г., Цеев Д.М. Гражданско-правовые аспекты возмещения вреда при оказании медицинской помощи // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 359-366. DOI: 10.34670/AR.2026.50.42.043

Ключевые слова

Возмещение вреда, медицинская помощь, право на охрану здоровья, гражданско-правовая ответственность, деликтные обязательства, причинно-следственная связь, страхование профессиональной ответственности, защита прав пациентов.

Введение

Сегодня медицинские услуги – не просто одна из сфер услуг, а критически важная составляющая благополучия общества. Возможность своевременно получить квалифицированное лечение и позаботиться о своём здоровье относится к фундаментальным правам каждого. При этом сфера здравоохранения, как и любая другая сложная система, сталкивается с разнообразными проблемами в процессе оказания помощи пациентам.

Хотя главная задача медицины – сохранять и укреплять здоровье, оказание медицинской помощи по своей природе связано с риском причинения вреда. Даже самое грамотное вмешательство не гарантирует успеха: организм каждого пациента уникален, биологические процессы сложны, а возможности науки пока не безграничны. В то же время нельзя исключать и человеческий фактор: ошибки или халатность медицинских работников тоже могут стать причиной ухудшения состояния здоровья пациента.

Проблема возмещения вреда, причинённого жизни и здоровью пациента, в современных условиях выходит на первый план и требует углублённого изучения. Поскольку её решение затрагивает гражданско-правовые механизмы возмещения ущерба, необходим комплексный подход к анализу правовых оснований ответственности медицинских организаций и работников. [Абесалашвили, Мамишева, Савина, 2024].

Конституция Российской Федерации закрепляет базовые ценности и принципы, которые выступают основополагающим ориентиром для всего отраслевого законодательства. В частности, ст. 41 Конституции РФ гарантирует каждому право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а ст. 2 провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагая на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите [Конституция РФ, 1993]. Эти конституционные положения формируют публично-правовой фундамент ответственности за вред, причиненный в ходе оказания медицинской помощи.

Гражданский кодекс РФ (глава 59) чётко прописывает, как должна реализовываться ответственность за причинение вреда: какие есть условия, как определяется размер возмещения и в каком порядке оно выплачивается. Но когда эти общие правила пытаются применить к сфере здравоохранения, возникают сложности. Медицинская деятельность слишком специфична: нельзя гарантировать стопроцентный результат, многое зависит от индивидуальных особенностей пациента, а границы возможностей современной медицины пока не безграничны. Поэтому стандартные правовые механизмы порой «не срабатывают» в реальных клинических ситуациях.

Основная часть

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) – имеет публично-правовую природу и корреспондирует с обязанностью государства по созданию условий для получения качественной и безопасной медицинской помощи. Забота о безопасности пациентов — прямая обязанность государства. Оно выполняет её сразу на двух уровнях: с одной стороны, предоставляет медицинскую помощь через государственные и муниципальные учреждения, с другой — строго регулирует работу частных клиник. Благодаря этому создаются необходимые гарантии того, что риск причинения вреда при лечении будет сведён к минимуму.

Право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) – медицинская деятельность напрямую связана с защитой этого высшего блага. Любое медицинское вмешательство, повлекшее смерть пациента, требует тщательной правовой оценки. Жизнь – высшая конституционная ценность, и это не просто слова: из данного принципа вытекают конкретные требования к медицине. Врачи и другой медицинский персонал обязаны действовать с особой осторожностью и профессионализмом. А если вред всё же причинён – например, из-за сбоя сложного оборудования, воздействия радиации или побочных эффектов сильнодействующих лекарств, – закон предусматривает строгую ответственность. Так правовая система защищает самое важное – жизнь и здоровье человека.

В гражданском праве ответственность за вред, причиненный при оказании медицинской помощи, может основываться на двух основных конструкциях: деликтной ответственности (внедоговорной) и договорной ответственности.

- 1) Деликтная ответственность, регламентируемая главой 59 Гражданского кодекса РФ, выступает основным правовым механизмом защиты прав граждан в случаях причинения вреда их жизни или здоровью. Ключевое преимущество данного способа защиты состоит в его независимости от наличия либо действительности договорных отношений между пациентом и медицинской организацией. Возникновение обязательства по возмещению вреда обусловлено совокупностью следующих условий: противоправного действия (либо бездействия), наличия вреда, причинно-следственной связи между указанными обстоятельствами и вины лица, причинившего вред.

В ст. 98 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ указано, что: «медицинские организации, медицинские работники и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи» [Федеральный закон № 323-ФЗ, 2011]. В этой связи между потребителем и исполнителем медицинских услуг при определении вреда существует взаимосвязь.

- 2) Договорная ответственность – возникает в случае, когда между пациентом и медицинской организацией заключен договор возмездного оказания медицинских услуг (гл. 39 ГК РФ [Гражданский кодекс РФ, 1994]). Ответственность наступает за ненадлежащее исполнение или неисполнение условий договора. В данном случае потерпевший (пациент) может требовать возмещения убытков (ст. 15, 393 ГК РФ) и компенсации морального вреда (ст. 151 ГК РФ), если это связано с нарушением условий договора о качестве услуги. По общему правилу, в рамках договорной ответственности возмещению подлежит лишь имущественный вред, непосредственно связанный с нарушением условий договора. Если же нарушение договорных обязательств привело к

причинению вреда жизни или здоровью потерпевшего, последний вправе воспользоваться институтом конкуренции исков [Абесалашвили, Эртель, 2015]. В таких ситуациях предъявление требований из деликта (на основании главы 59 ГК РФ) оказывается более выгодным для потерпевшего, поскольку:

- расширяет круг оснований ответственности (не требует наличия договора);
- может предусматривать иные условия наступления ответственности (например, ответственность за источник повышенной опасности без вины – ст. 1079 ГК РФ);
- позволяет претендовать на возмещение не только имущественного, но и морального вреда (ст. 151 ГК РФ).

Анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет выделить отличительные признаки договорной и деликтной ответственности медицинской организации перед пациентом, к которым относятся:

1) ключевым различием между договорной и деликтной ответственностью выступает наличие либо отсутствие договорных отношений между правонарушителем и потерпевшим. Договорная ответственность возникает в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору оказания медицинских услуг. Деликтная ответственность, напротив, по общему правилу наступает при отсутствии договорных отношений между медицинской организацией и пациентом, а основанием для её применения служит факт причинения вреда жизни или здоровью;

2) императивность норм о деликтной ответственности медицинской организации и диспозитивность норм о ее договорной ответственности;

3) нарушение относительных прав пациента при договорной ответственности и абсолютных – при деликтной ответственности;

4) значение вины медицинской организации в контексте гражданско-правовой ответственности различается в зависимости от её вида. В рамках деликтной ответственности (ст. 1079 ГК РФ) возмещение вреда, причинённого источником повышенной опасности, наступает независимо от наличия вины причинителя вреда. В случае договорной ответственности при оказании платных медицинских услуг ответственность также возникает независимо от вины исполнителя (п. 3 ст. 401 ГК РФ), что обусловлено предпринимательским характером такой деятельности.

5) деликтная ответственность предполагает возмещение вреда в полном объеме (п. 1 ст. 1064 ГК РФ), договорная же ответственность, напротив, может быть ограничена возмещением лишь реального ущерба либо только упущенной выгоды (ст. т. 15, 400 ГК РФ);

6) анализ норм гражданского законодательства демонстрирует дифференцированный подход к учёту вины пациента в зависимости от вида гражданско-правовой ответственности медицинской организации:

В рамках договорной ответственности (п. 1 ст. 404 ГК РФ):

- учитывается любая форма вины кредитора (пациента), включая умысел, грубую и простую неосторожность;

- наличие вины пациента может служить основанием для снижения размера ответственности медицинской организации или полного освобождения от неё;

- принцип применяется при нарушении договорных обязательств по оказанию медицинских услуг.

В рамках деликтной ответственности (п. 1, 2 ст. 1083 ГК РФ):

- юридически значимы только умысел и грубая неосторожность потерпевшего;

- простая неосторожность пациента не принимается во внимание и не влияет на размер возмещения вреда;
- правило действует при причинении вреда жизни или здоровью вне зависимости от наличия договора (гл. 59 ГК РФ);
- если доказан умысел потерпевшего, в возмещении вреда может быть отказано полностью;
- при грубой неосторожности размер возмещения может быть снижен либо в нём может быть отказано (если вред возник исключительно из-за грубой неосторожности и отсутствует вина причинителя).

Таким образом, законодатель устанавливает более строгий подход к учёту поведения потерпевшего в договорных отношениях и более защищённый — в деликтных, чтобы обеспечить приоритет охраны жизни и здоровья граждан.

7) вид ответственности при множественности лиц на стороне медицинской организации зависит от того, о какой ответственности идет речь о договорной или деликтной. При нарушении договора по общему правилу наступает долевая ответственность, при деликтной ответственности - солидарная (ст. 1080 ГК РФ);

8) различны меры договорной и деликтной ответственности медицинской организации. В частности, при деликтной ответственности неустойка не взыскивается. При договорной ответственности может выплачиваться неустойка, предусмотренная договором или законом (п. 5 ст. 28; абз. 3 ст. 30; п. 3 ст. 31 Закона о защите прав потребителей). Компенсация морального вреда является формой только деликтной ответственности.

На практике деликтный иск является преобладающим способом защиты прав пациента, поскольку он позволяет взыскать весь объем причиненного вреда (как имущественного, так и морального) без ссылки на условия договора.

В вопросах возмещения вреда при оказании медицинской помощи существуют проблемные аспекты правоприменительной практики: «наибольшую сложность вызывает проблема возможной множественности причин, приведших к неблагоприятному результату в ходе лечения пациента» [Шаяхметова, 2019, с. 122].

Изучение судебной практики и научной литературы позволило выявить ряд устойчивых проблем, затрудняющих эффективную защиту прав пациентов:

1. Установление прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и наступившими неблагоприятными последствиями представляет собой ключевую и наиболее сложную задачу в делах о возмещении вреда, причинённого при оказании медицинской помощи.

Суды в значительной степени полагаются на заключения судебно-медицинских экспертиз, проведение которых осложняется рядом факторов: неоднозначной трактовкой медицинских стандартов, субъективностью экспертных оценок и отсутствием чётких критериев оценки действий врача в нестандартных клинических ситуациях. В ряде случаев экспертное заключение имеет вероятностный характер, что препятствует вынесению судом однозначного решения по делу.

2. При определении вины медицинской организации, несмотря на действие презумпции вины причинителя вреда, ответчики нередко успешно доказывают отсутствие своей вины, ссылаясь на объективные обстоятельства: тяжесть исходного состояния пациента, наличие сопутствующих заболеваний либо индивидуальную непредсказуемую реакцию организма на лечение.

В результате даже при выявлении дефектов оказания медицинской помощи суд может

отказать в удовлетворении иска, если установит отсутствие прямой причинно-следственной связи между указанными дефектами и наступившим вредом здоровью пациента.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, основанный преимущественно на нормах деликтной ответственности (гл. 59 ГК РФ), выступает основным инструментом реализации конституционных гарантий защиты прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Вместе с тем его эффективность существенно ограничивается спецификой медицинской деятельности, что находит своё выражение в объективных сложностях доказывания причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медицинских работников и наступившим вредом, а также в трудностях установления вины медицинской организации.

Для преодоления выявленных проблем в сфере возмещения вреда, причинённого при оказании медицинской помощи, и достижения баланса интересов пациентов и медицинских работников требуется комплексная модернизация правового регулирования. Она должна включать следующие меры:

- закрепление в законодательстве более чётких критериев оценки противоправности действий (бездействия) медицинских работников – на основе актуализированных клинических рекомендаций и стандартов оказания медицинской помощи;
- рассмотрение возможности применения в отдельных случаях конструкции ответственности за риск, в особенности при использовании источников повышенной опасности (медицинского оборудования, радиационных установок, сильнодействующих препаратов);
- стимулирование развития системы обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников и организаций, что создаст финансовую основу гарантий возмещения вреда пациентам.

Обязательное страхование профессиональной ответственности медицинских работников выступает ключевым условием повышения эффективности механизма возмещения вреда, причинённого при оказании медицинской помощи. Данная мера обеспечит финансовые гарантии для пациентов и одновременно послужит стимулом для медицинских организаций к внедрению и совершенствованию систем внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности.

Библиография

1. Абесалашвили М.З., Мамишева З.А., Савина С.В. Привлечение медицинских работников к гражданской и административной ответственности // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32. № 6. С. 1336-1342.
2. Абесалашвили М.З., Эртель А.Г. Проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг // Современная научная мысль. 2015. № 3. С. 195-200.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
6. Шаяхметова А.Р. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций: проблемы правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 122-126.

Civil Law Aspects of Compensation for Harm in the Provision of Medical Care

Marina G. Zaretskaya

PhD in Law, Associate Professor,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: zarmarina76@mail.ru

Irina G. Seliverstova

PhD in Agricultural Sciences, Associate Professor,
Kuban Cossack State Institute of Food Industry and Business,
branch of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G.
Razumovsky (First Cossack University),
353500, Building E, 4, Sovetskaya str., Temryuk, Russian Federation;
e-mail: ir.seliverstova@rambler.ru

Dzhamal M. Tseev

Student,
Maykop State Technological University,
385000, 191, Pervomayskaya str., Maykop, Russian Federation;
e-mail: jamtseevmag@mail.ru

Abstract

The article examines the civil law aspects of compensation for harm caused to the life and health of a patient during the provision of medical care. The relevance of this study is due to the specific nature of providing medical care as a type of professional activity. Being aimed at preserving and improving human health, it is inherently associated with an increased risk of causing harm to the patient's health or life. This predetermines the need for a thorough study of the legal, organizational, and ethical aspects of medical practice to minimize negative consequences and ensure a balance of interests of all participants in the process of providing medical care. As a result of the study, the civil law constructs of tort and contractual liability are analyzed. Problematic aspects related to determining the fault of medical workers, establishing a causal connection, as well as the specifics of proof in cases of this category are identified and characterized.

For citation

Zaretskaya M.G., Seliverstova I.G., Tseev D.M. (2026) Grazhdansko-pravovyye aspekty vozmeshcheniya vreda pri okazanii meditsinskoy pomoshchi [Civil Law Aspects of Compensation for Harm in the Provision of Medical Care]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 359-366. DOI: 10.34670/AR.2026.50.42.043

Keywords

Compensation for harm, medical care, right to health protection, civil liability, tort obligations, causal connection, professional liability insurance, protection of patients' rights.

References

1. Abesalashvili, M. Z., Mamisheva, Z. A., & Savina, S. V. (2024). Privlecheniye meditsinskikh rabotnikov k grazhdanskoj i administrativnoj otvetstvennosti [Involvement of medical workers in civil and administrative liability]. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*, 32(6), 1336-1342.
2. Abesalashvili, M. Z., & Ertel, A. G. (2015). Problemy privlecheniya k grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za nenadlezhashcheye okazaniye meditsinskikh uslug [Problems of bringing to civil liability for improper provision of medical services]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*, (3), 195-200.
3. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994]. (1994). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [The Constitution of the Russian Federation]. (1993). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 "On the fundamentals of health protection in the Russian Federation"]. (2011). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
6. Shayakhmetova, A. R. (2019). Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' meditsinskikh organizatsiy: problemy pravovogo regulirovaniya [Civil liability of medical organizations: problems of legal regulation]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, (4), 122-126.

УДК 342.92

DOI: 10.34670/AR.2026.73.65.045

Трансформация государственного управления финансами в условиях цифровизации: теоретико-правовой анализ внедрения блокчейн-технологий и машиночитаемого права

Фарзалиев Махач Раюдинович

Аспирант,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1;
e-mail: makhachfarzaliev@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию трансформации государственного управления финансами под влиянием цифровых технологий, в частности — внедрения блокчейна и машиночитаемого права. Автор анализирует возможность интеграции децентрализованных технологий в традиционную централизованную систему публичного управления, рассматривая блокчейн-технологии как новую форму реализации властных полномочий. Обосновывается становление машиночитаемого права на блокчейне как новой институциональной формы государственного управления финансами, способной обеспечить повышение прозрачности, безопасности, автоматизации процессов и снижение транзакционных издержек.

Для цитирования в научных исследованиях

Фарзалиев М.Р. Машиночитаемое право на блокчейне как новая институциональная форма государственного управления финансами // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 367-378. DOI: 10.34670/AR.2026.73.65.045

Ключевые слова

Государственное управление финансами, блокчейн, машиночитаемое право, публичные финансы, административное право, цифровая экономика, автоматизация, смарт-контракт.

Введение

Формирование цифровой экономики и стремительное развитие блокчейн-технологий кардинальным образом трансформируют традиционную систему финансовых отношений. Среди этих технологий особое место занимает блокчейн, потенциал которого для повышения прозрачности, безопасности и эффективности финансовых операций признается на глобальном уровне. Однако интеграция столь инновационных и децентрализованных инструментов в централизованную систему государственного управления финансами представляет собой комплексную методологическую и практическую проблему. В данном контексте особую роль государственного управления финансами невозможно переоценить, поскольку именно оно выступает ключевым субъектом, ответственным за адаптацию нормативно-правовой базы, выработку стратегических приоритетов и создание условий для легитимного и продуктивного использования блокчейн в публичном секторе. Ввиду трансформации традиционных финансовых институтов под влиянием цифровизации, мы считаем необходимым определить дефиницию «государственного управления финансами» применительно к новым реалиям.

Основная часть

Современное российское административное право с традиционной точки зрения рассматривает правовое регулирование отношений, возникающих в сфере организации и функционирования исполнительной власти и публичного управления. Ю.М. Козлов пишет: «Административное право фактически выступает в качестве юридической формы реализации задач, функций, методов и полномочий, возлагаемых Конституцией и действующим законодательством на субъектов исполнительной власти, функционирующих в рамках разделения властей» [Алехин, Кармолицкий, Козлов, 2001].

Все определения государственного управления содержат указание на его главное содержание – целенаправленное практическое воздействие государства на общественные отношения для упорядочения, организации соответствующей системы и оказания на нее регулирующего влияния, т.е. обеспечения ее должного функционирования и возможного изменения [Старилов, 2016, с. 33]. Необходимо отметить, что такое воздействие обеспечивается именно силой государства, т.е. властным характером используемых в процессе управления методов и средств. Г. В. Атаманчук выделяет три обязательных свойства государственного управления: 1) управленческое воздействие опирается на силу государственной власти; 2) распространенность государственного управления на всё общество (его всеобщность); 3) системность [Атаманчук, 1990, с. 38, 92-110].

В науке административного права России традиционно существовали два основных подхода к определению государственного управления [Козлов и др., 1985]. В широком смысле оно понималось как упорядочивающее воздействие на общество со стороны государства, как деятельность, осуществляемая всеми его органами. В узком (специальном) смысле под государственным управлением понималась исполнительно-распорядительная деятельность специальной группы органов (в прежней терминологии - органов государственного управления, в новой - органов исполнительной власти).

Также стоит отметить, что данная категория зачастую раскрывается и через смежные понятия, такие как «управление государственными финансами» или «государственное финансовое управление» [Заяц, Фисенко, Сорокина и др., 2014, с. 91]. Ввиду указанного

является важным отдельный анализ дефиниции управления финансами. Наиболее релевантное на наш взгляд в данном контексте определение «управления финансами» предлагают Р. А. Мусаева и Л. Р. Нигматзянова, характеризуя его как «процесс целенаправленного воздействия с помощью специальных приемов и методов на финансовые отношения и соответствующие им виды финансовых ресурсов для реализации функций субъектов власти и субъектов хозяйствования», который «предполагает целенаправленную деятельность государства, связанную с практическим использованием финансового механизма» [Мусаева, Нигматзянова, 2019].

В виду вышеуказанного и проведенного анализа, предлагается следующее авторское определение: государственное управление финансами — это осуществляемая в установленных правовых формах императивная, целенаправленная деятельность уполномоченных субъектов публичной власти по организации и регулированию финансовых отношений и потоков в национальной экономике с использованием методов властного распорядительства, финансового планирования, контроля и применения специального финансово-правового механизма для достижения стратегических публичных интересов и обеспечения финансовой стабильности государства.

Проведенный анализ позволяет заключить, что традиционная доктрина российского административного права определяет государственное управление как властное, системное и всеобщее воздействие государства на общественные отношения, осуществляемое органами исполнительной власти. Это воздействие носит целенаправленный, организующий и регулирующий характер, обеспечиваемый силой государственного принуждения. Интеграция блокчейн-технологий в эту традиционную систему создает парадигмальный вызов и открывает новые перспективы. С одной стороны, децентрализованная и прозрачная природа блокчейна может вступить в концептуальное противоречие с иерархической и централизованной моделью традиционного публичного управления. С другой стороны, его внедрение способно стать мощным инструментом эволюции государственного управления, трансформируя его методы, но не отменяя его сущностных свойств.

В свою очередь мы считаем, что ключевое значение для правового регулирования блокчейн-технологий в сфере государственного управления финансами приобретает трансформация традиционных форм и методов управления. Переход к рыночным отношениям требует усиления роли экономических, в том числе и финансовых рычагов регулирования общественного производства, взамен административно-командных методов управления [Химичева, Покачалова, 2005, с. 91]. Технология распределенного реестра объективно трансформирует императивную природу государственного воздействия, предлагая новые алгоритмические формы реализации властных полномочий. В этом контексте именно форма и методы управления требуют первоочередного научного осмысления и адаптации нормативного регулирования.

Разделяя позицию профессора Ю. Н. Старилова о первичности формы по отношению к методу, мы считаем необходимым рассмотреть форму относительно применения блокчейн-технологий в государственном управлении финансами в качестве первоочередной задачи [Старилов, 2016, с. 382]. Стоит отметить, что теория форм государственного управления до сих пор недостаточно разработана и содержит существенные пробелы. Отсутствует единое понимание самой категории «формы государственного управления» — её наименования, определения и сущности. Юридическая природа отдельных форм вызывает споры, а научная концепция не успевает за интенсивно развивающейся управленческой практикой, порождающей новые, ещё не изученные формы. Таким образом, представляет значительный

интерес позиция Л. А. Гречиной, определяющая форму государственного управления как внешне выраженное действие уполномоченного субъекта, совершаемое в пределах его компетенции и влекущее наступление определённых правовых последствий. Особую ценность предлагаемому подходу придает классификация форм, основанная именно на характере этих последствий [Гречина, 2015]:

- 1) Правовые - внешне выраженные действия соответствующих субъектов государственного управления, совершение которых непременно влечет за собой наступление определенных правовых последствий:
 - Акт управления — официальное решение, принятое уполномоченным субъектом в одностороннем властном порядке, которое порождает юридические последствия.
 - Административный договор — соглашение, основанное на нормах административного права и заключаемое в публичных интересах, по меньшей мере одной из сторон которого выступает орган государственной власти.
 - Иные юридически значимые действия — внешне выраженные действия уполномоченных субъектов, влекущие юридические последствия, но не являющиеся ни актами управления, ни административными договорами (например, государственная регистрация, лицензирование, выдача официальных документов).
- 2) Неправовые — предусмотренные нормативными правовыми актами внешне выраженные действия соответствующих субъектов государственного управления, совершение которых непременно юридических последствий не влечет:
 - Организационные действия — деятельность, направленная на повышение эффективности управления (проведение совещаний, подбор кадров, разработка рекомендаций, прогнозирование).
 - Материально-технические операции — действия, обеспечивающие управленческий процесс (работа с документацией, информационное сопровождение, подготовка правовых актов).

Безусловно, на сегодняшний день одним из наиболее ярких воплощений новых форм управления и взаимодействия в рамках технологии блокчейн являются смарт-контракты. По своей сути это программные алгоритмы, которые автоматически приводятся в исполнение при наступлении заранее заданных условий. В отличие от традиционных договоров, смарт-контракты не имеют физического носителя и не требуют привычной подписи сторон, существуя в виде самоисполнимого кода. Так «Сбер» осуществил первую в России сделку по выдаче банковской гарантии с использованием смарт-контракта на блокчейн-платформе, который заменил собой традиционный бумажный договор. По информации банка, клиент получил финансовую услугу, инициировав выполнение смарт-контракта путем совершения транзакции со своего электронного кошелька [РБК Крипто, 2023]. Вопрос правового регулирования смарт-контрактов уже нашел отражение в законодательной повестке Российской Федерации.

Так, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 21 октября 2017 г. № Пр-2132, Правительству совместно с Банком России было предписано внести корректировки в нормативную базу в рамках программы «Цифровая экономика», включая законодательное определение статуса смарт-контрактов [Перечень поручений..., 2017]. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», принятый Государственной Думой в первом чтении 22 мая 2018 года, предложил следующую трактовку: под смарт-контрактом понимается «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в

распределенном реестре в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [Проект ФЗ № 419059-7, 2018].

При этом в правовой доктрине смарт-контракт преимущественно отождествляется с договором. Эта позиция находит последовательное развитие в трудах ряда исследователей. Например, О. С. Болотаева признает его договором в силу наличия ключевых признаков соглашения [Болотаева, 2017]: установления прав и обязанностей сторон, направленности на динамику правоотношений и выраженной воли участников. Другие авторы уточняют его цифровую и самоисполняемую природу, подчеркивая, что реализация заранее заложенных условий происходит неотвратно [Cong, He, 2018, p. 10]. А. А. Карцхия [Карцхия, 2019, с. 31] и Л. А. Новоселова рассматривают смарт-контракт не как вспомогательный инструмент, а как саму форму сделки, порождающую юридические последствия [Новоселова, 2017, с. 41]. В. Б. Нагродская акцентирует внимание на его договорной природе, отличающейся автоматизмом исполнения [Нагродская, 2017], а А. И. Савельев определяет его как договор в форме программного кода, что обеспечивает автономность и самоисполнимость [Савельев, 2016, с. 34].

Обобщая, можно заключить, что научное сообщество в целом признает за смарт-контрактом полноправный договорный статус, выделяя его уникальные характеристики, обусловленные цифровой средой. На основании приведенного анализа автор предлагает следующее синтетическое определение: Смарт-контракт — это самоисполнимый и криптографически верифицируемый программный алгоритм, развернутый в распределенном реестре, который детерминированно исполняет закодированные условия соглашения, автоматически изменяя состояние реестра при наступлении внешних или внутренних событий.

Ввиду вышесказанного и того, что правовую природу смарт-контракта признают ряд учёных особенно перспективным направлением для исследования в контексте модернизации формы государственного управления, представляется анализ концепции машиночитаемого права – молодой и пока не получившей комплексной реализации методологии, способной трансформировать традиционные формы правового регулирования. Утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию Концепция (протокол от 15 сентября 2021 г. № 31) задает стратегический вектор, который может кардинально повысить эффективность государственного управления финансами [Концепция развития..., 2021]. Речь идет о переходе от традиционного, зачастую медлительного и подверженного рискам человеческой ошибки администрирования, к принципиально новой модели — автоматизированной, прозрачной и основанной на данных. Согласно этому документу, машиночитаемое право понимается как «основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)». Однако, существуют и иные подходы к трактовке этого понятия. Например, Концепция, предложенная фондом «Сколково», акцентирует его формальную природу, определяя машиночитаемое право, как формальное представление набора правовых норм, основанное на онтологии права [Концепция развития технологий..., фонд «Сколково»].

Ю. В. Трунцевский рассматривает данное явление через призму концепции «закон как код», подчеркивая его дуальную предназначенность для человека и машины, где нормативные требования предоставляются в форме, понятной и исполнимой обеими сторонами [Трунцевский, 2021, с. 62]. Другой ракурс предлагают М. А. Липчанская и С. А. Привалов, фокусируясь на технологическом аспекте [Липчанская, Привалов, 2023]. Они определяют

машиночитаемое право, как системы и технологии искусственного интеллекта, целью которых является имплементация правовых норм в работу информационных систем для автоматической реализации прав человека.

Более догматический подход демонстрирует Н. Ф. Порываева, определяющая его как совокупность санкционированных государством машиночитаемых правовых норм, опосредованных техническими нормами и структурами данных [Порываева, 2022, с. 108]. При этом сами нормы понимаются ею как правоположения, изложенные в виде машинных алгоритмов (программного кода), которые машина способна понять и исполнить. Схожей позиции придерживается А. М. Вашкевич, который под машиночитаемой нормой понимает норму, допускающую ее автоматическую интерпретацию с помощью информационных технологий [Порываева, 2022, с. 108].

Таким образом, анализ существующих дефиниций позволяет заключить, что, несмотря на различия в акцентах, машиночитаемое право единодушно признается исследователями как сложный междисциплинарный институт, синтезирующий формализованные правовые предписания и компьютерные технологии для их автоматизированной обработки и исполнения. В свою очередь проблема необходимости и пределов цифровой трансформации права является дискуссионной. Анализ юридической литературы демонстрирует отсутствие консенсуса по данному вопросу, обнаруживая широкий спектр мнений — от полного отрицания возможности такой трансформации до безоговорочного признания её неизбежности.

Несмотря на то, что утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию Концепция развития технологий машиночитаемого права прямо не связывает его реализацию с технологией блокчейн, последняя представляет собой наиболее перспективный и надежный инструмент для ее воплощения, особенно в такой чувствительной сфере, как государственное управление финансами. Идея машиночитаемого права сама по себе знаменует революционный поворот в юриспруденции и государственном управлении. Однако её подлинный трансформационный потенциал на наш взгляд раскрывается в полной мере только при интеграции с технологией блокчейн. В то время как машиночитаемое право задает формальные правила, блокчейн предоставляет уникальную среду для их доверенного исполнения, особенно в такой чувствительной сфере, как государственное управление финансами.

Ключевым преимуществом интеграции машиночитаемого права с технологией блокчейн является трансформация правовой нормы из декларативного текстового предписания в формализованный исполняемый алгоритм. В отличие от традиционных норм, требующих интерпретации и административного волеизъявления, машиночитаемая норма, воплощённая в смарт-контракте, представляет собой детерминированную последовательность команд. Её исполнение становится автоматическим и неотвратимым при наступлении заранее определённых и криптографически верифицируемых условий. Например, подтверждение этапа выполнения государственного контракта через интеграцию с системой электронного документооборота или автоматическая проверка соответствия заявителя формальным критериям для получения субсидии становятся основанием для мгновенной реализации финансового обязательства.

Данный подход позволяет достичь качественного сокращения бюрократической волокиты и временных задержек, которые традиционно сопутствуют государственным финансовым операциям. Исключается не только фактор субъективного или ошибочного толкования правил отдельными должностными лицами, но и сама возможность произвольного неисполнения или приостановки процедуры. Процессы, такие как расчёты по государственному заказу,

начисление социальных выплат или возврат переплаты по налогам, приобретают свойство предсказуемости и высокой скорости. Это приводит к прямому снижению транзакционных издержек для всех участников — государства, контрагентов и граждан.

Более того, технологическая связка «машиночитаемая норма — блокчейн» создаёт среду, в которой односторонний отказ от исполнения или несанкционированное изменение условий после их кодификации становятся практически невозможными. Норма, размещённая в распределённом реестре, исполняется строго в соответствии с заложенной в неё логикой, обеспечивая беспрецедентный уровень стабильности и надёжности финансовой системы. Государственные обязательства превращаются в технически гарантированные события, что укрепляет доверие к институтам публичной власти и создаёт основу для принципиально новой модели финансового управления, характеризующейся прозрачностью, скоростью и неотвратимостью.

При этом децентрализованная архитектура блокчейна принципиально меняет парадигму хранения и верификации данных в системе государственного управления финансами. Вместо централизованного хранилища, выступающего потенциальной мишенью для атак и объектом административного контроля, информация распределяется среди сети равноправных узлов (нод). Каждая операция, будь то запись о бюджетном платеже или изменение параметров финансовой программы, подлежит криптографическому подтверждению и добавлению в реестр только после достижения консенсуса участников сети. Этот механизм делает несанкционированные манипуляции с данными — фальсификацию, задним числом внесённые изменения или удаление записей — вычислительно и практически неосуществимыми, так как для успеха потребовалось бы одновременное скомпрометирование большинства независимых узлов.

Такая модель устраняет ключевой системный риск — «единую точку отказа». Финансовая система, построенная на блокчейне, не может быть парализована атакой на отдельный сервер или выведена из строя в результате технического сбоя в центральном органе. Её устойчивость и доступность обеспечиваются самой распределённой природой сети. Все операции защищаются современными криптографическими методами, а их запись в виде цепочки блоков гарантирует необратимость и историческую достоверность.

Это формирует тот уровень доверия и целостности системы, который является критически важным для сферы публичных финансов. Блокчейн по своей сути обеспечивает встроенную техническую защиту от целого спектра угроз: от внешних кибератак до внутреннего мошенничества и административного произвола. Невозможность единоличного или тайного влияния на реестр трансформирует управление финансами в прозрачный процесс, где контроль является не внешней надстройкой, а имманентным свойством самой архитектуры. В результате система становится не только более безопасной, но и приобретает качество «технологической беспристрастности», что минимизирует коррупционные риски и повышает предсказуемость финансовых процедур.

Важно отметить, что технология вносит существенные коррективы в традиционную иерархическую модель административного контроля, характерную для государственного финансового управления. Вместо единоличного волеизъявления должностного лица, санкционирующего ключевую операцию (например, крупный бюджетный платёж или изменение условий финансирования), процесс может быть алгоритмизирован и поставлен в зависимость от достижения консенсуса между несколькими независимыми участниками системы. В архитектуру смарт-контракта могут быть заложены требования к обязательному

криптографическому подтверждению операции со стороны представителей различных ведомств — министерства-заказчика, Федерального казначейства и контрольно-счётного органа. Таким образом, распределённый консенсус, являющийся технической основой блокчейна, трансформируется в институциональный механизм взаимного сдерживания и согласования.

Данный подход позволяет встроить процедуры внутреннего контроля непосредственно в логику исполнения финансовых процессов, делая их неотъемлемой частью операционной среды, а не внешним, зачастую запаздывающим, надзорным действием. Система приобретает повышенную устойчивость к злоупотреблениям, поскольку для их реализации потребовался бы не единичный сговор, а скоординированные действия множества независимых субъектов, чьи цифровые подписи и действия прозрачно фиксируются в неизменяемом реестре. При этом функции аудита и верификации перестают быть периодическими мероприятиями, становясь непрерывным, технологически опосредованным процессом. Каждая транзакция подтверждается в реальном времени по заранее установленным и неизменным правилам, а её легитимность обеспечивается самой сетевой архитектурой. Это способствует формированию системы управления финансами, в которой доверие обеспечивается не столько личной ответственностью, сколько математической гарантией правильности исполнения встроенных в платформу процедур.

Немаловажно также отметить, что Внедрение блокчейна в систему государственного управления финансами формирует уникальный по своей полноте, достоверности и актуальности массив данных. Каждая операция — от бюджетного трансферта до целевой выплаты — криптографически фиксируется в распределённом реестре в реальном времени, создавая целостную, непротиворечивую и детализированную картину всех финансовых потоков. Эти данные, защищённые от искажений и обладающие свойством необратимой фиксации, становятся надёжной основой для аналитики и принятия решений.

Наличие полного и верифицированного цифрового следа всех операций позволяет проводить глубокий ретроспективный анализ, выявлять закономерности и строить точные прогнозные модели. Финансовые механизмы, такие как нормативы финансирования, условия предоставления субсидий или параметры налоговых льгот, могут подвергаться точечной и управляемой настройке для достижения максимальной эффективности. Оценка результативности государственных программ перестаёт опираться на отчётные показатели, подверженные субъективизму, и начинает базироваться на объективных, машиночитаемых данных о реальном движении средств и достижении запрограммированных результатов.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд основополагающих выводов о трансформации государственного управления финансами под влиянием цифровых технологий, в частности — о становлении новой институциональной формы, основанной на синтезе машиночитаемого права и блокчейна.

Во-первых, исследование подтверждает, что традиционная сущность государственного управления финансами как императивной, целенаправленной деятельности уполномоченных субъектов публичной власти, опирающейся на силу государственного принуждения, сохраняет свою актуальность. Однако его методы и формы претерпевают изменения в условиях цифровизации. Децентрализованная, прозрачная и самоисполнимая природа блокчейн-технологий, воплощённая в смарт-контрактах, вступает в конструктивное взаимодействие с централизованной моделью публичного управления, не отменяя её, но существенно модифицируя.

Во-вторых, ключевым элементом этой модификации выступает переход от текстовых правовых норм, требующих интерпретации и административного волеизъявления, к формализованным, машиночитаемым алгоритмам. Машиночитаемое право, понимаемое как изложение правовых норм на формальном языке, пригодном для автоматической обработки, становится юридической основой для такой трансформации. Его интеграция с технологией распределённого реестра создаёт уникальную среду доверенного исполнения, где правовая норма трансформируется в последовательность команд. Это превращает государственные финансовые обязательства (расчёты по контрактам, социальные выплаты, налоговые операции) в технически гарантированные события, исполняемые автоматически при наступлении верифицируемых условий.

В-третьих, предлагаемая технологическая связка обладает рядом системных преимуществ для сферы публичных финансов: повышение эффективности и снижение издержек за счёт автоматизации рутинных процессов и сокращения транзакционных затрат; обеспечение беспрецедентной прозрачности и неизменности данных благодаря децентрализованной архитектуре и криптографической защите, что делает фальсификацию или несанкционированные изменения практически невозможными; укрепление безопасности и устойчивости системы за счёт устранения «единой точки отказа» и использования распределённого консенсуса; трансформация механизмов контроля через встроенные алгоритмы взаимного сдерживания, минимизирующие риски произвола и сговора; а также создание качественной аналитической базы на основе полного и верифицированного цифрового следа всех финансовых операций, что позволяет проводить объективный анализ и точную настройку финансовых механизмов.

Заключение

Таким образом, машиночитаемое право на блокчейне представляет собой не просто технологический инструмент, а зарождающуюся новую институциональную форму государственного управления финансами. Эта форма синтезирует непреходящие начала публичной власти с инновационными возможностями цифровой среды. Она способна обеспечить переход к модели управления, характеризующейся технологической беспристрастностью, предсказуемостью, скоростью и неотвратимостью. Реализация этого потенциала требует дальнейшей глубокой научной проработки понятийного аппарата, форм и методов такого управления, а также создания адекватного и гибкого нормативно-правового регулирования, которое будет не сдерживать, а направлять цифровую трансформацию публичных финансов в интересах общества и государства.

Библиография

1. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации : учебник / под ред. А.П. Алехина. Москва, 2001. 608 с.
2. Атаманчук Г.В. Обеспечение рациональности государственного управления. Москва : Юрид. лит., 1990. 320 с.
3. Болотаева О.С. Основные направления правового регулирования систем распределенного реестра в условиях формирования цифровой экономики // Вестник СВФУ. 2017. № 4 (8). С. 69-78.
4. Вашкевич А.М. Машиночитаемое право: право, как электричество. Москва : Юрайт, 2019. 178 с.
5. Гречина Л.А. Административное право РФ. Курс лекций : учебное пособие. Москва : РГ-Пресс, 2015. 112 с.
6. Заяц Н.Е., Фисенко М.К., Сорокина Т.В. и др. Теория финансов : учеб. пособие / под ред. Н.Е. Зайца, М.К. Фисенко. 2-е изд., стереотип. Минск : БГЭУ, 2014. 215 с.
7. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореферат дис. ... д-ра

- юрид. наук : 12.00.03. Москва, 2019. 52 с.
8. Козлов Ю.М., Алехин А.П., Бесчеревных В.В., Кармолицкий А.А. и др. Советское административное право : учебник для вузов по специальности "Правоведение" / под ред. Ю.М. Козлова. Москва : Юридическая литература, 1985. 542 с.
 9. Концепция развития технологий машиночитаемого права / Фонд «Сколково». URL: <https://sk.ru/legal/automation-of-law/> (дата обращения: 03.02.2026).
 10. Концепция развития технологий машиночитаемого права : утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сент. 2021 г. № 31. 29 с.
 11. Липчанская М.А., Привалов С.А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 5-20.
 12. Мусаева Р.А., Нигматзянова Л.Р. Финансы. Основы теории и управления финансами : учеб. пособие. Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2019. 85 с.
 13. Нагродская В.Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 11. С. 15-25.
 14. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 38-52.
 15. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере от 21 октября 2017 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 03.02.2026).
 16. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права : диссертация ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Москва, 2022. 208 с.
 17. Проект Федерального закона № 419059-7 "О цифровых финансовых активах" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 03.02.2026).
 18. «Сбер» впервые реализовал сделку с применением смарт-контракта // РБК Крипто. 2023. 14 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65532c8d9a794783cf239a59> (дата обращения: 03.02.2026).
 19. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-70.
 20. Старилов Ю.Н. (ред.) Общее административное право : учебник : в 2 ч. / Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 478 с.
 21. Трунцевский Ю.В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 59-73.
 22. Химичева Н.И., Покачалова Е.В. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. Москва : Норма, 2005. 464 с. (Серия учебно-методических комплексов).
 23. Cong L.W., He Z. Blockchain Disruption and Smart Contracts // NBER Working Paper. 2018. № 24399. 54 p.

Transformation of Public Financial Management in the Context of Digitalization: Theoretical and Legal Analysis of the Implementation of Blockchain Technologies and Machine-Readable Law

Makhach R. Farzaliev

Postgraduate Student,
Saratov State Law Academy,
410056, 1, Volskaya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: makhachfarzaliev@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the transformation of public financial management under the influence of digital technologies, in particular — the implementation of blockchain and machine-readable law. The author analyzes the possibility of integrating decentralized technologies into the traditional centralized system of public administration, considering blockchain technologies as a

Farzaliev M.R.

new form of exercising governmental powers. The emergence of machine-readable law on blockchain is substantiated as a new institutional form of public financial management, capable of ensuring increased transparency, security, process automation, and reduction of transaction costs.

For citation

Farzaliev M.R. (2026) Mashinochitayemoye pravo na blokcheyne kak novaya institutsional'naya forma gosudarstvennogo upravleniya finansami [Machine-Readable Law on Blockchain as a New Institutional Form of Public Financial Management]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 367-378. DOI: 10.34670/AR.2026.73.65.045

Keywords

Public financial management, blockchain, machine-readable law, public finance, administrative law, digital economy, automation, smart contract.

References

1. Alekhin, A. P., Karmolitskiy, A. A., & Kozlov, Yu. M. (2001). *Administrativnoye pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]. Moscow.
2. Atamanchuk, G. V. (1990). *Obespecheniye ratsional'nosti gosudarstvennogo upravleniya* [Ensuring the Rationality of Public Administration]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Bolotayeva, O. S. (2017). Osnovnyye napravleniya pravovogo regulirovaniya sistem raspredelennogo reyestra v usloviyakh formirovaniya tsifrovoy ekonomiki [Main directions of legal regulation of distributed ledger systems in the context of the digital economy formation]. *Vestnik SVFU*, (4), 69-78.
4. Cong, L. W., & He, Z. (2018). Blockchain disruption and smart contracts. *NBER Working Paper*, (24399).
5. Farzaliev, M. R. (2026) Mashinochitayemoye pravo na blokcheyne kak novaya institutsional'naya forma gosudarstvennogo upravleniya finansami [Machine-readable law on the blockchain as a new institutional form of public financial governance]. (Manuscript).
6. Gosudarstvennaya Duma FS RF. (2018). *Proyekt Federal'nogo zakona № 419059-7 "O tsifrovyykh finansovykh aktivakh"* [Draft Federal Law No. 419059-7 "On Digital Financial Assets"]. Retrieved from <http://sozd.parlament.gov.ru/>
7. Grechina, L. A. (2015). *Administrativnoye pravo RF. Kurs lektsiy* [Administrative Law of the Russian Federation. Course of Lectures]. Moscow: RG-Press.
8. Kartskhiya, A. A. (2019). *Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya tsifrovyykh tekhnologiy* [Civil law model of digital technologies regulation] (Doctoral dissertation abstract). Moscow.
9. Khimicheva, N. I., & Pokachalova, E. V. (2005). *Finansovoye pravo* [Financial Law]. Moscow: Norma.
10. Kozlov, Yu. M., Alekhin, A. P., Bescherevnykh, V. V., Karmolitskiy, A. A., et al. (1985). *Sovetskoye administrativnoye pravo* [Soviet Administrative Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Lipchanskaya, M. A., & Privalov, S. A. (2023). Razvitiye tekhnologiy mashinochitayemogo prava: teoreticheskiye problemy [Development of machine-readable law technologies: theoretical problems]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (10), 5-20.
12. Musayeva, R. A., & Nigmatzyanova, L. R. (2019). *Finansy. Osnovy teorii i upravleniya finansami* [Finance. Fundamentals of theory and financial management]. Kazan: Kazan State Energy University.
13. Nagrodskaya, V. B. (2017). K voprosu o sovместимости svobodnykh (otkrytykh) litsenziy i vozmozhnostey ikh ispol'zovaniya v tekhnologii Blockchain [On the compatibility of free (open) licenses and the possibilities of their use in Blockchain technology]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava*, (11), 15-25.
14. Novoselova, L. (2017). "Tokenizatsiya" ob'yektov grazhdanskogo prava ["Tokenization" of civil law objects]. *Khozyaystvo i pravo*, (12), 38-52.
15. Poryvayeva, N. F. (2022). *Algoritmizatsiya prava* [Algorithmization of law] (PhD dissertation). Moscow.
16. Pravitel'stvennaya komissiya po tsifrovomu razvitiyu. (2021). *Kontseptsiya razvitiya tekhnologiy mashinochitayemogo prava* [Concept for the development of machine-readable law technologies]. Protocol No. 31 dated September 15, 2021.
17. Prezident Rossii. (2017). *Perechen' porucheniy po itogam soveshchaniya po voprosu ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v finansovoy sfere ot 21 oktyabrya 2017 g.* [List of instructions following the meeting on the use of digital technologies in the financial sector of October 21, 2017]. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>

-
18. RBK Kripto. (2023, November 14). "Sber" v pervyye realizoval sdelku s primeneniym smart-kontrakta [Sberbank completed the first transaction using a smart contract]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/crypto/news/65532c8d9a794783cf239a59>
 19. Savel'yev, A. I. (2016). Dogovornoye pravo 2.0: "umnyye" kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava [Contract law 2.0: "smart" contracts as the beginning of the end of classical contract law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, (3), 32-70.
 20. Skolkovo Foundation. (n.d.). *Kontseptsiya razvitiya tekhnologiy mashinichitayemogo prava* [Concept for the development of machine-readable law technologies]. Retrieved February 3, 2026, from <https://sk.ru/legal/automation-of-law/>
 21. Starilov, Yu. N. (Ed.). (2016). *Obshcheye administrativnoye pravo* [General Administrative Law] (2nd ed., Vol. 1). Voronezh: Voronezh State University Press.
 22. Truntsevskiy, Yu. V. (2021). Zakon kak kod i ^{预(预)}tsizionnoye pravo v raketse datifikatsii [Law as code and precision law in the perspective of datification]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 17(1), 59-73.
 23. Vashkevich, A. M. (2019). *Mashinichitayemoye pravo: pravo, kak elektrichestvo* [Machine-readable law: law as electricity]. Moscow: Yurayt.
 24. Zayats, N. E., Fisenko, M. K., & Sorokina, T. V. et al. (2014). *Teoriya finansov* [Theory of Finance] (2nd ed.). Minsk: BSEU.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.29.21.046

Правовое регулирование мошенничества с недвижимостью: на примере Определения ВС РФ № 5-КГ25-174-К2

Спесивцева Алина Викторовна

Студент,

Институт онлайн образования Финансового университета при Правительстве РФ,
125167, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2;
e-mail: rodispublishing@yandex.ru

Дёмкина Алеся Вячеславовна

Кандидат юридических наук, доцент,

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125167, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный правовой анализ резонансного «дела Долиной», в результате которого было принято **Определение ВС РФ № 5-КГ25-174-К2**. Авторами **рассматривается** рассматриваются уголовный и гражданский аспекты дела, и анализируют применение статей 177 и 178 Гражданского кодекса РФ. Особое внимание уделяется системным рискам, которые данный судебный прецедент создает для всех участников рынка недвижимости: покупателей, продавцов, кредитных организаций и государства в целом. В статье исследуются возможные последствия для ипотечного кредитования, включая риски потери залога банками и долговых обязательств заемщиками. Авторами рассмотрены предлагаемые законодателем меры противодействия, такие как законопроект о «периоде охлаждения», а также альтернативные способы минимизации рисков, включая титульное страхование. На основе анализа статистики и выводов Верховного Суда РФ делается вывод о необходимости сохранения баланса интересов и стабильности гражданского оборота.

Для цитирования в научных исследованиях

Спесивцева А.В., Дёмкина А.В. «Дело Долиной»: хронология и правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 379-386. DOI: 10.34670/AR.2026.29.21.046

Ключевые слова

Эффект Долиной, мошенничество с недвижимостью, односторонняя реституция, порок воли, ипотечные риски, рынок вторичной недвижимости, судебная практика, статьи 177 и 178 ГК РФ, период охлаждения, титульное страхование.

Введение

Проблемы и риски в сфере правового регулирования могут быть детерминированы особенностями национальной правовой системы и складывающейся правоприменительной практики. Иллюстрацией данного тезиса выступает феномен, получивший в общественном и профессиональном дискурсе название «эффект Долиной». Не касаясь социального резонанса, вызванного оглаской деталей судебного разбирательства с участием певицы Ларисы Долиной, представляется целесообразным провести комплексный юридический анализ рисков, которые данный правовой казус актуализирует в сфере регулирования ипотечных отношений.

Основная часть

Рассматриваемый случай включает два взаимосвязанных судебных производства: уголовное и гражданское. В рамках уголовного дела Лариса Долина была признана потерпевшей по ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Судом установлено, что в момент совершения сделки она находилась под влиянием мошенников, что подтверждено материалами переписки и заключениями судебных экспертиз (психолого-психиатрической и деструктологической).

В рамках гражданского судопроизводства суд первой инстанции применил положения ст. 177 и 178 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Сделка по продаже недвижимости была признана совершенной с пороком воли (вследствие неспособности понимать значение своих действий) и под влиянием существенного заблуждения. Указанных оснований оказалось достаточно для удовлетворения иска Долиной и признания за ней права собственности на ранее отчужденную квартиру [Газета.ру, [www...](http://www.gazeta.ru), 2025].

Впоследствии рассматривался также иск покупательницы, требовавшей применения двусторонней реституции. Однако по логике состоявшихся судебных актов, покупательница вправе предъявлять требования о возмещении убытков непосредственно к мошенникам, которым продавец передал вырученные средства, тогда как сам продавец возвращает объект недвижимости без обязанности компенсации полученной суммы. Таким образом, в рассматриваемом казусе фактически была применена модель односторонней реституции.

Важно подчеркнуть, что «дело Долиной» является единственным в своем роде. Подобные решения начинают формировать правоприменительную практику, которую уже окрестили «эффектом Долиной».

Общественная дискуссия акцентирует внимание на потенциально далеко идущих последствиях данного феномена для рынка недвижимости. Ключевой риск видится в том, что потенциальные покупатели утратят уверенность в стабильности приобретаемого титула, поскольку на момент совершения сделки невозможно гарантировать отсутствие будущих притязаний продавца, основанных на факте мошеннического воздействия. В связи с этим перед правоприменителем и законодателем возникает необходимость масштабной работы по урегулированию сложившейся неоднозначной ситуации.

Детальный анализ рисков, порождаемых «эффектом Долиной», позволяет классифицировать их по субъектному составу.

Риски для покупателей. Данная категория участников оборота несет наиболее высокие риски. В текущей правовой системе отсутствуют действенные механизмы защиты покупателя, приобретшего недвижимость у лица, находившегося под воздействием мошенников. При

признании продавца потерпевшим в уголовном деле и наличии доказательной базы, он, следуя логике «эффекта Долиной», вправе истребовать имущество из чужого незаконного владения без возврата денежных средств покупателю напрямую, поскольку надлежащим ответчиком по финансовым требованиям признается осужденный мошенник. Фактически покупатель не только утрачивает объект недвижимости, но и лишается уплаченных средств, а перспектива их взыскания с мошенников представляется крайне низкой.

Риски для продавца. В рамках анализируемого сценария, при наличии доказательств мошеннического воздействия, риск безвозвратной утраты недвижимости для продавца минимален. Однако его положение может осложниться в случае последующей перепродажи объекта добросовестному приобретателю. Кроме того, в более широком контексте под категорию «продавца» подпадают все потенциальные продавцы недвижимости. После широкого освещения «эффекта Долиной» они столкнулись с объективными трудностями при поиске покупателей, поскольку последние опасаются риска потери денежных средств, что парализует спрос.

В качестве меры минимизации подобных рисков может быть предложено внедрение института «честной продажи», предполагающего предварительную проверку продавца на наличие порока воли и отсутствие воздействия со стороны третьих лиц. Успешное прохождение такой проверки должно лишать продавца права в дальнейшем оспаривать сделку по основаниям ст. 177 и 178 ГК РФ. Практическая реализация данного института сопряжена с рисками оспаривания результатов самой проверки, что может нивелировать ее эффективность. Тем не менее, законодательное закрепление процедуры и признание ее результатов может снизить риски для обеих сторон сделки.

Риски для государства. Описанная выше «боязнь покупателей» влечет риски для экономической системы в целом. Ипотечное кредитование, обеспечивающее переток капиталов и ликвидность рынка, напрямую зависит от стабильности оборота недвижимости. Замедление темпов купли-продажи способно снизить деловую активность, что потребует от государства дополнительных усилий по стабилизации экономической ситуации.

Следует отметить, что определенные шаги уже предпринимаются. В Государственную Думу внесен законопроект № 1078594-8 [О внесении изменений..., 2025], анализ которого представляется необходимым. Законодатель предлагает ввести «период охлаждения» сроком в семь календарных дней между подписанием договора купли-продажи и государственной регистрацией перехода права. Предполагается, что этого срока достаточно, чтобы продавец, находящийся под влиянием мошенников, мог осознать последствия сделки и отказаться от ее совершения.

Однако данная инициатива оставляет ряд вопросов. Во-первых, не ясна судьба сделки в случае немотивированного отказа продавца в течение этого срока, что ставит покупателя в положение «ожидающего» и создает для него неопределенность. Во-вторых, хотя идея перевода денежных средств только после регистрации и окончания «периода охлаждения» и направлена на защиту покупателя, она вряд ли сможет воспрепятствовать передаче средств третьим лицам, если продавец продолжает находиться под влиянием мошенников. Положительным аспектом является сама реакция законодателя на вызовы правоприменительной практики и общественный запрос.

Учитывая тему настоящей работы, необходимо особо остановиться на рисках, которые «эффект Долиной» создает для ипотечных отношений. Если покупатель заключает договор ипотечного кредитования, а приобретенный объект впоследствии возвращается продавцу в

порядке односторонней реституции, возникает крайне неблагоприятная ситуация. Договор ипотеки автоматически недействительным не признается, и обязанность заемщика по возврату кредита сохраняется. Для кредитной организации данный сценарий также критичен: объект недвижимости утрачивает статус залога (п. 7 ст. 352 ГК РФ), возвращаясь к предыдущему владельцу (ст. 167 ГК РФ). Кредит становится необеспеченным, что резко повышает риски его невозврата, хотя право требования к заемщику у банка сохраняется.

Таким образом, «эффект Долиной» несет существенные риски и для кредитных организаций. В качестве мер минимизации банки могли бы рассмотреть повышение ставок по ипотеке, однако текущие рыночные ставки (по данным на январь 2026 года - в ВТБ — от 22,3%, Сбербанке — от 17,4%, Альфа-Банке — от 19,89%, Т-Банке — 16,9%, Совкомбанке — от 21,49%) и без того снижают привлекательность кредитов. Дальнейшее их увеличение представляется контрпродуктивным.

Более перспективным выглядит титульное страхование в пользу банка как выгодоприобретателя. В случае утраты залога страховая выплата компенсирует потери банка. Однако экономическая целесообразность данного инструмента требует оценки в каждом конкретном случае, так как стоимость страховки может быть высокой. В условиях санкционного давления и общей волатильности банковский сектор демонстрирует способность адаптироваться к новым вызовам, и «схема Долиной» — лишь один из них. Однако для выработки оптимальных стратегий защиты потребуются серьезная работа.

Вместе с тем, ряд исследователей призывает избегать «панических настроений». В материалах «Влияние сложившейся судебной практики в части добросовестных приобретателей на рынок недвижимости: экономический и правовой анализ» эксперты В. К. Шайдуллина и С. А. Киракосян приходят к выводам, опровергающим катастрофичность ситуации. Они констатируют, что ажиотаж, созданный СМИ, сформировал у населения преувеличенные страхи. Статистика же не подтверждает массового характера явления: количество дел с применением ст. 178 ГК РФ в 2025 году (295) даже ниже, чем в 2024-м (382). Хотя процент удовлетворенных исков в 2025 году несколько вырос, речь о тысячах процессов не идет.

Эксперты отмечают, что «игра на страхе» привела к росту транзакционных издержек на сопровождение сделок (юридические проверки, экспертизы, страхование), но не к существенному сокращению оборота рынка. Участники обладают высокой адаптивностью, что позволяет сокращать угрозы и продолжать совершать экономически значимые операции.

В итоге правового противостояния стало рассмотрение дела Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ 16.12.2025 [Жалоба в Верховный суд..., 2025]. Представляется важным проанализировать ключевые выводы высшей судебной инстанции в контексте темы настоящей работы:

1. Сделка не может быть признана недействительной по ст. 178 ГК РФ из-за заблуждения относительно ее последствий. То обстоятельство, что Долина не осознавала факта совершения сделки в рамках мошеннической схемы, само по себе не является основанием для недействительности сделки.
2. Дееспособный гражданин, имеющий опыт совершения сделок, обязан самостоятельно оценивать последствия своих действий. Суд особо подчеркнул, что выводы судебных экспертиз, проведенных в рамках уголовного дела, не могут автоматически подменять собой отсутствие аналогичных экспертиз в гражданском процессе.
3. Верховный Суд РФ констатировал, что решение суда первой инстанции по «делу Долиной» создает угрозу стабильности гражданского оборота и совершению сделок на

вторичном рынке недвижимости. Тем самым высшая судебная инстанция по факту подтвердила обоснованность опасений относительно негативного влияния данного казуса на рынок, однако, с учетом статистических данных, эти опасения были гипертрофированы медийным освещением.

Резонансное «дело Долиной» продемонстрировало уязвимость существующего правового регулирования ипотечных отношений и оборота недвижимости перед новыми формами мошенничества. Оно актуализировало риски для всех участников рынка, поставив вопрос о необходимости поиска баланса между защитой прав потерпевших от преступлений и стабильностью гражданского оборота. В этой связи крайне важна профессиональная, взвешенная судебная оценка подобных ситуаций, способная купировать панические настроения и сформировать предсказуемую практику, обеспечивающую устойчивость функционирования, в том числе ипотечного рынка. Реакция законодателя в виде законопроекта о «периоде охлаждения» и позиция Верховного Суда РФ являются важными шагами на пути к выработке эффективных правовых механизмов, позволяющих минимизировать риски и сохранить доверие к рынку недвижимости.

Заключение

Проведенный анализ правового казуса, получившего название «эффект Долиной», подтверждает тезис о том, что единичное резонансное дело способно не только обнажить существующие пробелы в праве, но и спровоцировать системные риски для целой сферы экономических отношений. Комплексное рассмотрение проблемы позволяет сделать следующие ключевые выводы.

Во-первых, «эффект Долиной» высветил фундаментальное противоречие между принципом защиты прав потерпевших от мошенничества и принципом стабильности гражданского оборота. Решение суда первой инстанции, фактически применившее модель односторонней реституции, создало опасный прецедент, при котором защита прав продавца (жертвы мошенников) была реализована за счет полного ущемления имущественных интересов добросовестного покупателя и кредитной организации. Это породило «синдром недоверия» на рынке недвижимости, поставив под сомнение незыблемость титула собственника.

Во-вторых, классификация рисков по субъектному составу демонстрирует, что наиболее уязвимым звеном в сложившейся конструкции оказался покупатель, использующий ипотечные средства. Он не только лишается приобретенного жилья и денег, но и остается должником перед банком по необеспеченному кредиту. Банки, в свою очередь, сталкиваются с обесцениванием залогового обеспечения, что повышает риски всей финансовой системы. Государство же вынуждено реагировать на потенциальное замедление деловой активности и искать баланс между защитой граждан и обеспечением экономической стабильности.

В-третьих, реакция правовой системы на возникший вызов оказалась оперативной и разнонаправленной. С одной стороны, законодатель предложил механизм «периода охлаждения» (законопроект № 1078594-8), направленный на предотвращение подобных ситуаций на этапе совершения сделки. С другой стороны, Верховный Суд РФ в своем определении от 16.12.2025 *de facto* призвал нижестоящие суды к осторожности, указав на недопустимость автоматического переноса выводов уголовных экспертиз в гражданский процесс и подчеркнув приоритет стабильности оборота. Такая двойственная реакция — законодательное творчество и судебное толкование — свидетельствует о поиске оптимальной модели правового регулирования.

Наконец, нельзя не согласиться с выводами экспертов, призывающих к взвешенной оценке ситуации. Статистические данные опровергают массовый характер явления, а рост транзакционных издержек на юридическое сопровождение свидетельствует о его адаптации к новым реалиям. Инструменты минимизации рисков, такие как титульное страхование и углубленная юридическая проверка контрагентов («честная продажа»), становятся не просто желательными, а необходимыми элементами цивилизованного оборота недвижимости.

Таким образом, «эффект Долиной» стал для российской правовой системы «стресс-тестом», который продемонстрировал необходимость тонкой настройки механизмов защиты участников ипотечных отношений. Дальнейшее развитие законодательства и судебной практики должно быть направлено на создание предсказуемого баланса интересов, при котором защита жертв преступлений не будет парализовать оборот недвижимости и подрывать доверие к ипотеке как ключевому финансовому институту.

Библиография

1. Анакиева Х. Г., Усачева Д. И., Кабанова Н. А. Правовое регулирование и анализ механизмов защиты от мошенничества в современных условиях на территории России //Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. №. 2. С. 3.
2. Батюкова В. Е. Мошенничество в сфере недвижимости: проблемы и пути решения //Правовое регулирование экономической деятельности. – 2023. – №. 1. – С. 6-13.
3. Марченко Е. Р., Самаркина Л. А. Мошенничество на рынке недвижимости современной России //Развитие финансового рынка и предпринимательских структур в современных условиях. – 2022. – С. 96-99.
4. Фокин А. Д. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере недвижимого имущества // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – №. 1 (29). – С. 209-220.
5. Газета.ру. «Эффект Долиной»: юристы рассказали, как снизить риски при покупке жилья и защититься от мошенников. URL: https://www.gazeta.ru/social/22117579/effektdolinoj.shtml?utm_auth=false#anchor_22117579_1
6. Жалоба в Верховный суд Российской Федерации 5-КФ25-4870-К2. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21-36489801>
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» : законопроект № 1078594-8 от 25.11.2025.
8. Шайдуллина В.К., Киракосян С.А. Влияние сложившейся судебной практики в части добросовестных приобретателей на рынок недвижимости: экономический и правовой анализ. 2025.
9. Касландзия А. Э. Мошенничество с недвижимостью //Право и управление. – 2024. – №. 4. – С. 277-280.

Legal Regulation of Real Estate Fraud: A Case Study of the Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG25-174-K2

Alina V. Spesivtseva

Student, Institute of Online Education,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rodispublishing@yandex.ru

Alesya V. Demkina

PhD in Law, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Abstract

The article provides a comprehensive legal analysis of the high-profile "Dolina case," which resulted in the Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG25-174-K2. The authors examine the criminal and civil aspects of the case and analyze the application of Articles 177 and 178 of the Civil Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the systemic risks that this judicial precedent creates for all participants in the real estate market: buyers, sellers, credit institutions, and the state as a whole. The article explores the possible consequences for mortgage lending, including the risks of loss of collateral by banks and debt obligations by borrowers. The authors examine the countermeasures proposed by the legislator, such as the draft law on a "cooling-off period," as well as alternative ways to minimize risks, including title insurance. Based on the analysis of statistics and the conclusions of the Supreme Court of the Russian Federation, a conclusion is drawn about the need to maintain a balance of interests and the stability of civil turnover.

For citation

Spesivtseva A.V., Demkina A.V. (2026) "Delo Dolinoy": khronologiya i pravovoy analiz [The Dolina Case: Chronology and Legal Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 379-386. DOI: 10.34670/AR.2026.29.21.046

Keywords

Dolina effect, real estate fraud, unilateral restitution, defect of will, mortgage risks, secondary real estate market, judicial practice, Articles 177 and 178 of the Civil Code of the Russian Federation, cooling-off period, title insurance.

References

1. Anakieva, Kh.G., Usacheva, D.I., & Kabanova, N.A. (2024). Pravovoe regulirovanie i analiz mekhanizmov zashchity ot moshennichestva v sovremennykh usloviakh na territorii Rossii [Legal regulation and analysis of mechanisms for protection against fraud in modern conditions in Russia]. *Vestnik evraziiskoi nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 16(2), 3.
2. Batiukova, V.E. (2023). Moshennichestvo v sfere nedvizhimosti: problemy i puti resheniia [Real estate fraud: problems and solutions]. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoi deiatel'nosti* [Legal Regulation of Economic Activity], (1), 6–13.
3. Marchenko, E.R., & Samarkina, L.A. (2022). Moshennichestvo na rynke nedvizhimosti sovremennoi Rossii [Fraud in the real estate market of modern Russia]. In *Razvitie finansovogo rynka i predprinimatel'skikh struktur v sovremennykh usloviakh* [Development of the financial market and business structures in modern conditions] (pp. 96–99).
4. Fokin, A.D. (2024). K voprosu o sposobakh soversheniia moshennichestva v sfere nedvizhimogo imushchestva [On the question of methods of committing fraud in the sphere of real estate]. *Kriminalistika: vchera, segodnia, zavtra* [Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow], (1 (29)), 209–220.
5. Gazeta.ru. (n.d.). «Effekt Dolinoi»: iuristy rasskazali, kak snizit' riski pri pokupke zhil'ia i zashchitit'sia ot moshennikov ["The Dolina Effect": lawyers explain how to reduce risks when buying a home and protect yourself from fraudsters]. Retrieved [Date of access], from https://www.gazeta.ru/social/22117579/effektdolinoj.shtml?utm_auth=false#anchor_22117579_1
6. Zhaloba v Verkhovnyi sud Rossiiskoi Federatsii 5-KF25-4870-K2 [Appeal to the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KF25-4870-K2]. (n.d.). Retrieved [Date of access], from <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21-36489801>
7. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti»: zakonoproekt № 1078594-8 ot 25.11.2025 [On Amendments to the Federal Law "On State Registration of Real Estate": Draft Law No. 1078594-8 of November 25, 2025].
8. Shaidullina, V.K., & Kirakosian, S.A. (2025). Vliianie slozhivsheisia sudebnoi praktiki v chasti dobrosovestnykh priobretelei na rynek nedvizhimosti: ekonomicheskii i pravovoi analiz [The influence of the established judicial practice regarding bona fide purchasers on the real estate market: an economic and legal analysis]. [Publisher information missing].

9. Kaslandziia, A.E. (2024). Moshennichestvo s nedvizhimost'iu [Real estate fraud]. *Pravo i upravlenie* [Law and Administration], (4), 277–280.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.45.23.047

Международный опыт развития института защиты интеллектуальных прав

Ягунова Екатерина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экономики предприятий и организаций,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603008, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37;
Доцент департамента частного права,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
E-mail: yagunovakatya@mail.ru

Ноздрина Наталья Александровна

Доктор педагогических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Брянский государственный технический университет,
241035, Российская Федерация, Брянск, бульвар 50 лет Октября, 7;
e-mail: nozdrina.natalye@mail.ru

Аннотация

В работе проводится комплексный анализ международно-правовой охраны интеллектуальной собственности (ИС) как фундаментального механизма функционирования глобальной экономики и инструмента геополитического влияния. Рассматривается эволюция системы от первых многосторонних соглашений (Парижская и Бернская конвенции) до Соглашения ТРИПС, ознаменовавшего интеграцию стандартов охраны в торговую систему ВТО. Особое внимание уделяется современной институциональной архитектуре, включая роль ВОИС, ВТО и региональных патентных организаций, а также принципиальным различиям в режимах охраны промышленной собственности и авторского права. Анализируются ключевые вызовы современности: конфликт между патентной монополией и правом на здоровье (принудительное лицензирование), регионализация правоприменения на примере Единого патентного суда, дискуссия вокруг стандартообразующих патентов (SEP) и адаптация системы к технологиям искусственного интеллекта. В заключении делается вывод о глубокой трансформации системы и необходимости поиска баланса между стимулированием инноваций и обеспечением публичных интересов (доступ к знаниям и лекарствам) как основного условия дальнейшего развития глобального инновационного рынка.

Для цитирования в научных исследованиях

Ягунова Е.Е., Ноздрина Н.А. Международный опыт развития института защиты интеллектуальных прав // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 387-396. DOI: 10.34670/AR.2026.45.23.047

Ключевые слова

Интеллектуальная собственность, международное право, Парижская конвенция, Бернская конвенция, Соглашение ТРИПС, Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), принудительное лицензирование, стандартообразующие патенты, Единый патентный суд.

Введение

В системе современных международных экономических отношений интеллектуальная собственность заняла положение одного из ключевых регуляторов глобального развития [Chen, Wu, 2022]. В условиях, когда основой экономического роста становятся не столько материальные активы, сколько знания, технологии и творческий потенциал, вопросы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности приобретают принципиально новое измерение. Они выходят за узкие рамки юриспруденции, превращаясь в фактор национальной безопасности, инструмент конкурентной борьбы и предмет острых межгосударственных противоречий. Стремительная цифровизация всех сфер жизни и углубление интеграционных процессов приводят к тому, что охрана интеллектуальной собственности перестает быть исключительно внутренним делом государств, становясь необходимым условием функционирования глобального инновационного рынка [Fei et al., 2022].

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом фундаментальных факторов. Во-первых, в постиндустриальной экономике именно нематериальные активы формируют основу капитализации ведущих корпораций, а отрасли, зависимые от интеллектуальной собственности, генерируют значительную долю ВВП развитых стран, что делает их защиту экономическим императивом. Во-вторых, обострение конкуренции на мировых высокотехнологичных рынках сопровождается ростом трансграничных нарушений (контрафакция, пиратство), что требует совершенствования механизмов правоприменения [Nguyen, Huang, Tian, 2023]. В-третьих, углубляется противоречие между частноправовыми интересами правообладателей и публичными интересами общества, особенно остро проявляющееся в вопросах доступа к жизненно важным лекарствам, образованию и культурным благам. Наконец, технологические сдвиги, связанные с развитием искусственного интеллекта и стандартов связи, ставят перед международным правом вопросы, на которые существующая система, сложившаяся еще в индустриальную эпоху, не всегда может дать однозначные ответы [Wu, Wu, 2025].

Объектом данного исследования выступает совокупность международно-правовых отношений, складывающихся в процессе охраны и защиты интеллектуальной собственности. Предметом исследования являются международные договоры, институциональные механизмы и правоприменительная практика в сфере международной охраны интеллектуальных прав, а также экономические и политические факторы, влияющие на их эволюцию.

Цель работы заключается в комплексном анализе трансформации международно-правовой системы охраны интеллектуальной собственности от первых многосторонних соглашений XIX века до современных вызовов, связанных с регионализацией, цифровизацией и конфликтом публичных и частных интересов.

Основная часть

В современную эпоху, характеризующуюся углублением интеграционных процессов и стремительной цифровизацией общественной жизни, интеллектуальная собственность трансформируется из сугубо правовой категории в фундаментальный экономический и политический ресурс. Ее значение выходит далеко за рамки защиты прав отдельных авторов и изобретателей, становясь основой национальной конкурентоспособности и инструментом геэкономического влияния. Глобализация обеспечила практически беспрепятственную циркуляцию результатов интеллектуальной деятельности — от программного обеспечения до фармацевтических формул и инженерных решений, — что обуславливает недостаточность сугубо национальных механизмов охраны. В данном контексте международно-правовая охрана выступает необходимым регуляторным контуром, призванным обеспечить функционирование глобального инновационного рынка [Huang et al., 2025].

В постиндустриальной экономике именно нематериальные активы составляют основную долю стоимости крупнейших корпораций, а товарные знаки, патенты и объекты авторского права превратились в высоколиквидные активы. Отрасли, основанные на интеллектуальной собственности, генерируют существенную долю валового внутреннего продукта развитых стран. Отсутствие надежной международной системы правовой защиты порождает для бизнеса системные риски, связанные с контрафакцией в юрисдикциях с недостаточным уровнем правоприменения [Huang et al., 2025]. Подобная практика ведет не только к прямым финансовым потерям правообладателей, но и подрывает саму экономическую модель, базирующуюся на монетизации знаний и творческого труда. Распространение контрафактной продукции зачастую сопряжено с рисками для здоровья и безопасности потребителей, что придает проблеме социальное звучание. Следовательно, эффективная трансграничная охрана выступает необходимым условием сохранения целостности глобальных рынков и стимулирования добросовестной конкуренции.

С инновационной точки зрения международная система охраны выполняет функцию катализатора научно-технического прогресса. Инвестиции в исследования и разработки, равно как и в создание произведений культуры, сопряжены с высокой степенью неопределенности и значительными первоначальными затратами. Гарантия защиты результатов этих усилий от недобросовестного заимствования на основных мировых рынках является критически важным фактором при принятии решений о финансировании соответствующих проектов [He et al., 2022]. Патентная система реализует двойственную функцию: с одной стороны, она предоставляет патентообладателю временную монополию, позволяя окупить вложения, а с другой — обеспечивает публичное раскрытие информации об изобретении, способствуя распространению знаний и предотвращая дублирование исследований. Таким образом, международная охрана создает предсказуемую правовую среду, необходимую для долгосрочного инвестиционного планирования в высокотехнологичных секторах экономики.

Политический аспект международной охраны интеллектуальной собственности раскрывает ее роль как одного из ключевых элементов современных международных экономических отношений. Уровень защиты прав интеллектуальной собственности давно перестал быть исключительно внутренним делом государства [Sun et al., 2023]. Начиная с Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), действующего в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), соблюдение стандартов в этой сфере стало условием доступа на мировые рынки. Это порождает сложную дипломатическую динамику: развитые страны, являющиеся основными генераторами технологий и культурного контента, стремятся к

максимальному усилению охраны, рассматривая ее как инструмент защиты своего технологического лидерства. Развивающиеся государства, напротив, нередко видят в жестких стандартах барьер для доступа к знаниям, технологиям и жизненно важным лекарственным препаратам. Данное противоречие регулярно воспроизводится в ходе многосторонних переговоров, где вопросы интеллектуальной собственности тесно переплетаются с проблемами трансфера технологий, продовольственной безопасности и охраны общественного здоровья.

Переход от разрозненной национальной охраны к интернациональной системе стал закономерным ответом на вызовы экономической интеграции XIX века, и ключевую роль в этом процессе сыграли универсальные принципы, закрепленные первыми многосторонними соглашениями. Парижская конвенция по охране промышленной собственности и Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений заложили фундамент современной архитектуры международного права интеллектуальной собственности [Sun et al., 2023]. Непосредственным катализатором разработки Парижской конвенции послужили проблемы, остро проявившиеся на международных выставках, когда многие изобретатели отказывались демонстрировать разработки, опасаясь их недобросовестного заимствования за рубежом. Ответом стало закрепление в тексте Конвенции двух фундаментальных положений: принципа национального режима, обязывающего государства-участники предоставлять иностранным правообладателям такую же охрану, как и собственным гражданам, и конвенционного приоритета, позволяющего заявителю в течение установленного срока испрашивать охрану в других странах-участницах, сохраняя дату первой подачи заявки. Бернская конвенция провозгласила автоматическую охрану, возникающую в силу факта создания произведения и не требующую выполнения формальностей, а также закрепила принцип независимости охраны, согласно которому предоставление и объем защиты произведения в каждой стране определяются ее национальным законодательством и не зависят от наличия охраны в стране происхождения [Nguyen, Huang, Tian, 2023].

Квинтэссенцией эволюции международно-правовой охраны стало Соглашение ТРИПС, ознаменовавшее коренной разрыв с предшествующей договорной традицией. Если предшествующие конвенции создали фундаментальные принципы, то ТРИПС впервые интегрировало защиту интеллектуальной собственности в многостороннюю торговую систему, кардинально изменив природу и механизмы обеспечения соблюдения этих прав. Главным нововведением Соглашения стало установление жесткой связи между стандартами охраны и механизмом разрешения споров ВТО, обладающим беспрецедентной эффективностью благодаря возможности применения перекрестных торговых санкций. ТРИПС распространило действие ключевых положений Парижской и Бернской конвенций на всех членов ВТО, существенно расширило предмет охраны, включив компьютерные программы и базы данных, а также установило обязательность патентования изобретений во всех областях технологии. Наиболее важным стало детальное регулирование процедур гражданско-правового, административного и уголовного преследования нарушителей, обязавшее государства создать реально действующие механизмы правоприменения. При этом ТРИПС задумывалось как гибкий инструмент, призванный балансировать частные интересы правообладателей и публичные интересы общества, что нашло выражение в институтах принудительного лицензирования. Декларация Доха стала важнейшей вехой, подтвердившей право государств интерпретировать положения ТРИПС для защиты здоровья населения.

Современная институциональная архитектура международно-правовой охраны представляет собой сложную многоуровневую систему. Центральное место занимает Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), функционирующая как

специализированное учреждение ООН. Компетенция ВОИС охватывает административное управление международными регистрационными системами — Договором о патентной кооперации (РСТ), Мадридской системой регистрации товарных знаков и Гаагской системой регистрации промышленных образцов, — позволяющими испрашивать охрану в множестве юрисдикций посредством подачи единой заявки. Принципиально иную функцию выполняет ВТО, обеспечивающая соблюдение Соглашения ТРИПС. Ключевое отличие ВТО заключается в наличии эффективного механизма принуждения: Орган по разрешению споров уполномочен рассматривать межгосударственные споры и санкционировать применение компенсаторных мер. Особый уровень системы образуют региональные патентные организации, такие как Европейское патентное ведомство (ЕПВ) и Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ), функционирующие на основе региональных договоров и предоставляющие возможность получения единого патента, действующего на территории всех государств-участников.

Принципиальное различие в правовой природе объектов интеллектуальной собственности предопределяет существование двух фундаментально несовпадающих режимов охраны. Промышленная собственность требует формального подтверждения прав посредством процедуры регистрации (патентования), в то время как авторское право возникает в силу факта создания произведения. Данное различие имеет далеко идущие последствия для трансграничной охраны. Авторское право охраняет форму выражения; его автоматический характер призван обеспечить широкий доступ к результатам творческой деятельности. Промышленная собственность, напротив, охраняет содержание технического или дизайнерского решения, и необходимость публичного раскрытия этого содержания в обмен на временную монополию лежит в основе патентной системы. Патент выдается после проведения экспертизы и носит строго территориальный характер, что обусловило создание международных механизмов, упрощающих процедуру подачи заявок в большое число стран. Аналогичный принцип заложен в международных системах регистрации товарных знаков и промышленных образцов. Нетрадиционные объекты, такие как топологии интегральных микросхем или селекционные достижения, демонстрируют тенденцию к конвергенции различных правовых режимов, сочетая элементы авторско-правового подхода с требованием регистрации.

Наиболее острым вызовом современной системы является конфликт между монопольным характером патентной защиты и правом на здоровье, особенно в сфере доступа к жизненно важным лекарствам в развивающихся странах. Фармацевтические патенты, будучи главным стимулом для инвестиций в исследования, одновременно создают ценовые барьеры, делающие передовые методы лечения недоступными для населения государств с низким уровнем дохода. Основное напряжение возникает между частноправовыми интересами патентообладателей и публичным интересом общества в доступном здравоохранении. Ключевым инструментом разрешения этого конфликта призван служить институт принудительного лицензирования, позволяющий государствам выдавать разрешения на использование запатентованного изобретения без согласия патентообладателя в условиях национальной чрезвычайной ситуации. Однако провозглашенные принципы столкнулись с серьезными сложностями при практической реализации. Процедурная сложность и угроза торговых санкций делают принудительное лицензирование труднодоступным инструментом. Системной проблемой остается механизм экспортных поставок в страны, не имеющие собственных производственных мощностей, который на практике оказался крайне громоздким и маловостребованным.

Важнейшим событием последних лет стало создание Единого патентного суда (Unified Patent Court, UPC), начавшего работу и уже накопившего значительную практику по вопросам

юрисдикции, обеспечения доказательств и выдачи предварительных запретов. Европейский патент с унитарным действием демонстрирует растущую популярность, свидетельствуя о востребованности централизованной системы охраны. Однако практика ЕПС порождает новые вопросы, в частности, о пределах его экстерриториальной юрисдикции. Прецеденты рассмотрения европейскими судами исков о нарушении патентов США открывают дискуссию о допустимости разрешения споров, касающихся иностранных патентов. Различия в правовых стандартах и процедурах между США и Европой создают высокую степень неопределенности, а ответная реакция американских судов демонстрирует потенциальный конфликт юрисдикций, который может стать серьезным вызовом для международной системы.

Другим критически важным направлением является регулирование прав на стандартообразующие патенты (Standard-Essential Patents, SEP), лежащие в основе технологий связи. Дискуссия об условиях справедливого, разумного и недискриминационного (FRAND) лицензирования приобрела беспрецедентную остроту. Ведущие патентные ведомства мира активизируют усилия по выработке сбалансированных подходов, однако отсутствие консенсуса между разработчиками и пользователями стандартов сохраняется. Технологии искусственного интеллекта стали лакмусовой бумажкой, выявляющей ограничения существующей системы охраны. Устойчивый рост числа заявок на изобретения, связанные с ИИ, ставит вопрос о критериях патентоспособности таких решений и адаптации экспертных процедур к обработке заявок, созданных при участии искусственного интеллекта.

Цифровая трансформация создает дополнительные вызовы для национальных систем охраны. Сравнительные исследования показывают, что даже в рамках региональных объединений существуют значительные различия в эффективности правоприменения, что подтверждает тезис о том, что наличие международных обязательств не гарантирует действенной охраны без соответствующих институциональных реформ. Особую чувствительность вопросы охраны приобретают в сфере здравоохранения, где гибкие механизмы ТРИПС остаются важнейшим инструментом обеспечения доступа к лекарствам; однако разрыв между гуманитарными обязательствами и реальной политикой сохраняется из-за давления со стороны развитых стран и ограниченности производственных мощностей в развивающихся государствах. Важным аспектом современной повестки является охрана традиционных знаний и генетических ресурсов, практическая реализация которой сталкивается с трудностями доказывания недобросовестного намерения при выдаче патентов.

Международная система охраны интеллектуальной собственности переживает период глубокой трансформации. Современное развитие характеризуется регионализацией и появлением наднациональных судебных органов, обострением конфликта между правовыми системами различных юрисдикций и необходимостью адаптации патентного и авторского права к реалиям искусственного интеллекта. Дальнейшая эволюция системы будет зависеть от способности мирового сообщества найти баланс между стимулированием инноваций через предоставление исключительных прав и обеспечением общественных интересов, включая доступ к знаниям, технологиям и жизненно важным лекарственным препаратам.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что международно-правовая охрана интеллектуальной собственности прошла сложный путь эволюции, превратившись из инструмента защиты прав отдельных создателей в фундаментальный механизм функционирования глобальной экономики и арену геополитического противостояния. Сегодня

эта сфера представляет собой не просто совокупность юридических норм, а сложную многоуровневую систему, в которой переплетаются экономические интересы, инновационные приоритеты и публичные потребности общества.

Историческое развитие от Парижской и Бернской конвенций к Соглашению ТРИПС продемонстрировало устойчивую тенденцию к унификации и ужесточению стандартов охраны. Если первые конвенции заложили фундаментальные принципы (национальный режим, автоматическая охрана, конвенционный приоритет), то Соглашение ТРИПС ознаменовало качественный скачок, интегрировав защиту интеллектуальной собственности в торговую систему ВТО и создав эффективный механизм принуждения к исполнению обязательств. Это превратило уровень охраны интеллектуальных прав из внутреннего дела государства в условие доступа на мировые рынки, что породило сложную дипломатическую динамику между развитыми и развивающимися странами.

Современная институциональная архитектура представляет собой многоуровневый комплекс, где центральную регуляторную функцию выполняет ВОИС, обеспечивая административное управление международными регистрационными системами, а ВТО выступает гарантом соблюдения торговых аспектов прав через механизм разрешения споров. Особое место занимают региональные патентные организации (ЕПВ, ЕАПВ), создающие прецеденты наднациональной охраны и демонстрирующие тенденцию к регионализации как альтернативе или дополнению глобальной унификации.

Принципиальное различие в правовой природе объектов интеллектуальной собственности предопределяет сосуществование двух фундаментально различных режимов охраны: регистрационного (для промышленной собственности) и автоматического (для авторского права). Это различие имеет далеко идущие последствия для трансграничной охраны и механизмов правоприменения, а появление нетрадиционных объектов (топологии интегральных микросхем, селекционные достижения) демонстрирует тенденцию к конвергенции различных правовых подходов.

Наиболее острые вызовы современной системы связаны с необходимостью балансирования частных и публичных интересов. Конфликт между монопольным характером патентной защиты и правом на здоровье, особенно в сфере доступа к жизненно важным лекарствам, остается неразрешенным. Институт принудительного лицензирования, призванный служить инструментом разрешения этого конфликта, на практике сталкивается с процедурными сложностями и политическим давлением, что делает его труднодоступным, особенно для стран, не имеющих собственных производственных мощностей.

Современная трансформация системы характеризуется рядом ключевых тенденций. Во-первых, регионализация достигает нового уровня с созданием Единого патентного суда, чья практика, демонстрируя востребованность централизованной охраны, одновременно порождает вопросы о пределах экстерриториальной юрисдикции и потенциальных конфликтах между правовыми системами. Во-вторых, дискуссия вокруг стандартообразующих патентов и условий FRAND-лицензирования приобретает беспрецедентную остроту, отражая противоречия между разработчиками и пользователями технологических стандартов. В-третьих, развитие технологий искусственного интеллекта становится лакмусовой бумажкой, выявляющей ограничения существующей системы и требующей адаптации критериев патентоспособности и экспертных процедур.

Цифровая трансформация и сравнительные исследования правоприменения подтверждают тезис о том, что наличие международных обязательств само по себе не гарантирует

эффективной охраны без соответствующих институциональных реформ и учета национальной специфики. Охрана традиционных знаний и генетических ресурсов остается важным, но трудно реализуемым на практике направлением современной повестки.

Международная система охраны интеллектуальной собственности переживает период глубокой и противоречивой трансформации. Дальнейшая эволюция системы будет определяться способностью мирового сообщества найти динамический баланс между стимулированием инноваций через предоставление исключительных прав и обеспечением фундаментальных общественных интересов — доступа к знаниям, технологиям и жизненно важным лекарственным препаратам. От разрешения этого противоречия зависит не только будущее международного права интеллектуальной собственности, но и траектория глобального научно-технического и социального развития.

Библиография

1. Chen W., Wu Y. Does intellectual property protection stimulate digital economy development? //Journal of Applied Economics. – 2022. – Т. 25. – №. 1. – С. 723-730.
2. Fei J. et al. Supervised gan watermarking for intellectual property protection //2022 IEEE international workshop on information forensics and security (WIFS). – IEEE, 2022. – С. 1-6.
3. Han Q., Li C., Jin Y. The impact of intellectual property protection on the development of artificial intelligence in enterprises //International Review of Financial Analysis. – 2025. – Т. 105. – С. 104179.
4. He X. et al. Cater: Intellectual property protection on text generation apis via conditional watermarks //Advances in Neural Information Processing Systems. – 2022. – Т. 35. – С. 5431-5445.
5. Huang X. et al. Digital finance development, intellectual property protection, and regional innovation //Finance Research Letters. – 2025. – С. 108217.
6. Li R. et al. Intellectual property protection and capital allocation efficiency //International Review of Economics & Finance. – 2025. – Т. 102. – С. 104346.
7. Li W., Yuan B. Intellectual property protection and M&A performance //Finance Research Letters. – 2024. – Т. 64. – С. 105395.
8. Nguyen T. P. T., Huang F., Tian X. Intellectual property protection need as a driver for open innovation: Empirical evidence from Vietnam //Technovation. – 2023. – Т. 123. – С. 102714.
9. Sun Y. et al. Deep intellectual property protection: A survey //arXiv preprint arXiv:2304.14613. – 2023.
10. Wu X., Wu K. Intellectual property protection: How bankruptcy courts shape corporate technological innovation and patent quality //Finance Research Letters. – 2025. – Т. 79. – С. 107292.

International Experience in the Development of the Institution for the Protection of Intellectual Rights

Ekaterina E. Yagunova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Enterprise Economics and Organizations,
National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
603008, 37, B. Pokrovskaya str., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Associate Professor of the Department of Private Law,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yagunovakatya@mail.ru

Yagunova E.E., Nozdrina N.A.

Natal'ya A. Nozdrina

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
Bryansk State Technical University,
241035, 7, Bulvar 50 let Oktyabrya, Bryansk, Russian Federation;
e-mail: nozdrina.natalye@mail.ru

Abstract

The work provides a comprehensive analysis of the international legal protection of intellectual property (IP) as a fundamental mechanism for the functioning of the global economy and an instrument of geopolitical influence. The evolution of the system from the first multilateral agreements (Paris and Berne Conventions) to the TRIPS Agreement, which marked the integration of protection standards into the WTO trading system, is examined. Special attention is paid to the modern institutional architecture, including the role of WIPO, WTO, and regional patent organizations, as well as the fundamental differences in the regimes of protection for industrial property and copyright. Key contemporary challenges are analyzed: the conflict between patent monopoly and the right to health (compulsory licensing), the regionalization of enforcement using the example of the Unified Patent Court, the debate around Standard Essential Patents (SEP), and the adaptation of the system to artificial intelligence technologies. The conclusion is drawn about the profound transformation of the system and the need to find a balance between stimulating innovation and ensuring public interests (access to knowledge and medicines) as the main condition for the further development of the global innovation market.

For citation

Yagunova E.E., Nozdrina N.A. (2026) Mezhdunarodnyy opyt razvitiya instituta zashchity intellektual'nykh prav [International Experience in the Development of the Institution for the Protection of Intellectual Rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 387-396. DOI: 10.34670/AR.2026.45.23.047

Keywords

Intellectual property, international law, Paris Convention, Berne Convention, TRIPS Agreement, World Trade Organization (WTO), World Intellectual Property Organization (WIPO), compulsory licensing, standard essential patents, Unified Patent Court.

References

1. Chen, W., & Wu, Y. (2022). Does intellectual property protection stimulate digital economy development? *Journal of Applied Economics*, 25(1), 723–730. <https://doi.org/10.1080/15140326.2022.2045848>
2. Fei, J., et al. (2022). Supervised gan watermarking for intellectual property protection. In *2022 IEEE International Workshop on Information Forensics and Security (WIFS)* (pp. 1–6). IEEE. <https://doi.org/10.1109/WIFS55834.2022.9975425>
3. Han, Q., Li, C., & Jin, Y. (2025). The impact of intellectual property protection on the development of artificial intelligence in enterprises. *International Review of Financial Analysis*, 105, 104179. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2025.104179>
4. He, X., et al. (2022). Cater: Intellectual property protection on text generation apis via conditional watermarks. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 35, 5431–5445.
5. Huang, X., et al. (2025). Digital finance development, intellectual property protection, and regional innovation. *Finance Research Letters*, 108217. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.108217>

-
6. Li, R., et al. (2025). Intellectual property protection and capital allocation efficiency. *International Review of Economics & Finance*, 102, 104346. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104346>
 7. Li, W., & Yuan, B. (2024). Intellectual property protection and M&A performance. *Finance Research Letters*, 64, 105395. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.105395>
 8. Nguyen, T.P.T., Huang, F., & Tian, X. (2023). Intellectual property protection need as a driver for open innovation: Empirical evidence from Vietnam. *Technovation*, 123, 102714. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2023.102714>
 9. Sun, Y., et al. (2023). Deep intellectual property protection: A survey. *arXiv preprint arXiv:2304.14613*.
 10. Wu, X., & Wu, K. (2025). Intellectual property protection: How bankruptcy courts shape corporate technological innovation and patent quality. *Finance Research Letters*, 79, 107292. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2025.107292>

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.81.25.048

Теоретико-методологические основы межотраслевого регулирования земельного оборота

Емельянов Евгений Александрович

Аспирант,
Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
195277, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 14/1, лит. Б;
e-mail: emeljanov-1999@mail.ru

Аннотация

В современной правовой действительности земельный оборот уже невозможно рассматривать исключительно сквозь призму одной отрасли. В статье этот тезис раскрывается через анализ межотраслевого регулирования как магистрального пути развития российского законодательства о недвижимости. Автор показывает, что сегодня земельный участок утратил значение простого товара или объекта стандартных гражданско-правовых сделок. По своей природе он превратился в сложную, многосоставную конструкцию, которая формируется на пересечении сразу нескольких правовых сфер: здесь взаимодействуют нормы гражданского и земельного права, тесно переплетаются градостроительные и экологические требования, а также властные предписания административного законодательства. Исходя из этого, в работе обосновывается ключевой вывод: устойчивое развитие рынка земли достижимо только при условии осознания его комплексной правовой природы. Недостаточно простого кодифицированного набора правил — требуется выстраивание тонкого и сбалансированного механизма, способного согласовать частные интересы собственников с публично-правовыми началами, на которых держится государственное управление территориями. Опираясь на анализ норм Гражданского, Земельного и Градостроительного кодексов, а также на сложившуюся судебную практику, автор последовательно исследует генезис правового регулирования земельных отношений. Особое внимание уделяется раскрытию межотраслевой природы статуса земельного участка, что позволяет сформулировать характерные признаки современного межотраслевого регулирования в сфере оборота недвижимости.

Для цитирования в научных исследованиях

Емельянов Е.А. Теоретико-методологические основы межотраслевого регулирования земельного оборота // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 397-407. DOI: 10.34670/AR.2026.81.25.048

Ключевые слова

Межотраслевое регулирование, земельный оборот, земельный участок, недвижимость, гражданское право, земельное право, градостроительное право, публичные ограничения, судебная практика.

Введение

За последние три десятилетия российский земельный оборот проделал путь, который трудно назвать иначе чем колоссальным. От эпохи, где частноправовые инструменты практически отсутствовали, мы пришли к сложной системе сделок, публичных процедур и цифровых реестров. Если в начале девяностых главной задачей было хотя бы просто допустить землю в гражданский оборот, то сегодня вызов выглядит иначе. Основная проблема теперь — согласование множества отраслевых регуляторов, каждый из которых претендует на то, чтобы определять юридическую судьбу земельного участка. Сам участок оказался в фокусе пересечения сразу нескольких правовых сфер: гражданской, земельной, градостроительной, административной и экологической. И любая мало-мальски значимая сделка неизбежно задевает нормы каждой из них [Федеральный закон № 101-ФЗ, 2002; Глухова, 2025].

Когда-то землю интуитивно воспринимали как обычный товар, но это представление быстро уступило место пониманию её особой природы. С одной стороны, земельный участок встроен в общую систему объектов гражданских прав со всеми вытекающими последствиями — свободой договора, регистрацией прав и оборотоспособностью недвижимости. С другой — он не перестал быть частью природной среды, пространственным базисом для строительства и ресурсом, охрана которого всегда будет предметом публичного интереса. Именно из этой двойственности и рождается межотраслевой характер регулирования, который уже невозможно описать исключительно на языке классического гражданского или земельного права.

Юридическая литература накопила внушительный массив исследований, посвящённых земельному обороту. Есть работы по общим вопросам, есть по отдельным сегментам — обороту сельскохозяйственных земель, правовому режиму особо охраняемых территорий, конкуренции прав на здание и участок. Но отраслевая оптика, какой бы глубокой она ни была, фиксирует лишь один срез проблемы: гражданско-правовой, земельно-правовой или градостроительный. В реальной же практике участник оборота сталкивается не с разрозненными нормами, а с комплексным набором требований, которые одновременно диктуются разными отраслями. И работать с этим комплексом без внятной теоретической модели межотраслевого регулирования становится всё труднее: множатся риски коллизий, возникают зоны правовой неопределённости и, как следствие, непредсказуемые потери для участников.

Объектом исследования в этой статье выступает система правового регулирования оборота земельных участков в России. Предметом — межотраслевая природа этого регулирования, которая проявляется, во-первых, в особом статусе земельного участка как правовой категории, а во-вторых, в механизмах взаимодействия норм разных отраслей при осуществлении оборота. Цель работы — раскрыть теоретико-методологические основы межотраслевого регулирования и обозначить ключевые элементы той модели, без которой невозможно ни устойчивое развитие земельного рынка, ни снижение уровня правовой неопределённости [Бузаев, 2025].

Чтобы достичь этой цели, нужно решить несколько взаимосвязанных задач. Прежде всего — проследить генезис правового регулирования оборота земельных участков в России и показать, как менялось соотношение частных и публичных начал, а вместе с ним и роль земли в системе объектов гражданских прав. Затем — раскрыть содержание самой категории «земельный участок» как межотраслевой правовой конструкции, которая объединяет в себе признаки объекта недвижимости, природного ресурса и пространственного регулятора. И наконец — обосновать понятие и признаки межотраслевого регулирования в сфере оборота недвижимости, описав при этом типичные коллизии и возможные способы их преодоления.

Материалы и методы

В работе используются как общенаучные методы — анализ и синтез, историко-правовой и сравнительно-правовой подходы, — так и специальные инструменты, выработанные в рамках гражданско-правовой и земельно-правовой доктрины. Отдельное место в исследовании занимает анализ судебной практики: прежде всего решений и определений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Именно в судебных актах сегодня наиболее отчетливо прослеживается реальное межотраслевое взаимодействие: здесь вырабатываются подходы к разрешению коллизий между гражданским и земельным законодательством, а также между ними и нормами градостроительного и экологического права [Гичан, Тебенкова, 2023].

Помимо этого, для иллюстрации выявленных тенденций привлекаются условные статистические данные, позволяющие увидеть динамику нормативной и институциональной «нагрузки» на земельный оборот в период 2020–2025 годов, а также зафиксировать индикаторы усиления межотраслевого характера регулирования. Эти данные, представленные в таблицах 1 и 2, носят иллюстративный характер и не претендуют на роль официальной статистики.

Литературный обзор

В основу работы легли исследования, посвящённые межотраслевым связям в праве, природе комплексных правовых институтов и правовому режиму земельного участка как объекта одновременно гражданских и земельных отношений. Для авторской концепции особое значение имели две линии теоретической мысли. Первая — идеи так называемой «публикации» частного права, то есть проникновения публичных начал в ткань частноправового регулирования. Вторая — представления о постепенном формировании единого правового массива о недвижимости, где земельный участок занимает место центрального, системообразующего элемента.

Дальнейшее изложение построено таким образом, чтобы последовательно раскрыть заявленную тему. Первая часть посвящена генезису правового регулирования земельного оборота: в ней прослеживается, как на разных исторических этапах менялось соотношение гражданско-правовых и публично-правовых начал. Во второй части в центре внимания оказывается статус самого земельного участка — он рассматривается здесь как межотраслевая правовая категория. И наконец, в третьей части формулируются понятие и ключевые признаки межотраслевого регулирования в сфере земельного оборота, что позволяет наметить методологические ориентиры как для будущих исследований, так и для возможных законодательных реформ.

Результаты

История российского земельного права наглядно показывает: отношение к земле как объекту оборота никогда не было нейтральным. Каждый этап развития регулирования отражал господствовавшие в стране экономические и политические установки. Мы видим движение от частной собственности и парцелляции дореволюционного периода через государственную монополию советской эпохи к смешанной модели современной России. Примечательно, что само понятие «земельный оборот» в разные времена наполнялось принципиально разным смыслом: в одни эпохи оно означало свободную куплю-продажу, в другие — строго

контролируемое перераспределение прав пользования [Глухова, 2025; Носач, 2023].

В дореволюционной России земля воспринималась по преимуществу как классический объект частной собственности. Её можно было отчуждать, закладывать, передавать по наследству, включать в состав имущественных комплексов. Разумеется, уже тогда существовали ограничения, связанные с особыми режимами отдельных категорий земель и сословной структурой общества, однако оборот регулировался в основном частноправовыми средствами. Публично-правовые элементы — скажем, требования к наделению крестьян землёй или запреты на отчуждение определённых массивов — были заметны, но ещё не определяли общего характера регулирования.

Революционные потрясения начала XX века полностью изменили точку отсчёта. Советская модель принципиально исключала частную собственность на землю, а вместе с ней — и классический гражданский оборот земельных участков. Земля была объявлена общенародным достоянием и превратилась в объект государственного управления и планового распределения. Основными инструментами её движения стали не сделки, а административные акты: предоставление и изъятие, закрепление прав пользования за колхозами, совхозами, предприятиями и отдельными гражданами. Западное понимание земельного оборота фактически исчезло, уступив место системе перераспределения прав пользования, выстроенной исключительно в рамках публичного права.

Кардинальный поворот произошёл в 1990-е годы. Переход к рыночной экономике потребовал возвращения земли в сферу гражданского оборота, и принятие Конституции РФ, закрепившей частную собственность на землю, стало подлинным водоразделом между эпохами. Земельное законодательство начало реформироваться поэтапно: постепенно расширялся круг субъектов, наделённых правом собственности на землю, вводились институты купли-продажи, аренды, залога и иных сделок. Гражданский кодекс РФ включил земельные участки в число объектов недвижимости, распространив на них общие правила о сделках, регистрации и защите прав.

Однако возврат к частной собственности вовсе не означал отказа от публично-правового контроля. Напротив, земельная реформа сопровождалась активным развитием системы публичных ограничений: появились категории земель, режимы целевого использования, требования к охране и рациональному использованию. В итоге сформировалась сложная гибридная модель, в которой земельный участок одновременно пребывает в двух измерениях: с одной стороны, он включён в гражданский оборот, с другой — остаётся объектом интенсивного публичного регулирования.

Принятый в 2001 году Земельный кодекс РФ закрепил основные принципы земельного законодательства, определил круг объектов и субъектов земельных отношений, однако не снял напряжения между гражданско-правовым и публично-правовым подходами. Кодекс признал земельные участки объектами земельных отношений, установил порядок их предоставления и изъятия, правила разграничения государственной собственности. Но при этом он оставил широкое пространство для регулирования земельных отношений нормами гражданского права — прежде всего в части сделок с участками как с объектами недвижимости [Томилин, 2022].

Дальнейшая эволюция законодательства развивалась по нескольким направлениям. Усиливалась институциональная инфраструктура оборота: был создан единый государственный реестр недвижимости, уточнялись процедуры кадастрового учёта и регистрации прав, упрощались механизмы оборота отдельных категорий участков — достаточно вспомнить так называемую «дачную амнистию». Одновременно ужесточались публичные режимы: росла роль

градостроительного регулирования, множились экологические ограничения, принимались специальные законы об обороте земель сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых территорий [Власенко, 2025].

К началу 2020-х годов сложилась ситуация, при которой земельные отношения оказались одновременно в предметном поле нескольких отраслей права. Земельный участок превратился в типичный объект, о котором «говорят» на разных языках гражданское, земельное, градостроительное, административное, экологическое и даже финансовое право. Правоприменение погрузилось в состояние постоянной конкуренции подходов, и именно эта конкуренция со всей остротой поставила вопрос о необходимости разработки теоретических основ межотраслевого регулирования земельного оборота.

Динамику усложнения нормативной и институциональной среды земельного оборота в 2020–2025 гг. можно условно показать в таблице 1.

Таблица 1 - Динамика нормативной и институциональной «нагрузки» на земельный оборот

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Количество существенных изменений в блоке «земля + недвижимость» (ГК, ЗК, ГрК, спецзаконы).	5 ед.	7 ед.	9 ед.	8 ед.	10 ед.	11 ед.
Доля крупных сделок с земельными участками, в которых одновременно учитываются требования минимум трёх отраслей права.	40 %	46 %	52 %	57 %	61 %	65 %
Доля судебных споров по земле и недвижимости, где суд прямо ссылается на нормы двух и более отраслей права	25 %	29 %	33 %	37 %	41 %	45 %

*Составлено автором на основе обобщения тенденций развития законодательства о земле и недвижимости в 2020–2025 гг.

Таким образом, сегодня отчётливо просматриваются три ключевых этапа. Первый — дореволюционный, с доминированием частноправового подхода и сравнительно узким набором публичных режимов. Второй — советский, ознаменовавшийся фактическим исчезновением гражданского оборота земли и заменой его административным распределением прав пользования. И наконец, третий — постсоветский, в рамках которого формируется гибридная, межотраслевая модель регулирования, сочетающая частноправовые механизмы оборота с постоянно расширяющейся системой публично-правовых ограничений и требований.

Земельный участок как межотраслевая правовая категория. Современное российское право исходит из того, что земельный участок — это одновременно и объект гражданских прав, и элемент природной среды, и пространственная основа для размещения объектов и реализации публичных функций. Такая многослойность статуса делает участок классическим примером межотраслевой категории: его свойства невозможно описать в рамках одной отрасли, они раскрываются лишь через совокупность гражданских, земельных, градостроительных и административно-экологических норм. В литературе справедливо отмечают, что дискуссионность дефиниции земельного участка проистекает именно из того, что каждая отрасль расставляет в ней собственные акценты.

Базовое определение земельного участка как объекта недвижимости задаёт гражданское законодательство. Гражданский кодекс помещает участки в ряд иных видов недвижимости, акцентируя их индивидуализацию через установление границ, учёт в госреестре и неразрывную

связь с поверхностью земли. С этой точки зрения участок — прежде всего объект вещных прав, на который распространяются общие положения о сделках, оборотоспособности и защите прав. Здесь земля предстает частью имущественного оборота, подчинённой принципу свободы договора и единой модели госрегистрации.

Но уже земельное законодательство смещает фокус. Земельный кодекс исходит из того, что земля — не только объект имущественных отношений, но и основа жизни народов, природный ресурс, подлежащий особой охране. Отсюда проистекают категории земель, целевое назначение, виды разрешённого использования. Участок обретает публично-правовой слой: помимо частного титула собственника существует обязательный каркас требований к тому, как этот участок может использоваться и как он встроен в систему земельного фонда страны [Федеральный закон № 101-ФЗ, 2002].

Третий слой формирует градостроительное право, вводящее понятия территориального зонирования, градостроительных регламентов, красных линий. В итоге один и тот же участок может свободно обращаться на рынке, но его реальная ценность и потенциальные возможности зависят от того, в какой территориальной зоне он находится, какие параметры застройки разрешены, какие охранные зоны его пересекают. Права собственника или инвестора определяются теперь не только нормами ГК и ЗК, но и содержанием градостроительных регламентов, которые словно «прибивают» к участку набор допустимых сценариев его развития.

Наконец, существенную роль играют административное и экологическое право. Режимы особо охраняемых территорий, водоохранных зон, земель лесного фонда накладывают на участок дополнительные ограничения, порой сводящие его коммерческую оборотоспособность к минимуму. Здесь проявляется ещё один срез межотраслевого статуса: земля, оставаясь объектом частных прав, одновременно включена в систему охраны окружающей среды и становится объектом интенсивного государственного контроля.

Практические последствия этой слоистости очевидны. Единый объект фиксируется в ЕГРН как индивидуально определённый, но каждый правовой слой привносит собственные ограничения и риски. Собственник участка сельхозназначения в водоохранной зоне подчиняется одновременно нормам гражданского, земельного, водного, экологического и административного права; любое изменение статуса участка запускает цепочку межотраслевых согласований.

В доктрине всё чаще говорят о необходимости рассматривать земельный участок как межотраслевую категорию, узел пересечения регуляторов. Такой подход позволяет по-новому оценивать конфликты в правоприменении: коллизия между гражданской сделкой и земельным режимом — не локальный дефект нормы, а проявление сложной природы объекта. Анализировать и устранять такие противоречия можно лишь интегративным методом, а не простым предпочтением одной отрасли другой.

Земельный участок становится ключевым примером того, как современное право отходит от строго отраслевых конструкций в пользу комплексных. Для землепользователя неважно, к какой отрасли формально относится ограничение; важен совокупный правовой режим конкретного участка. Юридическая наука, следуя за практикой, вынуждена вырабатывать категории, описывающие именно совокупность регуляторов, а не отдельные отраслевые блоки.

Осознание межотраслевой природы участка логично подводит к вопросу: что понимать под межотраслевым регулированием земельного оборота? В общем виде это такая система правового воздействия, при которой сделки с участками и реализация связанных с ними прав

обеспечиваются одновременно нормами нескольких отраслей, взаимодействующих в рамках единого отношения. Ни одна отрасль не может считаться доминирующей: частноправовые и публично-правовые начала должны быть согласованы на уровне принципов и механизмов.

Практическое усиление межотраслевого характера земельного оборота в 2020–2025 гг. иллюстрируют условные показатели таблицы 2.

Таблица 2 - Индикаторы «межотраслевости» земельного оборота

Показатель	2020	2022	2025
Доля сделок с земельными участками, по которым проводилась комплексная правовая экспертиза (гражданская + земельная + градостроительная составляющие).	30 %	45 %	70 %
Доля региональных актов, прямо отсылающих одновременно к нормам ГК, ЗК и ГрК РФ	15 %	28 %	40 %
Доля решений высших судов по земле, где анализируется взаимодействие частных и публичных интересов	20 %	32 %	50 %

*Составлено автором на основе обобщения тенденций развития законодательства о земле и недвижимости в 2020–2025 гг.

Первый признак межотраслевого регулирования — одновременное действие норм разных отраслей в рамках одного фактического состава. Договор купли-продажи участка формально строится на нормах гражданского права, но уже на стадии заключения стороны обязаны учитывать земельные требования — категорию земель, допустимость отчуждения; градостроительные регламенты — разрешённое использование; административные правила — наличие обременений. Одна юридическая операция оказывается погружена в комплекс отраслевых требований.

Второй признак — наличие «ядра» регулирования и обязательной «обвязки» публичных требований. Ядро составляют гражданско-правовые конструкции: договор, вещные права, регистрация. Именно они обеспечивают экономическое обращение земли. Вокруг ядра выстраивается обвязка из публичных элементов: требований к целевому использованию, градостроительных регламентов, природоохранных ограничений. Межотраслевой характер проявляется в том, что ни ядро, ни обвязка не могут быть проигнорированы [Гражданский кодекс РФ (часть вторая), 1996; Ковальчук, 2024].

Третий признак — структурная конкуренция и коллизии норм. Гражданское и земельное законодательство далеко не всегда согласованы. Принцип устойчивости оборота и защиты добросовестного приобретателя может вступать в противоречие с жёсткими публичными запретами. Сделка, действительная по гражданским правилам, может конфликтовать с земельным или градостроительным законодательством. Эти коллизии системны: они вытекают из разной оптики отраслей — защиты оборота, с одной стороны, и охраны общественных интересов — с другой.

Четвёртый признак — решающая роль судебной практики. Поскольку законодатель не всегда успевает согласовывать нормы разных отраслей, именно суды выступают медиаторами между ними. В актах Верховного и Конституционного судов вырабатываются подходы к приоритету норм, критерии добросовестности, механизмы учёта публичных ограничений. Судебная практика становится самостоятельным уровнем межотраслевого регулирования, компенсируя недостатки формального законодательства [Носач, 2023; Томилин, 2022].

Наконец, межотраслевое регулирование характеризуется специфической методологией анализа. Исследователь или практик, сталкиваясь с проблемой, вынужден выходить за пределы

одной отрасли, сопоставлять цели и принципы разных отраслей, искать баланс. Нельзя ограничиться проверкой сделки по ГК — необходимо оценить, не нарушает ли она режим земель сельхозназначения, не противоречит ли градостроительным регламентам, не создаёт ли экологических рисков. Все эти признаки позволяют говорить о том, что межотраслевое регулирование земельного оборота — не просто сосуществование норм, а качественно иная модель правового воздействия, в которую встроены механизмы согласования, преодоления коллизий и учёта разнонаправленных интересов [Глухова, 2025].

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет взглянуть на межотраслевой характер земельного оборота не как на побочный продукт законодательного развития, а как на отражение объективной сложности, заложенной в самом правовом режиме земли. Генезис регулирования, многослойный статус земельного участка и выявленные признаки межотраслевого подхода со всей очевидностью показывают: конфликты между гражданско-правовыми конструкциями и публичными ограничениями коренятся в природе самого объекта, а не сводятся к техническим изыскам отдельных норм.

С практической точки зрения из этого следует важный вывод. Для участников оборота на первый план выходит не знание какой-то одной отрасли, а умение работать с совокупным правовым режимом конкретного участка — тем комплексом требований, который складывается на пересечении разных отраслей. Для науки и законодателя отсюда вытекает не менее важная задача: необходимость разрабатывать интегративные модели регулирования и выстраивать механизмы координации между различными отраслевыми блоками.

Приведённые в таблицах 1 и 2 условные количественные индикаторы служат дополнительным подтверждением того, что тенденция к нарастанию межотраслевой «нагрузки» на земельный оборот не случайна. Эти данные усиливают аргументацию в пользу системного межотраслевого подхода и подкрепляют вывод о том, что прежние, сугубо отраслевые модели анализа и регулирования постепенно утрачивают свою объяснительную и практическую силу.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что земельный оборот в современной России развивается в условиях устойчиво межотраслевого характера правового регулирования. Генезис законодательства свидетельствует о переходе от административно-распределительной модели к гибридной конструкции, в которой гражданско-правовой оборот земли предполагает насыщенную систему публичных ограничений. Земельный участок выступает сложной межотраслевой категорией, соединяющей свойства вещи, природного ресурса и элемента пространственного планирования. Выявленные особенности подтверждают: оборот земли невозможно адекватно описать в рамках одной отрасли. Гражданское право задает общие правила, но именно земельное, градостроительное и экологическое право наполняют участок конкретным содержанием, определяя сценарии его использования. Любой значимый земельный проект оказывается погружен в межотраслевую среду. Предложенное понимание межотраслевого регулирования и его признаки позволяют по-новому оценить природу коллизий в правоприменении. Конфликт между гражданско-правовыми принципами и публичными ограничениями — не дефект регулирования, а проявление системного межотраслевого

характера оборота. Осознание этой специфики задает методологические ориентиры для исследований и реформ. Анализ земельного оборота должен изначально строиться как межотраслевой. Законодательная деятельность требует координации между разными блоками законодательства. Развитие единой информационной среды (кадастр, реестры ограничений) — часть межотраслевого регулирования, а не техническая задача. В перспективе межотраслевой подход способен привести к формированию целостного правового массива о недвижимости, где земельный участок — центральный элемент, а нормы разных отраслей — согласованные компоненты единой системы. Такая модель снизит правовую неопределенность и создаст устойчивые условия для инвестиций и пространственного развития.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 26.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
4. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 26.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018.
5. Бузаев П. В. Методология выявления и устранения межотраслевых терминологических коллизий в системе источников современного российского права // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15. – № 10А. – С. 28.
6. Власенко В. А. Методология формирования стратегии инновационного развития крупных предприятий инвестиционно-строительной сферы : дис. – Москва : 5.2. 3/Власенко Вячеслав Александрович, 2025.
7. Глухова Е. В. Предпринимательская деятельность как объект административно-правового воздействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2025. – № 3 (73). – С. 21-27.
8. Гичан Д. В., Тебенькова Д. Н. Заращение земель сельскохозяйственного назначения древесной растительностью: масштабы, причины, пути использования. Обзор // Вопросы лесной науки. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 24-75.
9. Ковальчук Н. И. Комплексное правовое регулирование земель сельскохозяйственного назначения // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 227-229.
10. Кузнецова О. А. Межотраслевой метод цивилистического познания // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2022. – № 4. – С. 206.
11. Мананкова Р. П., Пашкова Г. Г. Современные представления о легальных межотраслевых понятиях субъектов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2024. – № 54. – С. 149-165.
12. Носач С. С. Недвижимое имущество как объект гражданско-правового регулирования: теоретико-методологические аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 283-286.
13. Томилин К. В. Развитие земельных отношений в сельском хозяйстве региона (на материалах Кемеровской области–Кузбасса) : дис. – Москва, 2022, 2022.

Theoretical and Methodological Foundations of Intersectoral Regulation of Land Turnover

Evgenii A. Emel'yanov

Postgraduate Student,
University associated with
the Interparliamentary Assembly of EurAsEC,
195277, 14/1, Bldg. B, Smolyachkova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: emeljanov-1999@mail.ru

Abstract

In contemporary legal reality, land turnover can no longer be viewed exclusively through the prism of a single branch of law. In the article, this thesis is revealed through the analysis of intersectoral regulation as the main path for the development of Russian legislation on real estate. The author shows that today a land plot has lost its significance as a simple commodity or an object of standard civil law transactions. By its nature, it has transformed into a complex, multi-component construct formed at the intersection of several legal spheres: here, the norms of civil and land law interact, urban planning and environmental requirements are closely intertwined, as well as the authoritative prescriptions of administrative legislation. Based on this, the study substantiates the key conclusion: sustainable development of the land market is achievable only under the condition of understanding its complex legal nature. A simple codified set of rules is not enough — it requires building a subtle and balanced mechanism capable of harmonizing the private interests of owners with the public-law principles on which state territorial administration rests. Relying on the analysis of the norms of the Civil, Land, and Urban Planning Codes, as well as on established judicial practice, the author consistently examines the genesis of the legal regulation of land relations. Special attention is paid to revealing the intersectoral nature of the status of a land plot, which allows for the formulation of characteristic features of modern intersectoral regulation in the sphere of real estate turnover.

For citation

Emel'yanov E.A. (2026) *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy mezhotraslevogo regulirovaniya zemelnogo oborota* [Theoretical and Methodological Foundations of Intersectoral Regulation of Land Turnover]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 397-407. DOI: 10.34670/AR.2026.81.25.048

Keywords

Intersectoral regulation, land turnover, land plot, real estate, civil law, land law, urban planning law, public restrictions, judicial practice.

Referents

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of 30 November 1994 (as amended on 26 November 2023) // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of 26 January 1996 (as amended on 26 November 2023) // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 1996. No. 5. Art. 410.
3. Land Code of the Russian Federation: Federal Law No. 136-FZ of 25 October 2001 (as amended on 26 November 2023) // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2001. No. 44. Art. 4147.
4. On the Turnover of Agricultural Land: Federal Law No. 101-FZ of 24 July 2002 (as amended on 26 November 2023) // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2002. No. 30. Art. 3018.
5. Buzaev P. V. *Metodologiya vyyavleniya i ustraneniya mezhotraslevykh terminologicheskikh kolliziy v sisteme istochnikov sovremennogo rossiyskogo prava* [Methodology for Identifying and Eliminating Cross-Sector Terminological Conflicts in the System of Sources of Modern Russian Law] // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2025. Vol. 15. No. 10A. P. 28.
6. Vlasenko V. A. *Metodologiya formirovaniya strategii innovatsionnogo razvitiya krupnykh predpriyatiy investitsionno-stroitel'noy sfery* [Methodology for Developing an Innovation Development Strategy for Large Enterprises in the Investment and Construction Sector]: Dissertation. Moscow, 2025.
7. Glukhova E. V. *Predprinimatel'skaya deyatel'nost' kak obyekт administrativno-pravovogo vozdeystviya* [Entrepreneurial Activity as an Object of Administrative and Legal Impact] // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2025. No. 3 (73). Pp. 21–27.
8. Gichan D. V., Tebenkova D. N. *Zarastanie zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya drevesnoy rastitel'nost'yu*:

- masshtaby, prichiny, puti ispol'zovaniya. Obzor [Overgrowing of Agricultural Land with Woody Vegetation: Scale, Causes, and Ways of Use. A Review] // Voprosy lesnoy nauki. 2023. Vol. 6. No. 3. Pp. 24–75.
9. Kovalchuk N. I. Kompleksnoe pravovoe regulirovanie zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya [Comprehensive Legal Regulation of Agricultural Land] // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. No. 3 (231). Pp. 227–229.
10. Kuznetsova O. A. Mezhotraslevoy metod tsivilisticheskogo poznaniya [Cross-Sector Method of Civil Law Cognition] // Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy. 2022. No. 4. P. 206..
11. Manankova R. P., Pashkova G. G. Sovremennye predstavleniya o legal'nykh mezhotraslevykh ponyatiyakh sub"ektov [Modern Views on Legal Cross-Sector Concepts of Subjects] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2024. No. 54. Pp. 149–165.
12. Nosach S. S. Nedvizhimoe imushchestvo kak obyekt grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Immovable Property as an Object of Civil Law Regulation: Theoretical and Methodological Aspects] // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. No. 10 (226). Pp. 283–286.
13. Tomilin K. V. Razvitie zemel'nykh otnosheniy v sel'skom khozyaystve regiona (na materialakh Kemerovskoy oblasti–Kuzbassa) [Development of Land Relations in the Agriculture of a Region (Based on the Materials of Kemerovo Region–Kuzbass)]: Dissertation. Moscow, 2022.

УДК 343.14:004**DOI: 10.34670/AR.2026.89.85.049****Проблемы признания допустимости и достоверности
доказательств в условиях цифровизации****Гонтарь Сергей Николаевич**

Кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355000, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а;
e-mail: gonsernik@gmail.com

Настуев Алан Салихович

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355000, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а;
e-mail: nastuevvva123@gmail.com

Саиян Борис Арменович

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355000, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а;
e-mail: estoesai@mail.ru

Данилова Елизавета Витальевна

Студент,
Северо-Кавказский федеральный университет,
355000, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Пушкина, 1а;
e-mail: miss.liza230704@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации, выявлению правовых и технологических проблем, связанных с обработкой цифровых доказательств, таких как данные из облачных сервисов, социальных сетей и видеозаписи. Авторы показывают, что цифровизация оказывает существенное влияние на сбор, хранение и использование доказательств, что требует внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство для обеспечения соблюдения прав граждан и эффективности расследования. Обоснована необходимость скорейшего урегулирования проблем цифровизации, чтобы обеспечить доверие граждан к цифровому судопроизводству и гарантировать допустимость цифровых доказательств. Предложенные меры обеспечивают баланс между потребностями следствия и правами граждан, создавая надежный правовой режим для работы с цифровыми доказательствами.

Для цитирования в научных исследованиях

Гонтарь С.Н., Настуев А.С., Саиян Б.А., Данилова Е.В. Проблемы признания допустимости и достоверности доказательств в условиях цифровизации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 408-417. DOI: 10.34670/AR.2026.89.85.049

Ключевые слова

Цифровизация уголовного судопроизводства, электронные доказательства, облачные сервисы, персональные данные, видео-конференц-связь, допустимость доказательств.

Введение

Цифровая трансформация в публичных отраслях права стала одним из ключевых факторов модернизации государственной деятельности. В связи с этим цифровизация уголовного судопроизводства неизбежна, что подтверждает и ряд исследователей, которые говорят о необходимости создания системы цифрового уголовного судопроизводства [Лебедев, Джафарли, 2025, с. 15]. Внедрение информационно-коммуникационных технологий изменяет способы сбора, документирования, проверки и исследования доказательств, а также само организационно-процессуальное выполнение следственных и судебных действий. В Российской Федерации цифровизация уголовного процесса реализуется в виде постепенной интеграции электронного документооборота, использования электронных доказательств, внедрения средств удаленного участия, разработки нормативных механизмов, обеспечивающих правовой режим электронных материалов, доступ к судебной информации и др. На нормативном уровне процесс направлен на совершенствование процессуальных действий, что отражается закреплении соответствующих норм в уголовно-процессуальном законодательстве.

Правовое определение «цифровизации» в уголовном процессе сегодня отсутствует, а его разработка сталкивается с рядом методологических и практических проблем в связи с тем, что цифровизация является технологическим и правовым феноменом. С технологической стороны цифровизация – это внедрение информационных технологий, с правовой – изменение правового режима. В своей повседневной деятельности правоохранительные и судебные органы власти используют информационные технологии, которые согласно ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, представляют процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [Федеральный закон № 149-ФЗ, 2006]. Таким образом, процесс цифровизации состоит из комплекса правовых и технических преобразований, направленных на перевод процессуальных действий, документов, доказательственной деятельности в электронную (цифровую) форму с использованием информационно-коммуникационных технологий при обеспечении процессуальных гарантий сторон и требований к защите информации.

Основная часть

Одной из наиболее сложных сфер цифровизации является обращение с данными, хранящимися в облачных сервисах. Облачные хранилища обладают рядом особенностей. Во-

первых, отсутствует материально выраженный «оригинал» информации: данные существуют как совокупность синхронизированных технических копий в распределённой инфраструктуре. Следовательно не может изъять подлинник в традиционном смысле, что усложняет фиксацию доказательств. Во-вторых, данные в облачных сервисах динамичны: автоматические обновления, резервное копирование, синхронизация устройств и алгоритмы оптимизации могут менять содержание файлов без участия человека, что влияет на критерий достоверности. В-третьих, доказательственное значение таких данных напрямую зависит от технических журналов (логов), содержащих информацию о времени доступа, идентификаторах устройств, сеансах и действиях пользователей. В-четвёртых, облачные хранилища часто имеют трансграничный характер, что вызывает необходимость международного взаимодействия и соблюдения законодательства других государств. В-пятых, существует риск удалённого изменения или уничтожения данных пользователем или иным лицом, что повышает вероятность фальсификации цифровых следов. В-шестых, работа с облаками неизбежно связана с обработкой персональных данных, что требует соблюдения гарантий, закреплённых в ст. 23 Конституции РФ [Конституция Российской Федерации, 1993/2020], а также соблюдения требований ст. ст. 164, 164.1 и 183 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001/2025]. При этом действующее УПК РФ не содержит специальных норм, минимизирующих вмешательство в частную жизнь при доступе к распределённым облачным ресурсам, что создаёт риски несоразмерности вмешательства и угрозу недопустимости доказательств.

Практика подтверждает значимость строгого соблюдения процессуальных требований. Примером служит признание недопустимым доказательства — протокола осмотра облачного хранилища «Мега», составленного с нарушением ст. 66 и 170 УПК РФ, без участия понятых и с признаками фальсификации, при том что само хранилище не было осмотрено в судебном заседании [Кассационное определение Верховного Суда РФ № 2-17/2021, 2023].

В этой связи важно определить порядок правильного составления протокола осмотра облачных данных, предусматривающий обязательное указание технических условий доступа, сведений об используемых средствах фиксации, источников получения данных, временных меток, логов, а также описание последовательности действий следователя. Особое значение имеет участие специалиста, способного обеспечить корректность технических операций и фиксацию метаданных.

Следующей значимой проблемой является признание допустимости и достоверности доказательств, полученных из социальных сетей. Публикации, комментарии, переписка, аудио- и видеоматериалы могут содержать сведения о мотивах, действиях или намерениях участников преступления, однако их использование требует соблюдения процессуальных требований [Гонтарь, О цифровизации..., 2022]. Данные из социальных сетей не названы в УПК РФ как самостоятельный вид доказательств, однако могут выступать «иными документами», если отвечают критериям воспроизводимости, проверки и относимости. Пункт 22 Постановления Пленума ВС РФ № 57 от 26 декабря 2017 г. подтверждает возможность осмотра интернет-страниц, что позволяет использовать распечатки и скриншоты при условии правильной фиксации URL-адреса, времени и источника [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 57, 2017].

Использование данных соцсетей требует законного происхождения доказательств (ст. 75 УПК РФ), подтверждения подлинности и целостности, а также фиксации всех значимых метаданных. Постановление Пленума ВС РФ № 37 от 15 декабря 2022 г. определяет

копирование компьютерной информации как перенос данных на иной носитель или воспроизведение в материальной форме и подчёркивает необходимость соблюдения процедурных гарантий. Важную роль играют технические методы проверки неизменности данных, включая применение электронных подписей, криптографических хеш-сумм и нотариального удостоверения электронных копий. Особое значение имеют компьютерно-техническая и лингвистическая экспертизы, которые позволяют установить авторство, время публикации, происхождение данных, а также оценить стилевые особенности текстов [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37, 2022].

При этом доступ к личной переписке требует судебного разрешения, в соответствии со ст. 23 Конституции РФ и ст. 13 УПК РФ. Однако Конституционный Суд РФ в Определении от 24 июня 2021 г. № 1364-О указал, что осмотр и экспертиза данных, хранящихся в изъятых устройствах, не требуют отдельного судебного решения, что усложняет баланс интересов следствия и защиты [Определение Конституционного Суда РФ № 1364-О, 2021].

Отдельное направление цифровизации — использование видео-конференц-связи (ВКС) при производстве следственных действий. ВКС является элементом цифровизации, поскольку обеспечивает удалённый доступ, фиксацию действий и передачу данных по защищённым каналам. Однако правовое регулирование в этой сфере пока недостаточно развито. В УПК РФ закреплена ст. 189.1, которая закрепляет, что допрос, очную ставку и опознание можно проводить посредством ВКС. Однако, отсутствуют требования к цифровым платформам, через которые указанные следственные действия можно осуществить [Гонтарь, Отдельные вопросы..., 2023]. Так неясно, допустим ли видеозвонок для проведения допроса, очной ставки и опознания через WhatsApp, MAX или аналогичные мессенджеры. Поскольку наличие такой неясности ставит под угрозу тайну следствия и безопасность данных, то требуется регламентировать перечень цифровых платформ, а также технических средств, которые могут быть использованы при проведении отдельных следственных действий посредством ВКС.

Следует отметить, что технические проблемы (низкая скорость передачи данных, зависание видеосигнала), которые могут возникнуть в результате использования ВКС, способны негативно влиять на качество опознания, допроса или очной ставки и ставить под сомнение допустимость полученных доказательств.

Особенно проблематичным является опознание трупа посредством ВКС. Ст. 189.1 УПК РФ прямо не запрещает такую процедуру, но в условиях, когда труп обезображен и идентификация возможна только по деталям внешности, видеосвязь объективно недостаточна. В таких случаях необходимо личное присутствие опознающего.

Также остаётся открытым вопрос о возможности повторного опознания, если оно было прервано по техническим причинам. При этом ч. 3 ст. 193 УПК РФ запрещает повторное опознание по тем же признакам, что создаёт дополнительную правовую неопределённость.

Особую сложность при работе с цифровыми доказательствами представляет обработка персональных данных, неизбежно возникающая при доступе к информации, размещённой в облачных сервисах, социальных сетях и при использовании видео-конференц-связи. Согласно ст. 23 Конституции РФ, каждому гарантируется право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Эти конституционные гарантии конкретизированы в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее - № 152-ФЗ), который определяет принципы обработки персональных данных, включая законность, минимизацию и недопустимость объединения баз данных, несовместимых по целям обработки

(ст. 5 № 152-ФЗ) [Федеральный закон № 152-ФЗ, 2006].

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство пока не содержит специальных механизмов, обеспечивающих соблюдение требований законодательства о персональных данных при работе с цифровыми массивами сведений. Так, ст. 164, 164.1 и 183 УПК РФ устанавливают общий порядок выемки, осмотра и копирования электронных данных, но не предусматривают ограничений, направленных на минимизацию вмешательства в частную жизнь при доступе к облачным ресурсам, содержащим большой объём данных, относящихся к частной сфере пользователя. В результате следователь, получая доступ к облачному аккаунту, фактически получает возможность ознакомления с массивами данных, не имеющими отношения к предмету расследования, что противоречит принципу минимизации обработки персональных данных, установленному ст. 5 Закона № 152-ФЗ.

Дополнительную правовую неопределённость создаёт трансграничный характер хранения облачных данных. Нередко персональные данные российских граждан размещаются на серверах иностранных провайдеров, что требует соблюдения требований не только российского законодательства, включая ст. 12 Закона № 152-ФЗ о трансграничной передаче персональных данных, но и законодательства других государств. В отсутствие специальных процедур, предусмотренных УПК РФ, возникает риск признания добытых доказательств недопустимыми по основанию нарушения порядка получения сведений (ст. 75 УПК РФ).

Проблема персональных данных проявляется также при использовании видео-конференц-связи в ходе следственных действий. ВКС предполагает передачу изображения, голоса, поведенческих реакций и иных биометрических идентификаторов, прямо относящихся к специальным категориям персональных данных или к биометрическим персональным данным (ст. 10 и ст. 11 № 152-ФЗ). При этом УПК РФ пока не устанавливает ни требований к уровню защиты используемых цифровых платформ, ни ограничений на применение мессенджеров и иных сервисов, которые не обеспечивают достаточный уровень криптографической защиты и могут быть уязвимы для перехвата или несанкционированного доступа. Отсутствие нормативного перечня допустимых технических средств создаёт угрозу нарушения тайны следствия и прав участников процесса.

Использование информации из социальных сетей и мессенджеров также сопряжено с рисками нарушения режима обработки персональных данных. Социальные сети содержат личную переписку, данные о круге общения, биографические сведения, фото- и видеоматериалы, которые подпадают под правовой режим персональных данных и нередко под специальную категорию данных (биометрические сведения). Доступ к таким данным должен осуществляться только при наличии судебного решения (ст. 23 Конституции РФ, ст. 13 УПК РФ).

Однако процессуальные нормы не устанавливают специальных требований к фиксации метаданных, сохранению целостности цифровых следов и ограничению объёма запрашиваемой информации, вследствие чего существует риск получения избыточных данных, не относящихся к предмету расследования [Гонтарь, Третьяк, 2023].

Обобщая выявленные проблемы цифровизации, можно предложить комплекс мер по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования, в частности.

- Следует дополнить ст. 164.1 УПК РФ нормой о создании криптографически удостоверенной зеркальной копии облачных данных с фиксацией хеш-сумм, метаданных и состояния объекта. Важно понимать, что такая копия отличается от обычного копирования: она фиксирует не только пользовательские файлы, но и скрытые

- системные данные, подтверждая неизменность содержимого. Кроме того, необходимо установить обязанность провайдера блокировать доступ пользователя к облачному сегменту и сохранять данные в неизменном виде до завершения следственных действий;
- Необходимо нормативно закрепить перечень допустимых технических устройств и определить возможность или запрет использования личных гаджетов следователя или участников процесса при проведении допроса, очной ставки и опознания посредством ВКС;
 - Следует дополнить ст. 189.1 УПК РФ нормой о том, что опознание трупа по ВКС допускается только в исключительных случаях — не терпящих отлагательства, при наличии реальной угрозы утраты доказательств;
 - Требуется законодательно урегулировать вопрос о возможности повторного опознания, прерванного по техническим причинам, что обеспечит единообразие следственной практики;
 - Целесообразно дополнить ст. 164.1 УПК РФ положением, устанавливающим, что при доступе к облачному хранилищу следователь вправе получать только данные, прямо указанные в постановлении о производстве следственного действия, а провайдер облачного сервиса обязан предоставить сведения в форме, исключающей ознакомление с избыточной информацией. Дополнительно следует закрепить обязанность провайдера сформировать криптографически удостоверенную зеркальную копию (клонированный образ) конкретного сегмента данных с фиксацией хеш-сумм и метаданных, что соответствует требованиям ст. 19 Закона № 152-ФЗ о защите персональных данных от неправомерного доступа;
 - Предлагается дополнить ст. 183 УПК РФ нормой, предусматривающей обязательное судебное разрешение на изъятие массивов данных, содержащих персональные данные в объеме, превышающем минимально необходимый. Судебное решение должно содержать указание на конкретные категории данных, к которым открывается доступ, и установление запрета на обработку иных сведений;
 - С целью защиты прав граждан при проведении следственных действий посредством ВКС следует внести изменения в ст. 189.1 УПК РФ, установив допустимый перечень сертифицированных государством платформ, обеспечивающих защиту биометрических персональных данных с использованием технологий сквозного шифрования (E2EE). Следует прямо запретить использование мессенджеров и иных сервисов, не прошедших государственную сертификацию, что соответствует требованиям ст. 19 Закона № 152-ФЗ о принятии оператором необходимых мер защиты персональных данных;
 - В ст. 186.1 УПК РФ необходимо закрепить правило минимизации доступа при истребовании персональных данных из социальных сетей: следователь имеет право получать переписку, сообщения и иные сведения только в пределах, непосредственно относящихся к предмету расследования, а платформа обязана предоставить такие сведения в форме, исключающей получение избыточной информации.

Заключение

Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства в современных условиях выступает не просто направлением технологического развития, но фундаментальным изменением самой природы уголовно-процессуальной деятельности. Она преобразует способы

фиксации, хранения и оценки доказательств расширяет инструменты взаимодействия участников процесса и формирует новые стандарты обеспечения прав граждан. Вместе с тем стремительное внедрение цифровых технологий обнажает ряд правовых противоречий, связанных прежде всего с обращением с облачными данными, информацией из социальных сетей и биометрическими сведениями, обрабатываемыми в рамках видео-конференц-связи. Эти сферы характеризуются повышенным риском вмешательства в личную жизнь, трансграничностью данных, возможностью их удалённого изменения, сложностью подтверждения подлинности и высокой зависимостью от технических условий. Анализ показал, что действующее уголовно-процессуальное законодательство пока не формирует целостного механизма обращения с цифровыми доказательствами, способного одновременно учитывать как интересы эффективного расследования, так и требования законодательства о персональных данных. Отсутствуют нормы, минимизирующие вмешательство в частную жизнь при работе с облачными массивами; не разработаны стандарты фиксации метаданных и проверки целостности информации из социальных сетей; не определены требования к цифровым платформам, используемым для ВКС, что порождает неоднородность практики. Предложенные меры — закрепление обязательного создания криптографически удостоверенных копий облачных данных, введение судебного контроля за доступом к значительным массивам персональной информации, установление перечня сертифицированных платформ для ВКС, формирование правил минимизации доступа к данным из социальных сетей — позволяют сформировать системный, согласованный и технологически адекватный режим работы с цифровыми доказательствами. Их реализация создаёт условия для повышения уровня защищённости персональных данных, укрепления доверия к цифровым процедурам и обеспечения допустимости полученных доказательств. Таким образом, цифровизация уголовного судопроизводства представляет собой неизбежный и объективно необходимый процесс, эффективность которого зависит от способности законодателя своевременно адаптировать процессуальные механизмы к новым технологическим реалиям. Полагаем, что внедрение предложенных изменений позволит добиться баланса между интересами государства в противодействии преступности и конституционными гарантиями прав личности.

Библиография

1. Гонтарь, С. Н. (2022). О цифровизации уголовного судопроизводства. В *Личность, общество, государство в условиях цифровизации: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции* (с. 230-233). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.
2. Гонтарь, С. Н. (2023). Отдельные вопросы проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи. В *Теория и практика расследования преступлений: Материалы XI Международной научно-практической конференции* (с. 357-358). Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
3. Гонтарь, С. Н., & Третьяк, М. И. (2023). Проблемы правовой регламентации и практики реализации норм УПК РФ об охране прав личности в уголовном судопроизводстве. *Гуманитарные и юридические исследования*, 10(3), 453-458.
4. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2023 г. по делу № 2-17/2021. (2023). URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/1APFMYRVmPVj/>.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). (1993/2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
6. Лебедев, С. Я., & Джафарли, В. Ф. (2025). *Цифровое уголовное право*. Москва: Блок-Принт.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 № 1364-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». (2021). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=674396>.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». (2022). URL: .
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». (2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/ .
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). (2001/2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ .
11. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. (2006). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ .
12. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. (2006). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ .

Problems of Recognizing the Admissibility and Reliability of Evidence in the Context of Digitalization

Sergei N. Gontar'

PhD in Law, Associate Professor,
North Caucasus Federal University,
355000, 1a, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: gonsernik@gmail.com

Alan S. Nastuev

Student,
North Caucasus Federal University,
355000, 1a, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: nastuevvva123@gmail.com

Boris A. Saiyan

Student,
North Caucasus Federal University,
355000, 1a, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: estoesai@mail.ru

Elizaveta V. Danilova

Student,
North Caucasus Federal University,
355000, 1a, Pushkina str., Stavropol, Russian Federation;
e-mail: miss.liza230704@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the digitalization process of criminal proceedings in the Russian Federation, identifying legal and technological problems associated with the handling of

digital evidence, such as data from cloud services, social networks, and video recordings. The authors show that digitalization has a significant impact on the collection, storage, and use of evidence, which requires amendments to criminal procedure legislation to ensure the protection of citizens' rights and the effectiveness of investigations. The necessity of promptly resolving digitalization problems is substantiated to ensure public trust in digital legal proceedings and guarantee the admissibility of digital evidence. The proposed measures ensure a balance between the needs of the investigation and the rights of citizens, creating a reliable legal regime for working with digital evidence.

For citation

Gontar' S.N., Nastuev A.S., Saiyan B.A., Danilova E.V. (2026) Problemy priznaniya dopustimosti i dostovernosti dokazatel'stv v usloviyakh tsifrovizatsii [Problems of Recognizing the Admissibility and Reliability of Evidence in the Context of Digitalization]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 408-417. DOI: 10.34670/AR.2026.89.85.049

Keywords

Digitalization of criminal proceedings, electronic evidence, cloud services, personal data, video conferencing, admissibility of evidence.

References

1. Federalnyy zakon "O personalnykh dannykh" ot 27.07.2006 № 152-FZ [Federal Law "On Personal Data" No. 152-FZ of July 27, 2006]. (2006). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
2. Federalnyy zakon "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" ot 27.07.2006 № 149-FZ [Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" No. 149-FZ of July 27, 2006]. (2006). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
3. Gontar', S. N. (2022). O tsifrovizatsii ugovnogo sudoproizvodstva [On digitalization of criminal proceedings]. In *Lichnost, obshchestvo, gosudarstvo v usloviyakh tsifrovizatsii: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 230-233). Stavropol: Severo-Kavkazskiy federalnyy universitet.
4. Gontar', S. N. (2023). Otdelnyye voprosy provedeniya doprosa s ispolzovaniyem sistem video-konferents-svyazi [Selected issues of interrogation using video conferencing systems]. In *Teoriya i praktika rassledovaniya prestupleniy: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 357-358). Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii.
5. Gontar', S. N., & Tretyak, M. I. (2023). Problemy pravovoy reglamentatsii i praktiki realizatsii norm UPK RF ob okhrane prav lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve [Problems of legal regulation and practice of implementing the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the protection of individual rights in criminal proceedings]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 10(3), 453-458.
6. Kasatsionnoye opredeleniye Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 maya 2023 g. po delu № 2-17/2021 [Cassation Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of May 15, 2023 in case No. 2-17/2021]. (2023). Retrieved from <https://sudact.ru/vsrf/doc/1APFMYRVmPVj/>
7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)]. (1993/2020). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
8. Lebedev, S. Ya., & Dzhaferli, V. F. (2025). *Tsifrovoye ugovnoye pravo* [Digital Criminal Law]. Moscow: Blok-Print.
9. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.06.2021 № 1364-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Fomina Yevgeniya Petrovicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav statyami 93, 176, 177 i chastyu vtoroy stati 184 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1364-O of June 24, 2021 "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgeny Petrovich Fomin about the violation of his constitutional rights by Articles 93, 176, 177 and part two of Article 184 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. (2021). Retrieved from <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=674396>

10. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 37 "O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po ugovnym delam o prestupleniyakh v sfere kompyuternoy informatsii, a takzhe inyykh prestupleniyakh, sovershennykh s ispolzovaniyem elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setey, vklyuchaya set 'Internet'" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of December 15, 2022 "On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet"]. (2022). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/
11. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.12.2017 № 57 "O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatelstva, reguliruyushchego ispolzovaniye dokumentov v elektronnom vide v deyatelnosti sudov obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnykh sudov" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 57 of December 26, 2017 "On some issues of applying legislation regulating the use of electronic documents in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts"]. (2017). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/
12. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 27.10.2025) [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on October 27, 2025)]. (2001/2025). Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

УДК 343.9**DOI: 10.34670/AR.2026.88.23.050****Характеристика угроз, посягающих на криминологическую
безопасность цифровой образовательной среды****Сидорова Екатерина Закариевна**

Кандидат юридических наук, доцент,
Восточно-Сибирский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
664074, Российская Федерация, Иркутск, ул. Лермонтова, 110;
e-mail: ketrik6@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается цифровая образовательная среда как самостоятельный объект криминологической безопасности современного общества. Автор выявляет и систематизирует комплекс современных угроз криминального и криминогенного характера, посягающих на цифровую образовательную среду на технологическом, информационно-психологическом и ценностно-смысловом уровнях. В заключении обосновывается необходимость перехода от фрагментарных технических решений к разработке целостной концептуальной модели криминологической безопасности образовательной среды, в том числе цифровой, которая должна включать нормативно-правовой, организационно-технический, педагогический и ценностно-ориентационный компоненты.

Для цитирования в научных исследованиях

СидОрова Е.З. Характеристика угроз, посягающих на криминологическую безопасность цифровой образовательной среды // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 418-423. DOI: 10.34670/AR.2026.88.23.050

Ключевые слова

Криминологическая безопасность образования, криминальные угрозы, образовательный суверенитет, национальная безопасность, цифровизация образования.

Введение

Цифровая трансформация образования, ускоренная глобальными вызовами последних лет, привела к формированию гибридной цифровой образовательной среды. Цифровая образовательная среда представляет собой результат объединения традиционных и дистанционных образовательных отношений, возникших в связи с развитием и доступностью различных технологических платформ, сервисов и цифровых данных. Став неотъемлемым элементом отечественной системы образования, цифровая образовательная среда превратилась не только в инструмент дидактики, но и в стратегически значимый объект, требующий комплексной криминологической защиты от криминальных угроз. Под криминологической безопасностью цифровой образовательной среды можно понимать состояние защищенности объектов, субъектов образовательной среды и образовательных отношений, возникающих между участниками данных отношений в цифровом пространстве, от преступных и иных противоправных посягательств, гарантирующее сохранение национальных образовательных и воспитательных приоритетов, ценностей и интересов.

Исходя из предложенного определения можно заключить, что цифровая образовательная среда должна рассматриваться как объект криминологической безопасности системы образования.

Основная часть

Цифровая образовательная среда является сложным системным элементом сферы образования, включающим:

- 1) технико-технологическую инфраструктуру (серверы, сети, платформы, устройства);
- 2) информационно-образовательный контент;
- 3) субъектов образовательных отношений (обучающихся, педагогов, администрацию образовательных организаций, родителей несовершеннолетних обучающихся и других);
- 4) цифровые персональные данные и иную информацию об участниках образовательных отношений.

Именно эта комплексность делает ее уязвимой для разнообразных криминальных проявлений. Киберугрозы носят не только прямой преступный характер (например, взлом цифровых хранилищ персональных данных о несовершеннолетних обучающихся; хищение информации о работе образовательной организации), но и опосредованный криминогенный характер, создавая условия для девиантного поведения и формирования антиобщественных установок (например, кибербуллинг одного из учащихся в той или иной социальной сети, что может в дальнейшем спровоцировать совершение таким учащимся акта скулшутинга). Таким образом, цифровая образовательная среда выступает одновременно как объект криминологической защиты и как среда, способная породить новые формы противоправной деятельности в сфере образования.

Поскольку криминальные угрозы, посягающие на криминологическую безопасность цифровой образовательной среды, носят системный и многоуровневый характер, одновременно воздействуя на ее различные компоненты, можно выделить многоуровневую систему таких угроз:

1. Технологический уровень угроз криминологической безопасности цифровой образовательной среды. На этом уровне проявляются традиционные, но от этого не менее

опасные киберугрозы:

– атаки на доступность образования, например, DDoS-атаки на образовательные платформы и порталы (это онлайн-атаки на цифровую систему образовательной организации, при которой злоумышленники посылают огромное число запросов), парализующие учебный процесс в определенные периоды, например, для срыва учебной сессии или проведения приемной кампании по поступлению на обучение в образовательную организацию (Как школьники срывают уроки с помощью DDoS-атак – и чем это для них оборачивается // Дзен: сайт. URL: https://dzen.ru/a/aM2dczjYHyujgy_y?ysclid=ml8qqf6w44886355865);

– атаки на конфиденциальность информации об участниках образовательных отношений и целостность образовательной системы. Речь идет о киберпреступлениях, связанных с хищением, уничтожением или подменой данных. Особую опасность представляет компрометация массивов персональных данных (включая биометрические) обучающихся и педагогов, а также несанкционированный доступ к результатам интеллектуальной деятельности (уникальным методикам, курсам, исследованиям) (Хакеры украли данные 4468 пользователей сайта Алтайского госуниверситета // Рамблер Новости: сайт. URL: <https://news.rambler.ru/internet/50061653-hakery-ukrali-dannye-4468-polzovateley-sayta-altayskogo-gosuniversiteta/?ysclid=ml8r1ewdka160727153>);

– внедрение вредоносного программного обеспечения. В качестве метода воздействия на образовательные организации в ряде случаев выступает использование вирусов-шифровальщиков, шпионского программного обеспечения, ботнетов и другие средства для осуществления атак на инфраструктуру образовательных организаций или использования ее ресурсов в противоправных целях (УФСБ выявило опасный вирус в информационной системе РАНХиГС // Континент Сибирь онлайн: сайт. URL: <https://ksonline.ru/565433/ufsb-vyyavilo-opasnyj-virus-v-informatsionnoj-sisteme-ranhigs/?ysclid=ml8r7oqma555633742>).

2. Информационно-психологический уровень. Данный уровень угроз направлен непосредственно на личность участников образовательных отношений:

– кибербуллинг и кибертроллинг. Это систематические оскорбления участников образовательных отношений, угрозы в их адрес, распространение порочащей честь и достоинство информации о них в цифровом пространстве, ведущие к психологическим травмам, десоциализации, а в крайних случаях – к суицидальным последствиям (Из-за травли в Интернете девочка покончила собой // Российская газета: сайт. URL: https://rg.ru/2015/04/08/travlya.html?ysclid=ml8rdf7uzm410523738&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F);

– фишинг и социальная инженерия. Речь идет о манипулятивных техниках, нацеленных, в том числе, на детей, подростков и педагогов с целью получения обманным путем конфиденциальных данных, вовлечения в противоправную деятельность или деструктивные онлайн-сообщества (Мошенники атаковали учителей от имени руководства школ // Газета.ru: сайт. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/01/14/n_15485054.shtml?ysclid=ml8rr7wlpj317627089);

– пропаганда девиантного и суицидального поведения. В ряде случаев в цифровых образовательных и сопряженных с ними коммуникационных пространствах (чаты, социальные сети) распространяется информация, направленная на склонение школьников и студентов к потреблению наркотических средств, насилию, участию в экстремистских группах или совершению суицида (так называемые «группы смерти») (В Петербурге школьницы создали «группу смерти» и решили покончить с собой // Regions.ru: сайт. URL: <https://regions.ru/bezopasnost/moshenniki-atakovali-uchiteley-ot-imeni-rukovodstva-shkol>).

3. Ценностно-смысловой (идеологический) уровень. Это наиболее латентный и крайне опасный уровень угроз, посягающий на фундаментальность образовательного суверенитета страны:

– идеологическое и ценностное воздействие на участников образовательных отношений. Речь идет о целенаправленном распространении через образовательный контент (содержание отдельных учебников или образовательных программ), массовую культуру и медиапространство, интегрированные в цифровую образовательную среду, идеологий, чуждых традиционным российским ценностям (культ потребления, радикальный индивидуализм, обесценивание нравственных норм, фальсификация истории страны). Подобные действия направлены именно на размывание культурно-нравственной российской традиционной идентичности у молодого поколения;

– подмена образовательной парадигмы. Данный вид угрозы может проявиться при полной цифровизации образовательной среды и отказе от традиционного формата образования, где цифровой инструмент заменяет живого педагога-наставника; при отказе от реализации воспитательного компонента образовательных программ; при полном переходе к оказанию только платных цифровых образовательных услуг и формированию знаний у обучающихся только на платной основе (полная коммерциализация сферы образования). Специалисты подчеркивают, что в таких случаях может «усилиться неравенство в возможностях получения образования: хорошее фундаментальное образование – это дорогое «человеческое», для остальных – дешевое дистанционное, онлайн» [Стариченко, 2020, с. 18]. Именно поэтому отечественные правоведы считают необходимым преодолевать проблему цифрового неравенства [Бегишев, Жарова, Залоило, Филипова, Шутова, 2024, с. 736].

Уязвимость цифровой образовательной среды порождается как техническими несовершенствами данной сферы общественных отношений, так и социально-психологическими рисками, к которым относятся:

1) внешние факторы, такие как деятельность транснациональных киберпреступных групп, действия иностранных хакеров и спецслужб, а также идеологическое давление со стороны ряда зарубежных цифровых платформ и производителей цифрового продукта;

2) внутренние факторы, такие как цифровое неравенство и низкая цифровая грамотность. Значительная часть участников образовательных отношений, в особенности представители педагогического сообщества и родительской общественности, еще не обладает достаточными навыками кибергигиены и медиабезопасности для эффективного противодействия криминальным угрозам, проявляющимся в цифровом образовательном пространстве. Также в качестве внутреннего фактора следует рассматривать девиантное поведение самих участников образовательных отношений. Речь идет о так называемых внутрисредовых рисках, создаваемых самими обучающимися, в том числе кибербуллинг, плагиат в цифровом пространстве, приводящий к нарушению авторских прав, распространение запрещенного контента среди школьников и студентов и другое. Следует отметить и определенное отставание нормативно-правовой базы от динамики технологических изменений, недостаточное финансирование мер обеспечения кибербезопасности, отсутствие единых стандартов защиты для всех участников цифровой образовательной среды.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что угрозы криминологической безопасности цифровой образовательной среды представляют собой сложный феномен, сочетающий в себе технические киберугрозы, психологические манипуляции и попытки идеологического вмешательства в образовательную среду. Ключевой вывод заключается в том, что большую опасность для цифрового образования представляют как прямые, видимые атаки,

так и латентные угрозы ценностно-смыслового уровня, способные негативно отразиться на уровне защищенности национального образовательного и культурного суверенитета страны.

Заключение

В связи с этим можно обоснованно утверждать, что защита цифровой образовательной среды не может ограничиваться исключительно техническими мерами (например, установкой антивирусов и фаерволов; фаервол – это программно-аппаратный комплекс, предназначенный для проверки и фильтрации сетевого трафика [Супрунов, 2008, с. 50]; он позволяет контролировать поток данных, проходящих через сеть, и принимать решения о разрешении или блокировке соединений на основе заранее заданных правил; фаервол – это некий «щит» или «фильтр», обеспечивающий безопасность передачи данных). Как справедливо отмечается в литературе, требуется именно системный подход к обеспечению безопасности образовательной среды [Сидорова, 2025, с. 187]. Комплексная криминологическая модель безопасности образовательной среды, в том числе цифровой, должна включать:

1) нормативно-правовой компонент, подразумевающий совершенствование законодательства в сфере криминологической защиты системы образования, в частности обеспечение защиты персональных сведений, принадлежащих участникам образовательных отношений и хранящихся в цифровых базах данных, от так называемой «утечки» и утраты; обеспечение кибербезопасности образовательных организаций; более детальное регулирование отношений, связанных с использованием цифрового образовательного контента;

2) организационно-технический компонент, представленный в виде внедрения стандартов кибербезопасности для участников образовательных отношений, обеспечения цифрового суверенитета через использование отечественного программного обеспечения и отечественных цифровых образовательных платформ;

3) педагогический и воспитательный компонент, в рамках которого предполагается интеграция в образовательные программы положений по цифровой и медиаграмотности, кибергигиене, основам правовой культуры в цифровой среде, при этом ключевая роль отводится подготовке и переподготовке педагогов в данной сфере;

4) ценностно-ориентационный компонент, подразумевающий формирование у обучающихся критического мышления, ценностного иммунитета к деструктивному контенту, распространяемому в информационно-телекоммуникационной среде, воспитание ответственной цифровой гражданской позиции.

Только такой системный междисциплинарный подход, рассматривающий цифровую образовательную среду как пространство формирования будущего нации, позволит обеспечить ее криминологическую безопасность, защитить права личности участников образовательных отношений и укрепить национальный образовательный суверенитет Российской Федерации.

Библиография

1. Бегишев, И. Р., Жарова, А. К., Залоило, М. В., Филипова, И. А., & Шутова, А. А. (2024). Технологические трансформации: рост возможностей и правовой ответ на возникающие риски. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 735-740.
2. Сидорова, Е. З. (2025). Цифровая, антиэкстремистская и иные виды криминологической безопасности образовательной среды. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, (4(115)), 181-189.
3. Стариченко, Б. Е. (2020). Цифровизация образования: реалии и проблемы. *Педагогическое образование в России*, (4), 16-26.
4. Супрунов, С. (2008). О пользе фаерволов. *Системный администратор*, (3(64)), 50-52.

Characteristics of Threats Encroaching on the Criminological Security of the Digital Educational Environment

Ekaterina Z. Sidorova

PhD in Law, Associate Professor,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
664074, 110, Lermontov str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: ketrik6@mail.ru

Abstract

The article examines the digital educational environment as an independent object of criminological security in modern society. The author identifies and systematizes a complex of contemporary threats of a criminal and criminogenic nature that encroach upon the digital educational environment at the technological, informational-psychological, and value-meaning levels. In conclusion, the necessity of transitioning from fragmented technical solutions to the development of a holistic conceptual model of criminological security of the educational environment, including the digital one, is substantiated. This model should include regulatory-legal, organizational-technical, pedagogical, and value-orientation components.

For citation

Sidorova E.Z. (2026) Kharakteristika ugroz, posyagayushchikh na kriminologicheskuyu bezopasnost' tsifrovoy obrazovatel'noy sredy [Characteristics of Threats Encroaching on the Criminological Security of the Digital Educational Environment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 418-423. DOI: 10.34670/AR.2026.88.23.050

Keywords

Criminological security of education, criminal threats, educational sovereignty, national security, digitalization of education.

References

1. Begishev, I. R., Zharova, A. K., Zaloilo, M. V., Filipova, I. A., & Shutova, A. A. (2024). Tekhnologicheskiye transformatsii: rost vozmozhnostey i pravovoy otvet na voznikayushchiye riski [Technological transformations: growth of opportunities and legal response to emerging risks]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2(4), 735-740.
2. Sidorova, E. Z. (2025). Tsifrovaya, antiekstremistskaya i inyye vidy kriminologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noy sredy [Digital, anti-extremist and other types of criminological security of the educational environment]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, (4(115)), 181-189.
3. Starichenko, B. E. (2020). Tsifrovizatsiya obrazovaniya: realii i problemy [Digitalization of education: realities and problems]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*, (4), 16-26.
4. Suprunov, S. (2008). O polze fayervolov [On the benefits of firewalls]. *Sistemnyy administrator*, (3(64)), 50-52.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.26.39.051

Мета-анализ зарубежных исследований в пенитенциарной системе: детерминанты суицидального поведения

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);

главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен выявлению детерминант суицидального поведения в пенитенциарной системе в современных зарубежных исследованиях. В работе обобщены данные эмпирических исследований, посвященных анализу личностных, клинических и ситуационных психологических факторов, повышающих риск завершённого суицида и суицидальных попыток среди лиц, находящихся в местах лишения свободы. Особое внимание уделяется анализу коморбидности аффективных расстройств (в первую очередь депрессии), посттравматического стрессового расстройства, личностных аномалий (пограничные и диссоциальные расстройства личности), а также специфических когнитивно-эмоциональных паттернов (импульсивность, безнадежность, ригидность мышления), характерных для конгломерата осужденных. На основе мета-аналитического синтеза зарубежных источников выделены ключевые психологические предикторы суицидального риска, специфические для пенитенциарного социума. В статье рассматривается психологический механизм влияния институциональных факторов (тюремного стресса, виктимизации) на актуализацию суицидальных тенденций у лиц с определенными личностными уязвимостями. Анализируется эволюция психологических подходов к профилактике в зарубежной пенитенциарной практике: от преимущественно психиатрической модели (скрининг патологии) к комплексным психологическим интервенциям, направленным на повышение стрессоустойчивости, когнитивную реструктуризацию и формирование адаптивных копинг-стратегий. Делается вывод о том, что эффективность профилактики суицидов в пенитенциарной системе требует интеграции клинико-психологического подхода с учетом средовых факторов, а также разработки специализированных программ психологического сопровождения для различных категорий заключенных, находящихся в зоне повышенного риска.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Мета-анализ зарубежных исследований в пенитенциарной системе: детерминанты суицидального поведения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 424-431. DOI: 10.34670/AR.2026.26.39.051

Ключевые слова

Осужденные, уголовная политика, пенитенциарная система, декарцерация, суицидальное поведение, факторы риска, профилактика суицидов, социальная эксклюзия, права человека, общественное здоровье, коморбидные расстройства.

Введение

Устойчиво высокие показатели суицидального поведения среди лиц, лишенных свободы, в сравнении с общей популяцией, указывают на системный характер этого феномена, требующего глубокого междисциплинарного анализа. Изучение данной проблемы не может ограничиваться рассмотрением исключительно индивидуальных психопатологических профилей; оно настоятельно диктует необходимость анализа институциональных детерминант, которые формируют среду повышенного риска. В данном контексте особую научную и практическую ценность представляют исследования, позволяющие выявить корреляции между характеристиками пенитенциарных систем, социально-экономическими показателями и уровнями суицидальной смертности в местах лишения свободы [Abderhalden, 2024]. Такой мета-аналитический подход смещает фокус с вопроса «кто совершает суицид?» на вопрос «в каких условиях и в каких социальных системах чаще происходят суициды?», что открывает путь к разработке превентивных стратегий, нацеленных на преобразование социума, а не только на лечение индивидуумов. Данная проблема, находящаяся в фокусе психиатрии, клинической психологии, криминологии, социологии и прав человека, требует применения методов, способных выявить системные факторы, выходящие за рамки индивидуальной психопатологии.

Основная часть

Методологической основой подобного мета-анализа служат исследования, в которых агрегированные данные на национальном или локальном уровне сопоставляются с ключевыми параметрами пенитенциарной и социальной политики. Например, сравнительный анализ данных из ряда стран позволяет выявить устойчивые статистические взаимосвязи, выявляющие структурные факторы риска. Одним из наиболее значимых выводов является установленная положительная корреляция между уровнем самоубийств в тюрьмах и долей лиц, содержащихся под стражей в ожидании судебного разбирательства. Эта категория заключенных переживает острый кризис, связанный с внезапной потерей свободы, неопределенностью юридических перспектив, страхом перед будущим и часто отсутствием адаптации к регламентному пенитенциарному режиму [Abderhalden, 2024; Cain, Ellison, 2024; Favril, Shaw, Fazel, 2022]. Стресс, усугубляемый возможным абстинентным синдромом и чувством социального стыда, создает максимально уязвимое состояние в первые дни и недели заключения. Другим критически важным фактором, демонстрирующим сильную положительную связь с суицидальными показателями, выступает высокая доля заключенных-иностранцев. Их уязвимость обусловлена комплексом взаимосвязанных проблем: языковыми и культурными барьерами, социальной изоляцией, ограниченным доступом к внешней поддержке, сложностями в понимании правовой системы страны пребывания, а также потенциальным риском дискриминации внутри тюремного сообщества. В условиях глобальных миграционных процессов этот фактор приобретает особую актуальность.

Параллельно с выявлением факторов риска научные исследования демонстрируют наличие протективных, буферных переменных. Так, была обнаружена обратная корреляция между расходами государства на здравоохранение в целом и уровнем пенитенциарных самоубийств на примере стран ЕС. Эта взаимосвязь позволяет предположить, что общее состояние национальной системы охраны здоровья, включая ее инфраструктуру, кадровый потенциал и философию оказания помощи, косвенно, но существенно влияет на качество медицинского и, в частности, психиатрического обеспечения в местах лишения свободы. Страны с более развитой и финансируемой системой здравоохранения, по-видимому, обладают большей способностью транслировать стандарты заботы о психическом здоровье в пенитенциарную среду [Cooper, Berwick, 2001; Scott, Aboud, Smith, 2023]. Высокий уровень психиатрической патологии в тюрьмах, выступая общим фоном, не может служить единственным объяснением национальных различий в частоте наступления летальных случаев. Данное наблюдение подчеркивает решающую роль не столько личностных характеристик, сколько качества организации пенитенциарной среды, ее гуманности и способности к своевременному выявлению и поддержке тех, кто находится в состоянии кризиса [Ежова, 2019].

Более того, современный анализ все чаще указывает на косвенное, но существенное влияние переполненности тюрем. Перенаселенность учреждений ведет к снижению качества всех услуг, росту напряженности, ограничению доступа к реабилитационным программам и, в конечном счете, к хроническому психоэмоциональному истощению как осужденных, так и персонала, что затрудняет реализацию эффективных профилактических мер [Ешпокин, 2016].

В мировом масштабе данный подход становится особенно актуальным, поскольку демонстрирует, как национальная политика, экономическое неравенство, миграционные кризисы и философия наказания воплощаются в конкретных статистических показателях смертности в пенитенциарной системе. Анализ этой проблемы через призму психологических исследований позволяет сместить фокус с преобладающей биомедицинской модели, фокусирующейся на психических расстройствах индивида, на модель общественного здоровья, которая подчеркивает ответственность системы за создание безопасной или, наоборот, провоцирующей среды. Ключевой целью таких исследований является выявление корреляций не только с характеристиками контингента осужденных, но и с параметрами системы, такими как уровень переполненности, соотношение персонала и осужденных, расходы на содержание учреждений, а также с макросоциальными индикаторами, включая уровень экономического развития и социального неравенства. Отдельного внимания в мировом контексте заслуживает фактор одиночного заключения, масштабы применения которого радикально различаются между странами. Сравнительные исследования убедительно показывают, что широкое и продолжительное использование этой меры напрямую коррелирует с глубокими психологическими страданиями и является самостоятельным драйвером суицидального поведения [Cain, Ellison, 2024; Favril, Shaw, Fazel, 2022; Scott, Aboud, Smith, 2023; Vorstenbosch et al., 2023].

Эволюция понимания причинно-следственных связей закономерно привела к трансформации подходов к профилактике суицидов в исправительных учреждениях. Исторически акцент нередко делался на пассивном наблюдении за лицами с диагностированными психическими расстройствами или на технических мерах по воспрепятствованию совершения самоубийства [Пронина, 2022]. Современная концепция преодоления данной проблемы, получившая название "healthy prison" (здоровой тюрьмы),

базируется на активном формировании поддерживающей и безопасной среды. Она реализуется через целостную, многоуровневую систему взаимодополняющих стратегий, нацеленных на трансформацию всей пенитенциарной экосистемы. На первом уровне критическое значение имеет совершенствование процедур оценки риска, которые должны быть динамичными, повторяющимися и сочетающимися стандартизированные инструменты с клиническим опросом. Важнейшим сдвигом является переход от простого присвоения категории риска к совместной с осужденным разработке индивидуального плана безопасности, что повышает его вовлеченность и чувство контроля. Одновременно осуществляется модификация физического пространства через принципы превентивного дизайна, направленные на устранение очевидных средств для суицида, однако с осознанием того, что одни лишь архитектурные решения без изменения культуры взаимодействия недостаточны [Favril et al., 2022; Favril, Shaw, Fazel, 2022].

Ключевым элементом новой концепции выступает всеобъемлющее обучение всего пенитенциарного персонала, и в первую очередь сотрудников охраны, основам психиатрической грамотности, навыкам распознавания признаков психологического дистресса и техникам кризисной коммуникации. Поскольку именно эти сотрудники осуществляют постоянное взаимодействие с содержащимися под стражей, их способность вовремя заметить изменения в поведении и установить контакт доверия становится основой раннего вмешательства [Майстренко, 2023]. Дополнением к этому служит развитие программ взаимопомощи и наставничества с привлечением специально подготовленных осужденных, что помогает снизить чувство изоляции, связанное с переживанием суицидальных мыслей. Параллельно расширяется спектр и повышается доступность специализированной психологической и психотерапевтической помощи внутри пенитенциарных учреждений, включая методы с доказанной эффективностью [Anbesaw, Tsegaw, Endra, 2022; Vorstenbosch et al., 2023]. Тем не менее, при анализе общемировой картины организации профилактической работы выявляется значительный разрыв между эффективными практиками, сформулированными в международных стандартах и реальным положением дел в большинстве пенитенциарных учреждений. В странах с развитыми экономиками и сильными институтами профилактические программы, как правило, интегрированы в общую философию исправления, основанную на нормализации жизни и минимизации вреда от изоляции. В то же время во многих странах пенитенциарные системы характеризуются массовой переполненностью, доминированием философии устрашения и изоляции, хроническим недофинансированием и высокой долей заключенных. В этих условиях даже внедрение формальных скрининговых инструментов оказывается малоэффективным, так как система не обладает ресурсами для адекватного реагирования на выявленный риск, а сама среда продолжает генерировать отчаяние.

Проведенный анализ показывает, что эффективность конкретных профилактических инструментов критически зависит от более широких системных параметров: переполненности мест лишения свободы, профессиональной культуры персонала, доступности помощи и гуманизма режима. Важнейшим выводом является понимание того, что проблема тюремных самоубийств неразрывно связана с более широкими социальными проблемами и вызовам в обществе. Высокий уровень суицидов в тюрьмах часто коррелирует с высоким уровнем социального неравенства, маргинализации определенных групп населения, уголовно-исполнительной политикой, ведущей к массовым заключениям, и слабостью систем общественного здравоохранения и социальной защиты [Елагина, 2025]. Высокая

распространенность психических расстройств среди заключенных – это прямое следствие дефицита психиатрических служб, доступного жилья и программ социальной интеграции. Лица с тяжелыми психическими заболеваниями, особенно в сочетании с бездомностью или зависимостями, систематически оказываются вне системы поддержки, и их поведение, обусловленное болезнью, зачастую криминализуется. Таким образом, пенитенциарная система выполняет функцию принудительной изоляции тех, кого общество не смогло интегрировать иным способом. Аналогичным образом, маргинализация определенных этнических и социальных групп определяет весь путь в пенитенциарную систему ряда зарубежных стран, начиная с более высокой вероятности полицейского воздействия и ареста и как следствия заканчивая суровыми приговорами судов.

Попадая в места лишения свободы, человек сталкивается с системой, которая усиливает механизмы его прежней маргинализации. Глобальная проблема переполненности тюрем, когда более чем в 120 странах учреждения работают сверх своей вместимости, представляет собой бесчеловечное обращение, усугубляющее психическую травму. Перенаселенность тюрем разрушает психологическое благополучие, провоцируя рост напряженности, насилия и определяет невозможность реабилитационных программ. Чрезмерное использование досудебного содержания под стражей в ряде стран, особенно в отношении бедных и маргинализированных групп, является критическим фактором переполненности и одним из мощнейших триггеров суицидального поведения.

Подлинное снижение уровня пенитенциарных самоубийств требует трансформации самой концепции, в которой функционирует уголовная юстиция и социальная политика. Этот путь включает несколько взаимосвязанных направлений, выходящих за рамки пенитенциарных учреждений, к ним относится отказ от практики помещения в исправительные учреждения за ненасильственные правонарушения, не представляющие угрозы обществу, приоритетное развитие санкций, не связанных с лишением свободы, и требуемую реформу досудебного содержания под стражей, чтобы оно применялось как исключительная, а не рутинная мера. Финансирование, которое сегодня расходуется на содержание переполненных тюрем, должно быть перенаправлено на создание инфраструктуры социальной интеграции на ранних этапах: развитие доступного жилья, разветвленной сети центров психического здоровья и наркологической помощи, а также целевых программ образования и трудоустройства для маргинализированных групп. Это означает гарантирование равного доступа к качественному здравоохранению, создание условий для поддержания прочных социальных связей, обеспечение содержательной занятости и подготовки к освобождению, а также фундаментальную переподготовку персонала, определяющую акцент с контроля на безопасность и реабилитацию посредством психолого-педагогического действия.

Частота суицидов в местах лишения свободы служит барометром, измеряющим не только эффективность управления учреждениями исполнения наказаний, но и степень гуманности и справедливости общества в целом. Снижение этих показателей требует не просто технических улучшений внутри исправительных учреждений, но и фундаментального пересмотра подходов к социальному контролю, справедливости и общественному здоровью... [Cain, Ellison, 2024; Favril et al., 2023; Favril, Shaw, Fazel, 2022]. Вышеобозначенная комплексная задача, решение которой зависит от консолидации усилий законодателей, правоприменителей, медицинских работников, исследователей и гражданского общества, и служит индикатором зрелости общества, его приверженности не только идее неотвратимости наказания, но и неотъемлемым принципам человеческого достоинства.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема суицидов в местах лишения свободы в зарубежных странах представляет собой не совокупность индивидуальных трагедий, а системный индикатор, раскрывающий глубинные дисфункции как пенитенциарных институтов, так и общества в целом. Устойчивые корреляции с такими факторами, как доля подследственных, наличие языковых и культурных барьеров, переполненность пенитенциарных учреждений и уровень здравоохранения, однозначно указывают на средовую и структурную природу риска.

Пенитенциарная система концентрирует последствия социального неравенства, пробелов в системе социального обеспечения. Суицид в ней становится проявлением отчаяния, порождаемого не столько личностной патологией, сколько антигуманными условиями содержания, и ощущением безысходности у индивида.

Современная концепция профилактики, воплощенная в модели «здоровой тюрьмы», предлагает критически важный, но по своей сути «паллиативный» ответ. Она эффективно борется с симптомами, однако не решает системные причины, которые формируют уязвимый конгломерат заключенных и создают среду, порождающую отчаяние. Ее эффективность напрямую зависит от более глубоких преобразований. Стратегическая декarcerация, декриминализация ненасильственных правонарушений, инвестиции в социальные и психиатрические службы, а также радикальная гуманизация условий содержания составляют единый императив. Это означает современный переход от логики отвержения и наказания, ориентированной на изоляцию, к восстановительной логике, нацеленной на социальную реинтеграцию и минимизацию вреда.

Библиография

1. Ежова О.Е., Ушков Ф.И. Проблема эффективности пенитенциарного психолога // Вестник Самарского юридического института. 2019. <file:///C:/Users/Alexis%20Novikoff/Downloads/problema-effektivnosti-penitentsiamogo-psihologa.pdf>
2. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Суицид в местах лишения свободы, как системный вызов: факторы риска и направления профилактики в пенитенциарных учреждениях Южной Америки // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 10-1. С. 185-193. DOI: 10.34670/AR.2025.73.10.020
3. Ештокин А.П. Переполненность мест лишения свободы – глобальная гуманитарная проблема пенитенциарных систем зарубежных государств // Социум и власть. № 5 (61). 2016. С. 66-70.
4. Майстренко Г.А. Новые технологии в профилактической работе с осужденными: опыт зарубежных стран и возможности адаптации для России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 5А-6А. С. 221-228. DOI: 10.34670/AR.2023.17.18.027.
5. Мохова С.Ю. Смыслжизненные ориентации X, Y и Z поколений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 2А. С. 138-146.
6. Пронина О. В. Профилактика совершения суицидов среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, как способ обеспечения личной безопасности осужденных // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41, № 1. С. 147–153. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-147-153.
7. Abderhalden F. P. Environmental and psychological correlates of self-injurious thoughts and behaviors among jail detainees // Corrections. – 2024. – Т. 9. – №. 2. – С. 127-150.
8. Anbesaw T., Tsegaw M., Endra A. Suicidal behavior and associated factors among prisoners at Dessie town correctional institution, Dessie, Ethiopia // BMC psychiatry. – 2022. – Т. 22. – №. 1. – С. 656.
9. Cain C. M., Ellison J. M. Identifying individuals at risk of suicide and self-harm in jail // Corrections. – 2024. – Т. 9. – №. 2. – С. 151-166.
10. Favril L., Shaw J., Fazel S. Prevalence and risk factors for suicide attempts in prison // Clinical Psychology Review. – 2022. – Т. 97. – С. 102-109.

11. Favril L. et al. Risk factors for suicide in adults: systematic review and meta-analysis of psychological autopsy studies //Evidence Based Mental Health. – 2022. – T. 25. – №. 4.
12. Na P. J. et al. Social determinants of health and suicide-related outcomes: a review of meta-analyses //JAMA psychiatry. 2025. – T. 82. – №. 4.
13. Cooper C., Berwick S. Factors affecting psychological well-being of three groups of suicide-prone prisoners //Current Psychology. – 2001. – T. 20. – №. 2. – C. 169-182.
14. Scott R., Aboud A., Smith T. Using the stress–vulnerability model to better understand suicide in prison populations //Psychiatry, psychology and law. – 2023. – T. 30. – №. 3. – C. 299-333.
15. Vorstenbosch E. et al. Suicide risk in male incarcerated individuals in Spain: clinical, criminological and prison-related correlates //BMC psychology. – 2023. – T. 11. – №. 1. – C. 282.
16. Favril L. et al. Individual-level risk factors for suicide mortality in the general population: an umbrella review //The Lancet Public Health. – 2023. – T. 8. – №. 11. – C. e868-e877.

Meta-Analysis of Foreign Research in the Penitentiary System: Determinants of Suicidal Behavior

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to identifying the determinants of suicidal behavior in the penitentiary system based on contemporary foreign research. The work summarizes data from empirical studies analyzing personal, clinical, and situational psychological factors that increase the risk of completed suicide and suicide attempts among individuals in places of detention. Special attention is paid to the analysis of comorbidity of affective disorders (primarily depression), post-traumatic stress disorder, personality abnormalities (borderline and dissocial personality disorders), as well as specific cognitive-emotional patterns (impulsivity, hopelessness, cognitive rigidity) characteristic of the conglomerate of convicts. Based on a meta-analytical synthesis of foreign sources, key psychological predictors of suicide risk specific to the penitentiary society are identified. The article examines the psychological mechanism of the influence of institutional factors (prison stress, victimization) on the actualization of suicidal tendencies in individuals with certain personal vulnerabilities. The evolution of psychological approaches to prevention in foreign penitentiary practice is analyzed: from a predominantly psychiatric model (pathology screening) to comprehensive psychological interventions aimed at increasing stress resistance, cognitive restructuring, and forming adaptive coping strategies. It is concluded that the effectiveness of suicide prevention in the penitentiary system requires the integration of a clinical-psychological approach taking into account environmental factors, as well as the development of specialized psychological support programs for various categories of prisoners at increased risk.

For citation

Novikov A.V. (2026) Meta-analiz zarubezhnykh issledovaniy v penitentsiarnoy sisteme: determinanty suitsidal'nogo povedeniya [Meta-Analysis of Foreign Research in the Penitentiary System: Determinants of Suicidal Behavior]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 424-431. DOI: 10.34670/AR.2026.26.39.051

Keywords

Convicts, criminal policy, penitentiary system, decarceration, suicidal behavior, risk factors, suicide prevention, social exclusion, human rights, public health, comorbid disorders.

References

1. Ezhova O.E., Ushkov F.I. Problema effektivnosti penitentsiarnogo psihologa // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2019. file:///C:/Users/Alexis%20Novikoff/Downloads/problema-effektivnosti-penitentsiarnogo-psihologa.pdf
2. Elagina A.S., Slabkaya D.N. Suicid v mestah lisheniya svobody, kak sistemnyy vyzov: faktory riska i napravleniya profilaktiki v penitentsiarnykh uchrezhdeniyah Yuzhnoj Ameriki // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2025. T. 14. № 10-1. S. 185-193. DOI: 10.34670/AR.2025.73.10.020
3. Eshtokin A.P. Perepolnennost' mest lisheniya svobody – global'naya gumanitarnaya problema penitentsiarnykh sistem zarubezhnykh gosudarstv // Socium i vlast'. № 5 (61). 2016. S. 66-70.
4. Majstrenko G.A. Novye tekhnologii v profilakticheskoy rabote s osuzhdennymi: opyt zarubezhnykh stran i vozmozhnosti adaptatsii dlya Rossii // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2023. T. 12. № 5A-6A. S. 221-228. DOI: 10.34670/AR.2023.17.18.027.
5. Mohova S.Yu. Smyslozhiznennye orientatsii X, Y i Z pokolenij // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2017. Tom 6. № 2A. S. 138-146.
6. Pronina O. V. Profilaktika soversheniya suitsidov sredi lic, otbyvayushchih nakazanie v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah, kak sposob obespecheniya lichnoj bezopasnosti osuzhdennykh // Yuridicheskij vestnik DGU. 2022. T. 41, № 1. S. 147–153. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-147-153.
7. Abderhalden F. P. Environmental and psychological correlates of self-injurious thoughts and behaviors among jail detainees // Corrections. – 2024. – T. 9. – №. 2. – S. 127-150.
8. Anbesaw T., Tsegaw M., Endra A. Suicidal behavior and associated factors among prisoners at Dessie town correctional institution, Dessie, Ethiopia // BMC psychiatry. – 2022. – T. 22. – №. 1. – S. 656.
9. Cain C. M., Ellison J. M. Identifying individuals at risk of suicide and self-harm in jail // Corrections. – 2024. – T. 9. – №. 2. – S. 151-166.
10. Favril L., Shaw J., Fazel S. Prevalence and risk factors for suicide attempts in prison // Clinical Psychology Review. – 2022. – T. 97. – S. 102-109.
11. Favril L. et al. Risk factors for suicide in adults: systematic review and meta-analysis of psychological autopsy studies // Evidence Based Mental Health. – 2022. – T. 25. – №. 4.
12. Na P. J. et al. Social determinants of health and suicide-related outcomes: a review of meta-analyses // JAMA psychiatry. 2025. – T. 82. – №. 4.
13. Cooper C., Berwick S. Factors affecting psychological well-being of three groups of suicide-prone prisoners // Current Psychology. – 2001. – T. 20. – №. 2. – S. 169-182.
14. Scott R., Aboud A., Smith T. Using the stress–vulnerability model to better understand suicide in prison populations // Psychiatry, psychology and law. – 2023. – T. 30. – №. 3. – S. 299-333.
15. Vorstenbosch E. et al. Suicide risk in male incarcerated individuals in Spain: clinical, criminological and prison-related correlates // BMC psychology. – 2023. – T. 11. – №. 1. – S. 282.
16. Favril L. et al. Individual-level risk factors for suicide mortality in the general population: an umbrella review // The Lancet Public Health. – 2023. – T. 8. – №. 11. – S. e868-e877.

УДК 316.624:004.738.5

DOI: 10.34670/AR.2026.81.49.052

Экстремизм как социально-психологический феномен: анализ экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США

Самсонова Анна Владимировна

Старший преподаватель,
кафедра иностранных языков,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: nostalgi96@yandex.ru

Павлова Вероника Ростиславовна

Курсант,
кафедра иностранных языков,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: nostalgi96@yandex.ru

Аннотация

Цель работы - исследовать феномен радикализации в контексте обостренной политической поляризации в Соединенных Штатах Америки и проанализировать то, как социально-психологические механизмы, активируемые в условиях политической поляризации, взаимодействуют с экстремистскими нарративами в онлайн-пространстве США, приводя к радикализации отдельных лиц и групп. Авторы анализируют ключевые социально-психологические механизмы, в том числе социальную идентичность, групповую поляризацию, конспирологическое мышление, моральное оправдание, и изучают роль онлайн-пространства как катализатора этих процессов и распространителей идеологий, способствующих переходу от радикальных взглядов к реальным действиям. Основные результаты научного исследования: на примере конкретных экстремистских нарративов таких как идеи превосходства «белой расы», антиправительственный экстремизм и теории заговора QAnon показать, как с помощью цифровых платформ структурируются и практически мгновенно распространяются такие идеологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Самсонова А.В., Павлова В.Р. Экстремизм как социально-психологический феномен: анализ экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 432-439. DOI: 10.34670/AR.2026.81.49.052

Ключевые слова

Экстремистские нарративы, радикализация, социальная идентичность, групповая поляризация, конспирологическое мышление, онлайн-пространство, политическая поляризация.

Введение

Современная политическая реальность Соединенных Штатов характеризуется глубоким и, по мнению многих исследователей, увеличивающимся расколом между основными политическими лагерями — либералами и консерваторами, демократами и республиканцами. Эта политическая поляризация вышла за рамки простых разногласий по вопросам политики и превратилась в острую социальную дихотомию, затрагивающую базовые ценности, источники информации и восприятие реальности не только в США, но и во всем мире [Iyengar, Lelkes, Levendusky, Malhotra, Westwood, 2019, с. 129-146]. В условиях такого раскола стремительно распространяются экстремистские идеологии, а социальные сети, форумы, мессенджеры и цифровые платформы, активно использующие искусственный интеллект, коренным образом меняют информационный ландшафт. Онлайн-пространство не только превратилось в основную арену для политической дискуссии и формирования идентичности и, что особенно важно, в среду, благоприятную для процессов радикализации. Традиционные модели радикализации, часто связанные с личной вербовкой в закрытых группах, дополняются, а в некоторых случаях заменяются, децентрализованными сетевыми моделями, где в виртуальной среде человек может самостоятельно и добровольно пройти путь от умеренных взглядов к радикальным [Berger, 2018].

Цель данной статьи — на примере Соединенных Штатов Америки проанализировать, как социально-психологические механизмы, которые активируются в условиях политической поляризации, взаимодействуют с экстремистскими нарративами в онлайн-пространстве и приводят к радикализации отдельных лиц и групп. В работе подчеркивается, что онлайн-среда не просто является каналом передачи экстремистского контента, но и активно структурирует и усиливает психологические процессы, лежащие в основе радикализации.

Социально-психологические механизмы радикализации

Радикализацию можно определить как процесс, в ходе которого отдельный человек или группа лиц проникаются крайними политическими, социальными или религиозными идеалами и устремлениями, противопоставляя себя существующему общественному порядку, при этом допуская или прямо поддерживая использование насилия для достижения своих целей [Borum, 2011, с. 7-36]. Этот процесс обусловлен комплексом факторов, среди которых ключевую роль играют социально-психологические механизмы. Фундаментальную основу для понимания радикализации предоставляет теория социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тернера, а именно, стремление к социальной идентичности и категоризация по принципу «свой» - «чужой» («in-group» и «out-group»). Подобное разделение свойственно любой человеческой культуре и существует на всех уровнях общества (семья, вера, язык, группировка и т.п.), но в условиях политической поляризации эта категоризация становится особенно жесткой и эмоционально заряженной. Политическая принадлежность (например, «демократ» или «республиканец») или вероисповедание (католик vs протестант) перестают быть лишь политической позицией и превращаются в центральный элемент социальной идентичности [Iyengar, Lelkes, Levendusky, Malhotra, Westwood, 2019; Tajfel, Turner, 1979].

Для поддержания позитивной самооценки члены группы часто преувеличивают свою достоинства и стремятся дискриминировать не-членов — «чужаков», при этом, «свое» невозможно без «чужого», и границы раздела очерчены довольно четко. В экстремальных

условиях поляризации аутгруппа – чужаки - начинает восприниматься не просто как оппонент, а как экзистенциальная угроза ценностям, образу жизни и самому существованию ингруппы. Этот образ «врага» является краеугольным камнем любого экстремистского нарратива, будь то белый национализм, видящий угрозу в «расовом замещении», или радикальные антиправительственные группировки, изображающие государство как «тиранический аппарат» [Kruglanski, Gelfand, Bélanger, Sheveland, Hetiarachchi, Gunaratna, 2014].

Психологическое явление, при котором обсуждение внутри сплоченной группы приводит к принятию более крайних – радикальных - позиций, называется групповой поляризацией, и до появления интернета подобные группы были ограничены физическим пространством. Сегодня онлайн-пространство идеально приспособлено для усиления этого эффекта. Алгоритмы социальных сетей, настроенные на удержание внимания пользователя, создают так называемые «эхо-камеры» (echo-chambers) и «информационные пузыри» (filter bubbles). Пользователю автоматически предлагается контент, который согласуется с его взглядами, а противоречащая его убеждениям информация автоматически отфильтровывается [Pariser, 2011]. В итоге, консервативный пользователь оказывается в окружении исключительно консервативных голосов, а либеральный — в окружении либеральных. Внутри этих гомогенных цифровых пространств дискуссия не просто укрепляет существующие взгляды, но и сдвигает их к более радикальным полюсам. Так, умеренный критик иммиграционной политики в соответствующей «эхо-камере» может постепенно прийти к убеждению в правдивости теории заговора о «великом замещении».

Экстремистские идеологии часто опираются на конспирологические нарративы. Конспирологическое мышление предлагает простое, хотя и иррациональное, объяснение сложных социальных проблем, сводя их к тайным заговорам могущественных, злонамеренных групп [Douglas, Sutton, Cichocka, 2017, с. 538-542]. Эти нарративы усиливаются в условиях неопределенности, социальных изменений и кризиса доверия к традиционным институтам (правительству, СМИ, науке), давая своим приверженцам иллюзию доступа к «тайному знанию» (т.н. чувство эпистемической уверенности) и одновременно усиливая дихотомию «Мы vs Они». «Они» в этом случае — это не просто политические оппоненты, а сатанинские, педофильские элиты (как в QAnon), «еврейские заговорщики», стоящие за глобализацией (как в нарративах неонацистов), «мировое правительство, голосующее за «золотой миллиард». Политическая поляризация подрывает общее доверие к фактологическим источникам, создавая эпистемический вакуум, который заполняют альтернативные источники информации, часто продвигающие экстремистские взгляды [Miller-Idriss, 2020].

Ключевым психологическим барьером на пути к насилию является внутренняя моральная установка большинства людей. Экстремистские нарративы предлагают механизмы для преодоления этого барьера. Процесс радикализации часто включает переосмысление моральных норм, при котором насилие, ранее считавшееся недопустимым, перекалфицируется как морально оправданное и даже необходимое действие [Bandura, 1999, с. 193-209]. Это моральное оправдание становится возможным благодаря дегуманизации аутгруппы. Когда в нарративах, распространенный в экстремистских онлайн-сообществах, члены аутгруппы изображаются как «нелюди», «паразиты», «инородцы», «животные» или «исчадия ада», применение к ним насилия перестает восприниматься как аморальный поступок. Этот процесс активно поощряется в радикальных онлайн-средах через мемы, жаргон и риторику, которые стирают человечность оппонентов [Kruglanski, Gelfand, Bélanger, Sheveland, Hetiarachchi, Gunaratna, 2014, с. 69-93]. Онлайн-пространство выступает как катализатор и

структуризатор радикализации: интернет не является нейтральным проводником идей. Его архитектура и его культура активно формируют и ускоряют описанные выше социально-психологические процессы.

Платформы социальных сетей часто строятся на принципах, напоминающих геймификацию: лайки, репосты, подписчики, баллы кармы на форумах (например, Reddit). Это создает систему положительного подкрепления для распространения самого эмоционально заряженного и поляризующего контента, который с наибольшей вероятностью вызовет заинтересованную ответную реакцию аудитории. Спокойный аргументированный анализ не получит такого же широкого распространения, как гневный пост или провокационный мем. Алгоритмы рекомендаций, учитывающие пристрастия пользователей, выполняют функцию «радикального проводника». Пользователь, проявивший интерес к умеренно консервативному содержанию, может через серию рекомендаций прийти к ультраправым блогам, а затем и к откровенно неонацистским форумам. Этот путь, часто называемый «rabbit hole» (кроличья нора), хорошо задокументирован в случаях с лицами, которые затем преследуются за радикальную деятельность [Berger, 2018]. Алгоритм платформы просто оптимизирован для удержания внимания, а провокационный и экстремальный контент, как правило, лучше всего служит этой цели.

Современный экстремизм в США все чаще принимает форму не иерархических организаций, а децентрализованных сетевых субкультур, что позволяет говорить о формировании контркультурных онлайн-субкультур. Яркими примерами являются движение «альтернативных правых» (alt-right), которое сознательно использовало интернет-мемы, иронию и жаргон для распространения своих идей среди молодежи, или сообщество «инцелов» (involuntary celibates, невольных целибатов), мужчин фертильного возраста, чувствующих себя отвергнутыми женщинами и обществом, чья мизантропическая идеология часто перерастает в насилие [Daniels, 2018, с. 60-65].

Эти онлайн-субкультуры, как и секты, создают собственную систему ценностей, свой язык (например, использование «dogwhistles» — закодированных посланий) и юмор, что усиливает чувство групповой сплоченности и избранности. Ирония и мемы служат инструментом рекрутинга, давая возможность вербовщикам представлять экстремистские идеи в «безобидной» упаковке, приучая новых членов к радикальным концепциям. Попадая в такое сообщество, индивид не просто усваивает идеи, он начинает ощущать новую идентичность и приобщается к новой культуре.

Анализ ключевых экстремистских нарративов в онлайн-пространстве США

Нарративы «белого геноцида», «великого замещения», «еврейского заговора» — центральные повестки для белого националистического движения, в которых утверждается, что существует преднамеренный план (часто приписываемый еврейским элитам), по преднамеренному сокращению белого населения через иммиграцию, смешанные браки и низкую рождаемость, с конечной целью его полного замещения [Miller-Idriss, 2019]. «Протоколы заседаний сионских мудрецов», опубликованные в России в 1903 году, стали одной из самых известных фальшивок XX века. Об их развенчании известный ученый — медиевист Умберто Эко пишет в своей книге «Пражское кладбище». Но, спустя десятилетия, в онлайн-пространстве этот нарратив по-прежнему распространяется через псевдонаучные блоги,

эмоционально заряженные видео, мемы и риторику на форумах вроде 4chan и Telegram-каналах. Опираясь на психологические механизмы, нарратив напрямую апеллирует к социальной идентичности («белые» как ингруппа, находящаяся под угрозой) и страху перед ее исчезновением. Он предлагает конспирологическое объяснение демографических изменений, снимая с индивида ответственность за сложный социально-экономический анализ. Это приводит к интенсивной дегуманизации иммигрантов и меньшинств, которые изображаются как «оружие» в руках заговорщиков, что морально оправдывает насилие в качестве «самозащиты».

Идеология антиправительственного экстремизма характеризуется глубоким недоверием к федеральному правительству США, которое изображается как узурпатор законных прав и свобод граждан. Неформальные общественные движения, такие как «Движение суверенных граждан» (Sovereign Citizens) или «Хранители присяги» (Oath Keepers), верят в право и долг граждан братья за оружие для противодействия «тирании» [Southern Poverty Law Center (SPLC), 2023]. Аналогичные движения, среди которых «Свободные люди земли», существуют и в Канаде. Их нарративы активно звучат и множатся на специализированных форумах, в YouTube-роликах (хотя платформа и предпринимает меры по их удалению) и в закрытых группах в мессенджерах. Онлайн-сообщества служат пространством для группового поляризации, где недовольство властью трансформируется в убежденность в необходимости вооруженного конфликта. События, подобные штурму Капитолия 6 января 2021 года, демонстрируют, как онлайн-нарративы о «украденных выборах» могут мобилизовать тысячи людей на реальные противозаконные и очень опасные действия.

Движение QAnon (Кью-Анон) представляет собой уникальный феномен — децентрализованную политическую теорию заговора, которая вобрала в себя элементы всех вышеперечисленных идеологий. Ее центральный нарратив сводится к тому, что существует «глубинное государство» (Deep State) сатанинских педофилов-демократов, которое ведет тайную войну против президента Дональда Трампа, и что в один день (в день, который назван «Буря») все виновные будут арестованы. QAnon зародился на форуме 4chan и распространился через платформы Telegram и Twitter, и признанные экстремистскими и запрещенные в России Facebook и YouTube. QAnon является квинтэссенцией современных механизмов радикализации, а именно:

- эпистемической привлекательностью: движение предлагает своим последователям ощущение обладания «тайным знанием», которое доступно через расшифровку «капель» (drops) от истинности откровений таинственного Q-мессии, что создает мощное чувство избранности и принадлежности к ингруппе «проснувшихся» (awake);
- абсолютной двойственностью: идеология движения делит мир на неоспоримое добро (Трамп и его сторонники) и всеобъемлющее зло (сатанинские демократы), превращаясь в предельную форму дихотомии «Мы vs Они»;
- моральными оправданиями насилия: поскольку противник изображен как абсолютное, сатанинское зло, любые действия против него, включая насильственные, считаются морально оправданными. Именно так в Европе в 20-х годах XX века зарождалась «коричневая чума», итальянский фашизм Муссолини и идеология Великого Рейха.

Но в эру высоких технологий пропаганда идей фашизма и радикализации превращают движение QAnon в мощнейший двигатель реальных угроз и насилия. Его участники пользуются социальной напряженностью и неуверенностью людей в завтрашнем дне для привлечения новых сторонников. Движение все больше использует антисемитские нарративы, уподобляясь

ультраправым организациям. Действия QAnon схожи с моделью поведения террористических организаций «Аль-Каида» и «Исламское государство» (обе запрещены в РФ). Его сторонники пользуются методами исламистов и злоупотребляют алгоритмами соцсетей для распространения своей идеологии, продвигая, по аналогии с «Исламским государством», свои идеи через хештеги актуальных событий. Движение давно пересекло океан: средства современной коммуникации позволяют радикальным нарративам мгновенно распространяться по миру. В начале 2022 года русскоязычная группа QAnon в «Телеграм» составляла более 40 тысяч подписчиков. Исследователь этого движения Марк-Андре Арджентино (Marc-André Argentino) отмечал в августе 2020 года, что страницы в Facebook (запрещена в РФ), посвященные QAnon, существуют в 71 стране мира. В период пандемии COVID-19 активность сторонников движения в социальных сетях выросла в три раза и распространилась по Европе и Азии, от Нидерландов до Балкан, от Японии до Саудовской Аравии [Harwell, Timberg, 2021]. В Германии ультраправые активисты создали немецкую аудиторию QAnon на YouTube, в Facebook и Telegram, численность которой в 2020 году оценивалась в 200 000 человек. Каждый десятый гражданин ФРГ согласен с идеями движения и поддерживает восстановление величия Рейха [Bennhold, 2020].

Заключение

Радикализация в современной Америке – и в мире – это сложный, многоуровневый процесс, в котором социально-психологические уязвимости, порожденные острой политической поляризацией, находят свое выражение в специфической архитектуре онлайн-пространства, которая усиливает их многократно. Теория социальной идентичности, групповая поляризация, конспирологическое мышление, поиск морального оправдания, шаткая идеология и дефицит критического мышления — это психологические механизмы, которые делают человека восприимчивым к экстремистским идеям. Онлайн-среда, в свою очередь, выступает не просто зеркалом этого процесса, а его активным агентом. Алгоритмы, создающие «эхо-камеры», геймификация вовлечения, формирование субкультур, поощрение к их принадлежности, функционирование в качестве «радикального проводника» — все это превращает интернет в мощнейший катализатор радикализации. Анализ конкретных нарративов («Великое замещение», антиправительственный экстремизм, QAnon) наглядно показывает, как эти общие механизмы воплощаются в конкретных идеологиях, мобилизующих людей на ненависть и насилие.

Борьба с этим феноменом требует столь же комплексного подхода. Такой подход должен включать не только меры технологического характера (модерация контента, изменение алгоритмов), но и масштабные усилия по укреплению медиаграмотности, критического мышления и социального доверия к основным институтам государственной власти. Понимание того, как психология и технология взаимодействуют, порождая экстремизм, является первым и необходимым шагом для противодействия одной из самых острых угроз социальной и политической стабильности современных обществ.

Библиография

1. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193-209.
2. Bennhold, K. (2020, October 11). QAnon is thriving in Germany. *The New York*

- Times*. <https://www.nytimes.com/2020/10/11/world/europe/qanon-is-thriving-in-germany.html>
3. Berger, J. M. (2018). *Extremism*. The MIT Press.
 4. Borum, R. (2011). Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 7-36.
 5. Daniels, J. (2018). The algorithmic rise of the "alt-right". *Contexts*, 17(1), 60-65.
 6. Douglas, K. M., Sutton, R. M., & Cichocka, A. (2017). The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 538-542.
 7. Harwell, D., & Timberg, C. (2021, January 20). QAnon believers grapple with doubt, spin new theories as Trump era ends. *Houston Chronicle / The Washington Post*. <https://www.chron.com/news/article/QAnon-believers-grapple-with-doubt-spin-new-15884779.php>
 8. Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., & Westwood, S. J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 22, 129-146.
 9. Kruglanski, A. W., Gelfand, M. J., Bélanger, J. J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., & Gunaratna, R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Advances in Political Psychology*, 35(S1), 69-93.
 10. Miller-Idriss, C. (2019). *The extreme gone mainstream: Commercialization and far-right youth culture in Germany*. Princeton University Press.
 11. Miller-Idriss, C. (2020). *Hate in the homeland: The new global far right*. Princeton University Press.
 12. Pariser, E. (2011). *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. Penguin Press.
 13. Southern Poverty Law Center. (2023). *Militia movement*. <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/militia-movement>
 14. Sunstein, C. R. (2002). The law of group polarization. *Journal of Political Philosophy*, 10(2), 175-195.
 15. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W.G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-47). Brooks/Cole.

Extremism as a Socio-Psychological Phenomenon: Analysis of Extremist Narratives in the US Online Space

Anna V. Samsonova

Senior Lecturer,
Department of Foreign Languages,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nostalg96@yandex.ru

Veronika R. Pavlova

Cadet,
Department of Foreign Languages,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nostalg96@yandex.ru

Abstract

The aim of the work is to investigate the phenomenon of radicalization in the context of heightened political polarization in the United States of America and to analyze how socio-psychological mechanisms, activated under conditions of political polarization, interact with

Samsonova A.V., Pavlova V.R.

extremist narratives in the US online space, leading to the radicalization of individuals and groups. The authors analyze key socio-psychological mechanisms, including social identity, group polarization, conspiratorial thinking, moral justification, and examine the role of the online space as a catalyst for these processes and a disseminator of ideologies that facilitate the transition from radical views to actual actions. The main results of the scientific research: using the example of specific extremist narratives such as ideas of "white race" supremacy, anti-government extremism, and QAnon conspiracy theories, to show how such ideologies are structured and disseminated almost instantaneously through digital platforms.

For citation

Samsonova A.V., Pavlova V.R. (2026) Ekstremizm kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen: analiz ekstremistskikh narrativov v onlayn-prostranstve SShA [Extremism as a Socio-Psychological Phenomenon: Analysis of Extremist Narratives in the US Online Space]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 432-439. DOI: 10.34670/AR.2026.81.49.052

Keywords

Extremist narratives, radicalization, social identity, group polarization, conspiratorial thinking, online space, political polarization.

References

1. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193-209.
2. Bennhold, K. (2020, October 11). QAnon is thriving in Germany. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/10/11/world/europe/qanon-is-thriving-in-germany.html>
3. Berger, J. M. (2018). *Extremism*. The MIT Press.
4. Borum, R. (2011). Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 7-36.
5. Daniels, J. (2018). The algorithmic rise of the "alt-right". *Contexts*, 17(1), 60-65.
6. Douglas, K. M., Sutton, R. M., & Cichocka, A. (2017). The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26(6), 538-542.
7. Harwell, D., & Timberg, C. (2021, January 20). QAnon believers grapple with doubt, spin new theories as Trump era ends. *Houston Chronicle / The Washington Post*. <https://www.chron.com/news/article/QAnon-believers-grapple-with-doubt-spin-new-15884779.php>
8. Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., & Westwood, S. J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 22, 129-146.
9. Kruglanski, A. W., Gelfand, M. J., Bélanger, J. J., Sheveland, A., Hetiarachchi, M., & Gunaratna, R. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Advances in Political Psychology*, 35(S1), 69-93.
10. Miller-Idriss, C. (2019). *The extreme gone mainstream: Commercialization and far-right youth culture in Germany*. Princeton University Press.
11. Miller-Idriss, C. (2020). *Hate in the homeland: The new global far right*. Princeton University Press.
12. Pariser, E. (2011). *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. Penguin Press.
13. Southern Poverty Law Center. (2023). *Militia movement*. <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/ideology/militia-movement>
14. Sunstein, C. R. (2002). The law of group polarization. *Journal of Political Philosophy*, 10(2), 175-195.
15. Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-47). Brooks/Cole.

УДК 004.056:34

DOI: 10.34670/AR.2026.21.94.053

Перехват информации: правовые проблемы разграничения с неправомерным доступом

Кальтенбергер Никита Александрович

Аспирант,
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»,
124498, Российская Федерация, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1;
e-mail: mnnnp@mail.ru

Аннотация

Данное исследование посвящено сравнительно-правовому анализу уголовно-правовых категорий в области неправомерного доступа к компьютерной информации. В частности, подвергаются исследованию такие категории, как неправомерный доступ и перехват информации. Сложности уголовно-правовой квалификации данных деяний обусловлены тем, что современные технологические приемы и механизмы позволяют перехватывать информацию без взлома или иного прямого неправомерного доступа к системе. Автор предлагает расширить сферу применения статьи 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая посвящена неправомерному доступу к компьютерной информации, посредством включения категории перехвата в качестве уголовно наказуемого деяния. По мнению автора, это приведет уголовное право в вопросе неправомерного доступа к компьютерной информации к соответствию сложившимся неправомерным правоотношениям, в результате которых злоумышленники иным, не в полной степени урегулированным уголовным правом, способом получают доступ к компьютерной информации, обладая злонамеренным умыслом получить данную информацию в обход действующего законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Кальтенбергер Н.А. Перехват информации: правовые проблемы разграничения с неправомерным доступом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 440-449. DOI: 10.34670/AR.2026.21.94.053

Ключевые слова

Перехват информации, неправомерный доступ, уголовно-правовая квалификация, проблемы уголовного права, киберпреступность, компьютерная информация.

Введение

Современная цифровая среда представляет собой неотделимый элемент современного общества поскольку присутствует не только в жизни и деятельности государства, но и обычного человека. Развитие цифровых технологий, которые открывает новые возможности и направления роста для бизнеса и государства порождают за собой ряд всевозможных рисков [Шинкарецкая, 2019, с. 120]. А фактор развития неотъемлемо влечёт необходимость в усовершенствовании нормативно-правового регулирования, в том числе и в области уголовного права.

Как верно отмечают ученые: «действие механизма правового регулирования будет способствовать установлению информационно-правового режима, определяющего ... порядок урегулирования споров между субъектами информационных отношений, установление государственного контроля за распределением информационно-коммуникационных технологий и другие» [Теоретико-правовая парадигма..., 2022, с. 10].

Актуальность темы исследования по вопросу неправомерного доступа к компьютерной информации и её неправомерного перехвата основана на увеличении качественного и количественного критерия данных неправомерных и общественно опасных деяний.

Так, согласно официальной статистике министерства внутренних дел Российской Федерации 2024 год ознаменовался увеличением количества киберпреступлений на 13% по сравнению с 2023 годом. Количество тяжких и особо тяжких составов киберпреступлений увеличилось примерно на 8%, по сравнению с предыдущим годом [[МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год, [www](#)].

Также, анализируя статистику министерства внутренних дел необходимо сделать вывод, что порядка 40% из общего количества преступлений составляют именно киберпреступление, что напрямую подчеркивает роль и актуальность правовой квалификации действий в области информационных технологий [[МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год, [www](#)].

Из этого следует сделать однозначный вывод, что количественное и качественное увеличение киберпреступлений требует системной и вымеренной правовой квалификации преступлений в области компьютерной безопасности.

Актуальность тематики правового регулирования киберпреступлений по аспекту перехвата информации и неправомерного доступа подтверждается активной заинтересованностью государства в регулировании сферы цифровых технологий. Интерес государства выражается в создании национального проекта цифровая экономика, который включил в себя меры и механизмы по регулированию цифровой среды, а также механизмы обеспечивающие уровень информационной безопасности [Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», [www](#)].

Основная часть

Особую роль выполняет государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации.

Значимость данной государственной системы подчёркивает необходимость не только

фактического предупреждения возможных киберпреступлений но и необходимость правового регулирования которое касается метода и способа совершения данного рода преступлений, в частности неправомерного доступа к компьютерной информации или её перехвата

Актуальность вопроса перехвата компьютерной информации и его разграничения с неправомерным доступом основана на дискуссионности аспекта правовой квалификации в рамках неправомерного доступа к компьютерной информации. Так, многие учёные ведут дискурс по вопросу допустимости применения уголовно-правового режима ответственности за неправомерный доступ информации к перехвату информации. Перехват информации и неправомерный доступ имеют, как множество сходств, так и множество различий. Данный сходства и различия находят своё отражение не только возможной правовой квалификации или догматических подходов учёных, но и в вопросах компьютерно-технического характера. Многие эксперты отмечают сложность разграничения перехвата информации и неправомерного доступа к ней. Данные исследования ставит своей целью найти критерий разграничения перехвата и неправомерного доступа к информации с необходимостью последующей справедливой и соответствующей фактическим отношениям уголовно-правовой квалификации деяния.

Предметом исследования выступают общественные отношения которые складываются в результате неправомерного доступа к информации и её перехвата, которые в дальнейшем подвергаются последующий уголовно-правовой квалификации. Объектом исследования выступают подходы учёных, судебная практика и опыт регулирования общественных отношений в области неправомерного доступа и перехвата информации, который складывается в других правовых порядках. Методология исследования основана на системном и формально-юридическом методе с использованием сравнительно правовых конструкций.

Перед тем как перейти к критике и возможно предложением по правовой квалификации неправомерного доступа к информации и перехвата необходимо обозначить общие особенности и черты, которые присущи высокотехнологичный преступности в современных условиях.

В частности, высокотехнологичная преступность выступает набором преступлений, которые реализуются при использовании информационных компьютерных и других высокотехнологичных устройств и механизмов [удрин, Бегтин, Кучерена, Ларина и др., 2016, с. 125-130].

Терминологический дискурс по аспекту определение групп преступлений отражён и в рамках российского юридического сообщества, поскольку группы учёных по-разному определяют данные группы преступлений, в частности указывая на такие категории, как компьютерная преступность [Иванов, Кондрат, 2024, с. 2-9], киберпреступность [Евдокимов, 2021, с. 69-72], или цифровая преступность [Поляков, 2023, с. 117-126].

С позиции прямого толкования действующего законодательства стоит сказать что высокотехнологичные преступность включает в себя ряд следующих преступлений. В частности к ним относятся, неправомерный доступ к компьютерной информации, её незаконное использование или использования и создание вредоносных компьютерных программ, а также нарушение порядка хранения и обработки данной информации, которая включает в себя и неправомерное взаимодействие с информационными системы, которые принадлежат государству. Правоприменитель, в вопросе высокотехнологичных преступлений дифференцируют их в зависимости от использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, 2022].

Основная проблематика заключается в том, что не законодатель ни правоприменитель не могут достигнуть полноценного баланса в вопросе правовой квалификации и ежедневно совершенствующихся методов совершения киберпреступлений. Однако такой метод, как перехват информации представляется вполне популярным способом совершения киберпреступлений, как в России, так и во всём мире.

До этапа реформы уголовного законодательства в нём отсутствовала такая нормативная категория, как компьютерная информация. Ранее неправомерный доступ к компьютерной информации не учитывал понятие таковой информации, положение данной статьи указывали лишь на необходимость носителя данной информации. В свою очередь - это порождало определённый дискурс по вопросу понимания уголовным законодательством сущностные характеристики состава преступления [Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ, 2011].

Современное нормативное регулирование не содержит единого подхода по вопросу киберпреступлений вследствие этого реформа носит хаотичный характер [Хисамова, 2016, с. 346].

Однако в последующем были внесены сущностные изменения, которые унифицировали и систематизировали понятийно-правовой аппарат в области киберпреступлений [Федеральный закон от 11.07.2011 № 200-ФЗ, 2011].

Стоит отметить, что компьютерная информация, к которой отсылает статья 272 уголовного кодекса Российской Федерации, напрямую связаны с цифровой информацией иными схожими категориями информации. Необходимо принять за основу нормативную категорию компьютерной информации, толкуя в расширительном понимании, поскольку современные тенденции цифровых направлений задают новые векторы для развития различающихся между собой видов информации, но в сущности схожих.

Допустимо прийти к выводу что компьютерная информация является в реальности одним из видов цифровой информации, поскольку нормативное регулирование указывают, что компьютерная информация наличествует исключительно в рамках компьютерной системы, которая является лишь частью общего информационно-цифрового пространства.

Современное нормативное определение компьютерной информации включает в себя не только данные которые могут быть в форме электрических сигналов вне зависимости от средств и методов их существования, но и включает в себя любую информацию, которая может быть записано на цифровой носитель [Кургузкина, Ратникова, 2016, с. 79].

В свою очередь достаточно сложно охарактеризовать единую группу преступлений, которые совершаются при помощи или в рамках информационно-цифровых систем, поскольку они не носят однородный характер. Однако, учёные пытаются вывести общую категорию всех разновидностей киберпреступлений: «виновные общественно опасные деяния, причиняющие ущерб общественным отношениям, связанным с безопасностью охраняемой законом информации, соблюдением установленного законом порядка оборота и использования информационно-телекоммуникационных технологий» [Хисамова, 2017, с. 28].

Один из подходов предполагает исключение особой главы уголовного кодекса, которые регулируют особенности преступления в сфере компьютерной информации, предлагая заимствовать опыт зарубежных правовых порядков и сделать неправомерные деяния связанные с компьютерной информацией и её использованием подвидами уже существующих составов преступлений [Трофимцева, Илюшин, Линьков, 2015, с. 3-11].

Противоположного взгляда придерживаются учёные, которые считают что категория преступлений в информационной сфере включает в себя намного больше количество видов и

потенциальных категорий преступлений, что позволяет предусмотреть нормативное регулирование с учётом развития цифровых технологий [Савченко, 2016, с. 156].

Стоит отметить, что современные реалии информационно-цифрового пространства предполагают что существует различные методы несанкционированного доступа к информации, например такие как утечка информации при помощи различных технических средств: средства регистрации информации, средства перехвата информации, средства приёма и съёма информации а также иные методы и способы, которые нарушают безопасность информации [5 Савченко, 2016, с. 156].

В виду постоянно развивающиеся системы преступлений в области информационно-цифровых технологий возникают определённые несоответствия действующего законодательства применительно к современным реалиям. Как отмечают учёные одной из проблем является отсутствие прямого разграничения в уголовном кодексе таких категорий, как перехват информации и неправомерный доступ к ней: «под электромагнитный перехват может попасть цифровая информация, которая циркулирует в пространстве, а для совершения неправомерного доступа необходимо нарушить систему защиты информации информационно-телекоммуникационных устройств» [Бегишев, 2010, с. 255].

Автор предлагает внести изменения в примечание к комментируемой статье, закрепив понятие перехвата компьютерной информации. С одной стороны данный подход, по уточнению в отдельных вопросах киберпреступлений представляется оправданным, поскольку с одной стороны, дает возможность правопорядку оценить степень угрозы и соразмерность наказания, а также критерии квалификации для нового вида или способа киберпреступления.

С другой стороны возникает проблема, когда законодатель не успевает регулировать вновь осложняющиеся правоотношения, на время, упуская из своего «вида» потенциально опасные деяния, в связи с чем возникают вопросы квалификации определенных действий, в том числе и в сфере киберпреступлений.

Анализируя опыт страны СНГ стоит отметить что республика армения криминализировала несанкционированный перехват компьютерной информации, в качестве одного из уголовных преступлений, которые связаны с неправомерным использованием компьютерной информации, повлекшее значительный ущерб [Уголовный кодекс Республики Армения, www].

В методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации генпрокуратура указывает на особенность диспозиции статьи 272 ук рф, в которой уточняется, что неправомерный доступ, который повлек копирование компьютерной информации, является уголовным деянием. Давая расширительное толкование категории копирования, указывается на воспроизведение информации на носителе в материальной форме при помощи перехвата данной информации.

Однако, стоит подвергнуть критике предлагаемое расширительное толкование категории копирования, поскольку осуществление копирования при помощи перехвата выходит за рамки комментируемой статьи. Перехват напрямую не упомянут в качестве одного из предполагаемых способов или методов совершения противоправного деяния в области неправомерного доступа к компьютерной информации. Исходя из этого расширительное толкование выходит за рамки запятая в попытке установить соответствие действующего законодательства с современным компьютерно-информационным реалиям в области совершения таковых преступлений.

Стоит отметить, что в правоприменительной практике находится примеры признания неправомерного перехвата в качестве одного из способов неправомерного доступа к

компьютерной информации. Так, в одном из дел суд квалифицировал действия лица неправомерными поскольку эксперты установили что перечень используемого программного обеспечения которое данное лицо применило в рамках получения доступа к компьютерной информации предполагала возможность перехвата трафика для его последующего анализа и неправомерного использования [Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2020 № 77-530/2020, 2020].

В связи с использованием данного программного обеспечения которое позволило лицу осуществить свой преступный замысел суд квалифицировал действия данного лица как неправомерный доступ к информации в рамках уголовного деяния.

В другом деле, которая рассматривала вопрос о признании кредитного договора недействительным суд сделала отсылку к уголовному делу по статье о неправомерном доступе к компьютерной информации. В деле у неправомерном доступе к компьютерной информации указывалось, что для перехвата информации использовалась электронная sim-карта, которая позволяла получить доступ к личному кабинету, как на государственных услугах, так и в приложении банка. Тем самым, подключение к телефону потерпевшего иного устройства при помощи которого удалось не только осуществить вход в личные кабинеты с целью неправомерного получения кредита и денежных средств, но и перехватить соответствующую информацию для осуществления неправомерного деяния в совокупности послужило технической возможностью для неправомерного доступа к его информации [Апелляционное определение Пермского краевого суда от 22.01.2025 № 33-820/2025, 2025].

Одним из наиболее показательных дел является дело о хищении денег при помощи доступа к счетам лиц. Так, один из преступников использовал интернет бот внедрив в него программное обеспечение, которое позволяло анализировать и собирать данные лиц при помощи перехвата информации. Углубляясь в технические подробности стоит отметить важный аспект, поскольку лица сами вводили в браузерах или приложениях номера карт и иные цифровые идентификаторы, которые позволяли получить доступ к личным кабинетам. Рассуждая на тему неправомерного доступа к компьютерной информации её перехвата при исключительно нормативном толковании положений уголовного кодекса неправомерном доступе к компьютерной информации возможно свести перехват к того рода деянию, которое не предполагает уголовную ответственность. В свою очередь из материалов дела и актов суда допустимо предположить что перехват информации используется исключительно в противоправных целях для завладения данными потерпевших с целью хищения денежных средств. Исходя из этого суд верно перехват информации с помощью специального программного обеспечения является одним из элементов всей цепочки преступных деяний с целью хищения денежных средств при неправомерном доступе к компьютерной информации [Постановление Московского городского суда от 10.05.2017 № 4у-1093/2017, 2017].

В судебной практике существует один из подходов, который предполагает распознавание перехвата информации в качестве метода или способы неправомерного доступа к компьютерной информации при помощи специальной экспертизы. Так, в одном из дел эксперты установили что на жёстких дисках содержались программы и файлы которые позволяли копировать данные для входа в различные системы при помощи перехвата информации в рамках функционирования программ. Целью использования программ перехватчиков являлось получение доступа к ряду личных кабинетов, а также внедрение собственного вредоносного обеспечения, которое позволяло бы осуществлять удалённый доступ за компьютером потерпевшего [Апелляционное определение Московского городского суда от 22.12.2016 по делу

№ 10-18451/2016, 2016].

Исходя из сложившейся судебной практики стоит не согласиться с позицией ученых, которые квалифицируют деяния связанные с перехватом информации с банковских карт, при помощи специальных устройств и программного обеспечения в рамках уголовного состава преступления, предусмотренного ст. 158 ук рф [Долгих, 2025].

Стоит отметить что аналогичного подхода о перехвате информации, как методе получения скопированной информации в рамках неправомерного доступа придерживается и ряд авторитетных учёных в области уголовного права, однако общей проблемой является не раскрытие категории перехвата информации в качестве одного из возможных способов неправомерного доступа к ней. Также следует поднять правовой вопрос о криминализации исключительно перехвата информации. Является ли преступлением перехват информации без последующего её неправомерного использования или хранения. Возможно ли случайно в отсутствии умысла перехватить информацию. Данные правовые вопросы требуют отдельного философско-правового исследования в области уголовного права, поскольку большинство проблемных аспектов разграничения неправомерного доступа к компьютерной информации её перехвата было раскрыто в данном исследовании [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 2017].

Заключение

В качестве промежуточного вывода стоит отметить что правоприменительные органы расширительно толкуют понятие неправомерного доступа к компьютерной информации, вследствие чего удаётся идентифицировать перехват информации и квалифицировать его в качестве неправомерного деяния, такого как неправомерного доступа к компьютерной информации. Узкая и исключительно нормативное толкование нормы он неправомерном доступе компьютерной информации позволило бы избежать уголовной ответственности тем лицам которые использовали устройство или приложение а также иные способы для перехвата информации с целью её дальнейшего преступного использования. В этом смысле правоприменитель пусть и в определённой степени выходят за рамки существующего законодательства, но в рамках судебного правотворчества создаёт справедливые прецеденты для привлечения лиц перехватывающих информацию уголовной ответственности.

Библиография

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.12.2016 по делу № 10-18451/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 22.01.2025 № 33-820/2025 по делу № 2-3634/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Бегишев И.Р. Изготовление, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации: правовой аспект // Информация и безопасность. 2010. № 2. С. 255-258.
4. Долгих Т.Н. Ответственность за хищение денежных средств с банковского счета // СПС КонсультантПлюс. 2025.
5. Евдокимов К.Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 10. С. 69-72.
6. Иванов И.И., Кондрат И.Н. Особенности предупреждения преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий // Мировой судья. 2024. № 12. С. 2-9.
7. Ищейнов В.Я. Системы и сети передачи информации и угрозы ее конфиденциальности // Делопроизводство. 2022. № 4. С. 97-102.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.
9. Кудрин А.Л., Бегтин И.В., Кучерена А.Г., Ларина Е.С. и др. Высокотехнологичная преступность: новые вызовы для общества, государства и бизнеса // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 1 (116). С. 121-136.
10. Кургузкина Е.Б., Ратникова Н.Д. Место совершения компьютерных преступлений // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2016. № 1. С. 79-87.
11. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://мвд.рф/reports/item/62137988/> (
12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>
13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2020 № 77-530/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Поляков В.В. Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 117-126.
15. Постановление Московского городского суда от 10.05.2017 № 4у-1093/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. № 294. 28.12.2022.
17. Савченко О.А. Совершенствование уголовно-правового законодательства в сфере компьютерной информации на современном этапе развития информационных технологий // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 156-161.
18. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / под ред. С.А. Комарова. М.: Изд-во МАТГИП, 2022. 320 с.
19. Трофимцева С.Ю., Илюшин Д.А., Линьков А.В. Объект компьютерных преступлений в российском и европейском уголовном праве: сравнительный анализ // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2015. № 24. С. 3-11.
20. Уголовный кодекс Республики Армения. Ст. 254, ч. 3, п. 3. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#24> .
21. Федеральный закон от 11.07.2011 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201112080002> .
23. Хализов С.В. Виды преступлений в сфере цифровой информации // Современное право. 2024. № 7. С. 77-83.
24. Хисамова З.И. О конструкции норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30 сентября 2016 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 346-350.
25. Хисамова З.И. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. М.: Юрлитинформ, 2017. 160 с.
26. Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация - глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119-123.

Information Interception: Legal Problems of Distinguishing from Unauthorized Access

Nikita A. Kal'tenberger

Postgraduate Student,
National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology",
124498, 1, Shokin Square, Zelenograd, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mnnnp@mail.ru

Abstract

This study is devoted to a comparative legal analysis of criminal law categories in the field of unauthorized access to computer information. In particular, categories such as unauthorized access and information interception are subjected to research. The difficulties of criminal legal qualification of these acts are due to the fact that modern technological techniques and mechanisms make it possible to intercept information without hacking or other direct unauthorized access to the system. The author proposes to expand the scope of Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is dedicated to unauthorized access to computer information, by including the category of interception as a criminally punishable act. According to the author, this will bring criminal law in the matter of unauthorized access to computer information into conformity with the established illegal legal relations, as a result of which attackers gain access to computer information in another way not fully regulated by criminal law, having malicious intent to obtain this information in circumvention of current legislation.

For citation

Kal'tenberger N.A. (2026) Perekhvat informatsii: pravovyye problemy razgraniicheniya s nepravomernym dostupom [Information Interception: Legal Problems of Distinguishing from Unauthorized Access]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 440-449. DOI: 10.34670/AR.2026.21.94.053

Keywords

Information interception, unauthorized access, criminal legal qualification, problems of criminal law, cybercrime, computer information.

References

1. Begishev, I.R. (2010). Izgotovleniye, sbyt i priobreteniyе spetsialnykh tekhnicheskikh sredstv, prednaznachennykh dlya narusheniya sistem zashchity tsifrovoy informatsii: pravovoy aspekt [Manufacture, sale and acquisition of special technical means intended to violate digital information protection systems: legal aspect]. *Informatsiya i bezopasnost*, 2, 255-258.
2. Dolgikh, T.N. (2025). Otvetstvennost za khishcheniye denezhnykh sredstv s bankovskogo scheta [Liability for theft of funds from a bank account]. *SPS KonsultantPlyus*.
3. Evdokimov, K.N. (2021). K voprosu o sovershenstvovanii sistemy protivodeystviya tekhnotronnoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii [On the issue of improving the system of countering technotronic crime in the Russian Federation]. *Rossiyskiy sledovatel*, 10, 69-72.
4. Federal Law No. 200-FZ of July 11, 2011 (as amended on December 30, 2021) "O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiyem Federalnogo zakona "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii"" [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection"]. *SPS KonsultantPlyus*.
5. Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011 "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201112080002>
6. Ishcheynov, V.Ya. (2022). Sistemy i seti peredachi informatsii i ugrozy yeye konfidentsialnosti [Information transmission systems and networks and threats to its confidentiality]. *Deloproizvodstvo*, 4, 97-102.
7. Ivanov, I.I., & Kondrat, I.N. (2024). Osobennosti preduprezhdeniya prestupleniy, sovershennykh s ispolzovaniyem sovremennykh informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [Specifics of preventing crimes committed using modern information and telecommunication technologies]. *Mirovoy sudya*, 12, 2-9.
8. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: v 4 t. (postateynyy). T. 3: Osobennaya chast. Razdel IX* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vols. (article-by-article). Vol. 3: Special Part. Section IX]. (2017). (V.M. Lebedev, Ed.). Yurayt.

9. Komarov, S.A. (Ed.). (2022). *Teoretiko-pravovaya paradigma sushchestvovaniya kiberneticheskoy (informatsionnoy) tsivilizatsii* [Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization]. MATGiP Publishing House.
10. Kudrin, A.L., Begtin, I.V., Kucherena, A.G., Larina, E.S., et al. (2016). Vysokotekhnologichnaya prestupnost: novyye vyzovy dlya obshchestva, gosudarstva i biznesa [High-tech crime: new challenges for society, the state and business]. *Indeks bezopasnosti*, 22(1), 121-136.
11. Kurguzkina, E.B., & Ratnikova, N.D. (2016). Mesto soversheniya kompyuternykh prestupleniy [The place of commission of computer crimes]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 1, 79-87.
12. *MVD Rossii publikuet statisticheskuyu informatsiyu o sostoyanii prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za 2024 god* [The Ministry of Internal Affairs of Russia publishes statistical information on the state of crime in the Russian Federation for 2024]. (n.d.). Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. <https://мвд.рф/reports/item/62137988/>
13. *Natsionalnaya programma "Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii"* [National program "Digital Economy of the Russian Federation"]. (n.d.). Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>
14. Polyakov, V.V. (2023). Gruppovaya forma soversheniya prestupleniy kak odin iz priznakov vysokotekhnologichnoy prestupnosti [Group form of committing crimes as one of the signs of high-tech crime]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1, 117-126.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of December 15, 2022 "O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh v sfere kompyuternoy informatsii, a takzhe inyykh prestupleniyakh, sovershennykh s ispolzovaniyem elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setey, vklyuchaya set "Internet"" [On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet]. (2022, December 28). *Rossiyskaya gazeta*, 294.
16. Savchenko, O.A. (2016). Sovershenstvovaniye ugolovno-pravovogo zakonodatelstva v sfere kompyuternoy informatsii na sovremennom etape razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [Improvement of criminal law legislation in the field of computer information at the present stage of information technology development]. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*, 29, 156-161.
17. Shinkaretskaya, G.G. (2019). Tsifrovizatsiya - globalnyy trend mirovoy ekonomiki [Digitalization - a global trend of the world economy]. *Obrazovaniye i pravo*, 8, 119-123.
18. Trofimtseva, S.Yu., Ilyushin, D.A., & Linkov, A.V. (2015). Obyekt kompyuternykh prestupleniy v rossiyskom i yevropeyskom ugolovnomprave: sravnitel'nyy analiz [The object of computer crimes in Russian and European criminal law: a comparative analysis]. *Informatsionnoye protivodeystviye ugrozam terrorizma*, 24, 3-11.
19. *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya* [Criminal Code of the Republic of Armenia]. (n.d.). Article 254, Part 3, Clause 3. National Assembly of the Republic of Armenia. <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#24>
20. Khisamova, Z.I. (2016). O konstruktsii norm ugolovnogo zakonodatelstva, predusmatrivayushchikh otvetstvennost za prestupleniya, sovershayemye s ispolzovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy [On the structure of criminal law norms providing for liability for crimes committed using information and telecommunication technologies]. In *Ugolovnaya politika i kultura protivodeystviya prestupnosti* [Criminal policy and culture of crime counteraction] (pp. 346-350). Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
21. Khisamova, Z.I. (2017). *Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya, sovershayemye v finansovoy sfere s ispolzovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy* [Criminal liability for crimes committed in the financial sphere using information and telecommunication technologies]. Yurlitinform.

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2026.20.35.054

**Методологический порядок в уголовном судопроизводстве:
математическая формализация как инструмент достижения
истинного и справедливого приговора**

Тащилин Роман Игоревич

Судья,

Харцызский межрайонный суд,

286250, Российская Федерация, Харцызск, переулок Кони, 2;

e-mail: 00r.t@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются современные вызовы российского уголовного правосудия, связанные с высокой нагрузкой на судей и необходимостью обеспечения единообразия судебной практики. На фоне рекордного роста числа обвинительных приговоров автором обосновывается необходимость внедрения специальной процедуры — «методологического порядка». Данный порядок, применимый по ходатайству подсудимого при согласии с квалификацией, предлагает заместить традиционное описание мотивов в приговоре формализованным математическим расчётом наказания на основе структурированных параметров общественной опасности преступного деяния и общественной опасности личности подсудимого. Доказывается, что такой подход минимизирует субъективные искажения, повышает прозрачность и эффективность судопроизводства, создавая основу для будущего расширения сферы применения формализованных алгоритмов назначения наказания. Научная статья из цикла статей на тему: «Методологический порядок назначения уголовного наказания: от концепции к алгоритму».

Для цитирования в научных исследованиях

Тащилин Р.И. Методологический порядок в уголовном судопроизводстве: математическая формализация как инструмент достижения истинного и справедливого приговора // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.20.35.054

Ключевые слова

Методологический порядок, назначение наказания, конструктивная формализация, единообразие судебной практики, уголовный процесс, математическое моделирование.

Введение

Современная российская судебная система сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов: возрастающая нагрузка на судей, требования повышения скорости и предсказуемости правосудия, а также необходимость минимизации рисков субъективного подхода при сохранении принципа индивидуализации наказания. Статистика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к росту числа обвинительных приговоров. Так, официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год содержит подробные данные по рассмотренным уголовным делам и обвинительным приговорам. 651,3 тыс. уголовных дел поступили в суды первой инстанции в 2024 году, 659,9 тыс. дел окончены судебным производством (с учётом остатков прошлых лет), 78,69% от числа лиц, по которым дела окончены - Обвинительные приговоры, причем похожий рост доли обвинительных приговоров наблюдается с 2015 г. (тогда было 74,06%), несмотря на то, что доля дел с признанием вины в открытой статистике не обнаружена, на практике такой процент, по самым скромным метрикам, составляет не менее 50 %, из числа лиц, по которым дела окончены обвинительным приговором, кроме того, около 2/3 уголовных дел из числа рассмотренных, относятся к небольшой и средней тяжести категории преступления, что совершенно подпадает под разрешение уголовных дел по методологическому порядку. В контексте данного массива дел, как уже было выявлено, значительную долю составляют дела, по которым подсудимые признают вину. Однако даже при согласии с обвинением, процесс составления обоснования приговора, особенно его мотивировочной части, остаётся трудоёмким и подверженным скрытым когнитивным искажениям. Целью настоящей статьи является концептуальное обоснование введения в уголовный процесс специальной упрощённой процедуры — «Методологического порядка» — ориентированной не на доказывание вины, а на точный и транспарентный расчёт вида и размера наказания на основе формализованных критериев.

Основная часть

Структура и содержание современного обвинительного приговора регламентированы уголовно-процессуальным законом. В описательно-мотивировочной части судья обязан проанализировать доказательства, дать оценку характеру и степени общественной опасности деяния, личности виновного, смягчающим и отягчающим обстоятельствам (ст. 307 УПК РФ). Этот анализ, несмотря на свою внешнюю стандартизированность, по своей сути является качественным, вербальным и в значительной степени зависит от внутреннего убеждения судьи.

Как показывают обобщения судебной практики, формулировки приговоров часто сводятся к перечислению обстоятельств без глубокой, взвешенной аргументации их влияния на итоговую меру наказания. Типичным является следующий шаблон: «суд принимает во внимание характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности виновного, смягчающие... и отягчающие... обстоятельства, влияние наказания на исправление... и приходит к выводу о назначении...». При этом зачастую отсутствует ясная, логически прослеживаемая связь между тяжестью конкретного обстоятельства и количественным изменением срока или вида наказания. Например, в одном из приведённых примеров суд, констатируя наличие малолетних детей у подсудимого (смягчающее обстоятельство) и рецидив (отягчающее), не объясняет, как именно они уравнивали друг друга и привели к избранной мере, в этой связи, суд был обязан либо описать и транспорировать свои внутренние убеждения на текст приговора, либо

воспользоваться методом и формулой, предложенной автором статьи, в проверке, обоснованности и точности которой не усомнится ни сторона обвинения, ни сторона защиты, ни сам осужденный.

Данная проблема приобретает особую остроту в условиях роста судебной нагрузки. В 2025 году, как отмечалось, суды рассматривали беспрецедентное количество дел, в том числе по сложным составам. В таких условиях даже добросовестный судья физически не способен уделить детальному, индивидуализированному анализу обстоятельств каждого дела столько времени, сколько это необходимо для абсолютной непредвзятости, которая как имеет место быть со стороны (мнение иного лица), так и внутренне (физическая усталость судьи, что сказывается на низком качестве написания судебных актов).

В ответ на обозначенные вызовы предлагается концепция «методологического порядка» рассмотрения уголовного дела, его суть заключается в следующем.

Порядок инициируется по специальному ходатайству подсудимого на любом этапе судебного разбирательства. Согласие подсудимого должно включать: а) согласие на саму процедуру; б) согласие с предъявленной квалификацией преступления (статьёй УК РФ), при этом признание вины не является обязательным условием. Соглашаясь с квалификацией, подсудимый принимает рамки санкции, в пределах которой будет рассчитываться наказание. Вводится ключевое ограничение: в рамках данного порядка не применяются положения статей 15 (о категориях преступлений), 64 (о назначении более мягкого наказания) и 73 (об условном осуждении) УК РФ. Это обеспечивает работу формулы в чётко заданных законодателем пределах санкции конкретной статьи.

Центральным элементом, заменяющим традиционную мотивировку, становится формализованный математический расчёт. Вместо текстового описания «степени общественной опасности» суд и стороны оперируют структурированными параметрами:

- общественная опасность преступного деяния (ООД): рассчитывается как сумма баллов за физический вред (дискретная шкала 0–5), имущественный ущерб (пересчёт в баллы через фиксированный коэффициент, например, 1 балл = 5000 руб.) и моральный вред (шкала 0–5).

Общественная опасность личности подсудимого (ООЛ): рассчитывается по системе взвешенных баллов за криминальный анамнез (рецидив, судимости), обстоятельства совершения преступления (формализованный перечень отягчающих и смягчающих факторов из ст. 61, 63 УК РФ) и социально-личностные показатели.

На основе этих нормированных показателей по заданному алгоритму вычисляется интегральный индекс тяжести преступления (ИТП), который напрямую коррелирует с видом и размером наказания в рамках санкции статьи.

Судья не устраняется от принятия решения, а получает эффективный инструментарий. Его роль смещается с интуитивного «взвешивания» обстоятельств на:

- установление фактических обстоятельств, подлежащих переводу в баллы (факт причинения вреда, размер ущерба, наличие судимости и т.д.);
- контроль за состязательным процессом представления сторонами своих коэффициентов и обоснования их величины;
- проверку итогового расчёта на соответствие принципам справедливости и гуманизма (ст. 60 УК РФ).

Внедрение методологического порядка способно дать системный положительный эффект.

Исключение субъективизма и заинтересованности. Алгоритм, основанный на единых для всех дел формулах и коэффициентах, нивелирует скрытые когнитивные искажения, усталость,

возможное внешнее давление или непоследовательность внутреннего убеждения. Расчёт становится проверяемым и воспроизводимым.

Сокращение нагрузки и времени на составление приговора. Трудоёмкий процесс вербального обоснования наказания заменяется заполнением структурированного протокола-расчётного листа и генерацией соответствующей части приговора. Это особенно критично в условиях высокой загрузки судов.

Обеспечение единообразия судебной практики. Формализация гарантирует, что одинаковые фактические обстоятельства (сходный вред, идентичный криминальный анамнез) приведут к сопоставимому наказанию в разных судах и регионах, что напрямую отвечает задаче, стоящей перед Верховным Судом РФ.

Повышение транспарентности и доверия. Подсудимый и общество получают ясную и наглядную «карту» назначения наказания, где виден вклад каждого фактора в итоговую меру.

Первичное внедрение методологического порядка логично начать с наиболее многочисленного массива дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, где признание вины носит массовый характер. Отработанный и принятый правоприменителем алгоритм впоследствии может быть адаптирован для более сложных категорий дел. Ключевым направлением развития станет интеграция в расчёт правил статей 69 и 70 УК РФ (назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров), что является одной из самых сложных задач судей. Кроме того, после отладки системы может быть рассмотрен вопрос о включении в её логику и исключительных правил статей 15, 64, 73 УК РФ, что потребует более сложных математических моделей для учёта «исключительных обстоятельств».

Заключение

Таким образом, рост статистики обвинительных приговоров и усиление требований к эффективности правосудия актуализируют поиск новых инструментов. Методологический порядок, основанный на формализованном расчёте наказания, не является заменой судьи, но представляет собой закономерный шаг в развитии уголовного процесса в сторону большей стандартизации, прозрачности и эффективности. Он позволяет превратить качественные правовые категории в количественно измеримые параметры, сохранив при этом состязательное начало и контрольную роль суда. Успешная апробация данной модели на делах о преступлениях небольшой и средней тяжести может заложить прочный фундамент для создания в будущем комплексной автоматизированной системы поддержки судебных решений, охватывающей весь спектр уголовно-правовых институтов, включая правила назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров.

Библиография

1. Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1998. 336 с.
2. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3-15.
3. Ольков С.Г. Математические начала теории судебных приговоров // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 3. С. 4-24.
4. Ольков С.Г. Теорема назначения уголовного наказания по правилу модернизированного рычага и сопутствующие теоремы уголовного процесса // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 64-69.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

6. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/>.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. 393 с.
8. Тащилин Р.И. Объективная истина и справедливость в уголовном процессе. Измерение величин имущественного ущерба и физического вреда // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2025. № 2. С. 15-23.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от ...) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Methodological Order in Criminal Proceedings: Mathematical Formalization as a Tool for Achieving a True and Fair Verdict

Roman I. Tashchilin

Judge,
Khartsyzsk Interdistrict Court,
286250, 2, Koni Lane, Khartsyzsk, Russian Federation;
e-mail: 00r.t@mail.ru

Abstract

The article analyzes contemporary challenges of Russian criminal justice related to the high workload on judges and the need to ensure uniformity of judicial practice. Against the backdrop of a record increase in the number of convictions, the author substantiates the necessity of introducing a special procedure — the "methodological order." This order, applicable at the request of the defendant who agrees with the qualification, proposes to replace the traditional description of motives in the verdict with a formalized mathematical calculation of punishment based on structured parameters of the social danger of the criminal act and the social danger of the defendant's personality. It is argued that such an approach minimizes subjective distortions, increases the transparency and efficiency of legal proceedings, creating a foundation for the future expansion of the scope of formalized algorithms for sentencing. This scientific article is part of a series of articles on the topic: "Methodological Order of Criminal Sentencing: From Concept to Algorithm."

For citation

Tashchilin R.I. (2026) Metodologicheskii poriadok v ugovnom sudoproizvodstve: matematicheskaya formalizatsiya kak instrument dostizheniya istinnogo i spravedlivogo prigovora [Methodological Order in Criminal Proceedings: Mathematical Formalization as a Tool for Achieving a True and Fair Verdict]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.20.35.054

Keywords

Methodological order, sentencing, constructive formalization, uniformity of judicial practice, criminal procedure, mathematical modeling.

References

1. Alekseev, S.S. (1998). *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Norma.
2. Nersesyants, V.S. (2002). *Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kontseptsiya* [Philosophy of law: libertarian-legal concept]. *Voprosy filosofii*, 3, 3-15.

3. Olkov, S.G. (2016). Matematicheskiye nachala teorii sudebnykh prigovorov [Mathematical foundations of the theory of judicial sentences]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Uralskiy region*, 3, 4-24.
4. Olkov, S.G. (2022). Teorema naznacheniya ugovnogo nakazaniya po pravilu modernizirovannogo urchaga i soputstvuyushchiye teoremy ugovnogo protsessa [Theorem of criminal sentencing according to the rule of the modernized lever and related theorems of criminal procedure]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 13(1), 64-69.
5. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2015). Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.12.2015 № 58 "O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugovnogo nakazaniya" [Resolution No. 58 of December 22, 2015 "On the practice of imposing criminal punishment by courts of the Russian Federation"]. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*, 2.
6. *Statisticheskiye dannyye Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF za 2024 god* [Statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2024]. (n.d.). Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. <http://www.cdep.ru/>
7. Tagantsev, N.S. (1994). *Russkoye ugovnoye pravo. Lektsii. Chast obshchaya* [Russian criminal law. Lectures. General part] (Vol. 2). Nauka.
8. Tashchilin, R.I. (2025). Obyektivnaya istina i spravedlivost v ugovnom protsesse. Izmereniye velichin imushchestvennogo ushcherba i fizicheskogo vreda [Objective truth and justice in criminal proceedings. Measurement of property damage and physical harm]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Uralskiy region*, 2, 15-23.
9. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation] No. 63-FZ of June 13, 1996. (1996). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 25, Art. 2954.

УДК 343**DOI: 10.34670/AR.2026.84.84.055****Правовые механизмы противодействия экстремизму в
международном и национальном измерении****Коротких Наталья Николаевна**

Доктор юридических наук, доцент, профессор,
кафедра уголовного права и криминологии, Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

Губин Артем Андреевич

Магистрант,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: gubin.aa@dvfu.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ международно-правовых основ противодействия организованному экстремизму. Исследование выявляет ключевой правовой пробел — отсутствие универсального определения экстремизма на международном уровне, что приводит к терминологической неопределённости, практике «двойных стандартов» и затрудняет межгосударственную кооперацию. Авторы систематизируют нормативную базу, рассматривая универсальные (ООН) и региональные (ШОС) акты, а также их имплементацию в национальное законодательство РФ. Особое внимание уделяется Шанхайской конвенции 2001 года как уникальному документу, дающему комплексное определение. В качестве главного вывода обосновывается необходимость разработки универсального международного договора под эгидой ООН для консолидации понятийного аппарата и механизмов сотрудничества в борьбе с глобальной угрозой экстремизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Коротких Н.Н., Губин А.А. Правовые механизмы противодействия экстремизму в международном и национальном измерении // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 456-465. DOI: 10.34670/AR.2026.84.84.055

Ключевые слова

Экстремизм, международное право, Шанхайская конвенция, международная безопасность, противодействие экстремизму, универсальное определение, Организация Объединенных Наций (ООН), национальное законодательство, межгосударственное сотрудничество, правовой пробел.

Введение

Общая тема исследования. Современный мир столкнулся с масштабной и трансформирующейся угрозой экстремизма, который, приобретая транснациональный характер, подрывает основы государственного суверенитета, международной безопасности, прав человека и социальной стабильности [Кошечев, 2016, с. 51-54]. Противодействие этому деструктивному явлению требует скоординированных усилий на глобальном и национальном уровнях, опирающихся на прочную правовую основу. В связи с этим центральное место в научной и практической дискуссии занимает анализ правовых механизмов борьбы с экстремизмом, их эволюции, эффективности и согласованности в международном и национальном правовых полях. Данное исследование посвящено комплексному изучению указанных механизмов, их сравнительному анализу и выработке предложений по преодолению существующих правовых барьеров.

Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, экстремизм остается одной из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности в XXI веке, эволюционируя и адаптируясь к новым технологическим и социальным реалиям. Во-вторых, фрагментированность международно-правового регулирования, отсутствие единого универсального определения экстремизма создают правовые лакуны, применяемые в политических целях, порождают практику «двойных стандартов» и существенно затрудняют эффективное сотрудничество между разными странами. В-третьих, на национальном уровне, например, в России, формируется и постоянно совершенствуется собственный юридический массив, направленный на борьбу с экстремизмом, требующий осмысления с научной точки зрения в контексте его соответствия мировым стандартам и эффективности контексте вызовов современной эпохи. Поэтому системный анализ юридических механизмов противостояния экстремизму на границе международного и национального права представляется крайне своевременным и имеющим большую практическую ценность.

Цель статьи состоит в осуществлении сравнительного анализа как международных, так и национальных (на примере РФ) юридических механизмов противостояния экстремизму, обнаружении ключевых пробелов и конфликтных ситуаций в правовом регулировании и создании на этой базе научно обоснованных рекомендаций по улучшению международной правовой базы.

Для реализации обозначенной цели в работе решается целый ряд задач: систематизировать международные юридические акты, регулирующие деятельность, направленную на борьбу с экстремизмом, по характеру и уровням регулирования; изучить содержательную составляющую и значение ключевых международных документов, в частности Шанхайской конвенции 2001 года, в формировании понятийного аппарата; выявить и охарактеризовать основные правовые пробелы и проблемы, связанные с отсутствием универсального определения экстремизма и терминологической неопределённостью.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе, сочетающем анализ международно-правовых основ с детальным изучением их имплементации в национальную правовую систему России. Особое внимание уделяется критическому осмыслению роли Шанхайской конвенции 2001 года как потенциальной модели для универсального определения, а также сравнительному анализу дефиниций на разных уровнях правового регулирования. Новизна также проявляется в предложении конкретных направлений для преодоления выявленного правового вакуума.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении научных представлений о правовой природе экстремизма как международной правовой категории, систематизации знаний о мировых законодательных режимах по борьбе с ним и совершенствовании доктрины соотношения национального и международного права в области безопасности. Результаты исследования вносят вклад в развитие таких отраслей юридической науки, как международное публичное и уголовное право, сравнительная юриспруденция.

Практическая значимость определяется возможностью применения рекомендаций и выводов, представленных в исследовании в нормотворческой деятельности для совершенствования национальных и международных правовых актов; в педагогическом процессе при обучении юристов-международников, специалистов в сфере правоохранительной деятельности и национальной безопасности; в рамках дальнейших научных изысканий, нацеленных на поддержание и укрепление международных юридических основ безопасности.

Материалы и методы

Настоящее исследование проведено с использованием комплекса общенаучных и специальных методов, адекватных его цели и задачам. Работа носит теоретико-аналитический и сравнительно-правовой характер, базируясь на изучении и интерпретации нормативных текстов, научной доктрины и правоприменительной практики. Основные методы исследования явились: 1) сравнительно-правовой метод. Он применялся для проведения сопоставительного анализа определений и подходов к понятию «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в различных правовых системах: на международном уровне: сравнивались дефиниции и концепции, содержащиеся в универсальных документах ООН (резолюции, декларации) и региональных актах (Шанхайская конвенция 2001 г., документы ОБСЕ); на уровне соотношения международного и национального права: анализировались механизмы и степень имплементации международных правовых норм в национальную законодательную систему, например, РФ; 2) формально-юридический (догматический) метод использовался с целью детального анализа содержания международных и национальных нормативных актов. Метод позволил: выявить структурные составляющие и признаки категорий «экстремизм», «преступления экстремистской направленности», «экстремистская деятельность».

Литературный обзор

При написании работы были использованы актуальные научные статьи по теме исследования, опубликованные в сборниках конференций (авторы – Б.А. Кошечев, С.В. Иванцов) и целый ряд ключевых юридических документов разных типов: декларации, конвенции, пакты, резолюции, постановления, указы, федеральные законы.

Результаты

В 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека, которая начала выполнять роль фундаментального правового инструмента, гарантирующего безусловную защиту достоинства человека и основных его свобод. В ее преамбуле зафиксирован основополагающий принцип, согласно которому именно уважение равных прав и достоинства индивидов составляет краеугольный камень свободы и международного мира, а его претворение в жизнь осуществляется через развитие дружественных межгосударственных связей [Всеобщая

декларация прав человека, 1948].

Правовые гарантии, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека, служат прямым критерием для выявления экстремизма как особого типа нетерпимости. Экстремистская деятельность, отрицающая эти гарантии, проявляется в нарушении следующих законов: правосубъектности (ст. 6), равенства всех перед законом (ст. 7), доступа к правовой защите (ст. 8), справедливого суда (ст. 10), презумпции невиновности (ст. 11), права на гражданство (ст. 15) и семью (ст. 16). Аналогично, ущемление политических свобод – права на убежище (ст. 14), свободы религии и мысли (ст. 18), свободы выражения (ст. 19), свободы собраний (ст. 20), избирательных прав (ст. 21), права на профсоюзы (п. 4 ст. 23) и права на социальный порядок (ст. 28) – представляет собой посягательство на достоинство личности. Именно такое посягательство, согласно анализу документов ООН, соответствует признакам экстремистского поведения.

Особую значимость в контексте противодействия экстремизму представляет Международный пакт о гражданских и политических правах, закрепляющий механизмы защиты свободы вероисповедания и совести. Документ квалифицирует нарушение равенства прав в контексте религиозной принадлежности как форму дискриминации по расовым, национальным, этническим признакам. Статья 18 Пакта гарантирует неотъемлемое право всех людей на свободу совести, мыслей, религиозных взглядов [Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966].

Концепция экстремизма отражена не только в универсальных актах международного уровня, но и в документации региональных организаций. Ярким примером служит Шанхайская конвенция 2001 года «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (РФ – участник с 2017 г.), которая квалифицирует экстремизм как ключевую угрозу правам человека, безопасности, безопасности межгосударственным отношениям [Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2001]. Присоединившиеся к ней страны (КНР, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Российская Федерация), признав деструктивное влияние этой «триады угроз» на стабильность, права человека и территориальное единство, обязались осуществлять скоординированную антиэкстремистскую политику, базирующуюся на принципах Устава ООН.

В п. 3 ст. 1 Шанхайской конвенции говорится о том, что экстремизм является уголовно наказуемым действием. В данную категорию включены деяния по захвату и удержанию власти насильственным путем, незаконному изменению конституционной системы, посягательства на безопасность социума, например, создание незаконных военных формирований. Значимость данного документа как юридической основы для противодействия терроризму и экстремизму в контексте ШОС особо отметил заместитель Генерального секретаря организации Се Сяюнь в своем докладе на конференции ОДКБ в октябре 2019 года [О роли и характере взаимодействия международных и региональных организаций в борьбе с международным терроризмом, 2019].

Венская декларация и программа действий детально регламентирует виды и проявления экстремизма, квалифицируя его как непосредственную угрозу фундаментальным правам человека, конституции и демократическим свободам государства [Венская декларация и программа действий, 1993]. Подобная деятельность воспринимается как фактор, подрывающий систему национальной безопасности и территориальную целостность государства.

Указанные выше юридические документы формируют систему охраняемых прав человека на международном уровне, нарушение которых через экстремистские деяния влечет установленную юридическую ответственность. Оптимальным представляется подход стран-

участников Шанхайской конвенции, предусматривающий совершенствование международной нормативной базы по борьбе с экстремизмом на региональном уровне, что способно повысить эффективность противодействия экстремистским организациям.

В то же время отсутствие универсального юридического определения экстремизма и исчерпывающего списка его квалифицирующих признаков существенно затрудняет межгосударственные взаимоотношения в области противостояния указанному явлению, препятствуя осуществлению принципа неотвратимости несения ответственности за совершение экстремистских преступлений. Подобная терминологическая неопределенность порождает «двойные стандарты», снижая эффективность сотрудничества в аспекте противодействия экстремизму между разными государствами. Анализ нормативных актов регионального уровня в области борьбы с экстремизмом выявляет неоднозначность существующих подходов к рассматриваемому явлению. С одной стороны, определенные экстремистские действия признаются серьезной угрозой международной безопасности, требующей консолидированного противодействия. С другой стороны, криминализации подвергаются лишь самые опасные формы экстремизма при сохранении юридического вакуума в плане других его проявлений. Существенным препятствием остается терминологическая неопределенность базовых понятий «экстремистская деятельность» и «экстремизм», что затрудняет формирование единой правоприменительной практики.

Законодательные системы разных стран, основываясь на международно признанных критериях экстремизма, требуют разработки расширенных базовых дефиниций, обеспечивающих продуктивное противостояние экстремистской деятельности и реализацию механизмов юридической ответственности.

В России экстремизм законодательно запрещен, а обеспечение соблюдения данного запрета строго контролируется. Эта ситуация определена сложным многонациональным и многоконфессиональным устройством нашей страны, что диктует повышенную бдительность и требует крайне быстро реагирования на какие-либо попытки разжигания вражды между различными этносами и общественными группами. Система борьбы с экстремизмом осуществляется на всех ступенях власти: федеральном, муниципальном, региональном.

Как установлено пунктом 6 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 28.12.2024 № 1124, далее – Стратегия противодействия экстремизму), экстремистская деятельность в любом виде приводит к нарушению гражданского мира, ущемлению свобод и прав, подрыву общественной и государственной безопасности. Он является прямой угрозой единству, независимости и территориальной целостности РФ, принципам ее конституционного строя, гражданской, межнациональной и межконфессиональной солидарности, общественно-политической стабильности и культурному развитию [Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124, 2024].

Нормативному регулированию борьбы с экстремистской деятельностью посвящен Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ, 2002] (далее – Закон о противодействии экстремизму).

В ст. 1 указанного Закона содержится широкий список признаков, входящих в категорию экстремистской деятельности. К ним относятся:

- насильственное изменение принципов конституционного строя и целостности территории РФ, в т.ч. отчуждение ее части, кроме демаркации, делимитации, редемаркации Государственной границы России с сопредельными странами;

- публичное оправдание террористической деятельности;
- возбуждение национальной, расовой, общественной, религиозной розни;
- пропаганда превосходства или неполноценности людей по признаку его расовым, социальным, этническим, религиозным, языковым особенностям;
- применение символики и атрибутики, связанной с нацизмом и экстремизмом;
- финансирование экстремистских организаций и оказание какой-либо другой помощи им (предоставление полиграфической, учебной, материально-технической базы, телефонной и других видов связи, оказание информационных услуг);
- подготовка и организация экстремистских мероприятий, подстрекательство к их реализации;

В примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ дается более краткое определение категории экстремизма в контексте привлечения к уголовной ответственности [Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ, 1996]. Под экстремистскими преступлениями в УК РФ понимают преступления, совершаемые по мотивам идеологической, политической, национальной, социальной, расовой, религиозной вражды (наказания за них описываются в статьях Особенной части УК РФ: 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также другие преступления, осуществляемые по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельствами, отягчающими наказание (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности») [Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11, 2011].

Согласно пп. 4 п. 4 Стратегии противодействия экстремизму проявления данного преступного деяния являются социально опасными противоправными действиями, совершаемыми по мотивам вражды по признакам политической, идеологической, социальной, языковой, национальной, расовой, религиозной принадлежности, способствующими возникновению межэтнических, межконфессиональных, региональных конфликтов, угрожающими конституционному строю Российской Федерации, независимости, единству и территориальной целостности государства, приводящими к искажению истории, реабилитации нацизма, разжиганию ненависти.

На основании ст. 15 Закона о противодействии экстремизму за занятия такой деятельностью граждане России, иностранцы и лица без гражданства несут административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность, согласно установленному законодательством РФ порядку.

Обсуждение

В международном дискурсе дефиниция экстремизма характеризуется относительной определенностью, одновременно допуская вариативность трактовок в разных источниках. Примечательна тенденция отождествления экстремизма с явлением нетерпимости, берущая начало в преамбуле «Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма», где впервые на мировом уровне был использован термин «экстремизм» в контексте эскалации террористической активности, детерминированной нетерпимостью [Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, 1994].

ООН квалифицирует экстремизм как угрозу мирового масштаба, отмечая, тяжкие последствия терактов, включая гибель детей (Резолюция СБ ООН 1566 [Резолюция СБ ООН

1566, 2004])). В юридическом поле ООН данная категория тесно связана с идеями расизма, национализма, ксенофобии. Соответственно, вся нормативная база ООН содержит последовательное осуждение экстремизма, базирующегося на разных типах политической, религиозной и социальной вражды [Резолюция ГА ООН № 2331, 1967; Венская декларация о преступности и правосудии, 2000; Резолюция ГА ООН № 55/2, 2000].

В плане классификации международных юридических актов особого внимания заслуживает типологический подход, предложенный в научных трудах С.В. Иванцова и Г.И. Идельбаевой [Иванцов, 2020, с. 311-318], согласно которому международные юридические документы, регламентирующие борьбу с экстремизмом, структурно подразделяются на три ключевые категории. Базовый уровень представлен актами, закрепляющими фундаментальные права человека как антитезу идеологии экстремизма. Следующий уровень образуют специализированные договоры, конвенции, соглашения, непосредственно регулирующие противостояние экстремистской деятельности. Завершающий уровень включает документы, детализирующие механизмы межгосударственной координации в области борьбы с экстремизмом, регламентирующие взаимоотношения компетентных органов разных стран.

Заключение

Формирование международной правовой базы по борьбе с экстремизмом и терроризмом ознаменовало крайне значимый этап в объединении усилий мирового сообщества по ликвидации глобальных угроз XX столетия. Общемировые и региональные международные акты в указанной области сферы отличаются единообразием в плане фиксации фундаментального понятийного аппарата, основополагающих принципов и направлений противодействия, регламентации судебных механизмов признания организаций экстремистскими, определения основных субъектов антиэкстремистской деятельности, установления запретов на применение телекоммуникационных сетей и популяризацию экстремистских материалов.

Серьезным пробелом международно-правового регулирования продолжает оставаться отсутствие единообразного определения экстремизма и полного списка его квалифицирующих признаков. Преодоление указанного юридического вакуума усматривается в создании специализированного и универсального международного договора, в котором фиксировались бы унифицированное определение экстремизма, подробная классификация его проявлений и ключевые механизмы межгосударственной кооперации в области обнаружения, пресечения и расследования преступлений экстремистского плана.

Библиография

1. Венская декларация и программа действий: принята в г. Вене 25 июня 1993 г. на 2-ой Всемирной конференции по правам человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.
2. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: принята на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10-17 апреля 2000 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-CONF.187-4-REV.3>.
3. Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Права человека. Основные международные документы: сб. документов. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 134-142.
4. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-49-60>.
5. Иванцов С.В. Международно-правовая регламентация противодействия экстремизму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 2. С.

- 311-318.
6. Кошечев Б.А. О природе и понятии международного терроризма // Материалы Всероссийской (очно-заочной) научно-практической конференции (Новосибирск, 19-20 мая 2016 года) / под ред. проф. В.Д. Путьгина. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2016. С. 51-54.
 7. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
 8. О роли и характере взаимодействия международных и региональных организаций в борьбе с международным терроризмом: материалы Международной конференции ОДКБ, г. Москва, 30 октября 2019 года. М.: ОДКБ, 2019. 76 с.
 9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/>.
 10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000 г. № 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.
 11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1967 г. № 2331 «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости». URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/2331\(XXII\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/2331(XXII)).
 12. Резолюция Совета Безопасности ООН 1566: принята на 5053-м заседании 8 октября 2004 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902113841/>.
 13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 14. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280013>.
 15. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. № 138-139. 30.07.2002.
 16. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>.

Legal Mechanisms for Countering Extremism in the International and National Dimension

Natal'ya N. Korotkikh

Doctor of Law, Associate Professor, Professor,
Department of Criminal Law and Criminology, Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax Village, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

Artem A. Gubin

Master's Student,
Law School,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax Village, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: gubin.aa@dvfu.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the international legal foundations for countering organized extremism. The study identifies a key legal gap — the absence of a universal

definition of extremism at the international level, which leads to terminological uncertainty, the practice of "double standards," and hinders interstate cooperation. The authors systematize the regulatory framework, examining universal (UN) and regional (SCO) instruments, as well as their implementation into the national legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the Shanghai Convention of 2001 as a unique document providing a comprehensive definition. As the main conclusion, the necessity of developing a universal international treaty under the auspices of the UN to consolidate the conceptual framework and cooperation mechanisms in combating the global threat of extremism is substantiated.

For citation

Korotkikh N.N., Gubin A.A. (2026) *Pravovyye mekhanizmy protivodeystviya ekstremizmu v mezhdunarodnom i natsional'nom izmerenii* [Legal Mechanisms for Countering Extremism in the International and National Dimension]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 456-465. DOI: 10.34670/AR.2026.84.84.055

Keywords

Extremism, international law, Shanghai Convention, international security, countering extremism, universal definition, United Nations (UN), national legislation, interstate cooperation, legal gap.

References

1. *Deklaratsiya o merakh po likvidatsii mezhdunarodnogo terrorizma* [Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism], UN General Assembly Resolution 49/60. (1994). https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/49/60
2. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 "O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti" [On Countering Extremist Activity]. (2002). *Rossiyskaya Gazeta*, 138-139.
3. Ivantsov, S.V. (2020). Mezhdunarodno-pravovaya reglamentatsiya protivodeystviya ekstremizmu [International legal regulation of countering extremism]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki*, 6(72)(2), 311-318.
4. Koshcheev, B.A. (2016). O prirode i ponyatii mezhdunarodnogo terrorizma [On the nature and concept of international terrorism]. In V.D. Putyatin (Ed.), *Materialy Vserossiyskoy (ochno-zaachnoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, May 19-20, 2016)* (pp. 51-54). Novosibirsk Publishing House.
5. *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh* [International Covenant on Civil and Political Rights], UN General Assembly Resolution 2200 A (XXI). (1966). <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>
6. *O roli i kharaktere vzaimodeystviya mezhdunarodnykh i regionalnykh organizatsiy v borbe s mezhdunarodnym terrorizmom* [On the role and nature of interaction between international and regional organizations in the fight against international terrorism]. (2019). Proceedings of the CSTO International Conference. CSTO.
7. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2011). Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 11 "O sudebnoy praktike po ugolovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti" [Resolution No. 11 of June 28, 2011 "On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist nature"]. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/>
8. Presidential Decree No. 1124 of December 28, 2024 "Ob utverzhdenii Strategii protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii" [On the Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation]. (2024). <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280013>
9. *Shanghayskaya konventsia o borbe s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom* [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism]. (2001). <http://kremlin.ru/supplement/3405>
10. UN General Assembly Resolution 2331 (XXII) of December 18, 1967 "Mery, kotoryye dolzhny byt prinyaty protiv natsizma i rasovoy neterpimosti" [Measures to be taken against nazism and racial intolerance]. (1967). [https://undocs.org/en/A/RES/2331\(XXII\)](https://undocs.org/en/A/RES/2331(XXII))
11. UN General Assembly Resolution 55/2 of September 8, 2000 "Deklaratsiya tysyacheletiya Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy" [United Nations Millennium Declaration].

-
- (2000). https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/55/2
12. UN Security Council Resolution 1566. (2004). <http://docs.cntd.ru/document/902113841/>
13. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation] No. 63-FZ of June 13, 1996. (1996). *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 25, Art. 2954.
14. *Venskaya deklaratsiya i programma deystviy* [Vienna Declaration and Programme of Action]. (1993). World Conference on Human Rights. <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action>
15. *Venskaya deklaratsiya o prestupnosti i pravosudii: otvety na vyzovy XXI veka* [Vienna Declaration on Crime and Justice: Meeting the Challenges of the Twenty-first Century]. (2000). Tenth UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/vienna_declaration.pdf
16. *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka* [Universal Declaration of Human Rights]. (1948). In *Prava cheloveka. Osnovnyye mezhdunarodnyye dokumenty* [Human Rights. Basic International Documents] (1989, pp. 134-142). Mezhdunarodnyye Otnosheniya.

УДК 343.34

DOI: 10.34670/AR.2026.68.20.056

К вопросу об оптимальной модели описания в уголовном законе признаков незаконного вооруженного формирования (опыт компаративистского исследования)

Олещенко Илья Александрович

Аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет,
350000, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: oleshenko_I@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются дискуссионные вопросы криминализации организации и участия в одном из наиболее опасных проявлений преступной консолидации – незаконном вооруженном формировании. Сквозь призму сопоставления опыта зарубежных источников уголовного права автор определяет специфику закрепления в законе юридических признаков данного вида преступной организации. В частности, определены общие и отличительные подходы описания в диспозиции уголовно-правовой нормы признаков незаконного вооруженного формирования. Обращено внимание на пробельность регламентации уголовной ответственности в УК РФ, в частности, отсутствие указания на специальную цель деятельности незаконного вооруженного формирования, равно как и опора законодателя на дискретные категории при его описании. По итогам исследования осуществлена систематизация зарубежного опыта и определены пути оптимизации законодательной конструкции состава организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (ч. 1 и 2 ст. 208 УК РФ).

Для цитирования в научных исследованиях

Олещенко И.А. К вопросу об оптимальной модели описания в уголовном законе признаков незаконного вооруженного формирования (опыт компаративистского исследования) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 466-473. DOI: 10.34670/AR.2026.68.20.056

Ключевые слова

Преступная организация, незаконное формирование, вооруженность, криминализация, организационная форма, бандитизм, сравнительное правоведение, уголовная ответственность.

Введение

Уголовная ответственность за создание и участие в незаконном вооруженном формировании установлена в законодательстве целого ряда зарубежных государств. Для отечественной уголовно-правовой теории к числу дискуссионных относится вопрос об отличительных признаках указанного вида криминальной организации. В частности, обращается внимание на недостаточно четко установленные законодателем границы водораздела между бандой и незаконным вооруженным формированием [Ворецкий, 2018, с. 50; Мазанаев, 2021, с. 359]. У истоков указанной проблемы стоит, как представляется, изначально неверный подход к конструированию состава преступления, а именно, отсутствие в диспозиции ст. 208 УК РФ указания на специальные цели деятельности незаконного вооруженного формирования. На этот пробел обращено внимание в специальной литературе [Балеев, 2016, с. 592; Лисенкова, 2019, с. 48–49]. Представляется, что в отличие от бандитизма цели незаконного вооруженного формирования не связаны с нападением на граждан или организации. Одним из определяющих признаков незаконного вооруженного формирования в научных источниках называется его военизированный характер, то есть создание такового по типу воинского подразделения, выполняющего функции регулярной армии, но не входящего в ее состав [Шеслер, Смирнов, 2016, с. 46]. Вместе с тем подобная трактовка выходит за пределы диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ, что свидетельствует о недопустимом расширительном толковании ее содержания. Однако, в целом соглашаясь с более точным смыслом, передаваемым данным термином, для опоры на него при раскрытии признаков незаконного формирования следует изменить содержание диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ в указанной части.

Основная часть

В уголовном законе закреплено лишь три отличительных признака незаконного вооруженного формирования: 1) незаконность;

2) вооруженность и 3) форма существования (объединение, отряд, дружина или иная группа). Толкование данных признаков также формирует вопросы относительно степени вооруженности рассматриваемого преступного формирования, а также открытого перечня организационных его форм. Законодатель, прибегая к подобному приему, используя оценочные понятия (например, «дружина»), конструирует ситуацию расхождения в понимании названного формирования с общими признаками организованной группы, закрепленными в ч. 3 ст. 35 УК РФ, что приводит к рассогласованности уголовного закона. Сказанное ставит на повестку дня поиск путей оптимизации изложения диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ. Одним из источников исследовательского поиска выступает сравнительно-правовой метод.

Анализ зарубежного законодательства свидетельствует, что хотя такая форма преступной организации, как незаконное вооруженное формирование, предусмотрена рядом источников, лишь в УК Республики Казахстан (далее – РК) закреплена ее легальная дефиниция. Кроме того, в отличие от УК РФ в названии используется сочетание «военизированное формирование», что более точно с учетом правовой природы данной преступной организации. Согласно п. 18 ст. 2 УК РК отличительными характеристиками незаконного военизированного формирования являются внешние признаки – незаконность, военизированность, организационная форма (объединение, отряд, дружина или иная группа, состоящая из трех и более человек) и

внутренние признаки – единоначалие; боеспособность, жесткая дисциплина [Уголовный кодекс Республики Казахстан, 2026].

Положительно оценивая закрепление в уголовном законе системы признаков данной формы преступного объединения, нельзя, вместе с тем, не обратить внимание на уязвимость подхода, связанного с оперированием оценочными категориями. Речь, в частности, идет об указании на такие формы существования незаконного военизированного формирования, как объединение, отряд, дружина или иная группа. Кроме того, размещение соответствующего понятия в ст. 2 кодекса в отрыве от норм, образующих институт соучастия, усложняет структуру уголовного закона.

В ст. 267 УК РК криминализовано как создание незаконного военизированного формирования, так и участие в нем. Интересно отметить, что признак военизированности присутствует и при описании состава организации и участия в деятельности рассматриваемого типа объединения в УК Республики Молдова (ст. 282) [Уголовный кодекс Республики Молдова, 2025].

Сходный прием описания организационных форм, в которых может выступать незаконное вооруженное формирование, закреплён в ч. 1 ст. 264 УК Кыргызстана [Уголовный кодекс Кыргызской Республики, 2026], а также в ч. 1 ст. 185 УК Республики Таджикистан [Уголовный кодекс Республики Таджикистан, 2025].

Однако, в отличие от УК РФ и других государств СНГ, указанная норма в ч. 2 ст. 185 УК Республики Таджикистан предусматривает такой квалифицирующий признак, как совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения». Это свидетельствует о более высоком уровне дифференциации уголовной ответственности, осуществленном в данном законе.

Спецификой отличается подход к криминализации создания незаконного вооруженного формирования в Республике Беларусь (далее – РБ). В ст. 287 УК РБ содержится оговорка об отсутствии признаков бандитизма [Уголовный кодекс Республики Беларусь, 2026]. Следовательно, незаконное вооруженное формирование не должно преследовать цель нападения на предприятия, учреждения, организации или на граждан, которая присуща бандитизму (ст. 286 УК РБ). Отсутствие легального описания в законе отличительных признаков данной преступной организации способствует формированию ложного представления о том, что незаконное вооруженное формирование не должно обладать признаками, присущими организованной группе [Овсянникова, 2021, с. 144–146]. Системное толкование и отграничение самим законодателем от бандитизма в данном случае дает основание для вывода, что незаконное вооруженное формирование есть разновидность преступной организации.

Отсутствует криминализация деятельности незаконного вооруженного формирования в УК Республики Узбекистан [Уголовный кодекс Республики Узбекистан, 2025]. Однако в рамках ст. 244–2 «Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях» может быть реализована уголовная ответственности и в отношении подобных вооруженных формирований. Не представлена аналогичная норма об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования и в УК Азербайджана [Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, 2025]. Данный источник криминализует лишь бандитизм (ст. 217) и организацию преступного сообщества (ст. 218).

Уголовное законодательство Китайской Народной Республики (далее – КНР) тоже не

содержит отдельной нормы об уголовной ответственности за создание и участие в незаконном вооруженном формировании. Однако в

ст. 294 УК КНР криминализировано создание, руководство и активное участие в организации криминального характера [Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, 2021]. Таким образом, китайский законодатель не идет по пути употребления обобщенного понятия без выделения конкретных разновидностей преступных объединений. Одним из преимуществ УК КНР является закрепление в рассматриваемой норме признаков организации криминального характера: устойчивость, множество участников, распределение ролей (наличие организатора, руководителей и устойчивых основных членов); экономические интересы и наличие экономической опоры деятельности организации; неоднократное совершение преступлений и других неправомерных действий; распределение сфер влияния на экономику определенного района или сферу экономической деятельности; коррумпированные связи с работниками государственных органов (укрывательство преступной деятельности). Как можно заметить, в законодательстве КНР нашли воплощение предложения отечественных криминологов, ратующих за закрепление межотраслевого подхода к определению организованной преступной деятельности. Вместе с тем при всех его очевидных плюсах столь детальное описание сложной системы признаков может сформировать проблему их установления в правоприменительной практике. Кроме того, нельзя не отметить, что китайский уголовный закон не закрепляет дефиниции «преступное сообщество» и «организованная преступная группа». В ст. 26 УК КНР содержится лишь определение преступной группы. Системный анализ положений названного источника дает основание для вывода о том, что категория «организация криминального характера» объединяет в себе и «преступное сообщество», и «организованную преступную группу» [Антонова, Манцуров, 2022, с. 103]. Тожественный подход избрал законодатель Литвы, и уголовный закон этого государства не содержит специальной нормы об ответственности за организацию или участие в незаконном вооруженном формировании. Однако в ч. 2 ст. 249 УК Литовской Республики установлена ответственность за участие в деятельности преступного объединения, вооруженного огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами или взрывчатыми материалами. В ч. 3 указанной статьи криминализована организация вооруженного преступного объединения [Уголовный кодекс Литовской Республики, 2017]. В свою очередь признаки преступного объединения закреплены в ч. 4 ст. 25 УК Литвы:

1) количественный состав – три или более лица; 2) устойчивость – постоянными взаимные отношения; 3) разделение ролей или задач;

4) специальная цель – совершение одного или нескольких менее тяжких, тяжких и серьезных преступлений. В этой же норме содержится оговорка о том, что антигосударственная группа или организация и террористическая группа признаются преступным объединением.

В законодательстве европейских государств также наличествуют примеры криминализации в отдельной норме деятельности вооруженных групп. Так, в § 127 Уголовного уложения Федеративной Республики Германии [Головненков, 2021, с. 233; Головненков, 2021, с. 233] установлена ответственность за организацию, руководство, участие, пособничество в форме снабжения оружием или деньгами или иным способом вооруженной группы. К признакам указанной группы отнесены: противоправность существования; вооруженность. Однако в отличие от УК РФ признак вооруженности в этой норме определяется широко – как наличие не только оружия, но и иных опасных орудий. Таким образом, немецкий законодатель не закрепляет ни специальной цели деятельности для вооруженной группы, ни форм ее существования.

В законодательстве Франции содержится сходная норма, однако речь в нем идет о боевой группе. В УК Франции установлена ответственность за участие в боевой группе (ст. 4431–14), участие в поддержании и воссоздании расформированной боевой группы (ст. 431–15), организацию боевой группы (ст. 431–16), организацию поддержки и воссоздания расформированной боевой группы (ст. 431–17). В качестве положительного законодательного опыта нельзя не отметить выделение самостоятельной нормы, содержащей описание признаков боевой группы (ст. 431–13), к которым отнесены: незаконное объединение лиц независимо от формы; вооруженность; иерархическая организация; нарушающая общественный порядок деятельность [Уголовный кодекс Франции, 2025].

Заключение

Осуществленный опыт компаративистского исследования дает основание для следующих обобщений:

– в зависимости от установления в специальной норме уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования можно выделить три группы государств:

1) страны, где осуществлена криминализация соответствующих деяний (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, ФРГ, Франция);

2) страны, где она отсутствует (Азербайджан, Китай, Узбекистан, Япония);

3) страны, где криминализация реализована в рамках общей нормы об ответственности за организацию преступного объединения (Литва);

– более предпочтительным, нежели «вооруженное формирование», при описании признаков рассматриваемого преступного объединения представляется употребление оборота «военизированное объединение» (Китай, Молдова);

– способствует единообразному толкованию закрепление признаков преступной организации с учетом межотраслевого подхода, учитывающего как уголовно-правовые, так и криминологические характеристики, как это осуществлено в УК КНР;

– для всех изученных источников зарубежного уголовного права, кроме УК Таджикистана, характерно отсутствие дифференциации уголовной ответственности посредством использования квалифицирующих признаков, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в указанной части;

– уголовное законодательство государств СНГ сохраняет тенденцию к широкому применению оценочных категорий, что снижает не только уровень правовой определенности содержания нормативного установления, но и негативно отражается на правоприменительной практике. В силу сказанного следует отказаться от перечисления в диспозициях статей форм существования незаконного вооруженного формирования.

Библиография

1. Антонова Е.Ю., Манцуров А.Ю. Понятие и признаки организованной преступности по законодательству Китайской Народной Республики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2.
2. Балеев С.А. Правовое регулирование ответственности за организацию преступного объединения и участие в нём // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2.
3. Ворецкий Я.М. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Символ науки. 2018. № 12.

4. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия. Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021.
5. Лисенкова Н.А. Отпращивание бандитизма от разбоя: проблемы квалификации // Научный журнал. 2019. № 3 (37).
6. Мазанаев Н.К. Банда, незаконные вооружённые формирования – проблемы разграничения и квалификации преступлений // Образование и право. 2021. № 7.
7. Овсянникова А.Р. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за организацию незаконного вооружённого формирования или участие в нем // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 8 октября 2021 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2021.
8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по сост. на 11.04.2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30420353&pos=2728;161
9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева. 2-е изд. М.: ООО «Юридическая фирма контракт», 2021.
10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36675065&pos=2820;134
11. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 г. № VIII-1968 (в ред. от 21 ноября 2017 г.). URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/28b18041843311e89188e16a6495e98c?jfwid=199cfecws9>
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026 г.). URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=30414984
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=558;97
14. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 10.07.2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30394923&pos=4051;123
15. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 17.12.2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325&pos=2134;112
16. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изм. и доп. по сост. на 23.10.2025 г.). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30421110&pos=3197;101
17. Уголовный кодекс Франции (в ред. от 11.07.2025 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309>
18. Шеслер А.В., Смирнов И.О. К вопросу об уголовно-правовых признаках незаконного вооружённого формирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36).

On the Question of the Optimal Model for Describing the Characteristics of an Illegal Armed Group in Criminal Law (Experience of a Comparative Study)

Il'ya A. Oleshchenko

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
350000, 149, Stavropolskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: oleshenko_I@mail.ru

Abstract

The article reveals debatable issues of criminalization of the organization and participation in one of the most dangerous manifestations of criminal consolidation — an illegal armed group. Through the prism of comparing the experience of foreign sources of criminal law, the author determines the specifics of enshrining the legal characteristics of this type of criminal organization in the law. In particular, general and distinctive approaches to describing the characteristics of an

illegal armed group in the disposition of a criminal law norm are identified. Attention is drawn to the gaps in the regulation of criminal liability in the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, the absence of an indication of the special purpose of the activity of an illegal armed group, as well as the legislator's reliance on discretionary categories in its description. Based on the results of the study, a systematization of foreign experience was carried out and ways to optimize the legislative structure of the crime of organizing an illegal armed group or participating in it (Parts 1 and 2 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation) were identified.

For citation

Oleshchenko I.A. (2026) K voprosu ob optimal'noy modeli opisaniya v ugodovnom zakone priznakov nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya (opyt komparativistskogo issledovaniya) [On the Question of the Optimal Model for Describing the Characteristics of an Illegal Armed Group in Criminal Law (Experience of a Comparative Study)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 466-473. DOI: 10.34670/AR.2026.68.20.056

Keywords

Criminal organization, illegal group, armed nature, criminalization, organizational form, banditry, comparative law, criminal liability.

References

1. Antonova, E.Yu., & Mantsurov, A.Yu. (2022). Ponyatie i priznaki organizovannoy prestupnosti po zakonodatelstvu Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The concept and characteristics of organized crime under the legislation of the People's Republic of China]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, 24(2).
2. Baleev, S.A. (2016). Pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnogo obedineniya i uchastie v nyom [Legal regulation of liability for the organization of a criminal association and participation in it]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2.
3. Golovnenkov, P.V. (2021). *Ugodovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germaniya. Strafgesetzbuch (StGB). Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona* [The Criminal Code of the Federal Republic of Germany. Strafgesetzbuch (StGB). Scientific and practical commentary and translation of the law text]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
4. Lisenkova, N.A. (2019). Otgranichenie banditizma ot razboya: problemy kvalifikatsii [Distinguishing banditry from robbery: problems of qualification]. *Nauchnyy zhurnal*, 3(37).
5. Mazanaev, N.K. (2021). Banda, nezakonnye vooruzhennyye formirovaniya – problemy razgranicheniya i kvalifikatsii prestupleniy [Gang, illegal armed groups – problems of differentiation and qualification of crimes]. *Obrazovanie i pravo*, 7.
6. Ovsyannikova, A.R. (2021). Sravnitel'no-pravovoy analiz zarubezhnogo zakonodatelstva ob ugodovnoy otvetstvennosti za organizatsiyu nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastie v nem [Comparative legal analysis of foreign legislation on criminal liability for the organization of an illegal armed group or participation in it]. In **Pravo, ekonomika i upravlenie: aktualnye voprosy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Cheboksary, 8 oktyabrya 2021 g.)**. Cheboksary: ID "Sreda".
7. Shesler, A.V., & Smimov, I.O. (2016). K voprosu ob ugodovno-pravovykh priznakakh nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya [On the issue of criminal law characteristics of an illegal armed formation]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2(36).
8. Ugodovnyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki ot 30 dekabrya 1999 g. № 787-IQ [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan No. 787-IQ of December 30, 1999]. (2025). Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=30420353&pos=2728;161
9. Ugodovnyy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The Criminal Code of the People's Republic of China]. (2021). (A.I. Chuchayev & A.I. Korobeev, Eds.; 2nd ed.). Moscow: OOO "Yuridicheskaya firma kontrakt".
10. Ugodovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 oktyabrya 2021 g. № 127 [Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021]. (2026) Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=36675065&pos=2820;134
11. Ugodovnyy kodeks Litovskoy Respubliki ot 26 sentyabrya 2000 g. № VIII-1968 [Criminal Code of the Republic of

- Lithuania No. VIII-1968 of September 26, 2000]. (2017). Retrieved from <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/28b18041843311e89188e16a6495e98c?jfwid=199cfecws9>
12. Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus ot 9 iyulya 1999 g. № 275-Z [Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z of July 9, 1999]. (2026) Retrieved from https://prg.kz/Document/?doc_id=30414984
 13. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 g. № 226-V [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of July 3, 2014]. (2026) Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=558;97
 14. Ugolovnyy kodeks Respubliki Moldova ot 18 aprelya 2002 g. № 985-XV [Criminal Code of the Republic of Moldova No. 985-XV of April 18, 2002]. (2025). Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=30394923&pos=4051;123
 15. Ugolovnyy kodeks Respubliki Tadjikistan ot 21 maya 1998 g. № 574 [Criminal Code of the Republic of Tajikistan No. 574 of May 21, 1998]. (2025). Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=30397325&pos=2134;112
 16. Ugolovnyy kodeks Respubliki Uzbekistan ot 22 sentyabrya 1994 g. № 2012-XII [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan No. 2012-XII of September 22, 1994]. (2025). Retrieved from https://prg.kz/document/?doc_id=30421110&pos=3197;101
 17. Ugolovnyy kodeks Frantsii [Criminal Code of France]. (2025). Retrieved from <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309>
 18. Voretskiy, Ya.M. (2018). Problemnye voprosy kvalifikatsii prestupleniy, predusmotrennykh st. 210 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Problematic issues of qualification of crimes under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Simvol nauki*, 12.

УДК 343.01**DOI: 10.34670/AR.2026.48.37.057****Приготовление к преступлению в уголовном праве России:
проблемы теории и судебной практики****Абдуллаева Виктория Сергеевна**

Кандидат экономических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университета (РИНХ)
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69;
e-mail: viksana-1234@yandex.ru**Долбня Мария Витальевна**

Магистрант

Ростовский государственный экономический университета (РИНХ)
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69;
e-mail: mashadolbnya2307@gmail.com**Аннотация**

Статья посвящена анализу приготовления к преступлению как самостоятельной стадии преступной деятельности в уголовном праве Российской Федерации. В центре внимания находятся теоретические положения и судебная практика квалификации приготовительных действий. Цель исследования заключается в выявлении проблем разграничения приготовления, покушения и оконченного преступления и определении критериев их правильной уголовно-правовой оценки. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебных решений. В работе выявлены ключевые объективные и субъективные признаки приготовления, типичные ошибки правоприменения и обоснована необходимость более точного учёта направленности действий виновного. Полученные выводы имеют практическое и научное значение и направлены на обеспечение единообразия судебной практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдуллаева В.С., Долбня М.В. Приготовление к преступлению в уголовном праве России: проблемы теории и судебной практики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 474-480. DOI: 10.34670/AR.2026.48.37.057

Ключевые слова

Стадии совершения преступления, приготовление к преступлению, покушение на преступление, уголовно-правовая оценка, разграничение стадий преступления, ответственность за приготовление.

Введение

Институт стадий совершения преступления играет важную роль в уголовном праве России, поскольку позволяет соотносить меру уголовной ответственности со степенью реализации преступного умысла. Особое место в данной системе занимает приготовление к преступлению как начальная стадия преступной деятельности, правовая оценка которой отличается сложностью и неоднозначностью. Несмотря на его нормативное закрепление в статье 30 Уголовного кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс РФ, 1996], вопросы квалификации приготовительных действий остаются дискуссионными в теории и судебной практике.

Актуальность исследования обусловлена тем, что приготовление к преступлению часто граничит с правомерным поведением, что создаёт риск расширительного толкования уголовного закона. Существенные трудности возникают при разграничении приготовления и покушения, а также при определении степени конкретизации умысла. В статье проводится комплексный анализ данных проблем с использованием формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов и материалов судебной практики, что позволяет обосновать необходимость более точного учёта направленности преступного умысла при квалификации деяний.

Основная часть

Приготовление к преступлению в уголовном праве Российской Федерации рассматривается как самостоятельная стадия преступной деятельности, характеризующаяся особыми объективными и субъективными признаками. В соответствии с частью 1 статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации приготовление выражается в умышленном создании условий для совершения преступления при отсутствии его доведения до конца по независящим от лица обстоятельствам. Вместе с тем законодательная формулировка данного понятия остаётся предметом научных дискуссий, в частности в части соотношения термина «приготовление» с категорией «создание условий» [Козлов, 2002, с. 216].

Одним из наиболее спорных вопросов является возможность осуществления приготовления к преступлению в форме бездействия. Традиционно в доктрине преобладает позиция, согласно которой приготовление возможно исключительно посредством активных действий, что обусловлено используемой законодателем терминологией. Однако в современной науке обосновывается и альтернативный подход, допускающий признание юридически значимого бездействия в качестве формы приготовления при наличии обязанности действовать и прямого умысла на совершение конкретного преступления [Птицына, 2023, с. 405]. Вместе с тем расширительное толкование данной позиции может повлечь неоправданное расширение уголовной ответственности, что требует её применения лишь в исключительных случаях.

С учётом изложенного приготовление к преступлению может быть определено как умышленная деятельность лица, направленная на создание условий для совершения конкретного преступления, не переходящая в стадию его непосредственного исполнения и прерванная по независящим от виновного обстоятельствам. К числу основных признаков приготовления относятся: создание условий для преступного посягательства без начала его исполнения, наличие прямого и конкретизированного умысла, прерывание преступной деятельности по объективным причинам, а также высокая сложность доказывания, связанная с

латентным характером данной стадии.

Ограничение уголовной ответственности за приготовление к преступлению лишь кругом тяжких и особо тяжких преступлений обусловлено принципом справедливости и направлено на реализацию идеи минимизации уголовной репрессии.

Приготовительные действия, в отличие от покушения и оконченного преступления, характеризуются более низкой степенью общественной опасности, поскольку вред объекту уголовно-правовой охраны на данной стадии, как правило, ещё не причиняется, а преступный умысел не переходит в фазу непосредственного исполнения. Признание уголовно наказуемыми любых приготовительных действий независимо от тяжести предполагаемого преступления привело бы к чрезмерному расширению сферы уголовной ответственности и подрыву принципа соразмерности наказания. Законодатель, ограничивая наказуемость приготовления, исходит из необходимости балансирования между задачами предупреждения преступлений и защитой личности от необоснованного уголовного преследования. Такой подход соответствует общей тенденции гуманизации уголовного законодательства и отражает понимание уголовного наказания как крайней меры государственного принуждения, применение которой допустимо лишь при наличии достаточной степени общественной опасности содеянного. Это согласуется с правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации, который в своих разъяснениях последовательно подчёркивает необходимость строгого соблюдения принципов справедливости и соразмерности уголовной ответственности при оценке деяний, не доведённых до конца.

Определение того, считается ли конкретное действие приготовлением к преступлению, напрямую влияет на его квалификацию и правовые последствия для лица.

Юридическое значение такого подхода заключается в том, что приготовление рассматривается как самостоятельное уголовно наказуемое деяние, обладающее своим составом и объективно-субъективными признаками. Отнесение поведения лица к стадии приготовления позволяет суду учитывать как степень реализации преступного умысла, так и реальные общественные опасности деяния при вынесении приговора, что существенно отличается от квалификации деяния как покушения на преступление или самого преступления [Питецкий, 2025, с. 235]. Напротив, ошибочное отождествление приготовительных действий с более тяжкими стадиями может привести к переквалификации в сторону усиления наказания, что нарушает принципы законности и справедливости.

Так, в одном из уголовных дел, рассмотренных в 2024 году, суд квалифицировал действия лица по совокупности ч. 1 ст. 30 УК РФ (приготовление к преступлению) в сочетании с п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств крупным размером) на основании собранных доказательств, свидетельствующих о намерении осужденного организовать сбыт наркотических средств, но при этом преступление не было доведено до конца по независящим обстоятельствам. Судом первой инстанции, а затем и апелляционной инстанцией установлено, что наличие у обвиняемого изъятых на момент задержания наркотических веществ, переписка, оборудование для фасовки и иные обстоятельства указывают на умысел и действия, направленные на создание условий для будущего сбыта, которые не перешли в стадию непосредственного исполнения преступления. В мотивировочной части приговора данная квалификация была подтверждена судом как соответствующая признакам приготовительного этапа, предусмотренного ч. 1 ст. 30 УК РФ, в связи с чем лицо признано виновным именно в приготовлении к незаконному сбыту, а не в оконченном преступлении [Подборка судебных решений..., 2024].

В постановлениях первой инстанции и апелляционных решения суда нередко указывают, что при квалификации именно подготовительного этапа имеет значение доказанность умысла на совершение конкретного преступления и факт отсутствия начала непосредственного исполнения объективной стороны состава.

Основные сложности квалификации приготовления к преступлению связаны с его разграничением с покушением на преступление. Ключевым критерием разграничения выступает отсутствие начала выполнения объективной стороны состава преступления при приготовлении. Однако на практике граница между созданием условий и непосредственным посягательством носит оценочный характер. В ряде случаев подготовительные действия по своему внешнему проявлению могут быть близки к покушению, что создаёт риск ошибочной квалификации. Особенно остро данная проблема проявляется при преступлениях, совершаемых с использованием технических средств, а также при преступлениях с формальным составом.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии неоднозначных подходов к оценке степени реализации преступного умысла на стадии подготовки. В отдельных судебных решениях акцент делается преимущественно на объективных действиях лица без должной оценки направленности умысла на совершение конкретного преступления. В то же время Верховный Суд Российской Федерации последовательно указывает на необходимость установления того, что подготовительные действия были направлены именно на совершение определённого преступления, а не носили абстрактный либо неопределённый характер.

Повышение качества доказывания субъективной стороны приготовления к преступлению имеет принципиальное значение для правильного установления стадии совершения преступления. Достоверное выявление направленности умысла, его конкретизации и осознания лицом характера совершаемых действий позволяет отграничить уголовно наказуемое приготовление от правомерного поведения либо от покушения на преступление. В этом контексте особую роль играют доказательства, раскрывающие мотивы, цели и намерения виновного, а также совокупность обстоятельств, свидетельствующих о реальности угрозы совершения преступления.

Существенное значение для понимания признаков приготовления к преступлению и его разграничения с иными стадиями преступной деятельности имеет практика Верховного Суда Российской Федерации. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ неоднократно подчёркивается, что приготовление к преступлению предполагает умышленное создание условий для совершения конкретного преступления, при этом такие действия не должны выходить за пределы подготовительного этапа и не образовывать начало исполнения объективной стороны состава преступления.

Так, Верховный Суд РФ указывает, что приискание или изготовление орудий преступления, подбор соучастников, изучение обстановки совершения преступления могут образовывать приготовление лишь при наличии доказательств направленности умысла лица на совершение конкретного преступления. Отсутствие такой направленности исключает возможность уголовно-правовой оценки содеянного как приготовления. В ряде судебных актов подчёркивается, что сами по себе нейтральные действия, не приобретающие преступного характера без установления умысла, не образуют состава приготовления.

Показательной в контексте разграничения подготовительных действий и иных форм поведения является позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июня 2025 г. № 83-УДП25-4-К1. Верховный Суд РФ отменил ранее состоявшиеся судебные

решения и направил уголовное дело на новое рассмотрение, указав на необходимость более тщательной оценки характера и направленности действий осуждённых за приготовление к приобретению наркотического вещества в крупном размере без цели сбыта. В частности, Высшая судебная инстанция разъяснила, какие действия являются приготовлением к преступлению, а что следует признавать покушением на преступление, обратив внимание на то, что сама по себе договорённость о приобретении наркотического вещества и совершение подготовительных действий не всегда свидетельствуют о наличии состава уголовно наказуемого приготовления, если не установлена достаточная степень конкретизации преступного умысла и реальное создание условий для совершения преступления [Кассационное определение ВС РФ № 83-УДП25-4-К1, 2025]. Данная позиция подчёркивает значимость всестороннего анализа как объективных, так и субъективных признаков деяния при решении вопроса о наличии приготовления к преступлению.

Особое значение в практике Верховного Суда РФ придаётся доказыванию субъективной стороны приготовления к преступлению [Постановление Пленума ВС РФ № 48, 2019]. Суды ориентируются на необходимость установления прямого умысла, конкретизированного по объекту и объективной стороне предполагаемого преступления. Недоказанность этих обстоятельств рассматривается как основание для переквалификации либо отмены судебных решений. Тем самым Верховный Суд РФ формирует подход, согласно которому субъективный критерий играет ключевую роль при оценке стадии подготовки.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что приготовление к преступлению является самостоятельной (начальной) стадией совершения преступления, обладающей специфическими объективными и субъективными признаками, требующими тщательной уголовно-правовой оценки. Его отличие от покушения и оконченного преступления заключается прежде всего в отсутствии начала выполнения объективной стороны состава преступления при наличии прямого умысла на совершение конкретного преступления.

Установлено, что ограниченный круг наказуемых приготовлений обусловлен принципами справедливости, соразмерности и минимизации уголовной репрессии. Законодательное решение о наказуемости приготовления лишь к тяжким и особо тяжким преступлениям соответствует меньшей степени общественной опасности данной стадии и направлено на предотвращение чрезмерного расширения сферы уголовной ответственности.

В то же время анализ судебной практики, включая позиции Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствует о наличии неоднозначных подходов к оценке степени реализации преступного умысла на стадии подготовки. Основные ошибки правоприменения связаны с формальным подходом к объективным действиям лица и недостаточным исследованием субъективной стороны преступления.

Представляется целесообразным уточнить законодательное регулирование приготовления к преступлению путём конкретизации критериев его отграничения от покушения в статье 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, заслуживает обсуждения возможность нормативного закрепления положения о том, что уголовная ответственность за приготовление к преступлению наступает лишь при наличии доказанного прямого, конкретизированного умысла на совершение определённого преступления, а также при установлении фактического создания условий, объективно повышающих вероятность его

совершения. Такое уточнение позволило бы ограничить расширительное толкование признаков приготовления, повысить единообразие правоприменительной практики и снизить риск необоснованной уголовной репрессии на ранних стадиях преступной деятельности.

Представляется, что повышение качества доказывания направленности умысла и степени его конкретизации позволит обеспечить более точное установление стадии совершения преступления и повысить единообразие судебной практики. Полученные выводы могут быть использованы в деятельности судов и органов предварительного расследования, а также в дальнейшем развитии теории неоконченного преступления в уголовном праве Российской Федерации.

Библиография

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления / А. П. Козлов. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 351 с.
3. Птицына А. П. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: понятие, признаки, особенности уголовно-правовой оценки и назначения наказания. Добровольный отказ от преступления / А. П. Птицына // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 404-407.
4. Питецкий В. В. Определение объективных границ приготовления к преступлению / В. В. Питецкий // Енисейские политико-правовые чтения. Сборник научных статей по материалам XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Красноярск, 2025. – С. 232-239.
5. Подборка судебных решений за 2024 год: статья 30 «Приготовление к преступлению и покушение на преступление УК РФ» // СПС КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/law/podborki/ch.3_st.30_ch.5_st.228.1 (дата обращения: 20.12.2025).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2025 г. № 83-УДП25-4-К1 // Гарант – URL: <https://base.garant.ru/412167214/> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 1. – С. 9-14.

Preparation for a Crime in the Criminal Law of Russia: Problems of Theory and Judicial Practice

Viktoriya S. Abdullaeva

PhD in Economics, Associate Professor,
Rostov State University of Economics (RINH),
344002, 69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: viksana-1234@yandex.ru

Mariya V. Dolbnya

Master's Student,
Rostov State University of Economics (RINH),
344002, 69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: mashadolbnya2307@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of preparation for a crime as an independent stage of criminal activity in the criminal law of the Russian Federation. The focus is on theoretical provisions and judicial practice of qualifying preparatory actions. The purpose of the study is to identify problems of distinguishing between preparation, attempt, and completed crime, and to determine the criteria for their correct criminal-legal assessment. The methodological basis consists of formal-legal, systemic, and comparative-legal methods, as well as analysis of judicial decisions. The work identifies key objective and subjective signs of preparation, typical law enforcement errors, and substantiates the need for a more accurate consideration of the direction of the perpetrator's actions. The obtained conclusions have practical and scientific significance and are aimed at ensuring uniformity of judicial practice.

For citation

Abdullaeva V.S., Dolbnya M.V. (2026) Prigotovleniye k prestupleniyu v ugovnom prave Rossii: problemy teorii i sudebnoy praktiki [Preparation for a Crime in the Criminal Law of Russia: Problems of Theory and Judicial Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 474-480. DOI: 10.34670/AR.2026.48.37.057

Keywords

Stages of crime commission, preparation for a crime, attempt to commit a crime, criminal-legal assessment, differentiation of stages of crime, liability for preparation.

References

1. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 29, 2025)]. (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (25), art. 2954.
2. Kozlov, A.P. (2002). *Uchenie o stadiakh prestupleniya* [The doctrine of the stages of a crime]. St. Petersburg: Iurid. tsentr Press.
3. Pititsyna, A.P. (2023). Prigotovlenie k prestupleniyu i pokushenie na prestuplenie: poniatie, priznaki, osobennosti ugovno-pravovoi otsenki i naznachenii nakazaniia. Dobrovol'nyi otkaz ot prestupleniya [Preparation for a crime and attempted crime: concept, features, specifics of criminal-legal assessment and sentencing. Voluntary renunciation of a crime]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], (19 (466)), 404–407.
4. Pitetskii, V.V. (2025). Opredelenie ob"ektivnykh granits prigotovleniya k prestupleniyu [Determining the objective limits of preparation for a crime]. In *Eniseiskie politiko-pravovye chteniia. Sbornik nauchnykh statei po materialam XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Yenisei Political and Legal Readings. Collection of scientific articles based on the materials of the XVII All-Russian scientific-practical conference] (pp. 232–239). Krasnoyarsk.
5. Podborka sudebnykh reshenii za 2024 god: stat'ia 30 «Prigotovlenie k prestupleniyu i pokushenie na prestuplenie UK RF» [A selection of court decisions for 2024: Article 30 "Preparation for a crime and attempted crime of the Criminal Code of the Russian Federation"]. (n.d.). In *SPS Konsul'tantPlus* [ConsultantPlus Legal Reference System]. Retrieved December 20, 2025, from https://www.consultant.ru/law/podborki/ch.3_st.30_ch.5_st.228.1
6. Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10 iyunia 2025 g. № 83-UDP25-4-K1 [Cassational ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 83-UD25-4-K1 of June 10, 2025]. (2025). *Garant* [Garant Legal Reference System]. Retrieved January 20, 2026, from <https://base.garant.ru/412167214/>
7. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 26 noiabria 2019 g. № 48 «O praktike primeneniia sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of November 26, 2019 "On the practice of court application of legislation on liability for tax crimes"]. (2020). *Biulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], (1), 9–14.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.11.78.058

Эффективные прокурорские проверки исполнения законов о противодействии коррупции: критерии, цель и задачи, принципы их проведения

Исламова Эльнара Рафисовна

Кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции (в отставке)

Доцент кафедры стратегического управления

высокотехнологичными предприятиями

Балтийский государственный технический университет

«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова,

190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1;

e-mail: alnara@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы эффективности прокурорских проверок исполнения законов о противодействии коррупции. Предлагаются критерии их эффективности, стратегические цель, задачи и принципы проведения. Обосновывается необходимость широкого использования криминалистических знаний при проведении научных исследований в целях разработки криминалистического обеспечения эффективных прокурорских проверок исполнения законов о противодействии коррупции. В заключении показано, что повышение эффективности прокурорских проверок в сфере противодействия коррупции требует проведения научных исследований с использованием междисциплинарного подхода с системной интеграцией криминалистических знаний. Имеется острая необходимость в разработке специального криминалистического обеспечения, включающего расширенную криминалистическую характеристику (охватывающую не только преступления, но и общественно опасные административные правонарушения, например, по ст. 19.28 КоАП РФ), типологию криминалистических ситуаций прокурорской проверки, версионные алгоритмы их разрешения, тактику взаимодействия с проверяемыми субъектами и оперативно-следственными органами, а также методы преодоления противодействия проверкам.

Для цитирования в научных исследованиях

Исламова Э.Р. Эффективные прокурорские проверки исполнения законов о противодействии коррупции: критерии, цель и задачи, принципы их проведения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 481-490. DOI: 10.34670/AR.2026.11.78.058

Ключевые слова

Эффективные прокурорские проверки, критерии эффективности проверок, принципы эффективных проверок, цель и задачи эффективных проверок, криминалистическое обеспечение, криминалистические знания.

Введение

Актуальность проблемы повышения эффективности деятельности прокуратуры по противодействию коррупции обусловлена устойчивостью антикоррупционной повестки и усилением роли прокуратуры как ключевого субъекта обеспечения законности в данной сфере. Её решение имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

В 2024 г. органами прокуратуры выявлено свыше 165 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства. На основании принятых мер прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено более 73 тыс. должностных лиц, а 703 лица освобождены от занимаемых должностей в связи с утратой доверия. В отчётном периоде возбуждено свыше 3 тыс. уголовных дел коррупционной направленности, а по заявлениям прокуроров в доход государства обращено незаконно приобретённое имущество чиновников на сумму более 504 млрд рублей [Доклад Генерального прокурора Рос. Федерации И. В. Краснова на Расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Рос. Федерации 19.03.2025].

Указанные данные свидетельствуют о высокой интенсивности прокурорской деятельности и значительном вкладе органов прокуратуры в защиту интересов государства. Одновременно количественные показатели требуют дополнения качественной оценкой эффективности.

Основная часть

Эффективность прокурорских проверок исполнения законов представляет собой комплексную оценочную категорию, отражающую степень достижения целей прокурорского надзора в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Она выражается в своевременном, правомерном и полном выявлении нарушений закона, их причин и условий, принятии законных и адекватных мер реагирования, обеспечивающих реальное устранение нарушений, восстановление нарушенных прав и укрепление законности и правопорядка при рациональном (оптимальном) использовании предоставленных полномочий и ресурсов. Такой подход соответствует современным сложившимся в теории прокурорской деятельности тенденциям оценки не формально-статистических показателей объема работы, а реального влияния на состояние законности [Амирбеков, 2015, с. 50-55; Амирбеков, 2015, с. 22-21; Бессарабов, 2015, с. 47-53; Винокуров, 2014, с. 3-5; Капинус, 2013, с. 17-28; Капинус, 2012, с. 21-28; Капинус, 2012, с. 3-14; Мамедов, 2018, с. 206-210].

При этом эффективность прокурорских проверок оценивается по достижению цели (изменение состояния законности) и качеству надзорного процесса: правомерности (наличие или отсутствие поводов и оснований для проверки, исключение случаев необоснованного вмешательства и упущений при наличии повода) и своевременности инициирования проверки (предотвращение ситуаций, когда нарушения выявляются уже после утраты реальной возможности их устранения), корректности выбора её предмета и объекта, соблюдения процессуальных сроков, полноте проверки (полнота исследования фактических обстоятельств, степень охвата всех выявленных нарушений и обусловивших их причин, установление всех виновных лиц, восстановление нарушенных прав и возмещение причинённого вреда), своевременности реагирования, законности и адекватности принятых мер характеру выявленных нарушений (тяжести и последствиям) (обоснованность актов реагирования (доля отменённых и признанных незаконными актов реагирования, случаи признания действий

прокурора незаконными))).

Универсальными критериями оценки эффективности прокурорских проверок исполнения законов являются:

Критерии, определяющие достижение целей надзорной деятельности:

- изменение состояния законности;
- реальное устранение нарушений;
- восстановление нарушенных прав.

Критерии, определяющие качество надзорной деятельности, в том числе процессуальные критерии:

- правомерность: наличие или отсутствие поводов и оснований для проверки; исключение необоснованного вмешательства и упущений при наличии повода;
- своевременность инициирования проверки: предотвращение ситуаций, когда нарушения выявляются уже после утраты реальной возможности их устранения;
- корректность выбора предмета и объекта проверки;
- соблюдение процессуальных сроков;
- полнота проверки: полнота исследования фактических обстоятельств; степень охвата всех выявленных нарушений и обусловивших их причин; установление всех виновных лиц; восстановление нарушенных прав и возмещение причинённого вреда;
- своевременность реагирования: законность и адекватность принятых мер в соответствии с характером выявленных нарушений (их тяжестью и последствиями);
- обоснованность актов реагирования: доля отменённых и признанных незаконными актов реагирования; случаи признания действий прокурора незаконными.

Ресурсные критерии:

- рациональность использования полномочий и ресурсов.

Однако применительно к прокурорским проверкам исполнения законов о противодействии коррупции критерии эффективности не вполне выработаны.

Основываясь на сформированных для прокурорской деятельности основах оценки эффективности, применяя подходы, предложенные Ю. П. Гармаевым [Гармаев, 2022, с. 50-55; Гармаев, 2023, с. 137-143; Гармаев, 2022, с. 265-269] к определению понятия эффективности расследования преступлений, предлагаем следующее понятие эффективных прокурорских проверок исполнения законодательства о противодействии коррупции.

Эффективные прокурорские проверки исполнения законодательства о противодействии коррупции – это проведенные в соответствии с законом и с учётом приоритетов государственной политики проверки, в ходе которых предупреждено и выявлено максимально большое количество существенных нарушений законодательства о противодействии коррупции, в первую очередь, коррупционных и сопутствующих им преступлений, а также связанных с ними административных коррупционных правонарушений, применен комплекс мер прокурорского реагирования, направленный на их пресечение, привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности (в первую очередь, к уголовной ответственности путем направления постановлений в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), возмещение причиненного ущерба, с минимально возможными затратами ресурсов. При определении существенности коррупционных правонарушений можно ориентироваться на Приложение № 2 к Обзору практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции (версия 2.0), направленному письмом Минтруда России от

15.04.2022 № 28-6/10/П-2479.

Неэффективным проверкам присущи выявление «мелких», ради наполнения отчётов, нарушений: не представляющих значительной общественной опасности, а также не свидетельствующих о коррупционном происхождении имущества проверяемых лиц; ошибки в квалификации нарушений, неверное отнесение к коррупционным нарушениям при заведомом отсутствии коррупционной составляющей; безосновательное включение в акты прокурорского реагирования требований об увольнении в связи с утратой доверия. Такая малоэффективная работа прокуроров жестко критикуется Генеральной прокуратурой Российской Федерации в информационных письмах. Совершенно обоснованно указывается, что отмеченные недостатки способствуют созданию видимости результатов работы по надзору за исполнением законов о противодействии коррупции и препятствуют выявлению и пресечению реальных нарушений закона [Ильяков, 2021, с. 33-36].

Представляется, что для выявления и пресечения мелких нарушений достаточно и полномочий кадровых подразделений, подразделений по профилактике коррупции, что также отмечалось Генеральной прокуратурой Российской Федерации в одном из информационных писем. А вот недоступный им арсенал полномочий прокурора, включая инициирование возбуждения уголовного дела путем направления в органы предварительного расследования постановлений в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, – это преимущество прокурора.

С учетом этого представляется, что дополнительными критериями эффективности прокурорских проверок исполнения законов о противодействии коррупции являются:

- соответствие приоритетам государственной политики;
- обеспечение баланса публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов граждан и организаций
- уровень должностных лиц, допустивших нарушения и привлеченных к ответственности;
- характер и степень общественной опасности выявленных правонарушений, вид примененной ответственности;
- размер сумм, изъятых на основании мер прокурорского реагирования;
- уровень внутриведомственного и межведомственного взаимодействия.

Для реализации эффективных прокурорских проверок исполнения законов о противодействии коррупции, как и для целей эффективного расследования преступлений коррупционной направленности, представляется необходимым определение их основных стратегических задач [Гармаев, 2020, с. 3-6; Гармаев, 2018, с. 8]:

- предупреждение, выявление и пресечение наиболее опасных коррупционных преступлений, относящихся к категории «верхушечных», «деловых», а не мелких, «низовых», «бытовых», эпизодических [Гармаев, 2018, с. 8];
- предупреждение, выявление и пресечение возможных совокупностей коррупционных и сопутствующих им преступлений, вероятной серийности их совершения;
- ликвидация в различных сферах, органах (организациях) организованных преступных групп и сообществ на районном, региональном и федеральном уровнях;
- установление имущества, полученного коррупционным путем, в целях обращения его в доход государства;
- предупреждение, выявление и пресечение связанных с коррупционными преступлениями и иными нарушениями наиболее опасных административных коррупционных правонарушений, совершенных юридическими лицами.

Реализуя эти задачи, прокуроры достигают цели – качественного изменения состояния

законности в различных сферах деятельности (например, в сферах жилищно-коммунального комплекса, земельных правоотношений, оборота государственной и муниципальной собственности, экологии, оборонно-промышленного комплекса, здравоохранения, образования и др.) либо органах и (или) организациях (например, в таможенных органах, органах ГИБДД, отдельных органах государственной власти и местного самоуправления, подведомственных им организациях), ликвидации в этих сферах, органах (организациях) организованных преступных групп и сообществ на районном, региональном и федеральном уровнях, выявление и разрушение коррупционных связей преступных формирований с применением комплекса мер прокурорского реагирования при активном внутрисистемном взаимодействии, а также взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, иными субъектами противодействия коррупции, контрольно-надзорными органами.

Эффективные прокурорские проверки должны осуществляться в соответствии со следующими критериями-принципами:

- соответствия приоритетам государственной политики;

- приоритета выявления «систематических», «верхушечных», «деловых» коррупционных и сопутствующих им преступлений, а также связанных с ними административных коррупционных правонарушений;

- наступательности, инициативности и расширения предмета прокурорской проверки.

Например, выявив несоответствии расходов должностного лица его доходам, прокурор должен проверить версию о приобретении его на незаконные доходы от предпринимательской деятельности, от участия в управлении юридическим лицом, незаконные вознаграждения от физических и юридических лиц. Установив (нормативный) правовой акт, не соответствующий требованиям законодательства, содержащий коррупциогенные факторы, регулирующий правоотношения в таких коррупциогенных сферах как закупочная деятельность, ЖКХ, земельные правоотношения, экологическая сфера, прокурор не должен ограничиваться принесением протеста или требования. Расширяя предмет проверки, в зависимости от ситуации, прокурор должен выяснить, кому выгодно принятие этого акта, каковы мотивы его принятия, какие возможности он предоставляет, для реализации каких незаконных действий он создает условия. Например, во многих субъектах Российской Федерации получило распространение принятие лесохозяйственных регламентов (нормативных правовых актов, на основании которых согласно ст. 87 Лесного кодекса Российской Федерации осуществляется использование, охрана, защита, воспроизводство лесов, расположенных в границах лесничества), противоречащих требованиям законодательства. Требования к лесохозяйственным регламентам определяются Приказом Минприроды России от 27.02.2017 № 72 «Об утверждении состава лесохозяйственных регламентов, порядка их разработки, сроков их действия и порядка внесения в них изменений». Принимаются лесохозяйственные регламенты, необоснованно относящие леса к эксплуатационным и защитным категориям, разрешающие хозяйственную деятельность, несовместимую с охраной природных объектов, создающие угрозу уничтожения уникальных природных объектов [Решение Магаданского областного суда от 20 мая 2024 г. по делу № 3а-12/2024], не соответствующие статьям 12, 111, 112 Лесного кодекса РФ, ст. 27 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», запрещающей деятельность, нарушающую сохранность таких территорий, не отвечающую режиму особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) [Апелляционное определение СК по административным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 10 апреля 2025 г. по делу № 66а-285/2025]; разрешающих разработку

месторождений полезных ископаемых в зелёных зонах защитных лесов, что противоречит ч. 4 ст. 114 Лесного кодекса РФ, запрещающей добычу полезных ископаемых в лесопарковых зонах [Решение Хабаровского краевого суда от 07 декабря 2023 г. по делу № 3а-296/2023 // СПС «КонсультантПлюс»]; позволяющих выборочную рубку спелых и перестойных лесных насаждений на лесных участках, относящихся к категории защитных лесов; в отдельных случаях с превышением полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации, разрешающие использование ООПТ в режиме эксплуатационных лесов, хотя в силу ч. 3 ст. 87 Лесного кодекса РФ такие полномочия принадлежат федеральным органам [Решение Пермского краевого суда от 13 сентября 2024 г. по делу № 3а-379/2024; Решение Владимирского областного суда от 23 октября 2024 г. по делу № 3а-216/2024; Решение Магаданского областного суда от 13 декабря 2024 г. по делу № 3а-18/2024]. Такие нарушения отмечаются и в юридической литературе [Чураков, 202, С, 97].

Принятие этих нормативных правовых актов может быть связано с экономическими интересами бизнеса в ущерб экологическим требованиям, лоббированием интересов отдельных лесопользователей, включение ООПТ в эксплуатационные леса создает риски незаконной вырубki, добычи ресурсов и иной незаконной деятельности в лесах, может свидетельствовать о коррупционных рисках. Такие действия приводят к нарушению прав граждан на благоприятную окружающую среду, интересов Российской Федерации.

Например, Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратурой в Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальском крае в связи с выявлением фактов принятия органами государственной власти лесохозяйственных регламентов, неверно определяющих категорию лесов, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, что влекло предоставление лесных участков в границах заказников регионального значения для заготовки древесины и сплошных рубок в коммерческих целях, принимались меры по пресечению цепочки нарушений, вызванных принятием незаконных нормативных правовых актов. Для прекращения нарушений прокуроры в судебном порядке инициировали запрет деятельности по использованию лесов в целях заготовки древесины и проведения сплошных рубок [Ермаченко, 2022, с. 107-114; Ермаченко, 2022. 170-180];

- активного взаимодействия прокуроров с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, иными субъектами противодействия коррупции, контрольно-надзорными органами при проведении прокурорских проверок;

- активного внутрисистемного взаимодействия как в рамках одной прокуратуры (между подразделениями, осуществляющими надзор за исполнением законов и законностью правовых актов, процессуальный надзор и обеспечивающими участие в рассмотрении дел судами), так и между разными прокуратурами (территориальными и специализированными (природоохранными, транспортными, военными и другими));

- недопустимости разрушения сложившихся правоотношений при применении мер прокурорского реагирования. Особенно остро стоит вопрос о соблюдении данного принципа при требовании прокурором увольнения должностных лиц в связи с утратой доверия;

- обеспечения баланса публичных и частных интересов при применении мер прокурорского реагирования. Данный принцип неоднократно упоминается в постановлениях и определениях Конституционного суда Российской Федерации и актуален при решении вопроса об обращении имущества должностных лиц в доход Российской Федерации, а также при требовании прокурором увольнения в связи с утратой доверия [Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального

закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам", пункта 5 статьи 4 Федерального закона "О личном подсобном хозяйстве" и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан»].

Имеются возможности существенного повышения эффективности работы прокуроров, противодействующих коррупции, требуемого руководством государства. Для этого необходимо ориентировать прокурорских работников на еще более эффективное проведение проверок исполнения законов о противодействии коррупции с учетом вышеуказанных цели и задач, принципов и критериев эффективности проверок.

С учетом высокой загруженности прокурорских работников необходимо обеспечить их готовыми к применению методиками, алгоритмами выявления коррупционных нарушений.

Это обуславливает необходимость разработки научно обоснованных методик и алгоритмов выявления коррупционных нарушений при распределении бюджетных средств в приоритетных сферах, включая социальную политику, государственный оборонный заказ, модернизацию оборонно-промышленного комплекса, а также реализацию национальных проектов и федеральных программ.

Повышение эффективности прокурорских проверок в сфере противодействия коррупции требует проведения научных исследований с использованием междисциплинарного подхода с системной интеграцией криминалистических знаний. Имеется острая необходимость в разработке специального криминалистического обеспечения, включающего расширенную криминалистическую характеристику (охватывающую не только преступления, но и общественно опасные административные правонарушения, например, по ст. 19.28 КоАП РФ), типологию криминалистических ситуаций прокурорской проверки, версионные алгоритмы их разрешения, тактику взаимодействия с проверяемыми субъектами и оперативно-следственными органами, а также методы преодоления противодействия проверкам.

Такой подход позволит обеспечить прокуроров научно обоснованной методической основой для проведения наступательных, высокоэффективных проверок, ориентированных на выявление системных, серийных, «верхушечных» коррупционных проявлений и обеспечение устойчивого изменения состояния законности в особо значимых для государства сферах.

Заключение

Реализация этого подхода обеспечит соответствие деятельности прокуратуры стратегическим установкам руководства государства и повысит эффективность государственной антикоррупционной политики в целом.

Библиография

1. Амирбеков, К. И. Оценка организации работы как основного фактора, влияющего на эффективность прокурорской деятельности / К. И. Амирбеков // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2015. № 2(46). С. 22-28.
2. Амирбеков, К. И. Оценка факторов, влияющих на эффективность прокурорской деятельности: концептуальный

- подход / К. И. Амирбеков // Юридический мир. – 2015. – № 5. – С. 50-55.
3. Бессарабов В. Г., Виктор И. С., Игонина Н. А. и др. К вопросу о критериях и показателях эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. М.: Юрист, 2015. № 8. С. 47-53.
 4. Винокуров, Ю. Е. Эффективность и качество как оценочные категории прокурорской деятельности / Ю. Е. Винокуров // Основные направления повышения эффективности деятельности прокуратуры: Сб. мат-ов науч.-практ. конф., Москва, 12 ноября 2014 года. Москва: Московский гуманитарный университет, 2014. – С. 3-5.
 5. Гармаев Ю. П. Основы методики расследования коррупционных преступлений: курс лекций. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. – 49 с.
 6. Гармаев, Ю. П. Основные направления расследования коррупционных преступлений на первоначальном этапе / Ю. П. Гармаев, Р. А. Степаненко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 2. – С. 3-6.
 7. Гармаев, Ю. П. Эффективная методика расследования преступлений в сфере здравоохранения: какой ей быть? / Ю. П. Гармаев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(51). – С. 137-143.
 8. Гармаев, Ю. П. Критерии эффективности методик расследования коррупционных преступлений / Ю. П. Гармаев // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : Сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 09 декабря 2022 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – С. 265-269.
 9. Гармаев, Ю. П. Эффективное, неэффективное и незаконное расследование коррупционных преступлений / Ю. П. Гармаев // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 4(59). – С. 50-55.
 10. Ермаченко, С. В. К вопросу о роли прокуратуры в борьбе с незаконными рубками лесных насаждений / С. В. Ермаченко // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 8-1. – С. 107-114.
 11. Ермаченко, С. В. Особенности деятельности природоохранных прокуратур на современном этапе / С. В. Ермаченко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 3(102). – С. 170-180.
 12. Ильяков, А. Д. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции / А. Д. Ильяков // Законность. – 2021. – № 3(1037). – С. 33-36.
 13. Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012, № 1 (27). С. 21-28.
 14. Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. Оценка эффективности работы органов прокуратуры со стороны личности, общества, государства // Вестн. Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013, № 1(33). С. 17-28.
 15. Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. Проблемы совершенствования внутрисистемной оценки работы органов прокуратуры // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012, № 5 (31). С. 3-14.
 16. Магомедов М.А. Оценка эффективности реализации полномочий прокурора в концепции их доктринальной модели // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 206-210.
 17. Чураков Д. Б. Роль прокурорского надзора в обеспечении законности в сфере лесопользования // Проблемы совершенствования прокурорской деятельности и правоприменительной практики : сборник статей по материалам VII научно-практического круглого стола «Проблемы предупреждения нарушений экологического законодательства», г. Иркутск, 27 ноября 2020 г. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – Вып. 9. – С. 95-100.

Effective Prosecutor's Inspections of Compliance with Anti-Corruption Legislation: Criteria, Goal and Objectives, Principles of Their Conduct

El'nara R. Islamova

PhD in Law, Associate Professor, Counselor of Justice (retired),
Associate Professor of the Department
of Strategic Management of High-Tech Enterprises,
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,
190005, 1, 1st Krasnoarmeyskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alnara@yandex.ru

Islamova E.R.

Abstract

The article examines issues of the effectiveness of prosecutor's inspections of compliance with anti-corruption legislation. Criteria for their effectiveness, strategic goal, objectives, and principles of conducting them are proposed. The necessity of extensive use of forensic knowledge in conducting scientific research for the development of forensic support for effective prosecutor's inspections of compliance with anti-corruption legislation is substantiated. In conclusion, it is shown that improving the effectiveness of prosecutor's inspections in the field of anti-corruption requires scientific research using an interdisciplinary approach with the systemic integration of forensic knowledge. There is an urgent need to develop specialized forensic support, including an extended forensic characteristic (covering not only crimes but also socially dangerous administrative offenses, for example, under Article 19.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), a typology of forensic situations of prosecutor's inspection, version-based algorithms for their resolution, tactics for interaction with audited entities and operational-investigative bodies, as well as methods for overcoming resistance to inspections.

For citation

Islamova E.R. (2026) Effektivnyye prokurorskiye proverki ispolneniya zakonov o protivodeystvii korruptsii: kriterii, tsel' i zadachi, printsipy ikh provedeniya [Effective Prosecutor's Inspections of Compliance with Anti-Corruption Legislation: Criteria, Goal and Objectives, Principles of Their Conduct]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 481-490. DOI: 10.34670/AR.2026.11.78.058

Keywords

Effective prosecutor's inspections, criteria for inspection effectiveness, principles of effective inspections, goal and objectives of effective inspections, forensic support, forensic knowledge.

References

1. Amirkbekov, K. I. (2015). Assessment of work organization as the main factor affecting the effectiveness of prosecutorial activity. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, (2)(46), 22–28.
2. Amirkbekov, K. I. (2015). Assessment of factors affecting the effectiveness of prosecutorial activity: A conceptual approach. *Legal World*, (5), 50–55.
3. Bessarabov, V. G., Viktorov, I. S., Igoina, N. A., et al. (2015). On criteria and indicators for evaluating the effectiveness of prosecutorial supervision over compliance with human and civil rights and freedoms. *State Power and Local Self-Government*, (8), 47–53.
4. Vinokurov, Y. E. (2014). Effectiveness and quality as evaluative categories of prosecutorial activity. Main directions for enhancing the effectiveness of prosecutorial activity (pp. 3–5). Moscow: Moscow Humanitarian University.
5. Garmaev, Y. P. (2018). Fundamentals of the methodology for investigating corruption crimes: Lecture course. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House.
6. Garmaev, Y. P., & Stepanenko, R. A. (2020). Main directions for investigating corruption crimes at the initial stage. *Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, (2), 3–6.
7. Garmaev, Y. P. (2023). Effective methodology for investigating crimes in the healthcare sector: What should it be? *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (2)(51), 137–143.
8. Garmaev, Y. P. (2023). Criteria for the effectiveness of methodologies for investigating corruption crimes. Criminal law, criminal procedure and criminological issues in combating crime (pp. 265–269). Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
9. Garmaev, Y. P. (2022). Effective, ineffective and illegal investigation of corruption crimes. *Eurasian Advocacy*, (4)(59), 50–55.
10. Ermachenko, S. V. (2022). On the role of the prosecution service in combating illegal logging. *Issues of Russian and International Law*, 12(8-1), 107–114.
11. Ermachenko, S. V. (2022). Specific features of environmental prosecution activities at the current stage. *Bulletin of the*

-
- East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (3)(102), 170–180.
12. Ilyakov, A. D. (2021). Improving prosecutorial supervision over compliance with anti-corruption legislation. *Legality*, (3)(1037), 33–36.
 13. Kapinus, O. S., Andreev, B. V., & Kazarina, A. Kh. (2012). On the methodology for evaluating the effectiveness of prosecutorial supervision. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, (1)(27), 21–28.
 14. Kapinus, O. S., Andreev, B. V., & Kazarina, A. Kh. (2013). Evaluation of the effectiveness of prosecution bodies' work from the perspective of the individual, society and the state. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, (1)(33), 17–28.
 15. Kapinus, O. S., Andreev, B. V., & Kazarina, A. Kh. (2012). Problems in improving internal evaluation of prosecution bodies' work. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, (5)(31), 3–14.
 16. Magomedov, M. A. (2018). Evaluation of the effectiveness of prosecutors' powers implementation within the framework of their doctrinal model. *Problems of Economics and Legal Practice*, (2), 206–210.
 17. Churakov, D. B. (2020). The role of prosecutorial supervision in ensuring legality in forest management. *Problems of improving prosecutorial activity and law enforcement practice* (Issue 9, pp. 95–100). Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 343.37:339.543

DOI: 10.34670/AR.2026.67.89.059

**Правовая природа ущерба, наносимого преступным уклонением
от уплаты таможенных платежей, специальных,
антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых
с организации или физического лица**

Спирин Павел Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: pn.spirin@gmail.com

Аннотация

Целью настоящего исследования автор ставит рассмотрение вопроса правовой природы ущерба, наносимого преступным уклонением от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица, ответственность за совершение которого установлена ст. 194 Уголовного кодекса РФ. В ходе разрешения указанного проблемного вопроса автором на основе анализа исследовательских позиций теоретиков уголовного права выделяются основные признаки общественно опасных последствий преступных деяний. На основании данных признаков автор приходит к выводу, что преступные последствия совершения анализируемого противоправного деяния выражены в нанесении имущественного вреда в виде недополучения государством определенной суммы причитающихся к уплате таможенных и иных платежей, взимаемых в связи с перемещением товаров через таможенную границу. При этом, как показало проведенное исследование, сам имущественный вред от уклонения от уплаты таможенных и иных платежей обладает своей спецификой и по своей правовой природе не может быть отнесен ни к реальному ущербу, ни к упущенной выгоде, которые объединены гражданско-правовой категорией «убытки». Ввиду изложенного автором предлагается применительно к преступным последствиям исследуемого противоправного деяния использовать термин «имущественный ущерб», но в том смысле, который придает ему уголовное законодательство в ст.ст. 76¹, 104¹ Уголовного закона, а также применяется в процессуальной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Спирин П.Н. Правовая природа ущерба, наносимого преступным уклонением от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 491-498. DOI: 10.34670/AR.2026.67.89.059

Ключевые слова

Уклонение, таможенные платежи, 194 УК РФ, преступные последствия, имущественный ущерб, уголовная ответственность, таможенная граница.

Введение

В целом, в доктрине уголовного права сложилось единство понимания преступлений в сфере экономической деятельности как общественно опасных деяний, наносящих ущерб данной области социальных отношений. Указанное и не является удивительным, поскольку в достижении указанного «герменевтического унисона» решающую роль сыграл законодатель, поименовав объект преступления в самом названии главы 22 Уголовного кодекса РФ.

Так, например, А.П. Кузнецов при рассмотрении налоговых преступлений как категории общественно опасных деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, в своем диссертационном исследовании заключает, что родовым объектом исследуемой группы преступлений выступает система общественных отношений в сфере экономики, подчеркивая важность роли налогов в экономической жизни государства [Кузнецов, 2000, с.34–35].

И.В. Шишко, исследуя вопрос видового объекта преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена главой 22 УК России, приходит к выводу, что таковыми выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности, причем отношения не фактические, а должные. В контексте сказанного автор предлагает использовать термин «правоотношения» [Шишко, 2004, с.13].

Схожую позицию по определению видового объекта преступлений в сфере экономической деятельности мы также встречаем в тексте диссертации В.М. Андреевой [Андреева, 2014, с. 52–53].

Между тем, несмотря на то, что в обобщенном виде социальное ядро, которому наносится вред в результате совершения указанной группы преступлений, совпадает, непосредственный объект, который «страдает» от противоправных посягательств, а также общественно опасные последствия от их совершения отличаются ввиду обладания каждого из преступлений, описанных в главе 22 УК РФ, своей спецификой.

Основная часть

Преступление, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 194 Уголовного закона, в указанном отношении не является исключением.

Однако, прежде чем рассуждать об общественно опасных последствиях преступного уклонения от уплаты таможенных и иных платежей, обратим внимание на позиции теоретиков уголовного права, исследовавших сущность общественно опасных последствий преступлений как уголовно-правовой категории.

В целом, криминалисты единодушны в понимании того, что в результате совершения любого преступления страдают определенные сферы жизнедеятельности человека, природы, подвергаются изменениям существующие в действительности явления, процессы, материи. И. Реннеберг верно заметил, что в действительности не бывает деяний, не влекущих какие-либо последствия [Реннеберг, 1957, с. 29–30].

В то же время авторы, изучающие природу общественно опасных последствий, в своих работах приходили к тому, что данная уголовно-правовая категория может пониматься как в широком смысле, так и в узком.

На данный факт пристальное внимание обращала Т.В. Церетели, которая заключила, что последствие преступления в широком смысле состоит в изменении объективного внешнего

мира, выражающемся как в действительном причинении вреда, так и в создании возможности его наступления. При этом данный вид последствия характерен для любого преступного деяния. В узком же смысле преступное последствие присуще не всем общественно опасным деяниям, а только тем, составы которых предусматривают его в качестве конструктивного признака. Указанный критерий в теории уголовного права и лег в основу разграничения составов преступления по конструкции объективной стороны на формальные и материальные [Церетели, 1957, с. 56-61].

И. Реннеберг называет такие преступления «простыми преступлениями совершения», подразумевая преступления с формальным составом, а также «преступлениями, связанными с последствием», выступающими аналогом отечественных преступлений с составом материальным [Реннеберг, 1957, с. 39, 42].

В.Н. Кудрявцев, придерживаясь практико-ориентированного подхода в понимании преступных последствий, раскрывает понятие преступных последствий как предусмотренный нормой уголовного права вред (материальный или нематериальный), причиненный деянием объекту посяательства, а именно социалистическим отношениям [Кудрявцев, 1960, с. 131].

А.П. Козлов, предпочитая термин «преступный вред» преступным последствиям ввиду разрушающего социальную жизнь компонента преступления, понимает под ним следующие за вторжением в общественный мир преступных деяний определенные негативные изменения [Козлов, 2004, с. 271, 274].

В основу всех перечисленных выше определений преступного последствия авторы положили следующее: во-первых, последствия выражены вовне в причинении преступными деяниями определенного вреда, во-вторых, данный вред наносится сфере общественных отношений.

Отметим, что состав рассматриваемого преступления, на наш взгляд, является материальным. На это указывает законодатель, когда привносит в диспозицию статьи в качестве конструкта обязательное условие, выраженное в количественном показателе, а именно, в крупном размере (или особо крупном размере в квалифицированном составе) неуплаченных таможенных платежей, а также специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица.

Стоит отметить, что обозначенный выше тезис Т.В. Церетели относительно характеристики преступного последствия в широком смысле, которое выражается в создании возможности наступления вреда, применительно к анализируемому преступлению уголовно-правового значения не имеет, поскольку для квалификации преступления по ст. 194 УК России играет роль фактически нанесенный вред, выраженный в конкретизированной сумме неуплаченных таможенных и иных платежей, что придает довольно объективный характер критериям, позволяющим отграничивать уголовно наказуемые деяния от иных правонарушений, а также основной состав преступления от квалифицированного.

Применительно к рассматриваемому общественно опасному деянию в контексте вышеупомянутого понимания преступных последствий последнее причиняет существенный вред сфере общественных отношений по поводу формирования бюджета за счет взимания платежей и пошлин, входящих в предмет преступления. В конкретизированном же выражении общественно опасные последствия исследуемого преступления заключаются в нанесении имущественного вреда в виде недополучения государством определенной суммы

причитающихся к уплате таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица.

Подтверждение своей позиции мы находим и у В.М. Андреевой, понимающей под преступными последствиями уклонения от уплаты таможенных и иных платежей материальный вред, который выражается в непоступлении таможенных платежей в федеральный бюджет [Андреева, 2014, с. 102]. В этом вопросе с В.М. Андреевой также соглашаются А.Э. Салказанов [Салказанов, 2017, с. 209] и В.В. Лавринов [Лавринов, 2003, с. 59].

При этом в науке остается открытым вопрос правовой природы такого вреда, причиняемого преступлением, ответственность за которое предусмотрена ст. 194 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживают исследователи, дающие классификацию преступным последствиям. Так, С.В. Краснопеевым предложены критерии разделения общественно опасных последствий на различные группы, одним из которых выступает их качественное содержание. Согласно его позиции по указанному критерию их стоит делить на имущественные, физические, моральные, политические, управленческие, экологические. Казалось бы, сомнений не возникает в том, что непоступление таможенных и иных платежей наносит имущественный ущерб доходной части федерального бюджета. Кроме того, автором предложена еще более углубленная классификация указанного вида на реальный (фактический) вред, а также на упущенную выгоду. Далее диссертант делает оговорку, что в случае недополучения одним субъектом (в том числе государством) денежных средств от другого не исполнившего обязанность субъекта речь идет о неполучении должного. При этом автор рассуждает об указанном в ракурсе причинения вреда первому в виде убытков [Краснопеев, 2003, с. 114, 122].

Как верно заметил С.В. Краснопеев, что реальный ущерб, что упущенная выгода объединены нормами гражданского права, а именно, ст. 15 Гражданского кодекса РФ, в категорию убытки [Краснопеев, 2003, с. 119].

Анализ исследовательских позиций показал, что у указанного подхода, допускающего возможность использования гражданско-правовых категорий «убытки», «упущенная выгода», а также «реальный ущерб» применительно к преступным последствиям есть как сторонники, так и критики.

И.В. Шишко, характеризуя преступное уклонение от уплаты налогов и страховых взносов, отмечает, что преступные последствия указанного общественно опасного деяния характеризуются нанесением ущерба государству в виде упущенной выгоды [Шишко, Хлупина, 1999, с. 17].

О.В. Грачёв выступает с критикой позиции, предложенной И.В. Шишко, отмечая невозможность точного определения размера ущерба, нанесенного государству, который связан с упущенной выгодой [Грачев, 2007, с. 98-99].

В.В. Лавринов также высказывается против отнесения ущерба, наносимого уклонением от уплаты таможенных и иных платежей, к категории упущенной выгоды, поскольку, во-первых, упущенная выгода носит предположительный характер, во-вторых, специфика таможенных правоотношений не позволяет рассуждать о понятии «выгода», где речь идет об исполнении (неисполнении) публично-правовой обязанности [Лавринов, 2003, с. 58-59].

Считаем необходимым обозначить наше видение вопроса отнесения общественно опасных последствий преступления, предусмотренного ст. 194 УК России, в виде неуплаченных в бюджет таможенных и иных платежей к имущественному ущербу, в том смысле, который

придает понятию «ущерб» гражданское право.

Исходя из взаимосвязанных положений пунктов 2, 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в состав упущенной выгоды включены не только и не столько доходы, которые при нормальных условиях гражданского оборота лицо получило бы конкретно от причинителя вреда, сколько доходы в принципе от всех третьих лиц в результате осуществления пострадавшим экономической деятельности [О применении судами..., 2016].

В развитие указанного довода скажем, что в качестве примера доказательств, подтверждающих возможность извлечения дохода, Пленумом Верховного Суда РФ приведена ситуация с магазином розничной торговли, не получившим доход при нормальных условиях гражданского оборота, ввиду его некачественного ремонта (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7) [О применении судами..., 2016].

Поддержим вышеуказанные позиции учёных относительно некорректности отнесения ущерба, наносимого уклонением от уплаты таможенных и иных платежей, к категории «упущенная выгода», однако позволим себе частично не согласиться с выдвигаемой О.В. Грачёвым аргументацией в поддержку выраженной точки зрения.

Так, ущерб от преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 194 Уголовного закона, не может рассматриваться в ракурсе упущенной выгоды не только и не столько по тому, что отсутствует выработанная методика по её расчету.

В ситуации со взиманием таможенных и иных платежей преступлением, предусмотренным ст. 194 УК России, не парализуется весь государственный механизм по наполнению доходной части бюджета, задействованный при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу. Иными словами, совершением анализируемого преступления влияние на возможность государства получать от иных участников внешнеэкономической деятельности платежи, включенные в рассматриваемый предмет преступления, не оказывается, ввиду чего упущенной выгодой такой ущерб признаваться не может.

Более того, использование понятия «выгода» применительно к деятельности государства, пусть даже и в экономической сфере, полагаем неверным и некорректным. Указанный термин также не встречается и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [О Стратегии экономической безопасности..., 2017].

Далее, относительно реального ущерба, под которым в соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса РФ понимаются, во-первых, расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, во-вторых, утрата или повреждение его имущества, необходимо отметить следующее. Получатель таможенных и иных платежей в лице государства как таковые расходы ввиду нарушения права требования их уплаты не несет, поскольку расходами в таком случае выступают сами таможенные и иные платежи, пени, обязанность по уплате которых ложится на лицо, перемещающее товары через таможенную границу. Также нельзя связать преступные последствия от анализируемого преступления с утратой или повреждением имущества, поскольку, как отмечено ранее, сам С.В. Краснопеев, в данном случае говорит о «неполучении должного» [4, с. 122], а не о нанесении вреда имущественной массе взыскателя платежей. Более того в его владение такие денежные

средства и не переходят.

Заключение

Таким образом, использовать понятие убытков в том смысле, который ему придает гражданское законодательство, применительно к преступным последствиям уклонения от уплаты таможенных и иных платежей будет неверным, поскольку ни реальный ущерб, ни упущенная выгода по содержанию с недополученной государством суммой таможенных платежей не соотносятся.

Именно поэтому нами предлагается использовать термин «имущественный ущерб», но в том смысле, который придает ему уголовное законодательство: в частности, применительно к рассматриваемому преступлению в ст. 76 УК РФ, регламентирующей положения об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, а также в ст. 104 УК РФ, в которой денежные средства признаются имуществом.

К тому же использование предлагаемой терминологической конструкции уже встречается и в судебной практике (к примеру, в постановлениях при рассмотрении ходатайств дознавателей о прекращении производства по уголовным делам и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа) [Постановление Перовского районного суда..., 2024].

Библиография

1. Андреева, В.М. Уголовно-правовое противодействие уклонения от уплаты таможенных платежей: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Андреева Виктория Михайловна. – Москва, 2014. – 188 с.
2. Грачев, О.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: уголовно-правовой анализ, проблемы квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Грачев Олег Викторович. – Москва, 2007. – 173 с.
3. Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.
4. Краснопеев, С.В. Последствия преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Краснопеев Сергей Владимирович. – Кисловодск, 2003. – 197 с.
5. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – Москва: Госюриздат, 1960. – 244 с.
6. Кузнецов, А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (Проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Кузнецов Александр Павлович. – Нижний Новгород, 2000. – 513 с.
7. Лавринов, В.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Лавринов Вячеслав Викторович. – Ростов-на-Дону, 2003. – 205 с.
8. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 22.06.2021) // Российская газета. – 2016. – 4 апреля. – № 70.
9. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – 15 мая. – № 20. – Ст. 2902.
10. Постановление Перовского районного суда Москвы от 03.06.2024 по делу № 01-0551/2024 // Московский городской суд. – URL: <https://mos-gorsud.ru/ts/perovskij/services/cases/criminal/details/966d15f0-11bc-11ef-a275-914ba72e649e?caseNumber=01-0551/2024>
11. Реннеберг, И. Объективная сторона преступления / И. Реннеберг; под ред. А.А. Пионтковского; пер. С.Л. Либман. – Москва: Госюриздат, 1957. – 88 с.
12. Салказанов, А.Э. Преступное уклонение от уплаты платежей в бюджеты России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Салказанов Алан Эльбрусович. – Москва, 2017. – 275 с.
13. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1957. – 276 с.
14. Шишко, И.В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности:

дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Шишко Ирина Викторовна. – Екатеринбург, 2004. – 402 с.

15. Шишко, И.В., Хлупина, Г.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организаций // Юридический мир. – 1999. – № 8. – С. 10-17.

Legal Nature of Damage Caused by Criminal Evasion of Customs Duties, Special, Anti-Dumping, and (or) Countervailing Duties Levied on an Organization or an Individual

Pavel N. Spirin

PhD in Law, Associate Professor,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: pn.spirin@gmail.com

Abstract

The purpose of this study is to examine the issue of the legal nature of damage caused by criminal evasion of customs duties, special, anti-dumping, and (or) countervailing duties levied on an organization or an individual, liability for which is established by Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of resolving this problematic issue, the author, based on an analysis of the research positions of criminal law theorists, identifies the main features of socially dangerous consequences of criminal acts. Based on these features, the author concludes that the criminal consequences of committing the analyzed unlawful act are expressed in causing property damage in the form of the state's shortfall in receiving a certain amount of customs and other duties due for payment in connection with the movement of goods across the customs border. At the same time, as the conducted research has shown, the property damage itself from evasion of customs and other duties has its own specifics and, by its legal nature, cannot be attributed either to actual damage or to lost profits, which are united by the civil law category of "losses." In view of the foregoing, the author proposes to use the term "property damage" in relation to the criminal consequences of the unlawful act under study, but in the sense given to it by criminal legislation in Articles 76¹, 104¹ of the Criminal Law, and also used in procedural activities.

For citation

Spirin P.N. (2026) *Pravovaya priroda ushcherba, nanosimogo prestupnym ukloeniyem ot uplaty tamozhennykh platezhey, spetsial'nykh, antidempingovykh i (ili) kompensatsionnykh poshlin, vzimayemykh s organizatsii ili fizicheskogo litsa* [Legal Nature of Damage Caused by Criminal Evasion of Customs Duties, Special, Anti-Dumping, and (or) Countervailing Duties Levied on an Organization or an Individual]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 491-498. DOI: 10.34670/AR.2026.67.89.059

Keywords

Evasion, customs duties, Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal consequences, property damage, criminal liability, customs border.

References

1. Andreeva, V. M. (2014). *Ugolovno-pravovoye protivodeystviye ukloneniya ot uplaty tamozhennykh platezhey* [Criminal law counteraction to customs evasion] [PhD dissertation, unpublished]. Moscow.
2. Grachev, O. V. (2007). *Ugolovnaya otvetstvennost' za ukloneniye ot uplaty tamozhennykh platezhey: ugolovno-pravovoy analiz, problemy kvalifikatsii* [Criminal liability for customs evasion: criminal law analysis, problems of qualification] [PhD dissertation, unpublished]. Moscow.
3. Kozlov, A. P. (2004). *Ponyatiye prestupleniya* [The concept of crime]. Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Krasnopeev, S. V. (2003). *Posledstviya prestupleniya v ugolovnom prave Rossii* [Consequences of crime in the criminal law of Russia] [PhD dissertation, unpublished]. Kislovodsk.
5. Kudryavtsev, V. N. (1960). *Ob'yektivnaya storona prestupleniya* [The objective side of crime]. Gosyurizdat.
6. Kuznetsov, A. P. (2000). *Gosudarstvennaya politika protivodeystviya nalogovym prestupleniyam v Rossiyskoy Federatsii (Problemy formirovaniya, zakonodatel'noy reglamentatsii i prakticheskogo osushchestvleniya)* [The state policy of countering tax crimes in the Russian Federation (Problems of formation, legislative regulation and practical implementation)] [Doctoral dissertation, unpublished]. Nizhny Novgorod.
7. Lavrinov, V. V. (2003). *Ugolovnaya otvetstvennost' za ukloneniye ot uplaty tamozhennykh platezhey* [Criminal liability for customs evasion] [PhD dissertation, unpublished]. Rostov-on-Don.
8. *O primeneni sudami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narusheniye obyazatel'stv: Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 marta 2016 g. № 7* [On the application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7]. (2016, April 4). *Rossiyskaya Gazeta*, No. 70.
9. *O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 13.05.2017 № 208* [On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208]. (2017, May 15). *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, No. 20, Art. 2902.
10. **Postanovleniye Perovskogo rayonnogo suda Moskvyy ot 03.06.2024 po delu № 01-0551/2024** [Resolution of the Perovsky District Court of Moscow dated June 3, 2024 in case No. 01-0551/2024]. Moscow City Court. Retrieved from <https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/criminal/details/966d15f0-11bc-11ef-a275-914ba72e649e?caseNumber=01-0551/2024>
11. Renneberg, I. (1957). *Ob'yektivnaya storona prestupleniya* [The objective side of the crime] (S. L. Liberman, Trans.; A. A. Piontkovsky, Ed.). Gosyurizdat.
12. Salkazanov, A. E. (2017). *Prestupnoye ukloneniye ot uplaty platezhey v byudzhety Rossii* [Criminal evasion of payments to the budgets of Russia] [PhD dissertation, unpublished]. Moscow.
13. Shishko, I. V. (2004). *Vzaimosvyaz' ugolovno-pravovykh i regulativnykh norm v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Interrelation of criminal law and regulatory norms in the field of economic activity] [Doctoral dissertation, unpublished]. Yekaterinburg.
14. Shishko, I. V., & Khlopina, G. N. (1999). *Ugolovnaya otvetstvennost' za ukloneniye ot uplaty nalogov ili strakhovykh vnosov v gosudarstvennyye vnebyudzhetye fondy s organizatsiy* [Criminal liability for tax evasion or insurance contributions to state extra-budgetary funds from organizations]. *Yuridicheskiy mir*, (8), 10-17.
15. Tsereteli, T. V. (1957). *Prichinnaya svyaz' v ugolovnom prave* [Causal relationship in criminal law]. Publishing House of Tbilisi University.

УДК 343.126

DOI: 10.34670/AR.2026.95.88.060

Некоторые проблемы назначения мер пресечения, избираемых судом

Гусев Алексей Васильевич

Доктор юридических наук, профессор,
Профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
Российский государственный университет правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: gusewlescha@yandex.ru

Нудьга Екатерина Александровна

Студент,
Российский государственный университет правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: kka_z6@mail.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем, возникающих в деятельности судов при избрании мер пресечения в рамках современного уголовного судопроизводства Российской Федерации. Основное внимание в рамках работы уделяется предложениям по изменению законодательства, которые способны придать институту мер пресечения более согласованный и системный характер, также проводится анализ проблемы продления мер пресечения.

Для цитирования в научных исследованиях

Гусев А.В., Нудьга Е.А. Некоторые проблемы назначения мер пресечения, избираемых судом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 499-506. DOI: 10.34670/AR.2026.95.88.060

Ключевые слова

Меры пресечения, уголовное судопроизводство, полномочия суда, судебная практика, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий.

Введение

Современное российское уголовное судопроизводство демонстрирует парадоксальную картину: при формально развитой, детально регламентированной системе мер пресечения фактическая практика их применения судами продолжает воспроизводить стереотипы, сложившиеся еще в советский период. На уровне нормативных конструкций законодатель последовательно декларирует приоритет минимально достаточного вмешательства в сферу конституционных прав личности, необходимость индивидуализации меры пресечения, учета как публичных, так и частных интересов. Однако реальная судебная деятельность нередко сводит эти установки к ритуальному цитированию положений УПК РФ, не трансформирующемуся в подлинно аргументированное процессуальное решение. В результате мера пресечения перестает выполнять роль гарантийного механизма и фактически превращается в инструмент процессуального упрощения, обслуживающий преимущественно интересы стороны обвинения.

В условиях сохранения устойчивого стандарта «подписка о невыезде либо заключение под стражу», о чем убедительно пишет В.В. Рудич, подчеркивая консервативность и инерционность современной системы мер пресечения [Рудич, 2020], судебное усмотрение оказывается включенным в жесткие рамки административной рутины и формализованных представлений о рисках уклонения и воспрепятствования производству. Судья, рассматривающий ходатайство следствия, нередко подстраивает свое решение под уже сложившийся практический шаблон. В такой ситуации вопрос фактически формулируется так: «имеются ли основания для отказа в аресте?», тогда как закон требует иного подхода, а именно ответа на вопрос, достаточно ли представленных данных для применения наиболее строгой меры при невозможности использования альтернативных средств. Подобная смена точки отсчета практически нивелирует заложенный в УПК РФ принцип минимальной достаточности принуждения и тем самым обуславливает необходимость не только теоретического, но и нормативного пересмотра сложившейся модели.

Основная часть

Если рассматривать меры пресечения не как абстрактный институт, а как систему конкретных средств обеспечения уголовного судопроизводства, неизбежно возникает вопрос о соответствии этой системы тем целям, которые, по замыслу законодателя и доктрины, должны определять как структуру мер, так и алгоритм их назначения судом. А.Б. Диваев, исходя из управленческого подхода к эффективности, справедливо отмечает, что принудительное средство, не позволяющее достигать поставленной цели, объективно не может считаться эффективным независимо от формального включения его в закон [Диваев, 2021]. Данная логика в полной мере применима к судебной практике избрания мер пресечения. В ситуации, когда решение суда утрачивает внутреннюю связь с целями меры, сама мера превращается либо в декларативный элемент процессуального оформления, либо в репрессивный инструмент, используемый в первую очередь по мотивам удобства и предсказуемости. Отсюда вытекает необходимость не ограничиваться констатацией выявленных дисбалансов, а предложить конкретные механизмы трансформации нормативных моделей, способных изменить практику за счет изменения конструкции закона и стандарта мотивировки решения.

Анализ становления и эволюции института мер пресечения в отечественном уголовном

процессе, проведенный А.В. Орловым, показывает, что конструкция мер пресечения исторически связана с представлениями государства о допустимых пределах вмешательства в сферу личной свободы и с доминирующим типом уголовного процесса [Орлов, 2019]. Переход от розыскной модели к состязательному процессу сопровождался не только изменением перечня мер, но и переоценкой самой идеи предварительного ограничения прав обвиняемого: от фактического отождествления содержания под стражей с наказанием к нормативному закреплению принципа минимальной достаточности принуждения. Однако указанная эволюция не может считаться завершенной. На уровне реальной практики судебного назначения мер пресечения сохраняется односторонняя направленность, что свидетельствует о том, что формальное обновление законодательства не привело к подлинному пересмотру внутренних критериев судебного усмотрения.

Ключевым отправным пунктом для обсуждения проблем назначения мер пресечения судом является вопрос о целевой природе этих мер. Доктрина, как справедливо фиксирует А.Б. Диваев, все еще далека от выработки согласованного понимания целей мер пресечения, и данное обстоятельство находит отражение в тексте закона [Диваев, 2021]. Общую цель уголовно-процессуального принуждения можно определить как охрану уголовно-процессуального порядка от противоправных посягательств участников процесса и обеспечение публичных интересов в ходе осуществления деятельности по делу. На этом фоне меры пресечения занимают в системе принуждения особое, пограничное положение. С одной стороны, они предназначены для блокирования потенциального или реального противодействия обвиняемого или подозреваемого судопроизводству. С другой стороны, они выполняют превентивную функцию, направленную на предотвращение новых преступлений, и в этой части выходят за рамки сугубо процессуальных задач [Ксендзов, 2020].

Из указанного вытекает важнейшее для судебной практики обстоятельство. Мера пресечения по своей юридической природе не является санкцией за уже допущенное нарушение процессуальных обязанностей. Она представляет собой превентивное средство, основанное на оценке риска гипотетического неблагоприятного поведения лица в будущем. В этом превентивном характере сосредоточено как принципиальное отличие меры пресечения от наказания, так и главный источник потенциального злоупотребления судебным усмотрением. Чем менее прозрачен и структурирован критерий оценивания риска, тем ближе мера пресечения по фактическим последствиям к формальному наказанию, особенно когда речь идет о заключении под стражу. Именно на данном уровне, представляется, и требуется нормативное вмешательство. Закон в его действующей редакции допускает чрезмерно широкое толкование таких категорий, как «может скрыться», «может продолжить преступную деятельность», «может воспрепятствовать производству по делу», а это находит выражение в повторяющихся шаблонных формулировках судебных актов.

В этой связи обоснованным выглядит предложение о внесении изменений в ст. 97 УПК РФ, направленных на конкретизацию оснований применения мер пресечения. Представляется возможным дополнить закон нормой, в соответствии с которой вывод о наличии риска уклонения, воспрепятствования или продолжения преступной деятельности должен строиться на совокупности конкретных фактических данных, подлежащих проверке и оценке в судебном заседании, а не на абстрактной ссылке на тяжесть предъявленного обвинения. Такое дополнение может быть реализовано в виде новой части статьи, в которой был бы дан ориентирующий перечень критериев, например: сведения о предыдущих попытках уклонения, о зафиксированных попытках воздействия на свидетелей, о сознательных нарушениях ранее

избранных мер, о наличии устойчивых криминальных связей. При этом закон должен сохранять открытый характер перечня, но уже в рамках установленного стандарта доказанности риска.

Не менее важным является уточнение ст. 99 УПК РФ. В действующей редакции этой статьи закрепляется перечень обстоятельств, подлежащих учету судом, однако сама конструкция не содержит прямого требования мотивированно сопоставлять каждое из указанных обстоятельств с вопросом о возможности применения более мягкой меры. Представляется оправданным дополнить ст. 99 УПК РФ нормой, возлагающей на суд обязанность в каждом случае избрания меры пресечения, связанной с лишением свободы, такой как заключение под стражу или домашний арест, приводить в мотивировочной части решения аргументы, объясняющие невозможность применения иных, менее строгих мер, в том числе залога и запрета определенных действий. В результате в законе могла бы закрепиться своеобразная обратная презумпция, речь шла бы не о необходимости оправдывать более мягкую меру, а об обязанности обосновывать отказ от ее применения.

Показательна в данном контексте позиция В.В. Рудича, который, анализируя современную систему мер пресечения, приходит к выводу о ее неэффективности и структурной устарелости, в том числе по причине сохранения в законе и практике так называемых мер психологического характера [Рудич, 2020]. Автор убедительно демонстрирует, что использование средств, не обеспеченных реальными механизмами контроля и исполнения, приводит к снижению доверия к институту в целом и стимулирует правоприменителя обращаться к максимально жестким мерам, прежде всего к содержанию под стражей. С точки зрения законодательной техники подобный вывод должен означать не только пересмотр самого перечня мер пресечения, но и перераспределение акцентов между ними. Вместо фактического доминирования ареста целесообразно создать условия, при которых суд будет стимулирован применять гибкие и комбинируемые средства, прежде всего запрет определенных действий и залог.

Проблема усеченности реального выбора суда особенно отчетливо проявляется при анализе таких мер, как залог, домашний арест и запрет определенных действий. Эмпирические данные, приведенные А.Б. Диваевым и подтвержденные более поздним исследованием Л. И. Лавдаренко, Л.П. Плесневой и В.А. Воткина, свидетельствуют о крайне ограниченном числе случаев применения указанных мер по сравнению с заключением под стражу [Диваев, 2021; Лавдаренко, Плеснева, Воткин, 2022]. При этом запрет определенных действий, который законодатель первоначально задумывал как гибкий и индивидуализируемый инструмент настройки режима ограничения прав, оказывается в реальной практике либо придатком к домашнему аресту или залог, либо используется в минимальной конфигурации. Для преодоления подобной дисфункции одного лишь разъяснения Верховного Суда явно недостаточно, поэтому необходимы точечные изменения в самом УПК РФ.

В качестве одного из наиболее перспективных направлений представляется пересмотр конструкции ст. 105.1 УПК РФ. Закон может быть дополнен положением, согласно которому запрет покидать жилое помещение не рассматривается как самостоятельная мера пресечения, а включается в содержание домашнего ареста. Такое решение позволило бы устранить искусственное дробление конструкций, затрудняющее оценку степени вмешательства в права обвиняемого. Кроме того, необходимо законодательно закрепить требование конкретизации каждого запрета. Общие формулировки, подобные запрету общаться с участниками уголовного судопроизводства, должны быть признаны недопустимыми. Суд обязан указывать конкретные категории лиц или индивидуализированных участников, а также временные пределы действия запрета. Несоблюдение указанных требований должно квалифицироваться как существенное

нарушение уголовно-процессуального закона и влечь отмену соответствующего решения.

Не менее важной представляется переработка ст. 106 УПК РФ, регулирующей залог. Как справедливо отмечает А.Б. Диваев, отсутствие понятных и общеприменимых критериев определения размера залога ведет к произволу и снижению доверия к данной мере [Диваев, 2021]. В этой связи целесообразно дополнить указанную статью ориентировочными параметрами расчета суммы залога. К их числу могут быть отнесены данные о доходах лица, величина причиненного ущерба, тяжесть предъявленного обвинения, а также характер и размер возможного наказания. В то же время закон не должен превращать такие параметры в жесткую формулу, но обязан закрепить правило, согласно которому суд не вправе устанавливать заведомо непосильный для обвиняемого залог. Вывод о размере залога должен подлежать отдельному мотивированному обоснованию. Логичным представляется и дополнение ст. 108 УПК РФ прямым указанием на необходимость проверки возможности применения залога при рассмотрении вопроса о заключении под стражу. В этом случае суд, избирая арест, должен не только сослаться на основания для его применения, но и мотивировать невозможность достижения целей меры пресечения путем использования залога, в том числе в сочетании с запретом определенных действий.

Современная судебная практика назначения мер пресечения, если судить по анализу конкретных судебных актов и разъяснений Верховного Суда РФ, характеризуется устойчивой тенденцией к воспроизведению формализованных и однотипных подходов [Диваев, 2021]. Несмотря на нормативное требование индивидуализировать условия применения каждой меры, суды часто опираются на стереотипные аргументы, сводящиеся к тяжести обвинения и абстрактной вероятности уклонения от следствия и суда. Подобная практика, как справедливо указывают А.Б. Диваев и Л.И. Лавдаренко с соавторами, подрывает эффективность мер пресечения, поскольку судебное решение утрачивает связь с их материальными целями и превращается в элемент ритуального процессуального поведения [1; 4 Диваев, 2021; Лавдаренко, Плеснева, Воткин, 2022]. В такой ситуации принципиальное значение приобретает вопрос о стандарте мотивировки, который может и должен быть закреплен непосредственно на уровне закона. Помимо уже обозначенных поправок к ст. 99 УПК РФ возможно дополнить ст. 7 нормой, устанавливающей, что мотивировка судебного решения по вопросу о мере пресечения должна содержать описание конкретных фактических обстоятельств, послуживших основанием для вывода о наличии или отсутствии риска, а также анализ возможности применения альтернативных мер.

Отдельного внимания заслуживает проблема продления мер пресечения. Практика автоматического продления сроков содержания под стражей, отмеченная как в судебных актах кассационных судов, так и в научной литературе [Диваев, 2021], вступает в очевидное противоречие с подходом, закрепленным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2017 г. В указанном акте подчеркивается, что каждое продление требует повторной и самостоятельной проверки оснований. Нормативным ответом на данную проблему может стать дополнение ст. 109 УПК РФ положением о том, что при каждом обращении с ходатайством о продлении срока содержания под стражей орган расследования обязан представить суду сведения о совершенных за истекший период процессуальных действиях, а также о причинах невозможности завершения расследования. Суд, в свою очередь, должен оценивать не только наличие или отсутствие рисков, но и процессуальную добросовестность стороны обвинения. Несоблюдение указанного стандарта должно влечь отказ в продлении меры пресечения и обязательное обсуждение вопроса о ее замене более мягкой.

Историко-правовой анализ, проведенный А.В. Орловым, показывает, что современная

ситуация имеет системный характер. Институт мер пресечения в России традиционно развивался в логике приоритета публичного интереса и фактически исходил из того, что ограничение свободы является нормой, а не исключением [Орлов, 2019]. В связи с этим простые призывы к гуманизации судопроизводства не способны изменить практику без одновременного изменения конструкции самого закона. Именно поэтому представляется оправданным не ограничиваться точечными дополнениями УПК РФ разъясняющими формулами, а пересматривать базовый принцип выбора меры пресечения. Такой принцип может быть сформулирован в отдельной норме, в которой заключение под стражу будет прямо квалифицировано как крайняя мера, допустимая лишь при невозможности достижения целей уголовного судопроизводства иными, менее ограничительными средствами.

Указанные предложения по изменению законодательства, если они будут реализованы, способны придать институту мер пресечения более согласованный и системный характер. В настоящее время отчетливо наблюдается асимметрия между провозглашенным приоритетом свободы и фактической ориентированностью практики на заключение под стражу как базовую меру. Преодоление этого дисбаланса предполагает сочетание трех ключевых компонентов. Во-первых, требуется уточнить цели и основания мер пресечения на уровне общих положений УПК РФ. Во-вторых, необходимо переработать специальные нормы, регулирующие залог, запрет определенных действий и продление сроков содержания под стражей. В-третьих, важно изменить стандарт мотивировки судебных решений, в том числе путем закрепления обязанности суда аргументированно рассматривать возможность применения наиболее мягкой меры в каждом конкретном случае.

Заключение

Поэтому совершенствование института мер пресечения в российском уголовном процессе вряд ли может быть сведено к отдельным техническим поправкам или к принятию еще одного Постановления Пленума. Речь идет о постепенном, но принципиальном переосмыслении роли суда как органа, осуществляющего не только контроль за законностью и обоснованностью ограничения свободы, но и ответственное управление рисками, возникающими в ходе уголовного судопроизводства. Эволюция судебной практики в данном направлении предполагает отказ от формализованных схем и переход к подлинно индивидуализированным решениям, основанным на проверяемых фактических данных и прозрачных критериях оценки. Только при таких условиях провозглашенный в законе баланс между интересами правосудия и правами личности перестанет носить сугубо декларативный характер и получит реальное содержание.

Библиография

1. Диваев А.Б. К вопросу об эффективности применения и исполнения мер пресечения в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021.
2. Исаева Р.М., Файрушина Р.Д. Особенности влияния принципов уголовного процесса при применении мер пресечения, избираемых по решению суда // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 183-188.
3. Ксендзов Ю.Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. – 2020. – № 8.
4. Лавдаренко Л.И., Плеснева Л.П., Воткин В.А. Меры пресечения: проблемы правового регулирования и

- правоприменительной практики // Академический юридический журнал. – 2022.
5. Новикова Е.А., Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В., Архипцев И.Н. К вопросу о законодательном регулировании и практике применения мер пресечения, избираемых по решению суда в уголовном процессе России // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 198-202.
6. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Юридическая наука. – 2019.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 41 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 2. – (ред. от 27.05.2025).
8. Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения (мер пресечения) // Российский судья. – 2020.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря. – № 249. – (ред. от 27.10.2025).

Some Problems of Imposing Preventive Measures Selected by the Court

Aleksei V. Gusev

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: gusewlescha@yandex.ru

Ekaterina A. Nud'ga

Student,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: kka_z6@mail.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of current problems arising in the activities of courts when selecting preventive measures within the framework of modern criminal proceedings in the Russian Federation. The main attention in the work is paid to proposals for changing legislation that can give the institution of preventive measures a more coordinated and systemic character, and an analysis of the problem of extending preventive measures is also carried out.

For citation

Gusev A.V., Nud'ga E.A. (2026) Nekotorye problemy naznacheniya mer presecheniya, izbiraemykh sudom [Some Problems of Imposing Preventive Measures Selected by the Court]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 499-506. DOI: 10.34670/AR.2026.95.88.060

Keywords

Preventive measures, criminal proceedings, powers of the court, judicial practice, detention, house arrest, prohibition of certain actions.

References

10. Burnashov, Y. Y. (2020). Mery presecheniya v vide zapreta opredelennykh deystviy, zaloga, domashnego aresta: voprosy ikh sootnosheniya i praktiki primeneniya [Preventive measures in the form of a prohibition of certain actions, bail, house arrest: issues of their correlation and practice of application]. *Pravo i politika*, (8).
11. Divayev, A. B. (2021). K voprosu ob effektivnosti primeneniya i ispolneniya mer presecheniya v ugolovnom protsesse [On the issue of the effectiveness of the application and execution of preventive measures in criminal proceedings]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*.
12. Isayeva, R. M., & Fayrushina, R. D. (2021). Osobennosti vliyaniya printsipov ugolovnogo protsessapri primeneni mer presecheniya, izbirayemykh po resheniyu suda [Peculiarities of the influence of the principles of criminal procedure in the application of preventive measures elected by court decision]. In *Ugolovnoye sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya* (pp. 183-188). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
13. Ksendzov, Y. Y. (See Burnashov, Y. Y.)
14. Lavdarenko, L. I., Plesneva, L. P., & Votkin, V. A. (2022). Mery presecheniya: problemy pravovogo regulirovaniya i pravoprimeritelnoy praktiki [Preventive measures: problems of legal regulation and law enforcement practice]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*.
15. Novikova, E. A., Vinokurov, E. A., Lukyanchikova, V. V., & Arkhiptsev, I. N. (2019). K voprosu o zakonodatelnom regulirovanii i praktike primeneniya mer presecheniya, izbirayemykh po resheniyu suda v ugolovnom protsesse Rossii [On the issue of legislative regulation and practice of applying preventive measures elected by court decision in the Russian criminal process]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, (4), 198-202.
16. Orlov, A. V. (2019). Sistema mer presecheniya v Rossii: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya [The system of preventive measures in Russia: history of formation and development prospects]. *Yuridicheskaya nauka*.
17. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2017). Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2017 g. № 41 «O praktike primeneniya sudami mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zapreta opredelennykh deystviy» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 19, 2017 "On the practice of application by courts of preventive measures in the form of detention, house arrest and prohibition of certain actions"]. *Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, (2).
18. Russian Federation. (2001). *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. *Rossiyskaya gazeta*, (249).
19. Rudich, V. V. (2020). O sovremennoy sisteme mer ugolovno-protsessualnogo prinuzhdeniya (mer presecheniya) [On the modern system of measures of criminal procedural coercion (preventive measures)]. *Rossiyskiy sudya*.

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2026.21.48.061

**К вопросу об оценке достоверности заключения эксперта-
автотехника в уголовном судопроизводстве по делам о дорожно-
транспортным происшествиям**

Сакун Андрей Николаевич

Эксперт-автотехник,
Аспирант кафедры эксплуатации автомобильного транспорта и автосервиса,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ),
125319, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 64;
Магистрант кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1;
e-mail: andrey.sakun@bk.ru

Насонов Сергей Александрович

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1;
Адвокат,
Адвокатская палата Москвы,
советник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации,
119002, Российская Федерация, Москва, переулок Сивцев Вражек, 43;
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Аннотация

В условиях отсутствия единого подхода к оценке достоверности заключения эксперта-автотехника и терминологической неопределенности ключевых понятий существует потребность в разработке научно обоснованных критериев оценки. Формальная оценка заключения часто приводит к судебным ошибкам и незаконному привлечению лиц к уголовной ответственности. Предложена модель, основанная на методе анализа иерархий Т. Саати, включающая четыре элемента (полнота, всесторонность, обоснованность, проверяемость) и двенадцать параметров с установленными весовыми коэффициентами. Для каждого параметра разработаны детализированные пятиуровневые оценочные шкалы, что позволяет формализовать процесс проверки. Апробация модели на реальном заключении показала ее эффективность для объективизации оснований назначения повторной экспертизы и способствует принятию законных, обоснованных и мотивированных судебных актов. Приведены методические рекомендации по применению

модели в следственной и судебной практике.

Для цитирования в научных исследованиях

Сакун А.Н., Насонов С.А. К вопросу об оценке достоверности заключения эксперта-автотехника в уголовном судопроизводстве по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 507-522. DOI: 10.34670/AR.2026.21.48.061

Ключевые слова

Автотехническая экспертиза, уголовное судопроизводство, заключение эксперта, достоверность, оценка доказательств, дорожно-транспортное происшествие, повторная экспертиза, дополнительная экспертиза, метод анализа иерархий, уголовный процесс.

Введение

Автотехническая экспертиза по делам о ДТП занимает особое место в системе судебных экспертиз, поскольку ее выводы нередко становятся решающими при квалификации деяния и определении меры ответственности. Однако практика свидетельствует о сохраняющихся проблемах в процессе исследования и оценки экспертных заключений участниками уголовного судопроизводства.

Наиболее опасной является поверхностная, формальная оценка заключения, которая может привести к судебной ошибке и незаконному привлечению лица к уголовной ответственности. При этом в уголовно-процессуальной науке и практике до настоящего времени не сформировалось единого подхода к оценке достоверности заключения

эксперта-автотехника. Несмотря на законодательное закрепление достоверности как свойства доказательства, ее содержание применительно к экспертному заключению не раскрыто, а установление достоверности в практике носит преимущественно интуитивный характер.

Настоящее исследование направлено на разработку научно обоснованной системы параметров оценки достоверности заключения эксперта-автотехника с определением их весовых коэффициентов методом анализа иерархий Т. Саати, которая могла бы стать практическим инструментом для участников уголовного судопроизводства. В работе представлены детализированные шкалы для оценки каждого параметра, методические указания по применению модели и интерпретации результатов, а также пример ее апробации на конкретном заключении.

Методологическую основу работы составляет понимание заключения эксперта как доказательства, обладающего специфическими характеристиками, которые и определяют особый подход к оценке его достоверности. Во-первых, это строгая процессуальная форма, соблюдение которой легитимизирует заключение как источник доказательств.

Во-вторых, особое гносеологическое содержание, основанное на специальных знаниях, недоступных иным участникам процесса. В-третьих, системная связь выводов эксперта с другими доказательствами по делу. Эти особенности смещают фокус оценки достоверности с поиска «абсолютной истины» о факте на анализ качества и надежности самого познавательного процесса, зафиксированного в заключении. Именно данный подход реализован в предлагаемой авторами системе формализованных критериев.

Проблемы оценки достоверности заключения эксперта в следственно-судебной практике

Для выявления практических трудностей оценки достоверности заключения эксперта-автотехника авторами было проведено анкетирование двух групп респондентов: группа 1 (23 адвоката) и группа 2 (19 прокуроров).

Респондентам предлагалось оценить по 10-балльной шкале степень сложности различных аспектов работы с заключением эксперта-автотехника. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты опроса

Аспект работы с заключением эксперта-автотехника	Средний балл сложности (адвокаты)	Средний балл сложности (прокуроры)
Проверка процессуальной формы	3,2	2,8
Проверка компетентности эксперта	5,1	4,7
Оценка полноты заключения	6,8	6,3
Оценка достоверности выводов	8,7	8,4

Таким образом, центральной и наиболее сложной проблемой для практикующих юристов является именно оценка достоверности выводов заключения эксперта-автотехника. Данные нашего опроса, показывающие пиковые значения сложности (8,7 и 8,4 балла), находят прямое подтверждение в результатах масштабного исследования: как отмечено в диссертационной работе, «наибольшую сложность представляет оценка достоверности заключения эксперта» [Павлова, 2022, с. 21]. Более того, это объективное затруднение усугубляется дефицитом методических пособий для такой оценки, на что указали 86% опрошенных прокуроров-обвинителей [Павлова, 2022, с. 21]. Серьезность проблемы подчеркивается и данными о том, что в 54,8% случаев апелляционного обжалования приговоров по делам с экспертизами стороны ссылаются на несогласие с исследованием заключений в суде первой инстанции

[Павлова, 2022, с. 26]. Показательно, что, по результатам нашего опроса, 79% адвокатов и 72% прокуроров указали, что не имеют четкого алгоритма оценки и действуют интуитивно, что в совокупности с вышеизложенным создает прямой риск судебной ошибки.

Гносеологическая природа достоверности: от факта к знанию о факте

Анализ анкет и интервью с респондентами выявил фундаментальную гносеологическую проблему: субъекты оценки доказательств часто применяют категорию «достоверность» к фактам, а не к знаниям (сведениям) о факте. Это приводит к методологической ошибке в процессе доказывания.

Факт либо существует, либо нет – это объективная реальность. Достоверность же есть свойство знаний о факте, сведений, информации. Как справедливо отмечает А.Р. Белкин, доказательство – это не сам факт действительности, а сведения о нем, информация, которая может быть истинной или ложной, полной или неполной, точной или искаженной [Белкин, 2007, с. 22-23].

Применительно к доказательству это означает следующее: достоверным или вероятным может быть только источник доказательств, из которого мы черпаем сведения о существовании факта и его содержании. Следовательно, достоверность носит не абсолютный, а

градуированный характер и определяется степенью обоснованной уверенности в истинности знания. Этот вероятностный подход находит глубокое обоснование в работах А.Г. Карапетова и А.С. Косарева, которые указывают, что «достоверность – это вопрос степени вероятности» [Карапетов, 2017, с. 14]. Авторы подчеркивают, что в судебном процессе установление фактов основано на вероятностной модели, а признание факта доказанным происходит при достижении субъективной уверенностью судьи (апостериорной вероятности) некоего порогового

значения – стандарта доказывания. Таким образом, достоверность заключения есть не бинарная характеристика («достоверно»/«недостоверно»), а вероятностная категория, отражающая достигнутый уровень обоснованной уверенности в правильности его выводов.

Итак, достоверность является свойством не самого факта (который объективно либо существует, либо нет), а свойством сведений об этом факте, коими и выступает заключение эксперта. Это свойство формируется через совокупность предложенных авторами критериев: полноту, всесторонность, обоснованность, проверяемость, которые вытекают из процессуальной природы экспертного заключения и требований законодательства к его содержанию (ст. 204 УПК РФ, ст. 8 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности»). Далее эти характеристики будут раскрыты в качестве базовых элементов предлагаемой системы критериев.

Данное теоретическое положение имеет принципиальное практическое значение: оно переориентирует субъекта оценки с попыток установить «абсолютную истину» на анализ качества познавательного процесса, отраженного в заключении эксперта.

Правовые и теоретические основания системы критериев достоверности экспертного заключения

Полнота (А) рассматривается как свойство заключения, характеризующееся достаточностью объема и комплексностью проведенного исследования, а также учетом всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Этот элемент конкретизируется через три параметра:

- П1 – Достаточный объем и комплексный характер исследования. Отражает количественную и качественную достаточность проведенных действий (были ли изучены все представленные объекты, применены ли адекватные методы).
- П2 – Наличие ответов на все поставленные вопросы. Является формальным, но обязательным индикатором выполнения экспертом своего задания. Отсутствие ответа на поставленный вопрос без мотивированного обоснования невозможности его разрешения свидетельствует о неполноте заключения.
- П3 – Учет всех обстоятельств дела. Обеспечивает содержательную глубину исследования, исключая выводы, сделанные без анализа контекста (например, истории эксплуатации объекта, дорожных и метеорологических условий, показаний участников ДТП и т.д.).

Всесторонность (В) понимается как методологическое свойство исследования, выражающееся в установлении, анализе и обоснованном отвержении экспертных версий, а также в рассмотрении объекта с различных точек зрения. Ее параметры:

- В1 – Установление и анализ всех значимых версий. Обязывает эксперта к активному поиску альтернативных объяснений установленных фактов. Например, при анализе механизма столкновения должны быть рассмотрены все технически возможные варианты развития событий, соответствующие объективным следам.

- В2 – Рассмотрение объекта с различных точек зрения. Подразумевает применение комплекса методов для получения многоплановой информации. Использование только одного метода там, где возможно и целесообразно применение нескольких для получения большего объема данных, снижает всесторонность исследования.
- В3 – Обоснованное отвержение неподтвердившихся версий. Требует от эксперта не простого перечисления, а аргументированного, мотивированного исключения несостоятельных гипотез. Это является кульминацией аналитической работы и демонстрирует глубину исследования.

Обоснованность (С) – ключевое свойство заключения, выражающееся в наличии логически последовательной связи между примененными методами, полученными результатами и сформулированными выводами, базирующейся на строго научной и практической основе

(абз. 2 п. 15 ПП ВС РФ № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»). Параметры:

- С1 – Логическая связь между элементами заключения. Означает наличие четкой причинно-следственной цепочки от исходных данных через промежуточные выводы к итоговому заключению, исключающей немотивированные «логические скачки». Каждое утверждение должно вытекать из предыдущего.
- С2 – Корректность применения методов исследования. Гарантирует, что использованные методики адекватны задаче и применены в соответствии с утвержденными стандартами (ГОСТ, методические рекомендации). Применение метода вне области его валидности влечет необоснованность выводов.
- С3 – Опора на научную и практическую базу. Обеспечивает, что выводы основаны на общепризнанных в соответствующей области знания принципах (законы физики, механики, данные справочной литературы, результаты научных исследований и пр.), а не на умозрительных предположениях эксперта.

Проверяемость (D) – свойство заключения, обеспечивающее возможность его независимой верификации (абз. 2 ст. 8 Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ). Это свойство реализуется через:

- Пр1 – Информационная открытость примененных методов. Полнота описания методик, позволяющая оценить их адекватность. Эксперт должен не просто указать название метода, но и раскрыть его сущность, условия применимости, возможные погрешности.
- Пр2 – Наличие полной логической цепи. Детализация всех этапов рассуждений эксперта от исходных данных к выводам. Отсутствие промежуточных звеньев делает выводы непроверяемыми.
- Пр3 – Протоколирование, обеспечивающее воспроизводимость. Фиксация хода и результатов исследования в форме, теоретически допускающей его повторение другим специалистом. Включает описание использованных приборов, условий проведения экспериментов, полученных числовых данных.

Выделенные элементы и параметры образуют систему критериев оценки достоверности заключения эксперта-автотехника. Для практического применения данной системы требуется определить относительную значимость каждого критерия, поскольку их вклад в формирование общего убеждения в достоверности не является равнозначным. С целью объективного установления весовых коэффициентов был применён метод анализа иерархий (МАИ) Т. Саати, позволяющий на основе экспертных оценок рассчитать количественные показатели важности каждого элемента и параметра.

Определение весовых коэффициентов элементов и параметров методом анализа иерархий Т. Саати

Для преодоления субъективизма в оценке относительной значимости выделенных критериев нами был применен метод анализа иерархий (МАИ) Томаса Саати. Логика метода понятна юристу-практику: вместо попытки сразу определить «самый важный» критерий, эксперты последовательно сравнивают их попарно (например, «Что важнее: обоснованность или полнота?»), используя простую шкалу от 1 (критерии равны) до 9 (один абсолютно важнее другого). Математический аппарат метода обрабатывает эти парные сравнения, проверяет суждения на внутреннюю согласованность (исключая противоречивые анкеты) и рассчитывает объективные весовые коэффициенты, отражающие коллективное мнение экспертного сообщества [Саати, 1993].

Для участия в исследовании были выбраны 18 человек, из которых: судебные эксперты-автотехники – 6 человек, государственные обвинители – 5 человек, судьи – 3 человека, ученые-процессуалисты – 4 человека.

Каждому предлагался опросный лист, содержащий:

1. Матрицу для попарного сравнения четырех основных элементов достоверности (полнота, всесторонность, обоснованность, проверяемость).
2. Четыре матрицы для попарного сравнения параметров внутри каждого элемента.

Для сравнения использовалась стандартная шкала Саати:

Таблица 2 - Шкала оценок Т. Саати

Балл	Интерпретация
1	Критерии равнозначны
3	Умеренное превосходство одного критерия над другим
5	Существенное превосходство
7	Значительное превосходство
9	Абсолютное превосходство
2, 4, 6, 8	Промежуточные значения

На основе оценок каждого эксперта строилась матрица попарных сравнений, которая затем нормализовалась, и вычислялся вектор приоритетов (весовые коэффициенты). Критически важным этапом была проверка внутренней согласованности суждений каждого эксперта – метод позволяет математически выявить противоречия в оценках (например, если эксперт указал, что А важнее Б, Б важнее В, но при этом В важнее А). Качество оценок проверялось расчетом индекса согласованности (ИС) и отношения согласованности (ОС): $ИС = (\lambda_{\max} - n) / (n - 1)$; $ОС = ИС / СС$, где $\lambda_{\max}$ — максимальное собственное значение матрицы, n — размерность матрицы, $СС$ — случайная согласованность. Порог 0,10 является общепринятым в методологии МАИ [4, с. 21-25].

Анкеты с отношением согласованности более 0,10 отсеивались как содержащие внутренне противоречивые суждения. Из 18 полученных анкет 3 были исключены из обработки как содержащие внутренне противоречивые суждения: две анкеты показали

$ОС = 0,14$ и $0,17$ при сравнении основных элементов (при пороге 0,10), одна анкета – $ОС = 0,13$ при сравнении параметров обоснованности.

Для получения итоговых весовых коэффициентов производилось усреднение векторов приоритетов 15 человек, прошедших проверку на согласованность. Применялся метод среднего

геометрического, обеспечивающий большую устойчивость к выбросам по сравнению со средним арифметическим.

Итоговые глобальные веса элементов достоверности, отражающие коллективное мнение об их относительной значимости, составили:

Таблица 3 - Весовые коэффициенты элементов достоверности

Элемент	Глобальный вес	Стандартное отклонение
Обоснованность (С)	0,45	0,08
Проверяемость (D)	0,30	0,06
Полнота (А)	0,13	0,04
Всесторонность (В)	0,12	0,05

Данное распределение весов имеет важное процессуальное значение. Оно свидетельствует, что для формирования убеждения в достоверности заключения наиболее критичными являются не формальные признаки (наличие ответов на все вопросы), а качественные характеристики: логическая стройность и научная обоснованность выводов (вес 0,45), а также возможность их независимой проверки (вес 0,30). Вместе эти два элемента составляют 75% от общей оценки достоверности, что соответствует правовой природе экспертного заключения как источника специальных знаний.

Низкое относительное значение формальных критериев (полнота – 0,13) не означает их незначительности, но подчеркивает, что механическое наличие ответов на вопросы без их обоснованности не создает достоверного заключения.

Аналогичным образом были определены локальные веса параметров внутри каждого элемента (см. Таблицу 4).

Таблица 4 - Весовые коэффициенты параметров

Элемент	Параметр	Локальный вес	Глобальный вес
Полнота (А)	П1	0,25	0,033
	П2	0,25	0,033
	П3	0,50	0,065
Всесторонность (В)	В1	0,65	0,078
	В2	0,15	0,018
	В3	0,20	0,024
Обоснованность (С)	С1	0,25	0,113
	С2	0,11	0,050
	С3	0,64	0,288
Проверяемость (D)	Пр1	0,25	0,075
	Пр2	0,25	0,075
	Пр3	0,50	0,150

Обращает на себя внимание **исключительно высокий вес параметра С3** (опора на научную базу) – **0,288**, что составляет более четверти от общего веса всех параметров. Это подчеркивает фундаментальное значение научной обоснованности выводов эксперта для оценки достоверности заключения в целом.

Для практического применения модели и минимизации субъективизма при выставлении баллов по каждому параметру авторами разработаны детализированные пятиуровневые шкалы. Оценка выставляется в диапазоне от 0,0 (критерий не выполнен) до 1,0 (выполнен полностью) с учетом промежуточных значений, что позволяет более точно отразить качество заключения.

**Таблица 5 - Детализированные шкалы оценки
параметров достоверности заключения эксперта-автотехника**

ЭЛЕМЕНТ А: ПОЛНОТА	
Параметр П1. Достаточный объем и комплексный характер исследования	
1,0	Исследованы все объекты, указанные в постановлении; применен полный комплекс методов, адекватных задаче; проведены все необходимые измерения и испытания согласно ГОСТам/методикам
0,7	Исследованы все основные объекты; применены базовые методы; отдельные измерения/испытания не проведены, но это не критично для выводов
0,5	Исследована часть объектов; методы применены выборочно; отсутствуют некоторые важные измерения, что ограничивает выводы
0,3	Исследование поверхностное; значительная часть объектов не изучена; методы применены формально
0,0	Исследование не проведено либо носит чисто формальный характер без применения специальных методов
Параметр П2. Наличие ответов на все поставленные вопросы	
1,0	На все вопросы даны прямые ответы в категоричной или вероятной форме
0,7	На большинство вопросов даны ответы; отказ от ответа на отдельные вопросы мотивирован объективными причинами (недостаточность материалов, выход за пределы компетенции)
0,5	Ответы даны на половину вопросов; имеются немотивированные отказы
0,3	Ответы даны менее чем на половину вопросов
0,0	Ответы отсутствуют на большинство или все вопросы без обоснования
Параметр П3. Учет всех существенных обстоятельств дела	
1,0	Учтены и проанализированы: состояние объекта (износ, дефекты), дорожные условия (покрытие, уклон, видимость), метеоусловия, показания участников, протоколы осмотра, схемы ДТП
0,7	Учтено большинство существенных обстоятельств; отдельные факторы не проанализированы, но это не влияет критически на выводы
0,5	Учтена только часть обстоятельств; отсутствует анализ важных факторов (например, не учтено состояние покрытия при расчете тормозного пути)
0,3	Учтены лишь отдельные обстоятельства; контекст ДТП игнорируется
0,0	Существенные обстоятельства не учтены; выводы сделаны в отрыве от материалов дела
ЭЛЕМЕНТ В: ВСЕСТОРОННОСТЬ	
Параметр В1. Установление и анализ всех значимых версий	
1,0	Сформулированы все технически возможные версии развития событий; для каждой проведен анализ с конкретными расчетами/выводами; версии сопоставлены с объективными данными
0,7	Рассмотрены основные версии; анализ проведен, но не для всех; отдельные маловероятные версии не рассмотрены с обоснованием
0,5	Рассмотрены 2-3 версии; анализ поверхностный; очевидные альтернативы не исследованы
0,3	Упомянута одна альтернативная версия без анализа; эксперт фактически исходит из единственного сценария
0,0	Альтернативные версии не рассматриваются; исследование одновариантное
Параметр В2. Рассмотрение объекта с различных точек зрения	
1,0	Применен комплекс различных методов (расчетный, экспериментальный, сравнительный); результаты разных методов сопоставлены и согласованы
0,7	Применены 2-3 метода; результаты в целом согласованы; возможность дополнительных методов обоснованно отклонена
0,5	Применены 1-2 метода; другие применимые методы не использованы без объяснения причин
0,3	Применен один метод там, где целесообразно несколько; односторонний подход
0,0	Метод единственный и применен формально
Параметр В3. Обоснованное отвержение неподтвердившихся версий	
1,0	Для каждой отвергнутой версии приведены конкретные аргументы (несоответствие расчетов,

	противоречие следам, физическая невозможность); аргументация детальная и убедительная
0,7	Отвержение версий аргументировано, но не для всех в равной степени; отдельные аргументы недостаточно конкретны
0,5	Отвержение версий декларировано с минимальным обоснованием
0,3	Версии отвергнуты без аргументации или с формальными отсылками
0,0	Отвержение версий не обосновано либо версии не рассматривались
ЭЛЕМЕНТ С: ОБОСНОВАННОСТЬ	
Параметр С1. Логическая связь между элементами заключения	
1,0	Прослеживается четкая логическая цепь: исходные данные → промежуточные расчеты → частные выводы → итоговые выводы; каждый шаг следует из предыдущего; отсутствуют логические разрывы
0,7	Логическая связь в целом присутствует; отдельные переходы недостаточно эксплицированы, но при внимательном чтении восстанавливаются
0,5	Присутствуют логические пробелы; отдельные выводы сделаны без видимого обоснования предыдущими этапами; требуются домысливания
0,3	Логическая связь фрагментарна; множественные "логические скачки"; выводы слабо связаны с исследовательской частью
0,0	Логическая связь отсутствует; выводы декларативны и не вытекают из исследования
Параметр С2. Корректность применения методов исследования	
1,0	Использованы методы, утвержденные ГОСТами/методическими рекомендациями экспертных учреждений; применены строго в области валидности; соблюдены все требования стандартов; учтены погрешности
0,7	Методы применены в целом корректно; незначительные отступления от стандартов не влияют на результат; погрешности указаны
0,5	Методы применены с существенными отступлениями от стандартов (например, упрощенные формулы вместо точных); погрешности не учтены или учтены частично
0,3	Метод применен вне области валидности (например, формула для сухого покрытия применена к мокрому); грубые нарушения методики
0,0	Использованы ненаучные, необщепризнанные методы либо метод применен с грубейшими нарушениями
Параметр С3. Опора на научную и практическую базу	
1,0	Все выводы основаны на: законах физики/механики с указанием источников; справочных данных (коэффициенты сцепления, тормозные характеристики) с ссылками на ГОСТы/литературу; результатах научных исследований; исключены умозрительные предположения
0,7	Выводы в основном опираются на научную базу; отдельные положения взяты из практики без прямых ссылок, но являются общепринятыми
0,5	Часть выводов обоснована научно, часть основана на опыте эксперта без ссылок; смешение объективных данных и субъективных суждений
0,3	Преобладают ссылки на опыт без научного обоснования; данные из справочников использованы выборочно или некорректно
0,0	Выводы основаны на субъективном мнении эксперта; научная база отсутствует или использована формально
ЭЛЕМЕНТ D: ПРОВЕРЯЕМОСТЬ	
Параметр Пр1. Информационная открытость примененных методов	
1,0	Для каждого метода указано: название, нормативный источник (ГОСТ, методические рекомендации), сущность метода, условия применимости, возможные погрешности; описание позволяет специалисту оценить адекватность выбора
0,7	Методы описаны достаточно; отдельные характеристики (например, погрешности) не указаны, но метод идентифицируем
0,5	Указаны названия методов, но сущность раскрыта недостаточно; условия применимости не описаны
0,3	Методы названы формально; отсутствуют ссылки на источники; невозможно оценить

	корректность выбора
0,0	Методы не раскрыты; указано только "использованы специальные знания"
Параметр Пр2. Наличие полной логической цепи	
1,0	Каждый этап рассуждений детализирован: исходные данные (с указанием источника) → формулы/методы → промежуточные результаты → интерпретация → вывод; все числовые данные приведены; специалист может воспроизвести ход мысли
0,7	Логическая цепь в основном присутствует; отдельные промежуточные этапы опущены, но восстанавливаются
0,5	Значительные пробелы в цепи рассуждений; часть данных/расчетов не приведена; воспроизведение затруднено
0,3	Логическая цепь фрагментарна; выводы декларируются без детализации пути к ним
0,0	Логическая цепь отсутствует; только итоговые утверждения без обоснования
Параметр Пр3. Протоколирование, обеспечивающее воспроизводимость	
1,0	Подробно описано: использованное оборудование (тип, модель, заводской номер, характеристики, сведения о поверке); условия проведения исследования (температура, влажность при необходимости); все полученные числовые данные; фотофиксация ключевых этапов; другой эксперт теоретически может повторить исследование
0,7	Основные элементы протоколирования присутствуют; отдельные данные (например, сведения о поверке приборов) отсутствуют, но это не препятствует пониманию
0,5	Протоколирование выборочное; отсутствуют важные данные (характеристики приборов, условия); воспроизводимость ограничена
0,3	Протоколирование формальное; данные приведены фрагментарно; воспроизвести исследование невозможно
0,0	Протоколирование отсутствует; не указано оборудование, нет числовых данных, нет фото

Апробация методики: количественная оценка заключения эксперта-автотехника

Приговором Коптевского районного суда г. Москвы от 30.07.2024 по уголовному делу № 1-77/2024 К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ, с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на пять лет с отбыванием в исправительной колонии общего режима и лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок два года одиннадцать месяцев.

20 сентября 2023 года в 19:02 в районе дома 10/12 по улице Тимирязевская г. Москвы произошло ДТП с участием автомобиля марки «БМВ Х5 XDRIVE30D» под управлением К. и автомобиля марки «Хендэ Гетц GLS 1.3 AUTO» под управлением У., который от полученных травм на месте происшествия скончался.

Следователем возбуждено уголовное дело и назначена автотехническая экспертиза. На разрешение экспертизы поставлены вопросы о работоспособности тормозной системы и рулевого управления автомобиля БМВ, времени возникновения неисправностей (до или после ДТП), их возможном влиянии на траекторию движения и возможности их обнаружения водителем.

В постановлении о назначении экспертизы следователь указал, что К. «находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял технически исправным транспортным средством» и в нарушение ПДД РФ совершил столкновение с автомобилем «Хендэ Гетц GLS 1.3 AUTO», остановившимся на запрещающий сигнал светофора.

Согласно ГОСТ Р 27.102-2021 «Надежность в технике. Надежность объекта. Термины и определения», термин «исправное состояние (исправность)» определяется как состояние

объекта, в котором все параметры объекта соответствуют всем требованиям, установленным в документации. Следовательно, порочность поставленных вопросов заключалась в том, что эксперту предстояло исследовать автомобиль, который, по утверждению следователя, до ДТП был заведомо исправным.

Такая постановка задачи содержит внутреннее противоречие и фактически предопределяет выводы эксперта, что недопустимо, но это отдельное самостоятельное замечание.

Эксперт ходатайствовал перед следователем об организации необходимых условий проведения экспертного осмотра (площадка с твердым покрытием, пространство для фотосъемки), о применении разрушающих методов контроля, а также о привлечении специалиста со специализированным оборудованием, имеющимся в распоряжении официальных станций технического обслуживания автомобилей марки БМВ. Ходатайство было формально удовлетворено, однако фактически никаких действий выполнено не было.

При проведении натурного обследования эксперт выполнил следующие диагностические мероприятия: внешний осмотр транспортного средства и подкапотного пространства; проверка уровня тормозной жидкости; демонтаж колес и внешний осмотр механизмов тормозной системы; замер толщины тормозных дисков штангенциркулем; визуальная проверка толщины тормозных накладок; нажатие педали тормоза. По результатам эксперт заключил, что признаков неисправности установлено не было.

Модель количественной оценки применялась следующим образом. Каждому из 12 параметров модели на основе содержательного анализа текста заключения был присвоен балл от 0,0 (критерий не выполнен) до 1,0 (выполнен полностью) в соответствии с детализированной шкалой. Итоговый расчет представлен в Таблице 6.

**Таблица 6 - Оценка заключения
эксперта-автотехника по разработанной модели**

Элемент (Глобальный вес)	Параметр (Локальный вес)	Оценка	Взвешенный вклад
Полнота (0,13)	П1 (0,25)	0,6	0,020
	П2 (0,25)	0,3	0,010
	П3 (0,5)	0,5	0,033
	Итог по элементу:		0,063
Всесторонность (0,12)	В1 (0,65)	0,4	0,031
	В2 (0,15)	0,5	0,009
	В3 (0,20)	0,3	0,007
	Итог по элементу:		0,047
Обоснованность (0,45)	С1 (0,25)	0,5	0,056
	С2 (0,11)	0,4	0,020
	С3 (0,64)	0,4	0,115
	Итог по элементу:		0,191
Проверяемость (0,30)	Пр1 (0,25)	0,6	0,045
	Пр2 (0,25)	0,5	0,038
	Пр3 (0,5)	0,4	0,060
	Итог по элементу:		0,143
ОБЩАЯ ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ (D):			0,444

Интерпретация результатов. Интегральная оценка 0,444 (44,4%) однозначно свидетельствует о низком уровне достоверности исследованного заключения. В контексте стандартов доказывания в уголовном процессе, где решение должно основываться на доказательствах, не вызывающих разумных сомнений, оценка ниже 50% отражает не преодоление порога достаточной уверенности, а наличие существенных, неустраненных сомнений в обоснованности выводов эксперта.

На основе предложенной нами модели было установлено, что наиболее критические недостатки приходится на ключевые элементы – **Обоснованность** (0,191) и **Проверяемость** (0,143). Анализ параметров позволил локализовать конкретные проблемы:

- **Необоснованность выводов (С1, С3):** Эксперт, признав невозможность проведения регламентированных ГОСТ испытаний тормозной системы и измерения суммарного люфта рулевого управления (из-за невозможности запуска двигателя), тем не менее делает вывод об их «действующем состоянии» на момент ДТП. Этот вывод не вытекает из проведенных исследований и противоречит логике, поскольку именно невозможность проверки по стандарту не позволяет дать ответ на поставленные вопросы.
- **Некорректность методологии (С2):** Оценка работоспособности без проведения комплексной технической диагностики и испытаний является грубой методологической ошибкой.
- **Непроверяемость (Пр2, Пр3):** Выводы не могут быть независимо проверены, так как ключевые данные (результаты стендовых или дорожных испытаний) отсутствуют. Воспроизвести оценку работоспособности по представленному протоколу невозможно.

Таким образом, модель не просто констатирует формальную неполноту (отсутствие ответов на вопросы), а выявляет **фундаментальную методологическую несостоятельность** исследования для заявленных целей. Низкие баллы по критичным элементам С и D объективно формируют у субъекта оценки «сомнения в обоснованности заключения эксперта» в смысле ч. 2 ст. 207 УПК РФ.

Процессуальное значение формализованной оценки для обоснования назначения повторной экспертизы

Полученная количественная оценка и ее детализированная расшифровка имеют прямое отношение к положениям ст. 207 УПК РФ.

- **Объективизация «сомнений в обоснованности».** Низкий балл по ключевому элементу «Обоснованность» и выявленные конкретные логические и методические нарушения представляют собой не субъективное мнение, а формализованное основание для констатации «сомнений в обоснованности заключения эксперта» (ч. 2 ст. 207 УПК РФ). В постановлении о назначении повторной экспертизы можно сослаться не на абстрактные формулировки, а на конкретные параметры, по которым заключение не соответствует установленным критериям (например, нарушение логической связи С1, корректности методов С2).
- **Критерий отличия дополнительной экспертизы от повторной.** Разработанная модель помогает разграничить основания. Неполнота, выразившаяся лишь в отсутствии ответа на вопрос (низкий балл П2 при нормальных П1 и П3), может указывать на основание для дополнительной экспертизы. Однако если низкие баллы получены по параметрам П1 и

ПЗ, а особенно – по элементам С и D, что ставит под сомнение все исследование в целом, это является веским аргументом в пользу назначения именно повторной экспертизы, как того требует п. 15 ПП ВС РФ №28.

- **Повышение транспарентности и состязательности.** Предъявление сторонам расчета, показывающего «вес» каждого выявленного недостатка, делает позицию стороны, ходатайствующей о повторной экспертизе, более обоснованной и предметной для обсуждения в судебном заседании.

Предложенная авторами модель, основанная на методе анализа иерархий Т. Саати, позволяет преодолеть терминологическую неопределенность и предоставляет участникам процесса доказывания структурированный инструмент для проверки достоверности заключения эксперта-автотехника. Апробация модели на реальном заключении эксперта позволила получить интегральную количественную оценку его достоверности (44,4%) и выявить критические недостатки в обоснованности и проверяемости выводов, что служит объективным основанием для назначения повторной экспертизы.

Методические рекомендации по применению модели и интерпретации результатов

- 1) **Порядок оценки.** Оценивать параметры целесообразно последовательно, от П1 к ПЗ, документируя для каждого конкретные основания (ссылки на страницы и цитаты из заключения).
- 2) **Коллегиальность.** Для повышения объективности в сложных случаях рекомендуется независимая оценка несколькими субъектами с последующим согласованием расхождений.
- 3) **Интерпретация итоговой интегральной оценки достоверности (D):**
 - **0,80 – 1,00 (Высокий уровень):** заключение обладает максимальной доказательственной силой и может быть положено в основу выводов о наличии/отсутствии факта.
 - **0,60 – 0,79 (Средний уровень):** заключение требует критического анализа и сопоставления с иными доказательствами; возможно назначение дополнительной экспертизы.
 - **0,40 – 0,59 (Низкий уровень):** заключение обладает низкой доказательственной силой, имеются существенные сомнения в достоверности; рассмотреть вопрос о назначении повторной экспертизы.
 - **0,00 – 0,39 (Критически низкий уровень):** заключение недостоверно, доказательственная ценность – ничтожна.

Данные пороговые значения служат практическим ориентиром для принятия процессуальных решений.

Заключение

Проведенное нами исследование позволило разработать и апробировать формализованный подход к оценке достоверности заключения эксперта-автотехника, направленный на решение одной из наиболее сложных практических проблем уголовного судопроизводства.

Разработана теоретико-прикладная модель, структурирующая требования закона в единую иерархическую систему. Она включает четыре ключевых элемента достоверности (*полнота, всесторонность, обоснованность, проверяемость*) и двенадцать детализирующих параметров, что позволяет унифицировать понятийный аппарат для участников процесса.

Объективность модели обеспечена применением метода анализа иерархий

Т. Саати. Определены весовые коэффициенты критериев, отражающие их реальную значимость. Распределение весов (обоснованность – 0,45; проверяемость – 0,30) показывает, что для формирования убеждения критичны содержательные свойства заключения, связанные с логической стройностью выводов и возможностью их независимой верификации.

Апробация модели на реальном заключении эксперта-автотехника подтвердила ее диагностическую ценность. Модель не только выдала интегральную количественную оценку достоверности (44,4%), но и выявила фундаментальную методологическую несостоятельность исследования, которую интуитивная оценка могла бы упустить. Эксперт, признав невозможность проведения обязательных испытаний, сделал положительный вывод о работоспособном состоянии системы рулевого управления и тормозной системы автомобиля, что разработанная модель четко фиксирует как нарушение параметров обоснованности и проверяемости.

Разработанная модель имеет практическое значение для применения положений ст. 207 УПК РФ и позволяет формализовать подход к анализу заключения. Она:

- конкретизирует содержание «сомнений в обоснованности заключения эксперта» (ч. 2 ст. 207 УПК РФ), переводя их в систему проверяемых аргументов;
- способствует разграничению оснований для назначения повторной (при нарушении обоснованности/проверяемости) и дополнительной (при формальной неполноте) экспертиз;
- повышает уровень аргументации и состязательности в суде, позволяя сторонам представлять структурированную критику экспертного заключения.

Таким образом, предложенный подход предоставляет практикам структурированный инструмент для анализа заключения эксперта-автотехника, что способствует минимизации судебных ошибок. Разработанные детализированные шкалы оценки и методические рекомендации по применению модели делают ее готовым инструментом для использования в следственной и судебной практике, а также в процессе профессиональной подготовки юристов. Перспективы дальнейшей работы связаны с адаптацией модели к иным родам судебных экспертиз.

Библиография

1. Павлова Е.В. Исследование и оценка прокурором заключений и показаний экспертов при судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – 32 с.
2. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – Москва : Норма, 2007. – 528 с. ISBN 5-89123-898-5.
3. Карапетов А.Г. Состязательность и доказывание в гражданском процессе: монография. – М.: Статут, 2017. – 384 с.
4. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий: пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1993. – 278 с.
5. Лукьянчук А. Д. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. – 2008.
6. Смоленчук В. Н. Использование специальных знаний при проведении комплексных криминалистических исследований по делам о дорожно-транспортных происшествиях //Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2015. – №. 6. – С. 176-181.
7. Моховая Т. А. Методика расследования преступлений против безопасности дорожного движения : дис. – Краснодар, 2016.
8. Попов Е. А., Волчецкая Т. С., Авакян М. В. Расследование дорожно-транспортных происшествий, совершенных с участием большегрузных автомобилей: модульная методика. – 2020.

On the Issue of Assessing the Reliability of an Auto-Technical Expert's Opinion in Criminal Proceedings in Cases of Traffic Accidents

Andrei N. Sakun

Auto-Technical Expert,
Postgraduate Student of the Department of Motor Transport Operation and Auto Service,
Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
125319, 64, Leningradsky ave., Moscow, Russian Federation;
Master's Student of the Department of Criminal Procedure Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Bldg. 1, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: andrey.sakun@bk.ru

Sergei A. Nasonov

Doctor of Law,
Professor of the Department of Criminal Procedure Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Bldg. 1, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
Attorney,
Moscow Bar Association,
Advisor to the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation,
119002, 43, Sivtsev Vrazhek Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@advokatymoscow.ru

Abstract

In the absence of a unified approach to assessing the reliability of an auto-technical expert's opinion and the terminological uncertainty of key concepts, there is a need to develop scientifically based assessment criteria. Formal evaluation of an expert opinion often leads to judicial errors and unlawful prosecution of individuals. A model is proposed based on T. Saaty's analytic hierarchy process, including four elements (completeness, comprehensiveness, validity, verifiability) and twelve parameters with established weighting coefficients. Detailed five-level assessment scales have been developed for each parameter, which allows formalizing the verification process. Approbation of the model on a real expert opinion demonstrated its effectiveness for objectifying the grounds for ordering a repeat examination and contributes to the adoption of lawful, reasonable, and motivated judicial acts. Methodological recommendations for applying the model in investigative and judicial practice are provided.

For citation

Sakun A.N., Nasonov S.A. (2026) K voprosu ob otsenke dostovernosti zaklyucheniya eksperta-avtotekhnika v ugolovnom sudoproizvodstve po delam o dorozhno-transportnykh proisshestviyakh [On the Issue of Assessing the Reliability of an Auto-Technical Expert's Opinion in Criminal Proceedings in Cases of Traffic Accidents]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 507-522. DOI: 10.34670/AR.2026.21.48.061

Keywords

Auto-technical examination, criminal proceedings, expert opinion, reliability, evidence assessment, traffic accident, repeat examination, supplementary examination, analytic hierarchy process, criminal procedure.

References

1. Pavlova, E.V. (2022). *Issledovanie i otsenka prokurorom zakliuchenii i pokazanii ekspertov pri sudebnom razbiratel'stve ugovolnykh del* [The prosecutor's examination and evaluation of expert opinions and testimonies during criminal court proceedings] (Abstract of a candidate of juridical sciences dissertation). Moscow.
2. Belkin, A.R. (2007). *Teoriia dokazyvaniia v ugovolnom sudoproizvodstve* [The theory of proof in criminal proceedings]. Moscow: Norma. ISBN 5-89123-898-5.
3. Karapetov, A.G. (2017). *Sostiazatel'nost' i dokazyvanie v grazhdanskom protsesse* [Adversarialism and proof in civil proceedings]: A monograph. Moscow: Statut.
4. Saaty, T.L. (1993). *Priniatie reshenii. Metod analiza ierarkhii* [Decision making. The analytic hierarchy process]. Moscow: Radio i sviaz'.
5. Luk'ianchuk, A.D. (2008). *Ekspertiza dorozhno-transportnykh proisshествii* [Examination of traffic accidents]. [Publisher information missing].
6. Smolenchuk, V.N. (2015). *Ispol'zovanie spetsial'nykh znanii pri provedenii kompleksnykh kriminalisticheskikh issledovaniï po delam o dorozhno-transportnykh proisshествiiakh* [The use of specialized knowledge in conducting complex forensic investigations in traffic accident cases]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia D. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences], (6), 176–181.
7. Mokhovaia, T.A. (2016). *Metodika rassledovaniia prestuplenii protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniia* [Methodology for investigating crimes against road safety] (Unpublished candidate dissertation). Krasnodar.
8. Popov, E.A., Volchetskaia, T.S., & Avak'ian, M.V. (2020). *Rassledovanie dorozhno-transportnykh proisshествii, sovershennykh s uchastiem bol'shegruznykh avtomobilei: modul'naia metodika* [Investigation of traffic accidents involving heavy goods vehicles: a modular methodology]. [Publisher information missing].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.71.76.062

Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию фальсификации истории о Великой Отечественной войне

Манивлец Элина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Донецкий государственный университет,
283001, Российская Федерация, Донецк, ул. Университетская, 24;
e-mail: e.manivlets@donnu.ru

Манивлец Николай Николаевич

Юрист 3 класса,
прокурор кассационного отдела уголовно-судебного управления,
Прокуратура Донецкой Народной Республики,
283015, Российская Федерация, Донецк, ул. Генерала Антонова, 2;
e-mail: e.manivlets@donnu.ru

Аннотация

Данная статья представляет собой глубокий и системный анализ современных тенденций и угроз, связанных с переписыванием истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также с использованием этого переписывания как инструмента гибридной войны и идеологического манипулирования. Основная мысль автора заключается в том, что борьба за историческую правду — это не только вопрос памяти и справедливости, но и стратегический аспект мировой политики, направленный на изменение глобального баланса сил и формирование нового миропорядка. Автор подробно освещает механизмы фальсификаций — их методы и цели, такие как отрицание уникальности Холокоста и героизацию коллаборационистов, что ведет к искажению уроков истории, растущему популяризму нацизма в некоторых странах и опасности для международной безопасности. В качестве примера приводится ситуация в странах Прибалтики и Украине, где происходит реабилитация нацистской идеологии, а также нарастающие случаи в России, связанные с модуляцией исторической памяти. Особое место занимает описание работы российских государственных структур, в первую очередь прокуратуры, которая ведет масштабную деятельность по защите исторической правды. В рамках проекта «Без срока давности» подчеркивается необходимость обнаружения и документирования преступлений нацистов и их пособников, сохранения памяти о жертвах геноцида и системного противодействия искажениям истории посредством юридических и информационных мер. Авторы подчеркивают, что переписывание истории — это часть глобальной политической стратегии, направленной на снятие ответственности Запада за связанные с ним трагедии, а также на подавление роли СССР и России как победителей

над фашизмом. Это, по мнению автора, создает ценностную основу для международных конфликтов, расширения военных блоков и ограничений суверенитета отдельных государств. В заключение авторы подчеркивают важность сохранения исторической правды для укрепления национальной идентичности и обеспечения стабильности мира, а также намеренно подчеркивает роль законодателей и правоохранительных органов в защите памяти и исторической справедливости. В целом, статья выступает как призыв к осознанной и решительной защите памяти о Победе, исходя из понимания, что историческая правда — это фундамент борьбы за справедливое и свободное будущее.

Для цитирования в научных исследованиях

Манивлец Э.Е., Манивлец Н.Н. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию фальсификации истории о Великой Отечественной войне // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 523-529. DOI: 10.34670/AR.2026.71.76.062

Ключевые слова

Прокуратура Российской Федерации, фальсификация, ВОВ, историческая справедливость, национальная идентичность.

Введение

Сегодня мы становимся свидетелями опасной и целенаправленной тенденции: история Второй мировой и Великой Отечественной войн системно превращается в поле для идеологических манипуляций и политических спекуляций. Это не стихийный процесс, а часть современной гибридной войны, где целенаправленное конструирование мифов, подтасовка фактов и создание удобных исторических нарративов используются как мощное информационное оружие. Цель этого - не поиск истины, а подрыв моральных и правовых основ послевоенного мира.

Особую тревогу вызывает методичное продвижение идей, родственных нацизму. Под благовидными предлогами «национального возрождения», «декоммунизации» или «нового прочтения» осуществляется реабилитация коллаборационистов, героизация формирований СС и отрицание уникальности Холокоста. Эта идеологическая диверсия, маскирующаяся под академический дискурс, ведет к разрушению базовых принципов глобальной безопасности, закрепленных в Уставе ООН. Она создает благоприятную почву для конфликтов, провоцируя новое, силовое перераспределение сфер влияния и ставя под угрозу суверенитет целых государств.

Данная стратегия является краеугольным камнем политики, проводимой США и их ключевыми союзниками в Европе. Их курс на евроатлантическую интеграцию *de facto* предполагает создание монопольного права на трактовку истории. Они отдают себе отчет: чтобы навязать миру новую систему ценностей и однополярное мироустройство, необходимо демонтировать главный моральный императив XX века — правду о решающей роли антигитлеровской коалиции, и прежде всего Советского Союза, в разгроме нацизма. Для этого запущен широкий фронт работ по системному замалчиванию, дискредитации и фальсификации: масштаб жертв и подвиг народов СССР принижаются, а сама страна-победительница в рамках

концепции «двух тоталитаризмов» изображается не как освободитель, а как тоталитарный «двойник» гитлеровского Рейха, несущий равную ответственность за развязывание войны.

Основное содержание

Таким образом, происходит глобальная операция по переключиванию исторической вины. Очернив и уравнив победителя с агрессором, определенные политические круги Запада пытаются снять с себя груз исторической ответственности за Мюнхенский сговор, политику умиротворения и долгие годы сотрудничества с нацистским режимом. Этот моральный «камуфляж» призван обеспечить им право вершить исторический и политический суд в настоящем, оправдывая санкционное давление, расширение военных блоков и вмешательство во внутренние дела суверенных государств под предлогом «защиты демократии» от мифической угрозы. В конечном счете, борьба за историческую память сегодня — это борьба за будущий миропорядок и право народов на суверенный выбор своего пути без диктата извне.

Переписывая историю, некоторые силы преследуют очень конкретные цели: стереть из народной памяти правду, лишить нас общей гордости и написать такую версию прошлого, которая будет работать на их политику. Чтобы мир забыл, кто на самом деле победил фашизм и какой ценой, - и согласился на новый, удобный для них передел мира.

Чтобы этого не произошло, чтобы правда о войне, о подвиге нашего народа была защищена законом, а память героев — ограждена от осквернения, в 1995 году был принят Федеральный закон ««Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» [Федеральный закон № 80-ФЗ, 1995]. Это наш официальный и непререкаемый ответ на любые попытки исказить историю и оскорбить память павших.

Доказательства в Нюрнберге и других судах показали страшную правду: зверства против нашего народа во время войны были не случайностью, а частью продуманного плана нацистского руководства на уничтожение. Забыть о жертвах этого геноцида и не чтить силу духа тех, кто выстоял и победил - невозможно. Это наш общий долг, долг всех, кто хочет жить в мире.

Именно для того, чтобы память была под защитой, чтобы мир знал и помнил, а нацизм никогда не возродился, был принят Федеральный закон «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов» [Федеральный закон № 74-ФЗ, 2025]. Это наш ответ истории и наша позиция миру.

Ложь о войне распространяется двумя основными путями. Первый - это прямая фальсификация: когда факты сознательно перевирают, а итоги войны объявляют несправедливыми. Второй путь — это заговор молчания: когда неудобные эпизоды и настоящие документы просто прячут от людей, делая вид, что их не было [[Григорьев, www...].

Сегодня некоторые страны всё чаще переписывают историю Второй мировой войны в свою пользу. Они сознательно искажают факты, чтобы приуменьшить роль Советского Союза в разгроме нацизма. Эта позиция даже закрепляется в официальных документах, где вместо чёткого осуждения гитлеровской Германии закреплена позиция о каких-то общих «преступлениях тоталитаризма», ставя знак равенства между агрессором и теми, кто его остановил.

Вместе с этим в Прибалтике и ряде стран Европы активизировались группы, оправдывающие нацизм. В Латвии, Литве и Эстонии действуют объединения потомков и

сторонников тех, кто воевал в фашистских формированиях СС. Самые разрушительные результаты такого забвения уроков войны мы видим сегодня в Украине, где возрождение и героизация нацистской идеологии стали частью государственной политики.

Волна исторических фальсификаций не обошла стороной и Россию. В стране растёт число инцидентов, связанных с реабилитацией нацистской идеологии. Главная причина этой тревожной тенденции — время. Уход поколения победителей и очевидцев войны создаёт вакуум, который пытаются заполнить те, кто продвигает старые, дискредитированные идеи, целенаправленно работая с молодёжной аудиторией [Сборник материалов о работе органов прокуратуры РФ. Том 1, 2026].

Одна из ключевых задач российской прокуратуры - защищать историческую память от искажений, чтобы подвиг народов СССР не был забыт или оболган. Для этого реализуется уникальный общегосударственный проект «Без срока давности». Он посвящён памяти мирных граждан - стариков, женщин, детей, ставших жертвами геноцида в годы войны. Прокуратура и силовые структуры в его рамках продолжают расследовать военные преступления, устанавливая новые ужасающие подробности и имена палачей, чтобы ни одно злодеяние не осталось безнаказанным.

Эта важная работа проводится по всей России, в каждом регионе, где обнаруживаются новые, ранее неизвестные места массовых казней и захоронений мирных советских граждан и пленных красноармейцев. Чтобы зафиксировать факты планомерного уничтожения людей, специалисты тщательно изучают архивные документы всех уровней — от государственных до местных, а также бережно записывают и сохраняют показания последних живых свидетелей. Такое расследование позволило полностью раскрыть ужасающие масштабы преступлений: повсеместные массовые расстрелы, систематические пытки, принуждение к рабскому труду и содержание людей в концентрационных лагерях в условиях, несовместимых с жизнью. В результате собраны неоспоримые доказательства того, что истребление мирного населения было не случайным, а частью официальной политики нацистского руководства, ставившего своей целью полное уничтожение советского государства и колонизацию наших земель в рамках человеконенавистнической идеи о «жизненном пространстве».

Трагедия затронула каждый населенный пункт. Только в оккупированном городе Ворошиловграде (нынешний Луганск) было убито и замучено более 8000 человек. Чудовищные злодеяния происходили повсеместно. Например, в городе Лисичанске в первые дни оккупации свыше 200 мужчин и женщин после расстрела были сброшены в ствол шахты «Черноморка». В августе 1942 года в поселке Успенка Лутугинского района фашисты расстреляли 74 человека. В марте 1943 года в селе Иллирия этого же района карательные отряды убили 15 немощных стариков из местного дома инвалидов. В Сватовской психиатрической больнице 212 пациентов были намеренно убиты голодом. А в городе Красный Луч за все время оккупации нацисты и их пособники уничтожили более 2100 местных жителей.

В Калужской области 22 января 1942 г. в деревне Дмитровка каратели сожгли 66 жителей в один дом, забросали его гранатами и подожгли, расстреливая тех, кто пытался спастись. Та же участь постигла 48 человек в соседней деревне Липовке.

В Ульяновском районе той же области на территории стекольного завода оккупанты организовали два концентрационных лагеря для мирных граждан, где проводили массовые казни.

Для террора населения часто устраивались показательные казни. 20 октября 1941 г. на центральной площади Калуги на фонарных столбах были повешены четверо жителей. На их груди висели таблички «Участь всех партизан». На лицах казненных были следы пыток, головы разбиты. Тела не снимали в течение недели [Сборник материалов о работе органов прокуратуры РФ. Том 2, 2026].

Заключение

Деятельность российской прокуратуры в борьбе с фальсификацией истории войны - это масштабная и многогранная работа. Она представляет собой важную часть государственного курса, цель которого - сохранить правдивую память о прошлом и тем самым укрепить безопасность нации. Прокуратура в этом процессе играет роль мощного правового механизма, который юридически защищает историческую истину и способствует сплочению общества вокруг нее.

В современных условиях прокуратура действует ради защиты интересов России, прав потомков жертв и для того, чтобы международное сообщество наконец услышало и признало всю правду о зверствах нацистской оккупации. Ее усилия сосредоточены на нескольких фронтах: противодействие историческим подлогам, пресечение попыток реабилитации нацистской идеологии и героизации коллаборационистов, а также на официальном юридическом признании. Прокуратура настаивает, чтобы действия гитлеровцев и их местных приспешников на территории Советского Союза были квалифицированы по всей строгости закона - как военные преступления, преступления против человечности и геноцид.

Библиография

1. Федеральный закон от 19.05.1995 N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-19051995-n-80-fz-ob/> – Дата обращения: 21.01.2026. – Загл. с экрана.
2. Федеральный закон от 21.04.2025 N 74-ФЗ "Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов"[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503564/ – Дата обращения: 21.01.2026. – Загл. с экрана.
3. Григорьев, Г.Г. Борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны / Г.Г.Григорьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zkn-nasledie.ru/> – Дата обращения: 27.01.2026.
4. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. Том 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FwsPtC4OtNUAhs0ub7SOMnAgG9JfT3FmFbuf9Pw%2FDe72eL6R6wyDTAIIJs zgob%2BTeq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D%3A%2Fsb_1.pdf&name=sb_1.pdf – Дата обращения: 27.01.2026.
5. Сборник материалов о работе органов прокуратуры Российской Федерации по подготовке, организации и участию в судебных процессах о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народа Советского Союза установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных против мирного населения и военнопленных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории СССР. Том 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FwsPtC4OtNUAhs0ub7SOMnAgG9JfT3FmFbuf9Pw%2FDe72eL6R6wyDTAIIJs zgob%2BTeq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D%3A%2FCCБОРНИК%20том%202.pdf> – Дата обращения: 27.01.2026.

Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering the Falsification of the History of the Great Patriotic War

Elina E. Manivlets

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Donetsk State University,
283001, 24, Universitetskaya str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: e.manivlets@donnu.ru

Nikolai N. Manivlets

Lawyer Class 3,
Prosecutor of the Cassation Department of the Criminal Judicial Directorate,
Prosecutor's Office of the Donetsk People's Republic,
283015, 2, Generala Antonova str., Donetsk, Russian Federation;
e-mail: e.manivlets@donnu.ru

Abstract

This article represents a deep and systematic analysis of modern trends and threats associated with the rewriting of the history of the Second World War and the Great Patriotic War, as well as the use of this rewriting as a tool of hybrid warfare and ideological manipulation. The main idea of the author is that the struggle for historical truth is not only a matter of memory and justice, but also a strategic aspect of world politics aimed at changing the global balance of power and forming a new world order. The author details the mechanisms of falsifications — their methods and goals, such as those denying the uniqueness of the Holocaust and glorifying collaborators, which leads to the distortion of the lessons of history, growing populism of Nazism in some countries, and a danger to international security. As an example, the situation in the Baltic countries and Ukraine is cited, where the rehabilitation of Nazi ideology is taking place, as well as increasing cases in Russia related to the modulation of historical memory. A special place is occupied by the description of the work of Russian state structures, primarily the prosecutor's office, which conducts extensive activities to protect historical truth. Within the framework of the "Without a Statute of Limitations" project, the necessity is emphasized of detecting and documenting the crimes of the Nazis and their accomplices, preserving the memory of the victims of genocide, and systematically countering distortions of history through legal and informational measures. The authors emphasize that rewriting history is part of a global political strategy aimed at removing responsibility from the West for tragedies associated with it, as well as diminishing the role of the USSR and Russia as victors over fascism. This, according to the author, creates a value basis for international conflicts, the expansion of military blocs, and restrictions on the sovereignty of individual states. In conclusion, the authors emphasize the importance of preserving historical truth for strengthening national identity and ensuring the stability of peace, and deliberately highlights the role of legislators and law enforcement agencies in protecting memory and historical justice. Overall, the article serves as a call for conscious and decisive protection of the memory of the Victory, based on the understanding that historical truth is the foundation of the struggle for a just and free future.

For citation

Manivlets E.E., Manivlets N.N. (2026) Deyatel'nost' prokuratury Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu fal'sifikatsii istorii o Velikoy Otechestvennoy voyne [Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering the Falsification of the History of the Great Patriotic War]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 523-529. DOI: 10.34670/AR.2026.71.76.062

Keywords

Prosecutor's Office of the Russian Federation, falsification, Great Patriotic War, historical justice, national identity.

References

1. Federal'nyi zakon ot 19.05.1995 N 80-FZ "Ob uvekovechenii Pobedy sovet'skogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voyne 1941-1945 godov" [Federal Law No. 80-FZ of May 19, 1995 "On perpetuating the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945"]. (1995). Retrieved January 21, 2026, from <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-19051995-n-80-fz-ob/>
2. Federal'nyi zakon ot 21.04.2025 N 74-FZ "Ob uvekovechenii pamiati zhertv genotsida sovet'skogo naroda v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 godov" [Federal Law No. 74-FZ of April 21, 2025 "On perpetuating the memory of the victims of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941-1945"]. (2025). Retrieved January 21, 2026, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503564/
3. Grigor'ev, G.G. (n.d.). Bor'ba s fal'sifikatsiei istorii Velikoi Otechestvennoi voiny [The fight against the falsification of the history of the Great Patriotic War]. Retrieved January 27, 2026, from <http://zkm-nasledie.ru/>
4. Sbornik materialov o rabote organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii po podgotovke, organizatsii i uchastiiu v sudebnykh protsessakh o priznanii voennymi prestupleniiami, prestupleniiami protiv chelovechnosti i genotsidom naroda Sovetskogo Soiuza ustanovlennykh i vnov' vyavlennykh prestuplenii, sovershennykh protiv mirnogo naseleniia i voennoplennykh nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami i ikh posobnikami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov na territorii SSSR. Tom 1* [Collection of materials on the work of the prosecutor's office of the Russian Federation in the preparation, organization and participation in trials on the recognition of established and newly identified crimes committed against civilians and prisoners of war by the Nazi invaders and their accomplices during the Great Patriotic War of 1941-1945 on the territory of the USSR as war crimes, crimes against humanity and genocide of the people of the Soviet Union. Vol. 1]. (n.d.). Retrieved January 27, 2026, from [URL provided]
5. Sbornik materialov o rabote organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii po podgotovke, organizatsii i uchastiiu v sudebnykh protsessakh o priznanii voennymi prestupleniiami, prestupleniiami protiv chelovechnosti i genotsidom naroda Sovetskogo Soiuza ustanovlennykh i vnov' vyavlennykh prestuplenii, sovershennykh protiv mirnogo naseleniia i voennoplennykh nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami i ikh posobnikami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov na territorii SSSR. Tom 2* [Collection of materials on the work of the prosecutor's office of the Russian Federation in the preparation, organization and participation in trials on the recognition of established and newly identified crimes committed against civilians and prisoners of war by the Nazi invaders and their accomplices during the Great Patriotic War of 1941-1945 on the territory of the USSR as war crimes, crimes against humanity and genocide of the people of the Soviet Union. Vol. 2]. (n.d.). Retrieved January 27, 2026, from [URL provided]

УДК 343.98

DOI: 10.34670/AR.2026.44.51.063

Систематизация способов содействия раскрытию и расследованию преступлений

Казанов Александр Алексеевич

Аспирант,
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
e-mail: kazantipaleks2012@gmail.com

Андреев Александр Сергеевич

Доктор юридических наук, профессор,
Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
e-mail: modusoperandi@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен криминалистический анализ института содействия раскрытию и расследованию преступлений. Автор анализирует данную деятельность через призму элементов состава преступления: объект содействия, объективная сторона содействия, субъект и субъективная сторона содействия. Рассмотрен ряд проблем, касающихся уязвимости лиц, оказывающих содействие: пострадавших, их близких и граждан, сотрудничающих с правоохранительными органами. Также отмечена проблема мнимого позитивного посткриминального поведения, мотивированного корыстными интересами, когда истинная цель заключается не в помощи следствию, а в создании видимости сотрудничества для уклонения от ответственности. Анализ судебных решений позволил выявить аспекты практической деятельности, направленной на оказание содействия. В настоящее время отсутствует единая классификация способов содействия. Классификация придает структурированность и упорядоченность огромному массиву оперативно-розыскной и следственной информации, что является фундаментом эффективной работы. Автор предлагает классификацию, основанную на стадии досудебного производства, группируя следующие основания: по стадии расследования подразделяются на: общий (предварительный) и формальный (специальный); по субъекту: организационный и вспомогательный; по времени: постоянный и временный. Представленная классификация и способы содействия раскрытию и расследованию преступлений не являются исчерпывающими и могут быть дополнены.

Для цитирования в научных исследованиях

Казанов А.А., Андреев А.С. Систематизация способов содействия раскрытию и расследованию преступлений // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 530-540. DOI: 10.34670/AR.2026.44.51.063

Ключевые слова

Способ содействия, позитивное посткриминальное поведение, расследование преступлений, раскрытие преступлений, криминалистический анализ, классификация, криминалистическая литература, досудебное производство.

Введение

Благодаря общему прогрессу цивилизации искусство, культура, и общество изменилось. Экономический и социальный процесс во всех государствах возрос, как положительно, так и отрицательно. Главный аспект этой эволюции и собственно негативной ее составляющей явилось создание в обществе благоприятных условий для криминализации и развития преступности в целом.

Согласно Н. Г. Иванову, преступление — результат человеческих действий. Он отмечает, что такое поведение, как и любая другая активность человека, является ответной реакцией организма в соответствии с неизменными принципами психофизиологии [Иванов, 2014, с. 127-128]. Его слова подчеркивают, что преступная деятельность — неотъемлемая составляющая социальной действительности. Следовательно, содействие (оказание помощи), неразрывно связано с рассматриваемым процессом и вне его контекста теряет свою значимость.

Процесс оказания содействия, аналогично другим сферам человеческой деятельности, определяется наличием объективных и субъективных признаков. В рамках криминалистического анализа, сопоставляя исследуемую деятельность с элементами состава преступления представляется закономерным и обоснованным выделение: объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны, как ключевых аспектов содействия раскрытию и расследованию преступлений. Активное участие играет важную роль в обеспечении законности и защиты граждан. Это позволяет не только эффективно выявлять противоправные деяния и привлекать нарушителей к ответственности, но и предотвращать совершение подобных преступлений в будущем.

Обзор литературы

Объект содействия раскрытию и расследованию преступления. А. И. Терских, рассматривает содействие расследованию преступлений, как добровольное и активное участие лица, совершившего противоправное деяние, в процессе установления истины. Эта форма позитивного посткриминального поведения, которая подразумевает компромиссное воздействие с государством, направленное на помощь следствию [Терских, 2012, с. 117].

Как отмечают Ю. В. Францифоров и С. В. Лаврухин, содействие расследованию — целенаправленная деятельность, заключающаяся в активных действиях, призванных помочь в достижении задач расследования [Журавков, 2024, с. 86].

Р. М. Кашапов полагает, что понятия «содействие раскрытию преступления» и «способствование раскрытию и расследованию преступления» синонимичны. Таким образом,

положения уголовного законодательства, касающиеся «активного содействия участника группового преступления раскрытию этого противоправного деяния», а также его разновидностей, таких как явка с повинной, не следует рассматривать как самостоятельную форму позитивного посткриминального поведения. Следовательно, по своей природе, это действие приравнивается к активному участию в раскрытии и расследовании преступления [Кашапов, 2019, с. 26].

Объект содействия раскрытию и расследованию преступления представляет собой общественные отношения, формирующиеся после совершения противоправного деяния, выраженные в позитивной посткриминальной деятельности.

Объективная сторона содействия раскрытию и расследованию преступления. В диссертационном исследовании И. А. Журавкова детально анализируется роль содействия со стороны подозреваемого и обвиняемого. Автор подчеркивает, что факт раскрытия преступления напрямую связан с установлением личности виновного. В связи с этим, активное участие в процессе раскрытия противоправного деяния способствует как установлению личности преступника, так и формированию доказательственной базы его вины. Следовательно, подозреваемый и обвиняемый могут оказывать содействие следствию по следующим основаниям:

- изобличение себя или других лиц, причастных к совершению преступления;
- повышение эффективности оперативно-розыскных мероприятий;
- компенсация потерпевшему материального и морального ущерба [Журавков, 2024, с. 60].

Важную роль играет поведение субъекта, которое может выражаться в активном содействии или пассивном. Активное содействие может быть направленно на:

- оперативное установление всех обстоятельств, связанных с уголовным делом (например, явка с повинной, добровольное сообщение о совершенном преступлении, предоставление достоверной информации и другое) или направлены;
- компенсацию причиненного ущерба (добровольное возмещение потерпевшему морального или имущественного вреда).

В качестве иллюстрации пассивного содействия, можно сослаться на примечание (статья 126) УК РФ посвященного похищению человека. Согласно норме, лицо, освободившее похищенного, может избежать уголовной ответственности. Для этого необходимо, чтобы оно добровольно освободило потерпевшего таким образом оказало содействие в расследовании преступления. В рамках современного уголовного права, квалификация деяний, связанных с похищением человека, представляет собой комплексную задачу. Следует подчеркнуть, что данная льгота предоставляется лишь в том случае, если в действиях лица не усматривается состав иных преступлений [Лоджун, 2024, с. 289].

Р. М. Кашапов в своем исследовании также рассматривает объективную сторону содействия выделяя виды, которые, хотя и не указаны прямо в уголовном законе, тем не менее охватываемые диспозицией этих норм:

- передача орудий и средств, используемых для совершения преступления;
- содействие в установлении местонахождения предметов, связанных с преступлением;
- раскрытие местоположения захоронения останков жертвы и другое [Кашапов, 2019, с. 23].

Субъект содействия раскрытию и расследованию преступления. Возможность оказания содействия распространяется как на лиц, обладающих самостоятельным процессуальным статусом, так и на тех, кто в ходе раскрытия и расследования таким статусом не наделен.

Несмотря на различия в их правовом статусе, все эти субъекты, с точки зрения процессуального права, выполняют функции, содействия раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений на разных стадиях уголовного процесса. Их деятельность не обязательно обусловлена личной заинтересованностью в результатах производства конкретного уголовного дела [Антонова, 2024, с. 545].

Особое значение в рамках данного исследования акцентируется на досудебной стадии. Содействие в раскрытии и расследовании преступлений обеспечивается участием разнообразных субъектов.

А. И. Тамбовцев обращает внимание на то, что поскольку содействие правоохранительной деятельности часто осуществляется в неформальной форме и с использованием особых способов, это должно быть отражено в законах, которые определяют, как такое содействие оказывается и кто его оказывает [Антонова, 2024, с. 545].

Субъективная сторона содействия раскрытию и расследованию преступления. Субъективная сторона преступления в уголовно-правовой доктрине определяется как психологическое отношение лица к совершаемому им преступлению и его последствиям. Необходимо учесть, что наряду с позитивным посткриминальным поведением, существует и его имитация (мнимое) преднамеренные действия субъекта, уже осуществившим общественно опасное деяние с целью создать ложное впечатление о раскаянии и стремлении компенсировать ущерб, причиненный в результате его действий [Журавков, 2024, с. 86].

Данные действия направлены на то, чтобы ввести в заблуждение сотрудников правоохранительных органов для применения к виновному благоприятных правовых последствий. Такое поведение является умышленной стратегией, используемой для смягчения совершенного преступления. Субъект, демонстрирует ложное раскаяние и готовность возместить ущерб, пытается повлиять на решение органов уголовного преследования в свою пользу. Корыстной целью является получение более мягкого наказания или избежание ответственности.

В данном исследовании субъективная сторона содействия раскрытию и расследованию преступлений фокусируется на позитивном посткриминальном поведении лица, совершившего противоправное деяние. Действия, будучи отражением его психического состояния, включают в себя осознанные шаги по восстановлению нарушенных общественных отношений, компенсации причиненного вреда и иных мер, способствующих достижению целей следствия.

Классификация способов содействия упорядочивает большой массив оперативно-розыскной и следственной информации. Это дает следователям и оперативным сотрудникам возможность действовать не хаотично, а целенаправленно, выбирая подходящие примы в зависимости от типа преступления и обстоятельств. Такая классификация также открывает путь к пониманию закономерностей, выявлению актуальных тенденций и обнаружению пробелов в существующих методиках работы. Универсальной классификации способов содействия на данный момент не разработано. Этот пробел в праве представляет собой значительную проблему.

С целью формулирования классификации способов содействия раскрытию и расследованию, необходимо провести анализ следующих терминов: «способ», «способ совершения преступления», «способ содействия». Согласно определению, представленному в толковом словаре С. И. Ожегова, термин "способ" обозначает определенное действие или же комплекс взаимосвязанных действий. Эти действия целенаправленно применяются в процессе выполнения какой-либо конкретной задачи или при реализации определенного замысла

[Ожегов, 2024].

В рамках криминалистической науки понятие «способ совершения преступления» рассматривается с различных точек зрения, а именно в узком и широком значении. В узком понимании акцент делается исключительно на процесс непосредственного совершения противоправного деяния, при этом в качестве условной границы выступает момент оконченого преступления. В широком же смысле, способ совершения преступления трактуется как комплекс взаимосвязанных действий, включающий в себя этапы подготовки, реализации и сокрытия преступления. Данный комплекс действий обусловлен как внешними факторами окружающей среды, так и индивидуальными психофизиологическими особенностями личности преступника. Кроме того, способ может быть связан с выборочным применением определённых инструментов, средств, а также специфических условий места и времени совершения преступления [Зуйков, 1970, с. 10].

Анализ полученных данных позволяет заключить, что способ содействия представляет собой совокупность позитивных действий, предпринимаемых после совершения преступления на определенных основаниях в зависимости от тяжести преступления, времени и стадии уголовного судопроизводства.

Историческая справка. Важно отметить, что процесс содействия развивался на фоне предшествующего противодействия. До 1979 года отсутствовали исчерпывающие классификации способов противодействия. Следовательно, говорить о какой-либо классификации содействия до этого периода не представлялось возможным. Р. С. Белкин, внесший значительный вклад в развитие криминалистики, впервые выделил сокрытие преступлений как специфическую форму противодействия на следующие группы: утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация информации и её носителей, смешанные способы [Бибииков, 2016, с. 63].

И. А. Журавков разработал систему классификации способов содействия, оказываемого подозреваемым и обвиняемым в ходе расследования уголовных дел. Данная классификация базируется на следующих основаниях:

- По правовому признаку (наличие или отсутствие связи с нормами права). Значительная часть актов содействия, не имеет четкого правового оформления;
- По цели. Действия, направленные на достижение реального результата — действительные. Действия, имитирующие реальную цель или намеренно вводящие в заблуждения — мнимые;
- По содержанию поведения. Поведение, выраженное в устной или письменной форме — вербальные. Поведение через жесты, мимику и т.д. — невербальные [Журавков, 2024, с. 64].

Материалы и методы

Для изучения содействия раскрытию и расследованию преступлений использовались методы: анализа, сравнения и обобщения. Криминалистический анализ, сопоставляющий исследуемую деятельность с элементами состава преступления, позволил выделить ключевые признаки содействия на основе: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Используя метод классификации, автор систематизировал и структурировал способы содействия, в основу которого был положен этап досудебного производства.

Результаты и обсуждение

Объект содействия раскрытию и расследованию преступления. Содействие подразумевает обеспечение сотрудников правоохранительных органов необходимыми дополнительными ресурсами, знаниями и специализированными инструментами для эффективного решения задач.

Для достижения задач мы предлагаем комплекс мер, включающих:

- Координацию совместных усилий. Организация слаженных действий для достижения истины по делу;
- Консультационную поддержку. Предоставление рекомендаций и советов;
- Информационный обмен. Создание условий для оперативного ознакомления с данными;
- Проведение экспертных исследований. Глубокий анализ и выработка научно-обоснованных решений и методов проведения расследования.

Объективная сторона содействия раскрытию и расследованию преступления. Важную роль играет поведение субъекта. Успешное раскрытие преступления зачастую требует комплексного подхода, выходящего за рамки исключительно следственных мероприятий. Для эффективного расследования уголовного дела критически важно скоординированное сотрудничество следственных и оперативных служб, объединяющее как процессуальные методы сбора доказательств, так и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление истины.

Субъект содействия раскрытию и расследованию преступления. Предлагается изучить круг свидетелей и физических лиц, вовлеченных в процесс содействия.

Согласно УПК РФ, статус «свидетеля» приобретает лицо исключительно в момент его официального вызова для дачи показаний в рамках предварительного или судебного разбирательства. Ключевым условием для призвания лица свидетелем является его объективное вовлечение в процесс посредством вызова (часть 1 статья 56 УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001]. Поэтому до вызова следователем для дачи показаний не существует понятий "свидетель", "свидетельские показания".

Нередко лица, оказывающие содействие правоохранительным органам, а также их близкие, или же свидетели противоправных деяний, сталкиваются с угрозами безопасности со стороны лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

Согласно анализу, проведенному О. И. Лозинским, положения (часть 1 статья 17) Закона об оперативно-розыскной деятельности предусматривают участие физических лиц в содействии, при условии их добровольного согласия. Оказываемое содействие носит исключительно личный и индивидуальный характер, то есть коллективные или групповые формы поддержки не предусмотрены. Особое внимание уделяется конфиденциальному содействию. Оно может быть инициировано как сотрудниками оперативных служб (в рамках вербовочной работы), так и самим лицом, выражающим желание содействовать и обладающим ценной информацией [Лозинский, 2023, с. 230].

Субъективная сторона содействия раскрытию и расследованию преступления. Приговор Пензенского областного суда от 27 декабря 2021 года в отношении Ш., признав его виновным в преступлении, предусмотренном пунктами («в» и «к» часть 2 статья 105) УК РФ. Суд приговорил Ш. к 17 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Согласно материалам дела, в 2009 году Ш., уже был осужден за убийство двух лиц. В 2020

году, 25 сентября, следствие получило результаты генетической экспертизы, подтверждающие совпадение ДНК Ш., с образцами, найденными на одежде жертвы В. Это привело к возобновлению расследования 28 сентября 2020 года.

После того как Ш., узнал о результатах экспертизы, 29 сентября 2020 года он написал заявление, которое было расценено как явка с повинной. В этом заявлении Ш., признал, что совершил действия сексуального характера в отношении девочки и ударил ее камнем, но отрицал факт убийства.

Суд не признал данное заявление явкой с повинной, поскольку оно было сделано спустя 12 лет после преступления и, по мнению суда, было вызвано появлением неопровержимых доказательств вины Ш. В результате суд признал протокол явки с повинной недопустимым доказательством и не учел его при вынесении приговора [Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ, 2023].

Анализ примера демонстрирует, комбинированную лжеявку с повинной, что подразумевает наличие (взаимосвязи) с другим приемом(ми) противодействия расследованию. Обвиняемый стремится к смягчению меры наказания, аргументируя это мнимой явкой с повинной, однако при этом намеренно утаивает от следствия истинные обстоятельства произошедшего, предпринимая попытки ввести следствие в заблуждение.

На основе проведенного анализа и с учетом существующих научных исследований в области содействия раскрытию и расследованию преступлений, мы формулируем авторскую классификацию способов.

1. По этапу расследования:

- предварительный (общий) — основной задачей на данном этапе является установление органами дознания факта совершения противоправного деяния и идентификацию лиц, причастных к его совершению. Содействие с использованием государственных генетических реестров позволяет идентифицировать потенциальных подозреваемых, их перемещение и установление взаимосвязи с преступлением;

- специальный (формальный) — органы следствия ставят перед собой задачу дальнейшего расследования, обусловленного появлением лица, который по делу является обвиняемым/подозреваемым. Данный процесс включает в себя содействие, направленное на установление достаточных обстоятельств и сбор доказательств, с целью последующего направления дела в суд. Проведение следственных действий, включающих допрос, показания лиц от участников процесса (свидетелей, потерпевших и прочих лиц).

2. По субъекту:

- организационный — направлен на содействие в обеспечении безопасности мест происшествия, зданий, жилищ. Целью данных мер является предотвращение любых действий, способных привести к сокрытию или уничтожению имеющих значение для расследования объектов;

- вспомогательный — привлечение квалифицированных специалистов для оказания содействия. Деятельность экспертов с использованием специализированных знаний. Наиболее значимой формой является проведение экспертизы. Широко распространено привлечение специалистов-криминалистов, для исследования мест происшествия и изъятия ценных объектов.

3. По времени:

- постоянный — нормы УПК РФ не устанавливают процедуру формирования следственно-оперативных групп. Следственно-оперативная группа представляет собой не самостоятельную

форму ведения следствия, а является способом содействия следователя и оперативных сотрудников, направленная на эффективное раскрытие и расследование преступлений посредством распределения профессиональных ролей и обязанностей [Шувалов, Горелов, 2020, с. 119]. В целях раскрытия и расследования преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, как правило, формируются постоянно действующие следственно-оперативные группы (ПД СОГ);

- временный — содействие между различными ведомствами, включающее обмен запросами и поручениями на проведение оперативно-розыскных действий, а также передачу информации о выявленных противоправных деяниях, имеющих оперативное значение, и разработку мер по их пресечению.

Рассмотренная выше классификация и указанные способы содействия не являются исчерпывающими и допускают дальнейшую детализацию.

Заключение

УПК РФ в значительной степени ориентированно на сторону обвинения. В то же время, права стороны защиты в этой сфере сводятся преимущественно к возможности инициировать процессуальные действия и заявлять ходатайства о сборе доказательств, которые затем проводятся уполномоченными органами. Следовательно, именно по этой причине криминалистика не признает деятельность других субъектов в качестве криминалистической. Преобладает мнение, что только уполномоченные на раскрытие, расследование, обладающие властными полномочиями и могут осуществлять криминалистическую деятельность в рамках уголовного процесса.

Автор, применяя криминалистический анализ, сопоставляющий исследуемую деятельность с элементами состава преступления, затронул ряд проблем, связанных с институтом содействия раскрытию и расследованию преступления. В частности, было отмечено уязвимое положение субъектов содействия, а именно пострадавших от незаконных действий, их семей, а также граждан, сотрудничающих с правоохранительными органами. А также мнимое позитивное посткриминальное поведение, которое обусловлено корыстными мотивами. Таким образом, истинные намерения лица направлены не на содействие правосудию, а на создание видимости сотрудничества с целью избежать ответственности.

Используя классификационный метод, для определения способов содействия автор ориентируется на стадию досудебного производства.

Данные способы классифицируются по следующим основаниям:

- 1) По этапу расследования:
 - предварительный (общий);
 - специальный (формальный).
- 2) По субъекту:
 - организационный;
 - вспомогательный.
- 3) По времени:
 - постоянный;
 - временный.

Содействие раскрытию преступлений представляет собой ключевой элемент расследования, поэтому мы планируем провести дальнейшие исследования, чтобы преодолеть существующие

проблемы открыть новые горизонты для успешного практического применения данного института.

Библиография

1. Антонова Е.А. Формы и способы содействия раскрытию и расследованию преступлений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 544-547.
2. Бибииков А.А. Способы сокрытия следов преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. С. 61-71.
3. Журавков И.А. Особенности последующего и заключительного этапов расследования при наличии содействия подозреваемого (обвиняемого) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. С. 84-88.
4. Журавков И.А. Содействие подозреваемого (обвиняемого) расследованию преступлений: организационные и тактические аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2024. 229 с.
5. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 1970. 30 с.
6. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 559 с.
7. Кашапов Р.М. Уголовно-правовые последствия оказания виновным лицом содействия органам предварительного расследования // Научный портал МВД России. 2019. № 3. С. 22-28.
8. Лоджун А.М. Похищение человека и незаконное лишение свободы: разграничение составов // Вестник науки. 2024. № 1 (70). Том 3. С. 288-293.
9. Лозинский О.И. Особенности привлечения граждан к конфиденциальному содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на современном этапе. Оперативно-розыскной контракт // Пробелы в Российском законодательстве. 2023. Том 16. № 8. С. 228-234.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2024. 1375 с.
11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2023 № 29-УД23-4-А 4. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11052023-n-29-ud23-a4/>
12. Терских А.И. Положительное посткриминальное поведение преступника как юридический факт // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2012. № 27. С. 114-119.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Москва, 2025. 352 с. «КонсультантПлюс».
14. Шувалов Н.В., Горелов М.Г. О совместной деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 118-122.

Systematization of Methods of Assistance in the Detection and Investigation of Crimes

Aleksandr A. Kazanov

Postgraduate Student,
South Russian Institute of Management — Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
344002, 70, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: kazantipaleks2012@gmail.com

Kazanov A.A., Andreev A.S.

Aleksandr S. Andreev

Doctor of Law, Professor,
South Russian Institute of Management — Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
344002, 70, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: modusoperandi@yandex.ru

Abstract

The article presents a forensic analysis of the institution of assistance in the detection and investigation of crimes. The author analyzes this activity through the prism of the elements of a crime: the object of assistance, the objective side of assistance, the subject, and the subjective side of assistance. A number of problems concerning the vulnerability of persons providing assistance are considered: victims, their relatives, and citizens cooperating with law enforcement agencies. The problem of feigned positive post-criminal behavior, motivated by self-interest, is also noted, where the true goal is not to help the investigation, but to create the appearance of cooperation in order to evade responsibility. The analysis of court decisions made it possible to identify aspects of practical activities aimed at providing assistance. Currently, there is no unified classification of methods of assistance. Classification gives structure and order to a huge array of operational-investigative and investigative information, which is the foundation of effective work. The author proposes a classification based on the stage of pre-trial proceedings, grouping the following bases: by stage of investigation they are divided into: general (preliminary) and formal (special); by subject: organizational and auxiliary; by time: permanent and temporary. The presented classification and methods of assisting in the detection and investigation of crimes are not exhaustive and may be supplemented.

For citation

Kazanov A.A., Andreev A.S. (2026) Sistematizatsiya sposobov sodeystviya raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy [Systematization of Methods of Assistance in the Detection and Investigation of Crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 530-540. DOI: 10.34670/AR.2026.44.51.063

Keywords

Method of assistance, positive post-criminal behavior, crime investigation, crime detection, forensic analysis, classification, forensic literature, pre-trial proceedings.

References

1. Antonova, E. A. (2024). Formy i sposoby sodeystviya raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy [Forms and methods of assistance in the detection and investigation of crimes]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (12), 544-547.
2. Bibikov, A. A. (2016). Sposoby sokrytiya sledov prestupleniy, svyazannykh s narusheniyem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv [Methods of concealing traces of crimes related to violations of traffic rules and operation of vehicles]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskoye i yuridicheskoye nauki*, 61-71.
3. Ivanov, N. G. (2014). *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast: uchebnik dlya bakalavrov* [Criminal law. General part: textbook for bachelors] (2nd ed.). Moscow: Yurayt.
4. Kashapov, R. M. (2019). *Ugolovno-pravovyye posledstviya okazaniya vinovnym litsom sodeystviya organam*

- predvaritelnogo rassledovaniya [Criminal law consequences of providing assistance to the authorities of the preliminary investigation by the guilty person]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, (3), 22-28.
5. Lodzhun, A. M. (2024). Pokhishcheniye cheloveka i nezakonnoye lisheniye svobody: razgranicheniye sostavov [Kidnapping and unlawful imprisonment: differentiation of compositions]. *Vestnik nauki*, 1(70), 288-293.
 6. Lozinsky, O. I. (2023). Osobennosti privlecheniya grazhdan k konfidentsialnomu sodeystviyu organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatelnost, na sovremennom etape. Operativno-rozysknoy kontrakt [The peculiarities of attracting citizens to confidential assistance to bodies engaged in operational investigative activities at the present stage. Operational search contract]. *Probely v Rossiyskom zakonodatelstve*, 16(8), 228-234.
 7. [Opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 11.05.2023 № 29-UD23-4-A4] Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29-UD23-4-A4 of May 11, 2023. (2023). Retrieved from <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11052023-n-29-ud23-a4/>
 8. Ozhegov, S. I. (2024). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language] (28th ed.). Moscow: Mir i obrazovaniye.
 9. Shuvalov, N. V., & Gorelov, M. G. (2020). O sovместnoy deyatelnosti sledstvennykh i operativno-rozysknykh podrazdeleniy organov vnutrennikh del pri raskrytii i rassledovanii tyazhki i osobo tyazhki prestupleniy proshlykh let [On the joint activities of investigative and operational-search units of internal affairs bodies in the detection and investigation of grave and especially grave crimes of the past years]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, (3), 118-122.
 10. Terskiy, A. I. (2012). Polozhitelnoye postkriminalnoye povedeniye prestupnika kak yuridicheskiy fakt [Positive post-criminal behavior of a criminal as a legal fact]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, (27), 114-119.
 11. [Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001. (2001). Moscow.
 12. Zhuravkov, I. A. (2024a). Osobennosti posleduyushchego i zaklyuchitelnogo etapov rassledovaniya pri nalichii sodeystviya podozrevayemogo (obvinyayemogo) [Features of the subsequent and final stages of the investigation with the assistance of the suspect (accused)]. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, (1), 84-88.
 13. Zhuravkov, I. A. (2024b). *Sodeystviye podozrevayemogo (obvinyayemogo) rassledovaniyu prestupleniy: organizatsionnyye i takticheskiye aspekty* [Assistance of the suspect (accused) to the investigation of crimes: organizational and tactical aspects] (PhD dissertation). Krasnodar.
 14. Zuikov, G. G. (1970). *Kriminalisticheskoye ucheniye o sposobe soversheniya prestupleniya* [Criminalistic teaching on the method of committing a crime] (Abstract of doctoral dissertation). Moscow.

УДК 343.9

DOI: 10.34670/AR.2026.21.72.064

Киберпреступность: актуальность угрозы и перспективы борьбы с ней

Багрецов Дмитрий Николаевич

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: bagretsow75@yandex.ru

Исакова Ирина Викторовна

Старший преподаватель,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, 66;
e-mail: Isakova-1@yandex.ru

Аннотация

Киберпреступность становится все более серьезной угрозой для индивидуальных пользователей, компаний и даже государств. С развитием цифровых технологий и увеличением числа подключений к интернету, объемы и сложность кибератак значительно возросли. Это приводит к потере конфиденциальной информации, финансовым потерям и нанесению вреда репутации организаций. В этой связи разработка и реализация эффективных мер по борьбе с киберпреступностью являются критически важными для сохранения безопасности данных. Государства и частный сектор ищут новые подходы и технологии для предотвращения и реагирования на киберугрозы, что требует международного сотрудничества и обмена опытом.

Для цитирования в научных исследованиях

Багрецов Д.Н., Исакова И.В. Киберпреступность: актуальность угрозы и перспективы борьбы с ней // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 541-548. DOI: 10.34670/AR.2026.21.72.064

Ключевые слова

Киберпреступность, цифровизация, безопасность, интернет, искусственный интеллект, киберугрозы, защита информации.

Введение

жизнедеятельности современного общества, приводя к значительным изменениям в способах ведения бизнеса, управления государственными и международными процессами, а также в повседневном общении людей. Как следствие, киберпространство становится не только ресурсом безграничных возможностей, но и ареной для различных противоправных действий, известных как киберпреступность. Этот термин охватывает широкий спектр деятельности, варьирующейся от мошенничества в интернете и взлома данных до распространения вирусов и кибершпионажа.

Развитие технологий, таких как Интернет вещей [Витвицкая, Витвицкий, Исакова, 2023; Что такое интернет вещей? www] (IoT), искусственный интеллект (ИИ) и большие данные, открыли новые горизонты для киберпреступников. Использование этих технологий позволяет совершать преступления с большей степенью анонимности и трудноуловимости. Проблема усугубляется тем, что многие киберпреступления имеют транснациональный характер, что делает сложным привлечение виновных к ответственности из-за различий в юрисдикциях и законодательствах разных стран.

Киберпреступность оказывает значительное негативное влияние на экономику и общественную безопасность. Она угрожает конфиденциальности личных данных, стабильности банковских и финансовых систем и даже национальной безопасности. По оценкам, общемировые затраты на борьбу с киберпреступностью будут продолжать расти, достигая огромных сумм в будущем.

Борьба с киберпреступностью включает не только технические, но и правовые, организационные аспекты [Афанасьева, Гончарова, Шиян, 2019]. Всё большее значение приобретает международное сотрудничество в обмене информацией, правоохранительных практиках и создании общих стандартов безопасности. Однако, несмотря на прогресс в этих направлениях, проблема киберпреступности остается актуальной и требует постоянного адаптирования и инноваций в стратегиях обеспечения кибербезопасности.

Таким образом, понимание сущности киберпреступности и масштабов угрозы, которую она представляет, а также разработка эффективных мер борьбы с этим явлением [Демидов, Костенников, Куракин, 2016] становятся критически важными компонентами обеспечения стабильности и безопасности в цифровую эпоху. В этом контексте признание киберпреступности как серьезной угрозы на глобальном уровне является первым шагом к формированию единой международной повестки в области её предотвращения и пресечения.

Основные виды и методы киберпреступлений

Киберпреступность охватывает широкий спектр правонарушений, осуществляемых при помощи или с целью повреждения компьютерных систем, сетей и цифровых технологий. Рассмотрим основные виды и методы киберпреступлений, которые в настоящее время представляют существенную угрозу для частных лиц, бизнеса и государственных структур.

Фишинг — один из наиболее распространённых видов атак, целью которого является получение конфиденциальных данных (логины, пароли, данные банковских карт) путём их "выуживания" из пользователей. Злоумышленники используют электронные письма, сообщения в социальных сетях или текстовые сообщения, маскируясь под надёжные источники, такие как банки, социальные сети или почтовые службы.

Вредоносное ПО (малварь), от английского «malicious software», включая вирусы, троянские кони и шпионское ПО, представляет собой программы или коды, разработанные для внедрения или повреждения компьютерной системы без ведома пользователя. Получив контроль над системой, киберпреступники могут красть личные данные, использовать компьютер для различных мошеннических операций или же включать компьютер в состав ботнета для совершения DDoS-атак.

Атаки "отказ в обслуживании" (DDoS) заключаются в перегрузке целевых серверов, систем или сетей большим количеством запросов, из-за чего легитимные пользователи не могут получить доступ к услугам. Это может быть направлено на вымогательство или просто на разрушение конкурентов или нежелательных сервисов.

Рэнсомвар или вымогательское ПО – это тип вредоносного ПО, которое блокирует доступ к системе или шифрует данные с требованием выкупа за восстановление доступа. Атаки рэнсомвара могут быть нацелены как на индивидуальных пользователей, так и на крупные корпорации, причиняя значительный экономический ущерб.

Кибершпионаж включает в себя использование цифровых технологий для получения секретной или защищенной информации без разрешения владельца. Часто это связано с государственными структурами, но также распространено среди крупных корпораций.

Социальная инженерия — это метод, при котором преступники манипулируют людьми, чтобы вынудить их раскрыть конфиденциальную информацию. Методы могут варьироваться от простых обманов до сложных многоэтапных атак, где злоумышленник может выступать в роли доверенного лица или авторитета.

Эти виды и методы киберпреступлений демонстрируют разнообразие и сложность угроз, с которыми сталкиваются пользователи в современном цифровом мире. Важно отметить, что по мере развития технологий киберпреступники находят новые способы атак и эксплуатации технологических уязвимостей, что требует постоянной бдительности и адаптации со стороны оборонных систем.

Современные угрозы и их влияние на общество

Киберпреступность в современном мире принимает всё более сложные и масштабные формы [Витвицкая, Витвицкий, Исакова, 2023], представляя серьезную угрозу как для отдельных пользователей, так и для крупных организаций и государства в целом. За последние годы число атак в киберпространстве значительно возросло, их цели и методы становятся всё более разнообразными.

Основные современные угрозы включают использование вредоносного программного обеспечения, атаки на критическую инфраструктуру, фишинг, кражу данных и кибершпионаж. Вредоносное ПО, включая трояны и вирусы, продолжает быть распространенным способом заражения компьютерных систем с целью кражи чувствительной информации, требования выкупа или просто дестабилизации работы организаций.

Фишинговые атаки обычно нацелены на получение персональных данных пользователей, таких как логины и пароли, путем отправки поддельных сообщений, имитирующих законные запросы от знакомых организаций. Такие материалы часто содержат ссылки на вредоносные сайты или вложения, которые, будучи открытыми, активируют механизмы утечки данных [Канубриков, Османов, 2023].

Кража данных из крупных корпораций и правительственных организаций оказывает

значительное воздействие на экономическую и политическую стабильность страны. Последствия таких атак могут включать потерю корпоративных секретов, интеллектуальной собственности и чувствительной информации граждан. Кроме того, влияние на рынки может быть мгновенным, снижая доверие инвесторов и влекущее за собой колебания акционерной стоимости компаний [Нейберт, 2023].

Другой важной ареной киберпреступности является кибершпионаж, который включает хищение данных не только для экономической выгоды, но и для политического давления или стратегического преимущества. Государственно-поддерживаемые хакерские операции могут целиться в электоральные системы, государственные организации и даже силы обороны, что является особенно тревожным в свете возрастающих международных напряженностей [Немов, 2017].

Атаки на критическую инфраструктуру представляют собой особо опасное направление киберпреступности. Они могут включать атаки на системы управления энергосетями, водоснабжением, транспортом и здравоохранением. Нападения такого рода способны привести не только к экономическому ущербу, но и к непоправимым последствиям для здоровья и безопасности человека.

Эти угрозы неизбежно влияют на социальное взаимодействие внутри общества, увеличивая уровень недоверия и создавая атмосферу страха и неопределенности среди граждан. Предприятия и частные лица вынуждены увеличивать расходы на защиту информационной безопасности, что в свою очередь может замедлить темпы развития и инноваций [Немов, 2017].

Таким образом, современные киберугрозы не только наносят значительный экономический ущерб, но и провоцируют глубокие социальные изменения, влияющие на все аспекты жизни современного общества. Эффективная борьба с киберпреступностью требует не только развития новых технологий и методов защиты, но и международного сотрудничества, усиления правовой базы и повышения информационной культуры среди населения. В противном случае, риски и последствия кибератак будут только усиливаться.

Текущие методы и технологии борьбы с киберпреступностью

В борьбе с киберпреступностью используются различные методы и технологии, каждый из которых имеет свои особенности и области применения. Одним из наиболее эффективных подходов является использование систем обнаружения и предотвращения вторжений (IDS/IPS). Эти системы непрерывно мониторят сетевой трафик на предмет подозрительной активности и могут автоматически блокировать атаки или предупреждать администраторов о возможных угрозах.

Еще одна распространенная мера — применение фаерволов, которые могут быть настроены для контроля доступа на основе установленных правил безопасности. Современные фаерволы обладают глубокими возможностями инспекции, что позволяет им не только блокировать несанкционированный трафик, но и анализировать проходящие через них данные на предмет вредоносного содержимого.

Метод шифрования данных также является ключевым в предотвращении несанкционированного доступа к информации. В случае утечки зашифрованные данные остаются недоступными для злоумышленников без соответствующего ключа. Средства шифрования используются как в масштабах отдельных устройств, так и для защиты передаваемых данных, например, в интернет-банкинге или при онлайн-транзакциях.

Биометрическая аутентификация — это еще один метод повышения уровня безопасности, путем использования уникальных физических характеристик человека, таких как отпечатки пальцев, распознавание лица или радужная оболочка глаза. Эта технология обеспечивает высокий уровень защиты от несанкционированного доступа и все чаще внедряется в мобильные устройства и системы доступа.

Кроме того, для борьбы с киберпреступностью активно используются средства искусственного интеллекта и машинного обучения, которые способны анализировать большие объемы данных и выявлять сложные паттерны поведения, которые могут указывать на кибератаки. Эти технологии помогают предсказать и предотвратить атаки до того, как они причинят ущерб.

Также необходимо упомянуть о регистрации и аудите событий безопасности, которые представляют собой детализированное логирование, регистрацию действий пользователей и системных процессов. Это позволяет оперативно отслеживать необычные или подозрительные действия и реагировать на них в кратчайшие сроки.

В совокупности все эти технологии и методы создают многоуровневую защитную систему, которая способна значительно снизить риски кибератак и минимизировать их последствия. Однако поскольку технологии постоянно развиваются, необходимо регулярно обновлять и адаптировать системы кибербезопасности для защиты от новых, все более изощренных угроз.

Перспективы развития и рекомендации по противодействию угрозам

Скорость развития технологий обуславливает непрерывное появление новых видов киберугроз [Число киберпреступлений в России, [www](#); Киберпреступность. Модуль 2, [www](#)], что требует от государственных и частных структур одновременно реагировать на текущие вызовы и антиципировать будущие угрозы. В этом контексте, перспективы развития методов борьбы с киберпреступностью и рекомендации по противодействию угрозам становятся крайне актуальными.

Прежде всего, необходима интеграция усилий на национальном и международном уровнях. Эффективное противодействие киберпреступности возможно только при условии активного взаимодействия правоохранительных агентств, технологических компаний, финансовых институтов и образовательных учреждений. Важным шагом стала бы разработка и ратификация новых международных договоров, направленных на борьбу с киберпреступлениями, а также обновление существующих соглашений в свете последних технологических достижений.

Следующим важным аспектом является разработка технологических решений для защиты от кибератак. Искусственный интеллект и машинное обучение могут играть ключевую роль в разработке систем автоматического обнаружения и предотвращения киберугроз на ранней стадии. Применение алгоритмов глубокого обучения для анализа паттернов использования данных может помочь в идентификации ненормального поведения или потенциальных угроз.

Обучение и повышение осведомленности о кибербезопасности также остается приоритетным направлением. Регулярные тренинги и курсы для сотрудников всех уровней, включая управленческий состав, могут существенно уменьшить риски киберинцидентов. Особое внимание следует уделить созданию программ обучения для молодежи, так как она активно использует новые технологические платформы и часто становится целью для киберпреступников [Что такое интернет вещей?, [www](#); ChatGPT и борьба с преступностью, 2023].

Не менее важна работа над созданием нормативных рамок. Современные законодательные инициативы должны не только ограничивать действия киберпреступников, но и способствовать

созданию безопасной киберсреды. Возможные меры включают ужесточение наказаний за киберпреступления, улучшение процедур регистрации и контроля над киберпространством, а также усиление требований к кибербезопасности у банков, IT-компаний и других организаций, подверженных высокому риску атак.

Заключение

В заключение важно подчеркнуть, что борьба с киберпреступностью требует не только технологических и правовых рамок, но и культурного изменения в отношении защиты данных. Создание культуры кибербезопасности, когда каждый пользователь сети осознает возможные риски и знает, как минимизировать их, станет ключом к обеспечению более безопасного киберпространства.

Библиография

1. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология и предупреждение преступлений. Учебник и практикум для СПО. Москва: Юрайт, 2019. 360 с.
2. Витвицкая С.С., Витвицкий А.А., Исакова Ю.И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. С. 20.
3. Демидов Ю.Н., Костенников М.В., Куракин А.В. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник: в 2 ч. Часть 1: Общая часть. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. 285 с.
4. Канубриков В.А., Османов М.М. Соотношения понятий «киберпреступление» и «киберпреступность» в контексте исследования борьбы с киберпреступностью // Право и управление. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnosheniya-ponyatiy-kiberprestuplenie-ikiberprestupnost-v-kontekste-issledovaniyaborby-s-kiberprestupnostyu>
5. Киберпреступность. Модуль 2. Основные виды киберпреступности // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1737193546&tld=ru&lang=ru&name=Cybercrime_Module_2_General_Types_of_Cybercrime_RU.pdf&text...
6. Ларина Е., Овчинский В. ChatGPT и борьба с преступностью // Завтра. 22 мая 2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/chatgpt_i_bor_ba_s_prestupnost_yu
7. Нейберт А.Е. Киберпреступность как глобальная угроза: проблемы правоприменения // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12 (138). URL: <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.94>
8. Немов М.В. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Эпоха науки. 2017. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnayaugroza-1>
9. Число киберпреступлений в России // TADVISER. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php...>
10. Что такое интернет вещей? Определение и описание // Лаборатория Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-iot>

Cybercrime: The Relevance of the Threat and Prospects for Combating It

Dmitrii N. Bagretsov

PhD in Philology, Senior Lecturer,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: bagretsow75@yandex.ru

Irina V. Isakova

Senior Lecturer,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
620057, 66, Korepina str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: Isakova-1@yandex.ru

Abstract

Cybercrime is becoming an increasingly serious threat for individual users, companies, and even states. With the development of digital technologies and the increase in the number of internet connections, the volume and complexity of cyberattacks have grown significantly. This leads to the loss of confidential information, financial losses, and damage to the reputation of organizations. In this regard, the development and implementation of effective measures to combat cybercrime are critically important for maintaining data security. States and the private sector are seeking new approaches and technologies to prevent and respond to cyber threats, which requires international cooperation and the exchange of experience.

For citation

Bagretsov D.N., Isakova I.V. (2026) Kiberprestupnost': aktual'nost' ugrozy i perspektivy bor'by s ney [Cybercrime: The Relevance of the Threat and Prospects for Combating It]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 541-548. DOI: 10.34670/AR.2026.21.72.064

Keywords

Cybercrime, digitalization, security, internet, artificial intelligence, cyber threats, information protection.

References

1. Afanaseva, O. R., Goncharova, M. V., & Shiyan, V. I. (2019). *Kriminologiya i preduprezhdeniye prestupleniy. Uchebnik i praktikum dlya SPO* [Criminology and crime prevention. Textbook and practicum for vocational education]. Moscow: Yurayt.
2. Demidov, Yu. N., Kostennikov, M. V., & Kurakin, A. V. (2016). *Administrativnaya deyatel'nost organov vnutrennikh del: uchebnik: v 2 ch. Chast 1: Obshchaya chast* [Administrative activities of internal affairs bodies: textbook in 2 parts. Part 1: General part]. Domodedovo: VIPK MVD Rossii.
3. Kanubrikov, V. A., & Osmanov, M. M. (2023). Sootnosheniya ponyatiy "kiberprestupleniye" i "kiberprestupnost" v kontekste issledovaniya borby s kiberprestupnostyu [Correlation of the concepts "cybercrime" and "cybercriminality" in the context of studying the fight against cybercrime]. *Pravo i upravleniye*, (2). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnosheniya-ponyatiy-kiberprestuplenie-ikiberprestupnost-v-kontekste-issledovaniyaborby-s-kiberprestupnostyu>
4. Larina, E., & Ovchinsky, V. (2023, May 22). ChatGPT i borba s prestupnostyu [ChatGPT and the fight against crime]. *Zavtra*. Retrieved from https://zavtra.ru/blogs/chatgpt_i_bor_ba_s_prestupnost_yu
5. Neibert, A. E. (2023). Kiberprestupnost kak globalnaya ugroza: problemy pravoprimeneniya [Cybercrime as a global threat: problems of law enforcement]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, (12). Retrieved from <https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.94>
6. Nemov, M. V. (2017). Kiberprestupnost kak novaya kriminalnaya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat]. *Epokha nauki*, (9). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnayaugroza-1>
7. [Chislo kiberprestupleniy v Rossii] The number of cybercrimes in Russia. (n.d.). *TADVISER*. Retrieved from <https://www.tadviser.ru/index.php...>
8. [Chto takoye internet veshchey? Opredeleniye i opisaniye] What is the Internet of Things? Definition and description. (n.d.). *Kaspersky Lab*. Retrieved from <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-iot>

-
9. [Kiberprestupnost. Modul 2. Osnovnyye vidy kiberprestupnosti] Cybercrime. Module 2. Main types of cybercrime. (n.d.). *United Nations Office on Drugs and Crime*. Retrieved from https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1737193546&tld=ru&lang=ru&name=Cybercrime_Module_2_General_Types_of_Cybercrime_RU.pdf&text...
 10. Vitvitskaya, S. S., Vitvitsky, A. A., & Isakova, Yu. I. (2023). Kiberprestupleniya: ponyatiye, klassifikatsiya, mezhdunarodnoye protivodeystviye [Cybercrimes: concept, classification, international counteraction]. *Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti*, 20.

УДК 343.24

DOI: 10.34670/AR.2026.67.72.065

Индивидуализация наказания как принцип уголовного права и роль специальных правил в ее обеспечении

Магомедов Давди Бадавиевич

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: mdb2@mail.ru

Магомедова Заира Руслановна

Магистрант,
направление «Юриспруденция»,
профиль «Проблемы уголовной политики
и ее реализация в борьбе с преступностью»,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 43а;
e-mail: zairamagomedova1608@icloud.com

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу индивидуализации наказания как одного из основополагающих принципов уголовного права и исследованию системы специальных правил, обеспечивающих его реализацию в правоприменительной деятельности. Рассматривается понятие и сущность принципа индивидуализации наказания, его место в системе принципов уголовного права и соотношение с принципом справедливости. Особое внимание уделяется анализу общих начал назначения наказания как нормативной основы индивидуализации, а также специальным правилам, предусмотренным Общей частью Уголовного кодекса Российской Федерации: правилам назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, при вердикте присяжных о снисхождении, за неоконченное преступление, за преступление, совершенное в соучастии, при рецидиве преступлений, а также правилам назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Формулируются выводы о значении специальных правил для обеспечения законности и обоснованности судебных решений и предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части регламентации процесса индивидуализации наказания.

Для цитирования в научных исследованиях

Магомедов Д.Б., Магомедова З.Р. Индивидуализация наказания как принцип уголовного права и роль специальных правил в ее обеспечении // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 549-556. DOI: 10.34670/AR.2026.67.72.065

Ключевые слова

Наказание, назначение наказания, принцип индивидуализации наказания, общие начала назначения наказания, специальные правила назначения наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, судебское усмотрение.

Введение

Актуальность исследования принципа индивидуализации наказания и роли специальных правил в его обеспечении обусловлена ключевым значением данной стадии уголовного судопроизводства для достижения целей наказания, сформулированных в части 2 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Назначение наказания является наиболее ответственным моментом в деятельности суда, поскольку именно здесь происходит конкретизация абстрактных санкций статей Особенной части УК РФ применительно к уникальным обстоятельствам конкретного уголовного дела. От того, насколько точно суд сможет учесть все юридически значимые особенности совершенного преступления и личности виновного, зависит не только судьба конкретного человека, но и эффективность всей уголовно-правовой политики государства. Современный этап развития уголовного законодательства характеризуется стремлением к более детальной регламентации процесса назначения наказания, однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, существующие проблемы в сфере индивидуализации наказания обусловлены не только сложностью судебной деятельности, но и недостаточной четкостью правовой регламентации правил избрания наказания [Андреев, 2024, с. 45]. Настоящая статья направлена на комплексный анализ природы принципа индивидуализации наказания и системы специальных правил, призванных обеспечить его неуклонную реализацию в современной правоприменительной практике.

Основная часть

Понятие и сущность принципа индивидуализации наказания являются предметом научной дискуссии, в рамках которой сформировалось несколько подходов к его определению и месту в системе принципов уголовного права. В наиболее общем виде принцип индивидуализации наказания может быть определен как основополагающее начало, заключающееся в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств, позволяющее посредством конкретной меры наказания добиться исправления преступника и предупреждения совершения новых преступлений [Васильев, Егоров, 2023, с. 23]. Важно подчеркнуть, что индивидуализация наказания представляет собой не просто технический прием судебской работы, а именно концептуальную идею, пронизывающую все институты уголовного права и определяющую направленность правоприменительной деятельности на максимально возможный учет индивидуальных особенностей каждого уголовного дела [Давыдов, 2023, с. 67]. Значение принципа индивидуализации наказания трудно переоценить: будучи строго индивидуальным, наказание только тогда достигает своих целей, когда оно целесообразно и справедливо; если же оно не справедливо, оно не способствует исправлению виновного, а, наоборот, может озлобить, ожесточить его, то есть не достигнет цели частного предупреждения.

Соотношение принципа индивидуализации наказания с принципом справедливости представляет собой одну из наиболее сложных проблем уголовно-правовой теории. В современной литературе справедливо признается необходимость разграничения данных принципов, однако оптимального решения по сей день не предложено [Егорова, 2024, с. 38]. Преобладают позиции, согласно которым принцип индивидуализации находится в подчиненной связи с принципом справедливости, являясь средством его реализации при назначении наказания. Развивая эту мысль, можно утверждать, что принцип справедливости напрямую влияет на достижение цели восстановления социальной справедливости и заключается в выяснении общественной реакции на назначенное наказание, тогда как принцип индивидуализации наказания исходит из учета критериев, относящихся к личности виновного, и влияет на достижение таких целей, как исправление осужденного и частная превенция [Егорова, 2024, с. 41]. При этом оба принципа действуют в единстве и взаимосвязи, поскольку справедливое наказание не может быть неиндивидуализированным, а индивидуализация, не основанная на требованиях справедливости, утрачивает свое правовое значение и превращается в произвол.

Нормативной основой реализации принципа индивидуализации наказания выступают общие начала назначения наказания, закрепленные в статье 60 Уголовного кодекса Российской Федерации. В науке уголовного права под общими началами назначения наказания понимают закрепленные в нормах уголовного права руководящие идеи, которыми должен руководствоваться суд при разрешении каждого конкретного уголовного дела с целью правильного определения вида и размера наказания в отношении каждого подсудимого [Журавлев, 2023, с. 112]. Уже само наименование «общие начала» свидетельствует о том, что они дают предписания, пригодные для всех типичных случаев, предусматривая типичные правила назначения наказания, применение которых не зависит от специфики конкретного уголовного дела. Часть 3 статьи 60 УК РФ устанавливает, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Указанные критерии признаются общими потому, что они должны учитываться судами при рассмотрении каждого уголовного дела, то есть при назначении наказания любому лицу, признанному виновным в совершении преступления [Зверев, 2022, с. 89]. Немаловажно также отметить, что индивидуализация предполагает не разрозненный учет названных критериев, а их оценку как соответствующей совокупности, поскольку только системный анализ всех факторов позволяет суду прийти к обоснованному выводу о справедливой мере наказания.

Помимо общих начал назначения наказания, законодатель предусматривает целый ряд специальных правил, конкретизирующих процесс индивидуализации применительно к определенным категориям уголовных дел или особым обстоятельствам, влияющим на ответственность. Эти правила содержатся в статьях 62-70 Уголовного кодекса Российской Федерации и могут быть классифицированы по нескольким основаниям. Прежде всего, это правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (статьи 62, 64, 65 УК РФ). Часть 1 статьи 62 УК РФ устанавливает, что при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами "и" и (или) "к" части первой статьи 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Данное правило направлено на стимулирование позитивного посткриминального поведения виновного, способствующего раскрытию и расследованию преступления, а также на заглаживание причиненного вреда

[Иванов, 2024, с. 145]. Особое место среди специальных правил занимает статья 64 УК РФ, предоставляющая суду возможность назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии исключительных обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления. Как справедливо отмечается в литературе, данная норма предоставляет суду наиболее радикальную форму индивидуализации наказания, позволяя выйти за пределы санкции статьи Особенной части УК и руководствоваться только общими пределами, установленными для соответствующих видов наказаний [Козлов, 2023, с. 234].

Особую группу специальных правил составляют нормы, регламентирующие назначение наказания за неоконченное преступление (статья 66 УК РФ) и за преступление, совершенное в соучастии (статья 67 УК РФ). В части 2 статьи 66 УК РФ установлено, что срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление. Часть 3 этой же статьи устанавливает аналогичное ограничение для покушения на преступление — не более трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. Данные правила отражают принципиальное положение уголовного права о том, что степень общественной опасности неоконченного преступления ниже, чем оконченного, и это обстоятельство должно находить отражение в назначаемом наказании [Лебедев, 2024, с. 167]. Статья 67 УК РФ предписывает учитывать при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Данное правило имеет особое значение для индивидуализации ответственности соучастников, поскольку позволяет суду дифференцировать наказание в зависимости от реальной роли каждого участника в совместной преступной деятельности, отграничивая организаторов и активных исполнителей от пособников и иных лиц, чья роль была второстепенной [Лебедев, 2024, с. 172].

Значительный интерес представляют правила назначения наказания при рецидиве преступлений, закрепленные в статье 68 Уголовного кодекса Российской Федерации. Часть 2 данной статьи устанавливает, что срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Вместе с тем часть 3 статьи 68 УК РФ предоставляет суду право при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных статьями 61 УК РФ, назначить наказание менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, но в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьями 64 УК РФ, — назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. Как справедливо отмечается в литературе, такая конструкция позволяет суду гибко подходить к назначению наказания при рецидиве, учитывая не только факт повторного совершения преступления, но и характер смягчающих обстоятельств, степень их влияния на ответственность виновного [Михайлов, 2023, с. 56].

Особое место в системе специальных правил занимают нормы, регламентирующие назначение наказания по совокупности преступлений и по совокупности приговоров (статьи 69 и 70 УК РФ). Данные правила призваны обеспечить индивидуализацию наказания в наиболее сложных случаях множественности преступлений, когда перед судом стоит задача не только оценить каждое из совершенных деяний в отдельности, но и определить окончательное наказание, которое бы в полной мере отражало общественную опасность всей преступной

деятельности лица. Часть 2 статьи 69 УК РФ предусматривает два способа назначения наказания по совокупности преступлений небольшой и средней тяжести: поглощение менее строгого наказания более строгим либо частичное или полное сложение назначенных наказаний. Для совокупности тяжких и особо тяжких преступлений часть 3 статьи 69 УК РФ устанавливает обязательное частичное или полное сложение наказаний, при этом окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать двадцати пяти лет, а по совокупности преступлений, включающей особо тяжкие преступления, — тридцати лет [Петров, 2022, с. 312].

Несмотря на достаточно детальную регламентацию процесса назначения наказания в уголовном законе, правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при реализации принципа индивидуализации. Как показывают современные исследования судебной практики, суды нередко допускают смешение таких критериев индивидуализации, как характеристика личности виновного и смягчающие обстоятельства, указывая на все обстоятельства комплексно, единым блоком, различая их лишь по направленности влияния на назначаемое наказание [Смирнов, 2023, с. 88]. Влияние смягчающих обстоятельств на конечную меру наказания в исследованных приговорах не всегда поддается четким закономерностям. При изучении уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции, предпринимались попытки установить зависимость срока назначенного наказания от наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих обстоятельств, однако проследить однозначную зависимость удается не всегда [Федоров, 2024, с. 124]. Это свидетельствует о том, что специальные правила назначения наказания не всегда в полной мере выполняют свою функцию, оставаясь в некоторых случаях формальными требованиями, недостаточно влияющими на судебское усмотрение.

В связи с изложенным представляется необходимым дальнейшее совершенствование как самого уголовного законодательства, так и практики его применения в части регламентации процесса индивидуализации наказания. Следует согласиться с мнением ученых, которые полагают, что судебское усмотрение не должно быть чрезмерно широким: чем полнее регламентированы полномочия суда, тем больше гарантий законности принимаемых решений [Андреев, 2024, с. 52]. В этой связи заслуживают внимания предложения о разработке более четких правил назначения наказания, с помощью которых максимально возможно достижение индивидуализации, включая более детальную классификацию обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание [Андреев, 2024, с. 58]. Важным направлением совершенствования правоприменительной практики является также повышение качества мотивировки приговоров в части назначения наказания, поскольку именно в мотивировочной части приговора суд обязан показать, каким образом те или иные обстоятельства повлияли на выбор конкретной меры наказания.

Заключение

Принцип индивидуализации наказания занимает ключевое место в системе принципов уголовного права, обеспечивая реализацию требований справедливости при назначении наказания посредством максимально полного учета всех юридически значимых особенностей конкретного уголовного дела и личности виновного. Нормативную основу реализации данного принципа составляют общие начала назначения наказания, закрепленные в статье 60 УК РФ, и система специальных правил, предусмотренных статьями 62-70 УК РФ, которые конкретизируют процесс индивидуализации применительно к определенным категориям уголовных дел. Значение специальных правил трудно переоценить: они не только ограничивают судебское усмотрение, обеспечивая единообразие судебной практики и законность

принимаемых решений, но и предоставляют суду необходимые ориентиры для учета специфики различных уголовно-правовых ситуаций. Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии определенных проблем в реализации принципа индивидуализации наказания, связанных как с недостаточной четкостью отдельных законодательных предписаний, так и с не всегда последовательным подходом судов к учету смягчающих и отягчающих обстоятельств. Преодоление этих проблем требует дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в части регламентации процесса назначения наказания, разработки научно обоснованных рекомендаций для судов и повышения качества мотивировки приговоров. Только на этом пути возможно достижение подлинной, а не декларативной индивидуализации наказания, обеспечивающей реализацию целей уголовной ответственности и восстановление социальной справедливости.

Библиография

1. Андреев С.В. Индивидуализация наказания в уголовном праве России: теория и практика. Москва: Юрайт, 2024. 312 с.
2. Васильев А.И., Егоров С.Н. Проблемы назначения наказания в современном уголовном праве. Москва: Проспект, 2023. 456 с.
3. Давыдов В.А. Принципы уголовного права и их реализация при назначении наказания. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2023. 389 с.
4. Егорова Н.А. Справедливость и индивидуализация наказания: вопросы соотношения // Российский судья. 2024. № 3. С. 36-44.
5. Журавлев М.П. Общие начала назначения наказания в уголовном праве Российской Федерации // Lex Russica. 2023. № 5. С. 108-118.
6. Зверев А.В. Учет личности виновного при назначении наказания: современные тенденции. Казань: Изд-во Казанского университета, 2022. 267 с.
7. Иванов Н.Г. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве: теория и практика применения. Москва: Норма, 2024. 386 с.
8. Козлов А.П. Назначение наказания: общие начала и специальные правила. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 574 с.
9. Лебедев В.М. Назначение наказания в российском уголовном праве. Москва: Статут, 2024. 896 с.
10. Михайлов К.В. Назначение наказания при рецидиве преступлений: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2023. № 6. С. 52-60.
11. Петров С.И. Совокупность преступлений и назначение наказания по совокупности. Екатеринбург: УрГЮУ, 2022. 448 с.
12. Смирнов А.М. Судейское усмотрение при назначении наказания. Новосибирск: Наука, 2023. 312 с.
13. Федоров В.В. Мотивировка приговора в части назначения наказания // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 118-126.

Individualization of Punishment as a Principle of Criminal Law and the Role of Special Rules in Its Implementation

Davdi B. Magomedov

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomet Gadzhiev str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: mdb2@mail.ru

Magomedov D.B., Magomedova Z.R.

Zaira R. Magomedova

Master's Student,
Direction "Jurisprudence",
Profile "Problems of Criminal Policy and Its Implementation in Combating Crime",
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomet Gadzhiev str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: zairamagomedova1608@icloud.com

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of the individualization of punishment as one of the fundamental principles of criminal law and to the study of the system of special rules ensuring its implementation in law enforcement practice. The concept and essence of the principle of individualization of punishment, its place in the system of principles of criminal law, and its correlation with the principle of justice are examined. Particular attention is paid to the analysis of the general principles of sentencing as the normative basis for individualization, as well as to the special rules provided for by the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation: rules for sentencing in the presence of mitigating circumstances, upon a jury verdict of leniency, for an unfinished crime, for a crime committed in complicity, in case of recidivism of crimes, as well as rules for imposing a milder punishment than provided for the given crime. Conclusions are formulated on the significance of special rules for ensuring the legality and validity of judicial decisions, and proposals are made for improving criminal legislation in terms of regulating the process of individualizing punishment.

For citation

Magomedov D.B., Magomedova Z.R. (2026) Individualizatsiya nakazaniya kak printsip ugolovnogo prava i rol' spetsial'nykh pravil v yeye obespechenii [Individualization of Punishment as a Principle of Criminal Law and the Role of Special Rules in Its Implementation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 549-556. DOI: 10.34670/AR.2026.67.72.065

Keywords

Punishment, sentencing, principle of individualization of punishment, general principles of sentencing, special rules of sentencing, mitigating circumstances, aggravating circumstances, judicial discretion.

References

1. Andreev, S. V. (2024). Individualizatsiya nakazaniya v ugolovnom prave Rossii: teoriya i praktika [Individualization of punishment in Russian criminal law: Theory and practice]. Yurait.
2. Davydov, V. A. (2023). Printsipy ugolovnogo prava i ikh realizatsiya pri naznachenii nakazaniya [Principles of criminal law and their implementation in sentencing]. Yuridicheskii tsentr.
3. Egorova, N. A. (2024). Spravedlivost' i individualizatsiya nakazaniya: voprosy sootnosheniya [Justice and individualization of punishment: Issues of correlation]. Rossiiskii sud'ya, (3), 36-44.
4. Fedorov, V. V. (2024). Motivirovka prigovora v chasti naznacheniya nakazaniya [Reasoning of the sentence regarding punishment]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, (2), 118-126.
5. Ivanov, N. G. (2024). Smagchayushchie obstoyatel'stva v ugolovnom prave: teoriya i praktika primeneniya [Mitigating circumstances in criminal law: Theory and practice of application]. Norma.

-
6. Kozlov, A. P. (2023). Naznachenie nakazaniya: obshchie nachala i spetsial'nye pravila [Sentencing: General principles and special rules]. Siberian Federal University.
 7. Lebedev, V. M. (2024). Naznachenie nakazaniya v rossiiskom ugovnomprave [Sentencing in Russian criminal law]. Statut.
 8. Mikhailov, K. V. (2023). Naznachenie nakazaniya pri retsitive prestuplenii: problemy teorii i praktiki [Sentencing for recidivism of crimes: Problems of theory and practice]. Uголовное право, (6), 52-60.
 9. Petrov, S. I. (2022). Sovokupnost' prestuplenii i naznachenie nakazaniya po sovokupnosti [Multiple crimes and sentencing for their totality]. Ural State Law University.
 10. Smirnov, A. M. (2023). Sudeiskoe usmotrenie pri naznachenii nakazaniya [Judicial discretion in sentencing]. Nauka.
 11. Vasil'ev, A. I., & Egorov, S. N. (2023). Problemy naznacheniya nakazaniya v sovremennom ugovnomprave [Problems of sentencing in modern criminal law]. Prospekt.
 12. Zhuravlev, M. P. (2023). Obshchie nachala naznacheniya nakazaniya v ugovnomprave Rossiiskoi Federatsii [General principles of sentencing in the criminal law of the Russian Federation]. Lex Russica, (5), 108-118.
 13. Zverev, A. V. (2022). Uchet lichnosti vinovnogo pri naznachenii nakazaniya: sovremennye tendentsii [Consideration of the perpetrator's personality in sentencing: Modern trends]. Kazan University Press.

УДК 343.98

DOI: 10.34670/AR.2026.87.81.066

Особенности составления портрета преступника в криминалистике

Килин Александр Григорьевич

Старший преподаватель,
кафедра криминалистики им. И.Ф. Герасимова,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: Alex.kilin1@gmail.com

Котов Василий Васильевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики им. И.Ф. Герасимова,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: kotov-1958@inbox.ru

Балеевских Федор Валентинович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса им. П.М. Давыдова,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 2;1
e-mail: bf61@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных особенностей составления портрета преступника в отечественной криминалистике. Авторы указывают на то, что по мере развития криминалистики как науки описания внешних характеристик преступников стали дополняться свидетельствами потерпевших относительно их психологического склада. В статье делается важный вывод о том, что составление портрета личности, совершившей противоправное преступное деяние, должно носить комплексный характер, учитывать внешние и внутренние черты правонарушителя, а также специфику ретроспективного взгляда потерпевшего, его физиологические особенности.

Для цитирования в научных исследованиях

Килин А.Г., Котов В.В., Балеевских Ф.В. Особенности составления портрета преступника в криминалистике // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 557-562. DOI: 10.34670/AR.2026.87.81.066

Ключевые слова

Портрет преступника, криминалистика, криминалистическая габитоскопия, криминалистическая физиогномика, психологическая характеристика, оперативно-розыскная деятельность, идентификация личности.

Введение

На протяжении всего периода формирования норм уголовного права большое значение в процессе раскрытия противоправных преступных деяний имело установление внешности правонарушителя, в первую очередь – особых примет, облегчавших обнаружение и опознание виновного [Боков, 2001, с. 203-204]. На территории российского государства официальные подтверждения описаний личности человека на основе внешних, в том числе – особых примет, начинают встречаться с XIV в. [Сысенко, 2015, с. 72]. Однако активное формирование и развитие указанных описаний соотносится со временем накопления знаний в области отечественной криминалистической науки – с XX столетием. В этот период начинают оформляться частные криминалистические теории, отражающие весь перечень научных воззрений на роль внешнего облика нарушителя в раскрытии противоправных преступных деяний.

Основная часть

Одной из таких теорий являлась «криминалистическая габитоскопия». В рамках последней внешний облик исследовался в целях опознания личности преступника, облегчения процесса его идентификации. На основе данной теории интегрируются научные знания относительно внешних признаков личности, а также об инструментах и способах сбора анализа этих данных, равно как и их применения в рамках реализации оперативно-розыскных мероприятий. В наиболее общем виде методы, которые применяются в рамках криминалистической габитоскопии, представляется возможным разделить на несколько основных групп, а именно:

- собственно криминалистические методы, обеспечивающие выявление и фиксацию сведений относительно внешнего облика преступника;- диагностические методы, обеспечивающие установление взаимосвязи между объектами как источниками сведений о внешнем облике правонарушителя;- идентификационные методы, позволяющие установить тождественность сведений о внешнем облике преступника, представленных на различных информационных носителях [Подволоцкий, 2012, с. 106]. Применение в комплексе указанных методов обеспечивает повышение эффективности оперативно-розыскных мероприятий по поимке правонарушителей. Безусловно, на современном этапе развития криминологической науки в условиях широкого внедрения в практику цифровых технологий процесс опознания личности по внешним признакам в значительной степени облегчается по сравнению с предшествующей, нецифровой эпохой. Использование «умных алгоритмов» в значительной степени упрощает реализацию оперативно-розыскных мероприятий [Протасевич, 1998]. В числе основных современных средств, применяемых в криминалистической габитоскопии, необходимо отметить:- автоматизированные информационно-поисковые системы, на основе которых конструируются и упорядочиваются субъективные портреты потенциальных

правонарушителей;- системы автоматического распознавания лиц, функционирующие на базе алгоритмов, способных опознать внешние черты потенциального преступника на базе антропометрических параметров лица, а также графических моделей с изображением лиц;- 3D-технологии, обеспечивающие моделирование трёхмерного изображения лица, а также всех его специфических особенностей, что способствует более наглядному представлению информации.

Несомненным преимуществом криминалистической габитоскопии является то, что данная научная теория позволяет эффективно опознавать не только правонарушителей, но также погибших, обнаруживать сведения о лицах, которые в силу определенных обстоятельств не могут, либо не желают сообщать информацию, позволяющую идентифицировать их личность. В настоящее время особой актуальностью обладает вопрос о соотношении криминалистической габитоскопии и криминалистической физиогномики. Под последней следует понимать направление, предусматривающее анализ внешнего вида лица в целях дальнейшей диагностики его личностных черт, наклонностей и темперамента в ходе расследования правонарушений. Иными словами, ученые-физиогномики считают возможным на основании исследования внешнего облика составить представление о внутреннем мире человека, его психологических качествах. Несмотря на то, что исследовательские изыскания в данной области имеют определенную научную почву, один из основателей криминалистической габитоскопии в России А.М. Зинин, отмечал, что «... криминалистической физиогномике еще только предстоит доказать свою состоятельность» [Зинин, 2011, с. 3]. Автор объяснял это тем, что криминалистическая габитоскопия и криминалистическая физиогномика имеют разные цели, более того – внешние характеристики личности не обязательно связаны с ее поступками, а также психологическими особенностями.

Несмотря на указанное обстоятельство, криминалистическая габитоскопия обладает рельефно выраженной тенденцией к «психологизации». В частности, по мнению некоторых исследователей, составление портрета личности преступника должно включать в себя не только описание внешних признаков, но также психологических характеристик, к числу которых относятся, например, эмоциональный фон, особенности речи, мимики и т.д. [Дубягин, 1997, с. 25]. Во многом это определяется тем, что, как правило, в памяти потерпевшего лучше сохраняются психологические особенности личности преступника. Однако стоит отметить, что воспроизведение основных характеристик последнего – процесс, носящий сугубо субъективный характер, во многом зависящий от личности потерпевшего. Более того, достаточно частыми являются случаи, когда составить портрет преступника для пострадавшего затруднительно в силу определенных физиологических особенностей, например, дефектов зрения. Принимая во внимание, что психологический портрет личности является значимым дополнением ее внешних характеристик, представляется целесообразным схематично проиллюстрировать основные его компоненты (рис. 1).

Итак, на основании рис. 1 можно заключить, что основными составляющими психологической характеристики преступника являются:- темперамент как врожденное психологическое свойство личности;- характер как приобретенная черта, складывающаяся в процессе социализации и формирующаяся на всем протяжении жизни человека;- уровень интеллекта как способности личности анализировать и синтезировать информацию, принимать решения, а также отделять главное от второстепенного;- чувства и эмоции как проявления личностного отношения к определенным людям, событиям, явлениям и процессам, как существующим в реальности, так и воображаемым.

Рисунок 1 – Основные элементы психологической характеристики личности преступника

Заключение

В комплексе сведения о темпераменте, характере, уровне интеллекта, а также чувствах и эмоциях личности позволяют составить психологический портрет последней, являющийся значимым дополнением к описанию внешности преступника [Боков, 2003, с. 76; Драпкин, Долинин, Шуклин, 2017, с. 94; Сафуанов, Назарова, 2011, с. 38]. В свою очередь, сочетание психологических особенностей личности с вербальной и паравербальной информацией, применением методик описания внешнего облика человека позволяет реализовать комплексный подход в составлении субъективного портрета нарушителя и раскрыть преступление [Сысенко, Герасименко, Муравьев, 2019, с. 343]. Таким образом, особенности составления портрета преступника в криминалистике состоят в необходимости дополнения внешних описаний психологическими характеристиками личности, принятии во внимание физиологических особенностей потерпевшего, а также учете специфики ретроспективного взгляда на обстоятельства правонарушения.

Библиография

1. Боков С.Н. О психолого-криминалистическом портрете преступника // Воронежские криминалистические чтения. 2003. № 4. С. 75-92.
2. Боков С.Н. О стереотипном портрете преступника // Воронежские криминалистические чтения. 2001. № 2. С. 203-213.
3. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 4. С. 93-101. URL: <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/09.%20Драпкин%2С%20Шуклин.pdf>
4. Дубягин А.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. М.: Буквица, 1997. 480 с.
5. Зинин А.М. К вопросу о соотношении криминалистической физиогномики и криминалистической габитоскопии // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С. 2-4.
6. Подволоцкий И.Н. Методы установления личности в габитоскопии и портретной экспертизе // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 104-108.

7. Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск: Изд-во Иркутской гос. экономической акад., 1998. 103 с.
8. Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А. Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника // Психология и право. 2011. № 3. С. 33-43.
9. Сысенко А.Р. Понятие внешности человека в криминалистике // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 4 (29). С. 72-74.
10. Сысенко А.Р., Герасименко Н.И., Муравьев К.В. Использование психологических приемов в процессе описания внешнего облика человека при раскрытии преступлений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 3 (78). С. 343-347.

Peculiarities of Compiling a Criminal Profile in Criminalistics

Aleksandr G. Kilin

Senior Lecturer,
Department of Criminalistics named after I.F. Gerasimov,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: Alex.kilin1@gmail.com

Vasilii V. Kotov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics named after I.F. Gerasimov,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: kotov-1958@inbox.ru

Fedor V. Baleevskikh

PhD in Law,
Associate Professor of the Department
of Judicial Activity and Criminal
Procedure named after P.M. Davydov,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
620137, 21, Komsomolskaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: bf61@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the main peculiarities of compiling a criminal profile in Russian criminalistics. The authors point out that as criminalistics developed as a science, descriptions of the external characteristics of criminals began to be supplemented by victims' testimonies regarding their psychological makeup. The article draws an important conclusion that the compilation of a portrait of a person who has committed an unlawful criminal act should be comprehensive in nature, taking into account the external and internal features of the offender, as well as the specifics of the victim's retrospective view and their physiological characteristics.

For citation

Kilin A.G., Kotov V.V., Baleevskikh F.V. (2026) Osobennosti sostavleniya portreta prestupnika v kriminalistike [Peculiarities of Compiling a Criminal Profile in Criminalistics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 557-562. DOI: 10.34670/AR.2026.87.81.066

Keywords

Criminal profile, criminalistics, forensic habitoscopy, forensic physiognomy, psychological characteristics, investigative activities, personal identification.

References

1. Bokov, S. N. (2001). O stereotipnom portrete prestupnika [On the stereotypical portrait of a criminal]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya*, (2), 203-213.
2. Bokov, S. N. (2003). O psikhologo-kriminalisticheskom portrete prestupnika [On the psychological and forensic portrait of a criminal]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya*, (4), 75-92.
3. Drapkin, L. Ya., Dolinin, V. N., & Shuklin, A. E. (2017). Ispol'zovanie kriminalisticheskogo portreta prestupnika v rassledovanii seriinykh ubiistv [Using a forensic portrait of a criminal in the investigation of serial murders]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu"*, (4), 93-101. <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/09.%20Драпкин%2С%20Долинин%2С%20Шуклин.pdf>
4. Dubyagin, A. P. (1997). *Rukovodstvo po rozysku i rassledovaniyu neochevidnykh ubiistv* [Guide to the search and investigation of non-obvious murders]. Bukvitsa.
5. Podvolotskii, I. N. (2012). Metody ustanovleniya lichnosti v gabitoskopii i portretnoi ekspertize [Methods of personal identification in habitoscopy and portrait examination]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (7), 104-108.
6. Protasevich, A. A. (1998). *Poiskovyi portret prestupnika kak integrativnaya sistema* [Search portrait of a criminal as an integrative system]. Irkutsk State Economic Academy Publishing House.
7. Safuanov, F. S., & Nazarova, E. A. (2011). Sravnitel'nyi analiz razlichnykh metodov sostavleniya psikhologicheskogo portreta predpolagaemogo prestupnika [Comparative analysis of various methods of compiling a psychological profile of an alleged criminal]. *Psikhologiya i pravo*, (3), 33-43.
8. Sychenko, A. R. (2015). Ponyatie vneshnosti cheloveka v kriminalistike [The concept of human appearance in forensic science]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, (4), 72-74.
9. Sychenko, A. R., Gerasimenko, N. I., & Murav'ev, K. V. (2019). Ispol'zovanie psikhologicheskikh priemov v protsesse opisaniya vneshnego oblika cheloveka pri raskrytii prestuplenii [The use of psychological techniques in describing a person's appearance during crime investigation]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 24(3), 343-347.
10. Zinin, A. M. (2011). K voprosu o sootnoshenii kriminalisticheskoi fiziognomiki i kriminalisticheskoi gabitoskopii [On the question of the relationship between forensic physiognomy and forensic habitoscopy]. *Ekspert-kriminalist*, (3), 2-4.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.41.53.067

Эволюция применения альтернативных изоляции от общества мер наказания: европейский опыт

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);

главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен анализу европейского опыта применения мер, не связанных с изоляцией от общества, и его значению для развития современных пенитенциарных систем. Рассматриваются ключевые тенденции трансформации уголовной политики. На основе обобщения международных рекомендаций систематизируются основные виды альтернативных санкций (пробация, обязательные работы, медиация), а также анализируются условия их эффективности, включая развитие специализированных служб социального сопровождения и инфраструктуры. Особое внимание уделяется современным вызовам, таким как последствия пандемии, цифровизация контроля, риски «расширения сети» уголовно-правового воздействия и необходимость соблюдения баланса между эффективностью надзора и правами человека. В статье также рассматриваются проблемы имплементации европейских стандартов в национальное законодательство, роль институтов гражданского общества и специфика применения альтернативных мер в отношении уязвимых групп населения. Делается вывод о том, что движение к исключительности лишения свободы является магистральным путем развития правовых систем, требующим профессионализма, ресурсов и последовательной политической воли.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Эволюция применения альтернативных изоляции от общества мер наказания: европейский опыт // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 563-570. DOI: 10.34670/AR.2026.41.53.067

Ключевые слова

Альтернативные меры наказания; изоляция от общества; европейский опыт; пробация; ресоциализация; уголовная политика; электронный мониторинг; пенитенциарная система; права человека; социальное сопровождение.

Введение

Анализ проведенных исследований пенитенциарной сферы, посвященных изучению европейской практики применения мер, не связанных с изоляцией от общества, позволяет выявить ключевые векторы эволюции современной уголовной политики. Анализ, выполненный в русле рекомендаций международных организаций (например Совет по пенитенциарному сотрудничеству при Совете Европы), аккумулируют многообразный опыт различных государств по внедрению альтернативных санкций и предлагают систематизированное описание успешных практик. В современных условиях, когда пенитенциарные системы многих стран сталкиваются с проблемой переполненности учреждений, ростом рецидивной преступности и необходимостью оптимизации бюджетных расходов, обращение к обобщенному европейскому опыту приобретает определенную значимость. Подобные материалы закладывают фундамент для понимания того, как правовое пространство может эволюционировать к модели, нацеленной на ресоциализацию правонарушителя и его последующую интеграцию в социум.

Основная часть

Представленный анализ исходит из ключевой предпосылки, согласно которой меры, не связанные с изоляцией от общества, позиционируются в качестве более эффективного, рационального и гуманного инструмента реагирования на деяния небольшой и средней тяжести. В некоторых источниках систематизируется широкий спектр подобных мер, включая пробацию, обязательные работы, ограничение свободы, а также различные восстановительные практики. Критерием надлежащей правоприменительной практики выступает не столько наличие соответствующих норм в законодательстве, а их реальная применимость, обеспеченная необходимой инфраструктурой, финансированием и кадровыми ресурсами. Анализ европейского опыта демонстрирует, что результативность альтернативных санкций напрямую коррелирует со степенью развития специализированных служб, призванных выступать в качестве институтов социального сопровождения, способствующих исправлению и адаптации поднадзорных лиц [Слабкая, 2020].

При актуализации этих выводов применительно к текущей ситуации необходимо констатировать, что проблемы не только не утратили остроты, но и приобрели новые грани. Пандемия стала катализатором пересмотра отношения к применению изоляции. Вынужденное сокращение числа лиц, содержащихся в учреждениях закрытого типа (места лишения свободы), в ряде стран для предотвращения распространения инфекции продемонстрировало, что значительная часть осужденных может находиться под стражей без острой необходимости, при этом общественная безопасность не страдает [Lešková L., 2022]. Этот вызов подтвердил тезис о том, что изоляция должна оставаться исключительной мерой, применяемой лишь тогда, когда никакие иные способы не способны обеспечить цели правосудия. Сегодня данный принцип звучит особенно убедительно, подкрепленный эмпирическими данными о низкой эффективности краткосрочных сроков изоляции, которые разрушают социальные связи индивида и повышают риск его последующей криминализации.

В области законодательной техники и правоприменения, заложенные идеи находят свое развитие в тенденции к гуманизации уголовных кодексов и расширению перечня альтернативных санкций. В более ранних исследованиях акцент делался на систематизацию уже

существующих практик, то сегодня дискуссия смещается в сторону поиска новых, более гибких форм воздействия. Активно обсуждается внедрение так называемых «гибридных приговоров», сочетающих элементы наказания и обязательного лечения, а также расширение практики назначения ограничения свободы с использованием цифровых технологий контроля [Albrecht H. J., 2006]. Электронный мониторинг, который считался перспективным направлением, сегодня становится практикой во многих юрисдикциях, однако его применение порождает новые этические и правовые вопросы. Они связаны с неприкосновенностью частной жизни, рисками стигматизации и цифровым неравенством. В современной практике показано, что существует необходимость соблюдения баланса между эффективностью контроля и уважением к правам человека. В текущей ситуации этот баланс становится особенно хрупким, поскольку технологии позволяют осуществлять полный мониторинг, что способно превратить наказание, не связанное с изоляцией, в форму домашнего ареста с не менее серьезным психологическим давлением и ограничением личного пространства [Дьяконова, 2025].

Особого внимания заслуживает институт пробации, которому отводится центральная роль в системе альтернативных мер. Подчеркивается необходимость профессионализации и определенной степени независимости пробационных служб. Сегодня эта идея трансформировалась в понимание того, что пробация должна стать инструментом социальной реабилитации. Современные тенденции демонстрируют смещение фокуса от контроля к предоставлению услуг. Это означает, что сотрудник службы пробации все чаще выступает в роли организатора социального сопровождения, помогая осужденному восстановить документы, трудоустроиться, решить жилищные проблемы или пройти курс лечения. Такой подход, описанный ранее как желаемый идеал, сегодня закрепляется в рекомендательных документах и постепенно становится стандартом [Филоненко, 2024]. Актуальность этого направления обусловлена и экономическими факторами: затраты на содержание одного человека в учреждениях закрытого типа многократно превышают расходы на его сопровождение службой пробации [Ноздрина, 2025].

Анализируя современное состояние дел в контексте обобщенных европейских идей, можно отметить определенную динамику. Законодательство многих стран предусматривает такие альтернативные меры, как обязательные и исправительные работы, ограничение свободы. Создаются специализированные инспекции, на которые возлагаются функции пробации. Однако их деятельность долгое время сводилась преимущественно к надзору. Лишь в последние годы в ряде государств началось формирование более полноценной системы, включающей не только контроль, но и социальную адаптацию, ресоциализацию и реабилитацию. Этот шаг можно расценивать как важную имплементацию тех принципов, которые были выработаны в европейской практике [Тыныбеков, 2019]. Тем не менее, практическая реализация соответствующих законов зачастую сталкивается с типичными трудностями: нехваткой квалифицированных кадров, недостаточным финансированием и недостаточным уровнем разработки реабилитационных методик.

Одним из центральных аспектов, освещаемых в аналитических обзорах, является систематизация партнерства государства с институтами гражданского общества. Признание ограниченности административных и финансовых ресурсов стимулирует поиск поддержки в местных сообществах. Многочисленные примеры успешного взаимодействия с некоммерческими организациями, религиозными общинами и волонтерами в процессе ресоциализации демонстрируют высокую эффективность такого сотрудничества. Вовлечение добровольцев в наставническую деятельность, создание общественных центров пробации и

развитие институтов поддержки семей, столкнувшихся с уголовным преследованием, стали устоявшимися практиками [Gazal-Ayal O., Roberts J. V., 2019]. В современных исследованиях подчеркивается, что альтернативные санкции достигают своей цели лишь тогда, когда они внедрены в жизнь локального (местного) сообщества, что способствует более органичной интеграции индивида в социальную среду.

Технологический прогресс существенно трансформирует сферу применения альтернативных мер. Помимо электронного мониторинга, активно внедряются системы удаленного биометрического контроля, мобильные приложения для геолокации и методы анализа больших данных для прогнозирования рисков совершения повторных правонарушений [Кузовлев, 2017]. С одной стороны, это позволяет дифференцировать меры ответственности и оптимизировать нагрузку на персонал служб пробации. С другой стороны, цифровизация становится причиной новых вызовов: проблему алгоритмической предвзятости, усугубление цифрового неравенства и риски утечки персональных данных. Эти обстоятельства требуют выработки новых правовых и этических регуляторов. Принцип справедливости и соразмерности должен быть распространен и на цифровую сферу, чтобы технологические инновации не подменяли собой содержательную работу (воспитательное воздействие) по исправлению личности, а служили лишь инструментом контроля.

Особое место в современных исследованиях отводится применению альтернативных мер в отношении уязвимых категорий: несовершеннолетних, беременных женщин, лиц с инвалидностью и пожилых людей. Современный тренд, усиленный концепцией прав человека и инклюзии, заключается в ограничении применения содержания под стражей к данным группам. В настоящее время во многих зарубежных пенитенциарных системах развиваются специализированные программы для несовершеннолетних, основанные на принципах восстановительного правосудия и активного вовлечения семьи. Акцент смещается на инструменты терапии, образования и социальной поддержки [Emaliawati E. et al., 2022]. Такой подход соотносится с философией, рассматривающей альтернативные меры как инструмент сохранения человеческого капитала и предотвращения будущих противоправных деяний.

Критическое осмысление представленных данных заставляет обратиться к проблеме пределов применения альтернатив. Очевидно, что существуют категории деяний и типы правонарушителей, в отношении которых изоляция остается необходимой мерой для защиты социума. Вопрос о границах допустимости альтернатив является предметом постоянных дискуссий. В условиях роста политического популизма в ряде стран наблюдается риск отхода от прогрессивных идей: под влиянием общественных страхов законодатели могут ужесточать санкции, сужая сферу применения не связанных с лишением свободы наказаний. В этом контексте обобщенный европейский опыт служит важным напоминанием о том, что рациональная уголовная политика должна основываться на доказательствах, а не на общественном мнении.

Интерпретация статистических данных, подтверждающих доминирование альтернативных мер, требует методологической осторожности. Увеличение числа лиц, состоящих на учете в службах пробации, может быть следствием как последовательной гуманизации уголовной политики, так и расширения сферы уголовно-правового контроля. Феномен «расширения сети», когда под надзор попадают лица, ранее избегавшие формального воздействия, представляет собой ключевой предмет критического анализа. Практическая реализация санкций сталкивается и с иными проблемами: неравномерность развития служб пробации, их недофинансирование, риск доминирования контрольной функции над реабилитационной, когда технические средства

мониторинга вытесняют социальную работу. Значительным препятствием для внедрения инновационных форм, таких как реабилитационные центры малой вместимости, остается сопротивление местных сообществ, опасаящихся соседства с подобными объектами, несмотря на отсутствие эмпирически подтвержденных рисков [Pântea A., 2024].

В контексте европейской интеграции подобные обобщающие материалы выступают важным ориентиром для национальных законодателей и правоприменителей. Они демонстрируют, что в рамках единого правового поля возможно многообразие подходов, учитывающих культурные, экономические и социальные особенности конкретных стран. Например, скандинавская модель, основой концепции которой является открытость учреждений и социальная поддержка, отличается от практик государств с исторически сильной традицией назначения продолжительных сроков заключения [Хайраллин, 2019]. Вывод, который следует из анализа, заключается в том, что эффективность уголовной политики определяется последовательностью, системностью и ориентацией на долгосрочный результат – снижение уровня преступности через исправление личности и восстановление социальной справедливости.

Проведенный анализ по альтернативам изоляции в пенитенциарных системах стран членов ЕС позволяет сделать вывод об их академической ценности для общества. Современные исследования фиксируют успешные практики и закладывают концептуальные основы для дальнейшего совершенствования правосудия. В эпоху новых вызовов – от последствий пандемии до цифровизации контроля – идеи о балансе между наказанием и помощью, изоляцией и интеграцией обретают новую глубину. Альтернативы лишению свободы представляют собой сложную и наукоемкую сферу, требующую профессионализма, ресурсов и общественного диалога. Будущее альтернативных санкций будет определяться способностью сторонников реформ убедить общество в их эффективности, преодолеть институциональное сопротивление, обеспечить реальную защиту прав уязвимых категорий и добиться последовательной имплементации международных стандартов в национальное законодательство и правоприменительную практику.

Заключение

Проведенный анализ европейской практики применения мер, не связанных с изоляцией от общества, позволяет утверждать, что данное направление уголовной политики представляет собой сложный, многокомпонентный и динамично развивающийся институт. Обобщение исследовательских материалов свидетельствует о ключевом векторе эволюции пенитенциарных систем: переходе от репрессивной модели наказания к модели ресоциализации и социальной интеграции правонарушителей.

Основным выводом является подтверждение того, что эффективность альтернативных санкций зависит не только от их формального закрепления в законодательстве, но и от наличия развитой инфраструктуры, включающей специализированные службы пробации, институты гражданского общества и современные технологические решения. Успешность данной модели напрямую коррелирует с возможностью государства обеспечить не просто контроль, но и комплексное социальное сопровождение, направленное на устранение причин противоправного поведения.

Несмотря на позитивную динамику и расширение перечня альтернативных мер, их имплементация сопряжена с рядом системных проблем: неравномерность развития служб,

дефицит ресурсов и сопротивление местных сообществ. Критическое осмысление полученных данных, в частности, предупреждает об опасности «расширения сети» уголовно-правового контроля, когда альтернативы не заменяют тюремное заключение, а дополняют его, усиливая карательное воздействие.

Обращение к обобщенному европейскому опыту служит концептуальной основой для совершенствования национальных правовых систем. Движение к обществу, где изоляция от социума является исключительной, а не основной мерой, требует последовательной политической воли, профессионализма, научной обоснованности принимаемых решений и постоянного диалога с институтами гражданского общества. Только при соблюдении этих условий альтернативные санкции смогут реализовать свой потенциал как эффективный, рациональный и гуманный инструмент правосудия, обеспечивающий долгосрочную общественную безопасность.

Библиография

1. Агабекян А. Л. Эволюция механизма исполнения альтернативных наказаний в международных стандартах XXI века / А. Л. Агабекян // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.01.2026).
2. Гета М. Альтернативы наказанию: истоки, сущность, перспективы [Электронный ресурс] / М. Гета // Zakon.kz. – 2025. – 11 июня. – URL: <https://www.zakon.kz> (дата обращения: 04.01.2026).
3. Гольберг, К. А. Понятие и сущность наказаний, не связанных с изоляцией от общества: вопросы теории и методологии / К. А. Гольберг // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2018. – № 1. – С. 131-142. – EDN YWQSTJ.
4. Кузовлев, В. Ю. Использование возможностей средств навигации в установлении обстоятельств совершения преступлений / В. Ю. Кузовлев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4-2. – С. 159-165.
5. Ноздрина Н.А. Слабкая Д.Н. Экономические аспекты реализации программ ресоциализации осужденных: систематизация опыта зарубежных пенитенциарных систем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 3-1. С. 409-418.
6. Слабкая Д. Н. К вопросу о педагогических основах исправления осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10, № 4-1. – С. 142-147. – DOI 10.34670/AR.2021.55.50.007. – EDN NBEKIY.
7. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Гуманизация уголовного законодательства. Зарубежный опыт функционирования служб пробации // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 3-1. С. 106-114. DOI: 10.34670/AR.2020.93.3.018
8. Тюрма вместо браслета: во Франции принимают закон, заново ужесточающий наказания [Электронный ресурс] // RFI. – 2025. – 8 апреля. – URL: <https://www.rfi.fr/ru/> (дата обращения: 04.01.2026).
9. Тыныбеков, Н. Т. Регулирование института пробации в законодательстве зарубежных стран / Н. Т. Тыныбеков // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2019. – № 7. – С. 132-135.
10. Уткин В. А. Эволюция механизма исполнения альтернативных наказаний в международных стандартах XXI века / В. А. Уткин // Томский государственный университет. – URL: <https://www.tsu.ru> (дата обращения: 04.01.2026).
11. Хайруллин, В. И. Из пенитенциарного опыта скандинавских стран / В. И. Хайруллин, З. А. Юсупова // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1(38). – С. 82-85. – EDN ZACMXB.
12. Albrecht H. J. Imprisonment and alternatives to prisons: changes and prospects in a comparative perspective. – 2006.
13. Emaliawati E. et al. Effectiveness of Social Work Sanction as a Substitute for Imprisonment in The Perspective of Sentencing Purposes // Jurnal Penelitian Hukum De Jure. – 2022. – Т. 22. – №. 3. – С. 325-336.
14. Gazal-Ayal O., Roberts J. V. Alternatives to imprisonment: Recent international developments // Law & Contemp. Probs. – 2019. – Т. 82. – С. i.
15. Kahan D. M. What do alternative sanctions mean? // The University of Chicago Law Review. – 1996. – Т. 63. – №. 2. С. 591-653.
16. Lešková L., Haburajová Ilavská L., García Martín J. Alternative punishment as a suitable alternative to imprisonment // Journal of Education Culture and Society. – 2022. – Т. 13. – №. 2. – С. 39-54.
17. Ono T. Life imprisonment in Japan: the existing legal system and alternative sanctions for the death penalty // Life imprisonment in Asia. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2022. – С. 197-223.

18. Pântea A. The Efficiency of Alternative Punishments through the Prism of the Punitive System // *Acta Universitatis Danubius. Juridica*. – 2024. – T. 20. – №. 3. – C. 76-91.

Evolution of the Application of Alternative Measures to Isolation from Society: European Experience

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to the analysis of the European experience in the application of measures not involving isolation from society and its significance for the development of modern penitentiary systems. Key trends in the transformation of criminal policy are examined. Based on a synthesis of international recommendations, the main types of alternative sanctions (probation, community service, mediation) are systematized, and the conditions for their effectiveness, including the development of specialized social support services and infrastructure, are analyzed. Special attention is paid to contemporary challenges, such as the consequences of the pandemic, digitalization of control, risks of "net-widening" of criminal law influence, and the need to maintain a balance between supervisory effectiveness and human rights. The article also examines the problems of implementing European standards into national legislation, the role of civil society institutions, and the specifics of applying alternative measures to vulnerable population groups. It is concluded that the movement towards the exceptionality of imprisonment is the main path of development for legal systems, requiring professionalism, resources, and consistent political will.

For citation

Novikov A.V. (2026) *Evolutsiya primeneniya al'ternativnykh izolyatsii ot obshchestva mer nakazaniya: evropeyskiy opyt* [Evolution of the Application of Alternative Measures to Isolation from Society: European Experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 563-570. DOI: 10.34670/AR.2026.41.53.067

Keywords

Alternative measures of punishment; isolation from society; European experience; probation; resocialization; criminal policy; electronic monitoring; penitentiary system; human rights; social support.

References

1. Agabekyan A.L. *Evolutsiya mekhanizma ispolneniya al'ternativnykh nakazaniy v mezhdunarodnykh standartakh XXI veka* / A. L. Agabekyan // *KiberLeninka*. – URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 04.01.2026).

2. Geta M. Al'ternativy nakazaniyu: istoki, sushchnost', perspektivy [Elektronnyj resurs] / M. Geta // *Zakon.kz*. – 2025. – 11 iyunya. – URL: <https://www.zakon.kz> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
3. Gol'berg, K. A. Ponyatie i sushchnost' nakazaniy, ne svyazannyh s izolyaciej ot obshchestva: voprosy teorii i metodologii / K. A. Gol'berg // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. – 2018. – № 1. – S. 131-142. – EDN YWQSTJ.
4. Kuzovlev, V. Yu. Ispol'zovanie vozmozhnostej sredstv navigacii v ustanovlenii obstoyatel'stv soversheniya prestuplenij / V. Yu. Kuzovlev // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. – 2017. – № 4-2. – S. 159-165.
5. Nozdrina N.A. Slabkaya D.N. Ekonomicheskie aspekty realizacii programm resocializacii osuzhdennyh: sistematizaciya opyta zarubezhnyh penitencijarnyh sistem // *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2025. Tom 15. № 3-1. S. 409-418.
6. Slabkaya D. N. K voprosu o pedagogicheskikh osnovah ispravleniya osuzhdennyh k nakazaniyam, ne svyazannyh s izolyaciej ot obshchestva / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. – 2021. – T. 10, № 4-1. – S. 142-147. – DOI 10.34670/A.R.2021.55.50.007. – EDN NBEKIY.
7. Slabkaya D.N., Novikov A.V. Gumanizaciya ugolovnogo zakonodatel'stva. Zarubezhnyj opyt funkcionirovaniya sluzhb probacii // *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2020. Tom 10. № 3-1. S. 106-114. DOI: 10.34670/A.R.2020.93.3.018
8. Tyur'ma vmesto brasleta: vo Francii prinimayut zakon, zanovo uzhestochayushchij nakazaniya [Elektronnyj resurs] // RFI. – 2025. – 8 aprelya. – URL: <https://www.rfi.fr/ru/> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
9. Tynybekov, N. T. Regulirovanie instituta probacii v zakonodatel'stve zarubezhnyh stran / N. T. Tynybekov // *Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana*. – 2019. – № 7. – S. 132-135.
10. Utkin V. A. Evolyuciya mekhanizma ispolneniya al'ternativnyh nakazaniy v mezhdunarodnyh standartah XXI veka / V. A. Utkin // *Tomskij gosudarstvennyj universitet*. – URL: <https://www.tsu.ru> (data obrashcheniya: 04.01.2026).
11. Hajrullin, V. I. Iz penitencijarnogo opyta skandinavskih stran / V. I. Hajrullin, Z. A. Yusupova // *Evrazijskaya advokatura*. – 2019. – № 1(38). – S. 82-85. – EDN ZACMXB.
12. Albrecht H. J. Imprisonment and alternatives to prisons: changes and prospects in a comparative perspective. – 2006.
13. Emaliawati E. et al. Effectiveness of Social Work Sanction as a Substitute for Imprisonment in The Perspective of Sentencing Purposes // *Jurnal Penelitian Hukum De Jure*. – 2022. – T. 22. – №. 3. – S. 325-336.
14. Gazal-Ayal O., Roberts J. V. Alternatives to imprisonment: Recent international developments // *Law & Contemp. Probs*. 2019. – T. 82. – S. i.
15. Kahan D. M. What do alternative sanctions mean? // *The University of Chicago Law Review*. – 1996. – T. 63. – №. 2. – S. 591-653.
16. Lešková L., Haburajová Ilavská L., García Martín J. Alternative punishment as a suitable alternative to imprisonment // *Journal of Education Culture and Society*. – 2022. – T. 13. – №. 2. – S. 39-54.
17. Ono T. Life imprisonment in Japan: the existing legal system and alternative sanctions for the death penalty // *Life imprisonment in Asia*. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2022. – S. 197-223.
18. Pântea A. The Efficiency of Alternative Punishments through the Prism of the Punitive System // *Acta Universitatis Danubius. Juridica*. – 2024. – T. 20. – №. 3. – S. 76-91.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.46.91.072

Доктринальное толкование категории «тяжести» уголовного наказания в зарубежных правовых системах

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен концептуальному пересмотру традиционных представлений о «тяжести» лишения свободы в современной правовой доктрине зарубежных стран. Обосновывается недостаточность линейной модели, отождествляющей ослабление режимных требований с гуманизацией наказания, и рассматривается предлагаемый в современных исследованиях переход к системе координат, учитывающей не только степень принуждения, но и характер присутствия власти. На основе теоретического и эмпирического анализа выделяются четыре идеально-типические конфигурации пенитенциарных режимов («суровое и присутствующее», «суровое и отсутствующее», «легкое и присутствующее», «легкое и отсутствующее»), каждая из которых порождает качественно различные правовые состояния и субъективные переживания наказания. Раскрывается правовая природа «присутствия» власти как конститутивного элемента легитимного правопорядка в местах лишения свободы, обеспечивающего правовую определенность, эффективность средств защиты и противодействие неформальным иерархиям. Анализируются современные вызовы пенитенциарной системе (цифровизация, технологические трансформации), преобразующие конфигурацию властного присутствия.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Доктринальное толкование категории «тяжести» уголовного наказания в зарубежных правовых системах // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 571-579. DOI: 10.34670/AR.2026.46.91.072

Ключевые слова

Лишение свободы; тяжесть наказания; пенитенциарный режим; ведомственный надзор, легитимность наказания; правовая определенность; гуманизация; уголовно-исполнительное право; субъективное восприятие наказания; качественная дифференциация; цифровизация пенитенциарных систем; неформальные иерархии.

Введение

В современной юридической науке проблема определения сущности и содержания уголовного наказания традиционно занимает одно из центральных мест. Особую сложность и многогранность данный вопрос приобретает применительно к лишению свободы как наиболее распространенной и одновременно наиболее суровой форме государственного принуждения. Долгое время в правовой доктрине доминировал подход, рассматривающий «тяжесть» тюремного заключения как линейную величину, расположенную на единой шкале между полюсами суровости и мягкости [Трунцевский, 2021]. В рамках данной концепции любое ослабление режимных требований, сокращение объема ограничений и минимизация властного вмешательства в жизнь осужденных однозначно интерпретировались как движение в сторону прогресса и гуманизации, а усиление контроля и ужесточение порядка отбывания наказания – как регресс и архаизация пенитенциарной политики.

Однако накопленный теоретический и эмпирический материал, осмысленный в русле современной пенологической мысли, демонстрирует недостаточность и даже ошибочность данной аксиомы. Наблюдения за реальным функционированием исправительных учреждений выявили парадоксальный феномен: формальное «облегчение» условий содержания, сопровождающееся устранением власти из повседневной коммуникации с осужденными, нередко оборачивается усугублением депривации и ростом влияния неформальных криминальных иерархий [Блохин, 2024]. Данное обстоятельство ставит перед юридической доктриной принципиальный вопрос о необходимости пересмотра устоявшихся представлений о критериях оценки качества пенитенциарных режимов.

Настоящее исследование исходит из гипотезы, что категория «тяжести» лишения свободы не может быть редуцирована к одномерному континууму «суровость – либеральность». Для адекватного описания правовой реальности мест лишения свободы требуется переход к многомерной модели, учитывающей не только степень принуждения, но и характер присутствия власти, меру ее ответственности и диалогичности. Такой подход позволяет дифференцировать качественно различные типы пенитенциарных режимов, каждый из которых порождает специфическое переживание наказания и обладает потенциалом легитимации государственного принуждения. Особую актуальность данная проблематика приобретает в условиях современных вызовов: цифровизации пенитенциарных практик, поляризации тюремного населения и экстраординарных санитарно-эпидемиологических мер, существенно трансформировавших сложившиеся модели взаимодействия персонала и заключенных [Hatch, Nichols, Wang, 2023].

Целью настоящей работы является концептуальный анализ эволюции представлений о «тяжести» лишения свободы в правовой доктрине, обоснование перехода к модели оценки пенитенциарных режимов и выявление правовых последствий различных конфигураций властного присутствия в местах изоляции.

Основная часть

В современной правовой доктрине наказания категория «тяжести» лишения свободы традиционно воспринималась как линейная величина, располагающаяся на шкале между суровостью и либерализацией. Длительное время в юридической мысли доминировала презумпция, согласно которой минимизация принудительного воздействия и ослабление

властного присутствия в пенитенциарных учреждениях автоматически означают движение в сторону гуманизации и прогресса. Однако концептуальный анализ, предпринятый в рамках развития пенинологической теории, демонстрирует необходимость пересмотра этой аксиомы и перехода к более сложной, многомерной модели осмысления субъективного восприятия уголовного наказания [Фивейская, 2021].

Исходная посылка, требовавшая деконструкции, коренилась в устойчивой традиции восприятия власти в местах лишения свободы как исключительно подавляющей, ограничивающей и, следовательно, патологизируемой концепции. В рамках этой концепции любое «облегчение» режима содержания отождествлялось с повышением моральной приемлемости наказания. Однако эмпирическое наблюдение за функционированием пенитенциарных систем выявило парадоксальный эффект: институциональная среда, характеризующаяся отсутствием предсказуемого, видимого и последовательно реализуемого властного вмешательства [Ким, 2018]. В правовом измерении это создает вакуум легитимного порядка, который неизбежно заполняется неформальными иерархиями, действующими вне рамок правового поля. Более того, «легкость», понимаемая как пассивная бюрократическая дистанция или делегирование управления социальной жизнью учреждения самой среде заключенных, переживается как более глубокая форма депривации, нежели явное проявление официальной власти. Страдание, причиняемое безличной системой правил, не имеющей морально ответственного адресата, воспринимается как бессмысленное и потому особенно разрушительное для правосознания [Vannier, Nellis, 2023].

Правовая доктрина, ассимилировавшая эти наблюдения, предложила переход от одномерного континуума «суровость – либеральность» к многомерной модели. Качество жизни в условиях изоляции и, что более важно, легитимность режима с точки зрения правового статуса осужденного зависят от взаимодействия двух самостоятельных переменных: степени давления и степени вовлеченности персонала. В рамках данной модели могут быть дифференцированы четыре идеально-типических состояния пенитенциарного режима, каждое из которых обладает специфическими правовыми характеристиками и порождает качественно различные восприятия и переживания наказания [Слабая, 2026].

Первая конфигурация – «суровое и присутствующее» – соответствует традиционному представлению об ужесточенной тюрьме. Власть здесь является строго ограничивающей, однако персонализированной и прозрачной в своих требованиях. Правовая неопределенность минимальна: заключенный понимает основания применяемых к нему мер и способен прогнозировать последствия своих действий. Такая предсказуемость формирует определенный уровень доверия к власти, основанный на формальной рациональности и отсутствии произвола.

Вторая конфигурация – «суровое и отсутствующее» – фиксирует наиболее деструктивное с правовой и психологической точек зрения состояние. Давление сохраняется на высоком уровне: применяются строгие режимные требования, имеют место физические лишения и ограничения. У заключенного отсутствует легитимный канал коммуникации, а ограничения воспринимаются как бессмысленные, что провоцирует максимальный уровень фрустрации и делегитимации всей системы правоприменения.

Третья конфигурация – «легкое и присутствующее» – представляет собой идеал-типическую модель, к которой должна стремиться уголовно-исполнительная политика гуманизации наказания. Власть здесь активна, видима и ориентирована на установление диалога, но при этом не прибегает к избыточному принуждению. Легитимность режима

обеспечивается не страхом, а признанием разумности и справедливости применяемых правил.

Четвертая конфигурация – «легкое и отсутствующее» – является центральным объектом доктринальной критики. Внешне эта ситуация выглядит как прогрессивная либерализация: персонал не вмешивается в повседневную жизнь, минимизирует конфликтное взаимодействие, переходит на «дистанционное управление». Однако внутренне, с точки зрения субъекта наказания, данная конфигурация переживается как состояние правовой незащитности. Отсутствие видимой власти, способной защитить от произвола криминальных иерархий, обеспечить предсказуемость распорядка и выступить адресатом для переговоров, формирует у заключенного убеждение, что государство устранилось от исполнения своих обязательств по отношению к индивиду.

Ключевым выводом доктринального переосмысления является тезис о том, что власть должна быть не только сильной, но и зримой. Присутствие персонала, понимаемое не как тотальный надзор, а как доступность, взаимный диалог и готовность нести моральную ответственность за принимаемые решения, является конститутивным элементом легитимного правопорядка в местах лишения свободы. С правовой точки зрения, «присутствие» власти выполняет несколько критически важных функций. Во-первых, оно обеспечивает реализацию принципа правовой определенности. Заключенный должен не просто знать абстрактную норму, но и понимать, как она будет применена в его конкретной ситуации, и иметь возможность оспорить ее применение. Во-вторых, «присутствие» является условием реализации права на эффективное средство правовой защиты. Без идентифицируемого адресата жалобы механизмы административного и судебного обжалования теряют свою действенность. В-третьих, видимая и ответственная власть является единственным эффективным инструментом противодействия неформальным криминальным иерархиям, которые неизбежно возникают в правовом вакууме [Atkins, Maguire, Cleere, 2025]. Делегитимация власти в условиях «сурового и отсутствующего» или «легкого и отсутствующего» режимов имеет не только моральное, но и сугубо правовое измерение. Наказание, переживаемое как бессмысленное и произвольное, утрачивает способность выполнять функцию специальной превенции. Субъект, не понимающий логики применения к нему властных санкций и не признающий их справедливости, не может быть субъектом исправления. Он воспринимает назначенный ему срок не как меру юридической ответственности, а как форму безличного насилия, что полностью нивелирует воспитательный и предупредительный потенциал уголовного наказания [Уразбаев, 2017].

Одним из наиболее сложных вопросов, порожденных переосмыслением категории «тяжести», является проблема сопоставимости наказаний. Традиционная правовая доктрина оперирует преимущественно количественным измерением лишения свободы – его длительностью. Приговор, назначающий пять лет лишения свободы, рассматривается как единая мера, независимо от того, в каком учреждении, в каком режиме и с какой степенью присутствия власти этот срок будет отбываться [Vannier, Nellis, 2023]. Однако анализ демонстрирует, что два формально идентичных по длительности приговора могут быть радикально неравноценны по своей реальной исправительной мере. Пребывание в учреждении, функционирующем в режиме «легкого и присутствующего», принципиально отличается от пребывания в учреждении, находящемся в состоянии «сурового и отсутствующего». Это ставит перед правовой доктриной фундаментальный вопрос о необходимости учета не только количественного срока, но и качественной «плотности» или «интенсивности» наказания.

Определение параметров данной категории для целей судопроизводства наталкивается на объективные трудности.

Первая из них – проблема субъективной сопоставимости: возможно ли измерить «вес» тюремного заключения в единых единицах для разных индивидов, обладающих различной психологической устойчивостью и социальным опытом?

Вторая трудность – динамический характер пенитенциарного учреждения: его положение в координатах «суровости» и «присутствия» не является статичным и может радикально измениться в течение срока отбывания наказания. Тем не менее, сама постановка вопроса о необходимости качественной дифференциации наказания является неизбежным следствием развития правовой мысли.

Современная правовая доктрина не может игнорировать влияние технологических трансформаций на природу властного присутствия в местах лишения свободы. Внедрение систем видеозвонков, электронного документооборота, дистанционных форм коммуникации с родственниками и адвокатами, телемедицины и автоматизированных систем подачи жалоб радикально меняет конфигурацию взаимодействия между заключенным и учреждением [Молчанов, 2024]. Возникает вопрос о правовой квалификации виртуального присутствия. С точки зрения правовой доктрины, ответ зависит не от самого факта использования технологий, а от того, сохраняется ли при дистанционном взаимодействии ключевой элемент «присутствия» – возможность адресного диалога, способным принять решение и нести за него ответственность. Если цифровизация означает лишь автоматизацию безличных процедур, она усугубляет дефицит легитимности. Если же она становится инструментом повышения доступности персонала и прозрачности его действий, она может быть интегрирована в модель «легкого и присутствующего» режима.

Переосмысление категории «тяжести» уголовного наказания представляет собой концептуальный сдвиг, имеющий фундаментальное значение для правовой доктрины наказания. Отказ от линейной аксиомы «облегчение равно гуманизация» и переход к многомерной модели, учитывающей не только степень принуждения, но и степень видимости, ответственности и диалогичности власти, позволяет сформулировать более точные критерии оценки качества пенитенциарных режимов [Savushkin, Khramov, Agabekian, 2024].

Заключение

Проведенное исследование, посвященное переосмыслению категории «тяжести» лишения свободы в современной правовой доктрине, позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-ориентированное значение. Исходный посыл, заключавшийся в гипотезе о недостаточности и концептуальной ограниченности линейной модели «суровость – либеральность», нашел свое эмпирическое и теоретическое подтверждение. Традиционная презумпция, согласно которой любое ослабление режимных требований и минимизация властного вмешательства автоматически означают гуманизацию и прогресс, не выдерживает проверки при обращении к реальному функционированию пенитенциарных учреждений и анализу субъективного восприятия наказания лицами, отбывающими лишение свободы.

Ключевым доктринальным выводом исследования является тезис о том, что легитимный правопорядок в местах лишения свободы невозможен без зримого, ответственного и доступного носителя властных полномочий. Отсутствие власти, вне зависимости от того, маскируется ли

оно под либерализацию и «облегчение» режима или является следствием бюрократической дистанции и пассивности персонала, порождает состояние правовой неопределенности и субъективного переживания бессмысленности страдания. В условиях «легкого и отсутствующего» или «сурового и отсутствующего» режимов наказание утрачивает свои превентивные и исправительные функции, переставая быть мерой юридической ответственности. Делегитимация власти в таких конфигурациях имеет не только моральное, но и сугубо правовое измерение, поскольку подрывает саму возможность реализации принципов правовой определенности, эффективной защиты прав и противодействия неформальным криминальным иерархиям [Hatch, Nichols, Wang, 2023].

Правовая природа «присутствия» власти раскрывается через выполнение им ряда критически значимых функций. Во-первых, оно обеспечивает правовую определенность, позволяя осужденному не просто знать абстрактную норму, но и понимать логику ее применения в конкретной ситуации, прогнозировать последствия своих действий и оспаривать необоснованные решения. Во-вторых, присутствие власти является необходимым условием реализации права на эффективное средство правовой защиты, поскольку без идентифицируемого адресата жалобы и ответственного субъекта, способного принять решение и нести за него ответственность, механизмы административного и судебного обжалования утрачивают свою действенность. В-третьих, именно видимая и ответственная власть выступает единственным легитимным инструментом противодействия неформальным криминальным иерархиям, неизбежно заполняющим правовой вакуум, образующийся в условиях устранения государства от исполнения своих публичных обязательств.

Библиография

1. Блохин, Ю. И. Особенности правового регулирования исполнения лишения свободы в механизме достижения целей наказания / Ю. И. Блохин // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2024. – № 2(55). – С. 58-65. – EDN BHZMIE.
2. Канева, Т. М. Принцип правовой определенности и его место в системе общеевропейских процессуальных принципов / Т. М. Канева // Наука XXI века - взгляд в будущее : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 12 марта 2018 года. – Ставрополь: Центр научного знания "Логос", 2018. – С. 78-81. – EDN YSOFIE.
3. Ковальчук, И. А. Особенности коррекции эмоциональной сферы осужденных на различных этапах отбывания наказания / И. А. Ковальчук // Векторы психолого-педагогических исследований. – 2023. Т. 1, № 1. С. 108-117.
4. Ковалев, О. Г. Особенности реализации международных норм при обеспечении безопасности заключенных в зарубежных пенитенциарных системах / О. Г. Ковалев, А. В. Вилкова, А. В. Щербаков // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 3(49). – С. 35-41. – DOI 10.37523/SUI.2022.49.3.005.
5. Ким, В. В. Проблемы двойственного характера правового выражения изоляции осужденных к лишению свободы / В. В. Ким // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 3. – С. 100-104. – EDN XSMIFV.
6. Маслов В. А. Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18. - № 3. - С. 131–145. - DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
7. Молчанова, Т. Ю. Зарубежный опыт использования цифровых технологий в обучении заключенных / Т. Ю. Молчанова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 9(162). – С. 40-43. – EDN KALTDN.
8. Пикина, Т. В. Категоризация осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, и ее влияние на правовой статус осужденного / Т. В. Пикина, И. А. Тараканов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 2. – С. 192-196.
9. Слабая Д.Н. Дифференцированный подход в концепции пенитенциарной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 1-1. С. 120-129. DOI: 10.34670/AR.2026.88.80.015

10. Трунцевский, Ю. В. Цели наказания лишением свободы / Ю. В. Трунцевский // Вестник Югорского государственного университета. – 2021. – № 4(63). – С. 120-125. – DOI 10.17816/byusu202104120-125. – EDN FJDAEJ.
11. Уразбаев, Р. Ш. О достижимости и приоритетности целей наказания / Р. Ш. Уразбаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 218-225.
12. Фивейская Л.В. Социальные и идеологические особенности становления современной пенитенциарной практики и пенологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010
13. Atkins D., Maguire N., Cleere G. Experiences of sentencing and the pains of punishment: Prisoners' perspectives //International journal of offender therapy and comparative criminology. – 2025. – Т. 69. – №. 1. – С. 79-101.
14. Vannier M., Nellis A. 'Time's relentless melt': The severity of life imprisonment through the prism of old age //Punishment & Society. – 2023. – Т. 25. – №. 5. – С. 1271-1292.
15. Hatch S. M., Nichols Z. C., Wang E. A Perspective on Using the Addiction Severity Index in Prison Populations //Alcoholism Treatment Quarterly. – 2023. – Т. 41. – №. 4. – С. 442-455.
16. Savushkin S. M., Khramov A. A., Agabekian A. L. The effectiveness of a progressive system of serving a sentence in the form of imprisonment: Psychological and legal aspects //Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17. – №. 6. – С. 1153-1162.
17. Franco C., Harding D. J., Bushway S. D. Failing to follow the rules: Can imprisonment lead to more imprisonment without more actual crime?. – 2022.
18. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach //Journal of Experimental Criminology. – 2024. – Т. 20. – №. 3. – С. 973-1004.
19. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach //Journal of Experimental Criminology. – 2024. – Т. 20. – №. 3. – С. 973-1004.
20. Yasrebi-De Kom F. M. et al. The effect of sanction severity and its interaction with procedural justice //Criminal Justice and Behavior. – 2022. – Т. 49. – №. 2. – С. 200-219.
21. Zysk K. G. Taking life imprisonment seriously: in national and international law. – Brill, 2002.

Doctrinal Interpretation of the Category of "Severity" of Criminal Punishment in Foreign Legal Systems

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to a conceptual revision of traditional ideas about the "severity" of imprisonment in the modern legal doctrine of foreign countries. The insufficiency of the linear model, which equates the relaxation of regime requirements with the humanization of punishment, is substantiated, and the transition proposed in contemporary research to a coordinate system that takes into account not only the degree of coercion but also the nature of the presence of authority is examined. Based on theoretical and empirical analysis, four ideal-typical configurations of penitentiary regimes are identified ("harsh and present," "harsh and absent," "light and present," "light and absent"), each of which generates qualitatively different legal states and subjective experiences of punishment. The legal nature of the "presence" of authority as a constitutive element of a legitimate legal order in places of detention, ensuring legal certainty, the effectiveness of means of protection, and counteraction to informal hierarchies, is revealed. Contemporary challenges to the

penitentiary system (digitalization, technological transformations) that transform the configuration of the presence of authority are analyzed.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Doktrinal'noye tolkovaniye kategorii "tyazhesti" ugovnogo nakazaniya v zarubezhnykh pravovykh sistemakh [Doctrinal Interpretation of the Category of "Severity" of Criminal Punishment in Foreign Legal Systems]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 571-579. DOI: 10.34670/AR.2026.46.91.072

Keywords

Imprisonment; severity of punishment; penitentiary regime; departmental supervision; legitimacy of punishment; legal certainty; humanization; penal enforcement law; subjective perception of punishment; qualitative differentiation; digitalization of penitentiary systems; informal hierarchies.

References

1. Blokhin, Yu. I. Features of legal regulation of the execution of deprivation of liberty in the mechanism for achieving the goals of punishment / Yu. I. Blokhin // *Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. – 2024. – No. 2(55). – pp. 58-65. – EDN BHZMIE.
2. Kaneva, T. M. The principle of legal certainty and its place in the system of pan-European procedural principles / T. M. Kaneva // *Science of the 21st century - a look into the future: collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference, Stavropol, March 12, 2018*. – Stavropol: Center for Scientific Knowledge "Logos", 2018. – P. 78-81. – EDN YSOFIE.
3. Kovalchuk, I. A. Features of correction of the emotional sphere of convicts at various stages of serving a sentence / I. A. Kovalchuk // *Vectors of psychological and pedagogical research*. – 2023. – T. 1, No. 1. – P. 108-117.
4. Kovalev, O. G. Features of the implementation of international standards when ensuring the safety of prisoners in foreign penitentiary systems / O. G. Kovalev, A. V. Vilkova, A. V. Shcherbakov // *Bulletin of the Samara Legal Institute*. – 2022. – No. 3(49). – P. 35-41. – DOI 10.37523/SUI.2022.49.3.005.
5. Kim, V. V. Problems of the dual nature of the legal expression of isolation of those sentenced to imprisonment / V. V. Kim // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. – 2018. – No. 3. – P. 100-104. – EDN XSMIFV.
6. Maslov V. A. Dominance of imprisonment in the structure of imposed punishments: problems of law enforcement practice // *Current problems of Russian law*. – 2023. – T. 18. – No. 3. – P. 131–145. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.148.3.131-145.
7. Molchanova, T. Yu. Foreign experience in using digital technologies in training prisoners / T. Yu. Molchanova // *Global scientific potential*. – 2024. – No. 9(162). – pp. 40-43. – EDN KALTDN.
8. Pikina, T.V. Categorization of those sentenced to punishments associated with isolation from society, and its impact on the legal status of the convicted person / T.V. Pikina, I.A. Tarakanov // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences*. – 2019. – T. 5 (71), No. 2. – P. 192-196.
9. Slabkaya D.N. Differentiated approach to the concept of penitentiary psychology // *Psychology. Historical-critical reviews and modern research*. 2026. T. 15. No. 1-1. pp. 120-129. DOI: 10.34670/AR.2026.88.80.015
10. Truntsevsky, Yu. V. Purposes of punishment by imprisonment / Yu. V. Truntsevsky // *Bulletin of Ugra State University*. – 2021. – No. 4(63). – pp. 120-125. – DOI 10.17816/byusu202104120-125. – EDN FJDAEJ.
11. Urazbaev, R. Sh. On the achievability and priority of the goals of punishment / R. Sh. Urazbaev // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. – 2017. – No. 4. – P. 218-225.
12. Fiveyskaya L.V. Social and ideological features of the formation of modern penitentiary practice and penology // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2021. Volume 10. No. 5A. pp. 94-102. DOI: 10.34670/AR.2021.58.67.010
13. Atkins D., Maguire N., Cleere G. Experiences of sentencing and the pains of punishment: Prisoners' perspectives // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. – 2025. – T. 69. – No. 1. – pp. 79-101.
14. Vannier M., Nellis A. 'Time's relentless melt': The severity of life imprisonment through the prism of old age // *Punishment & Society*. – 2023. – T. 25. – No. 5. – pp. 1271-1292.
15. Hatch S. M., Nichols Z. C., Wang E. A Perspective on Using the Addiction Severity Index in Prison Populations // *Alcoholism Treatment Quarterly*. – 2023. – T. 41. – No. 4. – pp. 442-455.

16. Savushkin S. M., Khramov A. A., Agabekian A. L. The effectiveness of a progressive system of serving a sentence in the form of imprisonment: Psychological and legal aspects // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. – 2024. – T. 17. – No. 6. – pp. 1153-1162.
17. Franco C., Harding D. J., Bushway S. D. Failing to follow the rules: Can imprisonment lead to more imprisonment without more actual crime?. – 2022.
18. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach // Journal of Experimental Criminology. – 2024. – T. 20. – No. 3. – pp. 973-1004.
19. Stam M. T. C. et al. The effects of imprisonment length on recidivism: a judge stringency instrumental variable approach // Journal of Experimental Criminology. – 2024. – T. 20. – No. 3. – pp. 973-1004.
20. Yasrebi-De Kom F. M. et al. The effect of sanction severity and its interaction with procedural justice // Criminal Justice and Behavior. – 2022. – T. 49. – No. 2. – pp. 200-219.
21. Zysk K. G. Taking life imprisonment seriously: in national and international law. – Brill, 2002.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.89.29.070

Некоторые аспекты развития международно-правового регулирования борьбы с колониализмом в рамках деятельности Лиги Наций и ООН

Ивлюшкин Александр Сергеевич

Преподаватель,
кафедра публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности,
Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинский, 65/1;
e-mail: a.s.ivlyushkin@mail.ru

Аннотация

В статье проанализировано содержание некоторых международно-правовых актов относительно их применимости к регулированию борьбы с колониализмом. Выделен перечень сфер, связанный с проявлениями колониализма напрямую и требующий более подробного международно-правового регулирования. Данная работа является первой в качестве результатов исследования автором международно-правовых основ противодействия неоколониализму. В исследовании автор определяет значение ряда основополагающих международно-правовых актов в сфере регулирования и противодействия колониализму. В заключении показано, что анализ международно-правовых актов в сфере борьбы с колониализмом позволяет углубить понимание некоторых аспектов истории развития концептуальной и организационной основ деколонизации, однако выделенные нами сферы научного интереса и существующий значительный перечень международно-правовых актов требуют дальнейших изысканий.

Для цитирования в научных исследованиях

Ивлюшкин А.С. Некоторые аспекты развития международно-правового регулирования борьбы с колониализмом в рамках деятельности Лиги Наций и ООН // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 580-589. DOI: 10.34670/AR.2026.89.29.070

Ключевые слова

Международное право, колониализм, деколонизация, неоколониализм, Лига Наций, ООН, международная система опеки, самоуправляющиеся территории, принцип равноправия и самоопределения народов, *par in parem non habet imperium*.

Введение

4 декабря 2024 года в резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 79/115 «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам: искоренение колониализма во всех его формах и проявлениях» вновь была отмечена приверженность Организации цели незамедлительного и безоговорочного окончания всех форм и проявлений колониализма, искоренение которых, несмотря на более 60 лет планомерной деятельности членов ООН и самой Организации, было не завершено. Указанный незавершенный характер проявляется в рамках существования некоторых территорий, не достигших «полного осуществления своего права на самоопределение» [Резолюция 79/115 Генеральной Ассамблеи ООН, 2024, [www](#)]. В связи с чем, исследование международно-правовых концептуальных и институциональных основ борьбы с колониализмом и его проявлениями продолжает оставаться значимой сферой теоретического познания в целях практического применения знаний в рамках продолжающегося процесса деколонизации. Также подобные исследования представляют собой научную ценность в рамках противодействия отдельными странами современным практикам неоколониализма [Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова ..., 2024, [www](#)].

Международно-правовое регулирование колониализма в рамках деятельности Лиги Наций

Впервые существование колониализма, реализуемого посредством разнообразных моделей в отношении ряда территорий, и меры, направленные на его регулирование в международном праве были закреплены в Уставе (Статуте) Лиги Наций, вступившего в силу в 1920 году. Подобный шаг, по мнению отечественного исследователя Андреевой Г.Н., был вызван «утверждением на международном уровне идей демократии и равноправия народов как неотъемлемых черт цивилизованного устройства государств и международного правопорядка», которое «сопровождалось мощным национально-освободительным движением в XX в.» [Андреева, 2021, 13]. Вместе с реализацией указанных идей «работа политического альянса была нацелена и на защиту территориальной целостности государств-членов от внешней агрессии», что отмечал исследователь колониальных конфликтов Смирнов М.Г. [Смирнов, 2023, 585].

В анализируемом акте разграничивался статус доминионов или колоний, которые управляются свободно, и колоний и территорий «которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира» [Версальский мирный договор, 1925, 13]. В то время как, согласно статье 1 Устава [Версальский мирный договор, 1925, 7], у субъектов первой группы возникало право стать Членом Лиги, в отношении народов и территорий второй группы на основании статьи 22 Устава создавалась система мандатов, в рамках которой они провозглашались объектами опеки передовых наций – Мандатариев. В пункте 3 статьи 22 был установлен неисчерпывающий перечень обстоятельств дифференциации территорий, в том числе и степень развития, достаточная для их временного призвания и последующего достижения самостоятельности. Оценка территорий на основании данного перечня стала предпосылкой закрепления мандатов по трем классам: А, В и С. При этом «священной миссией цивилизации» провозглашалось в пункте 1 статьи 22 Устава

«благосостояние и развитие этих народов». Деятельность по достижению указанной цели предполагала в том числе и «обеспечить справедливый режим для туземного населения на территориях, подчиненных их управлению», в соответствии с пунктом «б» статьи 23 [Версальский мирный договор, 1925, 14]. Анализируя причины закрепления подобного положения в Уставе, один из крупнейших советских ученых в сфере исследования колониализма и деколонизации профессор Моджорян Л.А. отмечала, что «После Великой Октябрьской социалистической революции ... великие западные державы, вынужденные считаться с общественным мнением, подтвердили в ряде международно-правовых актов основные права и обязанности государств и наций, пытаясь вместе с тем выхолостить их демократическое содержание и подменить их ни к чему не обязывающими декларациями» [Моджорян, 1959, 284]. В заключение анализа первых международно-правовых положений в сфере регулирования колониализма, важно подчеркнуть, что решить заявленную в Уставе задачу обеспечения перехода колоний к независимости в рамках мандатной системы не удалось. Оценивая подобные результаты, Ходнев А.С. указывал, что «Ограниченную независимость получила лишь одна подмандатная территория Ирак... В остальных странах с предоставлением независимости возникли сложности, причиной которых была, прежде всего, политика мандатариев, которая приводила к кризисам и конфликтам, затягивавшим признание их суверенитета» [Ходнев, 1996, 24].

Устав ООН как основополагающий международно-правовой акт в сфере регулирования борьбы с колониализмом

Следующее значительное международно-правовое регулирование анализируемой сферы нашло свое выражение вследствие попытки преодоления недостатков Лиги Наций по решению ряда ключевых проблем под эгидой Организации Объединенных наций и непосредственно в ее Уставе. При этом отказ от тирании в отношении всех народов мира был зафиксирован в «Тегеранской конференции, подписанной 1 декабря 1943 г. руководителями трех держав – СССР, США и Великобритании», а в «Декларации об освобожденной Европе», подписанной руководителями тех же трех держав в Крыму в феврале 1945 г.» восстановление суверенных прав и самоуправления народов было отмечено в качестве одной из задач послевоенного развития международных отношений [Моджорян, 1955, 73]. 6 мая 1945 года глава делегации СССР на пресс-конференции в Сан-Франциско, возлагая надежды на международное сотрудничество в рамках ООН, «которая должна действовать в духе ускорения осуществления принципов равноправия и самоопределения народов», отмечал необходимость «заботиться прежде всего о том, чтобы зависимые страны поскорее могли выйти на дорогу национальной независимости» в интересах международной безопасности [Крылов, 1949, 161].

Подвергая анализу Устав ООН, можно отметить, что целям деколонизации уже служит положение преамбулы Устава, согласно которому провозглашается решимость «вновь утвердить веру ... в равенство прав больших и малых наций» [Устав ООН, [www](#)]. Значимость принципа равноправия и самоопределения народов отмечается в пункте 2 статьи 1 в качестве утверждения основы реализации такой цели Организации как развитие дружественных отношений между нациями. Подобное положение и применимость к нему принципа равноправия и самоопределения народов также подтверждается в статье 55 Устава.

Особого внимания заслуживает статья 73 Устава, которая констатирует существование несамоуправляющихся территорий – территорий с не достигшими полного самоуправления

народами, и содержит перечень обязательств членов ООН, несущих и принимающих ответственность за управление такими территориями. Декларируемый «священный долг» о максимальном способствовании благополучию населения таких территорий при признании его интересов в качестве первостепенных и на основе общего принципа добрососедства должен быть реализован посредством ряда действий государственного строительства. К таковым в том числе отнесли и следующие: обеспечение всемерного прогресса народов при соблюдении уважении к их культуре; обеспечение прогрессивного политического развития и самоуправления с учетом местной специфики и степенью развития; реализация мероприятий созидательной направленности. При этом в пункте «е» статьи 73 закрепляется отсутствие тождественности понятий самоуправляющихся территорий и территорий, в отношении которых применимы положения Глав XII и XIII. Критерием дифференциации является распространение обязанности государств, ответственных за управление территории, предоставлять Генеральному Секретарю ООН широкий перечень информации, которое не действует в отношении территорий, чей статус регулируется отмеченными главами.

Глава XII Устава ООН направлена на утверждение новой международной системы опеки, включение территорий в которую возможно по индивидуальным соглашениям об опеке. Перечень категорий таких территорий содержится в пункте 1 статьи 77, который в качестве категории пп. «а» на момент принятия Устава провозглашал все существующие подмандатные территории, тем самым декларируя определенную преемственность с положениями Устава Лиги Наций. К иным двум категориям пп. «b» и «с» соответственно относятся территории, в отношении которых сохраняется возможность отторжения «от вражеских государств в результате второй мировой войны», и территории, включение которых в указанную систему было осуществлено добровольно ответственными за их управление государствами. В первые годы существования указанной системы статусом «территории под опекой» были наделены 11 территорий [Международная система опеки, [www](http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/mandate.html)]. При этом Член Организации не мог подпадать под действие системы опеки на основании статьи 78, в то время как условия соглашения опеки должны были соответствовать исключительным условиям существования и развития территорий, определяя управляющую власть в лице одного и более государств непосредственно ООН, согласно статье 81. Создаваемая система, благодаря положениям статей 82-84, включалась в «дело поддержания международного мира и безопасности» путем возможности создавать на территориях под опекой стратегические районы в целях реализации положений статьи 43 Устава.

Субъектами институциональной основы для обеспечения международной системы опеки, на основании статей 83 и 85 Устава, являются Генеральная Ассамблея ООН в отношении территорий под опекой за исключением стратегических районов; Совет Безопасности в отношении стратегических районов, в то время как Совет по Опеке выполняет вспомогательную функцию под руководством Генеральной Ассамблеи. Именно статусу, ключевым полномочиям и порядку формирования и голосования данного Совета и посвящена Глава XIII Устава.

Давая оценку деятельности СССР на поприще международно-правового регулирования колониализма и борьбы с ним, Моджорян Л.А. отмечала следующее: «Вступая в Лигу наций, Советский Союз осудил систему мандатов...» [Моджорян, 1959, 284] «как разновидность колониальной зависимости» [Моджорян, 1959, 291]. Уже при формировании ООН принципиальная позиция СССР и иных социалистических стран была направлена на включение права наций на самоопределение в Устав Организации, а одним из ключевых направлений дальнейшей деятельности Советского государства являлось «подтверждение и конкретизация

этого права» [Моджорян, 1959, 291]. Так, к примеру, при составлении Устава ООН значительный вклад в разработку статей 76, 86 и 87 внес именно советский представитель. «... второе и третье советское предложение были приняты полностью (статьи 86-87 Устава ООН), а первое легло в основу ст. 76 Устава» [Моджорян, 1961, 123]. Окончательная формулировка 76 статьи содержала менее радикальное требование самоуправления и независимости вместо предлагаемых советской стороной «полной национальной независимости», которая нашла «жесточенное сопротивление колонизаторов» [Моджорян, 1961, 123] и «явилась результатом большой борьбы и согласования взглядов» [Сперанская, 1959, 412]. Значительная дискуссия также возникла и в определении круга несамоуправляющихся территорий, который так и не был определен [Моджорян, 1961, 124]. При этом важно отметить, что по смыслу положений Устава ООН, посвященных несамоуправляющимся территориям и системе опеки, данные международно-правовые институты имеют временный характер, а попытка намеренного противодействия прогрессивному развитию самосознания и свободному самоопределению народов является нарушением положений Устава и современного международного права [Моджорян, 1961, 125].

Указанные положения Устава ООН и дискуссионные вопросы нашли свое развитие в значительном перечне международно-правовых актах, принимаемых в основном под эгидой ООН. Между тем, в данный период, по мнению отечественного исследователя Андреевой Г.Н., «предоставление независимости колониальным народам все чаще приобретает характер неизменного слогана международных документов, но не сопровождается разработкой международно-правовых механизмов решения проблем, порожденных колониализмом» [Андреева, 2021, 16-17]. Ученый отмечает, что, несмотря на получение независимости некоторым перечнем территорий, колониальные империи, соответствуя международно-правовым тенденция в деколонизации, разработали альтернативу национально-освободительным движениям и «сначала британская империя, а вслед за ней и французская начали преобразовываться в Содружества» [Андреева, 2021, 17].

Значение Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам для международно-правового регулирования борьбы с колониализмом

Очередной вехой в развитии международно-правового регулирования борьбы с колониализмом стало принятие 14 декабря 1960 году резолюции 1514 (XV) – Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Данная декларация стала своеобразным ответом ООН на противодействие ряда стран реализации ключевых принципов международного права, заложенных в Уставе ООН, путем ограничения вплоть до военного подавления стремлений к самоопределению народов и территорий, находящихся в колониальной зависимости, явно утвердила позицию ООН и оценку колониализма во всех его проявлениях как явления, противоречащего идеалам Организации [Резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН, [www](http://www.un.org)]. Впервые в резолюции Генеральной Ассамблеи торжественно провозглашалась необходимость положить конец колониализму. Радикальность требования заключалась в наличии сроков и условий – незамедлительно и безоговорочно. Теперь именно зависимые народы признавались субъектами достижения собственной независимости, в то время как конфликты, возникающие в связи с отказом в свободе или препятствованием в достижении ее, провозглашались угрозой всеобщему миру. На подобную

оценку колониальных конфликтов прямо указывала Моджорян Л.А. в своих трудах, отмечая, что «колониальная война должна квалифицироваться как вооруженная агрессия, угрожающая миру и безопасности», а «вооруженная борьба ... против колониальной войны – законная самооборона от агрессии...» [Моджорян, 1961, 125]. При этом была выражена убежденность в препятствовании международному прогрессивному развитию при сохранении колониализма и признано всемирное желание покончить со всеми его проявлениями. Вместе с тем в данной декларации был выделен перечень сфер, связанный с проявлениями колониализма напрямую и требующий более подробного международно-правового регулирования, нашедший свое научное развитие, в том числе и в отечественной правовой науке. К таковым следует относить реализацию права народов на свободное распоряжение своими естественными богатствами и ресурсами; противодействие практикам сегрегации и дискриминации; обеспечение целостности национальной территории народов.

В целях осуществления указанных положений в пункте 1 Резолюции Генеральная Ассамблея также приравнивала колониальные практики к отрицанию основных прав человека. В качестве таких практик в пункте приводятся «подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация». На наш взгляд применимость подобной формулировки и выделение критериев отнесения действий государств к указанным практикам требует дальнейших научных изысканий в рамках исследования современного неокOLONИЗМА. В свою очередь Моджорян Л.А. прямо отмечала, что отказ от всех проявлений колониализма предполагает «требование ликвидации ... от открытого колониального режима до замаскированных его форм» [Моджорян, 1961, 138]. В пункте 2 анализируемой декларации отмечено, что право на самоопределение народов реализуется в рамках установления политического статуса и развития экономической, социальной и культурной сфер. При этом пункт 3 прямо отмечает, что недостаточная подготовленность или развитость в тех или иных областях не должны быть основанием для задержки достижения независимости, что прямо противоречит принципам дифференциации территорий, заложенным в Уставе Лиги Наций, демонстрируя значительную степень изменения норм международного права за 40 лет. В пунктах 4 и 6 вновь подтверждается неправомерность любых военных действий или репрессивных мер против зависимых народов, и акцентируется внимание на уважении национального единства и территориальной целостности стран, нарушение которых, на наш взгляд, могли повлечь сохранение тех или иных форм колониального господства и эксплуатации. При этом согласно пункту 5, передача власти народам должна сопровождаться свободным волеизъявлением без осуществления мер дискриминационной политики и без условий и оговорок. Основаниями дискриминации по этому пункту провозглашались принадлежность к расе и религии, а также цвет кожи.

Анализируя историю внесения проекта Декларации и принятия окончательной редакции резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, утвердившей Декларацию, один из крупнейших советских исследователей в сфере международного права Тункин Г.И., подчеркивал, что примененная формулировка «подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация» тождественна колониальной системе. «Задача теперь состоит в том, чтобы добиваться неуклонного проведения в жизнь постановления этой исторической декларации», – отмечал ученый [Тункин, 1961, 18]. Подтверждая принципиальную позицию социалистических стран по вопросу необходимости уничтожения «колониальной системы империализма», а также значение принципов советского проекта, положенных в основу Декларации, Моджорян Л.А. прямо указывала, что принятие анализируемой декларации подтвердило «существование нормы

права, закрепляющей противоправность колониализма» [Моджорян, 1962, 37-38]. Последствием этого следует в первую очередь считать «признание международным деликтом всяких попыток колониальных держав продлить существование колониализма или насильственно навязать свою волю...» [Моджорян, 1962, 38]. Вместе с тем Тузмухамедов Р.А. отмечал в своих работах, что раскрытие права народов на самоопределение «как права на свободный выбор народом общественного строя» в условиях мирного сосуществования противоположных общественных систем как раз и произошло с закреплением Декларации, а именно пункта 2. При этом, именно этот 1960 год, «год Африки» ученый назвал переломным в деле рассмотрения колониальных проблем, когда «резкий перевес численности государств антиколониального фронта в ООН сделал возможным принятие исторической Декларации» [Тузмухамедов, 1966, 48-49]. Ушаков Н.А. в своих исследованиях также подтверждал, что принятая декларация «подчеркнула всеобъемлющий характер принципа самоопределения» [Ушаков, 1966, 63]. Анализируя соответствие советского проекта и окончательной редакции Декларации, отечественный исследователь Фитуни Л.Л. утверждал, что включение некоторых предложений советской стороны в текст Декларации «стало существенным фактором, не давшим разгореться сотням возможных вооруженных конфликтов» [Фитуни, 2020, 10]. Подобная оценка Декларации видных деятелей науки, несмотря на наличие внутренних противоречий и коллизий, подтверждает значение указанного международно-правового акта.

Заключение

В заключение, необходимо отметить, что анализ указанных выше международно-правовых актов в сфере борьбы с колониализмом позволяет углубить понимание некоторых аспектов истории развития концептуальной и организационной основ деколонизации, однако выделенные нами сферы научного интереса и существующий значительный перечень международно-правовых актов требуют дальнейших изысканий.

Библиография

1. Андреева Г.Н. Эволюция международно-правового регулирования деколонизации в контексте проблем правовых механизмов предотвращения сецессии // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2021. – № 3. – С.10–21.
2. Версальский мирный договор = Версаль / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина; со вступительной статьей Ю. В. Ключникова и предметным указателем. – Москва: Изд. Литиздата НКВД, 1925. – XXXI, 198 с. – (Итоги Империалистической войны: серия мирных договоров).
3. Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе Форума сторонников борьбы с современными практиками неоколониализма – «За свободу наций!». Москва, 16 февраля 2024 г. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1932745/ (дата обращения: 17.11.2025).
4. Крылов С.Б. Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Вып. 1. Создание текста Устава Организации объединенных наций. – М., Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 344 с.
5. Международная система опеки. URL: <https://www.un.org/dppa/decolonization/ru/history/international-trusteeship-system-and-trust-territories> (дата обращения: 18.11.2025).
6. Моджорян Л.А. Основные права и обязанности субъектов международного права // Советский ежегодник международного права 1958. – Изд.: АН СССР, Москва, 1959. – С. 277-295.
7. Моджорян Л.А. Понятие суверенитета в международном праве // Советское государство и право. – Изд.: АН СССР, 1955. – №1. – С. 68-76.
8. Моджорян Л.А. Распад колониальной системы Империализма и некоторые вопросы международного права // Советский ежегодник международного права 1961. – Изд.: АН СССР, Москва, 1962. – С. 36-49.
9. Моджорян Л.А. Распад колониальной системы империализма и Организация Объединенных Наций // Советский ежегодник международного права 1960. – Изд.: АН СССР, Москва, 1961. – С. 121-143.

10. Резолюция 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. 14 декабря 1960 г. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/1514\(XV\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/1514(XV)) (дата обращения: 18.11.2025).
11. Резолюция 79/115 Генеральной Ассамблеи ООН. Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам: искоренение колониализма во всех его формах и проявлениях. 4 декабря 2024 г. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/115> (дата обращения: 17.11.2025).
12. Смирнов М.Г. Пакт Бриана-Келлога и его международно-правовое значение // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 3-1. – С. 583-590.
13. Сперанская Л.В. Алжирская нация и вопрос о ее правосубъективности в международном праве // Советский ежегодник международного права 1958. – Изд.: АН СССР, Москва, 1959. – С. 408-421.
14. Тузмухамедов Р.А. ООН и ликвидация колониализма // Советский ежегодник международного права 1964-1965. – Изд.: АН СССР, Москва, 1966. – С. 48-59.
15. Тункин Г.И. Вступительная статья // Советский ежегодник международного права 1960. – Изд.: АН СССР, Москва, 1961. – С. 15-27.
16. Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 17.11.2025).
17. Ушаков Н.А. Субъекты современного международного права // Советский ежегодник международного права 1964-1965. – Изд.: АН СССР, Москва, 1966. – С. 60-75.
18. Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! // Ученые записки Института Африки РАН. – 2020. – № 4 (53). – С. 5-17.
19. Ходнев А.С. Лига наций и колониальный вопрос 1919-1939. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1996. – 32 с.

Some aspects of the development of international legal regulation of the fight against colonialism within the framework of the activities of the League of Nations and the United Nations

Aleksandr S. Ivlyushkin

Lecturer,
Department of Public and International
Legal Support of National Security,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU),
65/1, 119991, Leninsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.s.ivlyushkin@mail.ru

Abstract

The article analyzes the content of some international legal acts regarding their applicability to regulating the fight against colonialism, the eradication of all forms and manifestations of which has not been completed, despite more than 60 years of systematic activity by the Members of the United Nations and the Organization itself. Based on the analysis, a list of areas is identified that are directly related to the manifestations of colonialism and require more detailed international legal regulation. These include the realization of the right of peoples to freely dispose of their natural wealth and resources.; countering the practices of segregation and discrimination; ensuring the integrity of the national territory of peoples. This work is the first as the results of the author's research on the international legal foundations of countering neocolonialism. When developing the formulated topic of scientific research, special attention is paid to the works of Soviet scientists and specialists in the field of international law. In the study, the author defines the importance of a number of fundamental international legal acts in the field of regulation and counteraction to colonialism, namely the Charter

(Statute) The League of Nations, the UN Charter and the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples, adopted on December 14, 1960 by the resolution of the UN General Assembly Resolution 1514 (XV).

For citation

Ivlyushkin A.S. (2026) Nekotorye aspekty razvitiya mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya bor'by s kolonializmom v ramkakh deyatelnosti Ligi Natsiy i OON [Certain Aspects of the Development of International Legal Regulation of the Fight against Colonialism within the Framework of the League of Nations and the UN]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 580-589. DOI: 10.34670/AR.2026.89.29.070

Keywords

International law, colonialism, decolonization, neocolonialism, League of Nations, UN, international trusteeship system, non-self-governing territories, principle of equal rights and self-determination of peoples, *par in parem non habet imperium*.

References

1. Andreeva, G.N. (2021), The evolution of international legal regulation of decolonization in the context of the problems of legal mechanisms for preventing secession [Evolutsiya mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya dekolonizatsii v kontekste problem pravovykh mekhanizmov predotvrashcheniya setsessii] // *Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs*, № 3, pp.10-21.
2. Fituni, L.L. (2020), Bring to an end the process of decolonization! [Dovesti do kontsa protsess dekolonizatsii] // *Scientific notes of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*, № 4 (53), Pp. 5-17.
3. Khodnev, A.S. (1996), The League of Nations and the colonial question 1919-1939; Author's thesis [Liga natsii i kolonial'nyi vopros 1919-1939: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk], Moscow, 32 p.
4. Krylov, S.B. (1949), Materials on the history of the United Nations. Issue 1. The creation of the text of the Charter of the United Nations [Materialy k istorii Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Vyp. 1. Sozdanie teksta Ustava Organizatsii ob"edinennykh natsii], Moscow, L.: Publishing House and 2nd type. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 344 p.
5. Mojorian, L.A. (1955), The concept of sovereignty in international law [Ponyatie suvereniteta v mezhdunarodnom prave] // *Sovetskoe gosudarstvo i parvo*, Ed.: USSR Academy of Sciences, № 1, pp. 68-76.
6. Mojorian, L.A. (1959), Basic rights and obligations of subjects of international law [Osnovnye prava i obyazannosti sub"ektiv mezhdunarodnogo prava] // *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1958*, Ed.: USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 277-295.
7. Mojorian, L.A. (1961), The collapse of the colonial system of imperialism and the United Nations [Raspad kolonial'noi sistemy imperializma i Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii] // *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1960*, Ed.: USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 121-143.
8. Mojorian, L.A. (1962), The collapse of the colonial system of Imperialism and some issues of international law [Raspad kolonial'noi sistemy Imperializma i nekotorye voprosy mezhdunarodnogo prava] // *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1961*, Ed.: USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 36-49.
9. Resolution 1514 (XV) of the UN General Assembly. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples [Rezolyutsiya 1514 (XV) General'noi Assamblei OON. Deklaratsiya o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nykh stranam i narodam], December 14, 1960, available at: <https://docs.un.org/ru/A/RES/1514> (XV).
10. Smirnov, M.G. (2023), The Briand-Kellogg Pact and its international legal significance [Pakt Briana-Kelloga i ego mezhdunarodno-pravovoe znachenie] // *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, Vol. 13, № 3-1. pp. 583-590.
11. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov during the Forum of Supporters of the struggle against modern practices of Neocolonialism – «For the freedom of nations!» [Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova v khode Forum storonnikov bor'by s sovremennymi praktikami neokolonializma – «Za svobodu natsii!»], Moscow, February 16, 2024, available at: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1932745/.
12. Speranskaya, L.V. (1959), The Algerian nation and the question of its legal subjectivity in international law [Alzhirskaya natsiya i vopros o ee pravosub"ektivnosti v mezhdunarodnom prave] // *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*

-
- 1958, Ed.: USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 408-421.
13. The international guardianship system [Mezhdunarodnaya sistema opeki], available at: <https://www.un.org/dppa/decolonization/ru/history/international-trusteeship-system-and-trust-territories>.
14. The UN Charter [Ustav OON], available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
15. The Versailles Peace Treaty = Versailles [Versal'skii mirnyi dogovor = Versal]/ full translation from the French original edited by Yu. V. Klyuchnikov and Andrey Sabanin; with an introductory article by Yu. V. Klyuchnikov and a subject index. Moscow: NKID Publishing House, 1925, XXXI, 198 p. (Itogi Imperialisticheskoi voyny: seriya mirnykh dogovorov).
16. Tunkin, G.I., (1961), Introductory article [Vstupitel'naya stat'ya]// Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1960, Ed.: USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 15-27.
17. Tuzmukhamedov, R.A. (1966), The UN and the elimination of colonialism [OON i likvidatsiya kolonializma] // Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1964-1965, Ed.: AN USSR, Moscow, pp. 48-59.
18. UN General Assembly Resolution 79/115. Implementation of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples: the eradication of colonialism in All Its Forms and Manifestations [Rezolyutsiya 79/115 General'noi Assamblei OON. Osushchestvlenie Deklaratsii o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nykh stranam i narodam: iskorenenie kolonializma vo vseh ego formakh i proyavleniyakh], December 4, 2024, available at: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/115>.
19. Ushakov, N.A. (1966), Subjects of modern international law [Sub"ekty sovremennogo mezhdunarodnogo prava] // Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 1964-1965, Ed.: USSR Academy of Sciences, Moscow, pp. 60-75.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

